

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

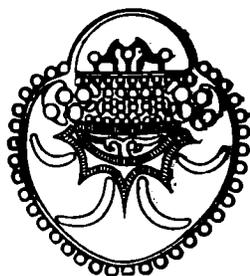
1

1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ВОСЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1964

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, главный редактор,
С. Н. Бибииков, *В. Д. Блаватский*, *А. Я. Брюсов*, *Е. И. Крупнов*,
Б. Б. Пиотровский, *Б. А. Рыбаков*, *А. П. Смирнов*

ответственный секретарь *Р. М. Мунчаев*

Адрес редакции:
Москва, ул. Д. Ульянова, д. 19

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Агеркичева*

Т-01931 Подписано к печати 16/1-1964 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 11¹/₂
Печ. л. 33,2 Уч.-изд. л. 33,6 Тираж 1975 экз. Зак. 2815

2-я типография Издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

К 60-ЛЕТИЮ ЕВГЕНИЯ ИГНАТЬЕВИЧА КРУПНОВА

Имя Евгения Игнатьевича Крупнова широко известно в кругу советских археологов и кавказоведов. Уже более 30 лет он неутомимо трудится над изучением археологии, древней и средневековой истории и культуры народов Кавказа. Его работы внесли большой вклад в развитие советской археологии и кавказоведения, а выдающийся научный труд «Древняя история Северного Кавказа», удостоенный Ленинской премии, вошел в золотой фонд советской исторической науки.

Е. И. Крупнов родился 16 марта 1904 г. в г. Моздоке (ныне Северо-Осетинская АССР) в семье служащего. Здесь, на берегу Терека прошли его детские и юношеские годы. После окончания Моздокской средней школы в 1924 г. Евгений Игнатьевич поступил на этнологическое отделение Северо-Кавказского педагогического института во Владикавказе (ныне г. Орджоникидзе). Будучи еще учащимся школы и студентом, он периодически в течение 1919—1927 гг. работал землекопом, рабочим на нефтепромыслах и т. д.

В 1927 г. Е. И. Крупнов перевелся на исторический факультет Московского университета. Здесь под руководством В. А. Городцова, ставшего его учителем, Евгений Игнатьевич занялся изучением археологии, и в частности археологии Кавказа.

В 1930 г., окончив университет, Е. И. Крупнов начал работать в Государственном историческом музее, сначала в качестве младшего, а затем старшего научного сотрудника. Школу этого музея прошли многие видные советские археологи; прошел ее и Евгений Игнатьевич, проработавший здесь до 1951 г. Е. И. Крупнов принимал участие в перестройке работы и создании новой экспозиции музея, являлся постоянным руководителем кавказских экспедиций ГИМ, был членом Ученого совета музея. Он и сейчас поддерживает тесный научный контакт с коллективом ГИМ.

В 1937 г. Е. И. Крупнов начал работать в Институте истории материальной культуры АН СССР, ныне Институте археологии АН СССР. С тех пор, не считая военных лет, основная деятельность Евгения Игнатьевича протекает в этом Институте.

С 1951 по 1960 г. Е. И. Крупнов являлся заместителем директора Института археологии, а в настоящее время он руководит сектором неолита и бронзы

Деятельность Е. И. Крупнова отличается многогранностью. Он — ученый и общественный деятель, педагог и организатор науки. Вот уже более 30 лет Евгений Игнатьевич неустанно трудится над изучением истории и археологии многонационального Кавказа. За эти годы им открыто и исследовано большое количество разнообразных и разновременных археологических объектов и создано много ценных научных трудов, благодаря которым он выдвинулся в число ведущих советских кавказоведов и археологов. Его перу принадлежит около 140 печатных научных работ.

Уже на студенческой скамье определился интерес Евгения Игнатьевича к древностям Северного Кавказа, в частности к совершенно не изученным в археологическом отношении районам Чечено-Ингушетии. Неудивительно, что первая научная работа Е. И. Крупнова, опубликованная в 1933 г., касалась истории родового строя чеченцев и ингушей. Первоначально Евгений Игнатьевич сконцентрировал свое внимание на изучении истории собственно Ингушетии. Он принимал активное участие в экспедициях бывшего Ингушского научно-исследовательского института, возглавляемых профессором Л. П. Семеновым в конце 20 — начале 30-х годов. В середине 30-х годов и позже экспедиции в Ингушетию возглавил Е. И. Крупнов. Работы этих экспедиций ознаменовались важными научными достижениями. В предгорных и горных районах края был открыт и исследован большой круг различных памятников — средневековых и более древних, в том числе Алхастинское поселение предскифского времени, Нестеровский могильник середины I тысячелетия до н. э. и другие. Эти памятники получили детальное освещение в целой серии работ Е. И. Крупнова. Они легли в основу его монографического исследования «История Ингушетии с древнейших времен до XVIII в.», в котором также обобщен большой этнографический материал и данные фольклора. Эта работа, содержащая глубокий источниковедческий анализ большого археологического материала и серьезные исторические обобщения, была защищена им в 1941 г. в качестве кандидатской диссертации.

Наряду с изучением древностей Ингушетии уже в середине 30-х годов Е. И. Крупнов приступил к исследованию древних памятников Северной Осетии, особенно ее высокогорных районов.

Здесь впервые были открыты им памятники, относящиеся к III—II тысячелетиям до н. э., и таким образом история этого края углубилась на два тысячелетия. Именно с этого времени Е. И. Крупнов начал изучение известной кобанской культуры. Уже тогда им были исследованы прекрасные памятники этой культуры в Северной Осетии, в частности, Кумбултский могильник «Верхняя Рутха», и добыт материал, свидетельствующий о глубоко местных корнях кобанской культуры. Позже этот ценный материал был обобщен в его большой работе «Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода (опыт периодизации памятников энеолита и бронзы)», в которой убедительно доказывается, что расцвет кобанской бронзы был подготовлен всем предшествующим развитием местной культуры. Следует отметить, что Е. И. Крупнов стоит в первом ряду тех ученых, которым принадлежит заслуга в развенчании ошибочного взгляда о пришло-м характере кобанской культуры.

Одновременно Е. И. Крупнов проявляет интерес и к другим областям Кавказа, о чем свидетельствуют опубликованные в разных изданиях его рецензии на работы А. А. Иессена, Б. Б. Пиотровского, Я. И. Гуммеля, посвященные в частности различным памятникам и проблемам археологии Закавказья. Особо следует сказать о работе Е. И. Крупнова «Каякентский могильник — памятник древней Албании», опубликованной в 1940 г. Этот памятник, раскопанный В. Д. Долбежевым в конце XIX в. в Дагестане, не был издан. Евгений Игнатьевич правильно осмыслил его как памятник позднебронзовой культуры Северо-Восточного Кавказа и

наметил связи последней с Восточным Закавказьем. После публикации Е. И. Крупновым Каякентского могильника эта культура справедливо стала называться каякентско-хорочоевской.

Научная деятельность Евгения Игнатьевича была прервана Великой Отечественной войной. В первые же дни войны он уходит в народное ополчение. До окончания войны он служит рядовым в Советской Армии и одновременно является лектором политотдела дивизии.

Демобилизованный из армии в 1945 г., Евгений Игнатьевич с новыми силами и огромной энергией приступает к исследованию археологии Северного Кавказа. Созданная под его руководством Объединенная Северокавказская экспедиция Института археологии АН СССР, ГИМ, местных музеев и научных учреждений развертывает в Дагестане, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Ставропольском крае большие стационарные и разведочные работы. Они привели к открытию целого ряда замечательных памятников, позволивших по-новому осветить много важных вопросов истории народов Северного Кавказа. Евгений Игнатьевич расширяет как ареал, так и хронологический диапазон исследований, концентрируя основное внимание на изучении памятников края I тысячелетия до н. э., характеризующих закат эпохи бронзы и раннежелезный век Северного Кавказа.

Большое внимание уделяет Е. И. Крупнов изучению древней истории и культуры Кабардино-Балкарии. В 1946—1949 гг. он исследует здесь погребения майкопской культуры, комплексы эпохи бронзы, могильники кобанской культуры, средневековые памятники.

Исследованный и изданный им замечательный клад бронзовых вещей VIII в. до н. э., найденный у с. Жемтала, является свидетельством высокого уровня металлообработки, которого достигли племена кобанской культуры. На основании изучения археологических памятников Кабардино-Балкарии Е. И. Крупнов написал много интересных и важных работ, в том числе монографию «Древняя история и культура Кабарды».

Большое значение имело также проведенное Е. И. Крупновым в 1948 г. исследование Таркинского могильника в Дагестане. Здесь были раскопаны комплексы, впервые указавшие на факт проникновения в Дагестан сарматских этно-культурных элементов. Это открытие, связанное с именем Евгения Игнатьевича, положило начало новой странице в историко-археологическом изучении Кавказа.

Не менее значительным результатом работ Е. И. Крупнова является впервые осуществленное им исследование большой группы поселений и городищ скифского времени на Северном Кавказе, особенно в восточном Предкавказье.

Исключительная заслуга Евгения Игнатьевича заключается в изучении Северо-Западного Прикаспия. Эта обширная и ныне полупустынная территория оставалась до недавнего времени белым пятном на археологической карте Юго-Восточной Европы. Благодаря исследованиям Е. И. Крупнова (1946—1948, 1952, 1956 гг.) здесь было открыто большое количество памятников, характеризующих последовательно все этапы развития от эпохи неолита до позднего средневековья. Здесь, в частности, были добыты яркие материалы, свидетельствующие о связях местных племен с носителями ямной, катакомбной, срубной, киммерийской и другими культурами нашего степного Юга. Е. И. Крупнову мы обязаны тем, что он впервые так широко поставил вопрос о тесных взаимосвязях Северного Кавказа с культурами Северного Причерноморья и Поволжья в эпоху бронзы и более позднее время и связал историко-культурное развитие Северного Кавказа с основными областями отечественной истории.

Исследование Северо-Западного Прикаспия позволило Е. И. Крупнову не только воссоздать общую картину развития края с древнейших

времен до позднего средневековья, но и поставить вопрос, имеющий большое народнохозяйственное значение, а именно — вопрос об экономическом возрождении ныне полупустынных районов Северного Прикаспия и превращения их в цветущий очаг сельского хозяйства, садоводства и виноградарства. Значение постановки этого вопроса трудно переоценить.

Огромный интерес представляют результаты осуществленных под руководством Е. И. Крупнова в 1957—1962 гг. больших стационарных раскопок средневековых памятников в Северной Осетии — Змейского катакомбного могильника аланской культуры и Верхне-Джулатского городища, а также первого бытового памятника кобанской культуры — Змейского поселения. Эти памятники получили освещение в большом числе трудов, в том числе в двух специальных сборниках, изданных под редакцией Е. И. Крупнова. На основании изучения этих памятников Е. И. Крупнову удалось впервые поставить в широком аспекте проблему связей Северного Кавказа с древней Русью и отождествить Верхне-Джулатское городище с упоминаемым в древнерусских летописях «славным яским городом Дедяковым».

Чрезвычайно плодотворны исследования Евгения Игнатьевича в Чечено-Ингушетии. Эта территория, считавшаяся до самого последнего времени наименее исследованной областью Кавказа, благодаря работам Е. И. Крупнова стала в настоящее время хорошо известной археологам. Им и его учениками открыты и исследованы здесь памятники от палеолита до позднего средневековья. Среди этих памятников особо следует отметить раскопанные Е. И. Крупновым в течение 1952, 1955—1957 гг. Луговой могильник VI—V вв. до н. э. и Луговое поселение III тысячелетия до н. э. Этот могильник, являющийся в настоящее время самым крупным из исследованных погребальных памятников скифского времени на Северном Кавказе, значительно расширил наши представления о древней культуре местных племен и о ее связях со скифским миром. Важнейшее значение имеет открытие Лугового поселения. Прежде всего — это наиболее древний памятник из исследованных на территории Ингушетии. Его изучение позволило коллективу СКАЭ доказать существование и развитие на этой территории культуры так называемого куро-аракского энеолита и майкопской культуры. В результате исследования этого памятника впервые был освещен вопрос о единстве древнейших культур Закавказья и Северного Кавказа.

Евгению Игнатьевичу принадлежит большая заслуга в организации, начиная с 1957 г., широких археологических исследований на территории собственно Чечни, успешно продолжающихся и ныне. Эти работы дали исключительно важные результаты. Ценный материал получен Е. И. Крупновым раскопками двухслойных поселений (III тысячелетия до н. э. и эпохи поздней бронзы и раннего железа) у с. Сержень-Юрт. В результате мы можем сейчас наконец приступить к созданию сводной истории Чечено-Ингушетии с древнейших времен.

Обширные и разнообразные археологические материалы, добытые Е. И. Крупновым, легли в основу его многочисленных трудов и послужили основанием для широких научных обобщений. Среди этих трудов особое место принадлежит капитальному исследованию «Древняя история Северного Кавказа», изданному в 1960 г. и тогда же защищенному им в качестве докторской диссертации. Это исследование — плод более чем 20-летней работы автора. Еще до создания этого труда Е. И. Крупновым было опубликовано большое количество статей и несколько монографических исследований, посвященных разработке некоторых общих проблем и отдельных вопросов археологии и древней истории народов Северного Кавказа. Это — работы о происхождении и хронологии кобанской культуры, об этногенезе народов Северного Кавказа, о времени и путях передвижения скифов через Кавказ в Переднюю и Малую Азию,

о международных связях древних племен Северного Кавказа, о распространении киммерийской культуры в Предкавказье, о локализации культур позднебронзового и раннежелезного века Северного Кавказа и многие другие.

Выход в свет «Древней истории Северного Кавказа» Е. И. Крупнова — большое событие в развитии советского кавказоведения. В этом фундаментальном труде впервые глубоко и всесторонне прослежено культурно-историческое и социально-экономическое развитие народов Северного Кавказа в конце II—I тысячелетий до н. э. как часть общей истории Кавказа и всей Юго-Восточной Европы. Исключительная заслуга Е. И. Крупнова в том, что он создал историческую картину развития народов Северного Кавказа на протяжении целого тысячелетия на широком фоне культурно-исторического развития древнего населения окружающего мира. Е. И. Крупнов дал всеобъемлющую характеристику кобанской культуры. Он убедительно доказал, что рассмотренный им период имеет особое значение для выяснения этногенеза народов Северного Кавказа, так как в недрах местной культуры этого времени начинают прослеживаться глубочайшие истоки культуры современных народов края. Е. И. Крупнов разработал ряд важнейших вопросов, касающихся древней истории и археологии Кавказа в целом, киммерийско-скифской проблемы и т. д. Кстати, в историографии пока нет, пожалуй, другой работы, в которой так глубоко и в таком объеме была бы разработана скифская проблема применительно к Кавказу, как это сделано в данном труде Е. И. Крупнова. Уже одним этим обстоятельством значение книги Е. И. Крупнова выходит далеко за пределы Кавказа. Работа Е. И. Крупнова несомненно станет настольной книгой для всех, кто занимается древней историей нашей Родины. Поэтому вполне закономерно, что этот выдающийся труд удостоен в 1963 г. Ленинской премии. Еще раньше за успехи в научно-исследовательской деятельности Е. И. Крупнов был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Научные интересы Е. И. Крупнова широки. В настоящее время его внимание привлечено к разработке одной из важнейших задач кавказоведения — проблемы происхождения коренных народов Кавказа, носителей так называемых кавказских языков, резко отличных от всех языков мира.

Евгений Игнатьевич вкладывает много труда и энергии в организацию научной деятельности и воспитания молодых кадров. Он вырастил большую группу учеников, которые успешно трудятся сейчас над изучением археологии Кавказа как в Москве, так и в научных учреждениях Северного Кавказа и Закавказья. Добытый раскопками большой и разновременный археологический материал Е. И. Крупнов всегда щедро и бескорыстно предоставлял в распоряжение своих учеников и всех, кто им интересуется. На основании его материалов другими авторами были написаны не только статьи, но и диссертации.

Е. И. Крупнов является членом КПСС с 1952 г. Как истинный коммунист, всегда требовательный к себе, он ведет постоянно большую общественную работу. Его деятельность как депутата Кировского Райсовета г. Москвы, члена партбюро Института и члена ВАКа, его многочисленные лекции в различных аудиториях и городах об истории края, результатах раскопок каждого сезона, о своих интересных поездках в Ливан, Сирию, Турцию и т. д. неизменно получали высокую оценку.

Сейчас Евгений Игнатьевич находится в самом расцвете творческих сил. Все друзья, ученики и коллеги Евгения Игнатьевича горячо поздравляют его с 60-летием и желают ему крепкого здоровья и новых больших успехов.

Р. М. Мунчаев

К 60-ЛЕТИЮ ЕЛЕНА ИВАНОВНА ЛЕВИ

21 мая 1963 г. Елене Ивановне Леви исполнилось 60 лет. Е. И. Леви встретила свой юбилей в расцвете творческих сил. Она имеет право с удовлетворением оглянуться на свою прошлую деятельность и уверенно направить свои шаги вперед к новым достижениям и успехам.

Научная биография Е. И. Леви определяется двумя основными факторами: направлением ее научных интересов, наметившимся еще в начальный период ее деятельности и оказавшимся впоследствии весьма стабильным; а также тем обстоятельством, что вся ее трудовая жизнь неразрывно связана с жизнью одного учреждения, его целями и задачами.

Родилась Е. И. Леви в Петрозаводске, там же училась в средней школе.

Вскоре после окончания в 1924 г. факультета общественных наук Ленинградского университета Е. И. Леви поступила в Государственную Академию истории материальной культуры. В Академии, преобразованной впоследствии в Институт археологии Академии наук СССР, Елена Ивановна и проработала непрерывно почти 40 лет.

Разрядом Греции и Рима, где начала свою работу Е. И. Леви, руководил в то время выдающийся советский археолог-

классик, большой знаток античного искусства Б. В. Фармаковский. Он оказал большое влияние на формирование начинающего молодого ученого, сумел передать ему строгий метод научного анализа источников как письменных, так и вещественных, а также приемы и навыки полевых исследований.

Е. И. Леви унаследовала энтузиазм, с которым Б. В. Фармаковский всегда относился к своему делу, а также особое пристрастие к одному из выдающихся памятников древности на территории Советского Союза — городу Ольвии, для исследования которого им было сделано очень много. Ольвия стала главным объектом изучения также для Е. И. Леви на всем протяжении ее деятельности.

С первых же лет своего пребывания в Институте Е. И. Леви принимала участие в его археологических экспедициях. Полевую работу она вела иногда и на территории Боспорского царства, но гораздо чаще ее можно было встретить на берегу Днепровского лимана, в Ольвии. Участвуя в исследовании различных кварталов города, она вскоре приобрела право считаться знатоком этого обширного и сложного археологического комплекса, всестороннее изучение которого является одной из главных задач советских археологов-классиков. Характерным для облика Елены Ивановны как советского ученого было и ее постоянное стремление делиться своими знаниями с молодежью, работавшими в экспедиции студентами и аспирантами. К этому же времени относится опубликование первых научных работ Е. И. Леви, ее важной для выявления торговых связей Ольвии статьи «Греческая привозная керамика из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг.» (Сб. «Ольвия», 1, Киев, 1940) и «Терракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии» (СА, вып. VII, 1940). Тогда же была в основных чертах составлена вместе с А. Н. Карасевым и статья «Дома античных городов Северного Причерноморья», опубликованная в 1955 г. в сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955.

Работа над ольвийскими материалами неотделима от приобщения к широким проблемам, связанным с историей Ольвии и Северного Причерноморья античной эпохи в целом. В связи с этим Е. И. Леви в конце 30-х годов пришла к выводу о необходимости привлечения в круг своих работ припонтийских областей, исторические судьбы которых нередко тесно переплетались с судьбами Северного Причерноморья. Темой для своей кандидатской диссертации она избрала Гераклею Понтийскую, метрополию Херсонеса Таврического, город, расположенный на южном берегу Черного моря, история которого была лишь слабо освещена в современной научной литературе. Работа была успешно защищена в качестве кандидатской диссертации в начале 1946 года. К сожалению, она осталась неопубликованной, за исключением одной главы («К вопросу о датировке Херсонесской присяги». СА, вып. IX, 1947).

В послевоенные годы научная деятельность Е. И. Леви целиком посвящена изучению Ольвии. Е. И. Леви — ученый с большим опытом полевых исследований и богатым, непрерывно растущим запасом знаний, которые она умело использует как для тонкого анализа отдельных памятников, так и для широких исторических построений. В послевоенные годы исследование Ольвии, производимое под общим руководством Украинской Академии наук, развернулось широко. Ленинградский отряд Ольвийской экспедиции, возглавляемый с 1956 года Е. И. Леви, принял в этих работах активное участие, и его деятельность увенчалась крупными успехами. Среди них следует назвать частичное раскрытие центральной площади города, его агоры, где протекала общественная и торговая жизнь Ольвии и где находились ее главные общественные здания, в том числе и знаменитые в древности храмы, до сего времени известные нам только по кратким упоминаниям древних писателей. Здесь же на агоре найдены были и чрезвычайно ценные по своему значению отдельные памятники, в том числе ряд интересных надписей и прекрасные образцы греческой расписной керамики.

Е. И. Леви и ее помощники аккуратно публикуют отчеты о работах экспедиции, а также статьи, посвященные отдельным выдающимся вновь найденным в Ольвии памятникам; сдан в печать также сборник «Труды Ольвийской экспедиции», том I. Еще рано подводить итоги работ Ольвийского отряда, возглавляемого Е. И. Леви; его труды далеки от завершения, и впереди, несомненно, еще много новых открытий.

Сотрудники Института желают Елене Ивановне Леви, заслуженному исследователю Ольвии, прекрасному товарищу и скромному человеку, сил и здоровья для продолжения на многие годы ее плодотворной научной деятельности.

М. И. Максимова

К 60-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВИЧА ДУБЫНИНА

Крупный специалист в области финно-угорской и русской археологии Александр Федорович Дубынин, член КПСС с 1940 г., родился в с. Веркуцк Рязанской области 29 июня 1903 г. После окончания этнологического факультета Московского университета в 1926 г. и завершения

курса аспирантуры при Отделении археологии и искусствознания РАНИОН в 1930 г. он в продолжение многих лет работал в Ивановском педагогическом институте, читая лекции по истории СССР, основам археологии и музееведению. В те годы под его руководством в Ивановской и Владимирской областях работали студенческие экспедиции по изучению памятников материальной культуры, собравшие большой и весьма ценный материал по истории края.

Широки исследовательские интересы А. Ф. Дубынина. Он исследовал фатьяновские могильники Ивановской области, поселения бронзовой эпохи, раскапывал городища раннего железного века, уделяя все же основное внимание средневековым памятникам. Его работы по изучению муромских и

русских памятников представляют большой вклад в науку. В числе этих работ большого внимания заслуживают раскопки города Суздаля, где систематические исследования в течение ряда лет обогатили наши знания по истории культуры средневекового русского города. Им были изучены укрепления, жилища ремесленников и торговцев. Он изучал кремль и торговую часть города. Эти раскопки дали интересный материал для характеристики ремесла, социальных отношений и культурных связей.

Почти одновременно он производит раскопки одного из богатых муромских могильников — Малышевского, который по своей научной значимости может быть приравнен к Подболотьевскому, изученному в свое время В. А. Городцовым. А. Ф. Дубынин провел раскопки на высоком методическом уровне, что позволило изучить социальные отношения летописной муромы и ее культуры, воссоздать костюм и головной убор молодой девушки и замужней женщины. Систематизированные материалы дали возможность проследить эволюцию женского костюма от VI до XI века. Его хорошо обоснованная хронологическая шкала стала эталоном при датировке финно-угорских древностей, а самый памятник лег в основу его кандидатской диссертации, в которой раскрыты не только история муромы и ее культура на протяжении более пятисот лет, но и прослежены муромские элементы, сохранившиеся в костюме современного русского населения Владимирской области. Нельзя не отметить его ценных наблюдений, касающихся хозяйства летописной муромы накануне русской колонизации. Решение проблемы этногенеза населения Волго-Окского междуречья в настоящее время немыслимо без использования этого первоклассного памятника.

С 1953 г. Александр Федорович переходит на работу в Институт археологии Академии наук, где он возглавляет Московскую экспедицию, систематически работавшую в Зарядье, старейшем районе Москвы. Эти работы обогатили наши знания по истории культуры русского города, в частности по раннему периоду столицы Советского государства.

Большую ценность представляют труды А. Ф. Дубынина по проблеме дьяковской культуры. Под его руководством был раскопан ряд городищ в Московской области, из числа которых особого внимания заслуживает Троицкое городище в Можайском районе, почти полностью раскопанное экспедицией. До этих раскопок наука не располагала столь полным материалом, который позволил бы проследить историю культуры этих племен в течение более пятисот лет. Богатый материал, полученный раскопками, дал возможность проследить эволюцию отдельных категорий предметов и изучить развитие хозяйства, проследить культурные связи не только с ближайшими соседями, но и с далекими областями. В частности, например, ярко выявлены связи с Прибалтикой и Приуральем. Пожалуй, впервые установлены этнические связи с более западными областями. Исследователь отмечает смешение окских, приднепровских и прибалтийских элементов, что дает ему основание выделить Троицкое городище в особую группу западных городищ, близкую городищам Смоленщины.

Только теперь, после работ А. Ф. Дубынина дьяковская культура, многие десятилетия привлекавшая внимание археологов, предстала перед нами во всем многообразии и приобретает особое значение в изучении истории народов СССР.

Отмечая 60-летие Александра Федоровича, коллектив Института археологии желает ему долгих лет жизни и новых творческих успехов.

А. П. Смирнов

В. М. МАССОН

ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Исследования советских археологов не только по-новому раскрыли древнюю культуру Бактрии, Согда, Парфии и Хорезма III в. до н. э.— III в. н. э. с их городской цивилизацией, развитой письменностью, денежным обращением и товарным хозяйством, но и позволяют подойти к изучению генезиса всех этих явлений, начиная с первых ступеней эволюции экономики производящего типа. Сейчас совершенно ясно, что многие из этих черт восходят к поре развития классового общества в оседлых оазисах Средней Азии в период их вхождения в состав ахеменидской державы. Более того, открытие в южных областях Средней Азии крупных укрепленных центров и развитых ирригационных систем IX—VII вв. до н. э. позволяет относить сам процесс становления раннеклассового общества к еще более глубокой древности. Это находит определенное подтверждение в данных Авесты, которые свидетельствуют о существовании крупного политического объединения¹, перекликаясь в известной мере с легендами о доахеменидской Бактрии.

В ходе изучения древнейшего прошлого Средней Азии определяется также характер и направление древних культурных связей, а также место Средней Азии в исторических процессах, протекавших на территории Старого Света. При этом со всей определенностью выступают два основных культурных компонента, с которыми была связана древняя история страны: ирано-месопотамский и казахстано-сибирский. Значительное тяготение к переднеазиатскому культурному кругу определяется уже в пору палеолита. Довольно широко представленные в Средней Азии мустьерские комплексы ближе всего стоят к мустье Ирака (Хазар, Мерд, Шанидар Д) и Ирана (Бисутун) с его широким использованием отщепов для изготовления орудий. Эти переднеазиатские черты были отмечены А. П. Окладниковым еще на материалах Тешик-Таша². Именно эти связи являются ведущими и наиболее характерными для средне-

¹ Традиционная схема общества Авесты: домашняя община — род — племя — страна (область). В Михр Яште вместе с тем упоминается пятый элемент, стоящий после страны — даһуц. Правитель его именуется «дахьюпатом всех дахью». Наряду с ним существовал совет первейших, т. е., видимо, Совет старейшин, ограничивающий власть этого правителя (см. I. Gershevitch. *The Avestan Hymn to Mithra*. Cambridge, 1959, стр. 83, 295, 298—299). Подобным объединением владений — дахью нескольких мелких князьков могла быть и доахеменидская Бактрия.

² А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан. Тешик-Таш. М., 1949, стр. 81. См. также: В. А. Р а н о в. О стратиграфическом положении палеолита Средней Азии. В кн.: «Новейший этап геологического развития территории Таджикистана». Душанбе, 1962, стр. 36.

азиатского мустье³. Еще в большей мере это относится к мезолиту Средней Азии, известному по прикаспийской культуре⁴ и по ряду памятников в Таджикистане⁵. Для всех них характерно широкое распространение геометрических микролитов, эволюция которых, во всяком случае в Прикаспии и Северном Ираке (Палегавра, Шанидар В, Карим-Шахир), протекала сходными путями.

Мезолитические культуры Передней Азии были той средой, в которой происходило становление хозяйства нового типа, основанного на земледелии и скотоводстве. Натуфийская культура Палестины и Сирии⁶ (IX—VIII тысячелетия до н. э.) и комплекс Карим-Шахир (IX—VIII тысячелетия до н. э.) в Северном Ираке рисуют картину постепенного роста роли собирательства дикорастущих злаков и приручения домашних животных (коза в Зеви-Чеми-Шанидар в Ираке, возможно мелкий рогатый скот в позднем Натуфе). В результате в VII—V тысячелетиях до н. э. происходит сложение ряда раннеземледельческих культур, причем, насколько можно судить по имеющимся данным, процесс их образования имел полицентрический характер в пределах ближневосточной ойкумены⁷. Выделение земледельческо-скотоводческих племен из общей массы охотников, рыболовов и собирателей было в конкретных условиях Ближнего Востока проявлением первого крупного общественного разделения труда. С их выделением увеличивается неравномерность исторического развития, и теперь мы наблюдаем в Азии две зоны — зону оседлых общин с производящей экономикой и быстро развивающейся культурой и обширную зону неолитических племен, не вышедших за рамки присвояющего хозяйства. Существование и взаимодействия этих двух зон определяли во многом специфику исторического процесса этого периода (рис. 1).

Граница между двумя этими зонами проходила по территории Средней Азии. На юго-западе здесь складывается раннеземледельческая джейтунская культура, являющаяся одним из конкретных проявлений того процесса перехода к новым формам хозяйства, который охватил почти весь Ближний Восток. Появлению древнейшей оседлоземледельческой культуры в предгорьях Копет-Дага способствовал ряд факторов: наличие в Копет-Даге большого числа разновидностей дикорастущих злаков и исходных форм домашних животных, благоприятные экологические условия для примитивных форм поливного земледелия, тесные контакты с высокоразвитыми для своего времени культурами Ирака и Ирана⁸. Есть основания считать, что еще в пору мезолита на юго-западе Средней Азии складываются соответствующие предпосылки (сообщение К. Куна об одомашнивании козы в Гари-Камарбанде в VII тысячелетии до н. э.).

Носителям джейтунской культуры уже была известна глинобитная архитектура и плоскодонная керамика, они возделывали пшеницу и ячмень, разводили домашних коз, хотя основной процент мясной пищи еще доставляла охота. На базе джейтунской культуры происходит постепенная эволюция оседлоземледельческих общин юго-запада Средней

³ В зоне контакта с Северной Индией отмечается также известное влияние Соанского культурного круга (В. А. Р а н о в. Археологические исследования на возвышенности Кара-Бура в 1959 г. Тр. ИИ АН ТаджССР, XXXI, 1961, стр. 28).

⁴ Памятники Балхан и Краснодарского полуострова (Джебел, Дам-Дам-Чешме, Кайлю) и пещеры Астрабада (Хоту, Гари-Камарбанд).

⁵ А. П. О к л а д н и к о в. Исследование памятников каменного века Таджикистана. МИА, 66, 1958, стр. 42—58, 70.

⁶ Кремень натуфийского типа известен также в дельте Нила (Хелван), а недавно открыт на юге Малой Азии (Белдиби).

⁷ V. M a s s o n. The Neolithic Farmers of Central Asia. VI International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Report and Communications by Archaeologists of the USSR. Moscow, 1962.

⁸ Недавно в районе Керманшаха были открыты памятники типа североиракских комплексов Карим-Шахир и Джармо.

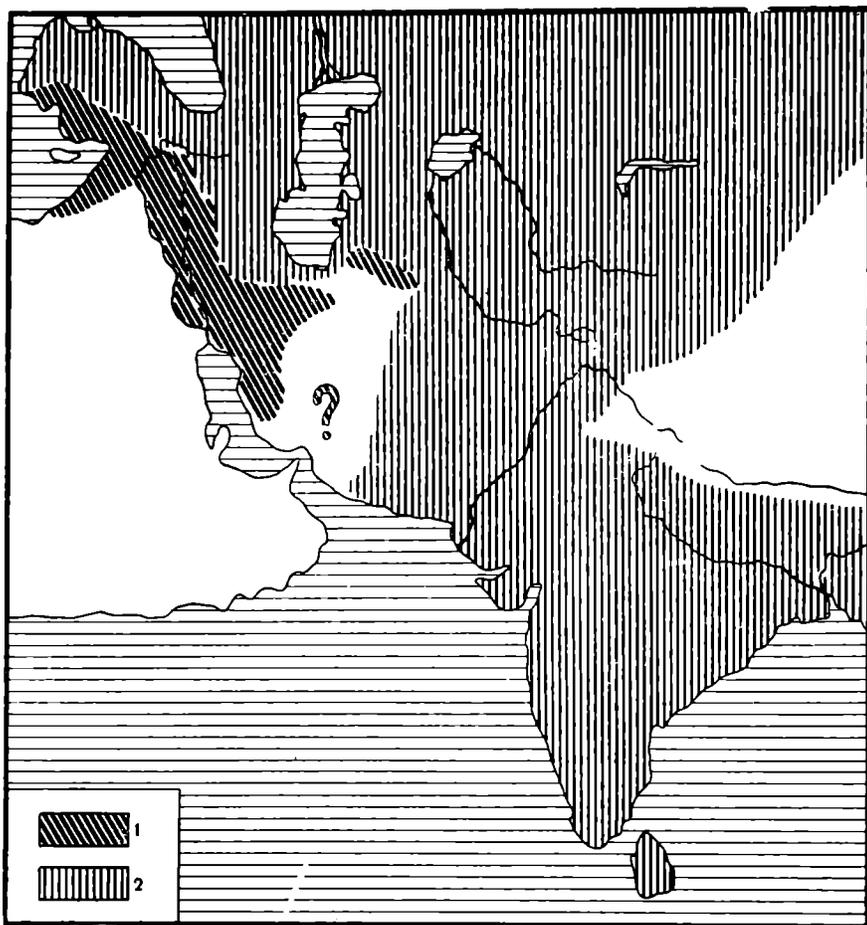

Рис. 1. Юго-Западная Азия в VII—V тысячелетиях до н. э.

1 — оседло-земледельческая культура; 2 — охотники, рыболовы, собиратели

Азии в IV—III тысячелетиях до н. э. Здесь появляются медные орудия, приручаются овцы, свиньи и крупный домашний скот, экономическое значение охоты резко падает (комплексы времени Намазга I—II). Новые формы хозяйства послужили стимулом к быстрому росту населения и общему культурному прогрессу: происходит расселение общин, а богато орнаментированная расписная керамика, мелкая терракотовая скульптура и родовые святилища со стенной росписью свидетельствуют о высоком уровне культурного развития.

Энеолитические общины юго-западной Средней Азии образовывали один из центров обширного раннеземледельческого пояса, протянувшегося от Балкан до Инда. Отличаясь рядом глубоко своеобразных черт, особенно заметно проявляющихся в формах и орнаментации посуды и в широком распространении мелкой скульптуры, эти общины вместе с тем находились в тесной связи с земледельческими племенами Ирана и, в опосредствованной форме, с культурами Месопотамии. В ходе культурно-хозяйственных контактов (о развитии в IV—III тысячелетиях до н. э. обмена свидетельствует широкое распространение в памятниках этого времени лазурита) и в результате переселений отдельных племенных групп ирано-месопотамские влияния сказываются в том или ином виде на культуре земледельцев юго-западной Средней Азии. Уже для наиболее раннего энеолитического комплекса Анау 1А как будто можно отметить следы иранских воздействий со стороны комплекса Сиалк I⁹.

⁹ В. М. Массон. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, Х. Ашхабад, 1961, стр. 68; И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. Там же, стр. 169.

В IV тысячелетии до н. э. на территории Ближнего Востока широко распространяются памятники типа убейдской (шумерской или протошумерской) культуры, родиной которой было южное Двуречье. Отдаленные убейдские влияния как будто отмечаются в керамике и в распространении круглых домов наиболее восточной группы анауских памятников¹⁰. Вместе с тем изображения козлов на керамике типа Намазга II и ряд геометрических мотивов находят довольно близкие параллели в расписной посуде Элама¹¹. Механизм этих влияний и контактов пока слабо изучен. Но для следующего периода — конца IV — первой половины III тысячелетия до н. э. — можно вполне определенно говорить о переселении на юго-запад Средней Азии племенных групп из центрального Ирана. Пришельцы были довольно быстро ассимилированы местным населением, но их передвижение сказалось и на орнаментации расписной керамики, и на терракоте, и в ряде других областей¹². Всюду здесь появляются черты, указывающие на прямое воздействие ирано-месопотамских культур, органически сливающихся с местной основой. В этом отношении особенно интересны женские статуэтки. В их иконографии ярко проявляется влияние убейдских традиций, но сами фигурки изображены не стоящими, как в Убейде, а сидящими, как и в более ранних слоях среднеазиатских поселений. Такое обилие и разнообразие ирано-месопотамских контактов не удивительно, поскольку юго-запад Средней Азии, Иран и Месопотамия долгое время входили в одну культурно-хозяйственную зону (рис. 2). Большая же часть Средней Азии, в том числе все среднеазиатское междуречье, входила в IV—III тысячелетиях до н. э. в другую зону, тяготея к сибиро-казахстанскому культурному кругу.

В Прикаспии верхние слои джебельского прота и некоторые другие памятники характеризуют неолитическую культуру IV—III тысячелетий до н. э., вырастающую на основе прикаспийского мезолита. Ее хозяйственной основой были, как и в пору мезолита, охота и собирательство; возможно, что была известна и домашняя коза¹³.

Значительная территория Средней Азии была занята устойчивой культурной общностью, получившей наименование кельтеминарской культуры. Ее памятники, впервые открытые С. П. Толстовым в 1939 г. в Хорезме, в настоящее время известны также на Узбое, в Кызыл-Кумах и Западном Казахстане, а также в низовьях Зеравшана. Наконечники стрел кельтеминарского типа встречены также в верхних слоях Джебела, но джебельская керамика отлична от посуды Кельтеминара. Для кельтеминарской культуры характерны охота и рыболовство, кремневый микролитовидный инвентарь, круглодонная (на ранних этапах) слабо обожженная керамика и полуземлянки в качестве жилища¹⁴. Культурно-исторические связи Кельтеминара уходят на север, где кельтеминарские племена можно проследить в материалах Приуралья и Нижнего Приобья¹⁵. Так устанавливаются тесные связи с миром неолитическим.

¹⁰ В. М. Массон. Восточные параллели убейдской культуры. КСИА АН СССР, 91, М., 1962.

¹¹ В. М. Массон. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. II. М.—Л., 1962, стр. 21, табл. XX.

¹² В. М. Массон. Средняя Азия и Иран в III тысячелетии до н. э. КСИА, 93, 1963; В. И. Сараниди. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, 1960, 3, стр. 149—150; И. Н. Хлопин. Изображение коровы на сосуде из Карадепе. КСИИМК, 69, 1957.

¹³ В. И. Цалкин. Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела. ТЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, стр. 221.

¹⁴ По убедительной реконструкции М. П. Грязнова, доложенной им на заседании Отдела Востока Гос. Эрмитажа 21 марта 1963 г.

¹⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 63—65; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1953; Л. Я. Крижевская. Стоянка Чебаркуль II эпохи неолита и раннего металла. Сб.: «Вопросы археологии Урала», вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 31.

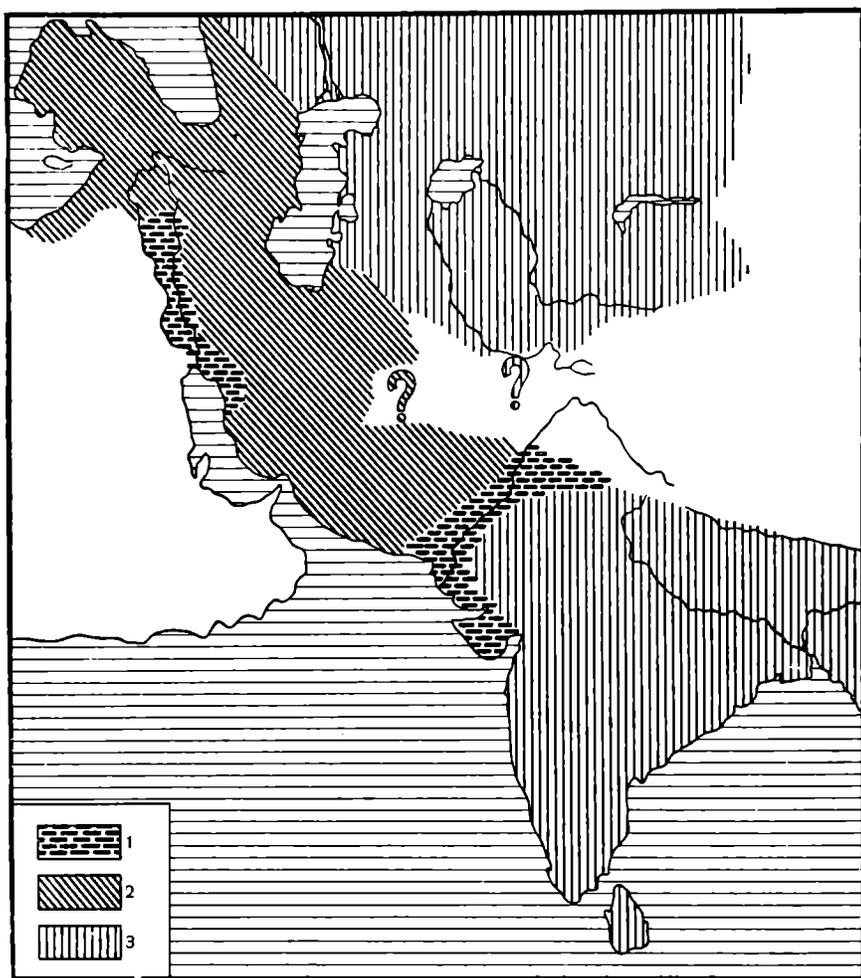

Рис. 2. Юго-Западная Азия в IV—III тысячелетиях до н. э.
 1 — городская цивилизация; 2 — оседлоземледельческая культура;
 3 — охотники, рыболовы, собиратели

тических племен охотников, рыболовов, охватывавшим большую часть Азиатского материка, южную границу которого образовывали кельтеминарцы Средней Азии.

Вместе с тем это южное положение на границе с зоной оседлых земледельческо-скотоводческих культур определяло специфику среднеазиатского кельтеминара. Жители неолитических стоянок испытывали постоянное воздействие высокоразвитой культуры своих соседей и, возможно, частично были затронуты передвижениями племен земледельческой зоны¹⁶. Резной и нацарапанный орнамент раннекельтеминарской посуды, так же как и некоторые ее формы, обнаруживают несомненное влияние расписной керамики юга¹⁷. На одной из кельтеминарских стоянок были даже найдены сосуды со сливами различных видов, находящие прямые аналогии в земледельческой культуре северо-восточного Ирана (Шах-Тепе)¹⁸. Обломки привозных сосудов шах-тепинского

¹⁶ См. гипотезу о проникновении в Хорезм в IV—III тысячелетиях до н. э. с юга антропологического типа, имеющего связи с дравидоидами (Т. А. Трофимова. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии. МХЭ, вып. 2, М., 1959, стр. 5; С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 46). К сожалению, антропологические материалы с кельтеминарских памятников пока неизвестны.

¹⁷ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, 1957, 1, стр. 34—42; В. М. Массон. Южно-Туркменистанский центр раннеземледельческих культур. ТЮТАКЭ, X, стр. 30 и рис. 13 на стр. 33.

¹⁸ А. В. Виноградов. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР, 1957 г. МХЭ, вып. 4, М., 1960, стр. 70—71; С. П. Толстов. По древним

типа были встречены уже в Джебеле, а их появление в Хорезме ясно указывает на Узбой как на традиционный путь взаимосвязей неолитических племен Севера.

Вполне естественно считать, что именно эти южные связи и влияния в значительной степени благоприятствовали переходу северных племен к новым формам хозяйства. Уже в позднем кельтеминаре известны изделия из меди и, возможно, в зачаточных формах скотоводство. Интересно также наличие у кельтеминарцев Зеравшана кремневых вкладышей серпов, число которых по сравнению с основной массой орудий хотя и невелико, но само их появление весьма знаменательно. Имеются здесь и зернотерки¹⁹.

Может возникнуть вопрос, не является ли такое рассмотрение двух основных направлений развития культуры (иранско-месопотамского и казахстано-сибирского) искусственно ограниченным, не учитывающим наличия рядом со Средней Азией таких древних центров, как Афганистан и Индия, с одной стороны, и Китай — с другой?

Афганистан и северо-запад Индии, включая, главным образом, современный Пакистан, входили вместе с оседлыми общинами юга Средней Азии в зону земледельческо-скотоводческих племен, изготовлявших расписную керамику. Как свидетельствуют имеющиеся данные, переход к новым формам хозяйства в этих областях произошел позднее, чем в Месопотамии, Иране и на юго-западе Средней Азии. Наиболее раннее и весьма архаическое оседлоземледельческое поселение Белуджистана (Кили I) относится по данным радиоуглеродного анализа к середине IV тысячелетия до н. э. (3350 ± 200)²⁰, а большинство раннеземледельческих культур восходит к концу IV — началу III тысячелетия до н. э. Вполне вероятно, что переход к производящей экономике в Афганистане и северо-западной Индии был стимулирован расселением племен со стороны иранского плато²¹, где этот переход совершился много раньше. Так, в самом нижнем слое поселения Мундигак (конец IV тысячелетия до н. э.) в южном Афганистане мы видим вполне сложившийся энеолитический комплекс, в том числе и расписную керамику, сделанную на гончарном круге и находящую себе прямые аналогии в Сиалке²². В III тысячелетии до н. э. культурные влияния в мире земледельческих общин шли из областей северного Ирана и южной Средней Азии в сторону Афганистана и Индии²³, а отнюдь не в обратном направлении²⁴.

Как и для Средней Азии, для Индии в IV—III тысячелетиях до н. э. характерно сосуществование оседлоземледельческих общин и рыболовческо-охотничьих племен с архаическими формами культуры. Последние

дельтам..., стр. 32. Для энеолита юго-запада Средней Азии подобные сосуды, особенно с желобчатыми сливами, малохарактерны. В Шах-Тепе сосуды аналогичной формы, наоборот, весьма распространены, особенно на позднем этапе — Шах-Тепе IIa, что приблизительно соответствует второй половине III — началу II тысячелетия до н. э.

¹⁹ У. Исламов. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана. Автореферат, Л., 1963, стр. 13—14.

²⁰ W. A. Fairervis. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan. New York, 1956, стр. 356.

²¹ В. М. Массон. Рец.: W. A. Fairervis. Excavations in the Quetta Valley. СА, 1960, 3, стр. 352.

²² J. M. Casali. Fouilles de Mundigak. Paris, 1961, I, стр. 118.

²³ Об иранских влияниях писали С. Пиггот, Г. Чайлд и Д. Мак Каун. Работами автора и В. И. Сариниди выявлены и среднеазиатские компоненты в северобелуджистанской культуре.

²⁴ Ж. М. Касаль ошибочно полагает, что на юге Средней Азии, начиная с конца периода Намазга II, происходит адаптация стиля Кветты. Судя по относительной и абсолютной хронологии, это время предшествует появлению в Белуджистане расписной посуды типа Кветта; отсутствует там и ведущий мотив среднеазиатской керамики — крест из ромба и четырех треугольников. Очевидно, первоначально имело место влияние со стороны Ирана на Кветту и среднеазиатские комплексы, а затем последние оказали вторичное воздействие на юг Афганистана и север Белуджистана, что признает и сам Ж. М. Касаль.

занимали большую часть материковой Индии и в настоящее время лучше всего известны по памятникам Гуджарата²⁵. Для этих памятников характерна микролитическая кремневая индустрия с широким распространением орудий геометрических форм: сегментов, трапеций и треугольников. Единичными находками представлены черепки глиняных сосудов плохого обжига, свидетельствующие о слабом распространении керамики. В свое время С. П. Толстов отметил, что кельтеминар входит в широкий круг весьма архаических культур, охватывающих и территорию Индии²⁶. Это заключение справедливо в том смысле, что кельтеминар Средней Азии, как и неолит Индии, представлен охотническо-рыболовческими племенами, примыкающими к зоне оседлых земледельцев и скотоводов. Однако вряд ли можно говорить о прямом культурном контакте кельтеминарцев Хорезма и обитателей Гуджаратских стоянок. Они были отделены друг от друга широкой зоной, занятой энеолитическими культурами расписной керамики. Наличие в западном Таджикистане гиссарской культуры, резко отличной от кельтеминара, исключает возможность косвенного контакта через Памир-Гиндукуш. Нельзя не отметить и значительное различие между кремневыми индустриями кельтеминара и материковой Индии, на что справедливо указывал еще А. В. Виноградов. В свое время много писалось о связях между расписной керамикой Анау и Яншао; высказывались и предположения о появлении культуры расписной керамики Китая в результате западных воздействий²⁷. Однако уже С. В. Киселев показал, что все западные параллели Яншао носят случайный характер²⁸. Еще больше чем с Анау по стилю росписи и формам сосудов можно провести параллелей между Яншао и Трипольем; тем не менее реальная связь между ними исключена. Следует считать, что перед нами совпадения, связанные со сходными путями развития орнаментации, а не с древними контактами. Справедливость этого положения подкрепляется тем обстоятельством, что в настоящее время довольно отчетливо вырисовываются и границы распространения раннеземледельческих культур. В Средней Азии племена, изготовлявшие в V—III тысячелетиях до н. э. расписную керамику, остановились в своем распространении у южной кромки кара-кумских песков и таким образом были отделены от основных центров Яншао областью в несколько тысяч километров, занятой в основном неолитическими рыболовами и охотниками²⁹.

Проблема происхождения культуры Яншао в настоящее время недостаточно выяснена, прежде всего в силу малой изученности памятников дояншаоского времени, однако при общем сопоставлении комплексов Яншао и раннеземледельческих культур ближневосточного круга обращает на себя внимание их весьма существенное различие. Опираясь на хронологические расчеты исторической традиции, основной комплекс Яншао можно относить к III тысячелетию до н. э.³⁰. Учитывая мощность культурных слоев в 5—6 м, можно ожидать, что Яншао в какой-то мере заходит и в IV тысячелетие до н. э. В IV—III тысячелетиях до н. э. раннеземледельческие культуры Ближнего Востока, в том числе и общины Средней Азии, широко используют медь, а с начала III тысячелетия до

²⁵ В. Subbaga o. *Personality of India*. Varoda, 1958, стр. 71—77.

²⁶ С. П. Толстов. *Древний Хорезм*, стр. 65.

²⁷ R. J. Vraidwood. *Near East and Foundations for Civilization*. Oregon, 1952, стр. 22, рис. 11, карта.

²⁸ С. В. Киселев. *Неолит и бронзовый век Китая*. СА, 1960, 4, стр. 246.

²⁹ Отдельные аналогии в расписной керамике Восточного Туркестана, приводимые С. В. Киселевым в статье «Неолит и бронзовый век Китая», относятся к концу II—началу I тысячелетия до н. э., когда в Фергане складывается чувская культура, в какой-то мере связанная с китайскими комплексами. См. об этом: В. М. Массон. *Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии*. СА, 1957, 4, стр. 53; Ю. А. Заднепровский. *Древнеземледельческая культура Ферганы*. МИА, 118, 1962.

³⁰ Фань-Вэнь-Лань. *Древняя история Китая*, М., 1958, стр. 22—38.

н. э. в Шумере и Эламе входит в погребение бронза. Между тем совершенно ясно, что на основных стадиях развития Яншао металл не был известен и перед нами еще неолитическая культура. Повсеместно в Месопотамии, Иране, Средней Азии и северо-западной Индии ранние земледельцы в IV—III тысячелетиях до н. э. строят дома из сырцового кирпича. На поселениях Яншао встречаются только каркасные хижины, круглые или прямоугольные в плане, с полом и стенами, обмазанными глиной. Эти строения ближе всего напоминают дом центральноиндийского энеолита II тысячелетия до н. э., что, возможно, объясняется характером природных условий (влажный климат, муссоны) в тропической Индии и восточном Китае. Земледельческие племена Ближнего Востока уже в VI—V тысячелетиях до н. э. возделывали ячмень и пшеницу, остававшиеся на долгие годы основной земледельческой культурой, а их первым домашним животным была коза. Жители поселков по Хуанхэ возделывали рис и чумизу, а основными домашними животными у них были собака и свинья³¹.

Все это заставляет склониться к мысли, что переход к производящему хозяйству произошел в долине Хуанхэ на местной основе, независимо от ближневосточных культурных центров и в более позднее время³². Неудивительно, что и по антропологическому типу (монголоиды, близкие современным китайцам) носители культуры Яншао резко отличны от любой группы раннеземледельческих племен Ближнего Востока и что уже в раннем Яншао появляются специфически китайские керамические формы, вроде триподов. Скорее всего возникновение в долине Хуанхэ в IV—III тысячелетии до н. э. раннеземледельческой культуры было столь же самостоятельным явлением, как и переход к производящему хозяйству в Перу в III тысячелетии до н. э. Одной из важнейших задач дальнейших исследований является изучение в восточном Китае процесса становления производящего хозяйства, корни которого, как показали новые открытия на Ближнем Востоке, восходят еще к поре мезолита. В настоящее время на средней Хуанхэ известен ряд дояншаоских памятников³³, на которых отдельные элементы обнаруживают связи с яншаоскими комплексами (наличие красной керамики, веревочный орнамент на грубой посуде, тесла из полированного камня и др.), но характеризуются, во всяком случае частично, микролитической кремневой индустрией³⁴. К сожалению, характер хозяйства этого времени пока остается неизвестным.

Таким образом, можно видеть, что раннеземледельческая культура южной Средней Азии занимает вполне определенное место в кругу сходных культур Ближнего Востока, а охотническо-рыболовецкий неолит севера этой страны тяготеет к Казахстану и Сибири. Эти же тенденции прослеживаются и в пору бронзового века.

К этому времени соотношение культурно-хозяйственных зон на древнем Востоке существенно меняется. Земледельческо-скотоводческие общины южного Двуречья и Элама в благоприятных природных условиях стремительными темпами развивают производительные силы, что приводит к коренным переменам в общественном строе и культуре (рис. 3). Появляются крупные городские центры с развитым ремеслом, монументальная архитектура и письменность. Около 3000 г. до н. э. происходит сложение раннеклассового общества. Несколько позднее — около 2400 г.

³¹ Shih Hsing-Pang. Pan-Po: Largest Neolithic Site in China Unearthed. Rev. archéol., 1959. II, стр. 2—4.

³² К точке зрения о независимом характере китайского очага земледелия склоняются и многие современные археологи. См.: Courses toward Urban Life. Viking Fund Publication in Anthropology, No 22, New York, 1962. В свое время к такому же выводу на основании геоботанических данных пришел Н. И. Вавилов.

³³ Cheng Te-K'ui. Archaeology in China. I. Cambridge, 1959, стр. 68—69.

³⁴ Едва ли можно в полной мере согласиться с С. В. Киселевым, скептически относившимся к связи дояншаоских и яншаоских памятников на средней Хуанхэ (С. В. Киселев. Неолит и бронзовый век Китая, стр. 245—246).

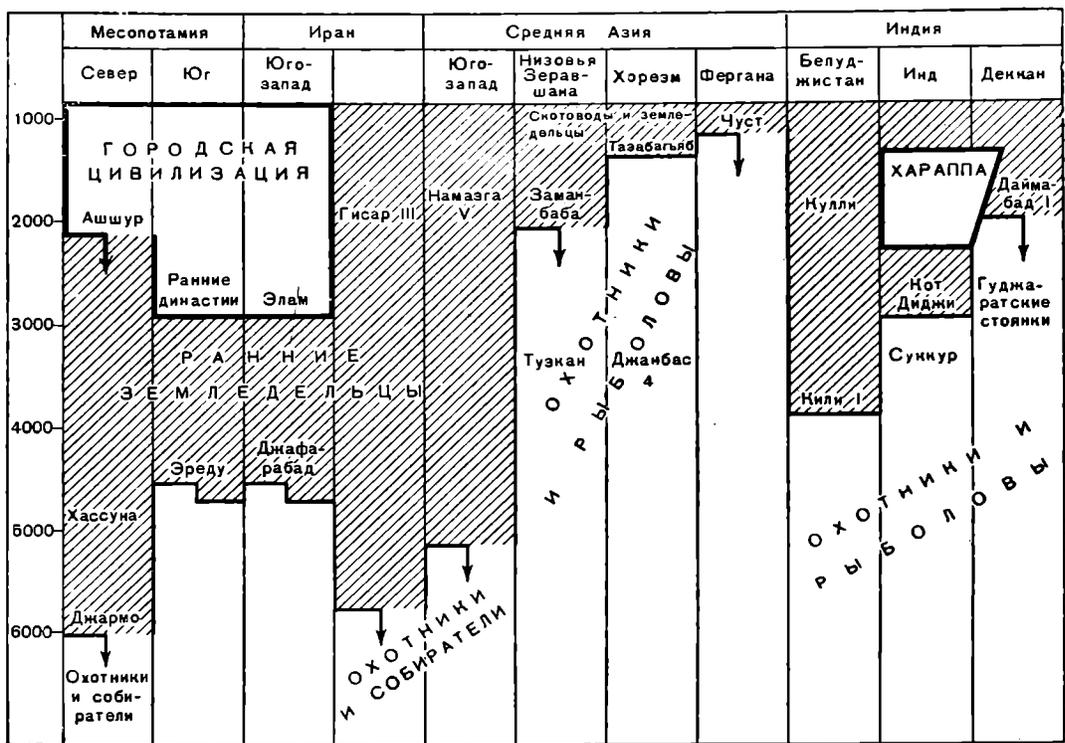

Рис. 3. Сравнение историко-культурных зон VII—II тысячелетий до н. э.

до н. э. — аналогичные изменения происходят в Синде и Пенджабе, где возникает городская цивилизация Харалпы. Так появляется зона городской культуры, к которой примыкает обширная варварская периферия земледельческо-скотоводческих племен, находившаяся в тесной взаимосвязи с этими городскими центрами. Неравномерность исторического развития резко усиливается. Интенсивное развитие Шумера, Элама и Харалпы обуславливалось в первую очередь тем обстоятельством, что здесь прибавочный продукт в земледелии был особенно велик, а сам прогресс поливного земледелия неизбежно приводил к созданию крупных ирригационных систем. Из хозяйственных документов Шумера нам известно, что обычный урожай ячменя составлял здесь сам-36, а иногда достигал и сам-104—105. На юго-западе Средней Азии, где в V—II тысячелетиях до н. э. находились поля раннеземледельческих общин, обычный урожай пшеницы местных сортов в примитивных хозяйствах XIX в., не затронутых товарной экономикой, достигал сам-7—8, а ячменя сам-4—5. В Афганистане и Индии замкнутые горные долины с относительно суровым климатом на севере представляли ограниченные возможности для развития земледелия. Наоборот, Синд и Пенджаб, где сосредоточены основные памятники харалпской культуры, до настоящего времени являются житницей Индии, где, в отличие от Белуджистана, урожай можно собирать два раза в год. Видимо, аналогичным образом происходит стремительное развитие хозяйства и общества в долине Хуанхэ. Раскопки Аньяна убедительно показывают, что здесь в XIV—XII вв. до н. э. существует уже раннеклассовое общество с монументальными постройками, богатыми царскими могилами и письменностью, известной по надписям на гадательных костях. Таким образом, положение существенно меняется по сравнению с III тысячелетием до н. э., когда земледельческие общины Яншао в ряде отношений уступали своим современникам в Иране, Афганистане и на юге Средней Азии. Правда, сравнительно позднее развитие китайского очага земледелия сказалось и на более позднем, по сравнению с древним Востоком, сложении раннеклассового общества в Китае. Китай в XVIII—XII вв. до н. э. стоял еще на стадии развития, напомина-

ющей период Джемдет-Наср (XXXII—XXIX вв. до н. э.) и Ур I династии с его знаменитыми царскими гробницами (XXVII—XXVI вв. до н. э.), что свидетельствует о закономерном повторении определенных этапов в ходе исторического развития.

Оседлоземледельческие общины юго-запада Средней Азии входят в одну зону с племенами Ирана, Афганистана и Белуджистана, располагавшимися на флангах шумеро-эламской и древнеиндийской цивилизации. Повсюду в этой зоне в III—II тысячелетиях до н. э. происходило разложение первобытнообщинного строя, как бы повторяющее в замедленном варианте процессы, имевшие место в южном Двуречье в IV тысячелетии до н. э. В Средней Азии центрами ранних земледельцев являлись в это время крупные поселения, площадью до 100 га, окруженные стенами из сырцового кирпича³⁵. Для этих поселений характерно развитие ремесла (группы керамических печей, гончарный круг, сложные изделия из меди и бронзы). В северо-восточном Иране на подобном крупном центре — Тюренг-Тепе — в XIX в. был найден клад золотых, медных и каменных изделий, известный под именем астрабадского и ярко характеризующий процесс накопления сокровищ³⁶. Раскопки сравнительно небольшого поселка Тепе-Гиссар (площадь около 1,5 га) свидетельствуют о тех же явлениях³⁷. Выделение богатых погребений указывает на довольно значительную имущественную дифференциацию. Массивный отдельно стоящий дом, давший богатые находки, в том числе предметы торевтики, вероятно, являлся жилищем богатой патриархальной семьи, правившей Гиссаром. В этом плане интересны раскопки Мундигака, представлявшего собой в IV период³⁸ поселение, обнесенное стенами, центром которого являлось монументальное здание на высоком холме. Фасад его украшен полуколоннами. Несколько в стороне от поселения располагалась другая монументальная постройка, близкая по плану месопотамским храмам. К этому слою относится и крупная каменная голова мужчины, близкая по стилю хараппской скульптуре. Скорее всего Мундигака в это время был центром кандагарского оазиса, резиденцией варварского князька на периферии древнеиндийской цивилизации.

Однако ни в Иране, ни в Афганистане, ни в Средней Азии мы не видим в это время ничего похожего на раннеклассовое общество Шумера, Элама, Хараппы или Шанского Китая. Нет, в частности, никаких признаков развития письменности; печати, найденные на Намазге-Тепе, в Тепе-Гиссаре и на Мундигаке, представляют собой относительно простые геометрические фигуры. Уровень развития обществ, оставивших эти памятники III—начала II тысячелетия до н. э., по основным признакам ближе всего позднему Убейду и Уруку южного Двуречья. Во всяком случае нет данных о сложении где-либо в этой зоне раннеклассовых отношений, хотя общественное развитие довольно близко подошло к этому этапу³⁹.

³⁵ Этот факт установлен раскопками А. Ф. Ганялина и А. А. Марущенко на Алтын-Тепе в 1959 и 1960 гг.

³⁶ C. A. de Bode. On a Recently Opened Tumulus in the Neighbourhood of Asteabad. *Archaeologia*, XXX, 1844.

³⁷ E. F. Schmidt. *Excavations at Tepe Hissar, Damgan, Philadelphia*, 1937.

³⁸ Ж. М. Касаль относит Мундигака IV ко второй и третьей четверти III тысячелетия до н. э., принимая наиболее раннюю дату Гиссара III и игнорируя результаты работ В. Ферсервиса по хронологии Белуджистана (*J. M. Casal. Ук. соч.*, I, стр. 27, 69—70, 110—119). Нам кажется более верным относить Мундигака IV к последней четверти III — началу II тысячелетия до н. э., синхронизируя его с Хараппой.

³⁹ Иная точка зрения развивается в рецензии А. В. Виноградова и М. А. Итиной на VII том Трудов ЮТАКЭ («Сов. этнография», 1959, 1, стр. 162—164), полагающих, что уже в пору Намазга V в Южном Туркменистане складывалось гончарное ремесло и существовало раннеклассовое общество. Несомненно, что зарождение ремесел свидетельствует об изменении в экономическом базисе, и лишь затем следуют перемены в общественном строе. В Шумере гончарный круг становится известен за несколько сотен лет до появления первых государств. Нет оснований также видеть в Средней Азии VIII—VII вв. до н. э. крупные централизованные рабовладельческие государства и в

Характер дальнейшей эволюции земледельческо-скотоводческой культуры юга Средней Азии также имеет много общего с историей аналогичных культур Ирана. В первой половине II тысячелетия до н. э. на юго-западе Средней Азии приходят в запустение древние центры — Намазга-Тепе и Алтын-Тепе. В культуре, представленной комплексом Намазга VI, также вполне определенно выступают черты огрубения и упадка. Почти в это же время прекращается жизнь на таких североиранских памятниках, как Тюрен-Тепе, Шах-Тепе и Тепе-Гиссар, причем на материалах Гиссара прослеживаются ожесточенные межплеменные столкновения. На юге Афганистана городок Мундигак также большей частью лежит в руинах, а в новом комплексе гончарная керамика почти полностью сменяется посудой ручной лепки (Мундигак V). Слои Мундигака VI соответствуют времени почти полного запустения и представлены не строениями, а прослойками золы. Где-то в пределах первой половины — середины II тысячелетия до н. э. происходят также перемещения племенных групп в более южных областях (проникновение комплексов Шахи-Тумп на юг Белуджистана), запустение ряда оазисов (например, сеистанского) и упадок городской цивилизации в Синде и Пенджабе. Скорее всего в это время имело место перемещение ряда племенных групп и, возможно, ряд других событий. Б. Б. Пиотровский предлагает связывать запустение древних земледельческих комплексов южной Туркмении с усилением роли скотоводства⁴⁰. Действительно, во II тысячелетии до н. э. наблюдается усиление роли скотоводческих племен в земледельческих областях и, возможно, переход некоторых земледельцев к преимущественному занятию скотоводством (Закавказье, Украина). К сожалению, на среднеазиатских материалах это явление пока не может быть документально прослежено, но подобная гипотеза много объяснила бы в процессах, происходивших в областях «культур расписной керамики» от прикопетдагских оазисов до низовьев Инда.

На севере Средней Азии в эпоху бронзы происходят решающие изменения в хозяйстве, приведшие к установлению производящей экономики, в чем известную роль сыграли воздействия, идущие со стороны земледельческого юго-запада страны. При этом основное направление казахстано-сибирских культурных связей прослеживается здесь столь же отчетливо, как и в IV—III тысячелетиях до н. э. Переход к новой экономике замечен на материалах из низовий Зеравшана, где еще кельтеминарские рыболовы и охотники начали изготавливать и использовать зернотерки и серпы с кремневыми вкладышами. В конце III — первой половине II тысячелетия до н. э. мы застаем здесь уже вполне сложившуюся земледельческо-скотоводческую (или скотоводческо-земледельческую) культуру Заман-бабы. При этом четко прослеживаются культурные влияния (вплоть до привозных вещей) юго-западных земледельческих общин и какие-то местные, видимо, кельтеминарские традиции⁴¹. Заман-бабинскую культуру ни в коей мере нельзя считать продуктом колонизации намазгинских племен. Это, в первую очередь, новый этап в истории местных племен, хотя и сильно окрашенный южными влияниями⁴². В этом отношении особенно показателен такой признак, как катакомбные захоронения, совершенно неизвестные в «культурах расписной керамики» и вызывающие в памяти аналогии в материалах степной бронзы.

силу этого относить становление классового общества ко II тысячелетию до н. э. Данные Авесты и археологические материалы позволяют скорее считать, что здесь и в VIII—VII вв. до н. э. процесс становления классового общества и государства не был еще закончен.

⁴⁰ Б. Б. Пиотровский. Основные этапы древнейшего земледелия в Армении. Истор.-филол. ж., 1961, 3—4, стр. 111—113.

⁴¹ А. Аскар-ов. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. Л., 1962, стр. 18.

⁴² См. Б. А. Латынин. О южных границах ойкумены степных культур. СА, 1958, 3.

Какие-то южные влияния отмечаются почти в то же время и в Хорезме. Мы имеем в виду так называемые раннесуярганские комплексы, где появляются крупные красноангобированные сосуды с шаровидным туловом и невысокой горловиной. Южные прототипы этой формы несомненны⁴³. Правда, в своей основе эти весьма архаические по облику комплексы с грубой лепной посудой, с крупными кремневыми ножами и дротиками представляют скорее всего какую-то северную культуру и имеют мало общего с развитой оседлой культурой Южной Туркмении или северного Ирана начала II тысячелетия до н. э.⁴⁴

Во всяком случае, как отмечали еще С. П. Толстов и А. В. Виноградов, уже в позднем кельтеминаре можно наблюдать зарождение скотоводства и начало металлургии, хотя в Хорезме в это время еще не складывается культура, полностью перешедшая к новым формам хозяйства, как это имеет место в Заман-бабе. Эти кардинальные хозяйственные изменения широко охватывают южную часть бывшей зоны охотников-рыболовов, как можно видеть в Сибири на примере афанасьевской культуры. Резкое культурно-хозяйственное различие двух зон начинает скрадываться и постепенно принимать новые формы. Это особенно ярко выступает при рассмотрении среднеазиатских комплексов андроновского типа⁴⁵.

Эти комплексы широко распространены на территории Средней Азии от Ферганы и Хорезма до земледельческих оазисов юго-запада. Лепная керамика и сравнительно недолговременные поселения, состоящие из землянок, существенно отличают зону, занятую памятниками андроновского типа, от зоны оседлоземледельческой культуры в южном Турмениистане. Вместе с тем эти различия носят уже иной характер по сравнению с IV—III тысячелетиями до н. э. Обе зоны были областями развития производящего хозяйства, но специфика этого хозяйства, судя по всему, была различной. Можно считать, что на севере преобладало хозяйство скотоводческо-земледельческого типа, не связанного с прочной оседлостью, как это имело место в условиях ирригационного земледелия, когда поселения столетиями оставались на одном и том же месте. В последнее время получены данные, свидетельствующие, что хозяйство андроновских племен в условиях степей и полупустынь развивалось в первую очередь как скотоводческое⁴⁶. Вполне вероятно, что аналогичное явление имело место и в соответствующих ландшафтных зонах Средней Азии. Вместе с тем в ряде областей, как, например, в Хорезме, уже в это время намечается развитие поливного земледелия, что имело принципиальное значение для дальнейшей эволюции хозяйства и культуры.

Происхождение среднеазиатских памятников андроновского типа остается не вполне ясным. Высказывалось мнение о развитии в Средней Азии андроновской культуры на местной основе⁴⁷, на базе позднекельтеминарских комплексов⁴⁸ или даже гиссарской культуры, характерной для горных районов западного Таджикистана⁴⁹. Однако андроновская

⁴³ С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема суярганской культуры. СА, 1960, I, стр. 16—19.

⁴⁴ Не следует ли связывать раннесуярганские комплексы с поздним кельтеминаром, особенно судя по находкам крупных кварцитовых и кремневых дротиков и ножей, характерных для позднекельтеминарских памятников Западного Казахстана?

⁴⁵ Здесь существует значительный терминологический разнобой. Нам представляется наиболее удачным предложение А. Аскарова именовать среднеазиатские памятники тазабагыбским вариантом андроновской культуры. См.: А. Аскаров. Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана. История материальной культуры Узбекистана, вып. 3. Ташкент, 1962, стр. 39—40.

⁴⁶ В. С. Сорокин. Жилища поселения Тасты-Бутак. КСИА АН СССР, 91. М., 1962, стр. 61.

⁴⁷ Б. А. Латынин. О южных границах..., стр. 53.

⁴⁸ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 76. Следует отметить, что после получения новых материалов С. П. Толстов стал решительным сторонником пришедшего характера андроновских комплексов.

⁴⁹ Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Раскопки навеса Ак-Танги в 1959 г. Археологические работы в Таджикистане, вып. VII. Душанбе, 1961, стр. 43.

культура как сумма конкретных этнографических особенностей пока не может быть выделена ни из заман-бабинской, ни из позднекельтеминарской, ни тем более из гиссарской культур. Более того, совпадение этих особенностей с памятниками Казахстана и Сибири, где к тому же, в отличие от Средней Азии, известны ранние этапы развития андроновской культуры, позволяет говорить о продвижении андроновских племен в Среднюю Азию, как это полагает большинство исследователей⁵⁰. Вполне естественно, что при этом было ассимилировано местное население, чем и следует объяснять некоторые аналогии между позднекельтеминарской и андроновской керамикой в Хорезме⁵¹ или продолжение традиций местной кремневой индустрии в Западном Таджикистане⁵².

В этой связи естественно возникает вопрос о путях сложения производящего хозяйства в Казахстане и Сибири, откуда в Среднюю Азию распространились андроновские племена. Ряд исследователей, в том числе автор настоящей работы, были склонны при решении этого вопроса отводить большую роль южным влияниям, способствовавшим, в частности, распространению на север культурных злаков и одомашненных пород скота⁵³. Однако следует считать не менее вероятным возникновение скотоводства у северных неолитических племен на местной основе, что, разумеется, требует для окончательного решения тщательных палеозоологических исследований. Во всяком случае нет ничего удивительного в том, что завершение перехода ряда сибиро-казахстанских племен во II тысячелетии до н. э. от присвояющего хозяйства к производящей экономике стимулировало их расселение подобно тому, как это можно было наблюдать для земледельческих культур Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы в VI—IV тысячелетиях до н. э.

На имеющихся материалах не всегда удается проследить конкретные пути дальнейшей эволюции хозяйства и культуры на территории Средней Азии. Есть основания полагать, что комплексы андроновского типа развиваются в двух направлениях. В областях поливного земледелия, как, например, в низовьях Аму-Дарьи, на их основе складываются оседлоземледельческие оазисы, тогда как в степях и полупустынях формируются ранние кочевники, если только такими кочевниками уже не были в какой-то части и сами андроновские племена. Во всяком случае именно на основе соединения этих двух традиций — южной, связанной с ирано-месопотамским кругом, и северной, тяготеющей к Казахстану и Сибири, — формируются основные оазисы Средней Азии середины I тысячелетия до н. э. При этом, что особенно характерно, их культура отнюдь не носит какого-либо эклектического характера, а отличается значительным единством и для Согды, и для Хорезма, и для Маргианы, и для Парфии. Можно полагать, что в процессе постепенной нивелировки различий севера и юга заметную роль играло усвоение ряда культурных форм, давно сложившихся на юго-западе Средней Азии с его древними оседлоземледельческими традициями. Как яркий пример южных влияний весьма интересен замечательный могильник Тагискен в восточном Приаралье, недавно открытый экспедицией С. П. Толстова и относящийся, видимо, к IX—VII вв. до н. э.⁵⁴. Здесь наряду с лепной керами-

⁵⁰ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 112; М. А. Итина. Раскопки могильника тазабагьябской культуры Кокча 3. МХЭ, вып. 5. М., 1961, стр. 73, 91; С. П. Толстов. По древним дельтам..., стр. 59.

⁵¹ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях..., стр. 30.

⁵² Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Раскопки..., стр. 42—43.

⁵³ А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 15; В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, стр. 114; Б. А. Латынин. О южных границах..., стр. 53.

⁵⁴ С. П. Толстов. По древним дельтам..., стр. 80—88; его же. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи. СА, 1962, 4, стр. 127—138.

кой явно выраженного сибиро-казахстанского круга имеются сделанные на круге сосуды, восходящие к комплексам типа маргианского Яз-Тепе II. Более того, сами погребальные сооружения представляют собой довольно монументальные сооружения из сырцового кирпича размером $54 \times 28 \times 10/12$ и $48 \times 32 \times 10/12$ см. Традиции сырцовой архитектуры совершенно нехарактерны для северных районов; даже в Хорезме в IX—VII вв. до н. э. поселения состояли из полуземлянок. Между тем самый формат прямоугольного кирпича представляет собой традиционные для земледельческого юга пропорции, сложившиеся еще в V тысячелетии до н. э. и доживающие до VI—V вв. до н. э. Несомненное восприятие южных влияний здесь явлено. Возможно даже какие-то южные, маргианские или парфянские мастера, захваченные в плен кочевниками, чьи княжеские могилы обнаружены в Тагискене, приняли участие в возведении этих сооружений. В этой связи нельзя не вспомнить сохранившееся у Ктесия легендарное сообщение о сако-мидийской войне из-за Парфии, в ходе которой саками были захвачены пленные, поселенные на р. Танаис (Сыр-Дарья).

Так на имеющихся материалах могут быть прослежены пути сложения древнесреднеазиатской цивилизации. Как мы стремились показать, при этом определяющую роль играли ирано-месопотамские и сибиро-казахстанские связи и контакты. В рассматриваемую эпоху индийские и китайские связи были незначительны и большой роли не играли (возможные связи с соанской традицией палеолита и неолита Таджикистана, связи чувстской культуры с Восточным Туркестаном).

Е. И. КРУПНОВ

**ДРЕВНЕЙШАЯ КУЛЬТУРА КАВКАЗА И КАВКАЗСКАЯ
ЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ**

(К проблеме происхождения коренных народов Кавказа)¹

Проблема происхождения народов земного шара, в том числе и этногенез народов СССР, является одной из важнейших проблем современной исторической науки. Если раньше этногенетические вопросы ставились и решались почти исключительно языковедами, то в настоящее время право участия в разработке этих вопросов все больше и больше признается за представителями и других гуманитарных дисциплин. Сейчас стало очевидным, что только современное состояние советской науки в области археологии, антропологии, этнографии и лингвистики позволяет комплексно изучать проблему этногенеза народов СССР, являющуюся животрепещущей проблемой советской исторической науки.

Особую сложность, но и большой интерес представляет изучение этой проблемы применительно к таким крупным этнографическим регионам нашей страны, каким является Кавказский перешеек, издавна заселенный многонациональным населением.

Настала пора при сводном изучении истории разноязычного Кавказа попытаться поставить как ведущую и органически связанную с этой задачей — проблему происхождения основных коренных кавказских народов. Как известно, эти народы ныне образуют особую языковую группу, так называемую «иберийско-кавказскую» семью языков². Известно также, что эта группа резко отличается от всех других языковых семей земного шара и в какой-то степени оказывается связанной лишь с языками древнейших этнических массивов Передней и Малой Азии³.

В последнее время стало очевидным, что успешному освещению этой основной этногенетической проблемы все более способствует изучение древнейшей так называемой «куро-аракской энеолитической» культуры Кавказа. Выделение этой культуры справедливо считается одним из важнейших достижений Кавказской археологии за советский период. На территории СССР впервые памятники этой замечательной культуры были обнаружены в 1936—1938 гг. в Армении при раскопках Шенгавитского холма близ Еревана. Добытый интереснейший материал нашел

¹ Статья является подготовленным к печати текстом доклада, прочитанного на заседании Абхазского н.-и. института истории, языка и литературы им. Д. Гулиа в Сухуми 20 октября 1962 г., в секторе неолита и бронзы Института археологии АН СССР 9 марта 1963 г. и на сессии ОИИ СССР и ООН БССР, посвященной итогам полевых исследований за 1962 г., в Минске 20 апреля 1963 г.

² А. С. Чикобава. Введение в языковедение, ч. 1. М., 1952, стр. 220.

³ А. В. Десницкая. Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков. ВЯ, 1952, 4, стр. 46, 52.

многочисленные параллели в других аналогичных поселениях Армянской ССР (Шреш-Блур, Кюль-Тепе у Эчмиадзина, Элар, Гарни, Кировакан и др.).

В последующие годы близкие по культурным особенностям поселения были открыты и на территории Грузии (Кикети, Дидубе, Бешташени, Кулбакеви, Згудери, Квацхелеби, Гудабертка, Озни, Амиранис-Гора и др.), а также в Азербайджане (Кюль-Тепе близ Нахичевана, Мингечаур и др.). Эти исследования позволили Б. А. Куфтину еще в 40-е годы XX в. прийти к заключению о существовании в Закавказье в III тысячелетии до н. э. особой культуры «куро-аракского энеолита».

Углубленное изучение этой археологической культуры, осуществленное в широком аспекте группой ориенталистов, привело к выводу о земледельческо-скотоводческом характере этой культуры и о ее несомненных связях с культурами горных областей Передней и Малой Азии: районов озер Вана и Урмии (Резайе), Армянского Нагорья, а также Восточной Анатолии (Караз и др.)⁴. Как советские ученые (Б. Б. Пиотровский, О. М. Джапаридзе, А. А. Иессен и др.), так и ряд зарубежных археологов (Ч. Бърней и др.) признают проникновение этой культуры не только на юго-запад (в Сирию и Палестину), но и на северо-восток, вплоть до Северного Кавказа⁵.

Каковы же основные признаки этой культуры, названной «энеолитической»⁶? Эта культура представлена в основном поселениями; в равнинных районах — открытыми селищами, образующими «тепе», а в предгорных и горных районах поселками, расположенными на отдельных естественно укрепленных холмах. Наличие на них иногда довольно мощных культурных отложений свидетельствует о несомненной оседлости их обитателей. Погребальных памятников этой культуры, органически связанных с куро-аракским энеолитом, открыто и исследовано пока мало. Соответствующие погребальные комплексы еще не обобщены, в частности не изучены особенности погребального обряда этой поры.

Почти на всех поселениях зафиксированы остатки построек-жилищ округлой или прямоугольной формы, сложенных из полубокожженных глиняных блоков на слабом каменном фундаменте из булыжника или со стенами из необработанного камня.

Особенностью таких жилищ являлось наличие в них разнообразных глиняных передвижных очагов (рис. 1). Очаги плоские, круглые, иногда с внутренними выступами, образующими как бы лепестки огромного цветка. Поверхность иногда украшалась рельефным орнаментом. Вблизи очагов располагались различные глиняные рогообразные («зооморфные») очажные подставки (цилиндрические, подковообразные, плоские с рогообразными выступами) (рис. 2).

⁴ В. Piotrovsky. The Aeneolithic Culture of Transcaucasia in the Third Millennium B. C. VI International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. М., 1962, стр. 3.

⁵ Т. Вуртон-Браун. Excavations in Azerbaijan, 1948. London, 1951, стр. 16; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Автореф. докторск. дис. Тбилиси, 1962, стр. 5; А. А. Иессен. Кавказ и древний Восток в IV и III тысячелетиях до нашей эры. КСИА АН СССР, 93, 1963, стр. 3.

⁶ Условность этого термина в данном случае очевидна. Наличие первых металлических орудий и даже литейных форм, произведенные химические анализы соответствующих металлических предметов доказали использование в это время не только самородной меди Закавказья, но и сплавов меди с мышьяком (от 1 до 6% и более); это свидетельствует не о переходном периоде от каменного века к медному, а о раннем этапе эпохи металла (см. И. Р. Селимханов. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960, стр. 138; А. И. Джавахишвили, Л. И. Глonti. Урбниси I. Тбилиси, 1962, стр. 62; К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Историческое значение южного Кавказа в III тысячелетии до н. э. СА, 3, 1963, стр. 10—23; А. А. Иессен. Кавказ и древний Восток..., стр. 4).

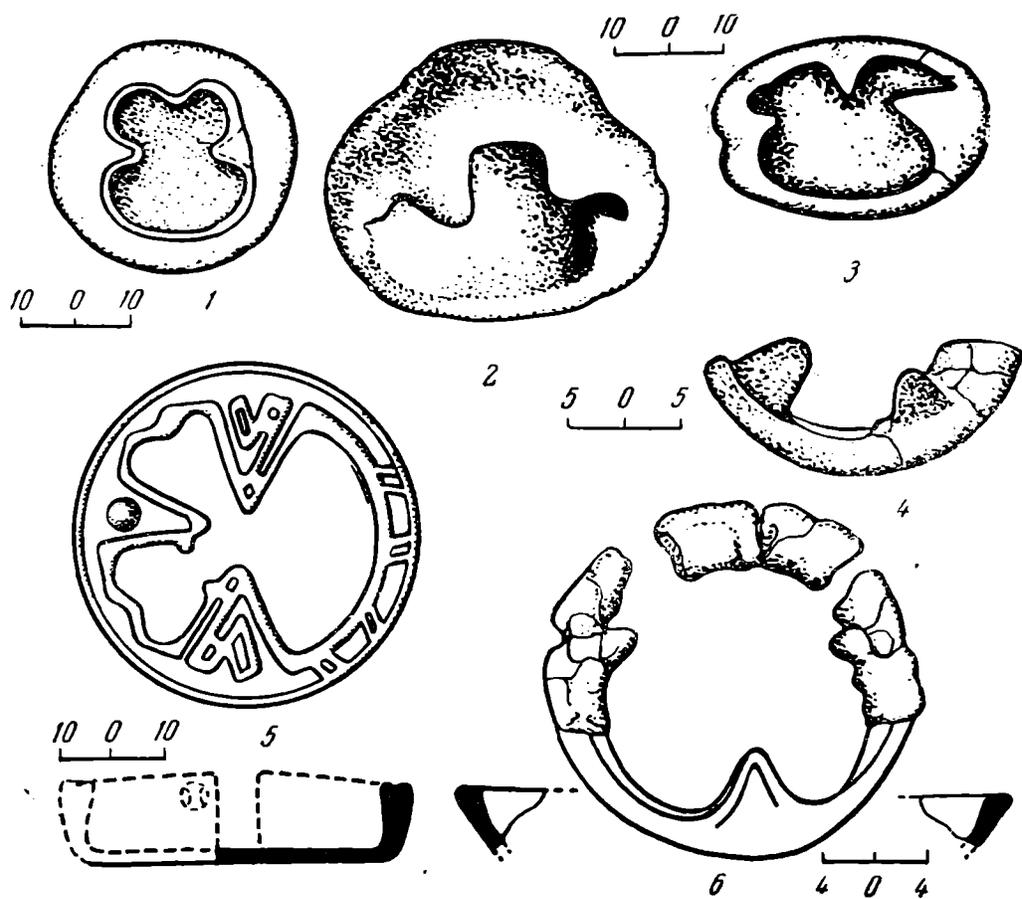

Рис. 1. Глиняные передвижные очаги

1, 5 — Шенгавит; 2 — Дидубе; 3 — Караз; 4 — Оэни; 6 — Ахыллар

Самыми массовыми находками на этих поселениях являются керамические изделия. Посуда высокого качества имела черную, серую хорошо залощенную поверхность; известна посуда и с красной поверхностью. Формы керамики разнообразны и хорошо профилированы (рис. 3). Многие сосуды снабжены так называемыми «полушарными» ручками. Керамика из более ранних слоев украшена рельефными (выпуклыми или углубленными) узорами в виде кругов, спиралей и прямых линий. Более поздние «энеолитические» слои дали керамику с резным геометрическим орнаментом. Много посуды и неорнаментированной (рис. 4).

Другой категорией керамических находок являются круглые глиняные пряслица, модели глиняных колес с резко выступающей втулкой для оси (рис. 5, 10—12), а также первые и редкие скульптуры диких и домашних животных.

Не менее многочисленны предметы из камня, кости и рога. Каменные булавы (рис. 6, 1—6), уплощенные топоры с желобчатым перехватом, а также круглые в сечении и плоские топоры (рис. 6, 7—12), песты и терочники, ножи, наконечники стрел со стержнем и с выемчатым основанием, как и вкладыши для составных серпов — обычные находки на этих поселениях (рис. 5, 1—9). Обычны и зернотерки. Костяные шилья и проколки, кольца, роговые мотыги и «муфты» также являются весьма распространенными находками. Более редки находки металлических изделий — простейшие формы орудий труда, оружия и украшений из мышьяковистой меди, свинца и серебра. Наряду с этим известны уже литейные формы.

Вот основные, ведущие элементы, совокупность которых дает представление о культуре так называемого «куро-аракского энеолита». Но являлась ли эта культура достоянием только древнего Закавказья?

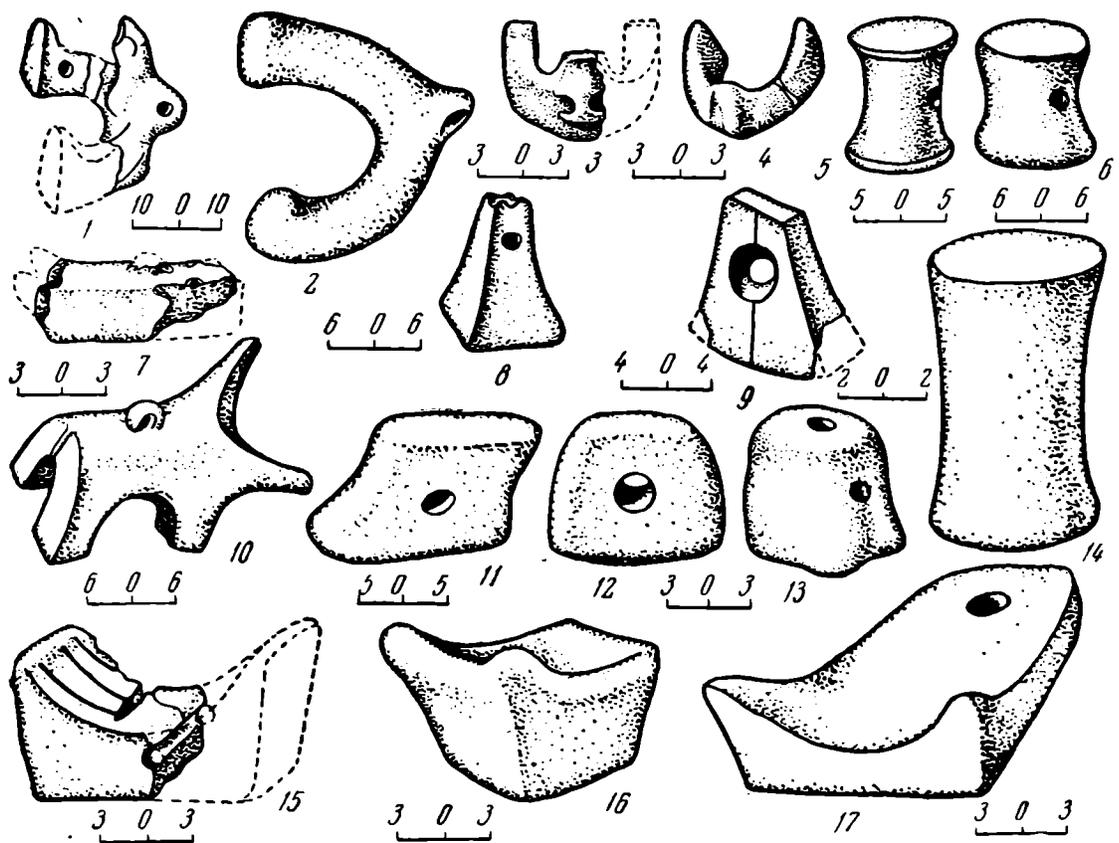

Рис. 2. Глиняные очажные подставки

1, 9 — Шенгавит; 2 — из Карского района; 3, 7 — Кюль-Тепе; 4 — Саракамыш; 5 — Кикети; 6, 13, 15, 16 — Луговое; 8, 10 — Шреш-Блур; 11, 17 — Земо-авчалы; 12, 14 — Озни

Последующими археологическими работами на Северо-Восточном Кавказе, в Дагестане, а потом и в Чечено-Ингушетии были открыты и исследованы группы памятников, которые в обобщающей работе Р. М. Мунчаева⁷ были оценены как источники, представляющие определенный локальный вариант более широкой и общей культуры Закавказья. Таковы Каякентское, Великентское, Мамай-Кутанское и другие поселения в Дагестане, а также Луговое⁸ и Сержень-Юртовские поселения⁹ в Чечено-Ингушетии.

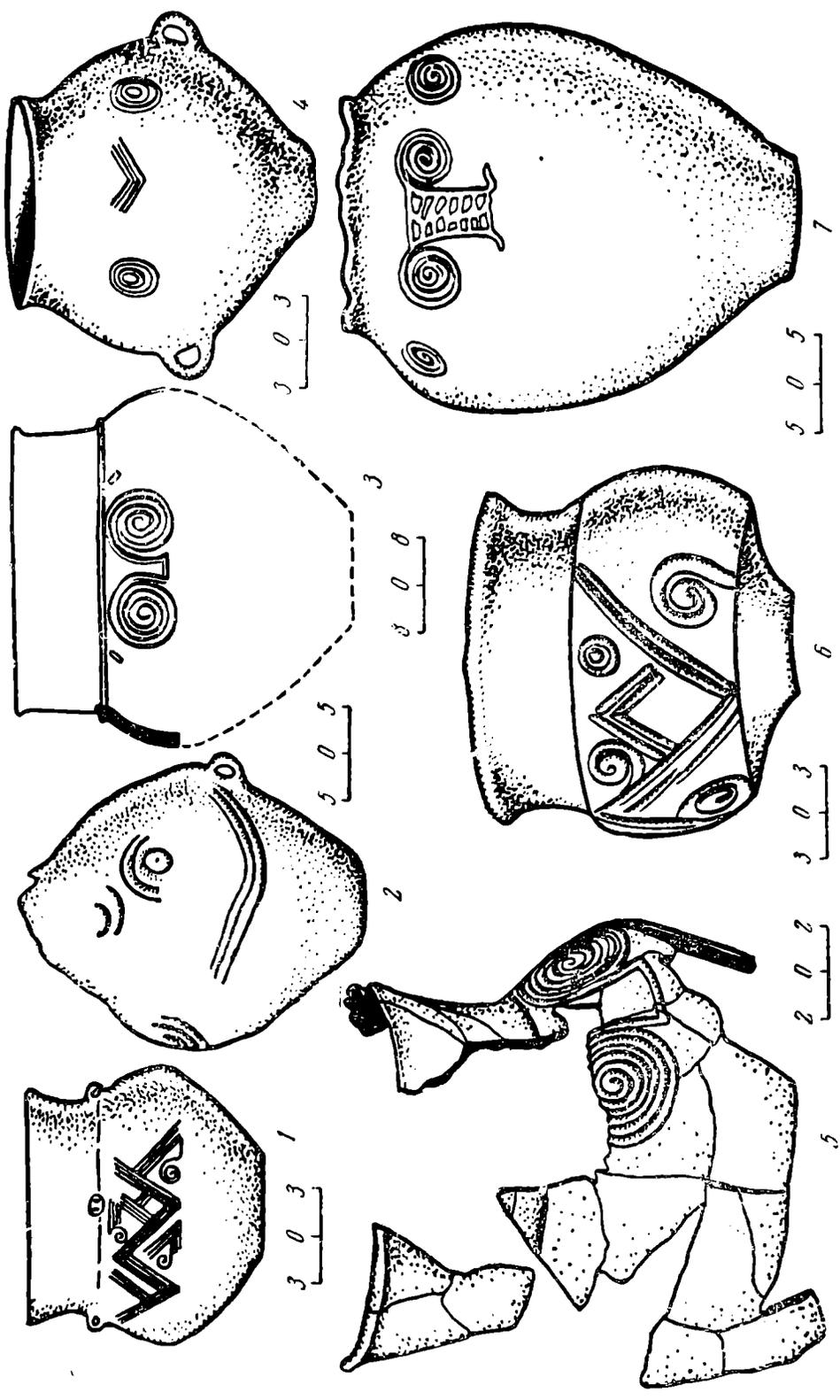
Все указанные объекты отличаются теми же признаками, которые типичны для памятников закавказского круга. Для них также характерны переносные очаги, керамика с рельефной спиральной и «решетчатой» орнаментацией (рис. 3, 4, 7; рис. 4, 6—11), модели глиняных колес с выступающей втулкой, определенные наборы каменных орудий и оружия — топоры с желобчатым перехватом, вкладыши для составных серпов и наконечники стрел с выемчатым основанием (рис. 5—6), при небольшом числе медных или бронзовых предметов. Анализ всех этих находок в памятниках Дагестана и в Луговом поселении уже сделан в указанной монографии Р. М. Мунчаева. Этот анализ привел автора к заключению о близости этих объектов к древнейшим памятникам Куро-Аракского Междуречья. То же самое можно сказать и по поводу мате-

⁷ Р. М. Мунчаев. Древняя культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 101, 1961.

⁸ Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, 55, 1954, стр. 99.

⁹ Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. СА, 1962, 3; Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 году. КСИА АН СССР, 88, 1962; А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. КСИА, 94, 1963, стр. 42.

Рис. 3. Формы «энеолитических» сосудов
 1 — Франгноц; 2 — Гудаберт-ка; 3 — Кикети; 4 — Бамут; 5 — Озни; 6 — Шенгант; 7 — Великент

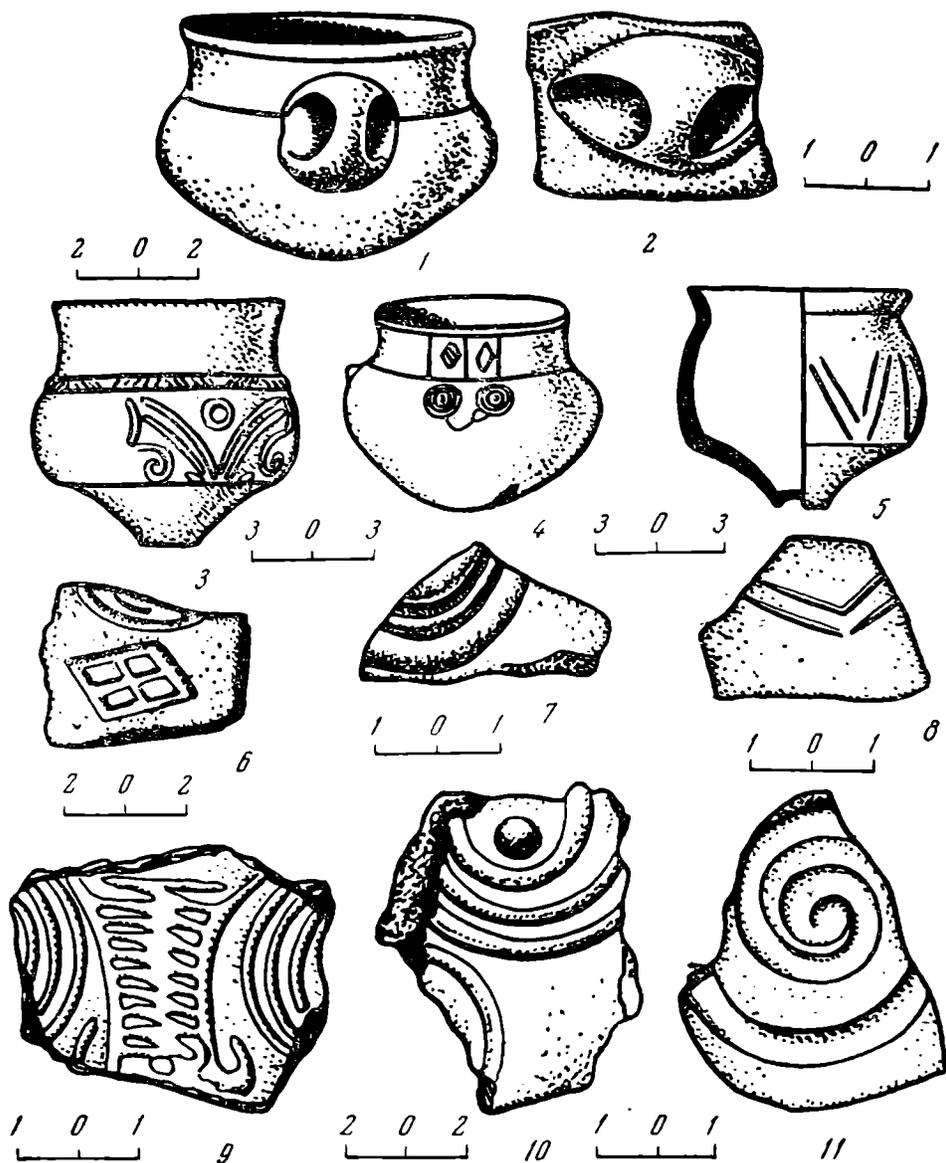

Рис. 4. Орнаментальные мотивы на керамике

1 — Озни; 2 — Кюль-Тепе; 3 — Эчмядзин; 4 — Хизанаат-Гора; 5 — Шенгавит;
6, 9, 10 — Мамай-Кутан; 7, 8, 11 — Луговое

риалов из новых объектов, ныне исследуемых Северо-Кавказской археологической экспедицией¹⁰, а именно — двух древних двуслойных поселений, расположенных на отдельных возвышенностях вблизи сел. Сержень-Юрт Шалинского района Чечено-Ингушской АССР.

В аспекте данной статьи представляет интерес нижний культурный слой этих поселений, по толщине не превышающий 0,40 м.

За все время исследования Сержень-Юртовских поселений вскрыта площадь более 2000 м². Огромный и разнообразный материал (археологический, остеологический, палеоботанический), добытый при раскопках, является для нас отправным при разработке освещаемой проблемы.

Нижние слои этих поселений содержали особый тип керамики красного (охристого) цвета (рис. 7), иногда украшенной геометрическими линейными узорами. Крупные сосуды имели «полушарные» ручки. Отмечено несколько глиняных очажных подставок с выступающими рогами

¹⁰ Объединенная Северо-Кавказская археологическая экспедиция (СКАЭ) Института археологии АН СССР в течение ряда лет ведет полевые исследования в разных районах края, при активном участии ряда местных научно-исследовательских институтов и музеев краеведения.

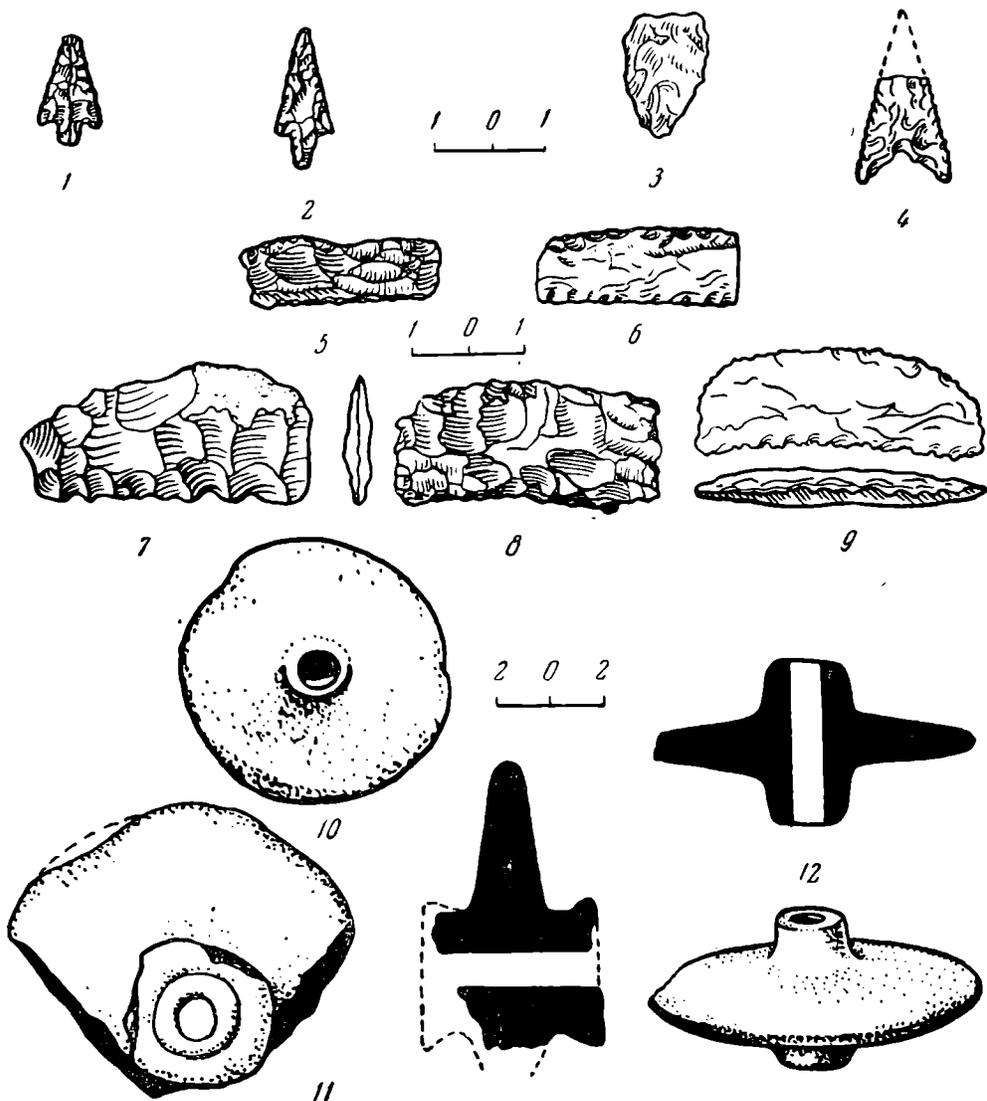

Рис. 5. Находки с «энеолитических» поселений Кавказа

1—4 — кремневые наконечники стрел; 5—9 — вкладыши для составных серпов; 10—12 — глиняные модели колес. 1, 2, 8 — Ахыллар; 3, 4, 9 — Мингечаур; 5 — Озни; 6 — Кюль-Тепе; 7 — Мамай-Кутан; 10 — Великент; 11 — Джемикент; 12 — Шреш-Блур

и ручками (рис. 8, 4), а также глиняные переносные очаги шенгавитского типа (рис. 9). Найдено много кремневых вкладышей для составных серпов с отполированными рабочими сторонами, ножей и наконечников стрел с выемчатым основанием (рис. 8, 1—3). Обычны в этом слое и каменные зернотерки архаичного, так называемого «египетского» типа, различные песты и терочки, а также костяные шилья, проколки, роговые «муфты» и мотыги.

Металлические предметы — медные или бронзовые ножи и четырехгранные шилья — представлены лишь несколькими экземплярами.

Инвентарь поселений сближает эти памятники с такими древнейшими поселениями Закавказья, как Шенгавит (Армения), Кулбакеви (Грузия) и др., и приводит нас к выводу об общекавказской общности культуры III тысячелетия до н. э. Аналогичные материалы были собраны В. П. Любиным в Северной Осетии (в пещере Шау-Левет на р. Фиар-Доне) ¹¹.

Даже из беглого сопоставления материалов из нижних слоев Сержень-Юртовских поселений с так называемыми «энеолитическими» па-

¹¹ В. Piotrovsky. Ук. соч.

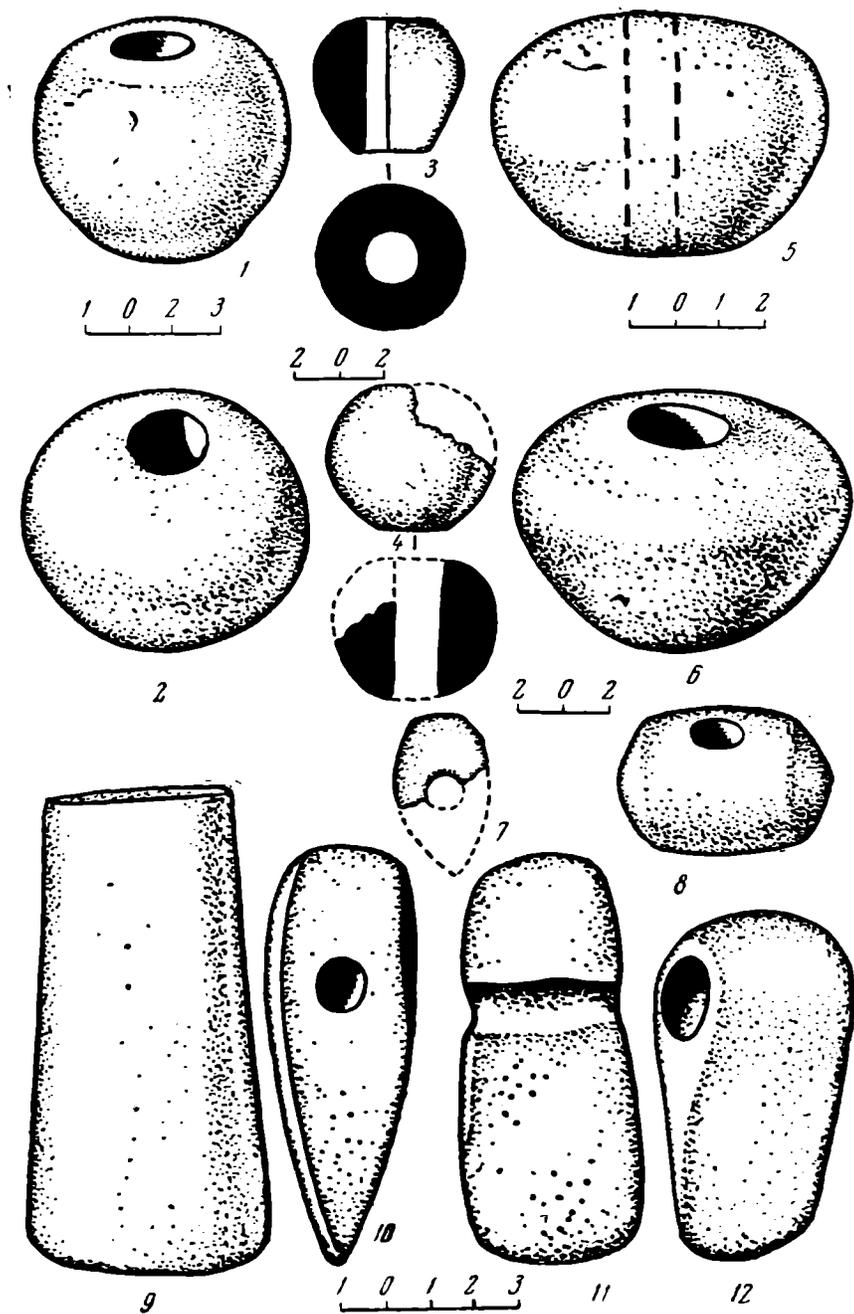

Рис. 6. Каменные булавы, топоры и молоты

1, 6 — Триалети; 2 — Тквиави; 3, 10, 11 — Великент; 4 — Каякент;
5 — Алишар; 7, 8 — Шенгавит; 9 — Луговое; 12 — Бамут

мятниками куро-аракского бассейна видна глубокая культурная общность между памятниками Чечено-Ингушетии, Дагестана и Закавказья¹².

Особенно многочисленные параллели обнаруживаются при сопоставлении с такими археологическими объектами Грузии, как древнейший поселок на холме Кулбакеви близ города Цхинвали¹³. Там также зафиксированы следы наземных жилищ с круглыми глиняными очагами (с внутренними выступами). Небольшой культурный слой дал красноватую керамику с полушарными ручками, глиняные очажные подставки, кремневые наконечники стрел с выемчатым основанием, кремневые ножи,

¹² Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 147.

¹³ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 255 (на груз. языке, русск. резюме).

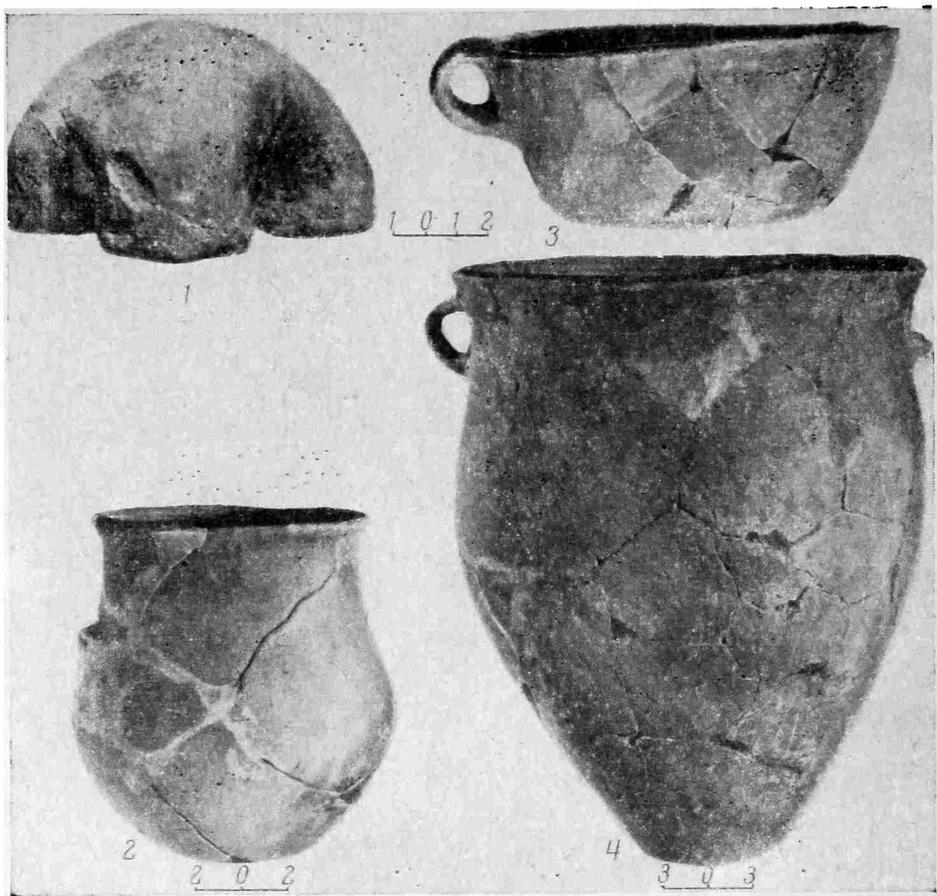

Рис. 7. Глиняные изделия из Сержень-Юртовского поселения
1 — очажная подставка; 2 — чарка; 3 — кувшин; 4 — горшок

вкладыши для составных серпов и прочий инвентарь, близкий материалу из нижних слоев наших поселений.

Анализ остеологического материала из Сержень-Юртовских поселений доказывает (как и в Кулбакеви) явное преобладание в хозяйстве крупного рогатого скота над мелким (80 и 16%)¹⁴.

До последнего времени памятники Северного Кавказа, близкие Сержень-Юртовским поселениям (Луговое, Каякентское и другие поселения Дагестана), датировались серединой и второй половиной III тысячелетия до н. э.¹⁵ Обугленные злаки из «энеолитического» поселения Квацхелеби (в Грузии) по распаду углерода (C^{14}) получили дату: 2800 ± 90 лет, т. е. отнесены к первой четверти III тысячелетия до н. э.¹⁶ Радиоуглеродный анализ угля из Нахичеванского поселения Кюль-Тепе (Азербайджан) дал близкую дату: 2920 ± 90 , т. е. самое начало III тысячелетия до н. э.

Аналогичное по культуре поселение Кулбакеви О. М. Джапаридзе относит ко второй ступени развития закавказского «энеолита» и датирует периодом XXVIII—XXVI вв. до н. э.¹⁷ Определение возраста дерева и угля из нижних слоев Сержень-Юртовских поселений, образцы которых мы передали в радиоуглеродную лабораторию Института археологии АН СССР, еще не произведено.

¹⁴ О. М. Джапаридзе. Ук. соч., стр. 256.

¹⁵ Р. М. Мунчаев. Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа. МАД, II. Махачкала, 1961, стр. 66.

¹⁶ В. В. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C^{14}). СА, 1961, 2, стр. 11.

¹⁷ О. М. Джапаридзе. Ук. соч., стр. 262.

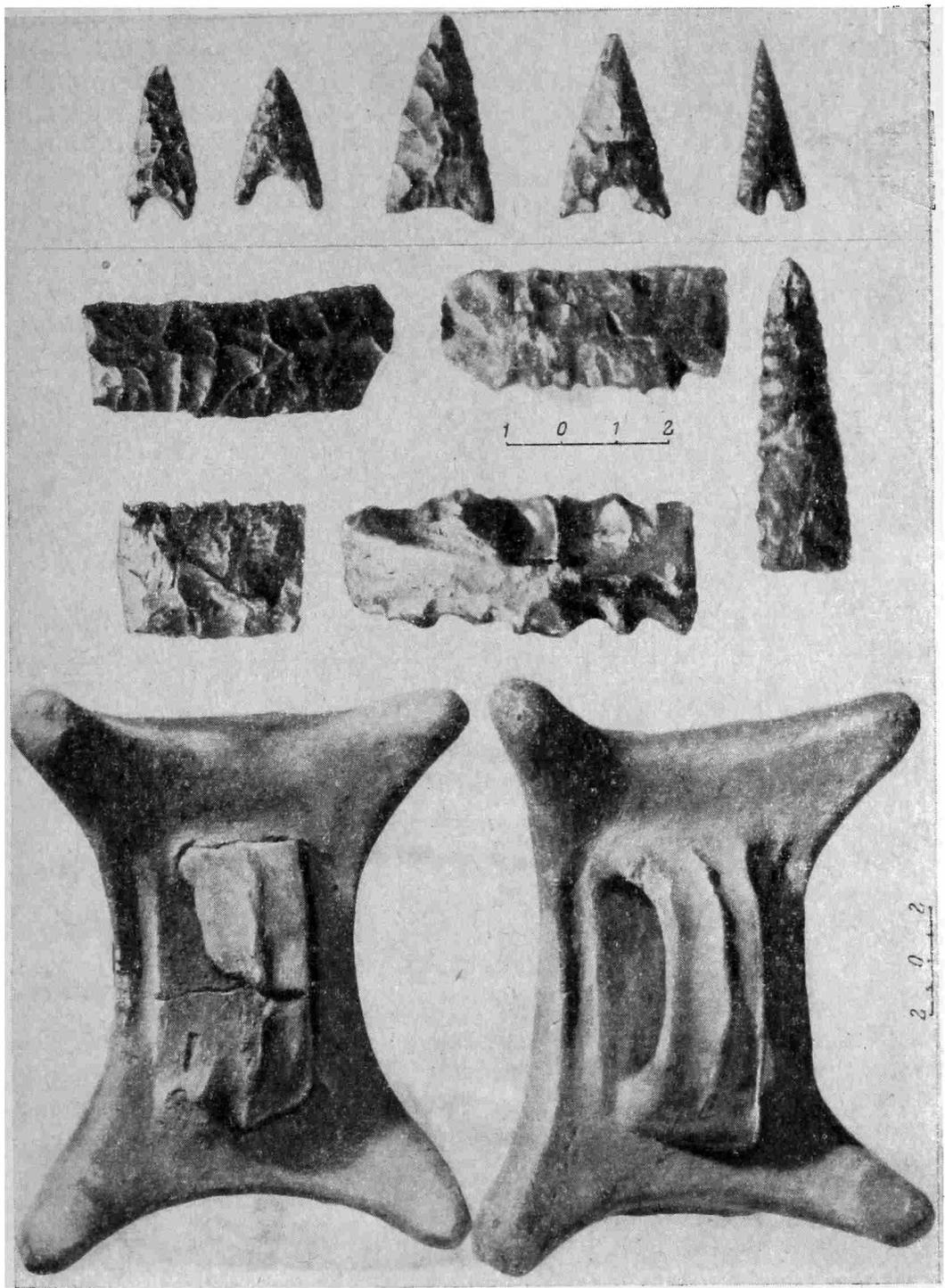

Рис. 8. Находки из Сержень-Юртовских поселений

1 — кремневые наконечники стрел; 2 — вкладыши для серпов; 3 — кремневый нож;
4 — глиняные очажные подставки

Что касается ранней даты Закавказского «энеолита», то уже Д. Л. Коридзе¹⁸ и Р. М. Мунчаев¹⁹, а сейчас О. М. Джапаридзе и А. А. Иессен²⁰ резонно допускают, что истоки куро-аракской культуры могут уходить в IV тысячелетие до н. э. и значительно предшествовать культурно близким памятникам Малой Азии, в особенности Сирии и Палестины.

¹⁸ Д. Л. Коридзе. Археологические памятники Тбилиси. Тбилиси, 1955, стр. 75, 91 (на груз. яз.).

¹⁹ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 157.

²⁰ А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 4.

В свете последних данных такие древнейшие памятники Восточной Анатолии, как поселения Караз близ Эрзерума, содержавшие признаки, близкие Закавказским (очаги и керамика с геометрическим орнаментом), Д. Меллартом отнесены ко второй половине III тысячелетия до н. э.²¹, а В. Лемб их относит даже к самому концу III тысячелетия до н. э.²².

Близкий же памятник из Центральной Анатолии — поселение в Бейджесултане (XIII и XIV слои с чернолощенной керамикой с рельефным

Рис. 9. Глиняный передвижной очаг из Сержень-Юртовского поселения

1 — остатки очага

спиральным орнаментом и роговидными выступами на очагах) датируется не древнее середины III тысячелетия до н. э. (2400—2300 гг. до н. э.). Любопытно, что по времени он соответствует образованию второго горизонта энеолитического слоя на Геой-Тепе у оз. Урмия²³.

Что же касается памятников из юго-западных районов Малой Азии, где встречаются древнейшие подковообразные глиняные очаги, как Мерсин в Киликии, Амуку и Табаре-эль-Акрад в Сирии или Кирбет-Керак в Палестине²⁴, то все они также соответствуют уже развитому ранне-бронзовому веку второй половины и конца III тысячелетия до н. э.

Таким образом, весь широкий сравнительный материал доказывает правомочность отнесения первой фазы Закавказской «куро-аракской» культуры к самому началу III тысячелетия до н. э. Что же касается Сержень-Юртовских поселений, то вряд ли их дату (до получения результатов по С¹⁴) можно уводить глубже середины III тысячелетия до н. э. Кстати, аналогии сержень-юртовским формам в коллекциях Ван-

²¹ J. Mellaart. *Anatolian Chronology in the Early and Middle Bronze Age*. AS, VII, 1957, стр. 73—75.

²² W. Lamb. *The Culture of North-East Anatolia and its Neighbours*. AS, IV, 1954, стр. 21; Н. С. Коşay, К. Turfan. *Erserum-Karaz Kazisi*. ТТК, XXIII, 1956, стр. 349.

²³ S. Lloyd, J. Mellaart. *Beycesultan Excavations...* AS, VIII, 1958, стр. 113.

²⁴ S. Hoqd. *Excavations at Tabara el Akrad, 1948—49*. AS, I, London, 1951, стр. 113; С. А. Burney. *Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age*. AS, VIII, 1958, стр. 207.

ского музея (чарки в виде опрокинутых усеченных конусов, кувшины с высокими шейками, полушарные ручки) Ч. Бырнеем датируются второй половиной III тысячелетия до н. э.²⁵ (рис. 7, 2, 3).

Пока же Сержень-Юртовские поселения можно рассматривать вместе с другими памятниками Чечено-Ингушетии и Дагестана, как представителей северо-восточного локального варианта древнейшего общекавказского культурного единства. Учитывая важное значение этих новых объектов Северного Кавказа, можно надеяться, что последующие исследования их окажутся очень полезными для всестороннего освещения общекавказской культуры эпохи ранней бронзы.

Как это ни странно на первый взгляд (особенно для некавказоведов), но органически связанными с упомянутыми памятниками Чечено-Ингушетии оказываются и объекты майкопской культуры. Как известно, памятники этой знаменитой культуры, ранее открытые только в Прикубанье, в советские годы были обнаружены в Кабардино-Балкарии и даже в Северной Осетии (под Моздоком). Начиная с 1958 г. элементы этой культуры стали выявляться отрядами СКАЭ при исследовании бытовых и погребальных памятников и в Чечено-Ингушетии.

Еще при раскопках «энеолитического» Лугового поселения в Ингушетии в 1952 г. мы отметили сходство найденных там глиняных, так называемых «рогатых» кирпичей с подобными же предметами из известного Долинского поселения Кабардино-Балкарии²⁶. Поразительным сходством с майкопской керамикой отличалась и посуда определенной формовки, приготовленная из хорошо отмученной глины.

Позднее, при раскопках Р. М. Мунчаевым курганных групп близ селения Бамут и Н. Я. Мерпертом курганов у станицы Мекенской на р. Терек были отмечены дополнительные признаки, указывающие на бытование майкопской культуры в прошлом и на территории Чечни. Эти признаки выражались прежде всего в керамике, отдельных орудиях труда и украшениях, но, что еще более важно, в самом погребальном обряде²⁷.

Научная оценка этих фактов и, в первую очередь, установление взаимосвязей майкопской культуры с местной древнейшей культурой Северо-Восточного Кавказа уже нашли свое достойное отражение в работах участников СКАЭ²⁸.

Так, в состав одного из основных погребений Бамутского кург. № 9²⁹ входили такие характерные для второго этапа майкопской культуры предметы, как медный сосуд, украшенный выпуклинами, два медных кинжала, шило, медные вилы с загнутыми концами и глиняные сосуды, аналогичные сосудам из широкоизвестных дольменов станицы Новосвободной (б. Царской)³⁰. Эти данные значительно расширяют действительный ареал майкопской культуры, доводя ее восточную границу почти до Дагестана. Именно они и подтверждают былое культурное единство далеких предков северокавказских народов в медно-бронзовом веке.

Вместе с тем вполне вероятно, что такие памятники Чечено-Ингушетии, как Луговое и Сержень-Юртовские поселения, Мекенские и Бамутские курганы отражают стык двух локальных регионов «энеолитической» культуры: северо-западного (Майкопского) и северо-восточного (в Чечне и Дагестане) (рис. 10, 1, 2).

²⁵ С. А. Вигпеу. Ук. соч., стр. 178—186.

²⁶ Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция, стр. 99.

²⁷ Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у станицы Мекенской. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963.

²⁸ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 155, его же. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии, стр. 197; Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушетии. Грозный, 1961, стр. 26—32.

²⁹ Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры..., стр. 197.

³⁰ ОАК за 1898 г., стр. 34—35, рис. 49—51, табл. V.

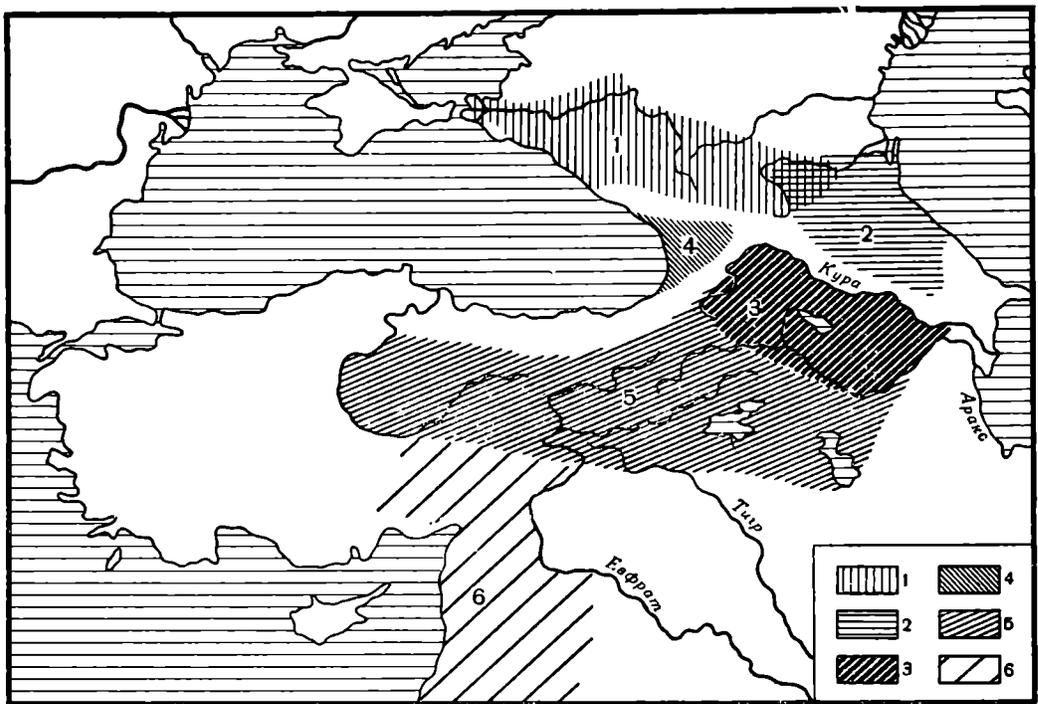

Рис. 10. Распространение «энеолитической» культуры на Кавказе и в Малой Азии
 1 — майкопская культура; 2 — «энеолитическая» культура Северо-Восточного Кавказа; 3 — «куро-аракский» энеолит; 4 — неизученный энеолит Западной Грузии; 5 — халколитическая культура Анатолии; 6 — ареал «кирбет-керакской» керамики

Очевидно, при дальнейшем полевом и камеральном изучении Бамутских курганов и Сержень-Юртовских поселений удастся уточнить взаимоотношения местной «энеолитической» и майкопской культур, из которых последняя, пожалуй, окажется более поздней, но в какой-то период сосуществующей с первой. В настоящее время А. А. Иессен снова попытался типологически сравнить майкопские древности со всеми возможными эталонами Передней и Малой Азии, начиная с Ура и кончая библосскими кладами и комплексами из Аладжи. Теперь майкопский этап он относит к 2500—2400 гг., а Новосвободненский (или Царский) — к 2300—2100 гг. до н. э.³¹

Таким образом, первая же попытка исторического осмысления новых материалов, добытых на Северном Кавказе в последние годы, приводит нас к признанию определенного культурного единства древнейших племен, которые в III тысячелетии до н. э. заселяли Дагестан, Чечено-Ингушетию, Северную Осетию, Кабардино-Балкарию и южные районы Ставропольщины и Краснодарского края.

Одновременно с признанием двух крупных локальных регионов этой культурной общности (на северо-западном и северо-восточном Кавказе) напомним о вновь выявленной органической связи этой общности с синхронной ей культурой Закавказья и даже Малой Азии (рис. 10)³².

Что касается специально майкопской культуры, то все, кто занимались анализом ее атрибуции, — Б. В. Фармаковский, А. А. Иессен, М. М. Ростовцев и др., — давно пришли к подобному же выводу. В настоящее время этот тезис развивают Л. Н. Соловьев, Б. А. Латынин и др. Он примерно звучит так: майкопская культура представляет собой не что иное, как северную периферию древнейшей кавказо-малоазиатской культурно-исторической области.

³¹ Доклад А. А. Иессена «Майкопская культура и ее датировка» 31 марта 1962 г. на пленуме Института археологии АН СССР, посвященного итогам полевых исследований 1961 г. (стенограмма, стр. 60—61).

³² А. А. Формозов. Периодизация поселений майкопской культуры. Историко-археологический сборник, посвященный 60-летию А. В. Арциховского. М., 1962, стр. 31.

Вывод о тесных взаимосвязях Кавказа и Малой Азии и даже о прошлом культурном единстве весьма популярен не только в СССР (Б. А. Куфтин, Б. Б. Пиотровский, Р. М. Мунчаев, А. И. Джавахишвили, Т. Н. Чубинишвили и др.), но и среди зарубежных ученых (Гюбер, Мелларт, Клод Шеффер, Морис Дюнан³³ и др.). И для этого есть серьезные основания. Вспомним теорию об импорте закавказского обсидиана на древний Восток еще в неолите. В бытность свою в Ливане и Сирии (в 1957 г.) я убедился в том, что в сирийско-ливанских кругах историков очень распространено мнение о значительном вывозе в древности кавказской меди на Ближний Восток³⁴. Там считают, что якобы на базе этого сырья и могла процветать металлообработка даже в таких центрах, как древний Библ. Меня поразило богатство в музеях Бейрута и Дамаска разнообразных биконических бус (из золота, бронзы, серебра и камня), таких же, как из одного кургана у ст. Новосвободной. Их импорт из древней Финикии на Кубань несомненен³⁵.

В аспекте решения основных задач древнейшей истории Кавказа особое значение приобретает установление общих черт «энеолитической» культуры Северного Кавказа с закавказским и даже анатолийским «халколитом». Накопление новых фактов о связях этих культур превращает этот вопрос в общую проблему древнейшего культурного единства и его отношения к какой-то большой и тоже единой культурной и этнической общности.

В самом деле, если на Северном Кавказе, в Закавказье и даже в восточных и центральных районах Малой Азии (в Анатолии) на рубеже IV—III и в III тысячелетии до н. э. наблюдается:

а) оседлость и общие формы хозяйства (земледелие, скотоводство и развитое гончарство);

б) небольшие однотипные поселения на холмах, с округлыми или прямоугольными жилищами, с передвижными очагами, с использованием глиняных блоков;

в) одинаковые типы керамики с преобладанием спиральной орнаментации³⁶, каменные и костяные орудия — то почему в этой материальной однородности нельзя видеть отражения и этнического единства или этнической общности, т. е. предполагать существование родственных между собой племенных групп, говорящих на очень близких языках или даже диалектах? В этой связи не безынтересен тезис известного лингвиста-дагестановеда Е. А. Бокарева о бытовании общедагестанского праязыка не ближе III тысячелетия до н. э.³⁷, что кажется мне убедительным. Следует помнить, что язык является хотя и важным, но далеко не единственным, признаком этнической общности. Необходимо учитывать показания и иных признаков: археологических, антропологических и иных.

Здесь крайне важно отметить наличие на Кавказе и антропологического единства. По заключению антропологов-кавказоведов, коренное население всего Кавказского перешейка в основном довольно однородно и при наличии отдельных типов представляет одну ветвь европеоидной расы. Что же касается районов, наиболее нас интересующих, т. е. районов Северного Кавказа и всего центрального Закавказья, заселенных адыгейцами, абазинами, черкесами, кабардинцами (и даже балкарцами, карачаевцами и осетинами), а также чеченцами, ингушами и горскими народами Дагестана, а за Кавказским хребтом — мощной грузинской группой, то все они относятся к единому и автохтонному, кав-

³³ M. Dupand. Fouilles de Byblos, II, Paris, 1954, стр. 398.

³⁴ Об этом свидетельствует карта в экспозиции Бейрутского музея.

³⁵ Е. И. Крупнов. О древних связях юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока. ВИМК, 1958, 1, стр. 72.

³⁶ Кстати, спиральный орнамент совсем не свойствен древнему прикладному искусству Ирана и Месопотамии, скажем, Шумеру, и присущ только Кавказу и Малой Азии.

³⁷ Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, стр. 8, 17.

касионскому антропологическому типу³⁸ (рис. 11). Автохтонное развитие этого типа было прослежено М. Г. Абдушлишвили и признается другими антропологами (Г. Ф. Дебеч и др.). К сожалению, нам неизвестны итоги антропологического изучения населения Анатолии и всей Малой Азии в историческом освещении³⁹.

Случайны ли все эти совпадения устойчивости и единства? Нет, не случайны! Вполне логично предполагать, что они порождены древней-

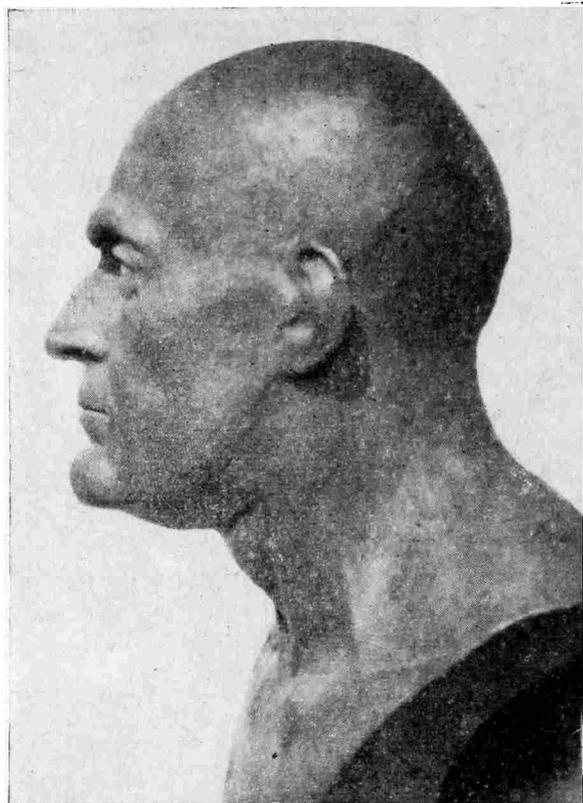

Рис. 11. Антропологический «кавказский тип». Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из кургана XIV—XV вв., раскопанного Р. М. Мунчаевым у сел. Бамут ЧИА ССР

шим бытованием на Кавказе единой в своих основных чертах материальной культуры энеолита и эпохи ранней бронзы. Племена этой культуры, как мы теперь знаем, были едины и антропологически. Очевидно, они принадлежали к одной этнической среде, т. е. были носителями единого кавказского языкового субстрата, позднее оформившегося под именем «иберийско-кавказской» языковой семьи, которая, по признанию большинства советских и иностранных ученых, находится в генетическом родстве с языковой группой древних несемитических и доиндоевропейских народов Малой Азии (хатты или протохетты, хурриты, урарты и др.)⁴⁰. Но там живые языки после нашествия турок-сельджуков не сохранились.

Как известно, Ф. Мюллер еще в 1864 г. высказал мнение, согласно которому коренные языки Кавказа представляют собой не что иное, как пережиток

некогда более многочисленной семьи языков, бытовавших не только на Кавказе, но и к югу от Кавказа, еще задолго до появления здесь индоевропейских и даже семитических языков⁴¹. В свете последних археологических данных эта мысль не лишена оснований. Что же касается собственно Кавказа, то современные лингвисты-кавказоведы (А. С. Чикобава, К. В. Ломтатидзе, Т. Е. Гудава, Е. А. Бокарев, Ю. Д. Дешериев, Г. А. Климов и др.) по данным фонетики, лексики и грамматического строя выделяют в кавказской языковой семье три основные группы: западнокавказскую, или «абхазо-адыгскую»; восточнокавказскую, или «дагестано-вейнахскую»; закавказскую, или

³⁸ Народы Кавказа, т. I. М., 1960, стр. 28; А. Г. Гаджиев. Этническая антропология Дагестана. Автореф. канд. дис. М., 1963; В. П. Алексеев. Антропологические данные к проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта. Антропологический сборник, IV, М., 1963, стр. 63.

³⁹ И. М. Дунаевская. О характере и связях языков древней Малой Азии. ВЯ, 1954, 6, стр. 78.

⁴⁰ А. С. Чикобава. О двух основных вопросах изучения иберийско-кавказских языков. ВЯ, 1955, 6, стр. 78—86; К. В. Ломтатидзе. Некоторые вопросы иберийско-кавказского языкознания. ВЯ, 1955, 4, стр. 81; В. Георгиев. Вопросы родства средиземноморских языков. ВЯ, 1954, 4, стр. 71.

⁴¹ А. С. Чикобава. Ук. соч., стр. 224.

«картвело-свано-занскую»⁴². При этом «закавказская» по ряду признаков занимает как бы промежуточное положение между первыми двумя, являясь синхронной им.

В этой связи нельзя не отметить, что и в рассматриваемой общекавказской археологической культуре эпохи ранней бронзы в настоящее время археологи также выделили те же три локальных варианта (основную — «куро-аракскую» группу, «северо-восточную» — в Чечне и Дагестане и, наконец, «северо-западную» — группу майкопской культуры) (рис. 10).

Сопоставляя эти факты, можно предположительно рассматривать их как показатели уже начавшегося в III тысячелетии до н. э. распада общекавказской культурной и языковой общности. Еще большая дробность и локализация археологических культур наблюдается позднее. Она связана как с усложнением социально-экономической жизни, так и с последствиями проникновения на Кавказ инородных этнических элементов.

Когда же начался распад кавказского единства?

Используя математический метод в лингвистике, разработанный американцем и фонологом М. Сводешем, доказавшим утрату в среднем 15—20% основного словарного фонда за одно тысячелетие, Е. А. Бокарев подтвердил эту цифру применительно к дагестанским языкам. Он считает, что обособление дагестанских языков произошло не ранее III тысячелетия до н. э.⁴³ Молодой лингвист Г. А. Климов высчитал, что, скажем, свано-занские языки стали обособляться от общей картвельской языковой группы примерно в XIX в. до н. э. В свете археологических данных эти выводы лингвистов вполне правдоподобны⁴⁴.

Вот какие сложные и важные вопросы встают при попытке широкого исторического осмысления древнейших археологических объектов Кавказа, какими являются и новые памятники Чечено-Ингушетии, при сопоставлении их с аналогичными материалами Дагестана, Западного Кавказа, Закавказья и Малой Азии.

Задачи дальнейшего изучения древнейшей кавказской истории уже сейчас выдвигают две важные проблемы: 1) выяснение происхождения «энеолигической» культуры Кавказа, что упирается в совершенно неизученный вопрос о неолите всего Кавказского перешейка и его соответствия с неолитическими культурами древнего Востока; 2) вторая проблема вытекает из данных о культурном единстве «энеолита» Кавказа и «халколита» Малой Азии. Основываясь на выводе о глубокой общекавказской культурной общности, резонно поставить вопрос о возможности видеть в этом единстве отражение древнейшего языкового субстрата, явившегося материальной подосновой для формирования особой, так называемой «кавказской» языковой семьи. Вместе с тем, мы констатировали уже выделение в этом единстве трех локальных вариантов. Поэтому вполне логично предполагать, что образование этой общности могло иметь место еще в предшествующий период, т. е. в подлинном энеолите и неолите, который, к сожалению, на Кавказе изучен слабо. Следовательно, и для разрешения этой важнейшей этногенетической проблемы изучение кавказского неолита крайне необходимо. Неолит Кавказа — это наш «Карфаген», и он должно быть взят, т. е. открыт повсеместно и хорошо изучен!

Выше уже было сказано, что работами зарубежных ученых отмечено некоторое сходство между «энеолитической» керамикой из Закавказья,

⁴² А. С. Чикобава. Введение в языкознание, ч. I. М., 1952, стр. 220; Г. А. Климов. К типологической характеристике картвельских языков (в сопоставлении с другими иберийско-кавказскими языками). XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960, I; Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, стр. 5.

⁴³ Е. А. Бокарев. Ук. соч., стр. 17.

⁴⁴ Г. А. Климов. О лексико-статистической теории М. Сводеша. Сб. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961, стр. 245.

Восточной и Западной Анатолии и аналогичной керамикой, ставшей теперь известной из Сирии и Палестины. Вместе с тем, все больше подтверждается мнение о более позднем возрасте этой так называемой «кирбет-керакской» керамики по сравнению с «куро-аракской»⁴⁵. Первая глубже середины III тысячелетия до н. э. не датируется. По мнению С. Худа, О. М. Джапаридзе и др., она может служить доказательством более позднего перемещения кавказо-малоазийских племен на юго-запад⁴⁶ (рис. 10). Возможно, что это имело место, но только не в результате нашествия или давления индоевропейских племен.

Известно, что с проблемой взаимоотношений между отдельными древними местными культурами и языками Малой Азии давно уже связывается вопрос о времени и путях появления в Малой Азии племен и народностей, принесших с собой индоевропейские языки.

Долго господствовало мнение о том, что хетты-неситы и другие народы, говорящие на индоевропейском языке, переселились в Малую Азию еще до II тысячелетия до н. э. из юго-восточной Европы через Балканы (А. Гётце, В. Георгиев, Б. Грозный и др.)⁴⁷. Однако позднее эта гипотеза была пересмотрена. Уже в 1940 г. Б. Грозный заявил, что индоевропейские хетты в Малую Азию «пришли через Кавказ, а не через Балканы»⁴⁸. Сейчас на этом настаивает Ф. Зоммер⁴⁹. В СССР последнюю точку зрения разделяет востоковед-хеттолог В. В. Иванов. В подтверждение тезиса о том, что индоевропейские хетты пришли в Малую Азию из причерноморских или прикаспийских степей именно через Кавказ, автор ссылается на «некоторые археологические данные», якобы «свидетельствующие о связях предметов материальной культуры Малой Азии и Кавказа»⁵⁰. Это, конечно, не так. Как мы видели из предыдущего изложения, определенное сходство в материальной культуре Кавказа и Малой Азии прослеживается в III тысячелетии до н. э., а не в начале II тысячелетия до н. э., когда индоевропейцы появились в Малой Азии. Вероятнее всего, они проникли туда через Балканы, на чем и сейчас настаивают В. Георгиев и др.

Что же касается форм материальной культуры Предкавказья, Кавказа и Малой Азии II тысячелетия до н. э., то они в основной своей массе столь различны, что о сходстве между ними не может быть и речи.

Типы орудий труда и быта, равно как и характер древних погребальных обрядов, являющихся одним из надежных этнических признаков, не подтверждают гипотезы о проникновении с севера в III тысячелетии до н. э. в кавказскую среду инородных, тем более индоевропейских элементов. Наоборот, как мы видели, они свидетельствуют о наличии на Кавказе древнейшей и единой культурной общности, правда уже с первыми признаками ее распада (выделение локальных вариантов).

Из всеобщей истории и сравнительного языкознания мы знаем, что примерно в самом начале II тысячелетия до н. э. в Малой Азии оформились неситские или позднехеттские племена (по морфологии языка), родственные индоевропейским⁵¹. Возможно, они и были носителями и

⁴⁵ В бытность в Турции в конце 1962 г. мне приходилось слышать мнение турецких ученых (проф. Н. Эзгюч и др.), обоснованное личным знакомством их с коллекциями палестинских музеев, что кирбет-керакская керамика более поздняя, чем куро-аракская.

⁴⁶ S. Hood. Ук. соч., стр. 117; О. М. Джапаридзе. Ук. соч., стр. 268.

⁴⁷ А. В. Десницкая. Древние языки Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков. ВЯ, 1952, 4, стр. 50; Б. Грозный. Хеттские народы и языки. ВДИ, 1938, 2.

⁴⁸ Б. Грозный. Доисторические судьбы Передней Азии. ВДИ, 1940, 3—4, стр. 45.

⁴⁹ F. Sommer. Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947, стр. 9.

⁵⁰ В. В. Иванов. Очерк истории и культуры хеттов. Послесловие к книге К. Ке-рама «Узкое ущелье и Черная гора». М., 1962, стр. 186.

⁵¹ В. Грозный. Die Sprache der Hethiter, ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zur indogermanischen Sprachstamm. Leipzig, 1917; А. В. Десницкая. Ук. соч., стр. 40.

распространителями так называемой «культуры крашеной керамики». Появившись в Малой Азии, а позднее и в Закавказье, они как бы нарушили древнее культурное единство кавказского мира с юга. Но это происходило уже во II тысячелетии до н. э.

Все умножающиеся археологические факты, свидетельствующие о проникновении на Кавказ из степных районов юго-восточной Европы (из районов обитания древнего индоевропейского населения) элементов ямной и катакомбной культур на равнины Кубани, Терека и Приморского Дагестана, доказывают почти одновременное нарушение общекавказского культурного единства и с севера. Это имело место также не ранее середины II тысячелетия до н. э.⁵² Что же касается самого Кавказа, то определенно можно сказать, что до II тысячелетия до н. э. здесь бытовала единая в своих основных чертах культура — единая общекавказская этническая среда, очевидна, носительница кавказского языкового субстрата, позднее оформившегося под названием кавказской языковой семьи.

Мне известно, что работами молодого балкарского лингвиста Бориса Балкарова в древних слоях осетинского, вейнахских (ингушского и чеченского) и даже дагестанских языков выявлены элементы, сходные с архаическими адыгскими. Не являются ли они следами общекавказского языкового субстрата, подстилающего языки многих коренных народов Северного Кавказа?

Очевидно, проблема кавказского языкового субстрата, разработанная в советские годы Н. Я. Марром, В. И. Абаевым, Г. С. Ахвледиани⁵³ и другими лингвистами-кавказоведами, теснейшим образом должна быть связана с проблемой древнейшей общекавказской культуры и ее локальными вариантами периода энеолита и эпохи ранней бронзы. Любопытно, что не только у историков материальной культуры, но и у языковедов давно уже складывалось мнение о том, что некогда на Кавказе оформлялся единый в существенных чертах культурный мир. А один из крупнейших наших лингвистов-кавказоведов, иранист В. И. Абаев почти 20 лет назад писал, что на Кавказе «при всей языковой раздробленности, существует единая кавказская этническая культура»⁵⁴. Настала пора установить соответствие этой этнической культуры с материальной культурой, оставленной древнейшим населением Кавказа.

В свете всех современных научных данных уже теперь вполне резонно предполагать, что кавказское культурное и этническое единство, или кавказская языковая семья, оформилась очень давно, еще в неолитическую эпоху, до выступления на историческую арену Старого Света семитических, индоевропейских, угро-финских, а тем более тюркоязычных народов.

Целью данной статьи является попытка обосновать постановку этой проблемы. Конечно, ее научное решение — дело будущего. Оно потребует коллективных усилий археологов, антропологов, этнографов и лингвистов. Но успешное решение этой важнейшей для народов Кавказа исторической задачи представляется нам очень перспективным и обнадеживающим.

⁵² Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, стр. 167.

⁵³ Н. Я. Марр. *Ossetica — Japhetica*. Избр. работы, I. Л., 1933; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М., 1949, стр. 75; Г. С. Ахвледиани. *Ossetica-Geogica*. ИСОНИИ, XXII, 1, 1960, стр. 29.

⁵⁴ В. И. Абаев. Ук. соч., стр. 89.

Н. А. ФРОЛОВА

МОНЕТЫ СКИФСКОГО ЦАРЯ СКИЛУРА

Монеты скифского царя Скилура являются одним из основных источников как по истории причерноморских скифов, так и по истории Ольвии периода ее подчинения скифам; даже сам факт полного подчинения города скифскому царю во II в. до н. э. устанавливается только на основании монет с именами города и царя Скилура и не подкрепляется более ни эпиграфическими, ни литературными данными. Поэтому монеты скифского царя Скилура всегда вызывали живейший интерес нумизматов и историков, занимавшихся изучением политической и экономической жизни Ольвии.

В настоящее время известны три типа монет с именем Скилура¹. Все они были опубликованы еще в первой трети прошлого столетия, но до последнего времени никогда не отмечалось, что каждый из этих типов представлен несколькими вариантами, отличающимися друг от друга рядом признаков². Ввиду этого считаем целесообразным дать прежде всего описание всего доступного изучению нумизматического материала.

Первый тип (голова царя — оружие и колос)³.

В а р и а н т А

Ав. Голова бородатого царя в островерхой шапке, с ожерельем на шее, вправо.

Рев. Колос вершиной вправо, под ним лук в горите, обращенный тетивой вверх и вправо, ниже палица утолщением, влево; сверху ΒΑΣΙΛΕΩΣ, снизу ΣΚΙΛΟΥΡΟΥ, слева сверху вниз ΟΛΒΙΟ (рис. 1, 1).

1. Вес 7,26 г. ГИМ⁴ (рис. 2, 1) (б. собрание П. О. Бурачкова).

2. Вес 6,26 г. ГИМ⁵ (рис. 2, 2) (б. собрание П. О. Бурачкова); на аверсе круглое клеймо с изображением колеса с четырьмя спицами.

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 137—138; K. Regling, *Skiluros*. RE, III—A, 2 серия, полут. 5, 1927, стб. 526—527.

² А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 137—138; А. Г. Сальников. Монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии. ЗОАО, I(34), 1960, стр. 87—90 (по отношению к монетам первого типа наличие вариантов отмечено, но описаны они неверно).

³ Монеты этого типа известны с 1831 г. I. de Blagatberg. *De la position des trois forteresses tauro-scythes*. Odessa, 1831, стр. 11, табл. II, b; D. Sestini. *Descrizione d'alcune medaglie greche del museo Chaudoir*, 1831, стр. 38, № 3.

⁴ П. О. Бурачков. Общий каталог монет, I. Одесса, 1884, стр. 77, № 248, табл. IX, 206 (ав); В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 121, № 4; А. В. Орешников. О монетах скифских царей с именем города Ольвии. ЗРАО, нов. сер., IV, 1891, стр. 22, № 3, табл. II, 3; П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака. КСИИМК, XII, 1946, рис. 23; Э. И. Соломоник. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. Сб.: «Археология и история Боспора», 1. Симферополь, 1952, рис. 6, 1.

⁵ И. П. Бларамберг. О положении трех тавро-скифских крепостей, упоминаемых Страбонам. ИТУАК, 7, 1889, рис. 2; А. В. Орешников. Ук. соч., табл. II, 2;

3. Вес 4,62 г (часть монеты обломана). Киев, собрание Института археологии АН УССР (монета найдена в Ольвии в 1945 г.). На аверсе такое же клеймо, как на предыдущей.

4. Вес 4,62 г. Частное собрание (монета найдена в окрестностях Очакова в 1952 г.). Монеты чеканены разными штемпелями.

В а р и а н т Б

Ав. То же, но ожерелья не видно.

Рев. Лук в горите, обращенный тѣтивою вниз и влево, ниже палица утолщением вправо; сверху ΒΑΣΙΛΕΩΣ, снизу ΣΚΙΛΟΥΡΟΥ, под именем царя колос вершиной влево, справа снизу вверх ΟΛΒΙΟ (рис. 1, 2).

5. Вес 7,25 г. ГИМ⁶ (рис. 2, 3).

6. Вес 6,16 г. Частное собрание (монета разломана и склеена из двух половин) (рис. 2, 4). Аверсы этих экземпляров чеканены одним штемпелем, а реверсы — разными.

Средний вес шести известных экземпляров монет этого типа 6 г; диаметр их 20—22 мм.

Второй тип (голова в покрывале — повозка) ⁷.

В а р и а н т В

Ав. Женская голова в покрывале, вправо.

Рев. Пароконная повозка, вправо (колеса маленькие, спицы расположены вертикально и горизонтально), сверху ΒΑΣΙΛΕΩΣ, снизу ΣΚΙΛΟΥΡΟΥ, слева сверху вниз ΟΛΒΙΟ (рис. 1, 3).

7. Вес 3,18 г. Гос. Эрмитаж (б. собрание С. Шодуара) ⁸ (рис. 2, 5).

8. Вес 3,09 г. ГИМ (по всей вероятности, из б. собрания П. О. Бурачкова) ⁹ (рис. 2, 6).

9. Вес 2,95 г. Гос. Эрмитаж (рис. 2, 7).

10. Вес 2,87 г. ГИМ (рис. 2, 8).

11. Вес 2,77 г. ГИМ (рис. 2, 9).

12. Вес 2,32 г. ГИМ (б. собрание А. С. Уварова) ¹⁰ (рис. 2, 10).

В а р и а н т Г

Ав. Все так, как на предыдущих монетах.

В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 121, № 5; E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, табл. III, 25; Э. И. Соломоник. Ук. соч., рис. 6, 2; А. Г. Сальников. Ук. соч., табл. I, 4.

⁶ А. В. Орешников. Ук. соч., стр. 22, № 4, табл. II, 4; В. Pick. Die antiken Münzen Nord-Griechenlands, I, ч. 1, Berlin, 1898, табл. XII, 4; А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XXXII, 2.

⁷ Монета такого типа впервые издана в 1818 г. Д. Сестини, правильно описавшим типы, но неверно прочитавшим надписи, ввиду чего монета отнесена к Армении (D. Sestini. Lettere e dissertazioni numismatiche. IV, Firenze, 1818, стр. 100, табл. VI, 21); через четыре года Д. Рауль-Рошетт издал другой экземпляр, правильно отнеся его к Скилуру, но изображение на обороте он описал как рыбу (D. Raoul-Rochette. Antiquités grecques du Bosphore Cimmérien. Paris, 1822, стр. 99, табл. 1, 11). В 1831 г. Сестини исправил эти ошибки и дал первое верное издание монет этого типа (D. Sestini. Descrizione d'alcune medaglie greche..., стр. 38, № 1, табл. I, 15).

⁸ Этот экземпляр дважды издан Сестини (см. прим. 7); он воспроизводился также Кене (Б. В. Кене. Описание Музеума кн. В. В. Кочубея, I. СПб., 1856, стр. 28, рис. в тексте; В. von Keschne. Münzen der Skythen. BBMSWK, II, 1865, стр. 138, № 11, рис. в тексте); В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 121, № 2; А. В. Орешников. Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова, VIII. М., 1887, стр. 23, № 197/19в; И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. 2, СПб., 1889, стр. 41, рис. 28; E. H. Minns. Ук. соч., стр. 50; В. Pick. Ук. соч., табл. XII, 5; А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XXXIII, 23.

⁹ П. О. Бурачков. Ук. соч., стр. 77, № 246. На соответствующем рисунке (табл. IX, 204) аверс срисован с экземпляра № 11, а реверс скомбинирован на основании этих обеих монет, что отмечено А. Л. Бертье-Делагардом (А. Л. Бертье-Делагард. Поправки Общего каталога монет П. О. Бурачкова. М., 1907, стр. 8).

¹⁰ А. С. Уваров. Исследование о древностях Южной России и берегов Черного моря, I. СПб., 1851, стр. 113, № 64, табл. XXIII, 64.

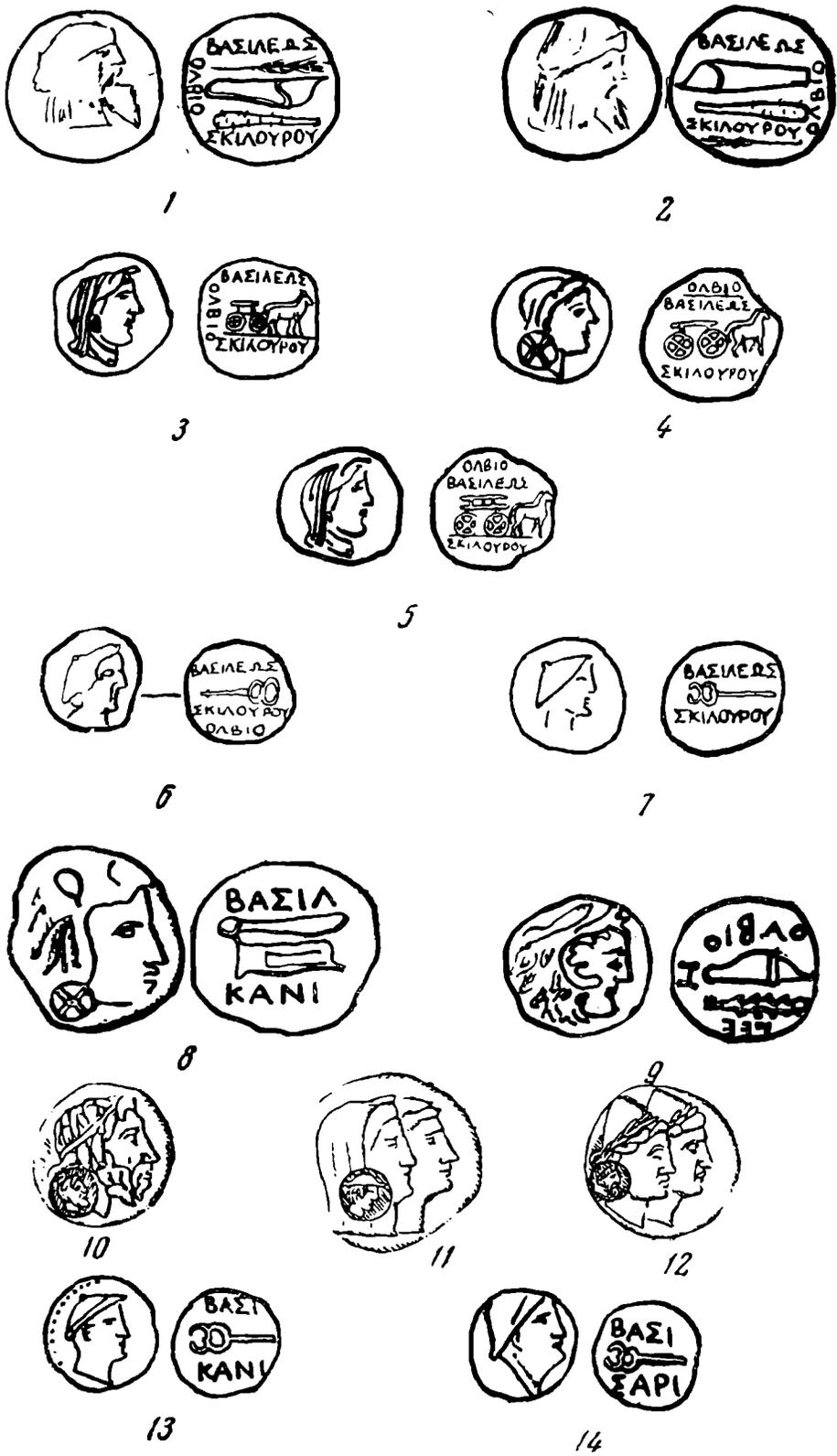

Рис. 1

1 — 7 — монеты Скилура, чеканенные в Ольвии; 8, 10, 11, 13 — монеты Канита;
9 — монета Ольвии; 12 — монета Хараспа; 14 — монета Сарии

Рис. 2

1—19 — монеты Скилура, чеканенные в Ольвии; 20—22 — монеты Ольвии

Рев. То же изображение (колеса повозки крупнее и спицы расположены наклонно), в надписи имя города помещено в верхней части поля и отделено чертой от титула Скилура (рис. 1, 4).

13. Вес 3,54 г. ГИМ (рис. 2, 11).

14. Вес 3,46 г. ГИМ (по всей вероятности, из собрания А. С. Уварова)¹¹ (рис. 2, 12).

15. Вес 3,27 г. Частное собрание (монета куплена в Ольвии) (рис. 2, 13).

16. Вес 3,05 г. ГИМ.

17. Вес 2,85 г. ГИМ (б. собрание П. О. Бурачкова)¹² (рис. 2, 14). На аверсе такое же клеймо, как на монетах № 2, 3.

В а р и а н т Д

18. Ав. Подобна предыдущим.

Рев. То же изображение (колеса повозки представлены так же, как на монетах варианта Г, но корпус ее изображен не одной линией, как на монетах вариантов В — Г, а двумя параллельными линиями, соединенными вертикальными черточками, имя города стерто) (рис. 1, 5). Вес 3,03 г. ГИМ (б. собрание А. С. Уварова)¹³ (рис. 2, 16).

19. Вес 3,28 г. Частное собрание. На аверсе точно такое же клеймо, как на монетах № 2, 3, 17 (рис. 2, 15).

Средний вес монет второго типа около 3,04 г. Диаметр 16,5—18 мм. В прошлом веке была известна еще одна монета этого типа с таким же клеймом, но она относится, судя по рисункам в старинных изданиях, к варианту В¹⁴.

Следует отметить, что почти все имеющиеся в нашем распоряжении монеты Скилура вариантов В, Г, Д очень плохой сохранности. Лицевые стороны монет этого типа, видимо, были чеканены одним штемпелем. Что же касается оборотных сторон монет, то с уверенностью можно говорить лишь о некоторых из них. А именно: реверсы монет рис. 2, 5 и 7 чеканены одним штемпелем, реверсы монет рис. 2, 11, 12, 14 — другим и оборотные стороны монет рис. 2, 15, 16 — третьим.

Третий тип (голова Гермеса — кадуцей)¹⁵.

В а р и а н т Е

Ав. Голова Гермеса в петасосе вправо.

Рев. Кадуцей, обращенный вершиной вправо, сверху ΒΑΣΙΛΕΩΣ, снизу ΣΚΙΛΟΥΡΟΥ, ниже имени царя ΟΛΒΙΟΥ (рис. 1, 6).

20. Вес 2,61 г. Частное собрание (рис. 2, 17).

В а р и а н т Ж

Ав. Подобна предыдущей.

Рев. Кадуцей вершиной влево, та же надпись, но без имени города (рис. 1, 7).

21. Вес 3,07 г. Гос. Эрмитаж (рис. 2, 18).

22. Вес 2,45 г. Гос. Эрмитаж¹⁶ (рис. 2, 19).

Еще одна монета, принадлежащая к последнему варианту, хранилась в начале текущего столетия в музее Одесского общества истории и древностей (вес 2,5 г)¹⁷. С учетом этого экземпляра средний вес монет третьего типа 2,65 г, диаметр 15—18 мм. Среди монет этого типа пере-

¹¹ А. В. Орешников. Каталог собрания древностей..., стр. 23, № 198.

¹² П. О. Бурачков. Ук. соч., стр. 77, № 247, табл. IX, 205 (ав).

¹³ А. С. Уваров. Ук. соч., стр. 113, № 65, табл. XXIII, 65; А. В. Орешников. Каталог собрания древностей..., стр. 23, № 199.

¹⁴ D. Raoul-Rochette. Ук. соч., табл. I, 11; I. de Blaramberg. Ук. соч., табл. II, с.

¹⁵ D. Raoul-Rochette. Ук. соч., стр. 98, табл. I, 9—10; I. de Blaramberg. Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia. Paris, 1822, стр. 63, № 202—203, табл. XX, 202—203.

¹⁶ В. von Kochne. Ук. соч., стр. 138, № 10, табл. XV, 5.

¹⁷ E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, табл. III, 24.

чеканенных экземпляров нет. Из-за плохой сохранности монет судить о штемпелях трудно.

Перечисленными выше монетами исчерпываются известные нам в оригиналах, слепках и надежных репродукциях монеты с именем царя Скилура¹⁸. По рисункам в старинных нумизматических сочинениях мы не решаемся отождествлять монеты, опубликованные Рауль-Рошеттом и Бларамбергом, с экземплярами, хранящимися в настоящее время в музеях СССР.

В зарубежных собраниях, насколько нам известно, монеты Скилура отсутствуют.

Вопрос о том, из скольких номиналов состоит чеканка Скилура, сложен. Если исходить из средних весов всех типов монет Скилура, то мы получаем следующие соотношения. Монеты: 1 — с «портретом» — 6 г; 2 — с «повозкой» — 3,04 г; 3 — с «Гермесом» — 2,65 г. Разница в средних весах у монет с «повозкой» и монет с «Гермесом» всего в 0,39 г. Кроме того, монеты с изображением повозки имеют колебания в весе от 3,54 до 2,32 г. Вес же монет с «Гермесом» колеблется от 3,07 до 2,45 г. Тем самым последние беспрепятственно входят в диапазон колебания весов монет с «повозкой». Диаметры монет этих обоих типов тоже близки: для монет с «повозкой» — от 16,5 до 18 мм, для монет с «Гермесом» — от 15 до 18 мм. Если исходить из этих данных, то можно думать, что чеканка Скилура состояла из двух номиналов. Но, с другой стороны, некоторые факты позволяют утверждать, что чеканка Скилура состояла из трех номиналов по аналогии с более ранними ольвийскими монетами **серии** ВΣΕ, состоящей из трех номиналов: старший¹⁹ — 8,53 г, средний²⁰ — 4,22 г, младший²¹ — 1,84 г.

Привлекая к решению вопроса о номиналах весовые данные, которые дает нам серия автономных ольвийских монет (см. о них ниже), одновременная и однотипная с царскими монетами варианта Ж, мы получаем следующую картину: 1) портрет — 6 г, 2) повозка — 3,04 г, 3) Гермес царский — 2,65 г, 4) Гермес автономный — 2,24 г.

Итак, если считать монеты Скилура с изображением Гермес-кадуцей и городские монеты этого же типа за один номинал, то мы будем иметь серию из трех номиналов²². А. Г. Сальников также высказывал предположение, что общее число номиналов монет Скилура равно трем²³. Но нельзя согласиться с утверждением автора, что выпуски Скилуром меди Гермес-кадуцей без имени города есть следствие упрочения власти скифского царя над Ольвией. А. Г. Сальников считает, что в пользу этого говорит и «прекращение выпуска автономных монет города во время пребывания Ольвии под властью Скилура»²⁴. Решая вопрос таким образом, автор забывает, вероятно, что одновременно с монетами Скилура типа Гермес-кадуцей Ольвией чеканились автономные монеты того же типа, но с надписью ОΛΒΙΟ. По тематике и стилю изображений эти городские ольвийские монеты близко примыкают к описанным выше монетам Скилура третьего типа.

¹⁸ К ним следует еще прибавить экземпляр второго типа варианта В из б. собрания Г. П. Алексеева (ср. В. Ріск. Ук. соч., I, ч. 2, Berlin, 1910, стр. 919), этой монеты нет в аукционном каталоге указанного собрания, и вес ее неизвестен.

¹⁹ В. Ріск. Ук. соч., табл. X, 13.

²⁰ Там же, табл. X, 14.

²¹ Там же, табл. X, 15—17.

²² Увеличение веса царской монеты по сравнению с современной ей городской известно в нумизматике Боспора; так, медь Левкона II превосходила по весу современные ей пантикапейские монеты (Д. Б. Шелов. Денежная реформа Левкона II. ВДИ, 1953, 1, стр. 36; е го же. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, стр. 157).

²³ А. Г. Сальников. Ук. соч., стр. 89.

²⁴ Там же, стр. 90.

Ав. Голова Гермеса в петасосе вправо.

Рев. Крылатый кадуцей влево. Сверху над ним ОΛ ΒΙΟ.

Монеты данного типа биты двумя штемпелями лицевых сторон. Отличие их невелико. Первый штемпель лицевой стороны имеет изображение головы Гермеса в плоской шапочке, переданной двумя схематическими линиями (рис. 2, 20).

1. Вес 2,73 г. ГИМ, № 1137.
2. Вес 2,50 г. ГИМ, № 1138.
3. Вес 2,15 г. ГИМ, № 1139.
4. Вес 2,15 г. Гос. Эрмитаж, № 705.
5. Вес 2,03 г. ГИМ, № 1140.
6. Вес 1,86 г. ГИМ, № 1142.
7. Вес 1,80 г. ГИМ, № 1143.
8. Вес 1,80 г. ГИМ, № 1144.
9. Вес 1,67 г. ГИМ, № 1146.

Диаметр от 11,5 до 14 мм.

Вторым штемпелем лицевой стороны биты монеты, имеющие более крупное изображение головы Гермеса в петасосе несколько иной формы и переданное наиболее детально (рис. 2, 21, 22).

10. Вес 2,63 г. Гос. Эрмитаж, № 704.
11. Вес 2,57 г. Гос. Эрмитаж, № 706.
12. Вес 1,96 г. ГИМ, № 1141.
13. Вес 1,67 г. ГИМ, № 1145.
14. Вес 1,64 г. ГИМ, № 1147.

Оборотные стороны этих монет биты одним штемпелем.

Таким образом, мы здесь сталкиваемся с очень интересным явлением в истории монетной чеканки Ольвии; наряду с царской монетой Гермес-кадуцей ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΚΙΛΟΥΡΟΥ, но без имени города, мы имеем городскую автономную монету с надписью ОΛΒΙΟ и без имени царя. Стилистическое сходство и одинаковая величина их — признаки, говорящие в пользу того, что монеты одновременны²⁵. Встает вопрос о том, как совместить эти два явления, почему город, который находился под властью скифского царя²⁶, вдруг стал чеканить свою собственную монету без какого бы то ни было упоминания о власти Скилура?

Для выяснения этого вопроса нам необходимо обратиться к истории монетного дела западнопонтийских городов и царей Малой Скифии — Канита, Танузы, Хараспа, Акросы, Сарии и Эйлия²⁷ и их взаимоотношений во II в. до н. э.

В литературе, освещающей вопрос о взаимоотношениях западнопонтийских городов и скифских правителей, высказывалось мнение о том, что города находились в зависимости от скифских царей, при этом делалась ссылка на существование монет этих городов, в частности Одесса и Томи, с именами царей Канита, Акросы, Хараспа и Эйлия²⁸.

Действительно, имеются монеты названных царей, по своим типам сходные с монетами Томи, Одесса и Дионисополя²⁹. Но говорить о том, что города чеканили царскую монету и тем самым, следовательно, подчинялись власти скифов, мы могли бы только в том случае, если бы на этих монетах кроме имени царя было имя города, как это мы находим в Ольвии у Скилура (первая и вторая серия монет Скилура имеет надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΚΙΛΟΥΡΟΥ ОΛΒΙΟ).

²⁵ А. В. Орешников. Каталог собрания древностей..., стр. 26.

²⁶ В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 134; А. В. Орешников. О монетах..., IV, стр. 16; А. Н. Зограф. Античные монеты..., стр. 137.

²⁷ Л. И. Тарасюк читает их как Акросак, Сариак, Танусак и Айлис. Л. И. Тарасюк. Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи. КСИИМК, 63, 1956, стр. 22—29.

²⁸ Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I веках до нашей эры. М., 1952, стр. 144.

²⁹ K. Regling. Charaspes, Corolla numismatica. Oxford, 1906, стр. 259—263

В настоящее время опубликовано около 80 экземпляров монет царей Малой Скифии³⁰ и ни одна из них не имеет надписи имени города.

Что касается сходства типов царских монет с типами монет западно-понтийских городов, то оно известно не только для городов Томи и Одесса, но и для ряда других городов. Например, только у одних монет Канита установлено сходство аверса и реверса с монетами городов Томи и Одесса³¹, с монетами городов Дионисополя³² и Каллатии³³. Здесь мы остановимся на одном типе монет Канита, который, как считает М. Сутцо, происходит также из Каллатии.

Ав. Голова Геракла вправо; слева клеймо в виде колеса из четырех спиц.

Рев. Горит и палица вправо.

Вес 8,20 г, диаметр 24 мм (рис. 1, 8).

М. Сутцо считал, что данная монета Канита похожа на серебряные монеты Каллатии³⁴. Но, как можно заметить, на оборотной стороне серебряной монеты Каллатии изображено три предмета (колос, палица, лук в горите), в то время как на монете Канита только два. Нам кажется, что данным монетам Канита наиболее близка группа монет Ольвии того же типа, что и монеты Канита. Сходство их обнаруживается не только в стиле изображения, но и в весе и размере. К этому можно еще добавить, что и монета Канита и ольвийские биты из меди.

Ольвийские монеты этой группы известны в трех вариантах³⁵. Особенный интерес в данном случае представляет третий вариант:

Ав. Голова Геракла вправо.

Рев. Лук в горите и палица вправо, сверху ΟΙΒΛΟ, слева Ψ, внизу ЭЭΠ (рис. 1, 9). Средний вес 8 г, диаметр 21—22 мм.

Этот вариант ольвийских монет является наиболее близким монете царя Канита типа Геракл — оружие. Лицевые стороны обеих монет имеют одинаковое изображение головы Геракла вправо, а оборотная сторона монеты Канита является как бы зеркальным отображением оборота ольвийской монеты, за исключением, конечно, надписей.

И это не единственный случай заимствования царями Западной Скифии ольвийских типов монет. В. Рос также отмечал, что изображение головы Гелиоса на монете царя Эйлия взято с ольвийских монет³⁶.

Итак, мы видим, что цари Малой Скифии использовали для своей чеканки не только типы монет Томи, Одесса, Каллатии и Дионисополя — городов западного побережья Черного моря, но и Ольвии. Отсюда ясно, что сходство типов царских и городских монет не может быть свидетельством подчинения городов власти скифов. Интересно еще отметить, что до нас дошло несколько монет скифских царей с клеймами городов Западного Понта. Так, описанная нами монета Канита типа Геракл — оружие (рис. 1, 8) имеет клеймо города Истрии. Р. Нетцгаммер, который

³⁰ V. Savașche. Monetele Scitilor din Dobrogea. SCIV, 1, București, 1950; Т. Герасимов. Монеты от Канит, Тануза, Харасп, Акроза и Сариа. ИВАД, IX, 1953, стр. 53—58.

³¹ K. Regling. Ук. соч., стр. 260—262; K. Regling. Tomis, в кн.: В. Pick. Die antiken Münzen Nord-Griechenlands, стр. 590; А. В. Орешников. Монеты царей Гетов и царей Скифов. М., 1914, стр. 4—5; M. Soutzo. Contribution de la numismatique à l'histoire du passé de la Roumanie transdanubienne. BSH, București, 1916, стр. 263—265.

³² M. Soutzo. Ук. соч., табл. I, 2 — монета Канита, табл. III, 10 — монета Дионисополя; Т. Герасимов. Ук. соч., стр. 55, рис. 3; М. Мирчев. Към въпроса за мястото на сечането на скитские монеты. ИВАД, XII, 1961, стр. 132 (1, 6).

³³ M. Soutzo. Ук. соч., табл. I, 8 — монета Канита, табл. III, 7 — монета Каллатии.

³⁴ M. Soutzo. Ук. соч., стр. 132, табл. III, 8; ср. В. Pick. Die antiken Münzen von Dakien und Moesien, I, ч. 1, 1898, табл. I, 17.

³⁵ 1-й и 2-й варианты см. П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. IV, 33, 34.

³⁶ W. Wroth. Greek Coins Acquired by the British Museum. NC, 3-я серия, т. XIX. 1899, стр. 91, табл. IX, 2.

первым опубликовал ее, считал, что надчеканенное клеймо в виде колеса с четырьмя спицами представляет собой тип монет города Истрии³⁷. Этому же мнению придерживались М. Сутцо³⁸, В. Канараке³⁹ и Т. Герасимов⁴⁰.

Наличие истрийского клейма на монете царя Канита можно рассматривать как проявление независимости г. Истрии от скифских правителей, ибо для того, чтобы царская монета могла служить платежным средством, она подверглась контрамаркированию. В настоящее время мы не располагаем данными, которые помогли бы полнее раскрыть картину взаимоотношений г. Истрии с царями Западной Скифии. Можно обратиться к высказыванию М. И. Ростовцева по поводу истрийской надписи⁴¹. Он писал, что тон этой надписи производит такое впечатление, будто греки более или менее примирились со скифами; врагами же их были фракийцы, но не скифы⁴². Клейма города Томи мы видим на монетах Канита типа В. Канараке⁴³. Данная монета имеет одинаковый тип аверса с монетой города Томи⁴⁴ и клеймо — голова Геракла вправо — того же города⁴⁵ (рис. 1, 10). Монета царя Канита другого типа, также изданного В. Канараке⁴⁶ имеет полное сходство лицевой и оборотной сторон с монетой Одесса⁴⁷, но клеймо — города Томи⁴⁸ (рис. 1, 11).

Две монеты царя Танузы имеют клейма города Томи. Одна из них опубликована В. Канараке⁴⁹, другая Т. Герасимовым⁵⁰.

Одна монета царя Хараспа⁵¹ имеет одинаковый тип аверса с монетой города Томи⁵² и клеймо того же города (рис. 1, 12).

Наконец, есть монета, принадлежащая скифскому царю Акросе, которая воспроизводит один из типов монет города Томи⁵³ и имеет клеймо в виде головы бородатого Геракла, которое, в свою очередь, является типом лицевой стороны монеты Томи⁵⁴.

Таким образом, в настоящее время мы располагаем шестью монетами скифских царей Канита, Танузы, Хараспа и Акросы, которые имеют клейма городов Томи и Истрии. Тот факт, что эти клейма стоят на монетах скифских царей, служит несомненным доказательством, что эти города не находились под верховной властью скифских царей во II в. до н. э.

Итак, используя совокупность нумизматических данных, мы можем сказать, что города западного побережья Черного моря: Томи, Одесс, Каллатия, Дионисополь и Истрия во II в. до н. э. не были под властью скифских царей. Это подтверждается отсутствием надписи названий городов на всех известных нам монетах царей Малой Скифии: Канита, Та-

³⁷ См. М. Soutzo. Ук. соч., стр. 269.

³⁸ Там же.

³⁹ В. Сапагаче. Ук. соч., стр. 243.

⁴⁰ Т. Герасимов. Античные монеты с контрамарки от долна Мизия и Тракия. ИБАИ, XV, 4, 1946, стр. 55, рис. 28, 4—5.

⁴¹ Истрийская надпись открыта С. Ламбрино в 1930 г., но до настоящего времени, насколько нам известно, не издана.

⁴² М. Rostovtzeff. Pontus and its Neighbours. САН, IX, Cambridge, 1935, стр. 228. Т. В. Блаватская считает, что врагами греков были не фракийцы, а бастарны (Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города..., стр. 152).

⁴³ В. Сапагаче. Ук. соч., табл. I, 1.

⁴⁴ М. Soutzo. Ук. соч., табл. III, 1.

⁴⁵ Т. Герасимов. Античные монеты с контрамарки..., стр. 55, табл. 28, 2.

⁴⁶ В. Сапагаче. Ук. соч., стр. 217, № 13, а.

⁴⁷ М. Soutzo. Ук. соч., табл. III, 11.

⁴⁸ Т. Герасимов. Античные монеты с контрамарки..., стр. 55, табл. 28, 3.

⁴⁹ В. Сапагаче. Ук. соч., табл. VI, 25.

⁵⁰ Т. Герасимов. Монеты от Канит..., стр. 55, № 4.

⁵¹ В. Сапагаче. Ук. соч., табл. VI, 25.

⁵² М. Soutzo. Ук. соч., табл. III, 3.

⁵³ Т. Герасимов. Монеты от Канит..., стр. 56.

⁵⁴ К. Regling. Die antiken Münzen..., стр. 598, табл. V, 7.

нузы, Хараспа, Акросы, Сарии и Эйлия; наличием клейм, в частности клейм городов Томи и Истрии, на монетах скифских правителей; заимствованием монетных типов не только у современных им монет западнопонтийских городов, но и у Ольвии — города Северного Причерноморья.

Более того, мы можем говорить о существовании дружественных отношений между городами и царями Западной Скифии. Об этом свидетельствует, во-первых, факт предоставления городами своих монетных дворов царям скифов (близкое сходство монетных типов и общность технических особенностей не вызывают в этом никаких сомнений)⁵⁵. Во-вторых, судя по тому, что монеты царей скифов были чеканены в нескольких номиналах, за качество металла и вес несли ответственность те магистраты греческих городов, чьи имена мы встречаем на царских монетах; а монеты скифов, как и монеты городов, были предназначены для единого урегулированного рынка⁵⁶.

Нам кажется, что факт предоставления городами своих монетных дворов скифским царям можно рассматривать как своеобразный союз или договор, по условиям которого скифские цари получали право чекана своих монет на городских монетных дворах, а города рассчитывали на поддержку и покровительство скифов против многочисленных нападений варварских племен. О том, что греки были заинтересованы в расположении царя Канита и высоко ценили покровительство приближенных к нему лиц, известно из надписи в честь антиохийца Гермия⁵⁷, который вывозил от скифов и ввозил к грекам через Одесс всевозможные товары. Отсюда заинтересованность и скифов и греков в поддержке добрососедских отношений между собой, потому что торговля для тех и других являлась одним из основных источников существования.

Надо еще учесть, что в конце III—II в. до н. э. у западнопонтийских городов наблюдается высокий экономический подъем⁵⁸, которого, по всей вероятности, не было бы, если бы города в это время находились под властью скифских царей (как это мы имеем в Ольвии в период ее подчинения власти Скилура).

Таким образом, мы считаем доказанным независимость западнопонтийских городов Томи, Одесса, Каллатии, Дионисополя и Истрии от скифских царей и существование дружественных отношений между ними во II в. до н. э.

Выяснив этот вопрос, мы снова можем вернуться к истории чеканки монет в Ольвии скифским царем Скилуром.

Большинство ученых, занимавшихся историей Ольвии, признавало на основании находок монет с именами города и царя, что в какой-то промежуток времени Ольвия находилась под властью скифского царя Скилура. Факт чеканки этих монет объяснялся Фр. Ленорманом⁵⁹ и В. В. Латышевым⁶⁰ (позднее к этому присоединился А. В. Орешников⁶¹) как следствие комбинации между принципом исключительного права верховной власти на чеканку монет и принципом городского права.

Если бы мы имели в Ольвии подобную комбинацию, то мы должны были бы располагать одновременными и однотипными монетами как с именами Скилура и города, так и с одним только именем города.

⁵⁵ Б. Пик писал, что отношения греческого города Одесса к соседним варварам были дружественные, что можно заключить на основании монет скифского царя Канита, упомянутого в декрете города, и неизвестного скифского царя Акросы, на монетах которых изображены головы Деметры и Керы, воспроизводящие такие же типы монет Одесса (В. Pisk. *Die antiken Münzen...*, стр. 520).

⁵⁶ Т. Герасимов. Монеты от Канит..., стр. 57—58.

⁵⁷ Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, 3, стр. 251.

⁵⁸ Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города..., стр. 147.

⁵⁹ F. Lenormant. *La monnaie dans l'antiquité*. II, Paris, 1878, стр. 49—51.

⁶⁰ В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 128.

⁶¹ А. В. Орешников. О монетах скифских царей..., стр. 16.

Выпуск Скилуrom первых двух типов монет относится к первому периоду царской чеканки, когда Скилур заменил городскую монету монетой собственной, где он соединил свое царское имя и имя города (последнее было полной гарантией ценности монеты). Тем самым Скилур узурпировал право чекана монеты, принадлежащее ранее городу, если припомнить, что «в древности, как и в новые времена, право бить монету было вообще исключительным атрибутом верховной власти»⁶².

Следовательно, для первого периода теория о комбинации царского и городского права применима быть не может. Иную картину мы видим на следующем этапе. Наряду с царской монетой типа Гермес-кадуцей ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΚΙΛΟΥΡΟΥ ΟΛΒΙΟΥ следуют выпуски городской меди этого же типа, но с надписью имени города ΟΛΒΙΟΥ. Именно здесь мы сталкиваемся с неопровержимым фактом чеканки царской монеты наравне с автономной, что и является следствием указанной комбинации.

Этот компромисс, в результате которого появились царские монеты Гермес-кадуцей (с именем города и царя) и городские монеты этого же типа, послужил переходным этапом ко второму, совершенно новому периоду в монетной чеканке Скилура. Именно во втором периоде, наравне с продолжающимися выпусками городской меди, мы имеем монеты Скилура типа Гермес-кадуцей, но уже без надписи имени города.

За недостатком сведений можно только гадать, что заставило Скилура отказаться от чеканки монет с надписью ΟΛΒΙΟΥ, и какие события были причиной этого отказа, но то, что в этот период Ольвия уже не испытывала на себе верховной власти Скилура и между ними, возможно, были дружественные отношения, находит полную аналогию во взаимоотношениях западнопонтийских городов и царей Малой Скифии, о чем мы говорили выше.

Наш вывод относительно существования в истории Ольвии в период подчинения ее царю Скилуру двух этапов не только подтверждает предположение В. В. Латышева о том, что сначала скифы вполне поработили Ольвию и их цари били в ней монету только от своего имени, а потом предоставили ей больше свободы и допустили компромисс⁶³, но и его вскользь сделанное замечание о возможности дружественных отношений между ними⁶⁴.

В связи с одновременными выпусками меди и Скилуrom и городом, обращает на себя внимание однотипность и тех и других монет. Скорее всего это можно объяснить тем, что и монеты царской и монеты автономной чеканки были предназначены для единого внешнего рынка, который существовал во II—I вв. до н. э. между городами Северного и Западного побережий Черного моря.

Скилур, избрав для своих монет тип Гермес-кадуцей, сделал это, вероятно, для облегчения своих торговых операций, так как этот тип был наиболее распространен и привычен для жителей западнопонтийских городов. Миннз указывал, что монеты с изображением на лицевой стороне Гермеса, а на оборотной кадуцей чеканились не только городами Черноморского побережья⁶⁵: Одессом⁶⁶, Томи⁶⁷, Истрией⁶⁸, Тирой⁶⁹, Ольвией,— но и царями скифов Канитом⁷⁰ (рис. 1, 13), Сарией⁷¹

⁶² F. Lepointant. Ук. соч., стр. 3.

⁶³ В. В. Латышев. Исследования..., стр. 138.

⁶⁴ Там же, стр. 131.

⁶⁵ H. Minns. Ук. соч., стр. 487.

⁶⁶ В. Pick. Ук. соч., табл. IV, 19.

⁶⁷ В. Pick. Ук. соч., табл. V, 19.

⁶⁸ Constantin Preda. Monede inedite și Puțin cunoscute de la Histria. Callatis și Tomis, SCN, II, 1958, стр. 111—119, табл. I, 2, 3, 4; табл. II, 3, 4, 5.

⁶⁹ А. Н. Зограф. Монеты Тиря. М., 1957, табл. III, 12.

⁷⁰ В. Pick. Ук. соч., табл. XIII, 7.

⁷¹ Там же, табл. XIII, 11.

(рис. 1, 14) и Скилуром (рис. 2, 17—19). Тесные торговые связи между жителями западнопонтийских городов и ольвиополитами прослеживаются еще с III в. до н. э. Они были наглядно представлены А. Н. Зографом в сводке медных монет Западного Причерноморья по результатам ольвийских раскопок 1903—1936 гг.⁷² В сводке перечислены монеты Томи, Одесса, Каллатии, Истрии и Аполлонии III—II вв. до н. э. Дошедшие до нас эпиграфические данные II—I вв. до н. э. содержат также сведения о существовании в это время урегулированного внешнего рынка⁷³. Особенно интересен в этом отношении декрет жителей Том в честь тирита Нила. Надпись дает нам сведения о торговых отношениях между Томами и Тирою и обоих городов с Ольвией⁷⁴. Поэтому, пользуясь единым рынком, города были заинтересованы в выборе для своих монет сходных типов, которые давали возможность свободному распространению этих монет за пределами их места чекана.

Точно так же поступали и скифские цари, выбирая для своих монет наиболее привычные для жителей типы. В связи с этим обращает на себя внимание высказывание А. В. Орешникова о монетах типа Гермескадуцей⁷⁵. А. В. Орешников, основываясь на редкости находок царских монет относительно автономных, предполагал, что царские монеты не были знаками ценности в Ольвии в эпоху подчинения ее царям, а что ольвиополиты для внешней торговли били свою монету. Но в настоящее время мы располагаем четырьмя экземплярами монет Скилура старшего и среднего номинала с клеймами города Истрии: две монеты Скилура с портретом царя (№ 2, 3; рис. 2, 2) и две монеты с головой Деметры (№ 17, 19; рис. 2, 14, 15).

Каждая из названных монет имеет на лицевой стороне клеймо с изображением колеса из четырех спиц. Истрийское клеймо точно такого же типа мы находим и на монете царя Западной Скифии Канита (рис. 1, 8). Значит, и монеты Скилура, представленные у нас тремя номиналами, и монеты царя Канита свободно обращались за пределами места их чеканки и служили надежным платежным средством для правителей, их выпускавших.

Редкость и малочисленность находок царских монет объясняется кратковременным периодом подчинения Ольвии скифскому царю Скилуру во II в. до н. э.⁷⁶

⁷² А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Ольвии в 1935—1936 гг. Сб.: «Ольвия», 1, Киев, 1940, стр. 217.

⁷³ П. О. Карышковский («Монеты западнопонтийских династов, найденные в Северном Причерноморье». СА, 1962, 4, стр. 58) дает сводку эпиграфических данных, подтверждающих существование регулярной торговли Ольвии с городами Западного Причерноморья.

⁷⁴ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 310—311.

⁷⁵ А. В. Орешников. Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова, стр. 26.

⁷⁶ А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Ольвии..., стр. 137.

А. К. АМБРОЗ

К ИСТОРИИ ВЕРХНЕГО ПОДЕСЕНЬЯ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

Подесенье расположено почти в середине основной территории древнерусской народности (рис. 1). Выяснение его исторических судеб важно для создания общей картины происхождения и формирования русского народа. Для рубежа I и II тысячелетий здесь известны памятники вполне сложившейся славянской культуры. Однако памятники I тысячелетия н. э. на этой территории до недавнего времени не были изучены. Немногочисленные известные материалы этой эпохи ошибочно связывали со скифским влиянием или относили к раннему средневековью. Раскопки Славянской экспедиции 1951—1953 гг. (под руководством П. Н. Третьякова) в Южной Белоруссии впервые дали характеристику верхнеднепровских зарубинецких поселений, что позволило правильно датировать также находки на Десне и сопоставить их с вполне определенным кругом культур¹. Данная статья излагает основные итоги работ автора в 1955—1958 гг. в верховьях р. Десны, в районе городов Брянска и Почепа².

В I тысячелетии до н. э. в бассейне Десны жило население, оставившее городища юхновской культуры. В раскопках автора эта культура представлена материалом из нижнего слоя Полужского городища (рис. 2, 1—6). На материке, на вскрытой площади 10 × 8 м, были обнаружены следы трех наземных построек (рис. 3, 1). Полностью вошедший в раскоп дом № 1 (6,3 × 3,3 м) был слегка углублен в грунт по северной стенке (рис. 4, 1). Он состоял из одного помещения с открытым очагом (козрищем) в центре. Пол северо-восточной (задней) части помещения на 12 см ниже пола всей постройки, и по центру его слабо намечено прямоугольное углубление (5—10 см). Стены дома были образованы двойными рядами столбов (глубина от 10—15 до 45—70 см), пространство между которыми, судя по аналогиям более поздних деснинских домов, заполнялось деревом. В заполнении некоторых ям найдена юхновская керамика. Впоследствии в развалины домов стали сваливать мусор. Судя по отпечаткам столбов в нижней части мусорного слоя, это произошло вскоре после того, как дома были покинуты и остатки стен еще возвышались на поверхности более чем на 20—30 см. Постепенно здесь образовались три высокие (2 м) конические мусорные кучи. Они состояли из чередующихся прослоек угля и серого и коричневого перегноя с примесью щепы, обычно перекрытых прослойками материковой глины (может быть, специально насыпанными на гниющий

¹ Ф. М. Заверняев. Археологические находки возле города Почепа. КСИМК, 53, 1954, стр. 143—144.

² Автор работал в составе Славянской экспедиции, а затем Смоленского отряда Верхнеднепровской экспедиции (руководитель П. Н. Третьяков). Им проведены разведки в районе г. Брянска и раскопки на Белокаменском селище в Брянске, на селище у с. Синьково Почепского района и на городище близ дер. Полужье, на Десне в 20 км южнее Брянска.

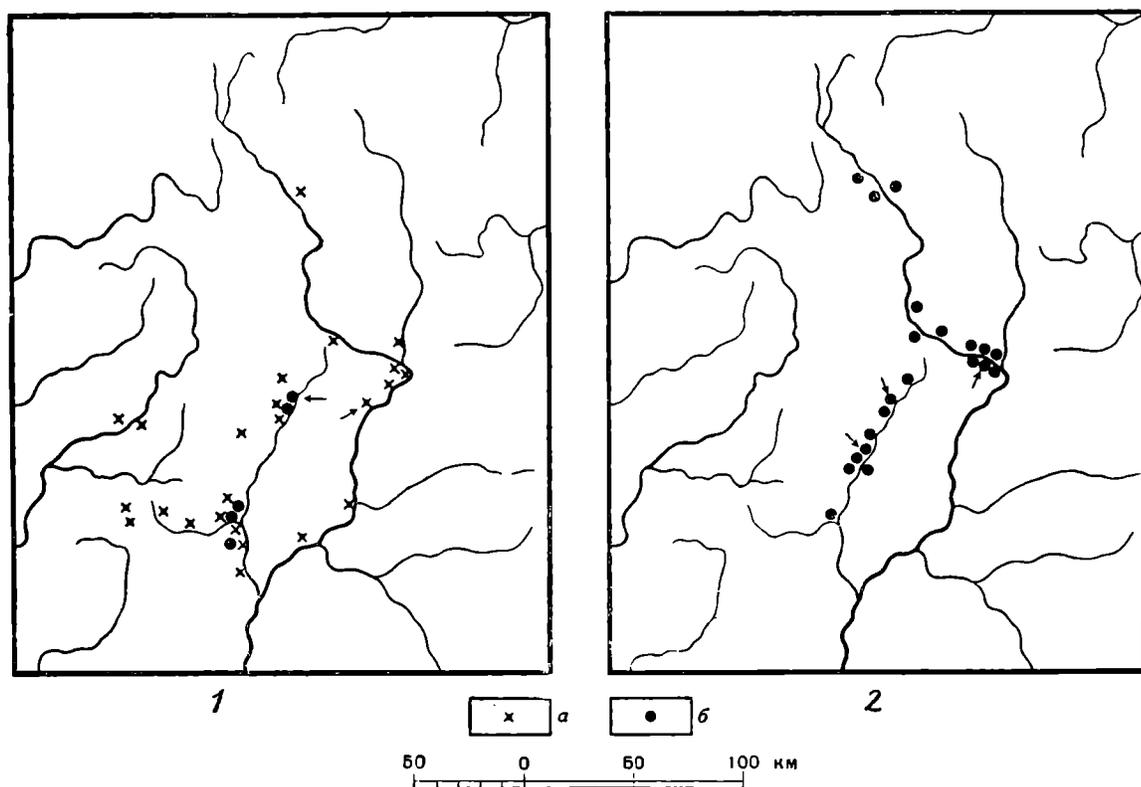

Рис. 1'

1 — поселения I и II этапов «почепской» культуры; 2 — поселения III этапа. а — городища; б — селища. Стрелками отмечены на карте 1 Синьково и Полужье, на карте 2 Синьково, Почеп и Белокаменка

мусор?). Среди прослоек встречаются кучки золы, по-видимому, попадавшей сюда в горячем виде. В мусоре обильны черепки посуды, глиняные блоки и расколотые кости животных (часто со следами собачьих зубов). При раскопках этих куч грунт снимался не горизонтальными штыхами, а только по прослойкам. Благодаря этому выяснилось, что поверхность прослоек очень неровна (в соответствии с конической формой куч), что каждая прослойка накапливалась постепенно (судя по мелкослоистой структуре этих прослоек) и что все три раскопанные кучи насыпались одновременно (так как наблюдается взаимное перекрывание краев прослоек разных куч). Следовательно, рельеф участка все время оставался бугристым, непригодным для возведения построек. Возможно, дальнейшие раскопки позволят пересмотреть основанные на данных осмотра небольших обнажений утверждения ряда исследователей о том, что для южновских городищ якобы характерно обилие налегающих друг на друга глиняных «полов жилищ», перекрытых обильными «пожарными прослойками».

Материал из мусорных куч и ям в материке однороден. Основная форма керамики — горшки (рис. 2, 1—2) разных размеров, тонкостенные, с гладкой поверхностью. Часть сосудов орнаментирована по плечикам вдавлениями, нанесенными то обломком щепочки, то концом широкой трубки; иногда прочерченными линиями в виде свисающих фестонов. Очень много яйцевидных и шаровидных глиняных блоков (рис. 2, 5—6), встречаются обломки рогатых кирпичей (рис. 2, 3), маленькие глиняные лепешки, найдена фигурка животного. Многочисленны костяные проколки, иглы, есть костяные стрелы с боковым шипом, обломок псаляя, обкладки рукояток ножей, роговая пешня. Довольно много металла: обломки железных ножей, характерные булавки с дважды изогнутой кольцевидной головкой, две бронзовые ворворки, браслеты: гладкие и один с нарезкой, половинка круглой бляшки. Встречены глиняные льячки

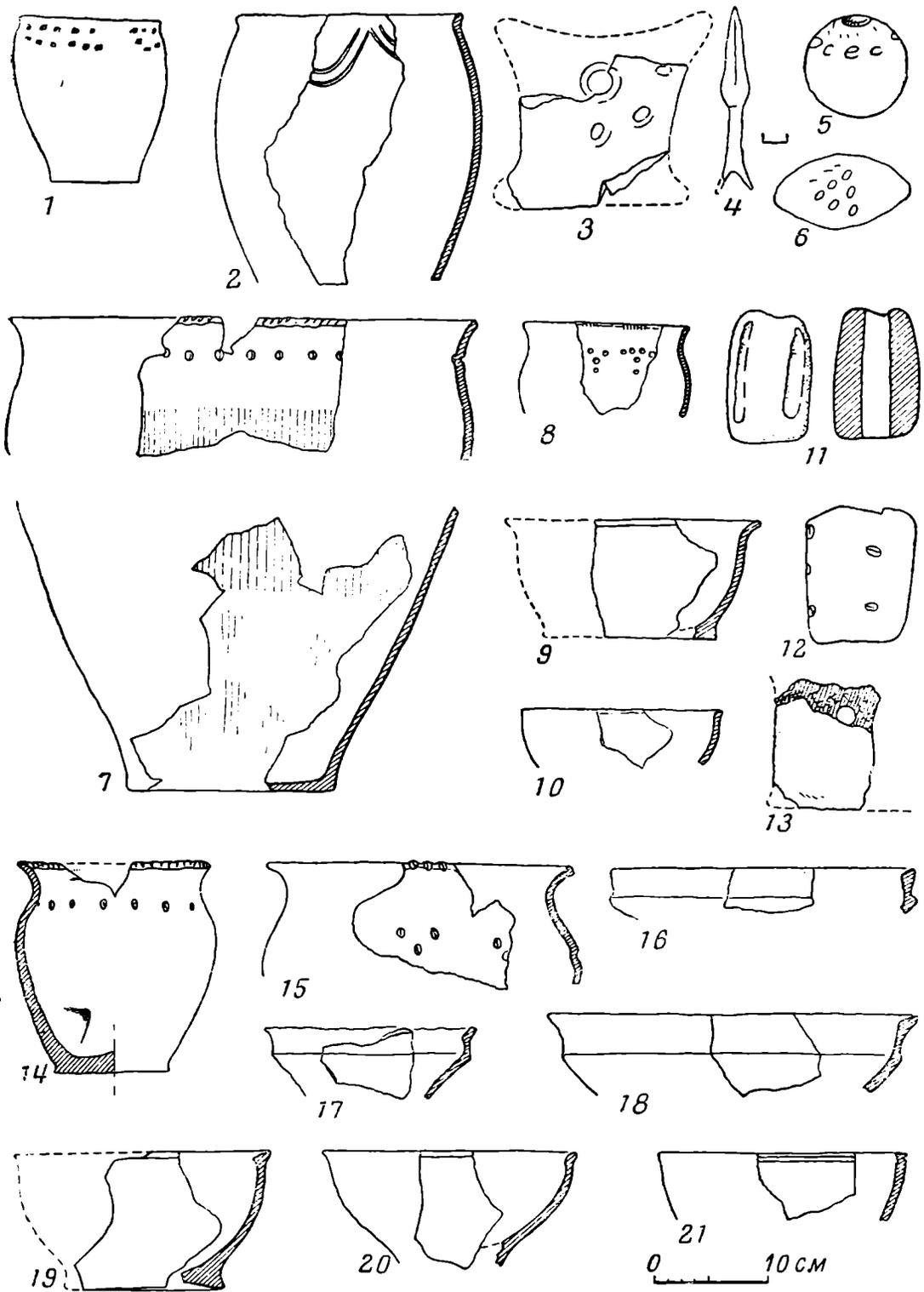

Рис. 2

1—3, 5—6 — нижний слой Полужского городища (глиняные сосуды, «рогатый кирпич», глиняные «блоки»); 4 — костяной наконечник стрелы, подъемный материал, Полужское городище; 7—13 — находки I этапа почепской культуры из постройки № 4 на Синьковском селище (посуда, «рогатый кирпич» и глиняные «блоки»); 14—19, 21 — находки II этапа почепской культуры из верхнего слоя Полужского городища (грубые горшки и обломки лощеных мисок); 20 — обломок лощеной миски II этапа с городища Воробейня, подъемный материал

и маленькие каменные литейные формы для отливки конической бляшки, треугольной зерновой подвески и маленьких бус. Импортные вещи представлены желтой шаровидной бусиной с синими глазками. Эти находки имеют аналогии в подъемном материале многих городищ Брянской области. По ряду признаков нижний слой Полужского городища

принадлежит к выделенному В. П. Левенком позднему этапу юхновской культуры³. Дата слоя ориентировочно — IV—III века до н. э., по аналогиям в керамике раскопанных А. Е. Алиховой юхновских городищ Посеймья⁴.

Верхний слой Полужского городища, выделяющийся желто-серым цветом, перекрывал ранние мусорные кучи и заполнял углубления между ними. По различиям в формах вещей находки из этого слоя делятся на два этапа. Материал I этапа в наиболее чистом виде изучен при раскопках Синьковского селища (р. Судость). Там найдена относящаяся к этому этапу углубленная на 30 см в материк четырехугольная постройка без очага (рис. 4, 3) и две ямы в раскопе VIII (рис. 5). Одна из ям, содержащая обломки посуды, блоки, кусок «рогатого» кирпича обмазку, была перекрыта очагом дома I—II вв., а постройка I этапа пересечена стеной дома I—II вв. (рис. 3, 2, раскоп VI).

Комплекс вещей I этапа из Полужья и Синькова (рис. 2, 7—13) значительно отличался от описанного выше нижнего слоя Полужского городища. Характерны горшки с довольно высоким горлом, обычно украшенные ямками, нанесенными концом пальца (с отпечатком ногтя), и чашевидные миски. Эти новые черты получили свое дальнейшее развитие в последующие периоды (этапы II и III). Наряду с ними в инвентаре I этапа еще сильно сказывались старые юхновские традиции. Так, горшки профилированы еще относительно слабо, стенки плотные, тонкие, хорошо прокаленные, содержат примесь дресвы (рис. 2, 7—8). Нередко встречаются юхновские приемы орнаментации: вдавления наклоненной щепочкой или палочкой, круглые ямки с плоским дном на плечиках сосудов. Архаична также частая орнаментация венчиков вдавлениями пальца или палочки сверху (позднее всегда сбоку, с внешнего края венчика), так что край сосуда приобретал характерную волнистость. Чаш мало, и они без лощения (рис. 2, 9—10). Особенно показательны крайне многочисленные здесь цилиндрические глиняные блоки (рис. 2, 11—12), «рогатые» кирпичи (рис. 2, 13) и куски глиняной обмазки с отпечатками плетений из прутьев. Все эти глиняные предметы несвойственны более позднему времени.

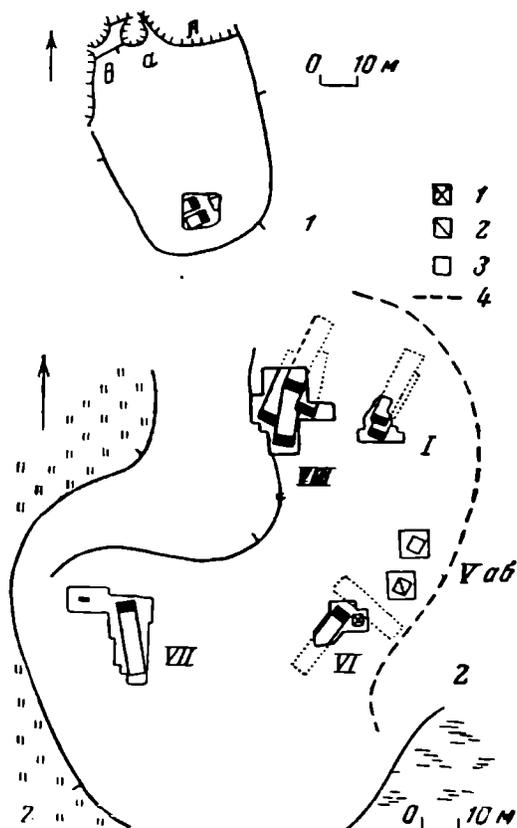

Рис. 3

1 — Полужское городище; 2 — южная часть Синьковского селища: 1 — постройка I этапа почепской культуры; 2 — постройка II этапа почепской культуры; 3 — постройки III этапа почепской культуры; 4 — граница культурного слоя. Римскими цифрами указаны номера раскопов

³ В. П. Левенко. Городища юхновской культуры. КСИА, 7, 1957, стр. 51—53.

⁴ А. Е. Алихова. Особый тип сооружений на городище Кузина Гора. СА, 1958, № 3, стр. 200—201; е е же. К вопросу о хронологии древних городищ Курского Посеймья. КСИИМК, 77, 1959, стр. 20; е е же. К вопросу о датировке двух городищ у с. Юхнова. КСИИМК, 65, 1956, стр. 41. На Полужском городище найден костяной наконечник стрелы (рис. 2, 4, подъемный материал), подражающий железным скифским стрелам IV—III вв. до н. э. (ср. П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 161, табл. 1, 105; Мастюгино, кург. № 2).

Этап II представлен находками из верхнего слоя Полужского городища (рис. 2, 14—21) и из одной четырехугольной углубленной в землю постройки без очага на Синьковском селище. В этом этапе следует отметить исчезновение южновских пережитков. Сосуды орнаментированы ямками, нанесенными концом пальца или насечкой по краю. Орнамент

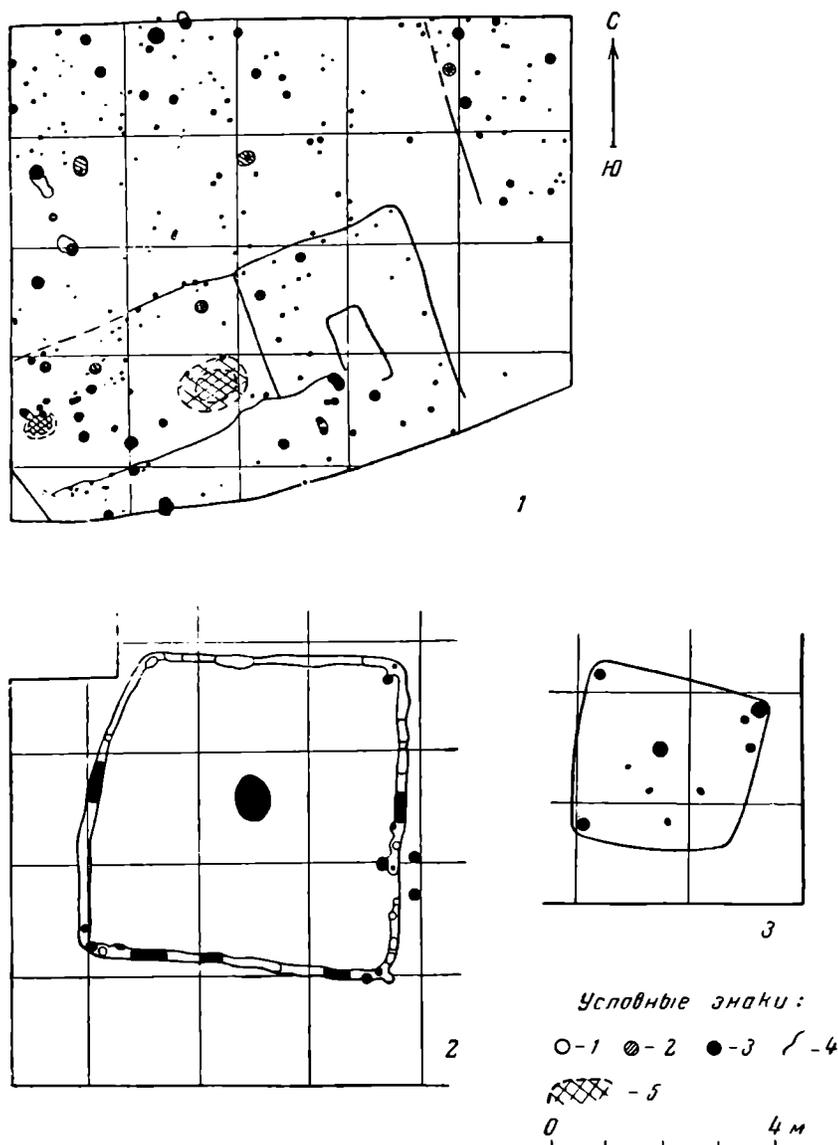

Рис. 4. Типы построек деснинских поселений

1 — Полужское городище, сооружения на материке; 2 — Синьковское селище, постройка № 19, раскоп III; 3 — Синьковское селище, постройка № 4, раскоп VI; 1—3 — столбовые ямы; 4 — края углублений в материке, 5 — кострища; в постройке № 19 черным залиты более глубокие ямы

то образует сплошную линию, то группы из двух-трех ямок с интервалами между ними (рис. 2, 14—15). Стенки горшков довольно тонкие, но бугорчатые от обильной примеси дресвы или охры (в зависимости от местных особенностей глин). Все миски лощеные; как правило, они темные, с коричневатыми пятнами; в тесте слабая примесь мелкого песка. Преобладают чашевидные круглобокие миски (рис. 2, 19—21), но есть и низкие ребристые миски с тонким краем (рис. 2, 17). Единичны ребристые миски с утолщенными и иногда слегка гранеными краями (рис. 2, 16, 18).

Такие же изменения в инвентаре наблюдаются и на других городищах и селищах Брянской области по рекам Десне, Судости и Ипути⁵.

⁵ Карты рис. 1, 1 и 2 составлены по данным Ф. М. Заверняева, В. А. Падина, А. К. Амброза и других авторов. См. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра, I, II, САИ, D 1—12. М., 1962.

Изменения коснулись не только керамики, но и других изделий, а также и типов построек. Все это приводит к выводу, что на Верхней Десне возникла своеобразная местная культура, сменившая юхновскую культуру (рис. 1, 1). Условно эту новую культуру можно назвать «почепской», по имени первого раскопанного памятника этой культуры — поселения в г. Почеп Брянской области. Верхний слой Полужского городища

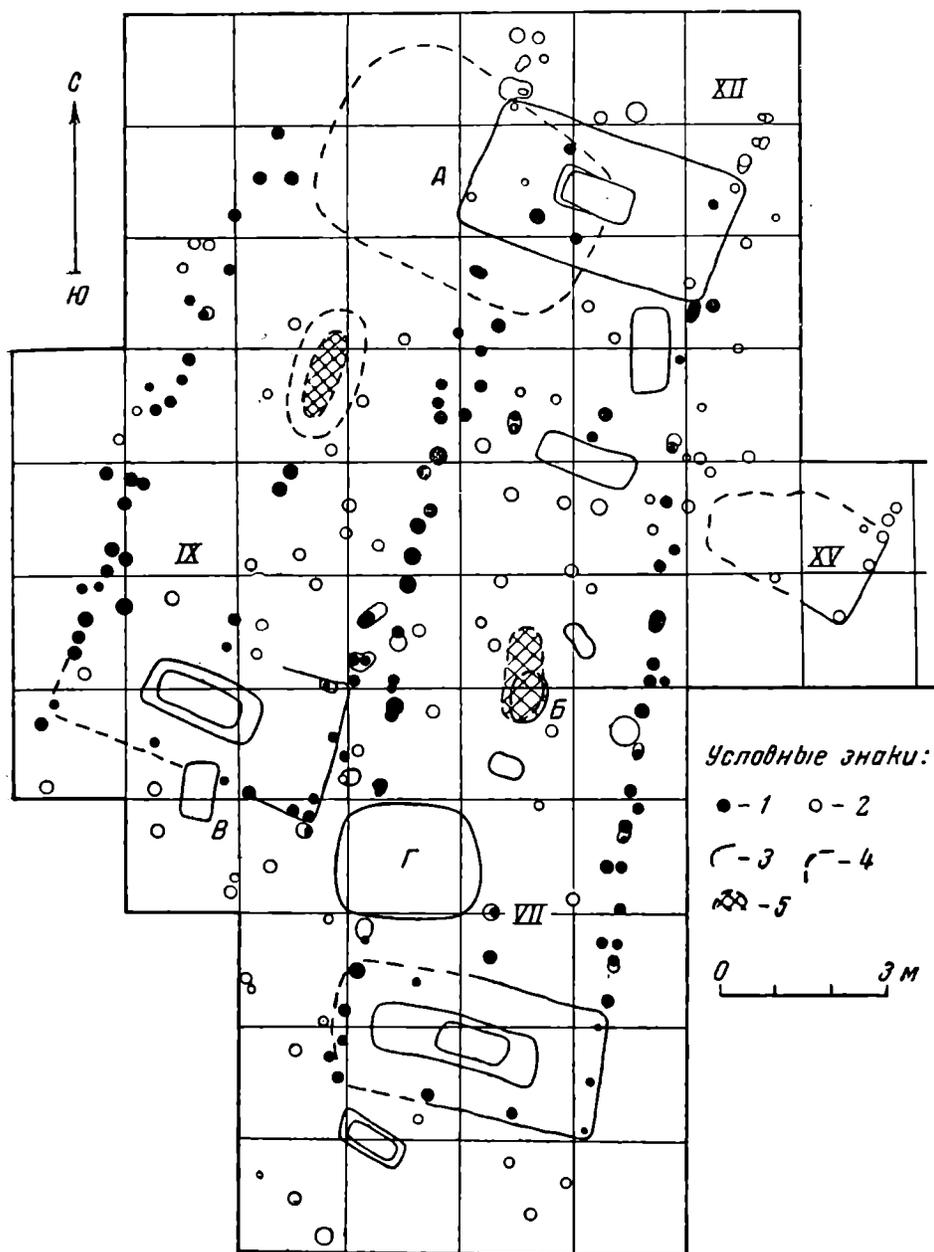

Рис. 5. Синьковское селище. План сооружений в раскопе VIII

1—2 — ямы столбов, 3 — края углублений в материке, 4 — границы темных пятен после снятия культурного слоя, 5 — кострища. Залиты черным столбовые ямы, предположительно относимые к постройкам VII и IX. Буквы на плане: А — углубление эпохи бронзы, Б и В — ямы времени II горизонта почепской культуры, Г — глубокая яма неизвестного времени (более поздняя?), VII, IX, XII, XV — номера построек

соответствует первому и второму этапам почепской культуры (к сожалению, металлические изделия для этих двух этапов пока неизвестны). По формам лощеной посуды II этап можно синхронизировать с Чаплинским могильником⁶ и с некоторыми памятниками зарубинецкой культу-

⁶ Ребристые миски Чаплина хорошо датируются второй половиной I в. до н. э.— I в. н. э. Но чашевидные миски встречены только в наиболее ранних погребениях Чап-

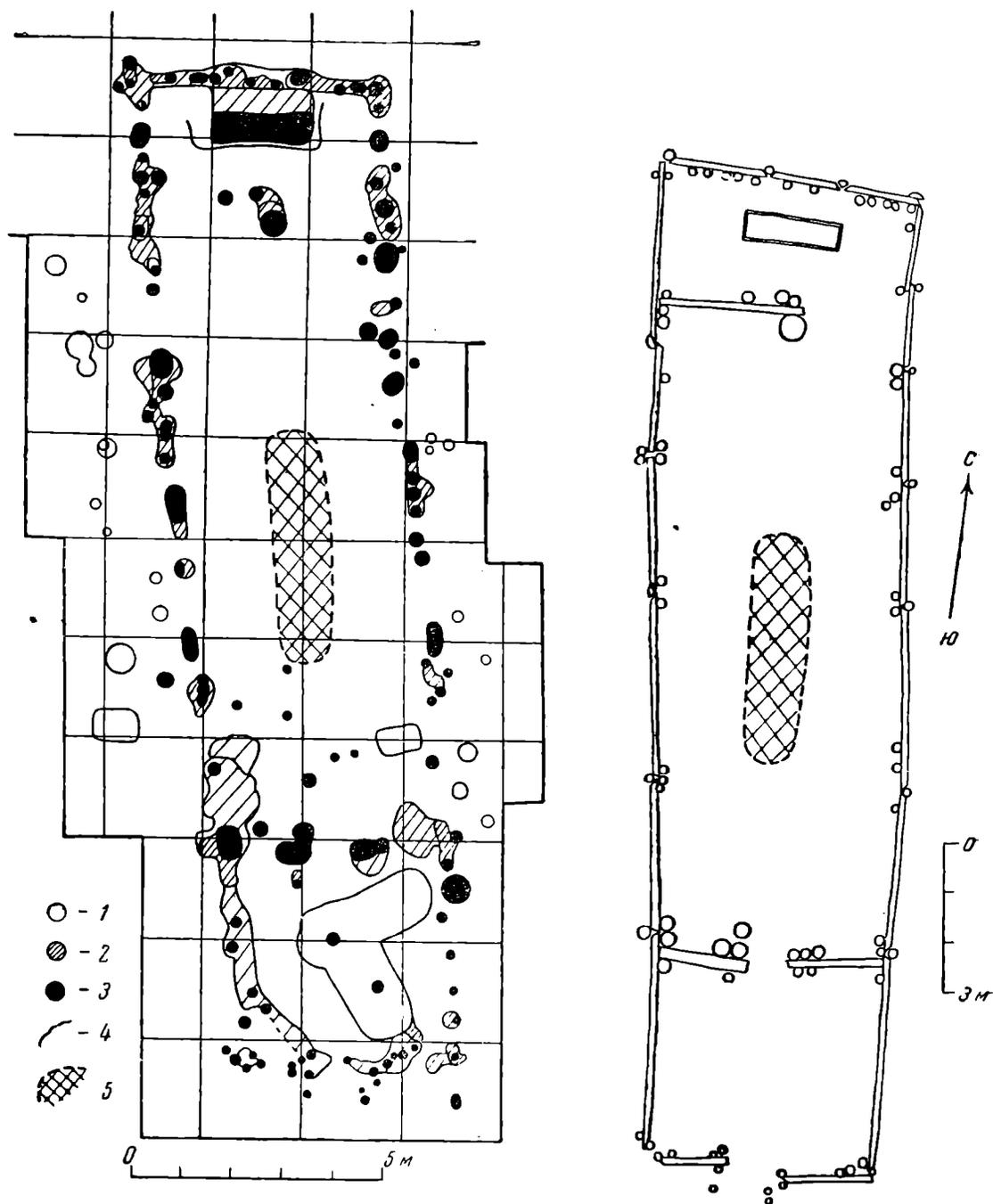

Рис. 6

а — Сильковское селище, часть раскопа VII с домом № 23; план снят после выборки заполнения ям. 1—4 — ямы, 5 — кострище. Штриховка ям сделана для того, чтобы в сложных ямах подчеркнуть более глубокие части. б — предварительная реконструкция стен дома № 23 (раскоп VII)

ры в Среднем Поднепровье⁷ и, таким образом, предварительно датировать рубежом I в. до н. э.— I в. н. э. Тогда I этап условно можно отнести к I в. до н. э.

Развитая почепская культура (III этап) отсутствует на городищах и известна только на селищах⁸ (рис. 1, 2; 3, 2; 4, 2; 5; 6, а, б). На этом

лина с зарубинецкими фибулами II группы, т. е., по-видимому, первой половины I в. до н. э.

⁷ Е. В. Максимов. Памятники зарубинецкого типа в с. Субботове. КСИА, 9, 1959, стр. 33, рис. 2, третий и четвертый ряды сверху; Е. В. Максимов датирует этот материал I в.

⁸ Раскопки проведены на трех селищах: Почепском (Ф. М. Заверняев. Археологические находки...; его же. Селища бассейна р. Судости. СА, 1960, 3; его же. По-

этапе горшки сравнительно толстостенные, грубые, тесто содержит дресву или шамот, поверхность небрежно сглажена: в верхней части больших горшков обычны косые желобки от грубого сглаживания пальцами, а низ покрыт резкой вертикальной штриховкой. Если в начале этапа (назовем его условно IIIa этап) горшки еще сохраняют скудный орнамент на плечиках (рис. 7, 1)⁹, то все горшки Синьковского селища имеют орнамент уже только по краю венчика; он состоит из вдавлений концом пальца или насечек (рис. 7, 11—13). Лишь в одном случае в Синькове встречен черепок горшка обычного для этого поселения типа, но с нанесенным по плечу характерным верхнеокским орнаментом из вдавлений палочки, обвитой веревочкой. На этапе IIIa еще переживают чашевидные и господствуют ранние ребристые миски (рис. 7, 2—4)¹⁰, и поэтому, по аналогии с Чаплином, этот этап следует датировать I в. Они ненадолго сменяются мисками типа рис. 7, 5—6¹¹, найденными в Почепе и Белокаменке. В развитом III этапе, представленном в чистом виде в Синькове, безраздельно господствуют ребристые миски типа рис. 7, 7—8. Кроме мисок ложились еще характерные «вазы» с горлом раструбом (рис. 7, 14)¹². IIIa и III этапы почепской культуры хорошо датируются I—II вв. по находкам фибул¹³. Полное отсутствие характерных для III в. вещей не позволяет пока продлить почепскую культуру в III в.

Раскопки дали некоторые данные о хозяйстве почепских племен III этапа. Есть отпечатки зерен прса и ячменя на посуде¹⁴. Преобладают кости домашних животных. Найдены и кости диких животных, немногочисленные кости и чешуя рыб, один раз скорлупа лесного ореха. По сравнению с эпохой городищ обитатели селищ сделали большой шаг вперед в металлургии. Обильны железные изделия: серпы¹⁵, ножи раз-

чепское селище первых веков нашей эры. СА, 1960, 4, стр. 179—185; его же. По следам древних культур. Газ. «Советская Россия», 1959, № 204; вскрыто более 1300 м²) на Синьковском (вскрыто 1300 м²) и Белокаменском (вскрыто 120 м²).

⁹ Ф. М. Заверняев. Археологические находки..., стр. 144, рис. 63, 7; возможно также сосуд, опубликованный Ф. М. Заверняевым («Почепское селище...», стр. 184, рис. 3, 1).

¹⁰ Ф. М. Заверняев. Археологические находки..., стр. 144, рис. 63, 2, 3, 5. Подгоризонт IIIa пока не выделен стратиграфически. Но отличие этого материала от находок в верхнем слое Полужского городища и в Синькове, его типологически промежуточное положение заставляют выделить этот комплекс в особый подгоризонт IIIa.

¹¹ Ф. М. Заверняев. Археологические находки..., стр. 144, рис. 63, 1, 4.

¹² Некоторую часть местной лощеной керамики относят к круговой (Ф. М. Заверняев. Археологические находки..., стр. 143). Действительно, ряд лошенных сосудов выделяется правильной формой, часты кольцевые ножки и иногда тонкие резко очерченные валики у оснований шейки и ножки (рис. 7, 2, 5, 14). Но эту керамику следует сблизать не с черняховской, а со сделанной на медленном круге посудной субботовского типа I в. (Е. В. Максимов. Ук. соч., стр. 35, 41, рис. 7, 1).

¹³ Среди фибул преобладают «воинские» фибулы, несколько более развитого типа, чем чаплинские (Ф. М. Заверняев. Почепское селище..., стр. 183, рис. 2, 1, 3, 5, 7). Наличие треугольных приемников с круглыми отверстиями резко отличает их от находимых в Поднепровье воинских фибул III—IV вв. Ф. М. Заверняевым в Почепе найдены обломок местной подвязной фибулы с узкой ножкой (I в.) и местная подвязная фибула с расширенной ножкой (II в.). Датировка местных фибул хорошо контролируется двумя импортными фибулами: северопричерноморской лучковой подвязной фибулой II варианта (рубеж I и II в., Почеп, раскопки Ф. М. Заверняева) и поздней глазчатой фибулой «основной серии» II в. (Синьково, раскопки автора, здесь рис. 2, 15. Опубликована Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, 1, стр. 295, рис. 5, 10. Там же, рис. 5, 8, 9 — образцы воинских фибул. Дата глазчатой фибулы: O. Almgren. Studien über nordeuropäischen Fibelformen. Leipzig, 1923, стр. 27, рис. 53). О ранней дате говорит и находка в Почепе небольшого обломка краснолакового сосуда (Ф. М. Заверняев. Почепское селище..., стр. 185). Хронология зарубинецкой и почепской культур взаимопроверяется с западными и северопричерноморскими материалами путем взаимного проникновения фибул.

¹⁴ Ф. М. Заверняев. По следам древних культур...

¹⁵ Ф. М. Заверняев. По следам древних культур...; его же. Почепское селище..., стр. 183, рис. 2, 10.

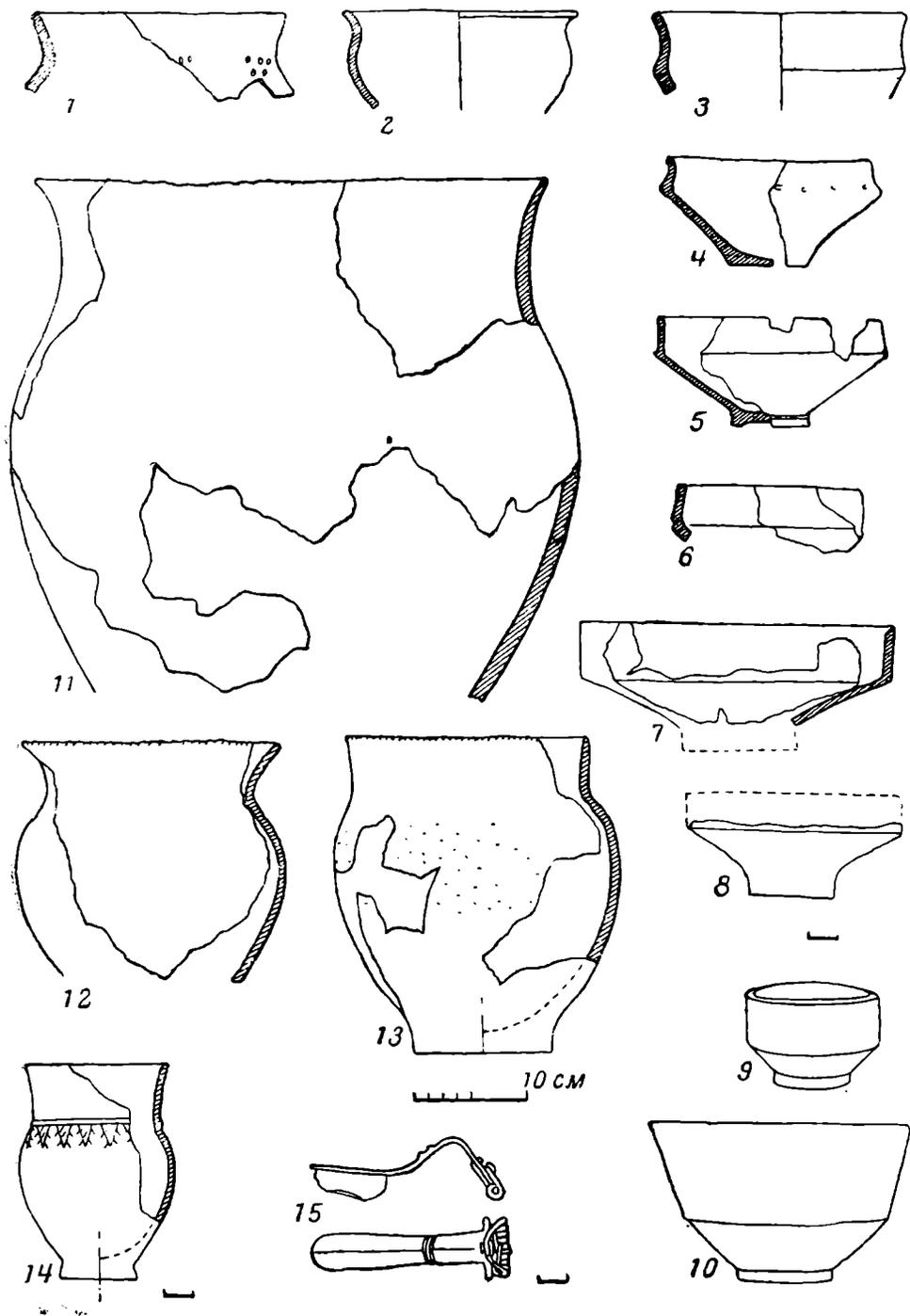

Рис. 7

1—6 — IIIа горизонт «почепской культуры» (Почепское; селище, по Ф. М. Заверняеву); 7—8, 12—15 — IIIб горизонт (Синьковское селище); 9—10 — Шаньковские курганы на р. Угре (по Н. И. Булычову); 15 — бронза; 2—10, 14 — лощеные сосуды

ных форм (видимо, различные и по назначению), большое долото, железные жаловидные втульчатые стрелы, железные иглы и железные шилья разных размеров. Железо обрабатывалось на месте: на Синьковском селище встречаются железные шлаки, отдельные куски оплавленной обмазки кузнечных (?) горнов (с отверстием для сопла), а также следы литейного производства (обломок тигля, глиняные льячки, капельки бронзы). На Почепском селище найдено целое скопление отбросов из кузницы¹⁶. Разнообразны бронзовые изделия, в том числе фибулы. Очень

¹⁶ Ф. М. Заверняев. Археологические находки..., стр. 143; е го же. Селища бассейна р. Судости, стр. 184.

много пряслиц характерной формы в виде низкого цилиндра с очень широким отверстием (есть такие же биконические пряслица).

Селища III этапа почепской культуры расположены вдоль рек, по краю надпойменной террасы или на незаливаемых останцах (рис. 3, 2). Обычно селища довольно велики: Синьковское — 300×50 м, Почепское — 2 га; Галяшовское — вероятно, не менее 1 га, Высокое — 300×50 м, в Белокаменке (Брянск) находки тянутся вдоль берега почти на километр. Расстояния между соседними селищами сильно колеблются, в ряде случаев сокращаясь до 2—3 км. Судя по раскопанным участкам, селища III этапа были довольно густо застроены. Большую часть поселения занимали большие наземные дома, однородные по размерам (примерно 20×6 м) и по планировке (рис. 3, 2; 5; 6). Стены большого дома часто сделаны из двойных рядов столбов с проложенным между ними деревом. Обгорелые остатки таких стен хорошо сохранились в доме № 20 на Синьковском селище. Весь дом представлял собой одно залообразное помещение. Спереди, со стороны входа, к нему пристроены обширные сени. Средняя часть «зала» занята длинным открытым кострищем (прокаленный спекшийся песок, зола и уголь), так что места для перегородок внутри «зала» не остается. Форма кострища, видимо, объясняется тем, что в костер клали один конец большого бревна и по мере сгорания подвигали бревно вперед. Этот способ, зафиксированный скандинавскими сагами, до сих пор применяется в лесистых районах. Задняя, теплая часть дома обычно углублена ниже уровня пола на 10—15 см и всегда имеет в центре продолговатую яму (обложенную в древности деревом) глубиной 50—80 см¹⁷. Перед этой частью дома всегда стоит толстый одиночный столб. Судя по археологическим и этнографическим данным, в этой теплой части дома был «примост»: нары с кладовкой под ними¹⁸. Когда дом ветшал, новый строился на том же месте, но так, чтобы углубленная часть старого дома оказывалась за пределами нового (впоследствии она использовалась для сваливания мусора). Обнаружено до трех таких последовательно возникших на одном месте домов, засыпанных мусором III этапа (дома №№ 7, 9, 12 в раскопе VIII и дома №№ 20, 21, 22 в раскопе IV). Вскрытые в Синькове дома в основном обращены входами к периферии поселения и внутри такого полукруга, отдельной группой поставлены синхронные домам углубленные в землю малые постройки типа рис. 4, 2, судя по всему, лишенные очагов¹⁹. Возможно,

¹⁷ Эти углубленные части домов хорошо видны и на Почепском селище (Ф. М. Заверняев. Почепское селище, стр. 180, рис. 1, 3), а следы столбовых стен очень плохо сохранились. Автор смог в этом убедиться на месте благодаря любезности Ф. М. Заверняева.

¹⁸ Аналогичную картину дают хорошо сохранившиеся лужицкие дома Бискупинского городища: каждая ячейка лужицкого дома состоит из сеней и жилого помещения с очагом, причем сзади очага часть комнаты не замощена деревом (получается углубление на толщину бревна), над нею устроены нары, одним краем опирающиеся на одиночный массивный столб (Zd. Rajewski. Biskupin v Polsce. AR, 1953, 4, Praha, стр. 497, рис. 231; стр. 509, рис. 243—244; стр. 511, рис. 247). Часть бискупинских домов построена также в технике закладки бревен между двумя рядами столбов (M. Gądzkiewicz, T. Liapa, T. Fiętka. Sprawozdanie z badań osadnictwa łuzyckiego w Biskupinie, pow. Znin, w 1956 r. WA, XXIV, 3, Warszawa, 1957, стр. 212, рис. 1). Такие нары с углубленным на 20—30 см пространством под ними — обычная деталь современных восточнославянских крестьянских домов. Их названия: «пол», «голец», «казенка», «примост». Под «казенкой» хранят домашний скarb и продукты, в холодное время помещают молодых животных. Со стороны избы пространство под «казенкой» закрывается легкой стенкой с дверцей (Е. Э. Блоков и ст. Крестьянские постройки восточных славян. Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, стр. 218, 221, 223, 225, 227, 229, рис. 48. Аналогичные устройства есть в современных домах с. Синьково). Есть данные, что и в «казенках» «почепских» домов были такие же легкие стенки, оставлявшие сбоку небольшое пространство для входа.

¹⁹ Изучение напластований в заполнении малых построек показало, что обычно они некоторое время стояли пустыми и через щели натекал вдоль стен материковый песок (или глина). Затем наземные части стен рушились и обитатели ближайших домов начинали сваливать в уже заплывающую яму мусор, постепенно заполняя яму доверху.

они служили для хозяйственных целей. Их многочисленность позволяет предположить, что каждому дому могла принадлежать своя малая постройка. Дальнейшие раскопки позволят решить этот вопрос²⁰. Если наземные дома не имеют прямых аналогий в соседних культурах этого времени и несомненно являются развитием юхновских домов IV—III вв. до н. э., то малые подквадратные постройки аналогичны изученным О. Н. Мельниковской зарубинецким жилищам Верхнего Поднепровья²¹ и пока не известны в памятниках Десны ранее I в. до н. э.

Имеющиеся материалы позволяют выйти за рамки приведенной выше археологической периодизации и дать краткий предварительный очерк истории Верхнего Подесенья рассматриваемого периода.

В IV—III вв. до н. э. на Десне жили племена юхновской культуры. Им принадлежали маленькие городища, обычно считающиеся в советской науке поселениями больших патриархальных семей. Приблизительно в I в. до н. э. культура местного населения изменяется. Элементы почепской культуры явно пришлые. Так, некоторые ребристые миски с тонким краем, а особенно чашевидные миски, так же как горшки (в том числе с пальцевым орнаментом по плечу), имеются в зарубинецких материалах Чаплина (раскопки П. Н. Третьякова, Ю. В. Кухаренко и Л. Д. Побоя), но там оба типа мисок вместе не встречаются, принадлежа разным этапам развития чаплинской культуры. Там же есть близкие аналогии подквадратным постройкам. Миски с утолщенным граненым краем характерны для Среднего и Нижнего Поднепровья и связаны там с фрако-гетскими культурами юго-запада СССР. На нижнеднепровских городищах одновременно с ними имелись и чашевидные миски, очень близкие «почепским» (рис. 2, 9—10)²². «Почепские» миски типа рис. 7, 5, не имея близких зарубинецких аналогий, сближаются с «субботовскими» и липицкими, вплоть до украшения верхней части ножки валиком. Лощеные почепские вазы (рис. 7, 14) сопоставляются с широким кругом сосудов от липицких ваз до некоторых сосудов из Корчеватого. На почепской лощеной посуде I—II вв. заметно влияние южной посуды, изготовленной на круге (типа субботовской): валики, кольцевые ножки. Но большинство форм керамики южных культур в Подесенье неизвестно. В свою очередь, нигде вне Десны не удается найти рассмотренные элементы вместе. Возможно, сказывается недостаточная изученность южных культур этой эпохи, особенно культур Среднего Поднепровья. Все же можно думать, что сложение почепской культуры связано с приходом на Десну каких-то групп населения из Среднего и, возможно, Верхнего Поднепровья. Их более высокая культура наложила яркий отпечаток на местную. Постепенное формирование почепской культуры и медленное затухание древнеюхновских традиций — показатель того, что сложение почепской культуры не сопровождалось значительным вытеснением прежнего населения (табл. 1). Может быть, правильнее говорить о почепском этапе истории юхновских племен.

Сложение почепской культуры не было чисто этнографическим процессом, оно отражало глубокие изменения в жизни юхновских племен:

В заполнении малых построек иногда встречены скопления кусков спекшейся золы и отдельные обгорелые камни. Считать их остатками очагов не представляется возможным, так как они не соприкасаются с полом построек, который не носит следов длительного действия огня. Эти скопления золы следует считать выбросом из очагов соседних домов.

²⁰ Судя по данным, опубликованным Ф. М. Заверняевым, Почепское селище также делилось на две части. Сочетание больших наземных жилых домов и хозяйственных (иногда жилых) малых подквадратных построек характерно для многих районов Европы I тысячелетия н. э.

²¹ По устному сообщению О. Н. Мельниковской.

²² Р. І. Вчиєзжєв. Роботи на ділянці Б поселення в с. Золотій Балці, АП, ІХ, Київ, 1960, стр. 170, рис. 6, 7.

Развитие деснинской культуры IV в. до н. э.— II в. н. э.

	Юхновская культура	Почепская культура			
	IV—III вв. до н. э.	I этап	II этап	IIIа этап	III этап
«Юхновская» посуда	×				
«Юхновские» орнаменты	×	×			
Глиняные блоки	×	×			
Биконические грузики	×	×			
«Рогатые» кирпичи	×	×			
Обмазка с отпечатками прутьев	×	×			
Городища	×	×	×		
Селища		×	×	×	×
Наземные дома	×	Пока не исследованы		×	×
Подквадратные углубленные в землю постройки		×	×	×	×
Горшки с отогнутым венчиком					
Пальцевой орнамент на горшках	} по плечу } по краю } нелощеные } лощеные } чашевидные } ребристые } с цилиндрическим верхом	×	×	×	×
Миски		×	×	Мало	×
		×	×	×	×
		×		×	×
		×	×	Исчезают	×
		×	×	×	×
Плоские пряслица					×

экономический прогресс, сопровождаемый значительным ростом населения и изменением общественной организации. Отказ от укрепленных поселений говорит о более тесном объединении общин. Начавшийся в I в. до н. э. частичный переход на селища (карта, рис. 1, 1) давал выход избыточному населению городищ и ускорял прогресс, способствуя более полному использованию природных ресурсов. Часть городищ еще продолжала существовать до I в. Синхронные им селища никогда не располагались около таких городищ: каждая община должна была иметь свою хозяйственную зону. К середине I в. размеры селищ сильно возросли, а городища запустились полностью (карта, рис. 1, 2 и табл. 2). I и II века были временем высшего хозяйственного и общественного расцвета деснинских племен раннего железного века. Достаточно привести данные о приросте населения. Если Полужское городище имело площадь около 2000 м² (при частичной застройке площадки), то многие селища I—II вв. достигали 6000 и даже 10 000 м² при весьма тесной застройке. В Синькове на 11 вскрытых построек I—II вв. приходится лишь по одной постройке более ранних этапов. Наконец, сама площадь «почепского» дома в шесть раз превышала площадь юхновского. Причина значительного увеличения площади домов (до 200 м²) не совсем ясна. Может быть, это объясняется изменениями в хозяйстве: если раньше скот стоял в общественных загонах, то теперь его могли помещать в домах, как это делали, например, древние германцы. О дроблении общинного имущества говорит и многочисленность однотипных хозяйственных построек, для предохранения от огня сконцентрированных в стороне от жилых домов. Возможно и иное решение. Большие дома могли быть как бы осколками городищ, знаменуя кратковременный промежуточный этап дробления большой семьи «городищенского» периода. Во всяком случае, развитие деснинских племен было очень своеобразным по сравнению с зарубинецкой и тем более «субботовской» культурой, имело ряд архаических черт

Стратиграфия памятников Десны I тысячелетия н. э.

Эпоха	Памятник											
	городища				селища							
	раскопки	сборы			раскопки				сборы			
		Полужье	Шибенец	Брянское «Соборная гора»	Воробейня	Синьково	Почеп (по публикациям)	Белокаменка	Хотылево (Северное)	Дмитрово	Яковлевичи	Рогово
Древнерусская «Роменская» V—VIII вв. III—IV вв.?				×			×			×	×	
(вещи с эмалью) I—II вв. I в.				?			×	×				×
Рубеж нашей эры I в. до н. э. IV—III вв. до н. э. (южновская)	×	?	×	×	×	×	?	?	×	?	×	
	×	×	×	×	×				×	×		
	×	×	×	×					×	×		

не только в общественном устройстве (большие дома), но и в идеологии.

Об идеологии «почепских» племен позволяют судить символические знаки в виде ромбов с крючками, награвированные на посуде IIIa и IIIб этапов (рис. 8, 1, 8) ²³.

Эти знаки не были еще предметом специального изучения. Поиски аналогий показали, что это один из ведущих элементов геометрического орнамента крестьянских тканей и росписей XIX—XX вв. на огромной территории, включающей СССР, Южную Европу, Азию и Африку. Изображения ромбов с крючками часты и в археологических материалах Европы и Азии. Но они не привлекли должного внимания археологов и этнографов, их смысл пока не установлен. Мною проделано на эту тему специальное исследование, некоторые выводы которого кратко резюмированы здесь. Раньше всего ромб с крючками появился в Иране (в энеолите, рис. 8, 2) и через Переднюю Азию проник в Среднюю Европу уже в неолите (рис. 8, 12). Сравнительно поздно он появился в бассейне Десны, где пока зафиксирован только на почепском этапе. Поразительное (вплоть до деталей) единообразие и устойчивость изображений знака и связанных с ним композиций на всей территории распространения (ср. композиции рис. 8, 1—7, а также рис. 8, 8—11) заставляют предполагать и смысловое единство. Выясняется, что символ был связан с магией плодородия и служил обозначением сложного всеобъемлющего образа хтонических земледельческих религий: мать — земля — растение. На почепской посуде представлены все три типа композиций ромба с крючками: 1) одиночный знак; 2) цепочка знаков (рис. 8, 1), символизировавшая древо жизни (рис. 8, 2—7); 3) круговая композиция с ромбом в центре, окруженным знаками огня (солнца) (рис. 8, 8). Последняя композиция изображает своеобразный языческий «чин» — вселенную, с землей и ее солнечным спутником-супругом (возможно, также воду? —

²³ Ф. М. Заверняев. Археологические находки..., стр. 143, рис. 63, 1 и 1a; его же. Селища..., стр. 184, 185, рис. 4, 10; его же. Почепское селище, стр. 184, рис. 3, 1; стр. 185; Синьково, на обломке миски типа рис. 7, 7—8, в заполнении углубленной части дома № 7 на раскопе VIII.

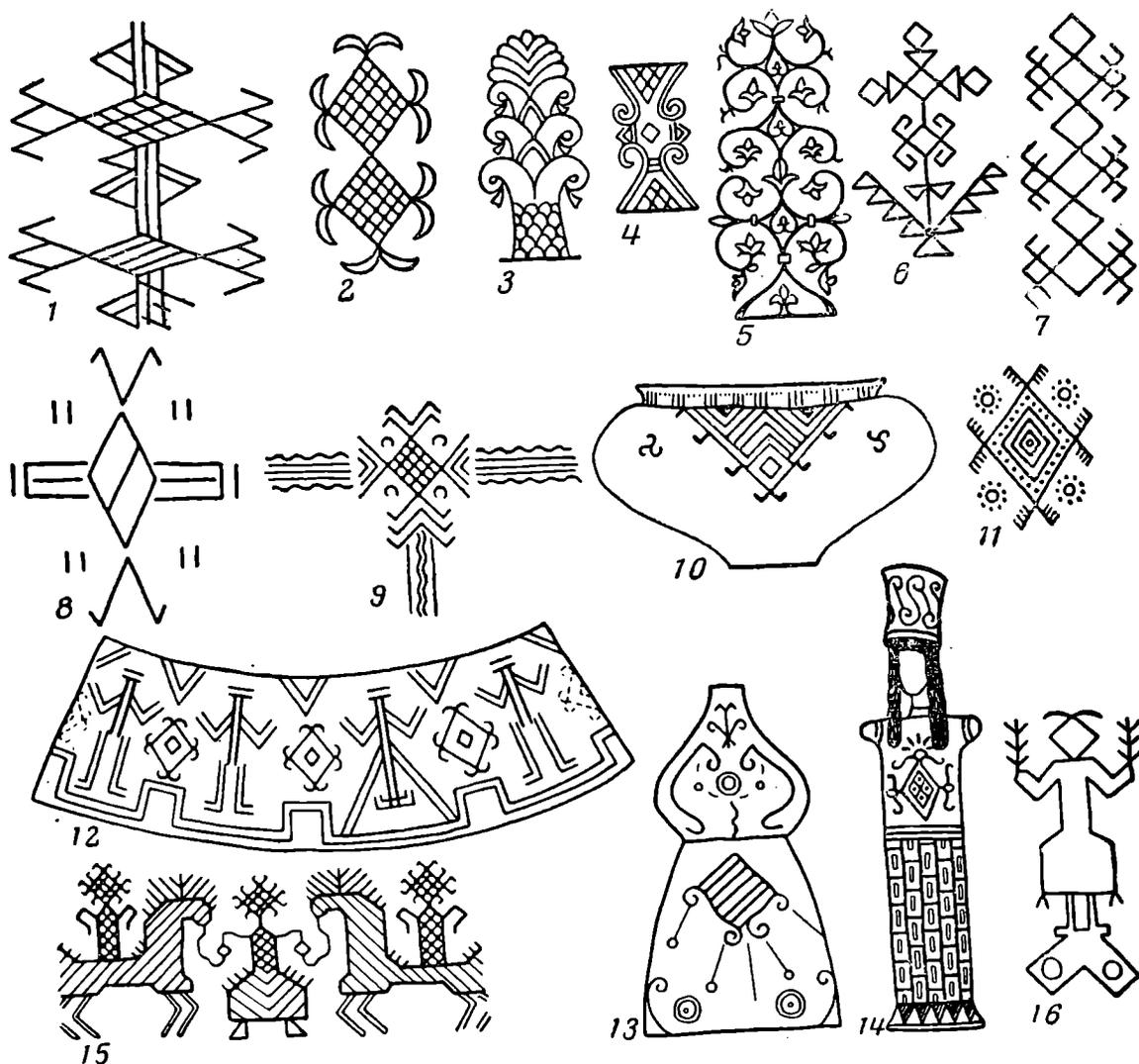

Рис. 8. Изображения на посуде III этапа и их аналоги

Изображения древа жизни: 1 — Синьково, «почепская» культура; 2 — Теле Сялк III, иранский энеолит; 3 — хеттский рельеф с культовой сценой; 4 — изображение на греческой вазе «коврового» или «ориентализирующего» стиля VII в. до н. э.; 5 — резьба Георгиевского собора в Юрьеве Польском XIII в.; 6, 7 — русские крестьянские вышивки XIX — начала XX в. Изображения вселенной (языческого «чина»); 8 — Почеп; 9 — Ханлар, Азербайджан, эпоха бронзы; 10—11 — Чехия, расписная керамика VI—V в. до н. э. Антропоморфные изображения с подобными знаками; 12 — Стржелце, Моравия, поздний неолит, конец III тысячелетия до н. э.; 13 — Кырна, Румыния, эпоха бронзы, XV—XIII вв. до н. э.; 14 — Греция, терракота VI в. до н. э. из собраний ГДР; 15 — вышивка на полотенце из Архангельской обл., 1820 г.; 16 — русская вышивка

«крылья» по бокам композиции) (рис. 8, 9—11). «Лицевые» изображения этого сюжета широко известны и в русской архаической вышивке, причем голова великой богини часто передавалась ромбом с крючками (рис. 8, 15)²⁴. Почепские находки — редчайший пример первоначального, чисто культового, неорнаментального применения таких символов: зна-

²⁴ Привлечение рассмотренных здесь и других близких им изображений показывает, что основной символикой «украш» русского женского крестьянского костюма была магия плодородия, связанная с культом матери-земли, вопреки распространенному мнению о преобладании солярной символики. Солярные знаки имели подчиненное значение, обычно входя в композиции типа рис. 8, 10—11. Появлению антропоморфных изображений богини с прибогами (В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. ГИМ, I, М., 1926) обычно предшествовало распространение геометрических изображений с тем же смыслом. Поэтому отдаленное чисто смысловое (не иконографическое, затрагивающее детали) сходство русских крестьянских «лицевых» вышивок с изображениями на дакийских образках римской эпохи еще ни в коей мере не доказывает наличия между ними генетической зависимости и не исключает местного развития в процессе антропоморфизации.

ки нанесены несимметрично, на самых разных, случайных, с точки зрения современного нам наблюдателя, местах сосуда, иногда они гравировались по уже обожженному сосуду. В других местах эти знаки зафиксированы, лишь начиная с позднего этапа первобытнообщинного строя, когда они превращались в орнамент (но параллельно могли еще очень долго применяться при магических действиях). Поэтому можно говорить о некотором архаизме верований племен «почепской» культуры.

Пока нет никаких данных о существовании «почепских» поселений в III в. Или в это время вновь изменяется их культура, или же их существование прекращается по неизвестной нам причине. Во всяком случае, во II—III вв. на Верхней Оке распространились чрезвычайно близкие по керамике памятники, доживающие там до IV в. (к IV в. относятся курганы шаньковского типа, остросеребряные миски которых являются прямым развитием почепских). Возможно, во II—III вв. имело место продвижение части почепских племен к северо-востоку и их смешение с населением того района. Если принять датировку мощинского типа вещей с выемчатой эмалью III—IV вв., то в III в. на всей территории почепской культуры распространился новый, чуждый ей стиль металлических украшений. К сожалению, пока неизвестно, какая керамика сопровождает вещи с эмалью в Подесенье. Памятники середины и второй половины I тысячелетия н. э. известны еще очень мало. По данным разведок, селища этого времени (Хотылево, Голяжье, Белокаменка — на Десне выше Брянска) очень небольшие и с бедным культурным слоем. Керамика толстостенная и рыхлая, обычно желтого или желто-коричневого цвета с примесью шамота. Судя по фрагментам, это специфические горшки с прямым верхом типа колочинских²⁵, немногочисленные выпуклобокие горшочки с очень низкой слабо намеченной шейкой, плохо лощеные глубокие сосуды с ребром и, наконец, низкие тонкие сковородки и плоские глиняные диски.

В Белокаменке (Брянск) вскрыта часть постройки, разрушенной осыпью берега. Сохранившаяся часть постройки $3,2 \times 1,5$ м углублена в материк на 40 см. Стены были обложены деревом, по бокам (но не в углах) и по средней линии были столбы, очага в сохранившейся части постройки не было. Из всех культур раннего железного века в бассейне Десны эта единственная, для которой известны могильники²⁶. Дата культуры, судя по имеющимся данным, VI—VIII вв.²⁷ По-видимому, ее носители пришлые и, возможно, связаны с кругом Колочинского городища. Характерно резкое уменьшение плотности населения по сравнению с почепской эпохой. В конце I тысячелетия н. э. на всей рассматриваемой территории распространились славянские раннесредневековые памятники роменского типа²⁸. Снова возросла густота размещения поселений и их размеры.

Итак, в течение I тысячелетия н. э. в бассейне Десны несколько раз происходили изменения культуры, возможно, сопровождавшиеся и какими-то этническими сдвигами, но о последних пока можно только предполагать.

ПРИЛОЖЕНИЕ к рис. 8

2 — L. Vanden Berge. Archéologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959, рис. 40, 7 и стр. 206.

3 — M. de Saint Pierre. Trésors de la Turquie. Paris, 1959, фото 131.

²⁵ Э. А. Симонович. Раскопки городища Колочин I в Южной Белоруссии, КСИИМК, 77, 1959, стр. 75, рис. 30.

²⁶ В. А. Падин. Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска. СА, 1960, 3, стр. 317—318.

²⁷ В. А. Падин. Ук. соч., стр. 318.

²⁸ М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 74—77; И. И. Ляпушкин. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны. КСИИМК, 74, 1959, стр. 81—86.

- 4 — J. K. Brock. Fortetsa. Early Greek Tombs near Knossos. Cambridge, 1957, рис. 16, *a, f*.
- 5 — А. А. Бобринский. Резной камень в России, вып. 1, М., 1916, табл. 33, 1.
- 8 — Ф. М. Заверняев. Археологические находки возле городка Почеп. КСИИМК, 53, 1954, рис. 63, 1а.
- 9 — Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, рис. 28, 7.
- 10, 11 — J. Filip. Pradzieje Czechoslowacji. Poznań, 1951, рис. 61, 9, 12.
- 12 — J. Neustupny. Pravěké umění v Čechách a na Moravě. Praha, рис. на стр. 13; V. Fogman, B. Fogman, J. Poulik. Kunst der Vorzeit. Praha, 1956, рис. 40; здесь — схематическая развертка, сделанная по фотографиям.
- 13 — V. Dumitrescu. Necropola de incineratie din epoca bronzului de la Cîrna. Bucureşti, 1961, табл. CLIII, 2.
- 14 — «Античная терракота» (из музеев ГДР), набор открыток, вступительный текст Н. Бритовой. М., 1959.
- 15 — Л. А. Динцес. Древние черты в русском народном искусстве. История культуры древней Руси, II, М.—Л., 1951, рис. 243.
- 16 — В. А. Городцов. Скифо-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. ГИМ, 1, М., 1926, рис. 11.

Г. Ф. ТУРЧАНИНОВ

О ЯЗЫКЕ НАДПИСЕЙ НА КАМНЯХ МАЯЦКОГО ГОРОДИЩА И ФЛЯГАХ НОВОЧЕРКАССКОГО МУЗЕЯ

В 1954 г. появилась статья тюрколога А. М. Щербака [1], в которой автор делает попытку дешифровки поименованных в заглавии нашей статьи надписей, объявляя их тюркскими, а письмо — тюркским руническим. Вопрос об определении языка надписей на камнях Маяцкого городища и на флягах Новочеркасского музея имеет для науки принципиальное значение.

Маяцкое городище на Дону при устье р. Тихая Сосна относится, как признает большинство археологов, к салтовской (аланской) культуре VIII—X вв.¹ Фляги Новочеркасского музея найдены на Нижнем Дону и датируются тоже VIII—X вв., хотя и не являются непременно в археологическом комплексе памятников салтовской культуры. Если язык надписей маяцких камней и новочеркасских фляг окажется общим, естественно будет говорить и об общности культуры народов, создавших эти надписи.

Так именно и случилось. Стоило только А. М. Щербаку объявить язык надписей на камнях Маяцкого городища и флягах из Новочеркасского музея тюркским, как археолог М. И. Артамонов в своей статье сейчас же сделал вывод о том, что «достигнутые им (Щербаком.— Г. Т.) успехи представляют остромный интерес, в частности по спорному вопросу относительно этнической принадлежности салтово-маяцкой культуры, которую большинство исследователей считало аланской. В настоящее время к доводам против этого мнения прибавляются решающие данные о языке носителей этой культуры. Писали, а следовательно, и говорили они не на иранском, а на тюркском языке, хотя корни салтово-маяцкой культуры действительно уходят в сармато-аланскую среду» [3, 268].

Не слишком ли поспешно была сделана дешифровка А. М. Щербака и не слишком ли преждевременны выводы М. И. Артамонова? Внимательно вчитываясь в статьи обоих исследователей, приходишь к выводу, что они тесно взаимосвязаны. Есть все основания полагать, что А. М. Щербак оказался в данном случае в плену хазарско-булгарской теории М. И. Артамонова, ибо в своей статье он прямо говорит о том, что «возможность приступить к чтению незнакомых рун» явилась у него благодаря неоднократной консультации со стороны М. И. Артамонова «относительно некоторых подробностей этногенеза хазар и их взаимоотношений с другими племенами» [1, 270], и в то же время он ни словом не обмолвился о его консультациях по вопросам генезиса и развития салтово-маяцкой культуры и взаимоотношения ее создателей алан с ха-

¹ Памятникам этой культуры посвящена обстоятельная и хорошо аргументированная статья И. И. Ляпушкина [2].

зарами. Видимо, следуя за М. И. Артамоновым, А. М. Щербак отождествляет алан VIII—X вв. с хазарами, иначе трудно себе представить, как мог бы А. М. Щербак, разумея Маяцкое городище, сказать, что «нахождение рунических памятников в районе Воронежа может быть поставлено в связь с пребыванием здесь *только хазар*» (курсив мой.— Г. Т.) [1, 281].

Оказались хазары и в низовьях Дона, хотя прямо об этом А. М. Щербак нигде не говорит. Это вытекает из чтения им надписей на новочеркасских флягах, письмо и язык которых оказываются такими же, что и в надписях на камнях Маяцкого городища².

Посмотрим, однако, насколько это так и на каких основах покоится предложенный А. М. Щербаком метод дешифровки. Дешифровку А. М. Щербак начал с надписей на флягах из Новочеркасского музея. В распоряжении его были «отличные фотографии обоих сосудов и копии с надписей, сделанных на камнях» [1, 270]. Они были ему предоставлены М. И. Артамоновым. С этого сообщения А. М. Щербака мы и начнем наши критические замечания о методе его дешифровки.

Фотографии с сосудов и надписей на них действительно отличные, как можно судить по снимкам, приложенным к статье М. И. Артамонова [3], и поэтому весьма странно, как А. М. Щербак не заметил, что обе надписи на новочеркасских флягах имеют словоразделы в виде точек. Ведь если есть словоразделы, то слова не должны выходить за их пределы. Это закон любого письма, и эпиграфист не имеет права с ними не считаться. Невнимание к словоразделам даже при известном письме чревато курьезами, а при неизвестном языке и письме ведет к безудержному фантазированию.

Наш известный рунолог С. Е. Малов, занимавшийся в 1927 г. по просьбе А. А. Миллера дешифровкой одной из надписей на новочеркасской фляге (в статье А. М. Щербака это надпись № 2), в своем заключении писал о технике исполнения надписи: «При 1, и 7 и после 5 и 11 [рун] имеются точки (по одной), а в турецк[их] (читай: тюркских.— Г. Т.) рунах встречаются двоеточия (:) *между словами и группами слов*»³ (курсив мой.— Г. Т.) (рис. 1).

Рис. 1. Прорись косожской надписи № 2 VIII—X вв. на фляге из Новочеркасского музея

А. М. Щербак начал свою дешифровку с надписи № 1 на другой новочеркасской фляге, но и в этой надписи есть те же словоразделы-точки, о которых писал С. Е. Малов. Достаточно отсчитать в этой надписи (рис. 2) пять буквенных знаков слева, как мы увидим три точки, разме-

Рис. 2. Прорись косожской надписи № 1 VIII—X вв. на фляге из Новочеркасского музея.

щенные одна под другой по вертикали. Далее точки размещаются так: после восьмой буквы слева — одна точка вверху; после двенадцатой

² В последнее время, оставив чтение надписей без изменения и не прибавив к ним ни одной новой (скажем, из Саркела), А. М. Щербак рассматривает их уже не как хазарские, а как печенежские, т. е. относит ко времени, более позднему, поскольку печенеги появились в степях Восточной Европы на исходе IX в. [4].

³ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 24, № 68.

буквы слева — три точки сверху вниз углом; после пятнадцатой буквы слева — одна точка посередине; после двадцать первой буквы слева — одна точка посередине и, наконец, после двадцать четвертой буквы слева — одна точка почти посередине.

А. М. Щербак предположил, что на фляге прочерчена фраза-пожелание: «...кумыс... кумыс наливая (наполняя)... в это большое отверстие пей», однако точка после двадцать первой буквы оригинала делит на две части первое слово киміз, с которого начал свою дешифровку А. М. Щербак. Словораздел оказывается между слогами кї и мїз; следовательно, здесь нет слова киміз. Исходная позиция и посылка оказались неверны, а отсюда неверна дешифровка всей надписи и других ей подобных, ибо А. М. Щербак устанавливал звучание букв, отправляясь от предположительного смысла надписи в целом.

Ошибочность исходной посылки в дешифровке сказалась на надписи № 1 не только в том, что словораздел разбил на две части надуманное слово кї(·)мїз. Словоразделы оказались внутри таких слов, как авї зї (·) ка (в интерпретации Щербака дательный падеж слова авїз (ауз) — «отверстие») [1, 272] или оставшегося без перевода слова эк (:) а, в котором строчная а излишняя, ибо ее нет вовсе в надписи. Словораздел рассек также надвое и второе надуманное слово киміз так, что А. М. Щербак должен был признать в нем пропуск конечной буквы з. Иначе говоря, словоразделы между словами и группами слов при расстановке их в надписи в виде точек (:) и (·) оказываются в предложенной А. М. Щербаком интерпретации текста надписи не на месте. А отсюда, поскольку дешифровка в целом неверна, у А. М. Щербака естественно получилось много неясных мест и лакун, которые устранить не удается.

Не приносит удовлетворения и предложенный А. М. Щербаком текст надписи. Можно предполагать то или иное содержание надписи на сосуде, но важно, чтобы это содержание не противоречило действительности. Нельзя, например, читать в надписи: «пей из этого высокого кувшина», если он низкий. Но почему можно читать на новочеркасской фляге: «...в это большое отверстие пей!», когда в действительности у фляги отверстие малое?! При дешифровке надписи на той или иной вещи нужно прежде всего воочию видеть самую вещь или, по крайней мере, наиподробнее образом осведомиться о ее особенностях.

Что предложенное А. М. Щербаком чтение надумано, поспешно и неверно, показывает и дешифровка надписи на новочеркасской фляге, которую в свое время рассматривал С. Е. Малов. Словоразделы здесь также оказались не везде на месте. Один из них разделил на две части имя Ата(·)ач, а другой отнес вправо такую странную группу слов, как «(·)Бука — трое их». Текст этой надписи А. М. Щербак читает так: «Элчи и (также) Атачи (также) Бука — трое их». О назначении новочеркасских фляг М. И. Артамонов писал, что «такие баклажки привешивались всадниками к седлу» [3, 264]. Нам не приходилось видеть, чтобы в седле (и даже без седла) на одном коне ездил сразу три всадника. Фляга явно принадлежала одному лицу, и надпись на ней должна быть соответственного содержания.

Надписи на флягах А. М. Щербак публиковал дважды [1, 4]. Публикуя их второй раз, он не только не внес в их чтение какого-либо улучшения, но и ухудшил свою позицию. «Очень возможно, — писал он относительно первой надписи на новочеркасской фляге, — что в данном тексте знак (рис. 3, 1) во всех или почти во всех случаях выполняет ту же функцию, что и знак (рис. 3, 2) в Енисейских надписях, т. е. является своего рода разделителем слов. Подобное восприятие (рис. 3, 1) может изменить чтение лишь одного слова (уш вместо уха), но не изменяет смысла надписи в целом» [4, стр. 386].

Следовательно, публикуя вторично надписи на новочеркасских флягах, А. М. Щербак не интересовался заново ни фотографиями надписей, ни самими оригиналами. Он совершенно отвлеченно выделил знак рис. 3, 1 как разделительный и притом только в одной первой новочеркасской надписи. Если даже во второй новочеркасской надписи выделенный в качестве словораздела знак рис. 3, 1 ничего и не изменит в чтении Щербака, то как быть в том случае, когда искусственный разделитель слов окажется в надписях рядом с разделителем истинным в виде точек?

Но мало того, что А. М. Щербак не считался с истинными словоразделами в надписях на новочеркасских флягах, он при чтении надписей как на флягах, так и на камнях Маяцкого городища неверно воспроизводил форму некоторых букв. В надписи № 1 на фляге восьмая буква справа дана им в форме рис. 3, 3, в то время когда она в действительности выглядит как рис. 3, 4. Четырнадцатая буква слева в надписи имеет форму рис. 3, 5, а у А. М. Щербака она превратилась в рис. 3, 6. После пятой буквы слева в надпись введена строчная буква (рис. 3, 7) «а», которой в надписи нет.

Значительно хуже обстоит дело с передачей формы некоторых букв надписей на камнях Маяцкого городища. Возможно, что это получилось оттого, в данном случае А. М. Щербак работал не по фотографиям и эстампам, а по копиям, сделанным для него М. И. Артамоновым [1, 270]. Отсюда в статье А. М. Щербака в надписи IV [1, 275] оказались, правильно изображенными только две буквы из десяти, а четыре пропущены вовсе.

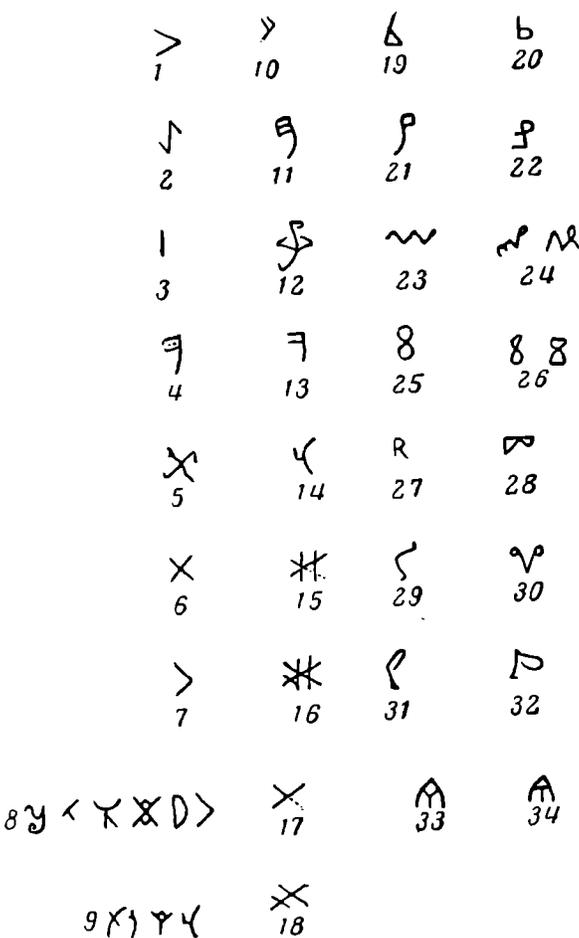

Рис. 3. 1—18—фразы и буквы косоожских надписей, корректируемые и разъясняемые в тексте статьи; 19—34—буквы причерноморского письма, сопоставляемые с буквами славянской письменности

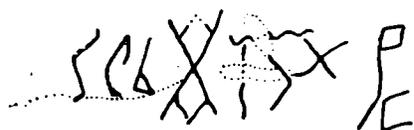

Рис. 4. Прорись аланской надписи № 2 с Маяцкого городища VIII—X вв.

Рис. 5. Прорись аланской надписи № 3 с Маяцкого городища VIII—X вв.

Буквы надписи в действительности выглядят, как на рис. 4, а вот как они изображены в статье А. М. Щербака рис. 3, 8. В надписи V в той же статье Щербака первая дефектная буква слева оказалась разделенной на две, вторая искажена, а третья пропущена вовсе. В действительности они изображены так, как на рис. 5, а в статье Щербака, как на рис. 3, 9. В надписи VI (рис. 6) вторая буква слева вместо рис. 3, 10

в статье Щербака дана в форме рис. 3, 7. В надписи VII (рис. 7) первая буква слева и первая справа имеют последовательно форму рис. 3, 11 и рис. 3, 12, а в статье Щербака они представлены на рис. 3, 13 и рис. 3, 14.

Едва ли нужно пояснять то положение, что эпитафист при дешифровке неизвестного письма не имеет никакого права унифицировать и подгонять буквы под удобную ему форму, будь это даже названо трактовкой путем сравнения букв с тюркскими рунами, как пояснил этот прием в одном месте сам А. М. Щербак [4, стр. 387 сн. 216]. К услугам эпитафиста при различии в форме одних и тех же букв существует транскрипция. Пренебрежением к палеографии, к верному воспроизведению

Рис. 6. Прорись аланской надписи № 4 с Маяцкого городища VIII—X вв.

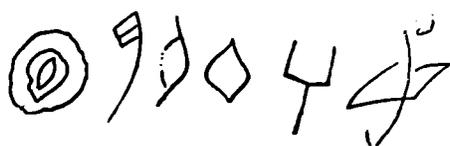

Рис. 7. Прорись еврейской надписи аланского письма с Маяцкого городища VIII—X вв. (надпись № 5)

букв эпитафист отрезает себе все пути к ретроспективному и перспективному изучению исследуемого письма.

Предположение А. М. Щербака о том, что «надписи на камнях Маяцкого городища являются фрагментами значительных по своим размерам текстов» [1, 275], ошибочно, так как из пяти надписей, которые он считает фрагментами, только две (рис. 1 и 3) являются таковыми.

Все изложенное выше в отношении предложенных А. М. Щербаком приемов дешифровки надписей на новочеркасских флягах и камнях Маяцкого городища приводит нас к выводу, что А. М. Щербак не дешифровал письма маяцких камней и новочеркасских фляг, и поэтому мы считаем необходимым обнародовать свой взгляд на письмо исследуемых им надписей. В этом случае мы используем пожелание А. М. Щербака, чтобы другие исследователи, проверив на просторном материале избранные им приемы, приняли или отбросили их и тем самым предохранили себя от следования по неправильному пути [1, 282].

Мы не будем здесь излагать наших приемов исследования неизвестного письма; доложим только результаты девятилетнего труда, основанного на материале более чем сорока памятников письма данного дуктуса, извлеченных нами из различных печатных трудов и кладовых музеев. Работа велась по безукоризненным фотографиям, эстампам или самим памятникам. Должен признаться, что дешифровка была делом трудным: письмо не имеет билингв, количество надписей невелико, тексты весьма кратки, словоделение в большинстве случаев отсутствует, надписи принадлежат к нескольким языкам. Работа требовала немалых усилий.

В свое время С. Е. Малов, занимавшийся одной из надписей на фляге из Новочеркасского музея, заметил в своем заключении: «Буквы на первый взгляд весьма сходны с турецким (читай: тюркским.— Г. Т.) руническим алфавитом». Однако это сходство не подвело знаменитого эпитафиста-тюрколога. В конечном счете он пришел к выводу, что «пока (? NB) трудно считать эту надпись турецкой (читай: тюркской.— Г. Т.)». Предупреждение С. Е. Малова обязывало нас искать другой путь дешифровки. Путь был найден и на анализе и чтении более чем сорока письменных памятников себя оправдал.

Новое письмо выходило за рамки VIII—X вв. и вообще за рамки исторического появления в степях Восточной Европы народов тюркского языкового корня. В Днестро-Бужском углу оно выходило за пределы

христианской эры. В Танаисе оказалось на местных (несинопских) амфорах III в. в виде надписей красной краской [5]. Одну из таких танаисских надписей мы приводим здесь для примера (рис. 8), причем ее буквы находят свои убедительные параллели в буквах надписей на камнях Маяцкого городища (рис. 7, 9) и на флягах из Новочеркасского музея (рис. 2). По-сарматски (древнеосетински) она читается: фиу — жир (равняется, как думает В. И. Абаев, значению «масло»).

Танаисские надписи подали мысль, что маяцкие надписи могут быть средневековыми аланскими, ретроспективно — сарматскими, а новочеркасские на флягах — средневековыми косожскими, ретроспективно — меотскими. Сарматы и меоты жили бок о бок в Танаисе, о чем говорят собственные имена ряда памятников. Жили их потомки бок о бок и в нижнем Подонье в VIII — X вв.

В конечном счете оказалось, что сарматы (аланы) и меоты (косоги) пользовались одним и тем же письмом, но в разных изводах, каждый из которых создавался применительно к фонетическим особенностям их языков.

На протяжении длительного существования оба извода в той или иной мере изменяли очертания своих букв, иногда имели локальные варианты их — свой оригинальный *habitus* букв, но в целом письмо оставалось в своем историческом дуктусе устойчивым.

В нашем исследовании букв нового письма палеография заняла одно из главных мест. Она поясняла нам истоки письма и пути его развития.

По своему далекому происхождению новое письмо оказалось связано с арамейским, а в дальнейшем частично с древним и квадратным еврейскими письменами достаточно старых форм. Уже в первых веках нашей эры это письмо знало лигатуры и аббревиации. В отличие от семитического оно имело направление слева направо. Этот вывод был сделан нами на основе новой, изменившейся обращенности подавляющего большинства в той или иной мере реформированных семитических букв.

В нашем письме для одного и того же звука иногда употребляется по нескольку разных форм букв, что говорит о его длительной жизни и большой локальной разветвленности. Это новое, доселе неизвестное письмо мы назвали «причерноморским буквенным письмом». Оно генетически не связано с «загадочными причерноморскими знаками», на которые обращали внимание многие исследователи и из которых кое-кто безнадежно пытался вывести буквенное фонетическое письмо без опоры во фразовом материале ⁴.

Аланское письмо надписей Маяцкого городища, представленное нами в сводной табл. I, не исчерпывает всех буквенных знаков этого письма. В таблице указаны только те буквы аланского письма, которые имеются в пяти маяцких надписях. Некоторые буквы повторяются, и читатель сразу же может отметить общность или сходность их формы и звучания, некоторые представлены в данных надписях единично и выведены нами из чтения всех наличных еще неопубликованных у нас надписей причерноморского буквенного письма. В последнем случае мы просили бы читателя на некоторое время, до публикации всех наличных у нас надписей, поверить нам. Мы прекрасно понимаем, что всякое поспешное чтение не только может дискредитировать наше научное имя, но и дать ход ложным историческим концепциям.

А теперь перейдем к чтению аланских надписей.

Первая аланская надпись с Маяцкого городища, которую мы хотим предложить вниманию читателя (рис. 9), интересна тем, что она содер-

Рис. 8. Сарматская (древнеосетинская) надпись на амфоре III в. из Танаиса

⁴ Литературу предмета см. в работах [6] и [7].

Транскрипция букв	Дуктус букв					Примечания	Транскрипция букв	Дуктус букв				
	ИИ надписей							ИИ надписей				
	1	2	3	4	5			1	2	3	4	5
а	Ɔ	-	-	>	-	1-4 надписи аланские 5-еврейская аланского письма	б	-	-	-	-	9
а	-	-	<	-	-		в	-	Ɔ	-	-	-
ан	Ɔ	-	-	-	Ɔ		г	-	~	-	-	-
ан	А	-	А	-	-		к	>	>	-	-	-
й	8	-	-	-	-		л	Ɔ	-	Ɔ	-	-
и	-	{	-		-		н	-	р	-	-	-
о	-	Г	-	-	-		р	-	Ь	-	-	-
у	D	-	-	-	-		с	-	Х	-	-	-
у	-	Ɔ	-	-	-		с	-	-	-	Σ	-
у	-	-	-	Р	-		т	-	-	-	-	Ч
ум	-	Х	-	-	-	Ѡ	-	-	-	-	Ѡ	
Ѡ	-	-	А	-	-	(айн)	-	-	-	-	Ѡ	

жит в своем тексте историческое этническое имя «алан». Начало надписи отбито, нужно думать, что оно содержало личное имя. Оставшаяся часть надписи:... алануй кан читается — «...аланов кан».

Осетинское иронское притяжательное местоимение третьего лица, оно же аффикс принадлежности *-уй-*, не оставляет никаких сомнений в том, что надпись аланская. Форма слова «алан» также отвечает историческим нормам осетинского языка. Что касается слова «кан», то оно в данной маяцкой надписи как тюркское заимствование вероятнее всего имело значение хан (стар. хъан) — князь, а не хъан — воспитанник. В нашей надписи слово «кан» соотносено с названием народа, племени

Рис. 9. Прорись аланской надписи № 1 с Маяцкого городища VIII—X вв.

(алануй), а не с отдельным лицом, аталыком, как то ожидалось, если бы речь шла о кане — воспитаннике. Хорошей иллюстрацией к последнему значению может быть надпись на новочеркасской фляге № 2, в нашем чтении косожской.

Вторая аланская надпись с Маяцкого городища (рис. 4), также содержащая несколько слов, выполнена менее аккуратно, чем первая, но читается хорошо. Вуруми гкс но = Уруми кь[ы]с Но — Урума (Грека) дочь Но (Новая).

Осетинский исторический аффикс родительного падежа *-и* (совр. ирон. *-ы*, диг. *-и*) не оставляет никаких сомнений, что надпись аланская. Начальное «в» свидетельствует о том, что лицо, писавшее надпись, пыталось этим «в» передать билабиальный характер осетинского полугласного «у». В Осетии до сих пор существует фамильное имя «Урумывы» (Урумтае). Известно в Осетии и личное собственное имя, образованное от старой основы Наеу-Но — Новый, с тем, однако, различием, что это имя употребляется с аффиксом *-аег* (Наеуаег, стяженно Ног) и только для именованя лиц мужского пола. Следовательно, десять-

одиннадцать веков сделали свое дело. Язык не может оставаться неизменным. Подтверждением этому служит в надписи слово *кѣ[ы]с* — дочь. В современном осетинском языке мы имеем для обозначения дочери слово ирон. *чызг* (кызг), диг. *кызгае*. Слово это считается старым заимствованием из тюркского языка с наращением к нему осетинского суффикса [7, стр. 85]. Наша надпись показывает, насколько старо это заимствование. Что же касается передачи смычно-гортанного *кѣ* нашей надписи дзумя буквами гк, то это явление не вызывает изумления. Напротив, попытка исполнителя надписи передать билабиальный характер у через в свидетельствует о том, что он имел «лингвистическое ухо».

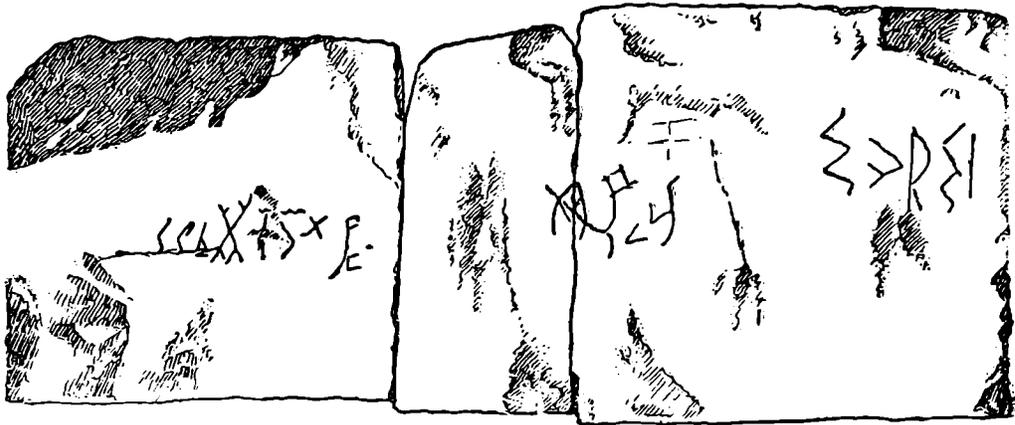

Рис. 10. Схематический рисунок с камня Маяцкого городища с тремя аланскими надписями № 2, 3, 4

Третья аланская надпись с Маяцкого городища (рис. 5) содержит всего только одно мужское имя — Анбал.

Это собственное имя, здесь в дигорском звучании, образовано от нарицательного *аенбал* — товарищ — и хорошо известно в осетинской специальной литературе [8, стр. 42, 262; 9]. Заметим только, что первая буква этой надписи дефектна. Посредине ее пришелся распил камня, когда его из-за громоздкости пришлось разделить на две части, чтобы перевезти с городища (рис. 10).

Четвертая аланская надпись с Маяцкого городища (рис. 6) состоит также из одного личного имени: — Сауси.

Эпиграфическое имя-прозвище Сауси отвечает совр. осет. *саусы* — черный рог («Чернорог»), образованному из нарицательных *сау* — черный и *сы* — рог.

Пятая надпись Маяцкого городища (рис. 7) по языку еврейская. После знака «лабиринта» магического значения в начале надписи [10], принятого А. М. Щербаком за тамгу [1, 271], оставшаяся буквенная ее часть читается: Бан'тф (= Бен'Атыф) и представляет собой имя — прозвище, первая часть которого составляет еврейское слово *бен* — сын, а вторая семитическое арабское *عاطف* атыф — милостивый, благожелательный.

Маяцкое аланское городище находилось вблизи границ Хазарского каганата. В каганате же, где часть хазар исповедовала иудейство, евреев было достаточно много. Возможно, что Бен'Атыф жил даже в селении при Маяцкой крепости или прибыл сюда из каких-либо других мест Хазарии. Интересно, что он сделал надпись аланским письмом. Следовательно, оно было не только в ходу у подонских алан, но и выходило за рамки аланской этнической среды.

Пользовались этим письмом и в Верхнем Салтове. Еще в 1948 г. экспедиция С. А. Семенова-Зусера в одном из катакомбных могильников Салтова открыла бараньи сочленения — астрагалы, у осетин называемые хьул. На некоторых из них, насколько можно судить по прорисям,

вырезаны слова и буквы того же дуктуса, что и на камнях Маяцкого городища [10]. Их чтению мы намерены посвятить особую статью.

Живая аланская речь на Дону и наличие у алан своего оригинального письма обязывают нас не согласиться с той концепцией о носителях салтово-маяцкой культуры, которую всячески пытается обосновать М. И. Артамонов. Этническая материальная культура не переживает языка. Напротив, язык переживает этническую материальную культуру. Современные горцы-осетины, потомки алан, носят уже европейское платье, строят не типичные для осетин дома, но в устах их звучит и долго еще будет звучать осетинская речь. Можно априори заключать, что если жива еще самобытная материальная культура народа, то о гибели самобытного, созданного народом языка не может быть и речи.

Культура алан Подонья VIII—X вв. была и материально и духовно той же, что и культура их единоплеменников на Кавказе.

Сравнивая культуру могильников в Чми, В. Рухте, Кумбульте и Камунте в Северной Осетии с культурой В. Салтова, Готье писал: «Сходство бьет в глаза и не оставляет никакого сомнения, что одновременно в VI—IX вв.⁵ на Северном Кавказе и по течению Донца существовала та же самая культура; что люди, обитавшие в Салтове (а мы добавим — и в Маяцком на Дону.— Г. Т.), жили, одевались, веровали и хоронились (а мы добавим — и говорили.— Г. Т.) совершенно так же, как очень далеко обитавшие от них жители современной Осетии» [15].

Этническая ассимиляция степных алан, о которой с такой уверенностью и легкостью говорит М. И. Артамонов, в действительности была процессом долгим. Примером может служить, с одной стороны, тот убедительный материал, который опубликовал венгерский тюрколог Ю. Немет [16, 17]. Пришедшие в Венгрию вместе с половцами (куманами) в 1239 г. аланы-ясы сохраняли здесь свой язык в венгерском и половецком окружении еще в XV в.

С другой стороны, нельзя не обратить внимания на тот факт, что те тюркские слова, которые оказались по нашим надписям в языке донских (маяцких) алан и укрепились в нем как заимствования, существуют до сих пор в осетинском языке, не поколебав его исторической основы, а подчинившись ей: ср. маяцкое тюрк. «кан» и осет. истор. хъан — князь, хан; маяцкое тюрк. къ[ы]с — дочь и совр. осет. ирон. чызг (кызг), диг. кизгае — дочь; маяцкое тюрк. урум — грек и осет. истор. урум — грек в составе старых осетинских фамилий Урумтае — Урумовы и Уруймагтае — Уруймаговы, в обоих случаях Грековы.

Аланские надписи Маяцкого городища с достаточной убедительностью свидетельствуют о том, что степные аланы Подонья VIII—X вв. говорили на том же самом языке, на котором говорили в средние века и говорят поныне осетины иронцы и дигорцы в горах Кавказа.

Сколько времени звучала еще аланская речь в Подонье — сказать трудно. Мы не располагаем материалами, подобными тем, какие посчастливилось получить Ю. Немету, но все же косвенно судить о том, как долго сохраняли аланы Подонья свою этническую общность, мы можем. Право на это дает нам русская летопись, которая в XII в. говорит об аланях-ясах Подонья как о народе, не утратившем еще своего лица.

Летопись по Ипатьевскому списку под 1116 г. сообщает: в тот же год послал Владимир сына своего Ярополка, а Давыд сына своего Всеволода на Дон и взяли три города: Супров, Шарукан, Балин. Тогда же Ярополк, пленив, привел себе жену, очень красивую дочь Ясского князя [18, стр. 280].

Суздальская летопись говорит об этом событии 1116 г. несколько иначе: Ярополк ходил на Половецкую землю к реке, называемой Дон,

⁵ Имея в виду археологические и эпиграфические разыскания последних лет в Черкесии и смежных областях, эти границы можно продвинуть вглубь к началу IV в. [12—14].

и взял здесь много пленных, и три города взял половецкие: Галин (он же Балин.— Г. Т.), Чешюев (он же Чевшлюев.— Г. Т.) и Сугров, и привел с собой ясов, и пленил (себе) жену ясыню [19].

Пятью годами раньше, в 1111 г., сообщая о походе русских князей на Дон в местоположение городов Шарукана и Сугрова, Ипатьевская летопись в то же время говорит о том, что население города Шарукан, будучи нерусским, исповедовало христианство. В летописи сказано: оттуда (с Ворсклы), перейдя многие реки, в шестую неделю поста, во вторник, подошли к Дону. И одевшись в бронь и построив полки, пошли к городу Шарукану. И выставил князь Владимир попов своих перед полком и они, едучи, пели тропари и кондаки в честь креста господнего и канон в честь святой богородицы. Когда был вечер, подъехали к городу, а в воскресенье (жители) вышли из города и поклонились князьям русским и вынесли рыб и вино и пробыли здесь (русские) ночь. А утром, в среду, пошли к Сугрову и, прийдя, подожгли его, а в четверг ушли с Дона [18, стр. 263].

Ориентируясь на упомянутые выше известия русских летописей, византолог Ю. Кулаковский в свое время совершенно справедливо писал: «...в начале XII века было на Дону три города, которые состояли под властью половцев. Само собой разумеется, что не половцы их заложили, как не они их и населяли. Христианское население в Шарукане засвидетельствовано в событии 1111 года. Весьма вероятно, что и другие два города имели такое же население. О национальности этих христиан летопись ничего не говорит под 1111 годом, но косвенно утверждает, что это не были русские: «...выидоша из города, поклонишася княземъ Рускымъ». Если бы эти люди обратились к князьям с русской речью и этим, помимо религии, засвидетельствовали свою кровную близость, то, вероятно, это было бы упомянуто. Из похода на подонские города Ярополк привел пленную красавицу «Яського князя дщерь», которая стала его женой.... Отсюда можно сделать вывод, что христианское их население было в XII веке по национальности аланским» [20].

Едва ли можно не согласиться с этим выводом и едва ли полнокровная аланская речь, звучавшая в устах подонских ясов в VIII—X вв., в начале XII в. была здесь уже утрачена.

Представлявшие собой значительную этническую массу населения (Ярополк «взял полон многъ»), объединенные духовно христианской религией (половцы были нехристиане) и состоявшие под властью своего, ясского князя, т. е. составлявшие какое-то политическое единство, аланы Подонья имели, с нашей точки зрения, в XII в. (не говоря уже о VIII—X вв.) еще достаточно внутренних сил, чтобы сохранять свой язык и противостоять языковой ассимиляции.

А М. И. Артамонов утверждает, что «...носители салтовской культуры в массе своей не только писали, но и говорили на языке тюркского типа, а следовательно, не были ираноязычными аланами» [21, стр. 47], что «...степные племена (алан.— Г. Т.), подвергшиеся воздействию других этнических образований и скрещению с гуннами, а затем тюрками, этнически, конечно, не представляли и не могли представлять в рассматриваемую эпоху (т. е. VIII—X вв.— Г. Т.) то же самое, что и ироны-осетины. Свое происхождение они вели также от сармат или алан, но в это время они были уже болгарами или хазарами, этнически обособленными от алан-осетин» [22]. Заключение М. И. Артамонова в отношении алан Подонья глубоко ошибочно. Он непомерно преувеличил роль хазар и вообще тюркских племен в их культурном и историческом влиянии на ираноязычных алан Подонья. Теперь рассмотрим надписи на флягах из Новочеркасского музея. Обе фляги были найдены на Нижнем Дону и представляют случайные находки.

Фляги данного типа представлены во многих музеях. В Новочеркасском музее, кроме этих двух, есть еще несколько фляг без надписей.

Археологические находки⁶ и особенно выявление местного очага производства этих фляг, наряду с другими сосудами, в восточной части Крыма самым решительным образом подчеркнули принадлежность фляг типа новочеркасских к салтово-маяцкой культуре VIII—X вв. как культуры аланской и северопрichernоморской [25, 26].

Здесь важно отметить одну деталь. На той фляге с надписью из Новочеркасского музея, которая была найдена под станицей Кривянской, роспись в виде красноватых дугообразных полос находит себе ближайшую аналогию среди фляг с такой же росписью из могильника близ с. Ладза в Осетии [27], причем среди боя бракованных фляг в завале при гончарных печах в восточном Крыму А. Л. Якобсон в 1952—1954 гг. обнаружил несколько фляг с такой же росписью.

Этим самым лишний раз подчеркивается взаимосвязь Подонья, Восточного Крыма и Северного Кавказа средневекового периода.

Надписи на новочеркасских флягах выписаны острием какого-то оружия или оружия. Они сделаны после обжига и читаются, как мы уже однажды говорили, на косожском (средневековом черкесском, точнее кабардинском) языке.

О пребывании в низовьях Дона в VIII—X вв. косогов известные нам письменные источники ничего не говорят. Первое упоминание о косогах мы находим в русской летописи под 965 г. Оно связано с походом князя Святослава на хазар: В год 965 пошел Святослав на хазар. Услышавшие об этом хазары вышли против (него) с князем своим каганом и сошлись на бой, и была сеча, и одолел Святослав хазар, и Белую Вежу взял, город их, и ясов победил и косогов, и привел (их) в Киев⁷.

Поскольку нам ныне известно местоположение Белой Вежи-Саркела, известны поселения ясов-алан ниже Белой Вежи на Дону [2, 136, 149—150] и известно, что поход Святослава шел в таком направлении, что он сначала разбил хазар и взял Белую Вежу, а потом победил ясов и за ними косогов, нет основания думать, что битва с ясами (алашами) и косогами (черкесами) произошла где-то на Северном Кавказе. И те и другие могли находиться (и скорее всего находились) в Подонье, ниже Белой Вежи. Вероятно, и этническое название «ксог» (ср. осет. каесаег — кабардинец-черкес) вошло в русский язык тогда же, будучи заимствовано из языка не северокавказских, а подонских ясов-алан, ниже которых у дельты Дона сидели косоги, виновники новочеркасских надписей.

Утверждение М. И. Артамонова о том, что князь Святослав сначала разгромил алан и косогов на Северном Кавказе, а затем взял Белую Вежу [21, стр. 51—52], почти прямо противоположно той последовательности событий, которую дает летопись, и является надуманным. Впрочем, М. И. Артамонов иначе поступить не мог. Ведь по его теории алан в Подонье в это время уже не существовало. Они были охвачены.

Надписи на обеих флягах из Новочеркасского музея читаются хорошо. Они имеют словоразделы в форме точек, причем в надписи № 1, с которой мы начнем чтение, писавший надпись ставил словоразделы, кроме первого слева из трех вертикально расположенных точек, уже после того, как надпись была выполнена. Поэтому точки-словоразделы в тех случаях, когда они ставились по одной, не везде приходятся на средней линии надписи, а три точки словораздела после двенадцатой буквы слева размещены не по вертикали, а углом. В одном случае словораздел пропущен, что не удивительно, поскольку в надписи тридцать одна буква сплошной строки.

⁶ Имеются в виду фляги Подгоровского могильника салтово-маяцкой культуры [23, 24], фляги из поселений Восточного Крыма по раскопкам А. Л. Якобсона в 1952—1954 гг. в с. Морском Судаковского района и в собрании Симферопольского музея (по информации А. Л. Якобсона).

⁷ В разночтении: «...и возвратился в Киев» [28].

**Причерноморское буквенное письмо. Косожский извод письма.
Керамические подписи VIII — X вв. с Нижнего Дона**

Транс-крипция букв	Дуктус букв		Примечания	Транс-крипция букв	Дуктус букв		Примечания
	NM надписей				NM надписей		
	1	2			1	2	
а	ƒ	ƒ	Лигатура=ƒ - ä + 1 - и (й) ä = а носовое	б	ƒ	—	Звонкие и глухие латеральные обозначены вариантами одного буквенного знака
а	х	—		в	ω	—	
äй	ш	—		з	✓	—	
'а	—	о		к	>	>	
а ^н (ä)	м	—		қ	ф	—	
ан	д	д		л'	ц	—	
и/й	—	—		лв'	ц	—	
и	—	у		л1'	—	ц	
у	п, б	п		п	л	—	
у	д	—		с	—	х, х'	
уа	х	—	х	ψ	ψ		
ум	х	—	'	ƒ	ƒ		

Как можно видеть на табл. 2, включающей буквы косожских надписей новочеркасских фляг, косожский алфавит несколько отличался от аланского. Основное различие создается присутствием в косожском письме особых букв для передачи гортанного характера ряда звуков, хотя гортанность отмечается не всегда последовательно, что относится уже к проблеме грамотности.

Табл. 2 не исчерпывает всех буквенных знаков косожского письма. В наличных у нас косожских надписях, которых на сегодняшний день уже одиннадцать, букв и их вариантов значительно больше, чем в табл. 2. Приступим, однако, к чтению косожских надписей на новочеркасских флягах.

Надпись № 1 на фляге, найденной под станцией Кривянской (рис. 2), читается: х ум иг къ ан : з ай' · Л ай у к : · з а уэ · К у у ай (·) лъ а^н · б к · лъ а^н · п', что в переводе означает: «Кувшин : кому принадлежавший · Лийюк : · воин · Кууева (·) рода — племени · знаменитого был»⁸.

Первое слово слева хумигкъан отвечает тюрк. кьумгъан — сосуд для воды [29]. Наличие в эпитафическом слове после «м» буквы «и» свидетельствует о стремлении языка преодолеть стяжение согласных и открыть слог, если он не конечный, что является специфической чертой черкесской речи. Увулярный согласный гъ передан двумя буквами: «г» и «къ», причем «г», поскольку она писалась вытянутой по горизонтали, расположена над «и». Такое же графическое явление с «г» наблюдается во второй аланской надписи с Маяцкого городища (рис. 4).

Второе слово — зай' — 'кому принадлежавший' — соответствует современному причастию прошедшего времени зейа (зая) в том же значении.

⁸ Специальные вопросы истории косожского языка в данной статье не затрагиваются.

Третье слово — Лайук — является собственным именем и соответствует современному Лейыкьюэ («Лейюко»). Оно образовано от имени Лай (Лей) — 'лишний' с присоединением к нем слова кью (кьюэ) — 'сын'. Черкесские имена со словом «сын» обычны и широко известны.

Четвертое слово — зауэ — 'воин' в этой форме и значении было еще употребительно в первой половине XIX в. Сейчас говорят: зауэл.

Пятое слово — Кууай как родо-племенное имя на сегодня нам неизвестно. Оно состоит из корневого слова куу и весьма распространенного при образовании этнонимов аффикса -ай>-ей (ср. Къэбэрдей — Кабарда, Беслэней — Бесленя и т. п.). После этого слова должен был бы стоять знак словораздела. Как мы уже указывали, он пропущен и условно восстановлен нами в круглых скобках.

Шестое слово — лья^н·'бк — 'род', 'племя' соответствует совр. лъэпкъ. Наличие в надписи перед буквой ' словораздела в форме одной точки поясняет нам, что слово лъэпкъ (эпигр. лья^нбк) воспринималось в VIII—X вв. как сложное, состоящее из двух знаменательных слов. Ныне знаменателен только второй компонент этого слова -пкъ (пкъы — кость, тело, основа). В надписи слово интересно тем, что оно имеет носовой гласный «а». Носовые гласные сохранились ныне только в некоторых нижнечеркесских (адыгейских) диалектах (например, шапсугском, бжедухском). Предшествующая букве «б» (п) придыхательная согласная, обозначенная нами в транскрипции через', свидетельствует о том, что в состав комплекса бк (пк) входят смычно-гортанные (придыхательные) звуки.

Седьмое и последнее слово надписи — лья^н п' а — 'знаменитый был' (в контексте: знаменитого был) соответствует совр. льяпI-ащ, диал. льяпI-а. О носовом а говорилось выше в связи с шестым словом. Там же говорилось о букве', обозначающей смычно-гортанность следующего за ней согласного, в данном случае «п». Надпись свидетельствует, что показателем прошедшего времени исторически был формант 'а, потерявший со временем предшествующий гласному, а гортанный согласный.

Обращаясь к содержанию надписи в целом, мы хотим обратить внимание на то, что она выполнена в прошедшем времени, что она прочерчена после обжига и что фляга была найдена в земле на глубине 1,5 м. По-видимому, это был косожский могильник. Фляга была погребена вместе с воином-косогом, которому она принадлежала при жизни.

Здесь же считаем необходимым указать на то, что восьмая буква надписи справа, имеющая форму рис. 3, 4, представляет собой поврежденную временем букву (рис. 3, 11) «б» такую же, как в пятой надписи с Маяцкого городища (рис. 7). Две точки внутри развилины буквы б новочеркасской надписи представляют собой вероятный остаток горизонтальной линии, а зубчики слева при верхней и нижней горизонтальных линиях головки — остаток разрушенной вертикальной линии.

Перейдем теперь ко второй косожской надписи на фляге из Новочеркасского музея.

Эта надпись, как и предыдущая, выполнена острием какого-то орудия после обжига фляги. Надпись состоит из четырех слов, отделенных друг от друга словоразделом в виде одной точки. Заключительный знак словораздела помещен в развилине последней буквы, сверху. На эти словоразделы обратил в свое время внимание С. Е. Малов, который, как мы уже говорили, усомнился в том, что надпись тюркская.

Надпись, изображенная на рис. 1, читается: «ллух'а·К'айсих·кан: К'айсихи·, что в переводе означает: «Мужественный был·Кайсих·кан (воспитанник): Кайсыха».

Первое слово слева ллух'а соответствует сов. лыхъраш, диал. лыхъуа. Это предикат, состоящий из имени существительного лыхъу (эпиграфически с отражением регрессивной несмежной ассимиляции «ллух») — 'мужественный' и глагольного аффикса прошедшего времени

-а (эпиграфически — 'а). Данная форма прошедшего времени уже встречалась в предыдущей надписи.

Во втором и четвертом словах надписи следует обратить внимание на букву о, обозначающую а с предшествующим ей придыханием ('а), и на лигатуру рис. 3, 15 или рис. 3, 16, состоящую из букв рис. 3, 17 или рис. 3, 18 — «с» и двух рис. 3, 3 — «и». Слово К'айсих (= совр. къайсых) представляет собой отглагольное имя-прозвище со значением: «сюда сверху приплывший». В современном ономастиконе оно нам не встречалось. Так как лигатура рис. 3, 15 или рис. 3, 18 встретилась в таком виде только в данной надписи и в одном и том же положении, мы оставляем за собой право внесения в чтение этого слова поправки, если она в будущем потребуется.

Третье слово — кан (совр. къан) — 'воспитанник' до сего времени широко известно в черкасских языках. Оно заимствовано из тюркского языка и в нашей надписи свидетельствует о том, что институт аталычества был уже знаком косогам VIII—X вв.

Четвертое слово, поскольку оно разъяснено выше, требует только объяснения конечного -и. Это -и (=совр.-ы) представляет собой в собственных именах старый поссессив.

Выполненная в той же технике и в том же прошедшем времени вторая надпись, как и первая, подтверждает нашу мысль о том, что фляги клались вместе с покойным в могилу как неотъемлемая их собственность.

Таково наше суждение о языке и назначении надписей на флягах из Новочеркасского музея⁹.

Косожский язык надписей на флягах оказался так же полнокровен, как и аланский язык надписей на камнях Маяцкого городища на Дону. И здесь о языковой ассимиляции не может быть речи.

Присмотревшись к надписям на камнях Маяцкого городища и на флягах из Новочеркасского музея, нетрудно обнаружить, что буквы этих надписей выходят за пределы аланского и косожского письмен. Некоторые из букв этих надписей по своему виду и звучанию либо совпадают с буквами глаголического и кириллического славянского письма, либо отличаются от них очень незначительно.

Наибольшее число встреч, если иметь в виду не только официальный азбучный кодекс, но и палеографические отклонения от него, приходится на глаголический алфавит. Здесь нельзя не учитывать и того факта, что наши надписи выполнены, с одной стороны, на камне и керамике, с другой — не специалистами резчиками, а рядовыми людьми, знающими письмо. В этих условиях и угловатость букв и их несоразмерность явление обычное.

Вот некоторые буквы наших аланских и косожских надписей в сравнении с глаголическими и кириллическими: рис. 3, 19 — «р» второй маяцкой надписи при глаголическом «р» рис. 3, 20; рис. 3, 21 — «н» второй маяцкой надписи при глаголическом «н» рис. 3, 22; рис. 3, 23 — «г» второй маяцкой и первой новочеркасской надписей при глаголическом «г» рис. 3, 24; рис. 3, 25 — «и» первой маяцкой надписи при глаголических «и» рис. 3, 26; рис. 3, 27 — «у» четвертой маяцкой надписи при глаголическом (в ином положении) «ю» рис. 3, 28; рис. 3, 29 — «в» второй маяцкой аланской надписи при глаголическом (в ином положении) «в» рис. 3, 30 [30]; рис. 3, 31 — «у» второй маяцкой аланской надписи при кириллической в таком же, как у нас, положении и почти идентичном

⁹ Для средневекового периода, кроме текстов на новочеркасских флягах, в нашем собрании из косожских памятников этого же письма и района налицо надпись на надгробной плите 910 г. с Нижнего Дона и надпись на амфоре конца XIII — начала XIII в. из Азова. К косожским относятся и найденные в верховьях р. Кубани хумаринские лапидарные надписи. Они хорошо читаются и датируются X—XI вв.

форме рис. 3, 32 — \bar{y} ($> y$) в Мюнхенском абecedарии, открытом Н. С. Трубецким [31].

Присоедините сюда некоторые буквы аланского и косожского алфавитов, которые находят себя в официальном кириллическом письме: алан. рис. 3, 33 — «ан», косож. рис. 3, 33 — «а» носовое и кирил. рис. 3, 34 — «е» носовое иногда «а» носовое, например в имени Александр; алан. и косож. 1 — «и» и D, — «у», воспроизводящие в соединении знак, близкий к Ю — «ю» (= *uy*)¹⁰, и др.

Из всех этих сопоставлений, которые можно было бы умножить за счет разных памятников славянского глаголического и кириллического письма, у читателя возникнет мысль: не созданы ли аланский и косожский алфавиты на основе славянского, настолько много оказывается в них букв славянского дуктуса и притом без каких-либо к тому натяжек.

Такая мысль возникала когда-то и у нас, но сарматские надписи интерпретируемого здесь письма более ранних веков, чем время появления славян в лесостепной полосе Европейской части России, заставили нас отказаться от этой мысли.

К сожалению, пока что в нашем собрании нет ни одного восточнославянского письменного памятника VIII—X вв. из Подонья, хотя эти памятники должны были бы быть, ибо есть памятники из других, обжитых восточными славянами мест, по времени и более ранние и более поздние (от VI до начала XI в.). Они просты по содержанию и исторически безукоризненны по языку. Мы имеем в виду такие надписи, как аликановская, тверская и др.

Этнически обособившиеся изводы единого причерноморского письма (в том числе и восточнославянский извод) оказываются исторически настолько тесно связаны между собой, что выделять их для отдельной публикации почти что невозможно без серьезного ущерба для каждого из них и для понимания письма в целом. Письмо дешифровано впервые, в нем много взаимных отсылок и связей, есть свои особенности, которые предстанут аргументированными при интерпретации их лишь на широком историческом фоне.

В заключение остановимся на одном историческом литературном свидетельстве, которое в какой-то мере поддерживало наши разыскания.

Свидетельство это извлечено нами из анонимной византийской Пасхалии VII в., опубликованной Нибуром. Текст его гласит: «Знают же свои собственные письмена: каппадокийцы, иберы они же тиранны, табарены, латины, ими же пользуются римляне, сарматы, испанцы, скифы, греки, бастарны, мидийцы, армяне» [31]¹¹.

Читая это свидетельство, трудно отделаться от мысли, что оно не составлено по каким-то более ранним источникам, и для VII в. является уже запоздалым.

При всей его общности это свидетельство важно потому, что оно говорит о существовании уже в VII в. на юге, юго-востоке и юго-западе России самостоятельного письма, ибо исторически эту территорию мы не можем оторвать ни от исторических сарматов, ни от исторических скифов, к кому бы ни прикреплять эти наименования.

Весьма вероятно, что этим письмом «скифов» и «сарматов» VII в. и являлось то причерноморское буквенное письмо, о котором мы говорим в нашей статье и средневековым образцом которого являются надписи на камнях Маяцкого городища и на флягах из Новочеркасского музея.

¹⁰ Сравните знак Ю в [4, табл. XVI].

¹¹ Интересную сводку о существовании собственного письма у скифов, сарматов и алан по греческим, латинским и сирийским источникам начиная с V—VI вв. дает Н. В. Пигулевская [33].

Литература

1. А. М. Щербак. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. СА, XIX, 1954.
2. И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 62, 1958.
3. М. И. Артамонов. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. СА, XIX, 1954.
4. А. М. Щербак. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела — Белой Вежи. МИА, 75, 1959.
5. Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 29, 30, 73, 74, рис. 29.
6. Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 9—16.
7. Г. Ф. Турчанинов. Рец. на книгу Э. И. Соломоник «Сарматские знаки Северного Причерноморья», СА, 1962, 4.
8. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949.
9. В. Ф. Миллер. Осетинские этюды. III, М., 1887, стр. 68.
10. И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953, стр. 135—136.
11. С. А. Семенов-Зусер. Дослідження Салтівського могильника. АП, III, 1952, стр. 283.
12. Т. М. Минаева. Городище Адиух в Черкесии. КСИИМК, 60, 1955.
13. Е. П. Алексеева. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии. КСИИМК, 60, 1955.
14. Г. Ф. Турчанинов. Древнейшая IV в. н. э. осетинская (аланская) надпись греческого письма на инталии из Эрмитажа. ИСО НИИ, XXII, 4. Орджоникидзе, 1960.
15. Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 61—62.
16. I. Németh. Eine Wörterliste, der Jassen ungaländischen Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften in Alanen. Berlin, 1958, 4, стр. 1—36.
17. Ю. Немет. Список слов на языке ясов, венгерских алан. Перевод В. И. Абаева. Орджоникидзе, 1960.
18. Ипатьевская летопись, 2, вып. 1, Птгр., 1923.
19. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, 2, Л., 1927, стр. 291.
20. Ю. А. Кулаковский. Христианство у алан. ВВ, V, вып. 1 и 2, СПб., 1898, стр. 17—18.
21. М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. МИА, 62, 1958.
22. М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, 1940, стр. 161—162.
23. С. А. Плетнева. Подгоровский могильник. СА, 1962, 3.
24. И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, 1961, стр. 204.
25. А. Л. Якобсон. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму. КСИИМК, 54, 1954.
26. А. Л. Якобсон. Средневековые гончарные печи в районе Судака. КСИИМК, 60, 1955.
27. П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. LXXIII, 1 и LXXIX, 6.
28. НПЛ, I, Птгр., 1917, стр. 41.
29. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899, II, 2, стр. 1049—1050.
30. Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1911, III, табл. II, 3a; III, 5a, 5c; VI, 11, 12.
31. *Byzantinoslavica*, II. 1. Praha, 1930, стр. 29—31.
32. *Stonicon Pashale*. CSNB, 1832, I, стр. 48.
33. Н. В. Пигулевская. К вопросу о «письменных» народах древности. Сб. «Древний мир», посвященный акад. В. В. Струве. М., 1962.

В. В. ПИМЕНОВ

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КУРГАНОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ

1

Вопрос об этнической принадлежности курганов юго-восточного Приладожья относится к числу сложных и спорных археологических проблем. Взгляды специалистов на этот счет существенно расходятся. Многие исследователи (И. П. Барсов, Е. В. Барсов, Н. Е. Бранденбург, А. Колмогоров, А. А. Спицын¹, Я. В. Станкевич², С. Гадзяцкий³) придерживались того взгляда, что курганные могильники юго-восточного Приладожья следует считать памятниками народа, известного по письменным источникам под именами весь (в русских летописях)⁴, вас, висиннус или виси (в западноевропейских хрониках)⁵, вису, весу или ису (в арабоязычных памятниках)⁶ и являющегося предком современных вепсов, живущих в Ленинградской и Вологодской областях и в Карелии.

Этого же взгляда первоначально придерживался и В. И. Равдоникас⁷, но в более поздних своих работах он выступил против него и предложил гипотезу, согласно которой приладожские курганные могильники оставлены древними карелами⁸. Существует третья точка зрения, согласно которой курганы принадлежат населению, являвшемуся общим предком вепсов и карел⁹.

За годы, прошедшие со времени проведения раскопок В. И. Равдоникаса, накоплен обширный и разнообразный материал, дающий основа-

¹ А. А. Спицын. Русская историческая география. Птрг., 1917, стр. 32; его же. Разведка памятников материальной культуры. Л., 1927, стр. 35.

² Я. В. Станкевич. Курганы юго-восточного Приладожья и Карело-Финской ССР. Археол. сб. Петрозаводск, 1957, стр. 109.

³ С. Гадзяцкий. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1945, стр. 5.

⁴ ПВЛ. М.—Л., 1950, стр. 10, 13, 18, 20.

⁵ Jordanes de Getarum sive Gothorum et rebus Gestis, Stuttgart, 1866, стр. 69—90; К. Т и а н д е р. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906, стр. 44; I. M a n n i n e n. Die finischugrischen Völker. Leipzig, 1932, стр. 71.

⁶ А. П. К о в а л е в с к и й. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956; А. П. С м и р н о в. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 225 сл.

⁷ В. И. Р а в д о н и к а с. Население Тихвинского уезда. Тихвин, 1925.

⁸ В. И. Р а в д о н и к а с. Проблемы изучения культуры металла в Карелии. Карелия. Ежегодник Карельского государственного музея за 1928 год. Петрозаводск, 1930; его же. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930; его же. Раскопки в Приладожье в 1930 г. и некоторые выводы из них. ГАИМК, 1931, 3, стр. 6; его же. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. ГАИМК, 1934, 94.

⁹ А. М. T a l l g r e n. Le provinces culturelles de l'âge recent de fer dans la Russie du Nord. ESA III, стр. 19.

ние для того, чтобы снова вернуться к вопросу об этнической принадлежности курганов юго-восточного Приладожья. Опубликованы некоторые ранее раскопанные и вновь добытые археологические материалы (в том числе и на смежных с Приладожьем территориях)¹⁰; уточнена датировка¹¹; мобилизованы данные по таким разделам языкознания, как топонимика и этнонимика¹²; подвергнут изучению краниологический материал¹³; проведены исследования этнографии вепсов¹⁴.

Разумеется, все эти разнородные сведения еще должны быть обобщены и приведены в систему. Однако уже теперь имеется возможность оспаривать гипотезу В. И. Равдоникаса и решительно высказываться в пользу признания курганов, размещенных на обширном пространстве между Ладожским, Онежским и Белым озерами, памятниками древней веси.

Данные археологии позволяют охарактеризовать отдельные стороны материальной и некоторые черты духовной культуры древней веси. Мы, разумеется, предполагаем рассмотреть их в самом общем виде, имея в виду лишь те стороны в культуре этого народа, которые необходимо проследить для выявления, с одной стороны, генезиса более поздних черт в культуре современных вепсов, с другой, — попытаться наметить некоторые линии традиционных исторических связей, установить известную преемственность культурного и этнического развития народа, опираясь на данные археологии и этнографии. Конечно, семь-восемь столетий, протекших с тех пор, как перестали насыпаться курганы, — слишком большой срок, чтобы можно было надеяться (не имея данных по поздней археологии народа) достигнуть на этом пути большого успеха; видимо, не все сходные черты, которые удалось бы проследить по курганным инвентарям и этнографическим наблюдениям, окажутся вполне самобытными и специфическими для веси и позднейших вепсов, чтобы по ним можно было судить о прямых генетических связях; и все же нам необходимо учитывать, что это — не просто интересный исследовательский прием, но по существу одно из немногих возможных реальных направлений исследования поставленной нами проблемы.

2

Поселения, в которых жил народ, оставивший курганные захоронения IX—XIII вв., в сущности нам неизвестны. Единственное городище, обследованное В. И. Равдоникасом, а до него Н. И. Репниковым, в среднем течении Сяси, до сих пор не раскопано; неизвестны и другие городища и селища, современные курганным могильникам. Поэтому судить о них приходится по косвенным данным. Письменный источник XII в. (известный «Устав» Святослава Ольговича 1137 г.) содержит упоминание

¹⁰ Г. П. Гроздилов. Курганы на территории Карелии. «Хрестоматия по истории Карелии». Петрозаводск, 1939, стр. 36—45; его же. Курганы у деревни Челмужи. Археол. сб. Петрозаводск, 1947, стр. 111—114; А. М. Линевский. Общество юго-восточного Приладожья в XI веке. «Изв. Карело-Финской н.-и. базы АН СССР», I, 1949, стр. 57—72; его же. Новое о прошлом южной Карелии. Журн. «На рубеже». Петрозаводск, 1951, 1, стр. 82—93; Отчеты А. М. Линева о раскопках в 1947, 1948 и 1949 годах на р. Ояти. Хранятся в научном архиве Карельского филиала АН СССР; Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1962, 3.

¹¹ Я. В. Станкевич. Хронологическая классификация погребений юго-восточного Приладожья. КСИИМК, XIV, 1947.

¹² Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947; его же. О двух этнических элементах в составе карельского народа. «Сов. финно-угроведение», I, 1948; его же. Из этнонимии Карелии. Там же; А. И. Попов. Топонимика Белозерского края. Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковедч. наук, 2. Л., 1948; Н. И. Богданов. К истории вепсов. «Изв. Карело-Финского филиала АН СССР», 1951, 2.

¹³ М. М. Герасимовым выполнены три скульптурные реконструкции по черепам из раскопок А. М. Линева, которые хранятся в Государственном краеведческом музее КАССР в Петрозаводске.

¹⁴ В. В. Пименов. Поездка к прионежским вепсам. СЭ, 1957, 3; его же. К вопросу о карельско-вепских культурных связях. СЭ, 1960, 5.

таких своеобразных и характерных поселений¹⁵, как погосты Валдутов и Тудоров, которые расположены в пограничье интересующей нас зоны. Не вдаваясь в подробное рассмотрение термина «погост» и тех значений, какие он имел в различные исторические эпохи (о чем убедительнее других писал Н. Н. Воронин¹⁶), укажем лишь на то, что в вепском языке этим словом (pågast) называется деревня.

О формах (планировке) поселений древней веси мы по понятным причинам ничего пока не знаем. Однако о типе заселения в ту пору и о типе расселения, учитывая некоторые косвенные данные, кое-что сказать можно. Расположение курганных могильников в прибрежьях рек, повторяющееся с неизменной закономерностью¹⁷, позволяет думать, что и самые поселения тяготели к рекам. Эта традиция, возникшая еще в эпоху неолита и раннего металла, нашла свое продолжение в новейшее время в типе заселения, наличествующем и у современных вепсов.

Другая закономерность размещения курганных могильников состоит в группировке их «гнездами», группами, насчитывающими по пяти и более могильников, между которыми тянется полоса, лишенная могильников и, по всей видимости, в то время незаселенная. Это обстоятельство наводит на мысль, не здесь ли следует искать один из истоков возникновения гнездового типа расселения, характерного впоследствии для вепсов, южных карел, части коми-зырян и северных великорусов. Разумеется, трудно сказать, у какого из этих народов гнезда поселений возникли раньше, возможно, что такой тип расселения сложился конвергентно в сходных условиях первоначально родового, а позднее общинно-патронимического быта. Однако нельзя не обратить внимание на то, что наибольшее развитие гнездовой тип получил именно в южном Присвирье и может быть связан с вепским культурным влиянием.

Судить о древневепском жилище также приходится по косвенным данным. А. А. Спицын полагал, что структура приладожского кургана «очень подходит идее дома, жилого помещения... посередине, на полу, очаг, по одну сторону которого места хозяина, по другую — хозяйки»¹⁸. Присмотримся еще к одной любопытной детали в устройстве кургана — к наличию подкурганных ям в значительном числе курганов (при групповых погребениях). Наличие этих ям еще больше подчеркивает сходство кургана с жилищем, при этом с жилищем весьма примитивной формы, возможно земляночного или, скорее, полуземляночного типа.

Население Межозерья¹⁹ курганного периода уже знало технические приемы строительства, позволяющие возводить и долговременные деревянные постройки. Мы имеем в виду технику возведения срубов, изготовление досок: в значительном числе захоронений обнаруживаются деревянные (бревенчатые или дощатые) домовины-обкладки в один венец, внутрь которых и помещены костяки. В одних случаях венцы действительно срублены, в других лишь соединены концами²⁰ (рис. 1, 5, 6). Со-

¹⁵ См. М. В. Витов. О классификации поселений. СЭ, 1953, 3.

¹⁶ Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935; его же. Поселения. В кн. История культуры древней Руси, I, 1948.

¹⁷ См. карты, приложенные к работам Н. Е. Бранденбурга (Курганы южного Приладожья. СПб., 1895) и В. И. Равдоникаса. Последний писал в одной из своих работ: «Расположены курганы исключительно в узкой прибрежной полосе рек и озер» (В. И. Равдоникас. Доисторическое прошлое Тихвинского края, стр. 20).

¹⁸ А. А. Спицын. Дополнительные замечания, В кн.: Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья, стр. 146.

¹⁹ Мы вводим этот термин для обозначения пространства между Ладожским, Онежским и Белым озерами, заселенного в ту пору вепсю.

²⁰ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье, стр. 11 сл. Отметим, что в курганах встречены также захоронения в долбленых гробах-колодах. Обычай хоронить покойников в таких колодах сохранялся у вепсов довольно долго. В частности, в собрании Гос. музея этнографии народов СССР в Ленинграде имеются экземпляры долбленых детских гробиков.

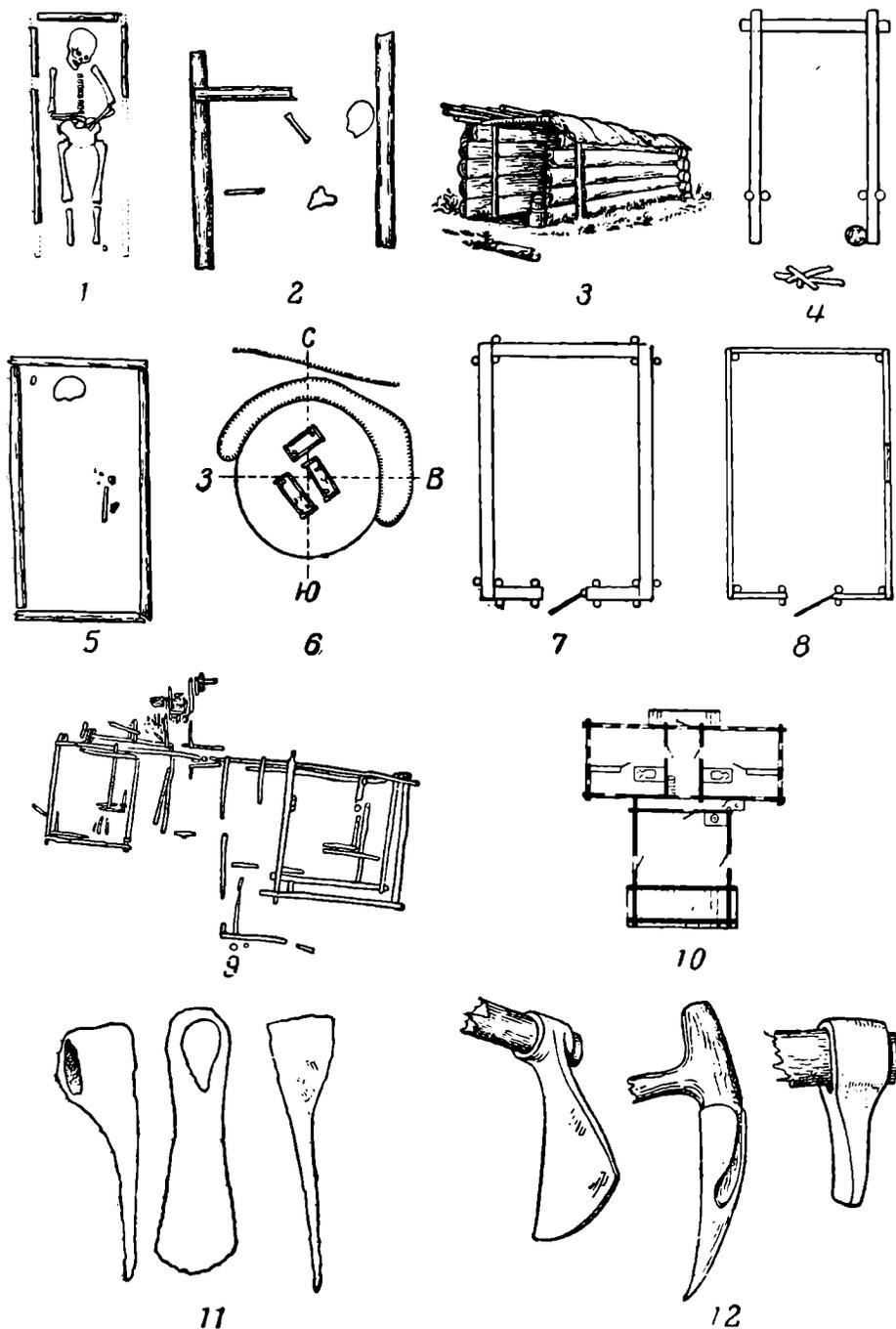

Рис. 1

1, 2 — бревенчатые незамкнутые домовины в курганах (по В. И. Равдоникасу); 3, 4 — рисунок и план вепского стана; 5, 6 — замкнутые домовины из курганов (по В. И. Равдоникасу); [7 — план вепской лесной избушки (столбовая техника); 8 — план коды; 9 — план избы XII в. из Белоозера (по Л. А. Голубевой); 10 — план вепского двуизбного дома; 11 — мотыги из курганных раскопок (по В. И. Равдоникасу); 12 — вепские мотыги

поставим эти факты с некоторыми данными о примитивных постройках, изученных этнографически как у вепсов и карел, так и у некоторых других народов Европейского Севера, а именно с данными о промысловых жилищах, которые строились еще сравнительно недавно на охоте, а позднее также при лесозаготовительных работах. Вепсы называют их станами (stan, иногда bavi), карелы-ливвики — лесными или земляными избушками (mešči perti или tuo perti) (рис. 1, 7). Это были очень простые по конструкции однокамерные бревенчатые постройки, как правило, примерно на полметра углубленные в землю, углы которых соединя-

лись или наиболее простым способом рубки — «в охряпку» (вепск. *koigan kaglu* «собачья шея»), или же приемом закладной или столбовой техники, когда составляющие стены бревна помещались между попарно вбитыми в землю по углам кольями. Центром такой постройки в ряде случаев является очаг, расположение которого сообщает всему плану стабильность.

В раскопанном А. М. Линевским могильнике близ дер. Акулова Гора встречено было особенно много срубов; среди них есть такие, которые отличаются одной особенностью — они трехстенные, т. е. лишены с четвертой стороны замыкающего бревна²¹ (рис. 1, 1). Это обстоятельство невольно хочется сопоставить с тем фактом, что у северных (прионежских) вепсов бытовал своеобразный тип промысловой постройки-стана, также сооружавшегося без четвертой стены (в сущности — заслон от ветра) (рис. 1, 3, 4). Другой вид трехстенной срубной хозяйственной постройки — сарая-дровяника — встречен нами в 1960 г. у карел-ливвиков в Коткозерском сельсовете Олонецкого района.

Этнографически известен еще один вид постройки, несущий на себе следы глубокой архаичности. Мы имеем в виду небольшую (1,5×1,5 или 2×2 м), близкую в плане к квадрату постройку, служащую у карел-ливвиков и вепсов для детских игр (рис. 1, 8). Обращает на себя внимание название этой постройки — *koda*, *kodaine*, вепск. *peritijne* (ср. финск. *kota*, лопарск. *kata*, ливск. *koda*, морд. *kudo* и т. д., т. е. термины, которыми в финских языках обозначаются наиболее примитивные, иногда шалашевидные постройки)²². Вепсам тоже знакомо слово *koda*: в северновепском диалекте оно означает «будка», «конура», пространство под русской печью в жилом доме; *jumalkoda* — у вепсов и карел-ливвиков — киот, божница; несомненно, что существует прямая связь терминов *koda* и *kodi* (вепск. и южнокарельск. — «дом»). Интересно, что *koda* до сих пор возводится по традиции приемами столбовой техники. Допустимо предполагать, исходя из сказанного, что, во-первых, исходной формой жилой постройки у древней веси было жилище, возводившееся приемами столбовой техники, а во-вторых, что курганный период в истории этого народа, был отмечен именно переходом от столбовой техники к срубной.

Интересно отметить, что установленный для Белозера XII в. по раскопкам Л. А. Голубевой тип избы-двойни, состоящей из двух срубов, соединенных сенями, с двором, расположенным сзади²³, традиционно до сих пор сохраняется южными и средними вепсами (в Ефимовском и Винницком районах Ленинградский области), а в юго-западном Прионежье, у северных вепсов, он являлся господствующим 50—70 лет назад (рис. 1, 9, 10).

Хозяйство древней веси являлось комплексным. Основу его составляли подсечное земледелие и животноводство, значительно было развито ремесло, существенную роль играли охота, рыболовство и собирательство. Этот новый тип хозяйства, пришедший на смену охотничье-рыболовческому хозяйственно-культурному типу, характерному для эпохи неолита и раннего металла, знаменовал собою достижение нового — относительно очень высокого — этапа в развитии производительных сил и во многом предопределил ход дальнейшего хозяйственного и культурного развития веси.

Подсечная система земледелия сохранялась у вепсов и ряда других северных народов в пережиточном виде вплоть до 30-х годов XX в. При

²¹ А. М. Линевский. Отчет об исследовании курганов X—XI вв. на р. Ояти Ленинградской области в 1947 г., стр. 49. Научный архив Карельского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 41, д. 182.

²² Этот вид построек у карел-ливвиков и вепсов, насколько известно по литературным данным, обнаружен нами впервые.

²³ Л. А. Голубева. Древнее Белозеро. КСИИМК, 1951, XLI, стр. 40.

этом весьма показательно, что в хозяйстве вепсов до сравнительно недавнего времени употреблялось такое архаическое орудие, как мотыга (kokš). М. Д. Григорьевский пишет о виденной им в южной Карелии мотыге (kokta, kuokka) с лезвием в один вершок шириной и двух с половиной вершков в длину, которой пользовались на подсеке для разбивания комьев обожженной земли²⁴. Это мотыга типологически чрезвычайно близка мотыгам, найденным в курганах на западе Олонецкого перешейка (рис. 1, 11, 12).

Состав домашних животных, выявленный по курганным находкам, оставался неизменным до начала колхозного движения (лишь с этого времени у вепсов появляются свиньи, а также козы). До сих пор бытует такой способ ловли рыбы, как лучение ее острогой и т. д. Вызовет ли удивление предположение о том, что именно в курганную эпоху закладываются основы ремесленной обработки камня (выделка точильных брусков, пряслиц), получившая впоследствии широкое развитие у северных вепсов, живущих близ с. Шокши и славившихся изготовлением точильных брусков, а в селениях близ Рыбреки, освоивших обработку такого твердого камня, как диабаз²⁵?

Среди бытовых предметов и утвари, обнаруженных раскопками в курганах, находятся такие, которые можно сопоставить с позднейшими этнографическими деталями в вепсской культуре. Довольно частой находкой в приладожских могильниках является большой железный котел, предназначенный, по-видимому, для варки пищи на большой коллектив. Известны также и небольшие бронзовые котелки. Почти неизменной деталью таких находок следует считать особые цепи для подвешивания котлов над огнем²⁶. Традиция пользования котлом сохранилась у вепсов до сих пор, в особенности это относится к средним (оятским) вепсам. Сохранилась и манера подвешивания котла над огнем. Правда, котел теперь подвешивают не над открытым очагом, как это, вероятно, было в курганное время, а над шестком русской печи, где для этого приспособляют железную цепь с крюком или кованый железный крюк (карельск. huaphlu, вепск. löde). В одном из захоронений в могильнике «Мергино» А. М. Линевским найдена небольшая железная лопатка (такие же лопатки известны и из других вепсских могильников). Аналогичные лопатки, по определению местных жителей, которым археолог показал свою находку, употреблялись в окрестных деревнях при печении некоторых кушаний из теста²⁷.

Среди бытовых предметов особый интерес представляет курганная керамика. Мы в данном случае исключаем наиболее древние формы сосудов баночного типа, изготовленных без применения гончарного круга. Те же, что сделаны на кругу, разделяются на две группы, различающиеся одна от другой главным образом составом глиняного теста, а также, вероятно, и способом обжига, цветом поверхности и излома. К большей группе принадлежат сосуды песочного цвета, иногда с красноватым оттенком, изготовленные из глины с незначительной примесью песка или дресвы. Меньшую группу составляют сосуды черного цвета (иногда лощеные), изготовленные со значительной добавкой песка. Формы и тех и других довольно однообразны, несмотря на различия в величине.

²⁴ М. Д. Григорьевский. Карелы. «Вестн. Олонецк. губ. земства», 1908, 10, стр. 13—14.

²⁵ Оба селения находятся на территории Карелии.

²⁶ Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 69; А. М. Линевский. Отчет об исследовании курганов X—XI вв. на р. Ояти Ленинградской области в 1947 г., стр. 17; его же. Отчет о раскопках курганов XI в. по р. Ояти в Ленинградской области в 1949 г. стр. 23 и 94. Научный архив Карельского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 41, д. 187.

²⁷ А. М. Линевский. Отчет о раскопках курганов XI в. на р. Ояти Ленинградской области в 1948 г., стр. 33. Научный архив Карельского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 41, д. 184.

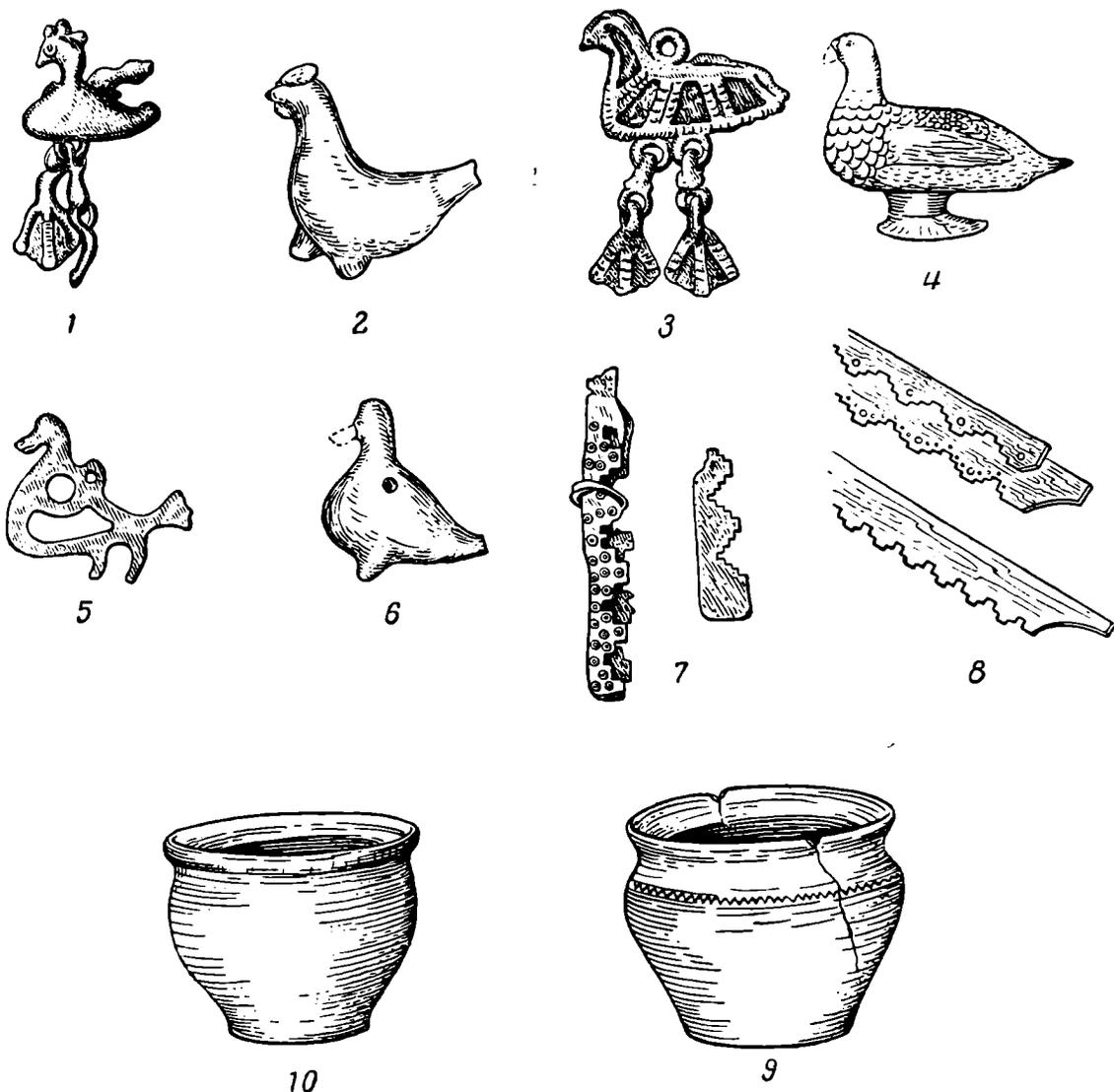

Рис. 2.

1 — подвеска (по В. И. Равдоникасу); 2 — вепская глиняная свистулька; 3 — подвеска (по В. И. Равдоникасу); 4 — вепская глиняная фигурка птицы; 5 — подвеска (по В. И. Равдоникасу); 6 — вепская глиняная свистулька; 7 — детали орнаментов предметов из курганных раскопок (по Н. Е. Бранденбургу и А. М. Линевскому); 8 — детали орнаментов причелин на вепских избах; 9 — горшок из курганных раскопок (по А. М. Линевскому); 10 — вепский горшок

Традиции древней керамики, надо полагать, сохранили вепские гончары, изделия которых со второй половины прошлого и до середины текущего столетия нам известны подробно. Европейский Север сравнительно беден керамическими промыслами; тем интереснее, что на территории бывшей Олонецкой губернии (в отличие от смежных территорий) в прошлом столетии было три центра гончарного производства: два из них, наиболее важные, располагались на Ояти в б. Соцком погосте (теперь деревни Надпорожье и Ефремково), где этим промыслом занимались вепсы, и третий — близ Андомы (южное побережье Онежского озера), где работали русские.

При всем разнообразии форм и видов керамических изделий оятских и андомских гончаров среди них наиболее массовым был горшок, по форме чрезвычайно близко напоминающий древние курганные образцы (рис. 2, 9, 10). Любопытно также отметить и то обстоятельство, что на Ояти выделялись преимущественно горшки красного цвета, формованные почти из одной глины, в то время как на Андоме в значительном количестве изготовлялись черные лощеные сосуды со значительной примесью песка. Местные жители, видевшие добытые А. М. Линевским при раскопках сосуды, считали их сделанными в Соцком погосте.

В высшей степени красноречивый материал дает изучение найденных в курганах тканей. «Весьма показательно,— пишет А. М. Линевский,— что оятские старые женщины, разглядывая эти ткани, легко разбираются в особенностях техники тканья, определяя, которые из этих образцов состоят из двух или трех, или четырех «кип». С целью проверки подобных определений я показывал собранные образцы старожилам разных селений. Выявилось полное совпадение не только в определении числа «кип», но и в решении — какая ткань лет 40—50 тому назад выделялась для платья, на «шубное», на скатерти и т. п.»²⁸. Таким образом, способы изготовления такней, равно как и материал, из которого они выделялись, передаваясь из поколения в поколение, в неизменном виде дожили почти до нашего времени.

К сожалению, имеющиеся образцы тканей представляют собой небольшие фрагменты (наиболее крупные из них едва ли превышают 30 см). Это обстоятельство чрезвычайно осложняет решение вопроса о том, какова была одежда населения Межозерья курганной поры, ее отдельные элементы, покрой, цвет и т. д. Все же использование ряда прямых и косвенных указаний дает некоторую возможность суждения по интересующему нас вопросу.

Попребальное убранство курганного периода, видимо, если судить по ряду этнографических и исторических аналогий, являлось тождественным или, во всяком случае, близким брачному наряду. Об этом свидетельствует обилие украшений, наличие сравнительно дорогих шерстяных тканей и т. п. Как это обычно бывает, женская одежда лучше выявляет этнические особенности. В одном из захоронений могильника Гайгово (на Ояти) раскопками вскрыто женское погребение. Сохранившиеся фрагменты шерстяных тканей в нем были расположены ниже пояса и представляют собою, надо полагать, частицы поясной одежды. А. М. Линевский, впрочем, в этом совершенно уверен: «Верхняя одежда у мужчин и женщин шилась из сукна, обычно бурого цвета. Но бывали сукна и красноватого тона, возможно, это результат окраски сукна из белой шерсти. Женщины опоясывались плетеными поясками, очень напоминающими современные. Юбки, судя по одному случаю наблюдения, были колоколообразной формы. Применялось также белое, очень тонкое полотно, образцы которого до нас дошли в очень мелких (1—2 см) образцах»²⁹. Мы, таким образом, имеем право констатировать в древнем комплексе вепской женской одежды наличие именно поясных (а не плечевых) форм в качестве важнейшего признака наряда. Впрочем, плечевая одежда типа накидки-плаща (вроде древнерусского корзна) у дрезней веси была. Об этом свидетельствует обилие нагрудных и парных приплечных фибул, при помощи которых одежда укреплялась на плечах.

Сличение археологических материалов с фактами полевых этнографических наблюдений выявляет и в данном случае определенные соответствия. Так, в этнографически зафиксированном традиционном женском костюме у вепсов наиболее отчетливо представлен именно юбочный комплекс верхней одежды, распространенный, главным образом, у северных вепсов. Южные и частично средние (группы Корвала) вепсы, жившие в более тесном контакте с великорусским населением, заимствовали от них сарафанный комплекс верхней женской одежды. Юбочный комплекс представлен также и в одежде южных карел-ливвиков.

Обращает на себя внимание и обычай ношения поясного ножа, отмеченный как по курганным находкам, так и в живом современном бытовании у вепсов. В курганных погребениях нож обычно находится у правого бедра; такая же манера ношения ножа наблюдается и у вепсов и южных карел-ливвиков (в отличие от некоторых групп финнов-суоми).

²⁸ А. М. Линевский. Общество юго-восточного Приладожья..., стр. 62.

²⁹ Там же, стр. 64.

Заслуживает упоминания также и традиционно сохранившийся прием изготовления плетеной (берестяной) обуви при помощи кочедыга, известный как по курганным находкам, так и по наблюдениям среди вепсов. Небезынтересно отметить встреченные в курганах при женских погребениях шейные подвески из шифера, которые несколько напоминают бытовавшее у вепсов в конце прошлого столетия своеобразное украшение «борок» — бусы из каменных кружков (обломков белемнитов), три образца которых имеются в фондах Музея этнографии народов СССР в Ленинграде.

Возраст погребенных в курганах женщин, как правило, юный, что видно по диаметру браслетов, который весьма невелик, по общей грацильности женских костяков, по наличию молочных зубов. Это само по себе говорит о характере семейно-брачных отношений, которые могут быть квалифицированы как патриархальные. В эту эпоху, надо полагать, уже сформировались определенные представления о свадебном ритуале. Возможно также, что обычай откупания места в могиле, бытовавший в то время и хорошо заметный по наличию брошенных в беспорядке в курганную насыпь или на уровень горизонта монет, также был заимствован из свадебного обычая выкупания места жениху и невесте.

Еще более вероятной представляется связь со свадебным ритуалом другого погребального обычая. Речь идет о присутствии в некоторых захоронениях уже упомянутых ранее замков. В позднейшей вепсской свадебной обрядности существовал обычай, согласно которому в первую брачную ночь к кровати молодых дружка прикреплял старый замок³⁰. Первоначально этот замок, надо полагать, символизировал крепость и нерасторжимость брака, идея чего хорошо согласуется с патриархально-моногамными порядками, сложившимися в местном обществе в курганный период. Впоследствии этот обычай был переосмыслен в эротическом и игровом плане.

В составе курганных инвентарей чрезвычайно большое место занимают различные зооморфные бронзовые (изредка — биллоновые) украшения. Это почти исключительно женские украшения — подвески, среди которых особенно много изображений птиц — уток, «курочек» или «петушков», подвески в виде утиных или гусиных лапок. Из млекопитающих представлен заяц. Нередкой находкой является изображение коня, встреченное в различных вариациях. В трех случаях найдены подвески в виде всадницы на коне, возможно прикамского происхождения. Оттуда же в Приладожье проникали литые коньковые подвески с шумящими привесками³¹.

Аналогичных металлических украшений в современном вепском быту нет. Видимо, такие украшения исчезли из быта достаточно давно, и наши поиски, предпринятые во время экспедиционных поездок к вепсам, в этом отношении ни к чему не привели.

Это, однако, не значит, что исчезли из быта самые мотивы, столь характерные черты стиля древневепских украшений. В отчетливой и яркой форме они проявились в художественной керамике вепсов, в особенности в редких, уникальных изделиях. Наибольшая традиционность обнаруживается в детских глиняных игрушках, что нельзя считать неожиданностью, учитывая закономерность, установленную для данного явления Л. Динцесом³². Особенно показательны в этом отношении фигурки уток, птицевидные свистульки, которые по своим контурам чрезвычайно схожи с бронзовыми подвесками курганной поры (рис. 2, 1—6). Мотивы птицы и коня иногда прослеживаются в деревянной резьбе

³⁰ Uno Holmberg. Vepsäläisten häämenot. «Suomen museo», XXXI, 1924, стр. 14.

³¹ См. Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., табл. III, 6; В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма..., табл. V, IX, X, XII, XVIII; W. I. Raudoņiks. Die Normannen der Wikingerzeit..., стр. 65.

³² Л. А. Динцес. Русская глиняная игрушка. М.—Л., 1936.

оконных наличников на вепсских домах. Мотив всадницы на коне встречается в виде вышивок на вепсских полотенцах. Не менее показательно и совпадение в одном мотиве геометрического рисунка, который иногда называют «орнаментом городками». Среди археологических материалов этот мотив встречен несколько раз (рис. 2, 7), в частности как отделка ножен и форма скрепления оковки копья³³, а этнографически зафиксирован на резных наличниках окон (рис. 2, 8) и изредка в качестве мотива цветного художественного тканья.

3

Говорить о духовной культуре народа на основе археологических данных всегда трудно. Каков, например, был фольклор древней веси, обычаи, соблюдавшиеся в быту, и т. д., мы не знаем и вряд ли когда-нибудь многое об этом сможем узнать.

Несколько больше удается выяснить из области древних верований веси. Важно отметить, что почти все данные говорят о распространении здесь дохристианских (языческих) верований. К собственно христианскому культу из находок можно отнести, пожалуй, только несколько нагрудных крестиков. «Языческие» верования представлены полнее.

Очень вероятно, что у древней веси пережиточно еще бытовали культы различных животных. Одним из таких священных животных, надо полагать, считался заяц. Вспомним, что позднейшие вепсы не употребляли мяса зайца в пищу, считая его поганым, нечистым. Надо думать, что обилие среди украшений курганного времени изображений птиц также не является случайным. Укажем на тот общеизвестный факт, что южные карелы никогда не убивали на охоте лебедя, считая, что это может принести несчастье. В вепском языке присутствуют любопытные следы древнего почитания животных, состоящие в наличии двух терминов для названия некоторых хищных зверей. Назвать хищника своим именем — значило накликать беду. Это представление породило определенные табу слов: волка называли *händikaz* (хвостатый), а исконное слово для обозначения волка даже не сохранилось в вепском языке (ср. эст. и финск. *susi*). Медведя не называли *kondi*, а лишь иносказательно — *kärš* (лапа) или *sur'-oz* (большелобый). Можно довольно уверенно говорить о существовании у древней веси медвежьего культа, широко бытовавшего в ту пору у ряда народов северной лесной зоны нашей страны и Скандинавии. В системе аргументов Н. Н. Воронина сведения, заимствованные из материалов раскопок Приладожских курганов, занимают, во всяком случае, весьма заметное место³⁴. В курганную эпоху возникло и почитание лошади, коня: недаром среди курганных погребений были вскрыты захоронения коней³⁵, а у вепсов в конце 80-х годов прошлого столетия бытовало верование, будто «лошадь была создана дьяволом, но бог вдохнул в нее душу»³⁶.

Самый обычай сооружения курганных насыпей как выражение заботы о покойнике позволяет с уверенностью говорить о существовании культа поклонения предкам. Пережитком такого поклонения является позднейшее представление о домовом (*per'izand*), являвшимся духом-покровителем семьи. Очень интересно в этой связи свидетельство А. В. Елисеева о том, что олонекские карелы помнили о курганах и рассматривали их как могилы предков³⁷.

³³ А. М. Линевский. Отчет о раскопках курганов XI в. по р. Ояти в Ленинградской области в 1949 г. стр. 60, рис. 179; Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., табл. VII, 10.

³⁴ Н. Н. Воронин. Медвежий культ в верхнем Поволжье в XI веке. МИА, 6, 1941.

³⁵ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье, стр. 33—34.

³⁶ Ch. E. de Ujfalvi de Mezö-Kövesd. Ve Vêpses, в кн. Expedition scientifique française en Russie, en Sibirie et dans le Turkestan, III. Paris, 1880, стр. 85.

³⁷ А. В. Елисеев. По белу свету, I. СПб., 1894, стр. 108.

Существует у вепсов и другой обычай, свидетельствующий об одушевлении ими различных стихий, в частности земли, и состоящий в «выкупании» места для могилы. Хотя этот обычай существовал у многих народов³⁸, здесь он вошел в этническую традицию.

Проследить в деталях процесс развития религиозных верований древней веси не удастся. Можно, правда, в качестве предположения высказать мысль о том, что тенденция состояла в постепенном переходе к монотеизму. Возможно, этим и объясняется совершенное отсутствие в вепском языке слов для обозначения каких-либо специализированных божеств (в отличие от персонажей низшей мифологии, терминология которой разработана достаточно подробно). Основанием для нашего предположения служит наличие в вепском языке двух слов для обозначения понятия «бог» — *jumal* — «бог вообще», осмысляемое как дохристианский, «свой» бог, и *synd* — «бог, создатель», христианский, церковный бог: «*Sund sōtei, abuta mijle, oigenda hyväd säd*» или «*oigenda vihmad*» — «бог кормилец, помоги нам, пошли хорошую погоду» или «пошли дождь»³⁹.

Если среди самих находок встречено очень мало предметов, относящихся к христианскому культу, то в обряде погребения есть некоторые черты, как будто бы свидетельствующие о проникновении христианства в древневепскую среду. «...В расположении костяков, — писал Н. Е. Бранденбург, — видимо, уже проявляется известный обычай — класть их головой на юг или запад, потому что две трети из них имели это направление; кроме того, в остальной части значительное большинство представляет лишь уклоны от тех же направлений...»⁴⁰. «Положение на Ю., — разъясняет А. А. Спицын, — мы решаемся признать древним языческим. а на З. — более новым, христианским»⁴¹.

Как бы то ни было, в курганной культуре христианских следов все же очень мало. Первая половина XII в., судя по «уставу» Святослава Ольговича, явилась временем весьма активного распространения христианства; с этого же времени начинают исчезать курганные захоронения в Межозерье. Можно думать, что под влиянием христианизации веси курганный обряд захоронения был вытеснен еще до того, как христианские символы в большом количестве начали проникать в быт местного населения.

Процесс христианизации веси растянулся на века. Отдельные следы этого процесса могут обнаруживаться и в материалах по вепскому языку и быту. Так, в бывшей Шимозерской волости в прошлом местным вепским населением справлялся один календарный праздник непостоянной даты — «Теплый Никола», который отмечали в первое или второе воскресенье после Ильина дня (Ильин день — 2 августа ст. ст.). Вепское название праздника — *ristpyhäpei* — «день святого крещения». Подлинное значение слова в сознании местного населения стерлось, но самое слово сохранилось. В дер. Линдозеро близ речки была построена часовня. В день праздника здесь устраивался водосвятый молебен с купанием (иордан — вепск. «йёрдан») ⁴².

* * *

Итак, сопоставление данных по археологии курганов с материалами вепской этнографии выявляет ряд черт, которые с полным правом могут быть сближены. Такое сближение позволяет установить в культуре современных вепсов до двух десятков пережиточных явлений, генетически восходящих к курганному времени. Этот факт представляется немаловажным доводом в пользу признания самих курганов памятниками предков современных вепсов — летописной веси.

³⁸ Д. Н. Анучин. Сани, лады и кони как принадлежности похоронного обряда. М., 1890, стр. 182—184.

³⁹ Н. И. Богданов. История развития лексики вепского языка. Рукопись канд. дис. Научн. архив Карельского филиала АН СССР, № 260, стр. 157.

⁴⁰ Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 20.

⁴¹ А. А. Спицын. Дополнительные замечания..., стр. 147.

⁴² Н. И. Богданов. История развития лексики..., стр. 163.

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

К ИСТОРИИ И ТОПОГРАФИИ ДРЕВНЕЙШЕГО ВИТЕБСКА

1

Витебск получил название по р. Витьбе, на которой расположен. Судя по летописям, он возник, по-видимому, в начале XI в. на скрещении водного пути «из варяг в греки» с «западновинским» и является, следовательно, одним из ценнейших объектов археологического исследования. Однако специальных археологических работ в нем до сих пор не производилось, хотя в центральных районах современного города обнаружен мощный культурный слой, из которого при земляных работах время от времени поступают в Витебский музей древние предметы: стеклянные браслеты, пряслица (одно с надписью), литейные формы, тигли, керамика. В 1959 г. в Витебске была найдена и берестяная грамота XIII в. — первый, целиком сохранившийся документ на бересте вне пределов Новгорода. До недавнего прошлого в городе сохранялись два древних исторических памятника — дофеодалное городище и широко известная церковь Благовещения XII в. Городище было уничтожено в 90-х годах XIX в., когда в древнейшей части детинца строилось здание б. мужской гимназии (теперь пединститут). Церковь Благовещения в 1961 г. «пала жертвой» невежества местных городских властей¹.

Следует отметить, что нетронутых участков, сохранивших древние напластования, в городе, по-видимому, еще много. Их археологическое изучение впереди; в настоящей статье мы стремимся лишь соединить воедино все сведения по истории города и сделать обобщающие выводы о его исторической топографии.

2

Первое упоминание о Витебске находим под 1021 г. в Софийской I и Воскресенской летописях, где узнаём о передаче этого города (вместе с Усвятом) Ярославом Мудрым полоцкому князю Брячиславу в результате заключенного военного союза². Вероятно уже тогда город, лежавший на скрещении двух торговых путей, имел большое значение, и передача его Полоцку диктовалась, очевидно, крайней необходимостью за-получения Брячислава в качестве союзника.

Дальнейшие сведения о Витебске не встречаются в летописях до 1165 г.³, когда с оживлением двинского торгового пути в Прибалтику роль городов по Зап. Двине начала расти. В 1165 г. в Витебске княжил сын смоленского князя Ростислава — Давид. В 70—80-х годах Витебск оказывается в составе Полоцкой Земли. Однако уже в 1195 г. он снова

¹ И. Глазунов. Что помнить, чем гордиться? «Известия», 1962, № 82.

² ПСРЛ, V, СПб., 1851, стр. 134; VII, 1856, стр. 328.

³ ПСРЛ, II. М., 1962, стр. 525.

переходит к Смоленску⁴. В XIII в., судя по документам, Витебск выступает как большой центр, ведущий торговлю с Ригой и немецкими городами. С середины XIII в. Витебск то попадает под власть Литвы, то снова переходит к Руси. Витебское княжество было последним среди западнорусских княжеств, перешедших окончательно к Литве. Последний его князь Ярослав Васильевич в 1318 г. выдал дочь за Ольгерда, а через два года, после его смерти, этот литовский князь окончательно присоединил город⁵.

3

Вопрос о древнейшей топографии Витебска почти не разработан. Некоторое внимание уделил ему известный историк и краевед Витебщины А. П. Сапунов, опубликовавший ряд топографических планов города XVII—XVIII вв. и вкратце набросавший примерную картину его заселения⁶. Однако многие вопросы, связанные с возникновением Витебска, его социальной топографией и т. д., А. П. Сапуновым не освещены. Более того, автор не был археологом и не понял значения для истории города такого памятника, как «Замковая гора». Мало обращались к истории Витебска и тем более к его топографии и позднейшие исследователи. Совсем бегло упоминает о ней М. Н. Тихомиров⁷, а Ю. А. Егоров в труде, посвященном градостроительству Белоруссии, о топографии раннего Витебска не упоминает вообще⁸.

Обратимся к имеющимся данным по древней топографии интересующего нас города. Важнейшей частью древнего Витебска были Верхний и Нижний замки, расположенные между р. Витьбой и ручьем, впадающим в Двину и упоминаемые начиная со времен Ольгерда (XIV в.)⁹, который обнес их каменными стенами. А. Гваньини, живший во второй половине XVI в. и заставший уже деревянные стены, описывал замки следующим образом: «В Витебске— два весьма обширные и, благодаря удобному местоположению, весьма укрепленные замка: один из них, расположенный на равнине и обширностью равный городу, называется Нижним Замком, другой же Верхний Замок находится на довольно возвышенном холме. Оба эти замка укреплены башнями и стенами, которые построены из дуба и наполнены землею и камнем»¹⁰. Таким образом, в XVI в. от каменного замка Ольгерда следов, очевидно, почти не осталось. Судя по имеющимся данным, он был разрушен в 1396 г. при осаде города Витовтом¹¹. Более поздние сведения о замках Витебска можно получить из «Чертежа» г. Витебска 1664 г., где видны стены, ограждающие отдельно Верхний, Нижний замки, а также так называемое Взгорье или Острог (на правом берегу Витьбы, при впадении ее в Зап. Двину) (рис. 1)¹². По данным словаря А. Щёкатова (1801 г.), Верхний замок со стороны Витьбы еще сохранял высокий земляной вал. По сведениям того же источника «за замком, в великом буераке течет в Двину небольшой ручеек, за которым на угорке находящаяся часть города называется «Заручевье». К сему буераку от Витьбы позади замка подходит также буерак «Чрек», чрез который к жительству вверх по горе сделан мост, называемый «Кривой», да через Витьбу к Замку другой, который «Крас-

⁴ ПСРЛ, II, стр. 693.

⁵ А. П. Сапунов. Река Западная Двина. Витебск, 1893, стр. 374.

⁶ Его же. «Чертеж» города Витебска 1664 года. Тр. ВУАК, I, Витебск, 1910; его же. Река Западная Двина.

⁷ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1954, стр. 26, 367—368.

⁸ Ю. А. Егоров. Градостроительство Белоруссии. М., 1954.

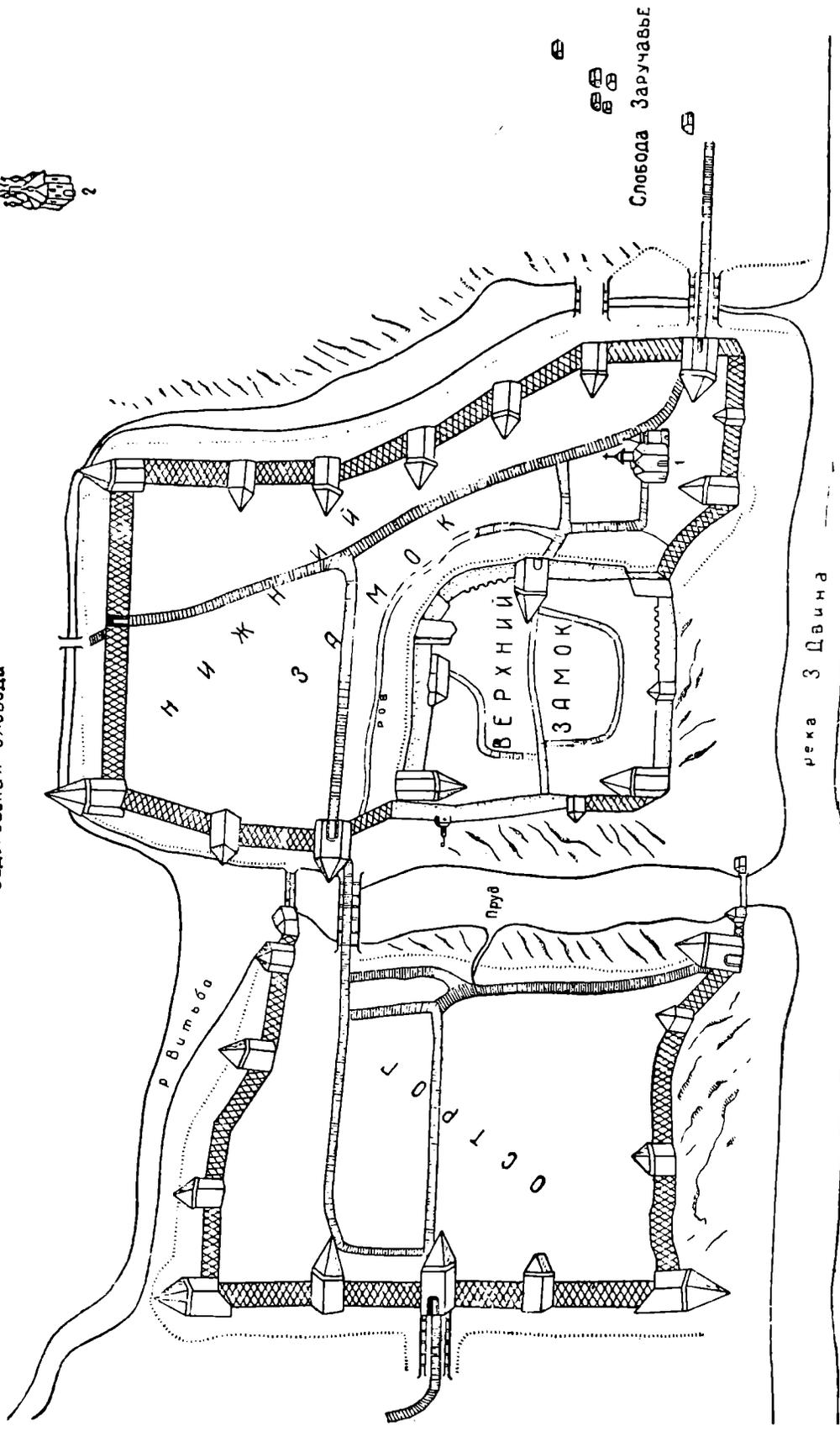
⁹ А. П. Сапунов. Река Западная Двина, стр. 395.

¹⁰ A. G w a g n i n. Kronika Samóczej Europskiej. Krakow, 1611, кн. III, стр. 25. (Пользуюсь переводом А. П. Сапунова.)

¹¹ А. П. Сапунов. Река Западная Двина, стр. 395.

¹² А. П. Сапунов. «Чертеж» города Витебска..., стр. 1—31; вклейка.

Задуновская слобода

Слобода Задвинская

Рис. 1. «Чертеж» г. Витебска 1664 г. (схема)

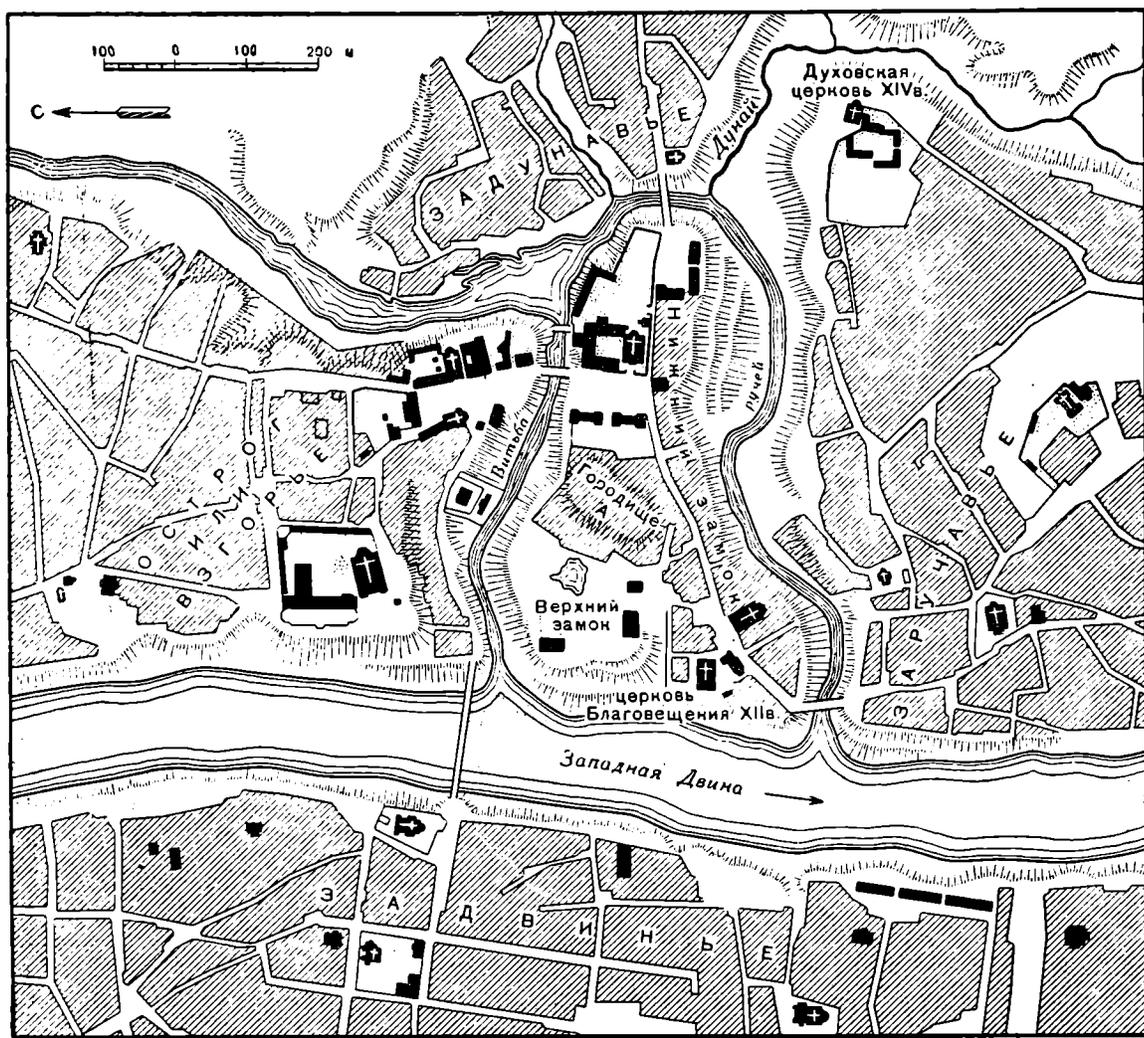

Рис. 2. План центральной части Витебска в конце XVIII в. (по Ю. А. Егорову)

ным» называется...»¹³. Современник Щёкатова Василий Севергин сообщает, что Витебск имел семь частей: Замковая, Заручевская, Задуновская, Подвинская, Песковатская, Взгорская, Загорецкая (за Двиной)¹⁴.

Верхний и Нижний замки, очевидно, не были древнейшими поселениями Витебска. Не уделив должного внимания начальным этапам топографии города, Ю. А. Егоров не придал значения одной, крайне существенной подробности, сближающей начальные этапы истории Витебска с начальными периодами Полоцка. Речь идет о возвышенности, обозначенной на плане конца XVIII в., приводимом Ю. А. Егоровым, под буквой «А» с расшифровкой: «Старая крепость» (рис. 2)¹⁵. Остатки этого холма, видные и на других старых планах (рис. 3), дошли до наших дней в крайне искаженном виде (во дворе пединститута) и именуется до сих пор «Замковой горой». В 30-х годах (когда эти остатки были в лучшей сравнительно сохранности, обследовавший их А. Н. Лявданский зафиксировал на вершине следы культурного слоя мощностью в 1 м и обнаружил обломки лепной посуды из серой глины с примесью дресвы, весьма близкие к находкам с городища Старое село, расположенного к западу от Витебска¹⁶. Таким образом, становится очевид-

¹³ А. Щёкатов. Географический словарь Российского государства. I, М., 1801, стр. 881.

¹⁴ Вас. Севергин. Записки путешествия по Западным провинциям Российского государства или минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда через оные в 1802—1803 годах. СПб., 1804, стр. 134.

¹⁵ Ю. А. Егоров. Градостроительство..., стр. 88.

¹⁶ А. Н. Лявданскі. Археолёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе. Працы БАН, II. Менск, 1930, стр. 93—94, табл. X, 13.

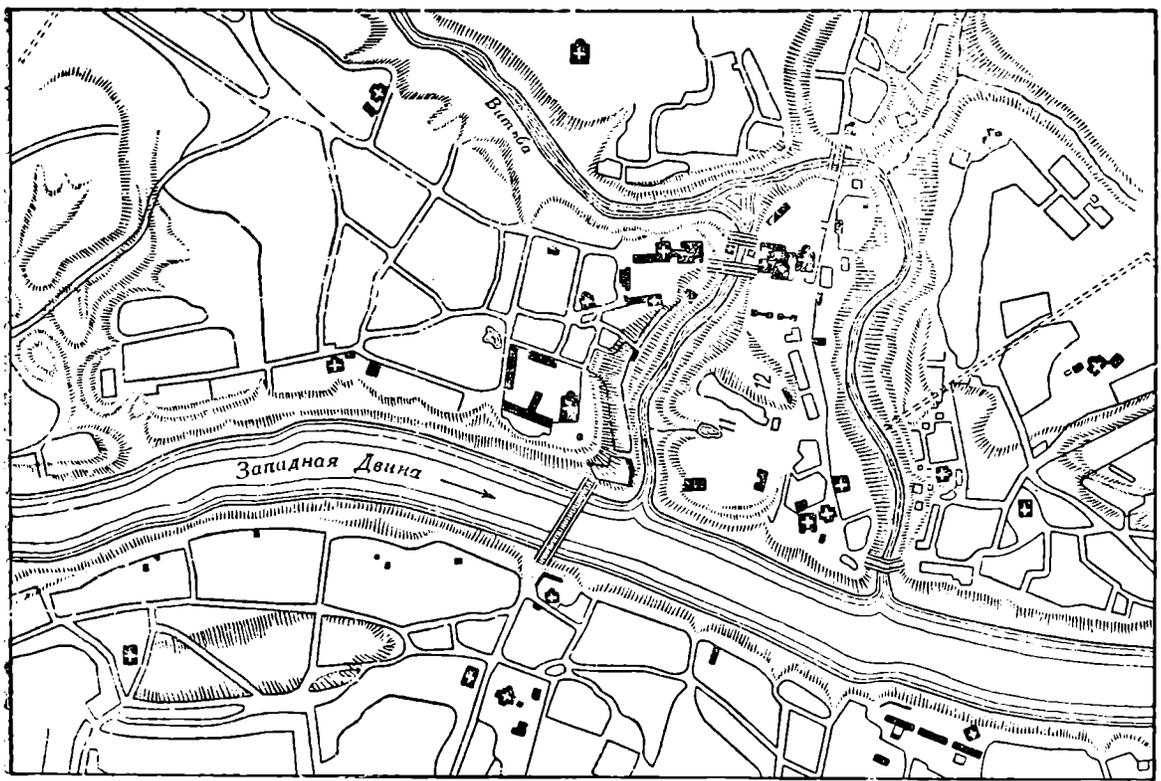

Рис. 3. План Витебска 1797 г. (по А. П. Сапунову)

ным, что на территории витебского детинца существовал еще один, более ранний памятник — городище дофеодалного периода, на базе которого, подобно Полоцку¹⁷, вырос со временем древний город. Что же представляло собой это раннее городище?

Упоминания о Замковой горе находим уже во второй половине XIX в.¹⁸ В 90-х годах в прессе промелькнули сообщения о ее «раскопках» и о тех находках, которые были обнаружены¹⁹.

Особенно любопытна статья известного фольклориста Витебщины Н. Я. Никифоровского, заинтересовавшегося находками, поступившими в Витебский музей. Сообщив, что для Заручевской II (на Мал. Могилевской ул.) и для Задуновской дамб «потребный земляной материал брали на Замковой горе» (часть которой пошла и на «замощение давнего Ручавья»), автор останавливается на находках древностей, главным образом, на древней керамике. Он был поражен «тождеством гончарной посуды Киева (раскопки И. А. Хойновского) и Витебска»²⁰. Итак, Замковая гора Витебска, от которой остался теперь лишь небольшой холм, лишенный культурного слоя, во дворе Витебского пединститута, была разрушена в 90-х годах прошлого века. Чтобы узнать подробности, пришлось обратиться к архивам.

В архиве ЛОИА, в делах Археологической комиссии мною было обнаружено ранее неизвестное «Дело о срытии Замковой горы в Витебске»²¹, датированное 1897 г. Из копии препроводительной записки при отношении министра народного просвещения, известного реакционера И. Д. Делянова, министру внутренних дел следует, что работы по сры-

¹⁷ А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы у Полацкае акрузе. Працы БАН, II, стр. 161—166.

¹⁸ См., например: Город Витебск. «Кругозор», СПб., 1876, № 10, стр. 156—157.

¹⁹ По губерниям. Раскопки Замковой горы в Витебске. «Правительственный Вестник». СПб., 1895, № 176; Раскопки Замковой горы в Витебске. «Нижегородские губернские Ведомости», 1895, № 35.

²⁰ Н. Я. Никифоровский. Гончарные терракоты Витебска по археологическим находкам. «Витебские губернские ведомости», 1897, № 135—138.

²¹ Архив ЛОИА. ДАК, 1897, № 78.

тию Замковой горы в Витебске начались с разрешения И. Д. Делянова в 1883 г. В 1895 г. там были найдены «каменные фундаменты, нижний этаж здания с окнами до половины, каменная лестница и, отчасти, плитняной, а частично булыжный пол». Возникло предположение, что это остатки княжеского замка, работы приостановились, а А. П. Сапунову было предложено собрать исторические сведения о Замковой горе. Год спустя, в 1896 г. «была сделана в одном месте горы небольшая поверхностная раскопка, показавшая довольно отчетливо и ясно, что здесь, по хребту горы (!) шла каменная стена в прямом направлении». «Таким образом,— утверждается в «отношении»,— были ли здесь какие-нибудь постройки, вроде упоминаемой в хрониках ц. Архангела Михаила, стоял ли тут замок — ничего ни в положительном, ни в отрицательном смысле сказать нельзя». По-видимому, «на Замковой горе существовали только крепостные укрепления с башнями». «Дальнейшие изыскания,— говорится далее в документе,— едва ли приведут к раскрытию данных несомненной исторической ценности, доказывающих существование в нем замка основателя Витебска... А потому нет, кажется, достаточных оснований заботиться местной государственной администрации о сохранении Замковой горы». К отношению была приложена справка А. П. Сапунова о витебских замках (лист 5)²² и «дополнительная записка и. д. губернатора, вице-губернатора Витебской губернии Мамчича, гневно требующего сохранить в неприкосновенности уникальный памятник старины»²³. Ответ Археологической комиссии, дважды заседавшей по данному вопросу, за подписью ее председателя графа А. А. Бобринского, был поразителен: «Разрешить срывать гору, но наблюдать особой комиссии» (лист 11). Так была решена судьба этого ценнейшего памятника!

Описанные документы архива ЛОИА и упомянутый план XVIII в., опубликованный Ю. А. Егоровым, позволяют представить, как выглядела в конце XIX в. Замковая гора и какая часть ее была разрушена. По свидетельству Мамчича, «гора до середины 70-х годов сохранялась в своем естественном виде... Окончательная раскопка ее началась только с постройкой гимназии (ныне пединститут.— Л. А.) и городского суда... Пологой своей стороной входя к набережной р. Витьбы, гора эта представляет собой усеченную пирамиду, покрытую травой с ровной площадкой наверху».

В архиве ЛОИА сохранился еще один документ, дающий наглядное представление о части Замковой горы, сохранившейся к 1897 г. Это фотография с рисунка изображающего ее до разрушения (рис. 4). Здесь видно здание гимназии (ныне пединститута), со стороны которой памятник сильно разрушен. Судя по рисунку, в 1897 г. от городища сохранилась уже сравнительно небольшая часть.

Таким образом, мы выяснили, что на витебском детинце (так называемом Верхнем замке) существовало еще в XIX в. сравнительно большое городище, именуемое местным населением «Замковой горой». Начиная с 70-х годов XIX в. местное население стало разрушать памятник, используя землю для своих нужд, что в 1883 г. было узаконено специальным разрешением министра. По-видимому, у подножья городища были

²² К нашему удивлению, краевед и историк Витебщины А. П. Сапунов, прекрасно понимавший значение археологических раскопок (по крайней мере, курганов), о чем есть свидетельства современников (см. Е. Р. Романов. Раскопки в имении Каховка Витебского уезда. Древности ТМАО, XVI. М., 1900, стр. 80), весьма слабо защищал ценность Замковой горы. «Эта гора,— писал он в приложенной записке-консультации, имела некоторое (!) историческое значение в прошлом Витебска» (ДАК, 1897, № 78).

²³ «Я признаю,— писал Мамчич в специальной записке министру внутренних дел,— что остатки Замковой горы заслуживают полного внимания, и считаю долгом ходатайствовать о сохранении этого единственного остатка исторических памятников, свидетельствующего о том, что город Витебск — издревле русский» (ДАК, 1897, № 78, л. 6—8).

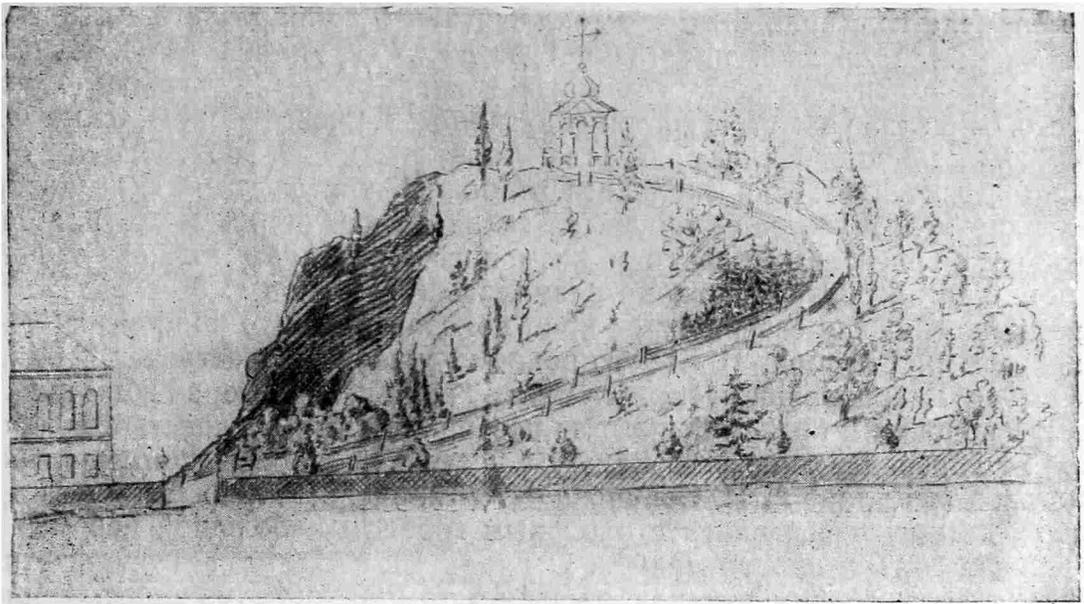

Рис. 4. Вид Замковой горы в Витебске в 1897 г.

вскрыты фундаменты каменного здания, как предполагал А. П. Сапунов, XVIII в.²⁴ Так называемая «поверхностная раскопка» 1896 г. на «хребте горы» (очевидно, на площадке городища) обнаружила остатки каменной стены, несомненно, уже феодального времени. Расположение городища (у северо-западного края детинца), ров, который был выкопан у его северо-восточного склона, показывает, что в феодальное время Замковая гора была использована при устройстве городских укреплений и включена в качестве вала в оборонительную линию, отделяющую вместе со рвом Верхний замок от Нижнего. На ее вершине (площадке) была возведена (вероятно, во времена Ольгерда — XIV в.) каменная оборонительная стена, разрушенная в 1396 г. Витовтом. К сожалению, кроме самого факта существования в Витебске раннего дофеодального городища, мы отметить ничего не можем.

Витебский детинец в целом (Верхний замок) и окольный город (Нижний замок) частично можно охарактеризовать по сохранившимся планам Витебска XVII—XVIII вв. Судя по «Чертежу» 1664 г., Верхний замок был значительно меньше Нижнего и располагался намного выше. В XVII в. он сохранил еще часть каменных стен Ольгерда, имел двор воеводы, «двор Горского», тюрьму, колодезь и церковь св. Михаила. Близость последней к дому воеводы, может быть, указывает на место, где в древности находился княжеский двор и при нем княжеская церковь (?)²⁵. По территории замка были проложены три бревенчатые мостовые (рис. 1).

Река Витьба в этот период, видимо, была запружена (на «Чертеже» обозначен «пруд»). Подняв в реке уровень воды и соединив ее с «ручьем», можно было обеспечить водой и восточный ров, что намного усиливало безопасность города (рис. 1).

Особый интерес представляют планы Витебска XVIII в., на которых видна доекатерининская планировка города. Таковы: «План Полоцкого наместничества городу Витебску»²⁶ и план 1797 г., опубликованный А. П. Сапуновым²⁷. Первый представляет проект перепланировки города

²⁴ ДАК, 1897, № 78, л. 6—8.

²⁵ В Чернигове, Переяславле и некоторых других городах русского средневековья, судя по летописям, церковь арх. Михаила стояла именно на княжьем дворе.

²⁶ Полное собрание законов Российской Империи. Книга чертежей и рисунков. СПб., 1839.

²⁷ А. П. Сапунов. Витебская старина. I. Витебск, 1883, стр. 380 сл., вклейка после стр. 380. Подлинник хранился в Витебской Губернской Чертежной; его же. Река Западная Двина, вклейка после стр. 392.

во времена Екатерины; можно заключить, что планировка XVIII в. почти не изменила древней планировки замков. На плане А. П. Сапунова (рис. 3) виден ряд весьма важных топографических деталей. Прежде всего, отчетливо заметны границы детинца (Верхнего замка), на котором, как мы и предполагали, роль вала играет Замковая гора. Площадка детинца выше площадки окольного города (Нижнего замка), на которую заходит и позднее засыпанный ее склон (с юго-запада). По приблизительным подсчетам (только и возможным на таком плане), величина площадки витебского детинца равнялась (без валов) 2,5—3 га. На площадке детинца, у северного ее края показан какой-то водоем, соединявшийся с р. Витьбой. В XIX в. водоема уже не существовало, однако, судя по цитированному документу вице-губернатора Мамчица, на месте водоема и вблизи от него до постройки здания существовало болото²⁸. Непосредственно к городищу с восточной стороны примыкал большой ров (на плане А. П. Сапунова — № 12, рис. 3). По-видимому, в древности детинец связывался с окольным городом небольшой перемычкой, а может быть и просто мостом. О характере культурного слоя детинца судить невозможно, так как раскопок там никогда не производилось. Ряд находок, как сказано, в 90-х годах был обнаружен при разрушении Замковой горы (или возле нее). В каталоге Витебского музея К. А. Змироцкий упоминает поступившие оттуда древние ключи (инв. № 192 и 308), медную пряжку (№ 193), изразцы (№№ 313—352), «сулею» (№ 309), «глиняную вазу» (остатки, № 356)²⁹. А. Н. Лявданский, осматривавший древности города в 1928 г., упоминает фрагменты гончарной посуды, найденные в количестве свыше двух десятков на мысу (Двина — Витьба) при земляных работах во дворе существовавшей там трикотажной фабрики (на месте нынешнего здания театра). Один из фрагментов оказался лепным. По мнению названного автора, культурный слой в этом месте сильно перемешан³⁰. По свидетельству Б. А. Колчина, проезжавшего через Витебск в 1959 г., при рытье глубокого котлована, предназначенного для здания театра, экскаватором вынималось из культурного слоя большое количество древнего дерева: остатки построек, мостовых и т. д.

Как видно из плана 1797 г. (рис. 3), окольный город Витебска (так называемый Нижний замок) занимал площадь, втрое превышавшую по размерам детинец. Судя по «Чертежу» 1664 г., в XVII в. он имел монастырь, церковь Благовещения, два двора богатых бояр, два колодца и четыре улицы, мощенные деревом, большая из которых, проходившая мимо Благовещенской церкви, судя по Сметным книгам г. Витебска, называлась Великой³¹. Исходя из сообщения, что в XIV в. Ольгерд выстроил Духовскую церковь в поле за ручьем или Замковым рвом, можно думать, что долина ручья, ограждавшего окольный город, была специально превращена в ров.

О находках из культурного слоя окольного города Витебска мы имеем значительно большее количество данных. Так, при постройке электростанции в 1897 г. в Витебский музей попал 151 обломок стеклянных браслетов³². При прокладке водопроводных труб на площади Свободы и по Задуновской улице в 1924 г. были обнаружены «гробовые доски, человеческие кости и черепа», а также «восемь рядов бревен — остатки

²⁸ ДАК, 1897, № 78, л. 6—8; см. также А. П. Сапунов. «Чертеж» города Витебска..., стр. 12.

²⁹ К. А. Змироцкий. Каталог музея Витебской ученой архивной комиссии. Витебск, 1912. Большинство вещей музея было вывезено в период второй мировой войны в Германию и возвращено оттуда без паспорта.

³⁰ А. Н. Лявданский. Археологічныя досьледы у Віцебскай акрузе. стр. 94, табл. X, 14, 16—19.

³¹ А. П. Сапунов. «Чертеж» города Витебска..., стр. 19.

³² А. Н. Лявданский. Археологічныя досьледы у Віцебскай акрузе, стр. 94.

мостовой»³³, по-видимому, восемь горизонтов (ярусов) замощения улицы Великой. При тех же работах около моста через Витьбу у площади Свободы были обнаружены остатки сооружения из камней и дубовых бревен, как предполагалось, — остатки «Волконского кругляка» — башни «Чертежа» 1664 г.³⁴ Обследуя Нижний замок, А. Н. Лявданский обнаружил в обрыве мыса, где тогда стояла электростанция, серию черепков домонгольской гончарной посуды, сходной с посудой, найденной на Верхнем замке³⁵. В восточной части Окольного города, на той же пло-

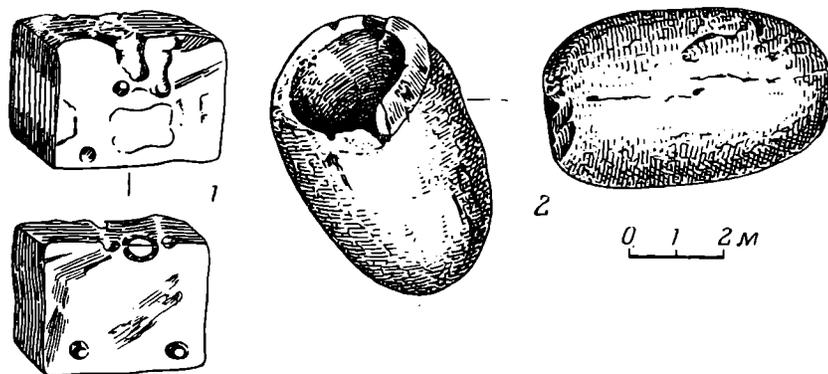

Рис. 5. Находки из траншеи 1959 г. на площади Свободы в Витебске (на уровне находки берестяной грамоты XIII в. и ниже)

1 — каменная литейная форма; 2 — тигель

щади Свободы в 1959 г. была найдена и берестяная грамота. Траншея, в которой ее нашел 20 августа рабочий Е. Н. Фролов, была вырыта на глубину свыше 5 м в направлении по диагонали через площадь с юго-запада на северо-восток. «Найдена грамота в культурном слое XI—XVII вв., содержащем много древних бревен, щепы и некоторого количества керамики (меньше, чем обычно в культурном слое). Глубина залегания грамоты — 3—4 м от поверхности современного асфальта»³⁶.

Кем были автор грамоты и ее адресат, к сожалению, неясно.

В траншее на площади Свободы в 1959 г. примерно на уровне залегания грамоты и ниже обнаружены были и другие вещи, правда, в незначительном количестве: два тигелька (рис. 5), литейная форма для отливки украшений (рис. 5), шесть стеклянных браслетов (четыре витых желтого, зеленого, фиолетового и оливкового цветов; оливковый гладкий, коричневый рубчатый)³⁷. По заключению Ю. Л. Щаповой, три из них по составу относятся к стеклам свинцово-кремнеземным и три — к калиево-свинцовокремнеземным. Для стекла фиолетового цвета использован марганец, зеленого и коричневого — медь, желтого — серебро. «Два браслета темного оливкового и коричневого цветов представляют брак от про-

³³ Н. Б. Подземный Витебск. Газ. «Заря Запада». Витебск, 1924, № 257.

³⁴ Там же.

³⁵ А. Н. Лявданский. Ук. соч., стр. 194, табл. X, 15. Из этих находок А. Н. Лявданского М. Н. Тихомиров делает вывод о существовании на месте Нижнего замка также поселения IX—X вв., что до раскопок или хотя бы до разведывательных шурфов делать, по-видимому, преждевременно, так как мы видели, как далеко развился культурный слой раннего городища Замковой Горы, и, следовательно, не исключена возможность его использования и в зоне электростанции для нивелировки местности у склонов в целях их укрепления и т. д. Таким образом, найденные в обрыве черепки могли оказаться случайностью.

³⁶ Н. Н. Дроченина, Б. А. Рыбаков. Берестяная грамота из Витебска. СА, 1960, 1, стр. 282—283. В связи с находкой берестяной грамоты в Витебске следует назвать имя местного энтузиаста и краеведа М. Ст. Ривкина, энергии которого наука обязана сведениями об уникальной находке.

³⁷ В сентябре 1959 г. автор был командирован в Витебск для наблюдения за дальнейшими работами на траншее на площади Свободы. Публикуемые материалы из траншеи собраны им в это время (хранятся, как и грамота, в Витебском музее).

изводства желтых браслетов (высокое содержание серебра). Стекланные браслеты в целом могут датироваться домонгольским временем»³⁸. Кроме стекланных браслетов, в указанной траншее по площади Свободы обнаружено несколько венчиков гончарной посуды (рис. 6). Из них особенно интересны ранние формы, характерные главным образом для X в. (рис. 6, 15) (по раскопкам в Браcлаве и в других местах)³⁹.

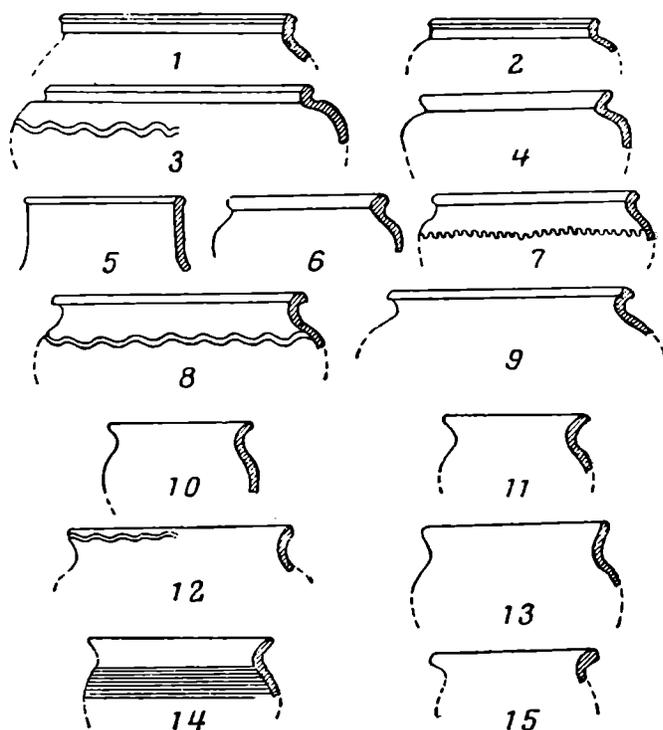

Рис. 6. Керамика из разных уровней траншей 1959 г. на площади Свободы в Витебске

Траншея на площади Свободы дала еще один крайне важный результат. Удалось выяснить мощность культурного слоя Окольного города в этом месте, которая оказалась равной 4,3 м. Приходится жалеть, что дату первоначального заселения данного участка определить без специальных работ не представилось возможным. Церковь Благовещения начала XII в., расположенная в Окольном городе неподалеку от Двины (рис. 3), свидетельствует о том, что в это время данная часть города уже была заселена.

Судя по «Чертежу» 1664 г., Витебск имел и третью укрепленную часть — «Острог», или «Взгорский город». В Витебске «три замка, — пишется в документе 1667 г., — Верхний, Нижний и Узгорский»⁴⁰. Расположен он на высоком правом берегу р. Витьбы, при ее впадении в Зап. Двину. По предположению А. П. Сапунова, «Острог» начал заселяться следом за «Замками», но заселен он был далеко не сразу, так как по документу 1522 г. церковь Иоанна Богослова стояла еще вне его пределов «на поли», «за местом» (за городом)⁴¹. Археологические материалы этой части Витебска неизвестны. Нет сведений и о характере культурного слоя. По «Чертежу» 1664 г. в XVII в. эта часть города была обнесена

³⁸ Из заключения Ю. Л. Шаповой «Результаты качественного элементарного анализа стекланных браслетов из Витебска» от 12.XII 1959 г. (лаборатория спектрального и структурного анализа кафедры археологии МГУ).

³⁹ Л. В. Алексеев. Раскопки древнего Браcлава. КСИА АН СССР, 81, 1960, стр. 95—106, рис. 46, 30.

⁴⁰ А. П. Сапунов. Витебская старина..., стр. 379.

⁴¹ А. П. Сапунов. Река Западная Двина, стр. 393.

деревянными стенами с башнями и имела несколько церквей. Центром поселения в это время была рыночная площадь с ратушей и гостинным двором (рис. 1). Вероятно, сюда рынок был переведен в эпоху позднего средневековья из Окольного города.

Документы XVII в. сохранили некоторые топонимические наименования в черте Острога: ул. Большая Узкогорская (1624 г.), Острая гора близ Спасской церкви (1662 г.), Узгорские поля⁴² и Узгорская слобода.

Крайне интересным участком древнего Витебска является Заручавье. Как видно на плане XVIII в. (рис. 2, 3), эта часть города делилась на две части — западную и восточную или, точнее, северо-западную и юго-восточную. Первая была расположена в низине, у самого устья ручья; вторая же представляла довольно значительную возвышенность. Основываясь на документах, А. П. Сапунов отмечал, что «западная часть Заручавья заселена была довольно рано, но восточная часть его не была заселена даже и во второй половине XVIII века»⁴³. Западная часть сохранила и древнее наименование улиц, восходящих, несомненно, к средневековью. Так, набережная над Зап. Двиной там называлась «Кожевенной», одна из улиц — «Резницкой»⁴⁴. Есть сведения, что до пожара 1872 г. этот участок города истари был населен ремесленниками по кожевенному делу. Даже в XIX в., по подсчетам Ив. Васильева, из 14 кожевенных заведений Витебска 12 находилось на Кожевенной набережной. Современная Заручавская Воскресенская церковь была построена на месте деревянной, упоминаемой в списке церквей 1618 г. под названием «кожемятской»⁴⁵. Сравнительно низко расположенный берег Зап. Двины и Ручья был особенно удобен кожевникам, ремесло которых требовало большого количества воды⁴⁶. Итак, западная часть Заручавья представляла в древности неукрепленную часть города (посад), населенную ремесленниками-кожевниками.

Судя по уже упомянутому списку церквей 1618 г.⁴⁷, Духовская церковь XIV в. (расположенная к востоку от современного здания обрисполкома, см. рис. 2) находилась возле поля⁴⁸. Как мы уже указали, А. П. Сапунов отметил, что вся восточная часть Заручавья не была заселена вплоть до конца XVIII в., но найти этому объяснения не мог. Вместе с тем, имеется документ, датируемый 1602 г., который косвенно позволяет нам ответить на этот вопрос. В документе рассказывается о сопротивлении, оказанном витеблянами напавшему на Витебск казацкому атаману Кондрату Дубине. Захватив атамана, витебляне вывели его в урочище Заручайские волотовки и казнили⁴⁹. Как известно, волотовками в Северной Белоруссии называют курганы⁵⁰. Следует думать, что Заручайские волотовки и были причиной того, что местность, где они находились, не заселялась. Древний городской курганный некрополь, очевидно, и был расположен на возвышенной части Заручавья, при выезде из города.

Нам осталось упомянуть о Задуновской и Задвинской частях Витебска, расположенных по ручью Дунаю (впадающему в ручей, огибающий окольный город — Нижний замок, рис. 2, 3) и за Двиной. Без археологического материала трудно что-либо сказать о времени их возникновения. Восемь ярусов мостовых, обнаруженных в 1924 г. «на пл. Свободы

⁴² А. П. Сапунов. Архив Полоцкой духовной консистории. М., 1898, стр. 10.

⁴³ А. П. Сапунов. Река Западная Двина, стр. 393.

⁴⁴ Ив. Васильев. Предместье Заручавье. Газ. «Витебские Губернские Ведомости». Витебск, 1901, № 64. Судя по документу 1618 г., улица в Заручавском посаде именовалась «Большой» (А. П. Сапунов. Архив..., стр. 9).

⁴⁵ Ив. Васильев. Ук. соч.

⁴⁶ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 243.

⁴⁷ Ив. Васильев. Ук. соч.

⁴⁸ А. П. Сапунов. Река Западная Двина, стр. 386.

⁴⁹ А. П. Сапунов. Там же, стр. 379.

⁵⁰ А. М. Сементовский. Белорусские древности. СПб., 1890, стр. 2.

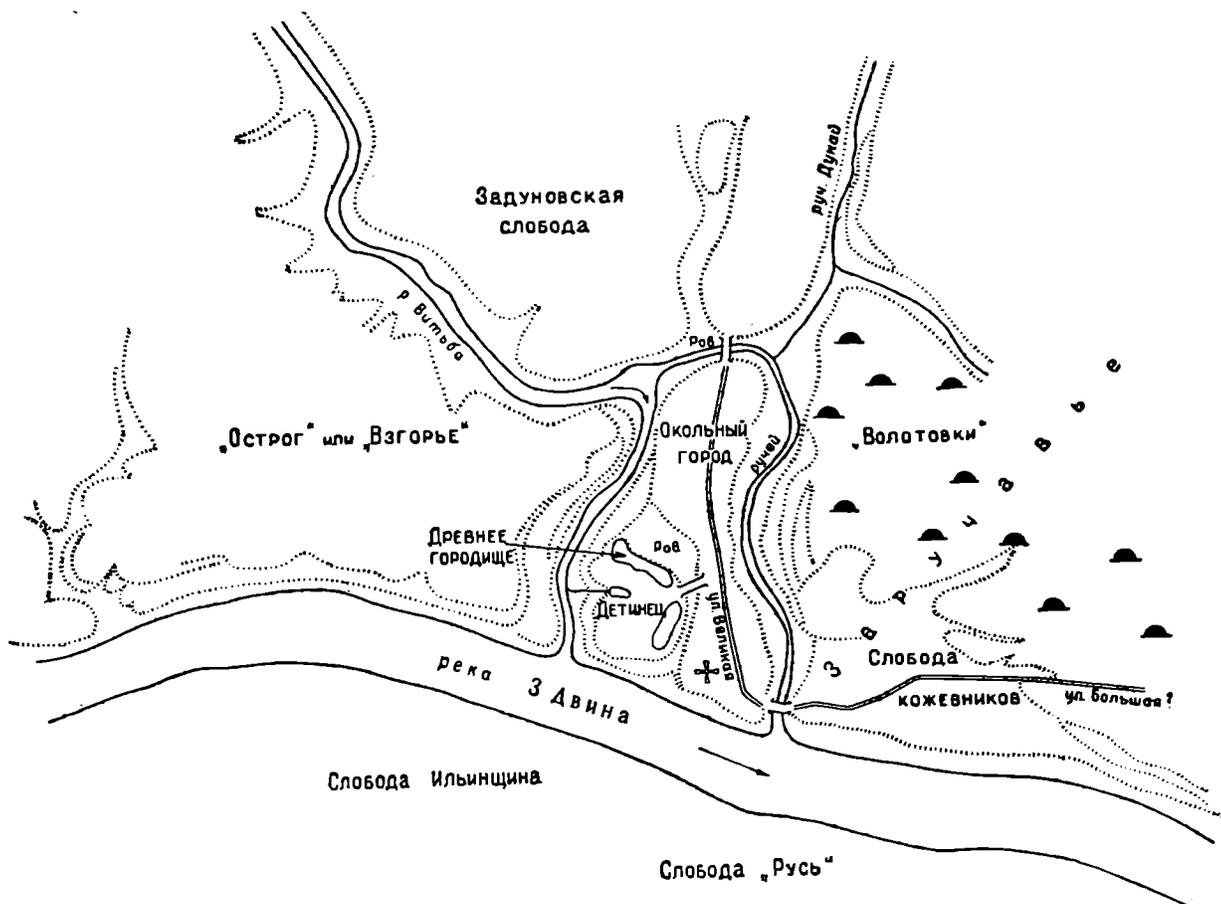

Рис. 7. Топография древнего Витебска (реконструкция)

и по Задунувской улице», вряд ли что-либо говорят, так как эта улица начинается еще в пределах Окольного города и, вероятно, мостовые найдены именно там⁵¹. На «Чертеже» 1664 г. Задунувская и Задвинская «слободы» уже существуют. А. П. Сапунов уклончиво отмечал лишь, что Задунувье было заселено, во всяком случае, уже в XVI в.⁵² Однако близость к Замкам позволяет предполагать, что эта территория была заселена значительно ранее.

О первоначальном заселении Задвинья также сведений нет. Кажется, что из-за удаленности от Замков эта часть города была населена гораздо позднее Заручавья и Задунувья. Любопытно, что южная часть Задвинья некогда именовалась «Русь» или «Посад русский»⁵³, и, судя по некоторым сведениям, была заселена гончарами⁵⁴. А. П. Сапунов предполагал, что заселение Задвинья началось именно отсюда⁵⁵. Северная часть Задвинья, так называемая Ильинщина (по расположенной здесь церкви св. Ильи, упоминаемой с XV в.), была населена якобы судостроителями⁵⁶. Интенсивное заселение Задвинья начинается, видимо, в XIV—XV вв., когда особенно оживился торговый путь по Западной Двине.

3

Итак, приведенные данные позволяют наметить следующие этапы начальной истории Витебска. Город возник в конце X — начале XI вв., по-видимому, в качестве укрепленного пункта на скрещении водного

⁵¹ Из Задунувской слободы мне известна лишь одна археологическая находка — стеклянный темный мелковитой браслет, найденный на огороде учеником М. Ст. Ривкина.

⁵² А. П. Сапунов. Река Западная Двина, стр. 393.

⁵³ А. П. Сапунов. Витебская Старина, стр. 366, 367 сл.

⁵⁴ Евг. Белозерский. Предместье Взгорье и Песковатик. «Витебские Губернские Ведомости», 1901, № 132.

⁵⁵ А. П. Сапунов. Река Западная Двина, стр. 393.

⁵⁶ Евг. Белозерский. Ук. соч.

пути «из варяг в греки» с «западнодвинским»⁵⁷. Первоначальной базой для него послужил небольшой укрепленный поселок кривичей, стоящий на р. Витьбе и возникший, в свою очередь, в дофеодалное время. В XI—XII вв. Витебск, вероятно, состоял из детинца (так называемого Верхнего замка, включавшего и дофеодалное городище), расположенного на левом берегу р. Витьбы при слиянии ее с Зап. Двиной, и окольного города (так называемого Нижнего замка), с трех сторон омываемого водой (Витьба, Зап. Двина, Ручей) и с одной огражденного искусственным рвом, соединяющим Витьбу с Ручьем. С южной стороны, при выезде из города, располагался курганный некрополь (рис. 7).

Позднее, по-видимому, с оживлением торгового пути по Зап. Двине в XII—XIII вв. и построением Риги (1201 г.), к Витебским замкам с севера примыкает укрепленный Острог (так называемое Взгорье) с площадью рынка в центре, а с юга и востока — неукрепленные Заручавье и Задунавье. Судя по имеющимся сведениям, в окольном городе и Заручавье налаживаются ремесленные производства (в окольном городе, например, литейно-ювелирное дело, в Заручавье — кожевенное и др.).

Судя по летописи, политическое значение Витебска со второй половины XII в. начинает необычайно расти. За обладание витебским столом борются полоцкие и смоленские князья. Начиная с XIII в. Витебск заключает торговые договоры с Ригой и Готским берегом. В договоре 1229 г. (и др.) упоминается и Витебская волость, на которую, так же как на Смоленск и Полоцк, распространяется соглашение⁵⁸. Большого развития достигает Витебск к XIV в. и Ольгерд обносит детинец и окольный город каменной стеной.

Таковы основные вехи начальной истории Витебска, вырисовывающиеся при всестороннем рассмотрении имеющихся материалов. Будущие археологические исследования города позволят изучить его историю и топографию значительно полнее.

⁵⁷ Большое значение Витебска как торгового пункта в это время подтверждают и многочисленные находки монетных кладов на его территории и в окрестностях. Так, под Витебском в 1821—1823 гг. был найден клад в 100 куфических монет (А. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910); в 1822 г. в самом Витебске — 15 куфических монет (там же, стр. 3); клад куфических монет был найден и в с. Лучесы под Витебском (там же, стр. 2). Известны монетные находки и в советское время (И. А. Дубінскі. Бібліографія па археолёгіі Беларусі і сумежных краін. Менск, 1933).

⁵⁸ Договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 года. Памятники русского права. 2, М., 1953, стр. 69.

Ю. А. КРАСНОВ, Н. А. КРАСНОВ

ТОПОГРАФИЯ ДРЕВНЕГО ЗВЕНИГОРОДА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

1

Звенигород впервые упомянут в письменных источниках — духовной грамоте великого князя Ивана Калиты около 1339 г., в числе владений второго сына Калиты — Ивана¹. Расположенный на территории, ставшей впоследствии основным ядром Московского княжества, Звенигород в XIV—XV вв. становится центром довольно крупного удела. Роль одного из второстепенных оплотов мятежных феодалов Звенигород сыграл во время феодальной войны XV в. В конце XV в. Звенигородский удел был ликвидирован. Этими историческими вехами — возникновением города и ликвидацией самостоятельного Звенигородского удела и определяются хронологические рамки настоящей работы.

Настоящая статья является попыткой реконструкции исторической топографии древнего Звенигорода на основании археологических данных. Это единственно возможный путь исследования, так как письменные источники дают крайне мало сведений о Звенигороде, а указаний на его топографию не содержат совсем. Источники более позднего времени также дают мало возможностей для ретроспективного изучения топографии Звенигорода до XV в.

Археологические исследования, производившиеся в Звенигороде неоднократно, сосредоточивались на территории его Кремля — «Городка». В 20-х годах XX в. в северной части Городка производились раскопки сотрудниками Звенигородского музея² (рис. 1, I). В 1942 г. разведки Городка провели Н. Н. Воронин и Л. А. Евтюхова³. В 1943—1945 гг. здесь были произведены самые значительные по масштабам и результатам раскопки под руководством Б. А. Рыбакова⁴ (рис. 1, II). В 1954 и 1955 гг. на Городке работала экспедиция Государственного Исторического музея под руководством А. В. Успенской (рис. 1, III), причем в 1954 г. впервые было произведено обследование Верхнего Посада Звенигорода⁵.

В 1955—1960 гг. археологическое изучение Звенигорода велось авторами настоящей статьи. В ходе этих работ, кроме постоянных наблюде-

¹ ДДГ. М.—Л., 1950, № 1, стр. 7, 9.

² Часть материалов этих раскопок сохранилась в фондах Звенигородского историко-краеведческого музея. Отчет и большая часть находок утрачены.

³ Н. Н. Воронин. О Звенигородском городище. КСИИМК, XIX, 1948.

⁴ Б. А. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде (1943—1945 гг.). МИА, 12, 1949.

⁵ Материалы хранятся в ГИМ и Звенигородском музее. Отчеты не опубликованы, хранятся в архиве Института археологии АН СССР.

ний за земляными работами на территории города, сплошному археологическому обследованию, сопровождавшемуся шурфовкой, подверглись районы, где можно было предполагать наличие городских посадов. Эти работы позволили уточнить время возникновения Звенигорода как города в социально-экономическом понимании этого термина, проследить местонахождение, размеры и рост посадов древнего города. Были произведены также небольшие работы по изучению укреплений Звенигородского Кремля (рис. 1, IV).

Звенигород расположен на Москве-реке и делится рекой на две части. Главная часть современного города расположена на левом берегу, восточнее (т. е. ниже по течению) Городка, частично на краю высокого коренного берега, частично на надпойменной террасе. На противоположном берегу реки расположен так называемый Верхний Посад; он лежит западнее, т. е. выше по течению от Городка (чем и объясняется его название), на низкой и широкой в этом месте надпойменной террасе Москвы-реки, повышающейся к западу. Часть посада заливается водой во время сильных половодий (рис. 2).

Городок, Кремль древнего Звенигорода, расположен на левом берегу Москвы-реки, на высоком (до 24 м) мысу коренного берега. С юга он круто обрывается к Москве-реке, с запада и с востока — ограничен глубокими оврагами с крутыми берегами. По дну восточного оврага протекает речка Жёрновка, по дну западного оврага — безымянный ручей (образовавшийся сравнительно недавно из ключей, бьющих из подножья Городка). С севера Городок был, вероятно, отрезан от плато коренного берега искусственным рвом, впоследствии превратившимся в глубокий и широкий овраг. Местность вокруг Городка сильно пересечена идущими в разных направлениях оврагами, причем многие из них образовались сравнительно недавно, о чем можно судить по планам города XVIII в., где многие из оврагов еще не обозначены. На Городке сохранились древние земляные валы: с севера, запада и востока почти полностью, с юга же они уничтожены и остатки их прослеживаются лишь местами. Западный вал — самый длинный (300 м); восточный — 220 м, южный — 180 м, северный, самый короткий, — 80 м. Средняя высота валов составляет 2—3 м, только северный вал, защищавший Кремль с наиболее уязвимой напольной стороны, достигает 8 м. Южная часть Городка застроена. В северной части его прослеживаются следы больших сооружений XVIII—XIX вв. — соляного амбара, казарм и др. Почти в самом центре Городка, на самой высокой его точке, поставлен древний Успенский собор. В настоящее время на Городок ведут две дороги: проезжая дорога с севера и пешеходная с юга. В древности существовала одна северная дорога.

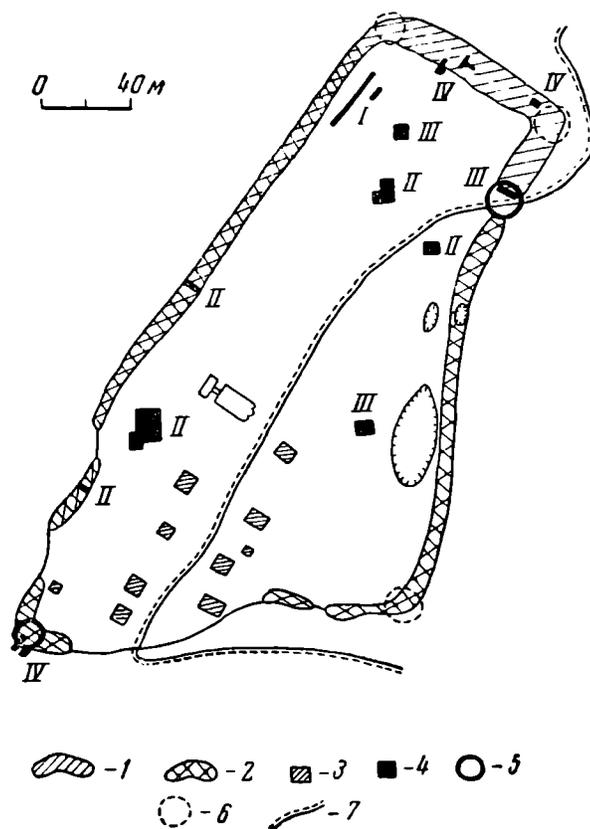

Рис. 1. План Звенигородского Кремля
1 — вал XII в.; 2 — вал XIV в.; 3 — современные строения; 4 — места раскопок; 5 — следы крепостных башен; 6 — предполагаемые места крепостных башен; 7 — современная дорога. Римские цифры обозначают раскопки

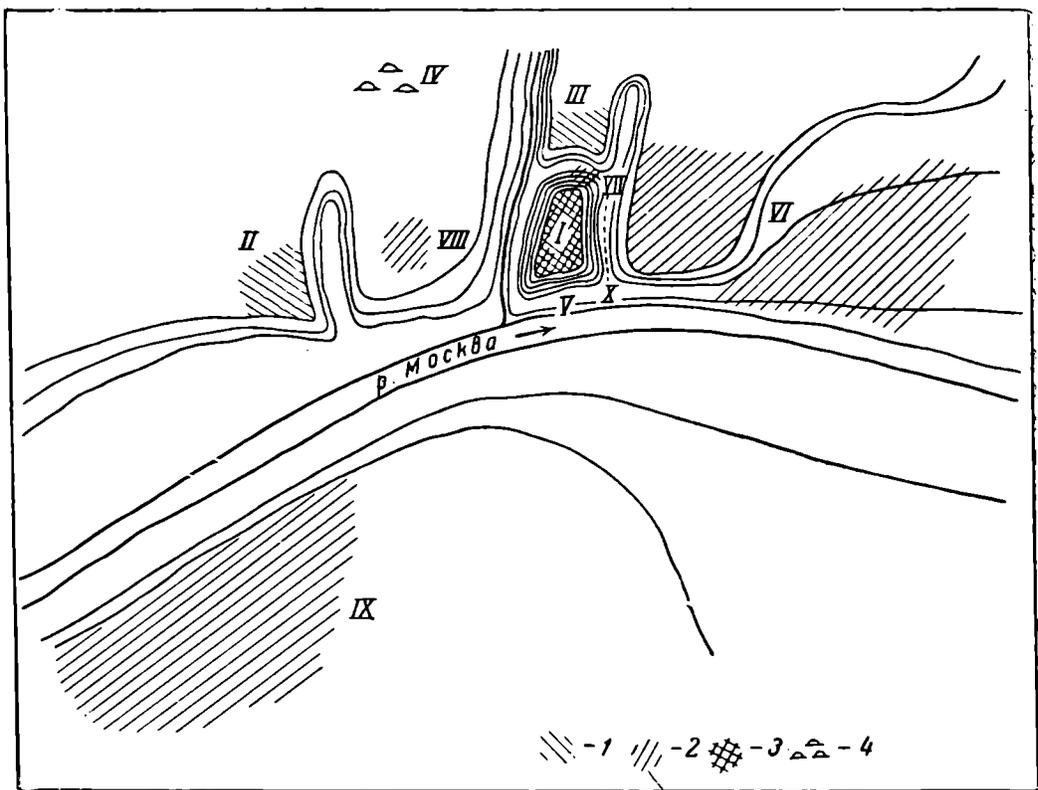

Рис. 2. Схематический план Звенигорода XII—XV вв.

1 — культурный слой XII—XIII вв.; 2 — культурный слой XIV—XV вв.; 3 — культурный слой XII—XV вв.; 4 — курганная группа XII—XIII вв. Римские цифры обозначают отдельные части города или урочища, упоминаемые в статье⁶

2

Первым вопросом, возникающим при изучении древнего Звенигорода, является вопрос о времени его возникновения как города в социально-экономическом понимании этого термина. Уже в духовной Калиты Звенигород выступает как центр удела, т. е. как вполне сложившийся городской центр, явно возникший ранее. Археологические данные позволяют говорить о его существовании в XII—XIII вв. При раскопках на Городке в большом количестве была найдена характерная для XI—XIII вв. керамика, обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, замки домонгольских типов и другие предметы, хорошо датируемые этим временем⁶. Открыты мастерская медника XIII в. и жилой комплекс с вещами XII в.⁷ Ранняя дата поселения определяется гончарным клеймом, найденным в основании культурного слоя; по типу знака Рюриковичей оно датируется серединой XII в.⁸ Само название Звенигорода, воспроизводящее, вероятно, название одного из южных Звенигородов, Киевского или Галицкого, «заставляет вспомнить эпоху более раннюю, чем XIV век, — время Мономаха и Юрия Долгорукого, когда в Суздальской залесской стороне возникали Переяславли и Вышгороды, а реки получали южные имена»⁹. Таким образом, поселение на Городке возникло в XII в. Возникает вопрос о характере этого поселения. Б. А. Рыбаков предполагал, что Звенигород в XII в. был либо городом, либо княжеским замком, ссылаясь на упомянутое выше гончарное клеймо в виде знака Рюриковичей. «Княжеские гончары, метившие изделия знаком своего господина, — пишет он, — встречаются только в княжеских городах или

⁶ См. материалы раскопок в Звенигороде в ГИМ и Звенигородском историко-краеведческом музее.

⁷ Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 130, 132.

⁸ Там же, стр. 128.

⁹ Там же, стр. 125.

княжеских замках»¹⁰. На городской характер поселения в XII в. указывают и многочисленные находки на Городке стеклянных браслетов.

Эти соображения могут быть дополнены нашими наблюдениями над стратиграфией Городка и его окрестностей.

Во-первых, следует отметить, что в отличие от западного вала городища, насыпанного на культурных отложениях XII—XIV вв., его северный вал, самый мощный, защищавший крепость с напольной стороны, насыпан непосредственно на материке, что прослежено в заложенном нами у подошвы северного вала шурфе. Этот факт позволяет утверждать, что поселение было укреплено уже в момент его возникновения, т. е. не позднее середины XII в.

Во-вторых, культурный слой XII—XIII вв. прослеживается и за пределами Городка в непосредственной близости от него. Он обнаружен на территории давно заброшенного Супоневского кладбища к северу от Городка, за глубоким оврагом и древним валом; можно предполагать здесь наличие древнего искусственного рва (рис. 2, III). Культурный слой мощностью до 0,5 м распространяется на площади примерно 75 × 50 м и сильно перемешан позднейшими могилами. Кроме керамики, совершенно аналогичной ранней керамике Городка, здесь обнаружены следы костерезного производства в виде многочисленных костей со следами обработки и полуфабрикатов, шиферное пряслице, маленький обломок синего стеклянного браслета и несколько деформированных железных предметов, среди которых следует отметить фрагмент больших кузнечных клещей. Керамики более позднего времени на Супоневском кладбище нет.

Распространение аналогичного культурного слоя отмечено и к западу от Кремля, примерно в 250 м от него, на сильно разрушенном дорожным строительством городище у дома отдыха «Связист» (рис. 2, II). Здесь культурный слой с керамикой XII—XIII вв. очень тонок. Эти поселения можно рассматривать как посады, расположенные вне пределов городских укреплений и населенные городскими ремесленниками. В ближайших окрестностях Городка культурный слой XII—XIII вв. нигде больше не прослеживается; можно считать описанные участки единственными посадскими районами города домонгольской поры.

Отмеченные выше находки говорят о существовании здесь обычных для древнерусских городов видов ремесел — гончарного, меднолитейного, костерезного, кузнечного.

Таким образом уже в XII—XIII вв. Звенигород был городом в социально-экономическом смысле, укрепленным поселением, имевшим посады.

Центром города являлся укрепленный Кремль, расположенный в очень удобном для обороны месте, защищенном с трех сторон глубокими оврагами и крутыми склонами, на использовании которых и строился расчет обороны (рис. 2, I). С напольной стороны, где опасность нападения особенно велика, был насыпан вал и прорыт ров. Этот тип укреплений характерен для раннего этапа древнерусского оборонительного зодчества¹¹. Посады располагались к северу и западу от Кремля (рис. 2, II, III). Размеры посадов по сравнению с площадью Кремля невелики. Очевидно, большая часть населения жила под защитой городских стен. Размеры посадов свидетельствуют о том, что город в то время был еще очень небольшим торгово-ремесленным центром. Этим, очевидно, и следует объяснять молчание о нем письменных источников до начала XIV в.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 128.

¹¹ П. А. Раппопорт. Основные этапы развития древнерусского военного зодчества. СА, 1960, 2, стр. 57.

Можно предположить, что уже в это время в Звенигороде был торг. Вряд ли он размещался на посадах, они слишком малы. Торг находился либо в самом Кремле, либо, что более вероятно, на берегу Москвы-реки у южного склона Городка (рис. 2, V). Для многих русских и западноевропейских городов периода феодализма, в том числе и для Москвы¹², характерно расположение торгов под стенами княжеских крепостей для удобства сбора тамги и других торговых пошлин.

К северо-западу от Кремля, на расстоянии около полукилометра от него, на территории нынешней Детской воспитательной колонии, располагается курганный могильник, в настоящее время почти полностью уничтоженный (рис. 2, IV). По имеющимся сведениям, здесь в начале XX в. имелось более 15 курганов. Уже в это время место вокруг могильника было застроено, так что большая часть курганов могла быть уничтожена. Возможно, что здесь был могильник звенигородских жителей: материал, собранный в разрушенных строительными работами курганах, позволяет датировать их XII—XIII вв., т. е. тем же временем, что и ранний период существования города¹³. Обращает на себя внимание отсутствие в трех имеющихся в нашем распоряжении комплексах вещей из женских погребений типичных вятических украшений, обычных в деревенских курганах окрестностей Звенигорода. Может быть, этот факт не случаен и объясняется городским характером погребений, в которых племенные особенности прослеживаются менее ярко. Относительно небольшие размеры курганного могильника могут быть объяснены пережиточностью обряда погребения в курганах, ранее прекратившего свое существование в городах, чем в деревне.

Археологические данные проливают свет и на те условия, которые вызвали к жизни древний Звенигород как город. Города возникали прежде всего там, где концентрировалось земледельческое крестьянское население, потребности которого в ремесленной продукции удовлетворяли городские посады¹⁴. Археологическая карта окрестностей Звенигорода показывает, что памятники XI—XIII вв. в долине Москвы-реки располагаются не равномерно, а скоплениями, группируются вокруг городов. В центре одного из таких скоплений находится Звенигород. К востоку от Звенигорода археологические памятники этого времени группируются вокруг Москвы, к западу — вокруг Старой Рузы и Можайска, к северу — вокруг Волоколамска¹⁵.

Звенигородская крепость возникла на пустом, незаселенном месте: культурных отложений ранее, чем XII в., здесь нет. Очевидно, создание городских укреплений было связано с деятельностью княжеской власти по установлению господства над прилегающей округой. Звенигород был опорным пунктом княжеской власти в земле вятичей. Известно, что вятичи очень долго сохраняли свою племенную самостоятельность, и ростово-суздальская дань стала распространяться на их земли по Москве-реке только в первой половине XII в.¹⁶ Возникнув как княжеская крепость, Звенигород уже очень скоро превращается в местный торгово-ремесленный центр, в город в собственном смысле слова. Возможно, что до основания города роль торгово-ремесленного центра данной округи выполняло поселение, расположенное в 3 км к юго-востоку от Звенигорода, в районе Поречья, где прослежены следы большого славянского селища

¹² М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947. План города Москвы XIV—XV вв.

¹³ А. Саблин. Список курганов Московской губернии. ИОЛЕАиЭ, XXXV ч. 1, вып. 2, стр. 186; А. А. Саблин отмечает еще курганы в урочищах Звенигорода — Степаново и Крючково, местоположение которых выяснить не удалось.

¹⁴ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 39, 36—37.

¹⁵ А. В. Успенская, М. В. Фехнер. Карта «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв.». Тр. ГИМ, XXXII, 1956.

¹⁶ А. Н. Насонов. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 180.

и имеется очень крупный курганный могильник, резко отличающийся по количеству насыпей от других курганных могильников этого района. После основания крепости на Городке сюда могли переселиться и ремесленники из этого старого ремесленного центра.

3

В XIV—XV вв. облик Звенигорода значительно меняется. Эти изменения выражаются прежде всего в перемене места и значительном расширении территории посадов.

Культурного слоя XIV—XV вв. к северу и западу от Городка на участках посадов XII—XIII вв. нет. Более того, северный посад, по-видимому, превращается в кладбище. При шурфовке здесь найден обломок белокаменного надгробия с характерным для XV—XVI вв. орнаментом в виде равнобедренных треугольников. Запустение древних посадов, видимо, связано с неудобством расположения для дальнейшего их роста, а может быть — с разорением во время татаро-монгольского нашествия.

Материалы наших разведок в окрестностях Городка позволяют наметить местонахождение и примерные размеры посадов Звенигорода в XIV—XV вв. Часть посадских дворов располагалась за оврагом к востоку от Кремля, на высоком коренном берегу Москвы-реки в районе современной улицы Красная Гора. Эта местность в XIX в. называлась Конюшенная гора. В. и Г. Холмогоровы предполагали, что это название произошло от находившегося здесь конюшенного двора звенигородских удельных князей¹⁷. В заложенных здесь шурфах собрана керамика XIV—XV вв., в том числе красная лощеная, характерная для культурных напластований Городка этого времени. При прокладке кабеля связи на Красной Горе, в глубокой траншее, перерезавшей ее на значительном протяжении, также был обнаружен культурный слой с керамикой XIV—XV вв. и ряд углублений в материке, которые могут быть истолкованы как подпольные ямы наземных жилищ.

Другая часть посадских дворов находилась восточнее и ближе к реке, на надпойменной речной террасе в районе современной улицы Фрунзе, о чем также свидетельствует ряд находок в специально заложенных шурфах и при земляных работах. Эта часть города в документах начала XVI в. именуется Нижним Посадом¹⁸ (рис. 2, VI). Следы поселений XIV—XV вв. прослеживаются и к западу от Городка, за оврагом и речкой Жерновкой, в районе так называемой Шаховой дачи (рис. 2, VIII), а также в овраге у северного склона Городка (рис. 2, VII).

Другая часть городского посада XIV—XV вв., называемая в документах начала XVII в. Верхним Посадом и сохранившая это название до наших дней, располагалась на правом берегу Москвы-реки значительно выше Городка, на возвышенной части надпойменной террасы (рис. 2, IX). Более низкие участки террасы, занятые строениями в настоящее время, по нашим наблюдениям, в XIV—XV вв. заселены не были. Даже на планах Звенигорода второй половины XVIII в. значительная часть низких участков речной террасы показана незастроенной.

Раскопками А. В. Успенской здесь был открыт гончарный горн, в котором производилась красная керамика с лощением¹⁹, характерная для культурного слоя Городка XIV—XV вв. Следы еще одного такого же горна были обнаружены нами в 1960 г. неподалеку от первого. Здесь же были открыты следы дома размером 5 × 6 м, от которого сохранились

¹⁷ В. и Г. Холмогоровы. Город Звенигород. ЧОИДР. М., 1884, стр. 6.

¹⁸ В. и Г. Холмогоровы. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVII вв. II. М., 1882, стр. 6—9.

¹⁹ А. В. Успенская. Отчет об археологических раскопках в Звенигородском районе Моск. обл. в 1954 г. Архив ИА АН СССР.

ямы от угловых столбов, развал глинобитной печи и подпольная яма, в заполнении которой найдена керамика XIV—XV вв.

По наблюдениям над распространением культурного слоя XIV—XV вв. площадь Верхнего Посада составляла около 800 × 300 м. Нижний Посад был примерно таким же. Культурный слой на посадах прослеживается не сплошным массивом, а местами: застройка здесь, видимо, была довольно редкой, дворы окружались большими приусадебными участками. Посадские люди не порвали, очевидно, своей связи с сельским хозяйством. Огороды, а на окраинах — поля составляли характерную черту городского ландшафта.

Сказанное свидетельствует об увеличении населения города и о росте его значения как ремесленного и торгового центра. Площадь посадов теперь намного превышает площадь Кремля. Посады располагаются там, где их застают документы XVII—XVIII вв.²⁰

В XIV—XV вв. в Звенигороде были гончарное, кожевенное и металлообрабатывающее производства²¹. Вероятно, это далеко не полный перечень существовавших в то время ремесел.

О том, что Звенигород в XIV—XV вв. был не только столицей удела, но и значительным городом с ремесленным населением, свидетельствует строительство на рубеже XIV—XV вв. в городе и в расположенном поблизости Саввино-Сторожевском монастыре двух каменных храмов — Успенского и Рождественского.

Косвенным свидетельством о значительном росте Звенигорода в XIV—XV вв. могут служить сведения о размере ордынской дани. В 1389 г. она составляла для Звенигорода 272 р., для Коломны — 342 р., Можайска — 167 р., Дмитрова — 111 р.²² Волоколамск в 1390 г. должен был платить 190 р. в счет ордынского «выхода», а Серпухов в начале XV в. — всего 48 р. с полтиной²³. Дань со Звенигорода быстро увеличивалась, и в 1433 г. доходила до 511 р.²⁴ Конечно, следует учитывать, что дань платилась не только с города, но и с «тянущего» к нему уезда и что в рассматриваемый период изменялась стоимость денег. Но и при этом приводимые косвенные данные подтверждают наш вывод о росте города как ремесленного и торгового центра. Город развивался, несмотря на разорение его татарами в 1382 и 1408 гг.²⁵

Письменные источники не раз говорят о торговле и таможенниках в Звенигороде XIV—XV вв.²⁶ О торговых связях Звенигорода могут свидетельствовать и монетные находки, сделанные на территории города при земляных работах (монеты Можайского княжества, новгородские, несколько среднеазиатских монет XIII—XV вв.). Местоположение торгового центра было, вероятно, то же, что и в XII—XIII вв., т. е. предположительно на берегу Москвы-реки, под стенами Кремля. Перенесение его на Нижний Посад, где на планах второй половины XVIII в. обозначена торговая площадь, произошло, вероятно, позднее: торговая площадь расположена вне пределов распространения культурного слоя XIV—XV вв.

Дорога от Нижнего Посада и торгового центра к Кремлю шла по оврагу вдоль восточного склона Городка (рис. 2, X). Вероятно, она уже в то время имела бревенчатое покрытие ввиду многочисленных ключей, бьющих из подножия холма в этом месте (здесь прослежены следы деревянной мостовой в несколько слоев). Расположение посадов на противоположных берегах Москвы-реки предполагает наличие моста.

²⁰ Географический словарь. II. М., 1788, стр. 48—51; В. и Г. Холмогоровы. Исторические материалы..., стр. 1—12.

²¹ А. М. Сахаров. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959, стр. 87—88.

²² ДДГ, № 12, стр. 35.

²³ ДДГ, № 13, стр. 38, 47.

²⁴ ДДГ, № 29, стр. 74.

²⁵ ПСРЛ, XVIII, СПб., 1913, стр. 127; XV, СПб., 1863, 482—484.

²⁶ АИ, I, СПб., 1841, № 15, и др.

Быстрое развитие Звенигорода в XIV—XV вв. связано с общим процессом социально-экономического развития Северо-Восточной Руси. Подъем в развитии ремесла начался примерно с середины XIV в., что отразилось на росте городов. Этот период характеризуется быстрым развитием городов в Северо-Восточной Руси, особенно в Московском княжестве.

К рубежу XIV—XV вв. относится сооружение князем Юрием Дмитриевичем круговой системы городских валов, прикрывших княжескую резиденцию и сохранившихся до настоящего времени. Описание этих укреплений дано Б. А. Рыбаковым²⁷. Следует лишь отметить, что деревянные стены на валах не всюду представляли собой просто невысокие заборолы, как это было прослежено Б. А. Рыбаковым для западного вала Звенигородского Кремля. Для северного вала можно предполагать более сложное устройство стены, стоявшей на валу. Нами обнаружены здесь следы срубов, заполненных плотной глиной.

Стены города имели башни, однако число их точно не установлено. А. В. Успенской были прослежены следы надвратной башни в северо-восточном углу крепости. Нами были обнаружены следы юго-западной башни. Возможно, что и другие углы крепости были защищены башнями (см. рис. 2).

Около 1399—1400 гг. на самой высокой горе Городка был построен придворный Успенский собор князя Юрия, один из древнейших образцов раннемосковской архитектуры²⁸. Поблизости от собора, вероятно, к югу от него, следует предполагать княжеский дворец: князь Юрий Дмитриевич, в отличие от других звенигородских князей, до 1425 г. почти постоянно жил в Звенигороде²⁹. При раскопках Б. А. Рыбакова в 1944—1945 гг. на площадке к юго-западу от собора были обнаружены следы ограды XIV—XV вв. более мощный, чем заборолы вала; по-видимому, это ограда княжеского дворца³⁰.

Площадь Городка в XIV—XV вв. была густо застроена.

В это время в самом городе и вблизи от него возникают монастыри — Воздвиженский монастырь в Звенигороде (местоположение которого не установлено), Саввино-Сторожевский монастырь и Онуфриева пустынь в окрестностях города.

В XV в. Звенигород имеет и свой пригород — Рузу³¹.

Итак, проведенное нами на материале археологических источников исследование топографии древнего Звенигорода позволило не только локализовать отдельные районы города XII—XV вв., но и выяснить основные этапы в его развитии. Звенигород возник как опорный пункт феодального господства в земле вятичей и как центр местной торгово-ремесленной деятельности не позднее середины XII в. Город продолжал жить и развиваться в тяжелых условиях татарского ига. Неоднократные разорения его татарами затормозили, но не остановили развитие города. Расцвет древнего Звенигорода, начавшийся с первой половины или середины XIV в., был связан с общим подъемом экономики Русских земель. В этот период начинают быстро расти посады Москвы, Новгорода, Твери и других русских городов. То же наблюдается и в Звенигороде, сравнительно небольшом городе Северо-Восточной Руси. Это обстоятельство подтверждает глубину и общерусский характер возрождения и развития русских городов в XIV—XV вв. В этот период Звенигород занимает немаловажное место в системе городов Московского княжества.

²⁷ Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 130.

²⁸ Б. А. Огнев. Успенский собор в Звенигороде на Городке. МИА, 44, 1955, стр. 20 сл.

²⁹ ПСРЛ, XI, стр. 164; VIII, стр. 91, 92, 98 и др.

³⁰ Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 132—133.

³¹ М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 33.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ЛЯВДАНСКОГО

В 1963 г. исполнилось 70 лет со дня рождения известного белорусского археолога Александра Николаевича Лявданского, с именем которого связаны первые успехи археологических исследований в советской Белоруссии.

А. Н. Лявданский родился 11 сентября (н. ст.) 1893 г. в дер. Юрьево Борисовского уезда Минской губернии — ныне Смолевичского района Минской области, в крестьянской семье. После окончания народного училища он несколько лет работал в почтовом ведомстве. По-видимому, уже тогда он живо интересовался родной историей. Великую Октябрьскую революцию, послужившую переломным моментом в его жизни, А. Н. Лявданский встретил на фронте. Демобилизовавшись в 1918 г., он поступил учиться в Смоленское отделение Московского археологического института, которое успешно окончил в 1922 г. После этого он учился на историческом отделении Смоленского государственного университета, затем был зачислен сначала ассистентом археологического кабинета университета, а вскоре занял должности доцента университета и научного сотрудника в Смоленском государственном музее. С этого времени начинается полевая исследовательская работа А. Н. Лявданского по изучению археологических памятников Верхнего Поднепровья.

В 20-х годах А. Н. Лявданский работал преимущественно на Смоленщине. С минимальными средствами он осуществил широкие археологические обследования и раскопки ряда археологических памятников. Им изучались неолитические стоянки и поселения эпохи бронзы на Днепре выше и ниже Смоленска. Он зарегистрировал сотни древних городищ и курганных могильников. Его археологическая карта Смоленской губернии в те годы не имела себе равных по полноте описаний. Большинство памятников, отмеченных на карте, А. Н. Лявданский осмотрел лично, путешествуя по смоленским дорогам пешком и на велосипеде.

В результате исследований 20-х годов А. Н. Лявданским были выполнены такие работы, как «Материалы для археологической карты Смоленской губернии», «Некоторые данные о городищах Смоленской губернии» и «Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии». Позднее, в 1930 г. на белорусском языке было опубликовано его наиболее крупное исследование по археологии Смоленщины: «Археологические исследования в бассейнах рек Сожа, Днепра и Каспли в Смоленской губ.».

Уже во время работы А. Н. Лявданского в Смоленске у него завязались прочные связи с организованным тогда центральным научным учреждением Белорусской Советской Социалистической Республики — Институтом белорусской культуры. По заданию Института с 1923 г. им производились разведки и раскопки городищ у деревень Свидно, Буда и др. в Борисовском округе, впервые давшие материал о культуре городищ «штрихованной керамики» центральной Белоруссии, а также поселений неолитической эпохи и позднейших культур близ г. Нового Бы-

хова. Эти материалы были опубликованы А. Н. Лявданским в 1925 г. в «Навуковым зборніку» Инбелкульта. В 1927 г. по приглашению белорусских организаций А. Н. Лявданский переехал в Минск и стал работать в Инбелкульте и республиканском историческом музее, заведывая там отделом археологии. В 1931 г. в связи с организацией Академии наук БССР А. Н. Лявданский был утвержден ученым секретарем Научно-исследовательского института истории, а позднее заведующим секцией археологии.

Научно-организаторская работа была второй стихией А. Н. Лявданского. Ученый-энтузиаст, жизнерадостный, обаятельный человек, он умел сплотить вокруг себя и молодежь, и людей старшего поколения и заразить всех их своей любовью к родной истории. Вскоре вокруг А. Н. Лявданского образовался большой коллектив археологов, в числе которых можно назвать К. М. Поликарповича, И. А. Сербова, С. А. Дубинского, А. Д. Коваленю, С. С. Шутова, В. Р. Тарасенко, Н. И. Савина, А. К. Супинского и др.

К работе по изучению археологических памятников Белоруссии были привлечены ученые центральных научных учреждений — археологи А. А. Спицын, С. Н. Замятин, Б. А. Рыбаков и геологи Г. Ф. Мирчинк и В. И. Громов.

Впервые вместо эпизодических, не связанных единым планом раскопок, осуществлявшихся от случая к случаю дореволюционными археологами, под руководством А. Н. Лявданского было организовано планомерное и систематическое археологическое изучение территории БССР. К середине 30-х годов удалось составить картотеку и археологическую карту БССР и таким образом взять на учет основную массу известных тогда археологических памятников (в числе нескольких тысяч). К сожалению, как картотека, так и археологическая карта Белоруссии, составленные при А. Н. Лявданском, погибли вместе со всем научным архивом Института истории АН БССР во время немецкой оккупации Минска в 1941—1944 гг. Но ряд ценных материалов был опубликован в «Гістарычна-Археалагічным зборніку» и трех томах «Прац Археалагічнай камісіі» (позднее Секцыі археалогіі) АН БССР, в трудах как самого А. Н. Лявданского, так и его сотрудников. Одновременно одним из ближайших сотрудников А. Н. Лявданского — С. А. Дубинским была проведена большая библиографическая работа, в результате которой в 1932 г. вышла в свет его книга «Бібліаграфія па археалогіі Беларусі і сумежных краін».

Разносторонность научных интересов А. Н. Лявданского и накопление большого археологического материала позволили ему в начале 30-х годов приступить к разработке крупных обобщающих тем, посвященных проблемам археологии и древней истории Верхнего Поднепровья и территории Белорусской ССР. Так, в тематическом плане Академии наук БССР на 1933 г. указано, что А. Н. Лявданскому была запланирована тема «Эпоха разложения родового строя в Полесье по данным археологии», а с 1934 г. он стал работать над «Очерками истории докласового общества в Белоруссии». Тема эта была задумана А. Н. Лявданским как его докторская диссертация. Но завершить эту работу А. Н. Лявданскому не удалось. В мае 1937 г. он был репрессирован и в 1942 г. скончался в ссылке. Вместе с ним оказались репрессированными А. Д. Коваленя, С. А. Дубинский и некоторые другие белорусские археологи и краеведы, ставшие жертвами произвола и грубого нарушения революционной законности — жестокого результата культа личности И. В. Сталина.

Без А. Н. Лявданского дело изучения археологических памятников в Белоруссии на ряд лет утратило прежний широкий размах: прекратились систематические археологические обследования, сократился объем раскопок. А обобщающего труда по археологии и истории древнейшего

населения территории Белоруссии, равного тому, над которым ряд лет работал А. Н. Лявданский, нет и до настоящего времени.

В 1958 г. А. Н. Лявданский был реабилитирован и его честь как советского гражданина и ученого была полностью восстановлена. Настало время сказать об этом во весь голос и по возможности использовать на благо советской археологии богатое научное наследие этого замечательного белорусского ученого. Являясь в начале своей археологической деятельности ученым-краеведом широкого диапазона, А. Н. Лявданский интересовался археологическими памятниками всех эпох — от палеолита и до русского средневековья. Вместе с К. М. Поликарповичем он вел раскопки Бердыжской палеолитической стоянки, а еще раньше на Смоленщине раскапывал местонахождение остатков четвертичной фауны у дер. Гамково. Его исследования по неолиту и памятникам эпохи бронзы до сих пор являются важнейшей публикацией на эти темы для территории Смоленщины. Однако в центре внимания А. Н. Лявданского были памятники «железного века» — древности I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. Его интересовал вопрос о появлении славян в Верхнем Поднепровье, памятники древних балтов, вопрос о разложении родового строя и начале феодализма. В этой области он сделал особенно много, и его труды не потеряли своего научного значения вплоть до настоящего времени. Все последующие исследования в Белоруссии и на Смоленщине, касающиеся древностей «железного века», неизменно находили и находят до сих пор в работах А. Н. Лявданского прочную научную основу.

До Великой Октябрьской революции археологические исследования в Верхнем Поднепровье касались почти исключительно средневековых древностей. В ряде областей исследовались курганные могильники XI—XII вв. Археологи интересовались древнерусскими городами, особенно Смоленском. Всеобщее внимание привлекал к себе знаменитый Гнездовский могильник под Смоленском — самое большое курганное кладбище IX—X вв. В начале своей археологической деятельности, в 1922 г., А. Н. Лявданский также принимал участие в раскопках на Гнездовских курганах, проводимых смоленским археологом Е. Н. Клетновой.

Более ранние памятники Верхнего Поднепровья до революции никогда не служили предметом систематических исследований. Они исследовались от случая к случаю, главным образом попутно с раскопками древнерусских курганов. Некоторым исключением являлись, пожалуй, лишь исследования смоленских «длинных» курганов, произведенные В. И. Сизовым на рубеже XIX и XX вв. Было известно также, что по всему Верхнему Поднепровью имеется множество древних городищ. А. А. Спицын относил их к числу дьяковских, считал памятниками культуры и датировал VI—VIII вв. Однако никаких раскопок на древних городищах не производилось, если не считать «археологических опытов» местных помещиков и отдельных зондажей на городищах, предпринятых археологами Е. Н. Клетновой Н. К. Рерихом, И. С. Абрамовым, В. И. Сизовым и др., не оставивших почти никаких следов в науке.

Вот на эти-то древние городища, во множестве рассеянные по берегам Днепра и его притоков, и обратил А. Н. Лявданский свое главное внимание. Он положил начало их систематическому изучению, дал основы территориальной и хронологической классификации, попытался разрешить вопрос об этнической принадлежности и т. д.

Первоначально, изучая городища в окрестностях Смоленска, А. Н. Лявданский следовал в их оценке за А. А. Спицыным. В своих первых работах он разделил городища на две основные группы: 1 — средневековые городища и 2 — городища с лепной керамикой. Вторые он датировал VI—VIII вв. Кроме этого, в его классификации были выделены как особые группы болотные городища и городища без культурного слоя, время которых оставалось невыясненным.

Позднее А. Н. Лявданский значительно уточнил эту классификацию, особенно применительно к городищам с лепной керамикой. После небольших раскопок, произведенных им на Лахтеевском городище в бассейне Сожа, на городище у дер. Лукесы на правобережной Смоленщине и в других пунктах, ученый выяснил, что эти городища относятся не к узкому хронологическому отрезку времени, как предполагал А. А. Спицын, а охватывают целую эпоху от начала I тысячелетия до н. э., «а может быть и более раннего времени», и до начала древней Руси. Позднейшие исследования полностью подтвердили это предположение. Более того, оказалось, что древнейшие городища Верхнего Поднепровья, датируемые бронзовыми кельтами меларского типа, принадлежат к рубежу первой и второй четверти I тысячелетия до н. э.

Наряду с этим А. Н. Лявданским было установлено, что в разных частях Верхнего Поднепровья остатки материальной культуры, происходящие с городищ, носят неодинаковый характер. Оказалось, что в большинстве областей правобережной Белоруссии были распространены городища со штрихованной керамикой, такой же, какая была известна на «пилькальнисах» в восточных частях Литвы и Латвии. На Смоленщине была распространена культура с гладкой неорнаментированной керамикой, а в южных частях белорусского Поднепровья намечался третий тип городищ. Полностью обрисовался он только в наши дни, после многолетних раскопок на Гомельщине, когда южнобелорусские городища середины и второй половины I тысячелетия до н. э. получили наименование милоградских. Многие из них имеют верхний культурный слой с находками зарубинецкого времени и характера.

Наконец, в ходе исследований древних городищ А. Н. Лявданский установил, что они являлись, прежде всего, местами поселения, а не культовыми местами. Последними он справедливо считал лишь болотные городища смоленского типа — миниатюрные круглые или овальные в плане сооружения, обнесенные валами и рвами, расположенные в глухих местностях, по маленьким речкам, среди болот.

Очень интересовал А. Н. Лявданского вопрос о погребальных памятниках, соответствующих городищам. Им был отыскан могильник с трупосожжением у дер. Верхние Немыкари, на правом берегу Днепра, выше Смоленска. Он тщательно собирал сведения о других аналогичных могильниках и был очень обрадован, когда на Припяти около г. Турова в урочище Казаргац его сотрудниками А. З. Ковалевской и С. С. Шутовым было открыто новое «поле погребений». В своих работах А. Н. Лявданский правильно определил время этих могильников (начало нашей эры), но, имея в руках очень мало данных, не сопоставил их с зарубинецкой культурой. Для него не было также ясно, что помимо могильников с трупосожжением, относящихся к началу нашей эры, в Верхнем Поднепровье имеются подобные же по обряду могильники середины и второй половины I тысячелетия н. э., близкие известному Новобыховскому могильнику VI—VIII вв., исследованному Е. Р. Романовым.

Большой заслугой А. Н. Лявданского является изучение длинных, удлинённых и ранних круглых курганов в бассейне Западной Двины — в районе Полоцка и на Витебщине, а также на Смоленщине, где им были продолжены исследования этих памятников, предпринятые некогда В. И. Сизовым. Раскапывая насыпи курганов полностью, А. Н. Лявданский показал, что они содержат в большинстве случаев по несколько сожжений, являясь своего рода семейными усыпальницами. Предметы, найденные при раскопках, позволили уточнить время курганов, охватывающих в основном вторую половину I тысячелетия н. э.

Правда, вопроса о связи длинных и древних круглых курганов с соответствующими поселениями А. Н. Лявданский в своих работах не разрешил. Но этот вопрос оказался очень сложным, он не решен и в настоящее время.

Первым из белорусских археологов А. Н. Лявданский начал систематическое изучение древнерусских городов. Кроме Полоцка, где он вел раскопки в 1928 г., им производились раскопки ряда древнерусских феодальных городищ и окружающих их неукрепленных поселений в Витебске, Орше, Заславле, Борисове и других местах. Одновременно исследовались древнерусские курганные могильники. Из массы захоронений сельского типа А. Н. Лявданский выделял дружинные курганы, например в заславльских курганах, связанных с населением древнего города Изяславля.

Особенно интересными были исследования А. Н. Лявданского и К. М. Поликарповича в области древней технологии железоделательного производства на территории Белорусского Полесья. Археологические и топонимические данные позволили установить местонахождение выходов болотных и дерновых железных руд, раскопки же позволили определить тип домниц и сделать важные наблюдения о сыродутном способе получения железа.

На территории Смоленщины богатый и ценный материал по эпохе раннего феодализма дали раскопки А. Н. Лявданского на Ковшаровском городище — замчище в бассейне р. Сожа.

Список многочисленных печатных работ А. Н. Лявданского раскрывает еще одну сторону его деятельности. Он был не только исследователем, но и неутомимым популяризатором науки. Об этом говорят десятки статей по археологии и истории, опубликованных им в газетах и общедоступных журналах. Сюда же примыкает его преподавательская деятельность и работа в музеях, которой А. Н. Лявданский всегда отдавал много времени и сил. Выходец из народных глубин, ставший благодаря Октябрьской революции большим советским ученым, А. Н. Лявданский был подлинным ученым-общественником, много сделавшим для просвещения широких народных масс.

Список печатных работ А. Н. Лявданского

1. Раскопки і археолёгічныя разведкі ў Барысаўскім павеце. Адбітак з Навуковага Зборніку інстытуту Беларускае культуры. Менск, 1925.
2. Сьляды неолітычнай стаянкі і пазьнейшых культур каля М. Новага — Быхава. Адбітак з Навуковага зборніку інстытуту Беларускае Культуры. Менск, 1926.
3. Беларускія гарадзішчы.— Працы Першага зьезда дасьледчыкаў беларускай археолёгіі і археографіі. Менск, 1926.
4. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. НИСГУ, 1926, III, 3, стр. 175—296.
рец.: Спицин А. «Краеведение», 1926, 3.
рец.: Попов А. «Краеведение», 1926, 4.
5. Археологические памятники Смоленской губернии. Мат. к доистории Центр. Пром. обл., М., 1927.
6. Неолітычныя стаянкі у Смаленская губерні. Тр. Истор. Археол. Ком-та Инбелкульт. Менск, 1927.
7. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи Смоленской губернии. НИСГУ, Смоленск, 1927.
8. Археолёгічныя досьледы ў Смаленская губерні за 1918—1928 гг. ПКА, I, Менск, 1928.
9. Археолёгічныя раскопки ў М. Заслаўі, Менскі акрузе. ПКА, I.
10. Краязнаўчыя арганізацыі і археолёгія. «Наш край», 1928, 12.
11. Городище, курганы и стоянка близ дер. Дербуж Рославльского уезда. ТСА, РАНИОН, IV, М., 1929.
12. Археолёгічныя помнікі Беларусі. «Наш край», 1929, 2.
13. Вывучэнне археолёгічных помнікаў і укладанне археолёгічнай карты раёну (Доклад А. Н. Ляўданскага на II Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі 7—12 студзеня 1929 г.). «Наш край», 1929, 1.
14. Археолёгічныя досьледы 1926—1928 гг. у БССР і Смаленшчыне. Працы БАН, II, Менск, 1930.
15. Археолёгічныя досьледы ў Аршанскай акрузе. Працы, БАН, II.
16. Археолёгічныя досьледы ў Барысаве. Працы БАН, II.
17. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губерні. Працы, БАН, II.

18. Археолёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе. Працы БАН, II.
19. Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе. Працы БАН, II.
20. Да пытання аб палеолітычнай стаянцы каля в. Гамкова, Смаленскай акругі. Працы БАН, II.
21. Курганны магільнік каля в. Чаркасова Аршанскае акругі. Працы БАН, II.
22. Неолітычная стаянка у Гнёздаве пад Смаленскам. Працы БАН, II.
23. Л. Бабровіч, І. Шпілеўскі, М. Грынблат, А. Ляўданскі. Навука на службе нацэмаускай контррэвалюцыі, I, ч. 3. Этнаграфія. Музейная справа. (БАН, ін-т філасофіі). Менск, 1931.
24. Арганізацыя музеяў на фабрычна-завадзкіх прадпрыемствах. Зб. праграм і інструкцый па краязнаўству, I, Менск, 1932.
25. Тэзісы докладаў да I Усесаюзнага сьезду археолёгаў і этнографу у Ленінградзе. Працы, БАН, 3, Менск, 1932.
26. Археолёгічныя досьледы ў Смаленшчыне. Працы БАН, 3.
27. Археолёгічная праца ў БССР за 1930—1931 гг. Працы БАН, 3.
28. Грынблат, А. Ляўданскі. Краязнаўчыя музеі і веснавая пасеўная кампанія. Менск, 1932.
29. Кароткае паведамленьне аб досьледах культур эпохі жалеза ў БССР у 1930—1931 гг. Працы, БАН, 3.
30. Розныя знаходкі. Працы, БАН, 3.
31. Да гісторыі жалезнага промыслу на Палессі, Рудні і месцазнаходжанні руды. БАН ін-т гісторыі, секцыя археалёгіі. Працы Палесскай экспедыцыі, Менск, 1933.
32. А. Н. Ляўданскі, К. М. Палікарповіч. Археолёгічныя досьледы ў БССР, у 1933—1934 гг. Зап. БАН, кн. 5, 1936.
33. А. Н. Ляўданскі і К. М. Палікарповіч. Да гісторыі жалезнай прамысловасьці на Беларусі на даных археалёгіі. Журн. «Савецкая Краіна». Менск, 1932, 5 (19).

ПАМЯТИ ПАВЛА СЕРГЕЕВИЧА РЫКОВА

В 1964 г. исполняется 80 лет со дня рождения выдающегося советского археолога Павла Сергеевича Рыкова. П. С. Рыков родился 7 октября 1884 г. в Москве. После окончания гимназии в 1905 г. он поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, который окончил в 1910 г. В том же году он защитил диссертацию в Московском археологическом институте, получив звание ученого археолога, и был избран в состав действительных членов института. Начальный период археологической деятельности П. С. Рыкова посвящен в основном изучению славянских древностей. С 1910 по 1912 г. он работает в качестве археолога в Курской ученой архивной комиссии, занимаясь исследованием памятников славян-радимичей.

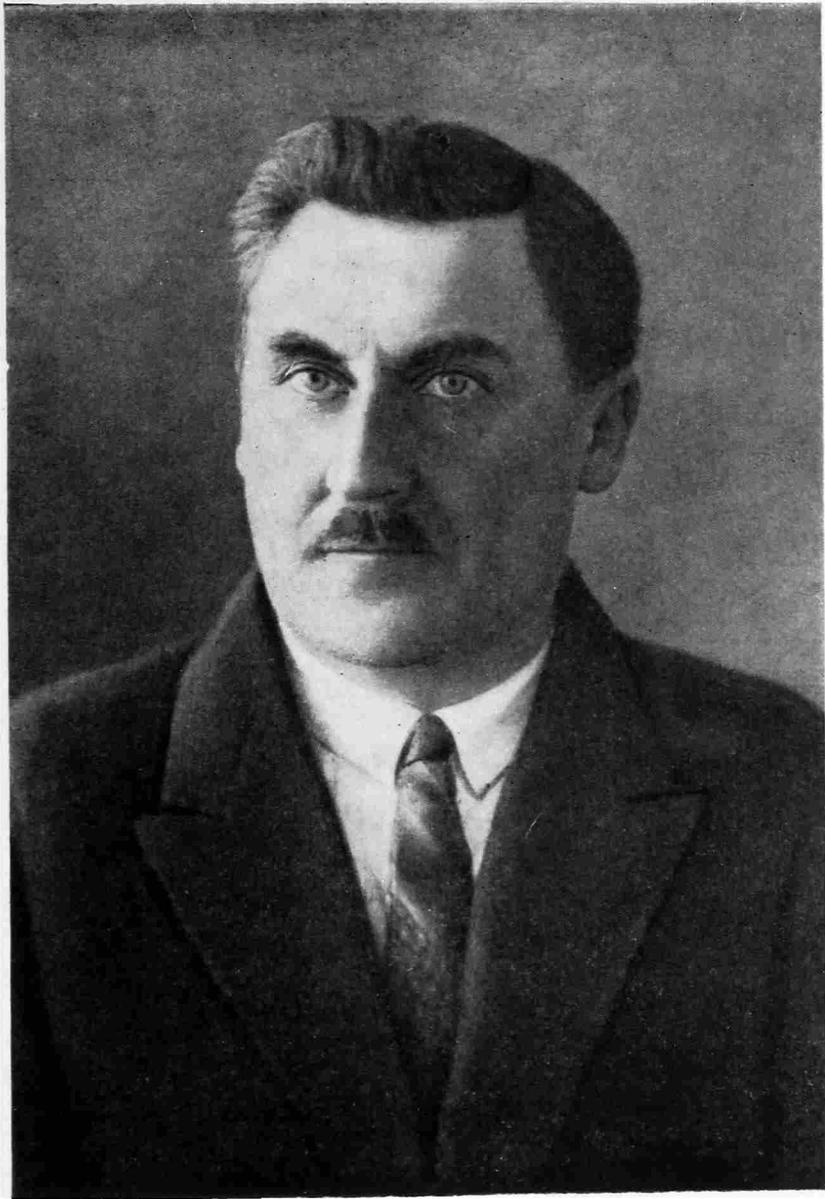
В 1912 г. П. С. Рыков получил должность заведующего Виленским областным музеем. По поручению Предварительного комитета XVII археологического съезда провел обследование Островского уезда б. Псковской губ. С 1914 по 1917 г. вел археологическую работу в б. Режицком уезде Витебской губ. с целью изучения древней истории латышей-латгальцев.

Великая Октябрьская социалистическая революция застаёт П. С. Рыкова в г. Скопине б. Рязанской губ., куда он эвакуировался с Режицкой гимназией. В Скопине он заведует трудовой школой, возглавляет Уездный отдел народного образования, избирается (дважды) членом Уездного Исполкома, а затем зам. председателя Городского совета. Он создает в городе музей Краеведения и продолжает археологические исследования, в частности памятников славян-вятичей по р. Проне. С 1920 г. с переездом в г. Саратов начинается новый период в жизни П. С. Рыкова — период расцвета его научной, организаторской и общественной деятельности.

В 1920 г. П. С. Рыков был избран доцентом-заведующим кафедрой археологии Саратовского университета и после сдачи магистерских испытаний, в 1922 г., получил звание профессора. С 1923 по 1927 г. он являлся деканом педагогического факультета этого университета, а в последующие годы (вплоть до 1932 г.) — заместителем ректора.

В 1922 г. по инициативе П. С. Рыкова при Саратовском университете организуется Научно-исследовательский институт краеведения, в должности директора которого П. С. Рыков работал до 1937 г. После выделения (в 1932 г.) педагогического факультета в самостоятельный педагогический институт П. С. Рыков заведовал в нем кафедрой всеобщей истории. С момента открытия в 1935 г. исторического факультета при Саратовском университете и до 1937 г. П. С. Рыков был его деканом и одновременно заведующим кафедрой древней истории.

Наряду с педагогической П. С. Рыков вел большую научно-организационную работу по линии музейного строительства. В 1922 г. он заведовал небольшим в то время Археологическим музеем, а с 1923 г. был назначен директором Областного музея — крупнейшего провинциально-

го музея Российской Федерации, где работал до 1937 г. Одновременно П. С. Рыков возглавлял Музейный отдел Саратовского Губоно.

Под руководством П. С. Рыкова Саратовский областной музей превратился в образцовый музей, ведущий большую научную, собирательскую и политико-просветительскую работу. Эта работа выдвинула П. С. Рыкова в число крупнейших музейных работников нашей страны.

В 1930 г. П. С. Рыков был принят в члены КПСС. Он принимал самое активное участие в работе различных общественных организаций: неоднократно избирался депутатом Саратовского городского Совета и районного Совета; в течение ряда лет был председателем Саратовского общества краеведения. С 1931 г. П. С. Рыков состоял сверхштатным сотрудником ГАИМК, а с 1932 г. — действительным членом Государственной Академии искусствознания. Он был также членом многих научных обществ и ученых советов всесоюзного значения: Всесоюзной Ассоциации востоковедения, Государственного Ученого Совета при Народном Комиссариате Просвещения, научно-методического Совета Музейного Отдела НКП, Центрального Бюро краеведения.

Как археолог П. С. Рыков посвящает все свои силы и знания исследованию территории Нижнего Поволжья.

До 1917 г. огромные пространства Нижнего Поволжья оставались почти неизученными в археологическом отношении, так как центральные археологические учреждения не интересовались археологией Поволжья, а у б. Саратовской Ученой архивной комиссии не было возможности организовать сколько-нибудь значительные работы. Было распространено, например, мнение Н. И. Веселовского о том, что здесь полностью отсутствуют памятники сарматской культуры.

Коренной перелом в археологическом изучении Нижнего Поволжья наступил только после Великой Октябрьской социалистической революции, и центром археологических исследований стал Саратовский университет и несколько позднее Саратовский областной музей. Обладая кипучей энергией, П. С. Рыков с первых же месяцев работы в Саратовском крае собрал группу энтузиастов — музейных работников и студентов и, несмотря на недостаток средств, начал систематические археологические исследования в Нижнем Поволжье. При этом он руководствовался указаниями своего учителя В. А. Городцова, который придавал большое значение изучению археологии Нижнего Поволжья.

В первые годы (1921—1923) исследования велись лишь в ближайших от Саратова районах — по рекам Латрыку, Медведице, Саратовке. Но в 1924 г. организуется разведка по р. Еруслану, а осенью проводится раскопки большого Сусловского могильника. Этот могильник дал исключительно интересные материалы по сарматской культуре.

С каждым годом районы обследования расширялись, углублялся метод исследования. Большое внимание уделялось предварительным разведкам по основным речным системам, после чего только производились раскопки памятников. Разработка строгого плана обследования края, отказ от погони за эффектными вещами, внимание к рядовым памятникам, выявление бытовых деталей — вот характерная особенность исследовательского метода П. С. Рыкова.

С 1925 г. начинается изучение огромных районов Заволжских степей от Волги до р. Урала. Раскопки на реках Деркуле, Чагане, Урале, Еруслане (Блюменфельд, Фриденберг, Визенмиллер) дали многочисленные и очень ценные исторические материалы по эпохе бронзы, по культуре скифо-сарматов, поздних кочевников. Здесь впервые для Нижнего Поволжья были выявлены наиболее яркие черты раннего этапа савроматской культуры, широко распространенной по всему степному Заволжью. Материалы этих раскопок вместе с данными полевых исследований других районов послужили основой в разработке периодизации сарматской культуры.

В деле изучения древней истории народов Поволжья большое значение имеют археологические работы, проведенные П. С. Рыковым в 1926—1927 гг. по рекам Узе и Суре (теперь Пензенская область). Здесь был открыт и раскопан большой могильник древней мордвы V—VII вв. у с. Армеево. Открытие этого могильника позволило уточнить многие выводы старых исследователей и дать более правильную картину истории древней мордвы.

В 1928 г. П. С. Рыков организует большую экспедицию с целью обследования правобережья р. Ахтубы от Волгограда до Астрахани, где были открыты разнообразные памятники от эпохи бронзы до средневековья.

В 30-х годах проводятся разведки по р. Хопру от Балашова до Сердобска. Раскопки Чардымского городища на Волге дали богатый материал для характеристики быта и истории населения городищ, относящихся к позднему этапу городецкой культуры. Хотя группа городищ была давно известна в северной части Саратовской области, но ни одно из них не подвергалось раскопкам. Представления об их датировке и племенной принадлежности были совершенно неправильны. После раскопок Чардымского городища стало известно, что еще в начале нашей эры в Саратовском Поволжье проживали племена, близкие северным лесным племенам.

В 1931 г. исследуется и частично раскапывается Сарай Бату — столица Золотой Орды, в результате чего получены интересные и ценные материалы.

В 1933 г. по поручению ГАИМК П. С. Рыков руководил Нуринской археологической экспедицией в районе Карагандинского округа Казахстана.

С 1929 г. П. С. Рыков сосредоточивает внимание на южных районах Поволжья, особенно на территории Калмыцких степей.

Первые разведочные работы позволили установить наличие огромного числа памятников различных исторических эпох. Это дало возможность составить план больших и систематических стационарных исследований, которые впоследствии были осуществлены.

Исследования крупных курганных могильников, раскопки больших курганов в урочище «Три брата», исследование мест поселений дали обильный материал для изучения истории заселения этого степного района. Добытые материалы проливают свет на ряд важнейших вопросов социально-экономической и культурной истории древних племен и народов степной полосы Нижнего Поволжья. Большой интерес представляют материалы особого варианта катакомбной культуры эпохи бронзы, материалы по скифо-сарматской культуре и т. п.

Являясь прекрасным организатором полевых исследований, П. С. Рыков никогда не ограничивался только собиранием археологических материалов и узким вещеведением. Историческое освещение добытого материала всегда стояло у него на первом плане. Большая часть материалов, добытых экспедициями П. С. Рыкова, была им опубликована. По имеющимся работам достаточно четко вырисовывается исторический процесс далекого прошлого Нижнего Поволжья. Край, ранее почти неизвестный в археологическом отношении, благодаря энергии и трудолюбию П. С. Рыкова и его учеников стал понятен историкам.

Следует отметить, что археологические экспедиции П. С. Рыкова обогатили музеи Саратова, Уральска, Элисты, Москвы многими тысячами новых ценнейших экспонатов, которые являются прекрасным источником для изучения древней истории юго-востока РСФСР и широко используются в работах советских археологов. Наибольший интерес представляют собрания Саратовского областного музея краеведения как по разнообразию, так и по количеству экспонированных и хранящихся в фондах материалов.

Трудами П. С. Рыкова в Нижнем Поволжье открыты и частично изучены культуры: 1) ямная и срубно-хвалынская, для которых указаны характерные признаки и дана предварительная хронологическая периодизация; 2) катакомбная, для которой отмечено ее своеобразие и отличие от северо-донецкой; 3) скифо-сарматская, в которой выделены отдельные варианты и дана хронология памятников; 4) древнемордовская, на раннем этапе с характерными признаками, которая получила точное хронологическое приурочение; 5) городецкая, на позднем этапе, с обширными данными для социально-экономической характеристики племен; 6) позднекочевническая, характерная для населения Приволжских степей конца I и начала II тысячелетия н. э.

Нельзя не отметить в деятельности П. С. Рыкова как ученого столь важного дела, как подготовка кадров археологов в Саратовском университете. В 20-х и начале 30-х годов XX в. в научную жизнь входят ученики П. С. Рыкова — Н. К. Арзютов, А. Н. Кушева-Грозевская, Т. М. Минаева, П. Д. Рау, И. В. Синицын, П. Д. Степанов. Некоторые из них и в настоящее время продолжают вести археологические работы в Поволжье и других областях Советского Союза.

Плодотворная работа П. С. Рыкова прекратилась в 1937 г. В период культа личности Сталина он был оклеветан и репрессирован. Скончался П. С. Рыков 26 марта 1942 г. Уже посмертно он был полностью реабилитирован.

И. В. Синицын, П. Д. Степанов

Список печатных работ П. С. Рыкова

1. Очерки по истории античной культуры. Вильна, 1913.
2. Раскопки близ им. Маркнетты Виленской губ. Зап. СЗОРГО, 4, Вильна, 1914.
3. Раскопки в Ошмянском уезде Виленской губ. Могильник близ ст. Сморгонь. Зап. СЗОРГО, 4.
4. Кольчуга Виленского музея. «Древности». Тр. ИМАО, XXV, 1918, стр. 110—121.
5. Древности Латгалии. Режица, 1917, I.
6. Юго-восточные границы радимичей (раскопки курганного могильника близ с. Гочева Обоянского уезда Курской губ.). Уч. зап. СГУ, I, 3, 1923, стр. 39.
7. Погибающее городище (Увек). НВ, 1923, 3, стр. 585—590.
8. Археологические исследования в Саратовском крае. НВ, 1923, 3, стр. 584—585.
9. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уезд. Саратовской губ. в 1922 г. Тр. ОИАЭ СГУ, 34, ч. I, Саратов, 1923.
10. Oeffnung eines grabes der römisch-sarmatischen Epoche bei Pokrowsk im sommer 1923. Журн. «Unsere Wirtschaft», 3, Pokrowsk, 1923.
11. По Саратовскому краю. НВ, 1924, 5, стр. 470.
12. Древние культуры Нижнего Поволжья. НПов., 1924, 2, стр. 44.
13. Античный мир и Нижнее Поволжье. НПов., 1924, 5.
14. Археологические работы в Саратовском крае. НПов., 1924, 6, стр. 321.
15. Археологическая экспедиция. НПов., 1924, 3, стр. 83.
16. Археологические раскопки (сентябрь 1924 г.). НПов., 1924, 4—5, стр. 126.
17. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. Уч. зап. СГУ, III, 3, 1925, стр. 35—51.
18. Словеский курганный могильник. Уч. зап. СГУ, IV, 3, 1925, стр. 28—81 (10 табл. рис.).
19. Научная экспедиция в Казахскую Республику. НВ, 10, 1925, стр. 375—376.
20. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. ИКРИИЮВО СГУ, I, 1926, стр. 89—134.
21. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье. ИКРИИЮВО СГУ, II, 1927, стр. 77—100.
22. Музейная работа в Саратовской губ. за 10 лет. НПов., 1927, 1.
23. Финский могильник в Нижнем Поволжье. НВ, 1927, 19, стр. 263—265.
24. Древние финны в Нижнем Поволжье. ХВЗ, 1927, 4, стр. 148—149.
25. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga. ESA, Helsinki, I, 1927, стр. 51—84.
26. Aknasiru Sinowgiewka falu nelletti dombban. AE, Budapest, 1928, XLII, стр. 225—228.
27. Бронзовая эпоха Нижнего Поволжья. «Листовка Саратов. обл. музея», 1928, 12.
28. Археологические и этнографические работы в Нижнем Поволжье в 1927 г. Журн. «Человек», 1928, 24, стр. 278—279.
29. Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю. Саратов, 1928.

30. Первый Армеевский могильник. Тр. СА РАНИОН, IV, 1928, стр. 447—453.
31. Задачи музейного строительства. «Нижне-Волжский Просвещенец». Саратов, 1928, 1—2, стр. 54—57.
32. Позднесарматское погребение в кургане близ с. Зиновьевки Саратовской губ. НВОК. Саратов, 1929.
33. Archäologische Beobachtungen im Tale der Velikaja. ESA, Helsinki, IV, 1929, стр. 284—289.
34. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926—1927 гг. Москва — Саратов, 1929.
35. Археологические раскопки и разведки в Нижне-Волжском крае в 1928 г. ИНВИК, III, Саратов, 1929.
36. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930.
37. Памяти профессора Б. М. Соколова. «Литературные Беседы», 2, 1930, стр. 5—7.
38. Работа над экспозицией Нижне-Волжского краевого музея. СМ, 1931, 1, стр. 107—109.
39. К Поволжской музейной конференции. СМ, 1931, 2, стр. 109—110.
40. Калмыцкий национальный музей. СМ, 1931, 4.
41. Первый музей в Калмыцкой степи. СМ, 1931, 5.
42. Археологическая экспедиция по Хопру. СГАИМК, 1931, 8, стр. 30—35.
43. Изучение скифо-сарматской культуры в СССР. ИНВИК, 1931, IV, стр. 39—47.
44. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. ИНВИК, 1931, IV.
45. Памяти ученого-общественника Б. М. Соколова. Сб. НВКМ. Саратов, 1932.
46. Музейный материал по изучению феодального города (Сарай Бату). СМ, 1932, 4.
47. Опытно-показательный музей для небольших районных музеев. СМ, 1932, 4.
48. Письмо в редакцию «Советский музей» (по поводу статьи Н. М. Чернышевской в журн. «Советский музей», 1, 1932, об экспозиции в доме-музее Чернышевского). СМ, 1932, 5.
49. Археологические работы в Среднем и Нижнем Поволжье за 1917—1932 гг. ИНВИК, V, Саратов, 1932.
50. По музеям Германии. ИНВИК, V, Саратов, 1932.
51. Музеи Нижнего Поволжья. СМ, 1932, 6.
52. Погребения в шалашах. ИГАИМК, 100, М.—Л., 1933, стр. 203—209.
53. По музеям Харькова и Ленинграда. СМ, 1933, 3.
54. Очерки по истории мордвы по археологическим материалам. М., 1933.
55. Чардымское городище. ИНВИК, VI, Саратов, 1933, стр. 51—88.
56. Нурина экспедиция (1933 г.). ПИМК, 1933, 9—10, стр. 57—58.
57. О краеведческой работе в Саратовском крае. СК, 5, 1934.
58. Работы в совхозе «Гигант». ИГАИМК, 110, 1935.
59. Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты в 1931—1932 гг. ИНВИК, VII, Саратов, 1936.
60. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933—1934 гг. СА, 1, 1936, стр. 115—158.
61. Краткие сведения о раскопках в Калмыкии летом в 1935 г. ИНВИК, VII, Саратов, 1936.
62. Изучение истории доклассового общества в истории края. СМ, 5, 1936.
63. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936.
64. Modèle de Chariot en Argile du kourgane N 9 de la localité dite «Les Trois Frères» en pays Kalmuk. Litterarum Societas Estonica Liber Saecularis, Tartu, 1938, стр. 596—602.

Публикации

Т. Г. МОВША

НОВОЕ ПОЗДНЕТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЦВИКЛОВЦЫ В СРЕДНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ

Проблема позднего триполья все еще остается одной из наиболее сложных и актуальных в изучении истории древнеземледельческих племен трипольской культуры.

За последние годы интерес к позднетрипольским памятникам значительно возрос. Проводились исследования в Среднем Поднепровье, на Волыни, в Южном Побужье, в Верхнем Поднестровье, в Молдавии. Накоплен большой материал, позволивший выяснить территорию распространения памятников этого времени, их топографию, характер поселений и жилищ, хозяйственно-бытовой инвентарь, частично погребальный обряд. Прослежены локальные племенные различия, давшие возможность выделить несколько локальных племенных групп. Однако некоторые районы, заселенные позднетрипольскими племенами, остались почти вне поля зрения археологов, одним из них является Западная Подолия.

В связи с тем, что судьба трипольских племен не была одинаковой на всей территории их распространения, культурно-исторические взаимоотношения с соседними племенами были различны, изучение памятников позднего Триполья в Западной Подолии представляет большой научный интерес. Исходя из этого, летом 1960 г. Киевский исторический музей начал археологические разведки и раскопки трипольских поселений на левом берегу Среднего Днестра.

Обследован ряд памятников различных эпох. Раскопки производились на новом позднетрипольском поселении в урочище Гряда у с. Цвикловцы¹ Каменец-Подольского района Хмельницкой области, открытом местными краеведами Б. М. Кушниром и И. М. Фишелевым.

Гряда представляет собой малодоступный останец правого берега Смотрича, возвышающийся над рекой более чем на 25 м. Смотрич в этом месте делает крутую петлю, омывая Гряду с трех сторон. Площадь останца большая, выступающая узким клином, плавно понижающимся с юго-запада на северо-восток к крутому колену реки. Северо-западный склон Гряды вертикальный, недоступный скалистый обрыв с обнажениями напластований сланца. Северо-восточный, полого опускаясь, переходит в надпойменную террасу, занятую, как и склон, окраиной с. Цвикловцы. Южный край высокий, отвесный, у подножья его распо-

¹ Раскопки проводились автором при участии Т. Ф. Залесской.

ложены усадьбы колхозников. Юго-западная очень узкая сторона Гряды соединяется с плато правого берега Смотрича. Противоположный берег реки высокий, скалистый.

С 1928 г. на Гряде ведется добыча сланца карьерами. Большой карьер, добыча камня в котором производится сейчас, занимает центральную часть Гряды и ее северный склон.

Местность привлекла наше внимание после случайно обнаруженного здесь весной 1959 г. уникального клада поздне трипольских украшений, вычерпнутых отвалом бульдозера вместе с обломками глиняного сосуда, в котором они хранились. Этот сосуд шаровидной формы изготовлен из глиняного теста, характерного для расписной керамики; он близок сосудам из Городска, Печоры и других поздне трипольских памятников.

В составе клада много изделий из меди: два широких браслета из тонкой пластинки, 31 цилиндрическая пронизь, 35 коротких цилиндрических бусин; 122 украшения из зубов благородного оленя с просверленными отверстиями, 275 пронизей из раковин моллюсков *Dentalium*, 357 маленьких известняковых бусин-колечек с просверленными отверстиями. Всего собрано 822 изделия², составляющих наборы ожерелий и подвесок³.

При предварительном обследовании Гряды, а позднее и при раскопках, нами установлено, что этот клад был найден на поселении позднего этапа трипольской культуры (С — II по периодизации Т. С. Пассек) и датируется тем же временем.

Поселение занимало наиболее высокую часть останца, почти вся площадь которого в настоящее время уничтожена каменоломней, грунтовой дорогой из Цвикловец на Каменец-Подольский, ямами от столбов электромагистралей. Восточный распаханый склон, застроенный теперь усадьбами колхозников, как и западный, задернованный, не был заселен трипольцами.

На центральной части останца, наиболее разрушенной каменоломней, в отвалах чернозема нами была собрана кухонная и расписная керамика поздне трипольского времени.

В обресе небольшого котлована (где местные жители берут глину) на глубину 0,2 м от современной поверхности нами была замечена обмазка пола площадки. Зачистка среза и небольшой раскоп (12 м²), включавший почти всю сохранившуюся часть площадки, показали, что площадка состояла из одного слоя глиняных вальков красноватого цвета. При ее разборке найдено несколько сильно окатанных обломков сосудов, сосуд с высокой конической шейкой, украшенный черной росписью из нешироких лент и зубчиков, половинка обугленного желудка. На срезе небольшого заброшенного карьера на юго-восточном склоне Гряды прослежены выходы подзолистого культурного слоя — следы полуземлянки. Почти нетронутая разрушением часть поселения сохранилась только на узкой полосе вдоль юго-восточного края Гряды, справа от грунтовой дороги из Цвикловец в Каменец-Подольский. Здесь нами было заложено два небольших раскопа (площадью свыше 90 м²), позднее сомкнувшихся (рис. 1).

Геологический разрез на участках раскопов следующий:

I слой — дерновый, мощностью до 10 см.

II слой — серо-желтый темный пахотный суглинок с вкраплениями щебенки — 15—25 см.

III слой — желтый плотный суглинок — 40—60 см.

IV слой — сланец, из напластований которого состоит скала Гряды.

² Часть украшений в момент находки была разбросана местными жителями и утеряна.

³ Статья о кладе подготовлена к печати.

Только в юго-западной части раскопа I, непосредственно под дерновым покровом, обнаружена мелкая, слежавшаяся щебенка, по-видимому, смытая с грунтовой дороги, проходящей выше раскопов. Склон Гряды на участке раскопов понижается на 1,15 м с юго-запада на северо-восток.

При раскопках вскрыто восемь ям различного назначения и полуземлянка (рис. 1). Контуры ям и полуземлянки четко вырисовывались темными пятнами на фоне желтых плотных суглинков. Некоторые ямы и полуземлянка были прослежены довольно высоко в серо-желтых суглинках. В одних ямах находились остатки разрушенных печей или очагов, в других — сосуды и различные предметы. Некоторые ямы, возможно, были заброшены еще в древности.

Яма № 1 овальная в плане, диаметром 1,6×1,4 м, глубиной 0,55—0,85 м, обнаружилась почти под дерновым покровом. Стенки ямы и, видимо, дно были обмазаны глиной, замешанной на рубленой соломе и толове, а иногда с вкраплениями мелкого гравия. В ненарушенном положении сохранилась только нижняя часть стенок на глубину 0,3 м от дна. Почти на дне в горизонтальном или слегка наклонном положении лежали крупные вальки с отпечатками широких колотых бревен. Вдоль северо-восточной части дна ямы обнаружены обожженные камни и среди них две небольшие зернотерки.

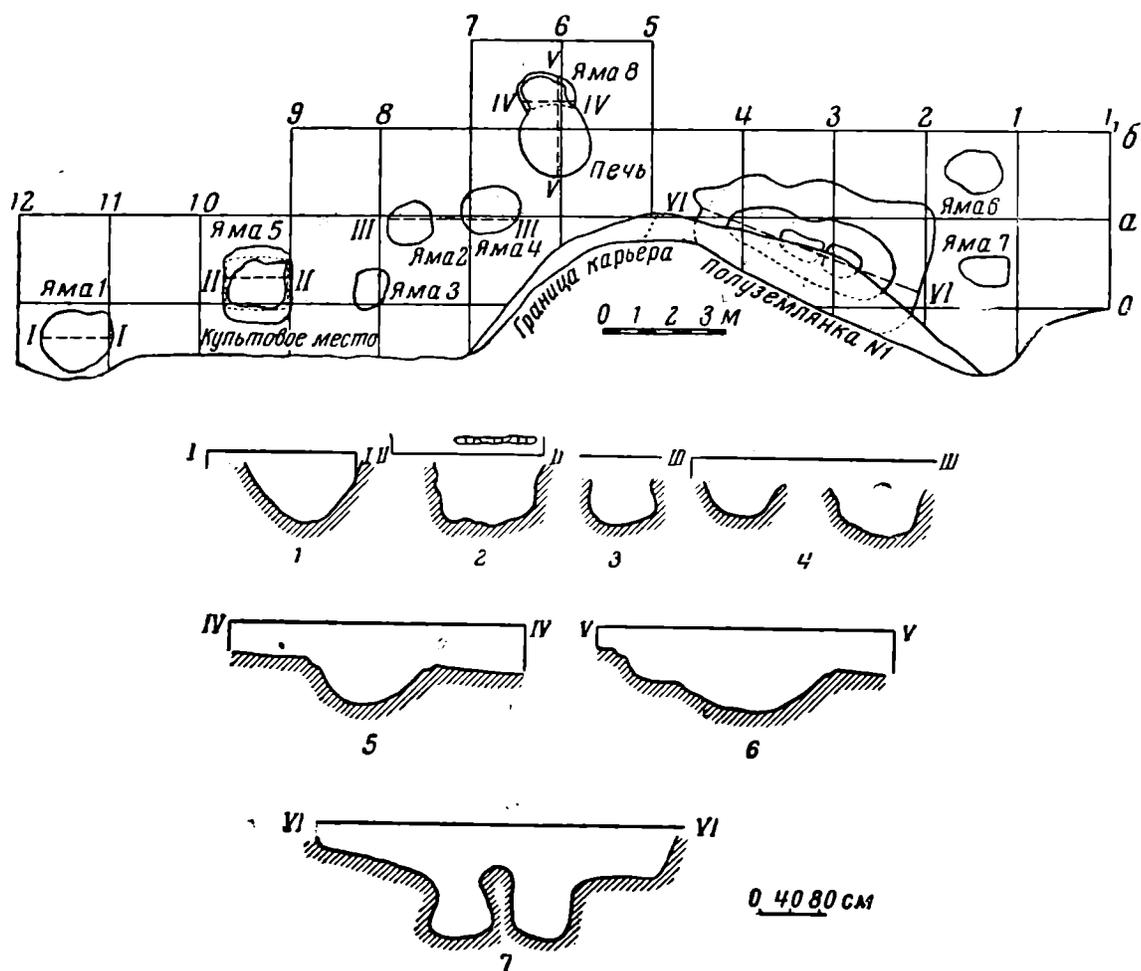

Рис 1. Поселение Цвикловцы «Гряда» (план и разрез).

Культурный слой серовато-пепелистого цвета, включавший мелкий уголь, был заполнен раздавленными сосудами, изделиями из кости, большим количеством мелкой плитчатой обмазки без растительных примесей. В верхнем горизонте заполнения ямы лежала крупная плоская известняковая плита (50 × 31 × 10 см), частично перекрывавшая верх-

ную часть большого горшка, изготовленного из глины с примесью измельченных раковин и украшенного на плечиках веревочным орнаментом. Развал его черепков заполнял почти половину ямы (рис. 2, 5).

Второй исключительно интересной уникальной находкой в восточной части ямы является сосуд шаровидной формы с двумя плоскими антропоморфными головками, вылепленными на плечиках (рис. 3). Особое оформление этого сосуда антропоморфными изображениями позволяет предполагать его культовое назначение.

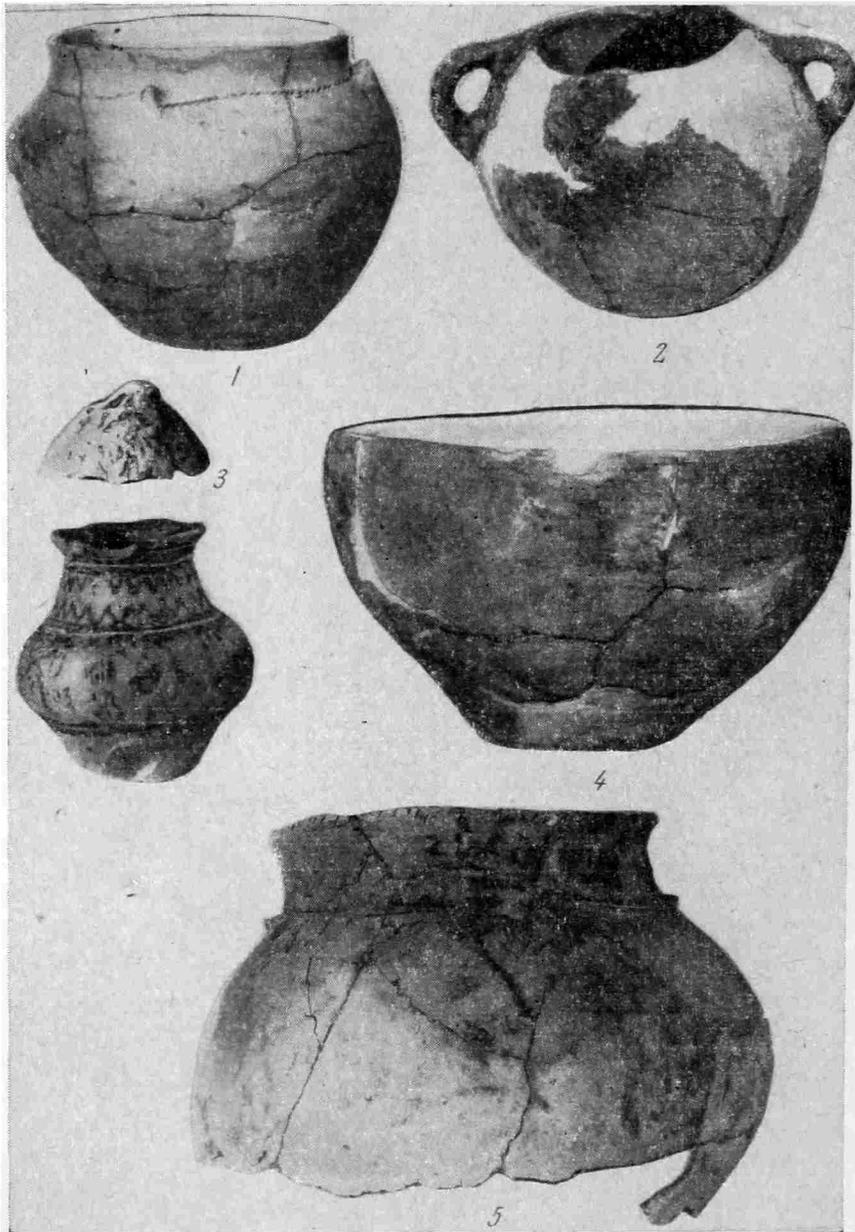

Рис. 2. Керамика из поселения в с. Цвикловцы

Кроме описанных сосудов, при разборке ямы № 1 обнаружены фрагменты сосудов и других форм. Среди них венчик глубокой чаши с веревочным орнаментом, венчик миски с отогнутым наружу краем, внутри эта миска расписана черной и красной красками. Найдены глиняное грузило конической формы, украшенное псевдоканнелюрами, расположенными наискось, коническое пряслице с мелкими углублениями, расходящимися от центра в виде четырех лучей. Обнаружено несколько изделий из кости: три небольшие проколки, лоцило (рис. 4, 2), служившее для обработки поверхности сосудов; крупное шило, так же, как и лоцило, сделанное из расколотого ребра животного (рис. 4, 1).

В 2 м на северо-восток от ямы № 1 открыта еще одна яма — № 5 (рис. 1). Она почти полностью была перекрыта плитчатой вымосткой неправильной прямоугольной формы, размером 1,2 × 1,05 м (рис. 5). Края ее, особенно юго-восточный, значительно разрушены из-за близости к современной поверхности почвы 0,15—0,2 м. Вымостка состояла из двух слоев хорошо обожженной плитчатой обмазки розоватого цвета, растрескавшейся позднее на бесформенные тонкие плитки. Аналогичные плитчатые возвышения — особые культовые места в доме — известны по раскопкам некоторых трипольских поселений. Наиболее близким к нашему является культовое место в жилище № 14 на поселении Владимировка⁴. Возможно, что вымостка в яме № 5 является культовым местом.

Яма № 5, находившаяся на 0,2 м ниже вымостки, была прямоугольной формы (1,7 × 1,45 м) со слегка закругленными углами; длинной осью она была ориентирована с северо-запада на юго-восток. Северо-восточный и юго-западный края ямы совпадали с краями возвышения, северо-западный выходил за его пределы. Дно и края ямы неровные; юго-восточная часть более глубокая (1,02 м), чем северо-западная (0,85 м). Около южного края ямы в верхнем слое лежала каменная плоская плита размером 0,4 × 0,19 м. Почти на дне ямы, на тонком слое белого пережженного известняка залегала прослойка пепла, насыщенная мелкими угольками. Ниже, в центре, оказалось зольное пятно размером 0,6 × 0,4 м и небольшой обломок обугленной плахи (4 × 2,5 см). По-видимому, и в этой яме находился очаг. При разборке ямы обнаружено всего лишь девять небольших фрагментов глиняной обмазки, два обломка кухонной керамики (на дне одного из них имеется отпечаток плетенки, рис. 6, 2) и пять створок раковин.

Восточней ямы № 5 исследованы еще три небольшие ямы.

Яма № 2 неправильно округлой формы, диаметром около 1 × 1 м, глубиной до 0,45 м, была заполнена сильно золистым слоем. В западной части ямы лежала большая каменная плита, частично перекрытая обломком нижнего камня зернотерки, обращенной рабочей стороной кверху. В заполнении ямы обнаружены фрагменты кухонных, в основном крупных, сосудов. Среди них верхняя часть «амфоры» с высокой шейкой, украшенная ногтевым орнаментом, венчик глубокой чаши, горшок с нарезным зубчатым орнаментом на плечиках. От расписных сосудов сохранились обломки чаши и нижняя часть стенки большого сосуда, покрытого узорами черного и красного цвета. Кроме посуды, в яме найдено два биконических пряслица и три грузила цилиндрической формы со следами трения шнура. Одно из них орнаментировано луновидным штампом. На дне ямы залегало скопление вальковой обмазки с отпечатками прутьев лозы и колотых бревен. Яма, вероятно, служила хранилищем.

Яма № 3, расположенная к югу от ямы № 2, в плане имела форму неправильного овала (длина 0,95, ширина 0,84, глубина от древней по-

Рис. 3. Сосуд с антропоморфными головками

⁴ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, 10, 1949, рис. 43, 1.

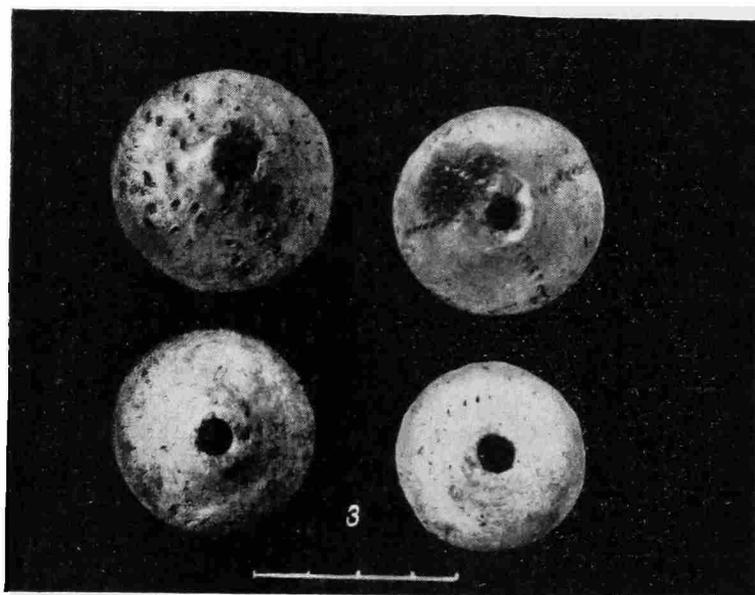
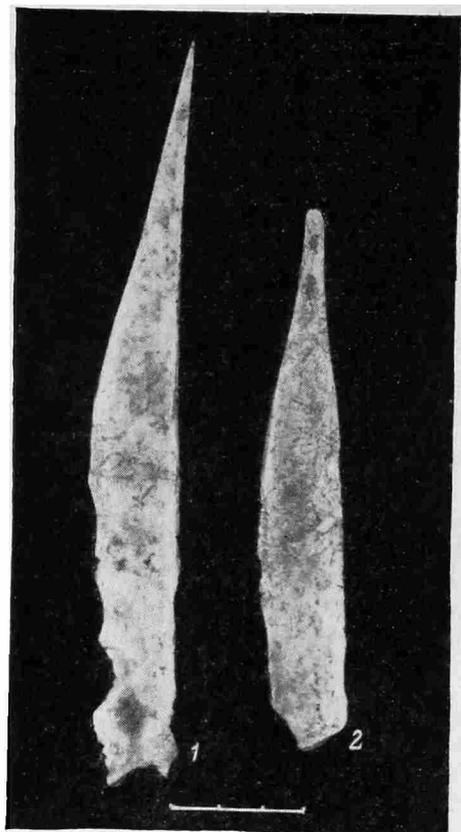

Рис. 4. Костяные изделия и глиняные пряслица
1 — шило; 2 — лощило; 3 — пряслица

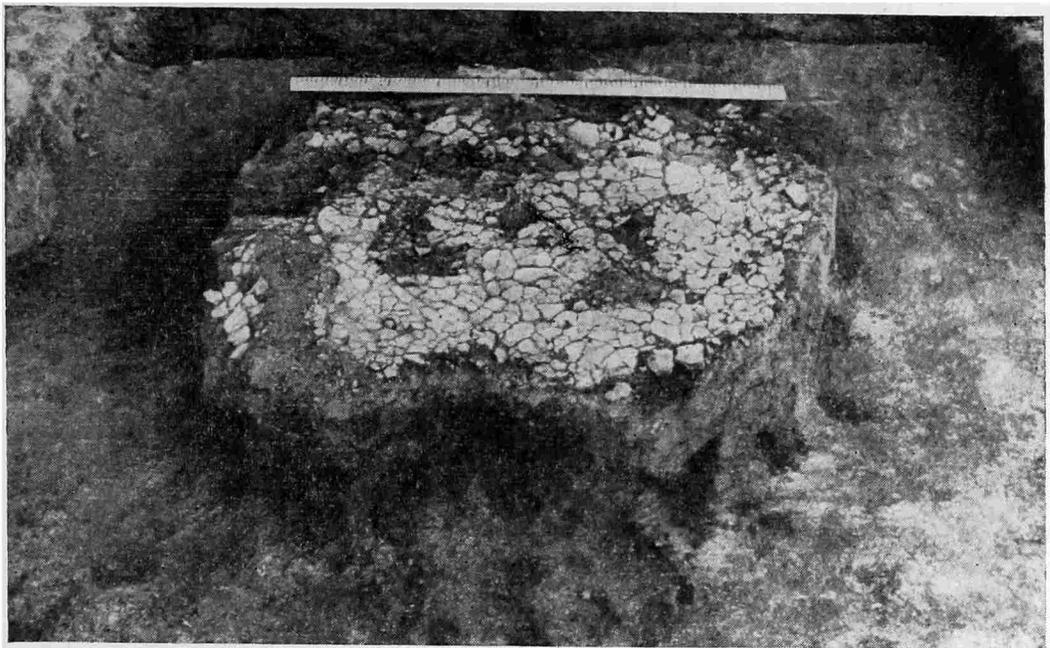

Рис. 5. Глиняная плитчатая вымостка

верхности 0,65 м). Стенки ее несколько расширяются к ровному дну. В восточной половине ее находилась большая разбитая миска (рис. 2, 4) с полусферическими стенками, в северной лежал раздавленный тонкостенный горшок с широким горлом, внутри него находилась роговая мотыга с просверленным отверстием. Плечики сосуда украшены рядом оттисков веревочки и коническими налепами (рис. 2, 1). Еще были найдены обломки миски с ушками под венчиком, части горшка с коническими налепами и штамповым орнаментом на плечиках, край чаши с утолщенным венчиком и веревочной орнаментацией, а также створки раковин *Urio*. Вся посуда кухонная, изготовлена из глины с примесью измельченных раковин. Яма, видимо, имела хозяйственное назначение — служила для хранения продуктов.

Остальные ямы (№ 4, 6, 7) использовались для хранения запасов или как мусорные. Например, яма № 4 содержала мелкие обломки пережженной обмазки, створки раковин моллюсков *Urio*, кости животных, обломки кухонной и расписной керамики. Среди последней имеется обломок чаши с утолщенным венчиком, украшенный оттисками веревочки, коническое пряслице с вмятиной у основания и нарезным орнаментом в виде четырех лучей.

На поселении исследована также полуземлянка № 1, вытянутая с юго-востока на северо-запад (рис. 1). Небольшой карьер уничтожил ее почти наполовину по длинной оси. На срезе его обнажения четко прослеживалось два сильно золистых корытообразных углубления, которые, как выяснилось при раскопках, соответствовали двум очагам. Полуземлянка выявлена на глубине 0,25 м от современной поверхности. Длина ее 5,4 м, ширина сохранившейся части около 2 м. Дно неровное, северо-восточная половина жилища более глубокая, чем юго-западная.

Очаги выкопаны в плотном желтом суглинке с включениями разложившегося камня. Глубина очагов 0,7—0,8 м от краев полуземлянки. Максимальная глубина пола вне очагов 0,65 м. Очаги большие, удлиненно-овальной формы, разделены между собой высокой перемычкой шириной около 0,2 м.

В очаге № 1 камни лежали вдоль восточного и западного края. Около последнего расчищена вальковая обмазка кирпичного цвета, которой в древности, возможно, был обмазан весь очаг. Вблизи обмаз-

ки найдено скопление рыбьей чешуи и костей вырезуба. В заполнении очага обнаружены створки раковин *Unio*, обломки посуды.

Очаг № 2 помещался в юго-восточной половине землянки. Верхняя часть его разрушена, сохранившаяся часть была размером $0,95 \times 0,25$ м. На дне очажного углубления лежали крупные, сильно пережженные камни, возле них обнаружен нижний камень зернотерочной плиты. Культурный слой, заполнявший углубление, насыщен золой с угольками.

В полуземлянке найдены орудия из кремня, обломки ножевидной пластины, серп на изогнутой пластине с двусторонней заполировкой вдоль левой грани со стороны спинки, заготовка для топора и шлифованный топор. Из костяных изделий обнаружены проколки, шило и два долота с кососрезанным с обеих сторон хорошо отшлифованным краем.

Посуда кухонная и расписная. Кухонная изготовлена из глиняного теста с примесью измельченных раковин. Найдены обломки чаш с утолщенными венчиками и веревочным орнаментом, чаш с изгибом у края и уступом при переходе к плечу и горшков. Имеются фрагменты с серповидным орнаментом. Серповидный отпечаток изогнут менее, чем на посуде из Усатово, и более близок к замкнутой петле (несколько напоминает орнамент на посуде с поселения Барсуки⁵ в Молдавии). В этой полуземлянке найдена также целая миниатюрная крышечка полусферической формы с горизонтальным отверстием в верхней части.

Орнамент на расписной посуде нанесен или только черной или черной и красной красками. Найденные нами ее обломки принадлежат глубокой чаше с округлым, слегка загибающимся краем, расписанной внутри и снаружи полуovalами; сосуду с шаровидным туловом и наклепными прямоугольными ушками-ручками; крупному сосуду, украшенному полуovalными лентами, нанесенными черной краской. Имеется обломок дна с отпечатками ткани (рис. 6, 1). Обнаружено четыре биконических пряслица (два с накольчатым орнаментом с расходящимися от центра лучами, аналогичные городским и райковецким), заготовка для пряслица из стенки кухонного сосуда, обломки грузил. Одно из них кубической формы, поверхность его сплошь покрыта рядами отпечатков перевитой веревочки. Найдена створка раковины *Unio* с просверленным отверстием.

Особенно интересна яма № 8, обнаруженная в раскопе II между хозяйственными ямами и полуземлянкой № 1, несколько на северо-запад от них (рис. 1), на глубине 0,7 м от современной поверхности. Форма ямы овальная с перехватом, разделяющим ее на две неровные части: северо-западную подковообразную, меньшую, диаметром $0,9 \times 1,2$ м, и юго-восточную, овальной формы, большую, диаметром $2 \times 1,65$ м. По длинной оси яма ориентирована с небольшими отклонениями с юго-востока на северо-запад.

Юго-восточная часть ямы почти полностью была занята развалом глинобитной печи, верхний слой обмазки ее свода возвышался над дном ямы на 0,5—0,55 м (рис. 7, 1). Печь овальной формы ($1,65 \times 1$ м), хорошей сохранности, сложена из глыб вальковой обмазки желтовато-розового цвета: дуговидно изогнутых от свода и крупных с отпечатками широких плах от нижней части стен. Обмазка между собой спеклась от действия высокой температуры. Под сохранился на небольшом участке в юго-западной части ямы и состоял из нескольких плоских тонких плиток, изготовленных из глины с растительными примесями. На своде печной обмазки лежали разбросанные обломки толстостенного сосуда розовато-палевого цвета, близкого по форме к корчаге, сделанного из глины с примесью измельченных раковин.

⁵ Т. С. Пассек. Новые данные о поздне трипольских поселениях на Днестре. Изв. Молд. ФАН СССР, 5/25, Кишинев, 1955, стр. 22—24.

Под сводом печи (и только частично за ее юго-восточным краем) нами было открыто захоронение с трупосожжением. Кучки жженных костей находились в пяти местах в юго-восточной части ямы на глубине 1—1,05 м от современной поверхности (рис. 7, 2). Они залегали в интенсивно-золистом слое, насыщенном мелкими угольками. В скоплениях находились части крупных трубчатых костей человека, фаланги, кости

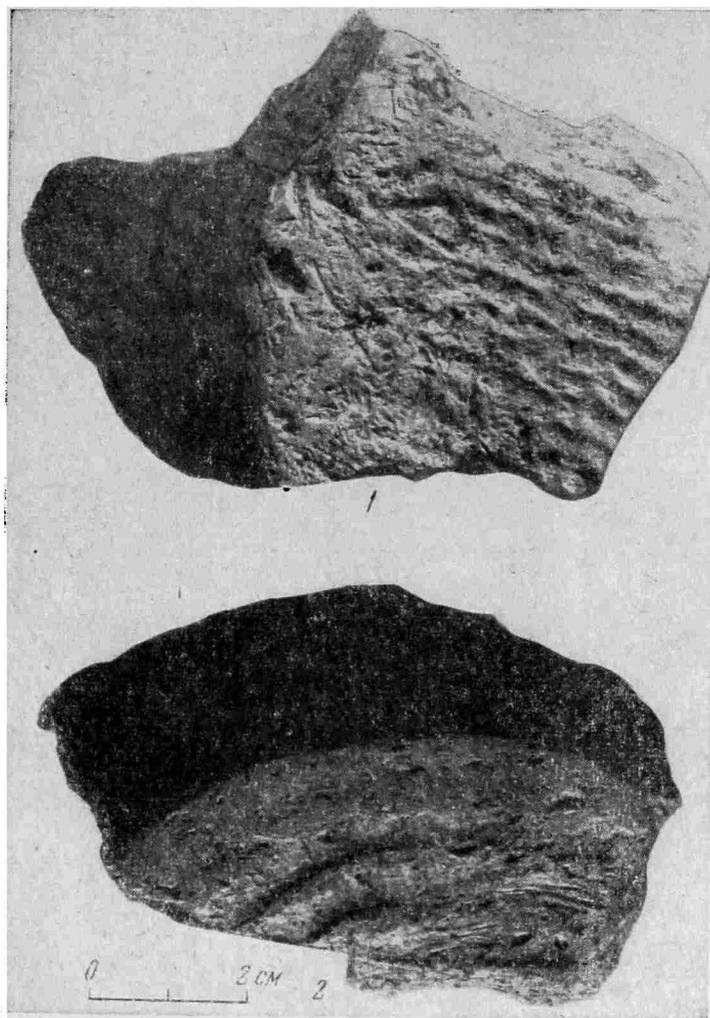

Рис. 6. Обломки днищ сосудов с отпечатками ткани (1) и циновки (2)

черепа. Несмотря на некоторую деформацию обломков, удалось реставрировать затылочную часть черепа. По предварительному заключению М. М. Герасимова, он принадлежал молодому мужчине в возрасте 18—20 лет.

Кроме сожженных человеческих костей, в яме находились кости животных, определенные В. И. Бибиковой. Среди них — кости быка, косули, овцы (?), мелкого копытного (найлены также необожженные кости этого животного), а также обожженные створки раковин моллюсков *Unio*. На северо-запад от захоронения на дне ямы лежали крупные раздавленные сосуды (рис. 7, 2). Обломки сосудов залегали в следующем порядке: рядом с обломками черепа (на северо-запад от него) находились фрагменты толстостенного горшка (диаметр горла 17 см) с небрежно заглаженной наружной поверхностью и следами нагара на внутренних стенках. Под ним оказались части сосуда, близкого по форме к корчаге. Середину ямы и ее юго-западную часть заполняли крупные раздавленные сосуды, изготовленные из глины с примесью измельчен-

Рис. 7

1 — остатки обмазки от свода глинобитной печи; 2 — остатки погребения с сожжением

ных раковин. Три из них, близких по форме орнамента и обработке поверхности, удалось реставрировать. Это сосуды большого размера, близкие к корчагам, с широким горлом, украшенные на плечиках одним рядом ногтевого орнамента. Обжиг неровный. Цвет их колеблется от светло-желтого и серовато-коричневого до почти черного. Наиболее крупный из них, высотой 44 см (диаметр горла 26 см), лежал в юго-западной части ямы. Здесь же, почти рядом, найдены два нижних камня зернотерок (одна из них перекрывала скопление пережженных человеческих костей), глиняные грузила цилиндрической формы и биконическое пряслице. Посредине развала посуды расчищен меньший из этих трех сосудов. Возле северного края ямы обнаружена верхняя часть шаровидной расписной «амфоры» с высокой шейкой и ручкой на плечике (рис. 8, 1). В северо-восточной стороне лежал раздавленный тонкостенный горшок из глины с примесью измельченных раковин серовато-ко-

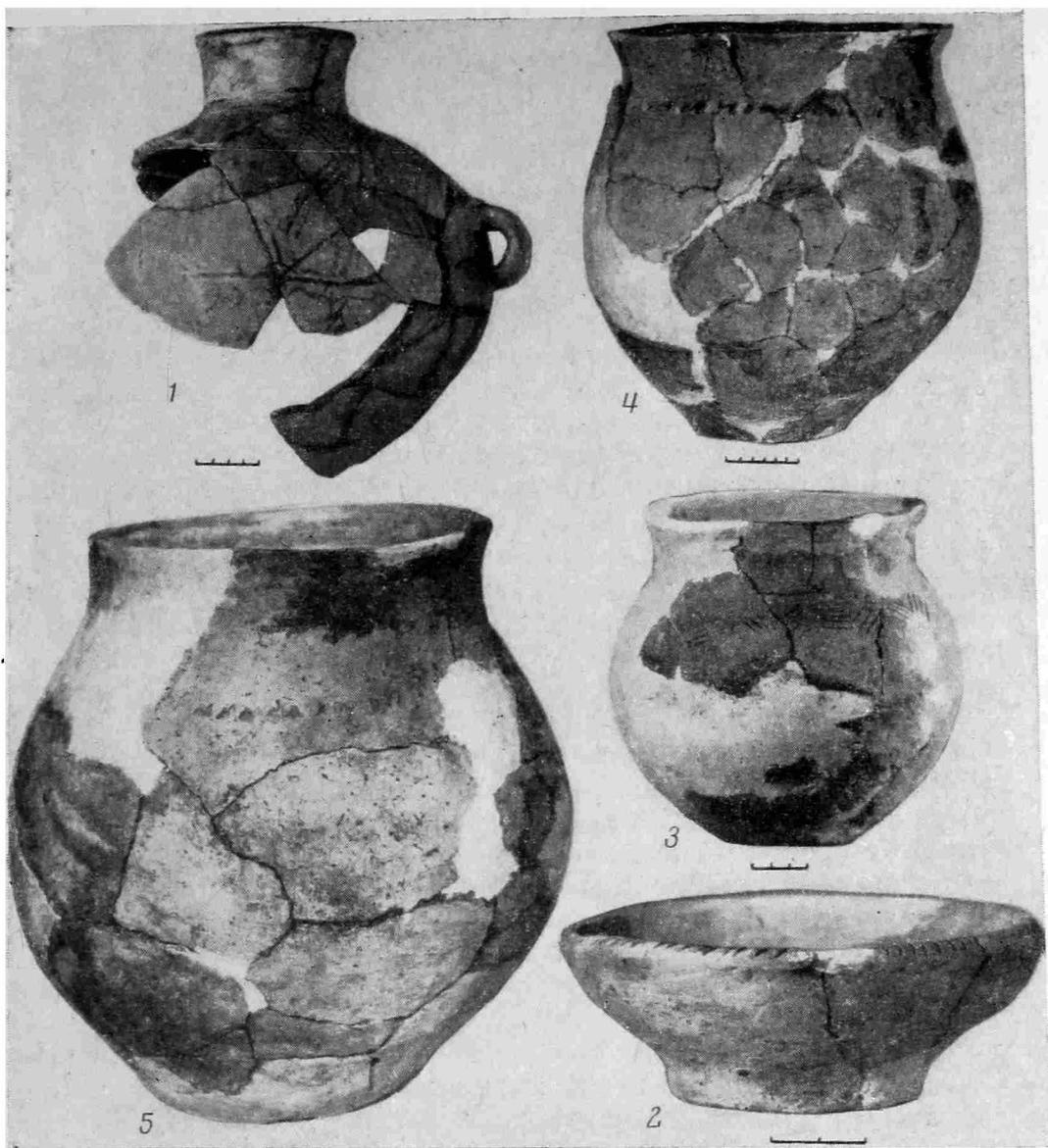

Рис. 8. Сосуды из погребения с сожжением

ричного цвета, с углубленным орнаментом на плечиках (рис. 8, 3). Рядом с ним найдены обломки расписного сосуда шаровидной формы, обломок глиняного грузила и два биконических пряслица. Вблизи лежали части корчаги с небрежно заглаженной наружной поверхностью и оттисками шнура на плечиках.

Под посудой, на дне ямы, оказался слой золы и пепла, толщина которого в центре достигала 10 см, постепенно уменьшаясь до 2—5 см к краям. Только в северо-западной части ямы слой золы и пепла отсутствовал. На дне ямы, в золе, обнаружены фрагменты обожженных камней, венчики и стенки кухонных сосудов — обломки пяти чаш городского типа с утолщенными венчиками (два из них орнаментированы оттисками шнура) и верхние части двух тонкостенных горшков. Видимо, эти сосуды были брошены в яму в обломках.

Дно ямы не совсем ровное, постепенно повышается к краям, особенно к северо-западному, который переходил во вторую, меньшую северо-западную часть ямы. Она оказалась менее глубокой, на 15—20 см мельче, чем основная, содержащая захоронение. В ней, за исключением небольшой чаши с наклоненным внутрь венчиком (рис. 8, 2), находок не было. Чаша обнаружена на том же уровне, что и сосуд, лежавший на своде печи. В этой части ямы отсутствовал золистый слой. Дно ямы, вырытой в желтоватом плотном суглинке, сильно утрамбовано; видимо,

оно служило входом в основную юго-восточную часть, в которой было совершено захоронение.

Можно определить, что обломки, найденные при погребении, принадлежат 18 сосудам позднего этапа Триполья (С — II по периодизации Т. С. Пассек). Большинство сосудов относится к группе кухонных, они вылеплены из глины с примесью измельченных раковин, неравномерно обожжены, бедно орнаментированы защипами пальцев, мелким нарезным орнаментом, веревочкой или совсем не украшены, асимметричны, вылеплены небрежно, поспешно, возможно специально для захоронения.

К расписной керамике относятся лишь два сосуда. Обломки одного принадлежат округлой «аморфе» с высокой шейкой и петельчатыми ручками на плечиках. Орнамент, нанесенный черной краской, состоит из отрезков лент, сходящихся под углом (рис. 8, 1).

Кроме сосудов, при погребении обнаружены две нижние зернотерочные плиты, фрагмент рогового обожженного клева, орнаментированного елочкой, три глиняных биконических пряслица (основание одного из них украшено короткими насечками) и два грузила.

Посуда из ямы № 8 имеет близкие аналогии в ряде памятников позднего Триполья — Городске, Печорах, Выхватницах и др. Чаши с утолщенными венчиками, украшенные оттисками веревочки, типичны для Городска.

Данные, которыми мы располагаем, к сожалению, не могут дать ответ на вопрос, где производилась кремация: на месте совершенного погребения или на стороне? Наличие слоя пепла, мелких угольков, сильная закопченность сосудов указывает на возможность сожжения на месте захоронения в специально сложенной для этого или уже ранее существовавшей печи. Расположение сожженных костей отдельными скоплениями может говорить о том, что сожжение умершего могло происходить по частям. Однако приведенные данные не исключают возможности трупосожжения на стороне с последующим захоронением под сводом печи.

Небольшая чашечка, найденная в меньшей части ямы, и разбитый сосуд, лежавший на своде печи, по-видимому, представляют собой остатки тризны, совершенной при захоронении.

Можно полагать, что погребение из Цвикловец жертвенное, принесенное земле с целью достижения изобилия и всеобщего благополучия в роде.

За последние годы ритуальные погребения открыты на ряде трипольских поселений как под жилищами — Лука-Врублевецкая⁶, Кунисовцы, Кошиловцы — Обоз⁷, так и в промежутке между ними, в специальных могильных ямах (Траян⁸ в Румынии). По форме погребального обряда захоронение из Цвикловец близко к Кошиловцам — Обоз и Кунисовцам, но на последних памятниках под полом жилищ были обнаружены только два небольших скопления пережженных человеческих костей без инвентаря.

Ближайшей аналогией публикуемому нами являются жертвенные погребения с поселения среднего этапа трипольской культуры Траян (по терминологии румынских археологов, фазы Кукутени — Триполье А — В), где исследованы четыре округлые могильные ямы с пятью погребениями с труположением. Погребенные лежали в слое золы и пепла, окруженные большим количеством сосудов с полихромной рос-

⁶ С. Н. Бибиков. К вопросу о погребальном ритуале в Триполье. КСИИМК, XLVIII, 1949.

⁷ В. П. Кравец. Изучение познетрипольских памятников в Верхнем Поднепровье. КСИА, 4, 1955, стр. 134—135.

⁸ H. Dumitrescu. Découvertes concernant un rituel funéraire magique dans Căire de la civilisation de la céramique peinte du type Cucuteni-Tripolje Dacia, nouvelle série. I. Bucaresti, 1957, стр. 97—116.

писью. Кроме сосудов, так же как и в Цвикловцах, там были найдены пережженные кости животных. Но захоронение Цвикловец отличается от троянских формой погребального обряда (трупосожжение) и местом захоронения.

До настоящего времени подобный обряд трупосожжения был прослежен только на территории Среднего Поднепровья.

Погребение из Цвикловец является первым такого типа жертвенным захоронением, позволяющим определить наличие обряда сожжения у позднетрипольских племен северных районов Среднего Приднестровья (Западная Подолия).

В ямах и полуземлянке основную массу находок составляет поздне-трипольская керамика. Орудия труда представлены небольшим количеством изделий.

Среди кремневых орудий — серп из изогнутой ножевидной пластины и высокий скребок на массивном отщепе. Найдено несколько нижних плит зернотерок, одна из них с двумя рабочими плоскостями. Найдены мотыга из рога оленя с просверленным отверстием, лошито для обработки поверхности посуды, крупное шило, два долота, несколько проколов. Особо следует отметить обломок рогового клевца из погребения с сожжением.

Из глины сделаны пряслица для веретен и грузила. Глиняные пряслица биконической формы, реже конической (с вмятиной у основания, рис. 4, 3). Некоторые из них украшены орнаментом. Грузила отличаются разнообразием форм — конические, цилиндрические, пирамидальные, прямоугольные. Заслуживают внимания два грузила: одно орнаментированное псевдоканнелюрами, другое — оттисками веревочки. Подвеска из створки раковины *Urio* с пробитым отверстием служила украшением.

В посуде Цвикловец можно выделить две группы. К первой, преобладающей, относятся кухонные сосуды, изготовленные из глины с примесью измельченных раковин, с хорошо или небрежно заглаженной (без признаков полосчатого сглаживания) серовато-желтой или серовато-коричневой поверхностью. Эти сосуды украшены веревочным, ногтевым и резным орнаментом, разнообразны по форме: от миниатюрных крышек, ситечек, глубоких чаш с утолщенным краем венчика до больших полусферических мисок и от небольших и среднего размера горшков до крупных толстостенных корчаг. Венчики чаш обычно украшались веревочным или резным орнаментом; горшки — коническими бугорками и опоясывающим рядом наискось перевитой веревочки у основания шейки (рис. 2, 1); корчаги — ногтевыми защипами. В коллекции выделяется крупный сосуд желтоватого цвета типа пифоса с широкой горловиной (диаметр 34×36 см) и сильно раздутыми округлыми плечиками (диаметр около 50 см), изготовленный из глины с примесью измельченных раковин (рис. 2, 5). Поверхность его заглажена, он украшен веревочным орнаментом, образующим весьма редкий в позднем Триполье рисунок: плечики опоясаны тремя горизонтальными рядами оттисков веревочки, между ними сделаны четыре полуовальных небольших налета, от которых спускаются овальные зубцы из двух или трех рядов веревочки. Сосуд сохранился неполностью, дно и придонная часть отсутствуют. Formой, размером, массой он близок к крупному сосуду для хранения зерна из Городска⁹.

Кухонная посуда поселения Цвикловцы имеет значительную общность с посудой из Усатово, Выхватинец, Печор и других памятников позднего Триполья. Ближайшие аналогии для нее есть в Городске¹⁰ на

⁹ В. П. Петров. Поселения в Городську. Сб. «Трипільська культура», I, Київ, 1940, стр. 382, рис. 3.

¹⁰ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 158—163.

Волыни, Гусятине¹¹, Миткове¹² и, видимо, Звенячине¹³ на Среднем Днестре. С последними Цвикловцы близки по времени и территориально.

Вторая, меньшая группа посуды — расписная, представлена в основном тонкостенными сосудами из розоватой глиняной массы, украшенными черной росписью, а иногда черной и красной. Роспись обычно заключена в широком поясе. В орнаментальных элементах господствуют ленты (из трех полос), сходящиеся под углом, треугольные зубцы, косая сетка, усеченные полуовалы, т. е. сюжеты, характерные для памятников позднего этапа трипольской культуры. Формы сосудов — шаровидные, шаровидные «амфоры» с высокой цилиндрической шейкой, глубокие чаши с округлыми, слегка загибающимися внутрь краями, сосуды с конической высокой шейкой. Они, так же как и роспись, типичны для позднетрипольских памятников.

Особо выделяются два расписных сосуда.

1) Шаровидная «амфора» с высокой конической шейкой из погребения с сожжением в яме № 8. Амфора на плечиках имела петельчатые ручки с двумя бугорками (сохранилась одна ручка). Украшена черной росписью в виде нешироких лент из трех полос, сходящихся под углом. Форма сосуда и роспись близки сосудам из Кошиловец¹⁴ и шаровидным амфорам шнуровой керамики. На сходство последних с позднетрипольскими в свое время обратила внимание Т. С. Пассек¹⁵.

2) Шаровидный сосуд с антропоморфными головками из ямы № 1 сохранился почти полностью (рис. 3). Он изготовлен из плотной массы коричневато-кирпичного цвета. На его плечиках помещены две скульптурные антропоморфные головки, характерные для позднетрипольских схематизированных статуэток. Головки плоские, с щипковым носом, по краю обрамлены нимбом из мелких дырочек. Вылеплены на высоких шеях, у основания которых имеется вертикальное отверстие, видимо, предназначенное для подвешивания сосудов. Хорошо заглаженная наружная поверхность сосуда расписана черной краской. Орнамент заключен в широкий пояс, разделенный вертикальными лентами на метопообразные поля. Лицевая и обратная стороны сосуда украшены узором из косой сетки, по бокам — усеченными полуовалами окружены основания скульптурных антропоморфных головок. Роспись полуовала состоит из отрезков сходящихся под углом лент. Антропоморфные изображения расписаны парными треугольниками, соединенными острыми вершинами.

Прямых аналогий этой уникальной находке ритуального характера нет. Форма сосуда и роспись близки керамике ряда позднетрипольских поселений и могильников — Городск, Парканы, Белозерка и др. Наиболее близок этот сосуд детской погремушке из раскопок Т. С. Пассек на Выхватинском могильнике¹⁶. Погремушка представляет собой небольшой шаровидный сосудик, заканчивающийся антропоморфной плоской головкой на длинной шее, схематично вылепленной и окруженной сквозными отверстиями в виде нимба. В росписи погремушки также есть известное сходство с сосудом из Цвикловец.

¹¹ П. И. Борисковський. Деякі доповнення до археологічної карти Середньої Наддністрянщини. Археологія, IV, 1950. Кроме того, см. материалы из разведки Т. Г. Мовши на этом поселении в 1960 г., хранящиеся в Киевском историческом музее.

¹² Т. С. Пассек. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре, стр. 19—20, рис. 1, 4.

¹³ Ю. Н. Захарук. Тезисы доклада «Некоторые вопросы позднего Триполья в свете исследований Трипольского поселения в с. Звенячка Черновицкой области», прочитанного на заседании секции неолита и бронзы Пленума ИИМК АН СССР 25 апреля 1955 г. в Москве.

¹⁴ K. Nadaczek. Osada przemysłowa w Koszylowcach z epoki éneolitu. Lwow, 1914, альбом, табл. XVIII, 153.

¹⁵ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 67.

¹⁶ Т. С. Пассек. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии. КСИИМК, 56, 1954, стр. 92—94, рис. 49, 1; е е же. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья. МИА, 84, 1961, рис. 45, 5.

Керамический комплекс Цвикловец имеет ряд общих черт с сосудами Выхватинец, Белозерки, Паркан, Усатово. Однако прослеживается и заметное различие. В Цвикловцах очень велик процент кухонной посуды и незначительно количество расписной. Здесь в отличие от Выхватинец и Усатово есть чаши с утолщенными краями венчиков, украшенные оттисками косо перевитой веревочки или наискось расположенных углубленных полосок. Значительно меньше неглубоких чаш с плоским верхом края, небольшим изгибом у венчика и уступом при переходе к плечу. Все эти элементы не характерны для посуды позднетрипольских племен, оставивших памятники усатовско-выхватинского типа, и, наоборот, являются определяющими для поселений типа Городска.

В культурном слое поселения Цвикловцы впервые в истории изучения трипольской культуры найдены обугленные дубовые желуди — две расколотые продольные половинки, прежде известные лишь по многочисленным отпечаткам в глиняной обмозке из площадки № 2 поселения Коломийщина I¹⁷. Из ямы № 1 происходят также обуглившиеся остатки зерна.

Небольшой костный материал, определение которого произведено в Институте зоологии АН УССР, представляет разнообразный видовой состав фауны. Из домашних животных в Цвикловцах имеются копытные: бык, свинья, коза-овца, лошадь (?). Из диких — благородный олень, косуля. Определены кости грызунов — зайца и бобра. Почти все кости животных принадлежат молодым особям. Кости птиц принадлежат, по определению проф. Воинственского, перепелке и вальдшнепу. Последний представляет значительный интерес, так как увеличивает список трипольской фауны ранее неизвестными нам лесными обитателями. Определены также чешуя и кости крупной рыбы — вырезуба¹⁸.

Из произведенного нами анализа материала видно, что комплекс находок из Цвикловец строго выдержан, он позднетрипольского времени и позволяет отнести исследуемое поселение к наиболее поздним трипольским памятникам этапа С—II по периодизации Т. С. Пассек.

Этот материал, пока почти неизвестный на других наиболее поздних трипольских памятниках Среднего Поднепровья, по ряду признаков тесно связан с поселениями Городского типа на Волини. Установленный обряд захоронения с сожжением в Цвикловцах сопоставляется с позднетрипольскими погребениями с сожжением киевско-софиевской группы на Днепре.

Приведенные данные позволяют наметить в Среднем Поднепровье еще один локальный вариант позднетрипольских племенных групп. Кроме Цвикловец, в эту группу входит ряд памятников — Кошиловцы — Обоз в Тернопольской области, Гусятин I на Збруче, на правом берегу Днестра в Черновицкой области у с. Дарабани (верхний слой), Митков (разведки Т. С. Пассек), Звенячин (раскопки Ю. Н. Захарука), с Северной Молдавии — Мерешовка, Барсуки. Границей памятников этой позднетрипольской племенной группы на юге являются Шолданештский район в Молдавии, а также Солончены II (верхний слой), Выхватинцы и другие более южные, составляющие иную локальную племенную группу. Наиболее юго-западным известным нам пунктом цвикловской группы является поселение у Городища на Пруте.

Материалы, добытые раскопками, позволяют осветить хозяйство и культуру позднетрипольских племен Западной Подолии, устанавливают для этой территории погребальный обряд трупосожжения, прослеженный прежде только в районе Среднего Поднепровья. Раскрывают интересные страницы, повествующие о сложных религиозных представлениях и верованиях древних земледельцев.

¹⁷ Т. С. Пассек. Трипільське поселення Коломийщина. Сб. «Трипільська культура», I, стр. 28.

¹⁸ Определены ст. научн. сотр. Института зоологии АН УССР В. И. Тарашуком.

Ф. М. ЗАВЕРНЯЕВ

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ ДЕСНЫ

В первой половине II тысячелетия до н. э. в бассейне Десны, наряду с местным неолитическим населением обитали племена деснинской группы среднеднепровской культуры¹. Памятники последующего периода — второй половины II тысячелетия до н. э. и начала I тысячелетия до н. э. — до последних лет оставались на Десне совершенно неизвестными. Между могильниками и курганами среднеднепровской культуры и городищами юхновской культуры, восходящими к середине I тысячелетия до н. э., лежал тысячелетний разрыв.

Как известно, в середине II тысячелетия до н. э. в Восточной Европе наступал развитый бронзовый век. В жизни населения появилось много нового: развились скотоводство и земледелие, широко распространились металлические изделия, большую роль стали играть межплеменные экономические и культурные связи. Несомненно, что население, обитавшее по Десне, не могло оставаться в стороне от всех этих изменений. Отсутствие каких-либо данных о развитом и позднем бронзовом веке в бассейне Десны были серьезным пробелом в наших знаниях. Это побудило нас к поискам в бассейне Десны археологических памятников данного времени.

В результате археологических исследований, проведенных на территории Брянской обл. Брянским Областным краеведческим музеем с 1955 по 1960 гг., эта задача в некоторой степени была решена. На Десне и ее притоке р. Судосте были найдены и частично исследованы многочисленные памятники ранее неизвестной культуры бронзового века. В большинстве случаев это обширные селища, наряду с ними открыты курганы, относящиеся к той же культуре (рис. 1).

Некоторые из открытых нами селищ занимают участки в несколько гектаров. Большинство из них расположено на краю первой надпойменной террасы, на дюнах и останцах, иногда в значительном удалении от современного русла реки. Иногда подобные селища располагаются и на более высокой террасе, некоторые из них многослойные. Культурные наслоения поздней бронзы перекрывают слои позднелитических стоянок или поселений более ранних периодов бронзового века.

На местах селищ встречаются фрагменты своеобразной посуды, иногда в виде отдельных скоплений, по-видимому, на местах бывших жилых

¹ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, XVI, 1947 г. О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, XVI, 1947; В. В. Кропоткин. Бялынецкие курганы и стоянка. КСИИМК, 47, 1952, Ф. М. Заверняев. Доисторическая стоянка Черепеньки под г. Брянском. КСИИМК, 67, 1957.

и хозяйственных сооружений. По форме некоторые сосуды напоминают баночную посуду юхновских городищ. Но если юхновская посуда изготовлялась из глины с примесью мелких гранитных зерен и хорошо обожжена (до звона), то посуда, находящаяся на селищах, изготовлена из глины с примесью песка, мелких кусочков охры и мелкого шамота, отчего эта посуда иногда довольно рыхлая. Второй особенностью сосудов этой культуры являются глубокие круглые наколы, нанесенные у венчика как с внешней, так и с внутренней стороны. Помимо обломков посуды на селищах встречаются керамические изделия в виде неправильных шаровидных блоков (широко известных на городищах юхновской культуры), глиняные «кирпичики», всевозможные пряслица и грузики. Имеются также орудия из кварцита, песчаника и кремня.

На более ранних селищах, относящихся, по-видимому, к середине и второй половине II тысячелетия до н. э., встречается еще много обломков посуды старой неолитической формы или близкой к ним. Иногда на них сохраняется и неолитический орнамент, но заметно преобладает новый, мелкозубчатый, нарезной, углубленный и веревочный, типичных срубных форм здесь еще мало.

На селищах более поздней поры глиняная посуда неолитического типа не встречается. Широкое распространение получают упомянутые выше сосуды баночных форм, а также сосуды поздне-срубного типа. Большинство сосудов лишено орнамента, за исключением глубоких наколов по венчику.

В настоящее время наиболее исследованным памятником данной культуры является Почепское селище, расположенное в урочище «Грудок», у земляной крепости «Валы». Оно было открыто еще в 1959 г. во время исследования находящегося здесь зарубинецкого селища. «Грудок» занимает обширный «останец» в пойме р. Судость. Во время проводившихся здесь в 1955—1959 гг. раскопок зарубинецкого селища была исследована значительная часть

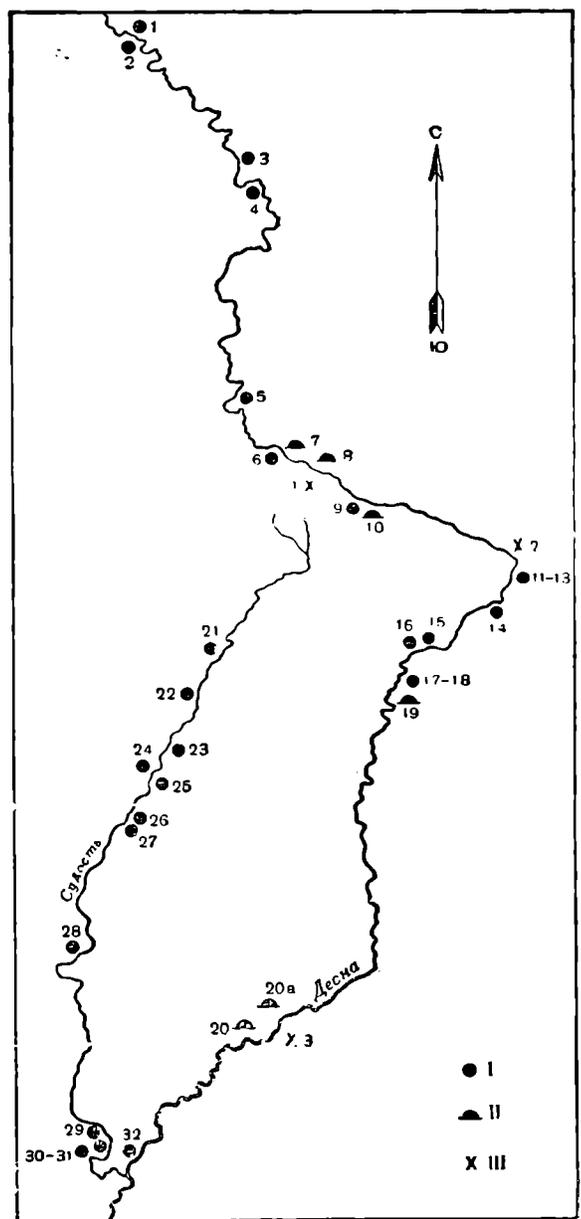
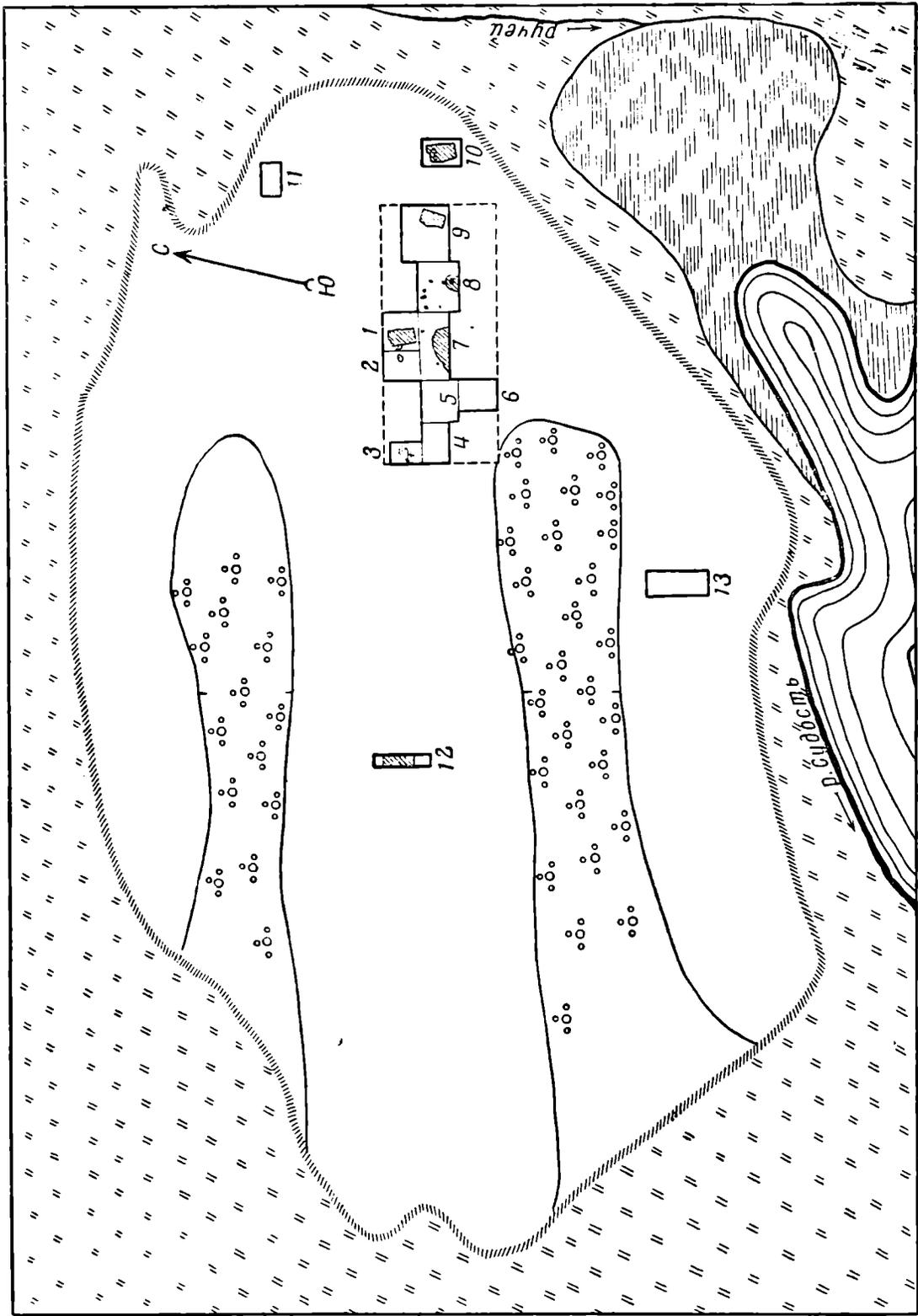

Рис. 1. Селища и могильники эпохи поздней бронзы по Десне и Судости

I — селища, II — могильники, III — случайные находки; 1 — селище близ дер. Краковичи Смоленской обл.; 2 — селище у фосфоритных разработок в районе дер. Краковичи; 3 — селище у дер. Кональ (у лесонасаждения); 4 — селище на оз. Ореховое близ г. Жуковка; 5 — селище у дер. Дядьковичи; 6 — селище у дер. Дядьковичи; 7 — могильник в урочище Лунево у дер. Дядьковичи; 8 — могильник близ ст. Ржанница; 9 — селище у с. Речица; 10 — могильник у с. Речица; 11—13 — селища в г. Брянске (Куракин бор, Черепеньки 2—3); 14 — селище близ пос. Пятилетка; 15—16 — селища у дер. Выгоничи; 17—18 — селища у пос. Масловка; 19 — могильник у пос. Малиновка; 20—20а — могильники, открытые В. А. Падиным, в селах Кветунь в Радутино под Трубчевском; 21 — селище в устье р. Пес у с. Синьково; 22 — селище между дер. Макарово и с. Красная Слободка; 23 — селище в урочище Мертвица в с. Сетолово; 24 — 25 — селища в г. Почепе (в урочищах Грудок и Стан); 26 — селище в устье р. Косты у дер. Казарезовка; 27 — селище вблизи устья р. Рожик; 28 — селище у с. Юдиново (ниже палеолитической стоянки); 29 — селище южнее дер. Горичи; 30—31 — селища ниже дер. Санычи; 32 — селище выше дер. Муравьи на р. Десне, Черниговская обл.

0 15 30 45: 60 75M

селища эпохи бронзы. Удалось собрать большой вещественный материал, исследовать ряд жилых и хозяйственных ям и остатков сооружений, а также проследить стратиграфию культурных отложений, относящихся к эпохе поздней бронзы. Полученные данные несомненно интересны и дают представление о хозяйстве и культуре обитателей бассейна р. Десны в эпоху поздней бронзы.

Основные раскопы (1—11) были заложены на восточной окраине Грудка (рис. 2). На западной окраине был заложен только небольшой раскоп (12).

Там, где культурный слой эпохи бронзы не был нарушен в зарубинецкое время, при исследовании очень хорошо прослеживалась стратиграфия древних наслоений. Верхний слой составлял темный гумусированный песок мощностью 0,20—0,25 м. Его подстилал темно-коричневатый подпочвенный горизонт мощностью от 0,15 до 0,40 м, ниже которого начинался белый или светло-желтоватый песок. В этих слоях находки располагались следующим образом. Керамика зарубинецкой культуры встречалась почти исключительно в верхнем слое, очень редко попадая в верхнюю часть темно-коричневатого песка. Керамика эпохи поздней бронзы находилась только в слое темно-коричневого песка, и то преимущественно в его нижней половине. Все зарубинецкие ямы открывались непосредственно под верхним гумусированным слоем и были с ним непосредственно связаны, в то время как все ямы поздней бронзы можно было наблюдать только после того, как удалялся коричневатый слой. Во всех случаях ямы позднебронзового времени вскрывались под остатками ям и сооружений зарубинецкой поры (если они здесь имелись).

На исследованной площади в восточной части селища вскрыты три жилые землянки и несколько плохо сохранившихся остатков каких-то наземных сооружений и ям. В раскопе, заложенном в западной части Грудка, были вскрыты остатки какого-то не совсем ясно выраженного сооружения.

Особенно хорошо сохранились остатки жилых землянок I и III (рис. 3).

Землянка I имела в плане форму неправильного прямоугольника длиной 12 м, шириной 6—7 м. Вдоль западной стенки землянки прослеживались черные углистые пятна округлой формы, очень напоминавшие остатки сгоревших бревен. Подобные пятна прослежены и с восточной стороны, но значительно хуже. В северной части ямы находилось четыре овальных пятна, по-видимому, от опорных столбов. Пол землянки местами состоял из черной от угля прослойки, но местами совершенно терялся и был вскрыт на различных глубинах. Наибольшей глубины (1,3 м от поверхности) он достигал в центральной части. Надо полагать, что внутри землянки имелись какие-то возвышения, разрушенные временем. На дне землянки в центральной части прослежены два углубления, на дне которых лежало по одному терочнику из кварцита (рис. 4, 4). Помимо большого количества обломков посуды на древнем полу найдены глиняный блок (рис. 5, 1), два фрагмента глиняных грузиков со сквозными отверстиями и обломок крупной трубчатой кости животного.

Землянка II сохранилась частично и очень плохо, так как на ее месте в зарубинецкое время была сооружена большая постройка с углубленным полом. Несмотря на это, на сохранившейся части пола, прослеженного на тех же глубинах, что и в землянке I, мы нашли очень много обломков глиняных блоков юхновского типа и несколько сильно разрушенных глиняных «кирпичиков». Особый интерес представляют остатки двух сосудов. Один из них широкогорлый, невысокий горшок с ребром посередине (рис. 6, 4), светло-желтого цвета, с примесью песка в глиняном тесте. Шейка венчика покрыта ногтевым орнаментом в один ряд. Остальную часть верхней половины сосуда покрывает орнамент в виде заштрихованных треугольников. Аналогичные сосуды встречаются до-

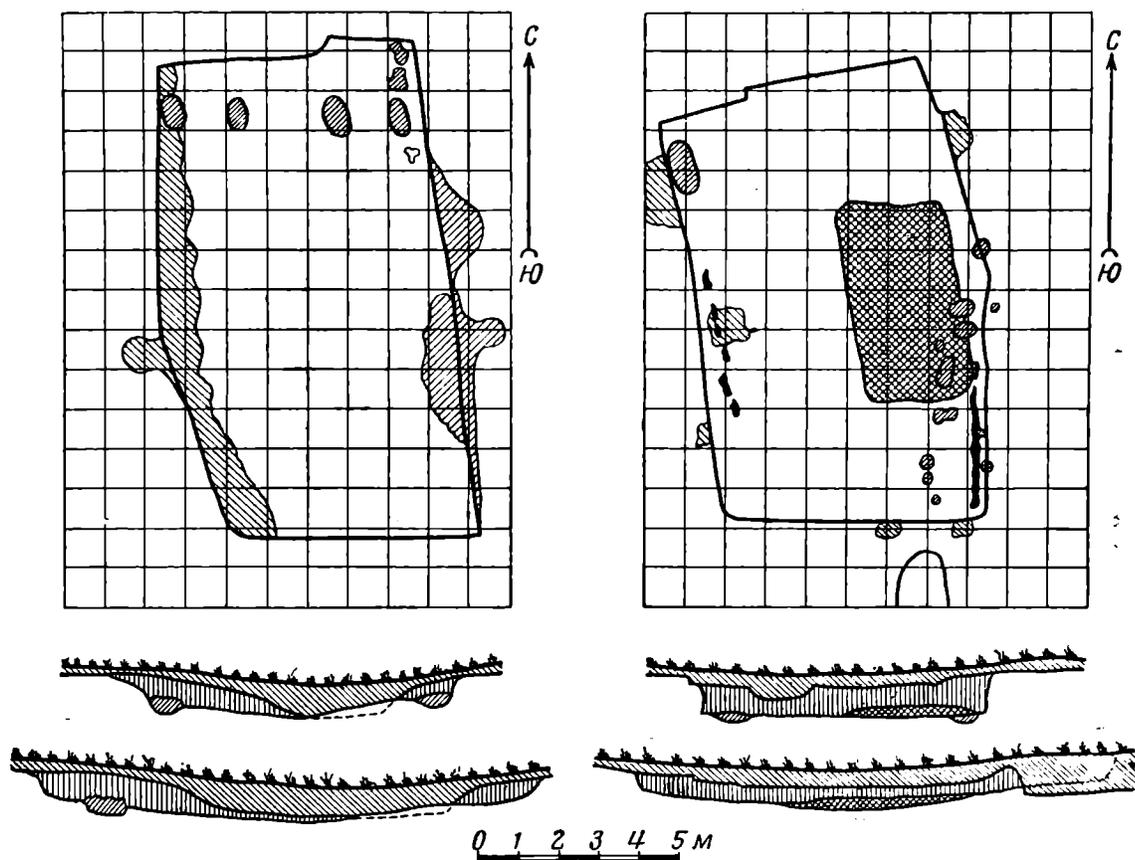

Рис. 3. Планы и разрезы землянок

1 — землянка I, раскоп 10; 2 — землянка III, раскоп 1

вольно часто на памятниках срубной, абашевской и других восточных и юго-восточных культур. Довольно близкий, но, по-видимому, более раннего времени сосуд был найден В. П. Левенком на стоянке Холм в районе Трубчевска². Другой сосуд имел форму банки со слабо профилированным, косо срезанным венчиком (рис. 6, 5). По шейке сосуда нанесен орнаментальный пояс из бугорков-жемчужин. Стенки сосуда темно-серого цвета; в отличие от другой посуды этот сосуд хорошего обжига, а в его глиняном тесте очень мало примеси песка.

В одной из ям, находившейся с южной стороны землянки, на глубине 0,45—0,60 м от поверхности, лежал раздавленный сосуд, имевший форму большого горшка с пухлыми боками и слегка выраженным ребром (рис. 6, 6). Цвет сосуда желтый, слегка коричневатый с наружной стороны и темно-серый с внутренней стороны. Глиняное тесто содержит большую примесь песка. Толщина стенок 5—8 мм. По шейке венчика нанесен пояс из бугорков-жемчужин, а в нижней половине — три ряда сквозных отверстий. Подобные сосуды, по-видимому, употреблялись для отцеживания сыра.

Землянка III по своим размерам и конструкции мало чем отличалась от землянки I. Длина ее 11,5 м, наибольшая ширина 7 м. Пол ямы прослеживался на разных глубинах. В центральной части с восточной стороны на уровне пола имелось большое зольное пятно с остатками мелкого костного угля, мощностью 0,25—0,30 м. В разных частях ямы и у дна найдены: каменный топор из темно-серо-серой кристаллической породы (рис. 4, 2), терочник из светло-зеленоватой породы, часть баночного сосуда, орнаментированного веревочным орнаментом, и часть крупного баночного сосуда с двумя валиками у венчика и несколькими рядами выпукли-жемчужин (рис. 6, 1). Изредка встречались мелкие облом-

² В. П. Левенок. Работы Трубчевского музея. КСИИМК, X, 1940.

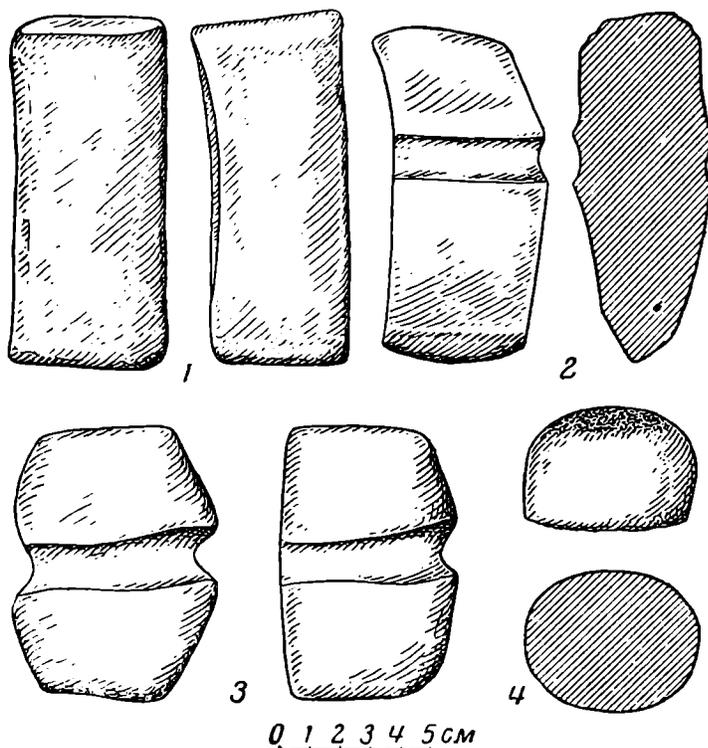

Рис. 4. Каменные изделия Почепского селища

1, 3 — молоты; 2 — топор; 4 — терочник

ки посуды, глиняных кирпичиков, кусочки минеральной охры, кремневые отщепы и пластинки, а также зубы свиньи, коровы и лошади, лежавшие иногда в анатомическом порядке.

Находившиеся на раскопанной площади остатки других сооружений сохранились значительно хуже, так как были выкопаны в песке, а также из-за перекопов в зарубинецкое время.

В данной работе следует отметить сооружение I, в состав которого входил весьма интересный глиняный развал, находившийся в северной части селища. Этот развал имел округло-вытянутую форму, его размеры $0,8 \times 0,5$ м, толщина в центральной части 0,2 м. Развал состоял преимущественно из сильно разложившегося глиняного субстрата и «кирпичиков». Среди глины встречено несколько крупных глиняных бомбовидных блоков и один блок «лепешкообразной» формы. Все блоки, в том числе и «кирпичики», были изготовлены из слабообожженной глины и уложены на глиняном растворе ярко-кирпичного цвета (от сильного обжига). Интересно, что «лепешкообразный» блок помещался в самом центре развала. На его верхней стороне имелось несколько углублений, сделанных пальцами еще на сырой глине. Аналогичные, но несколько меньших размеров «лепешкообразные» блоки с ямочными вдавлениями широко известны на юхновских городищах, где их связывают с предметами культового назначения.

Как ни плохо на селище сохранились остатки жилых и хозяйственных сооружений, проведенные нами работы позволяют представить их внешний вид и планировку. Почепское селище было крупным поселком, жилые помещения которого составляли большие землянки с прочными обкладками стен, с нарами и очагами. Здесь же находились какие-то и другие наземные сооружения хозяйственного назначения, также имевшие отдельные углубления в полу.

Керамический материал селища «Грудок» может быть разделен на две самостоятельные группы: остатки глиняной посуды и разнообразные глиняные изделия (рис. 5, 6 и 7).

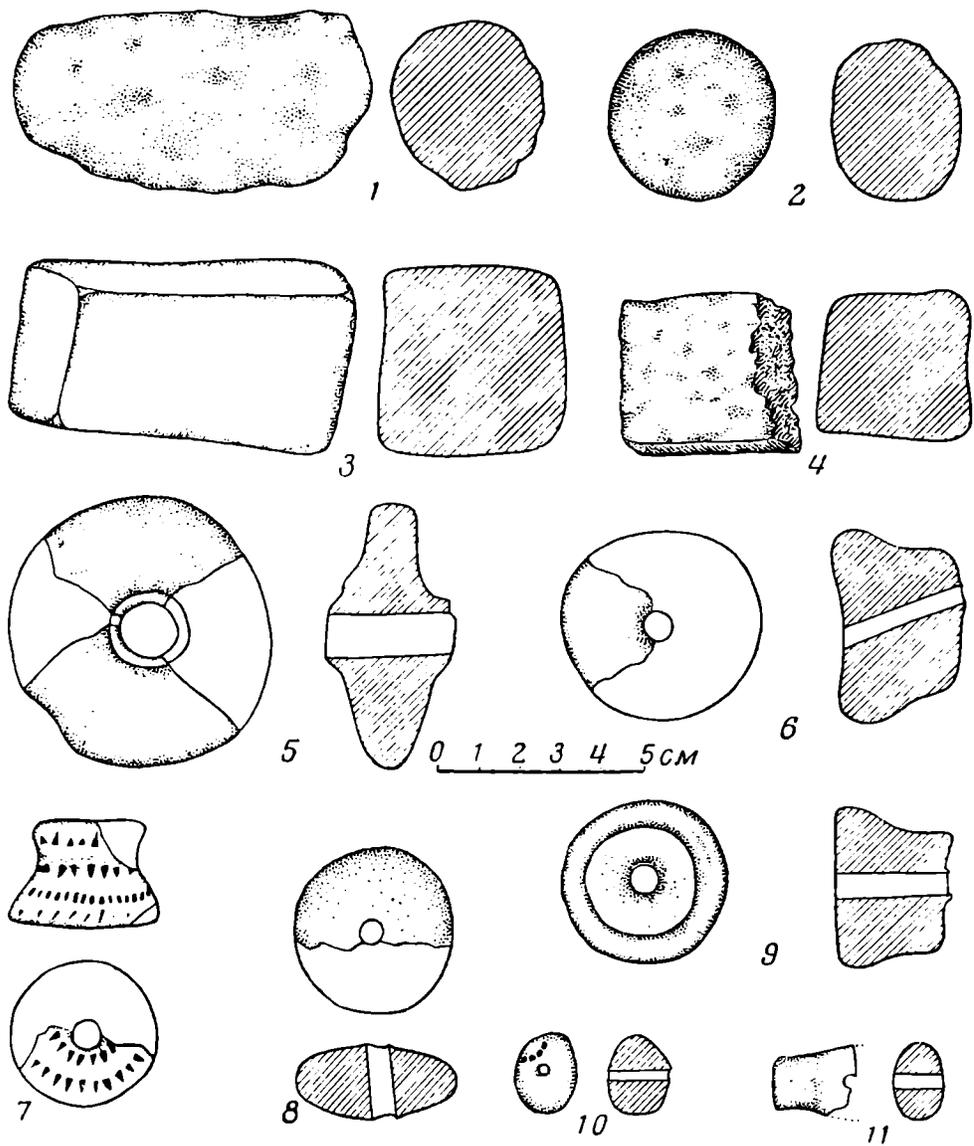

Рис. 5. Глиняные изделия Почепского селища
 1—4 — блоки; 5—9, 11 — пряслица; 10 — бусина

Ассортимент глиняной посуды, найденной на селище, довольно велик и разнообразен. Наибольший процент составляли горшки баночных форм, в большинстве случаев лишенные орнамента (за исключением глубоких наколов с внутренней, реже с наружной стороны). Орнамент на сосудах по своему виду в системе расположения очень близок к орнаменту на посуде юхновских городищ. Это углубления, нанесенные палочкой, стеблем растения, полой трубочкой и т. д. В некоторых случаях имеется орнамент более сложный, в частности, веревочный. Имеются сосуды, покрытые штриховкой в виде параллельных бороздок, нанесенных гребенчатым штампом. Ко второй группе сосудов могут быть отнесены острореберные горшки, составляющие незначительный процент. Острореберные горшки покрыты в верхней части сложным орнаментом или совершенно его лишены. На этой группе сосудов также имеются глубокие наколы с внутренней стороны, образующие бугорки-жемчужины. К третьей группе посуды относятся сосуды с выпуклыми боками и не совсем выраженным ребром. Такая посуда является как бы промежуточной между острореберными горшками и горшками баночной формы. Горшки этой группы имеют разнообразный орнамент, большинство же украшено только декоративными бугорками-жемчужинами или невысокими валиками. К четвертой группе относятся небольшие сосудики в виде чашечек различных форм. Все эти четыре группы сосудов связывает

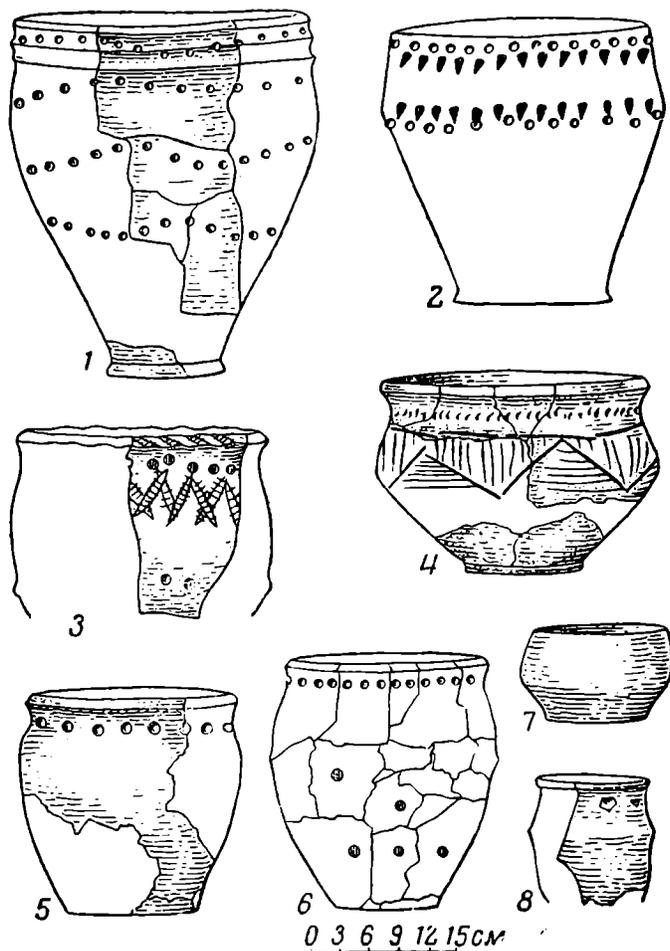

Рис. 6

1, 3—8 — сосуды Почепского селища; 2 — сосуд из могильника в урочище Луневе

единый орнамент в виде бугорков-жемчужин. Он представлял собой характерную особенность посуды племен эпохи поздней бронзы деснинского бассейна. В целом, по нашему мнению, глиняная посуда селища Грудок и других селищ бассейна р. Десны по своим формам и своим орнаментальным мотивам близка позднерубной керамике.

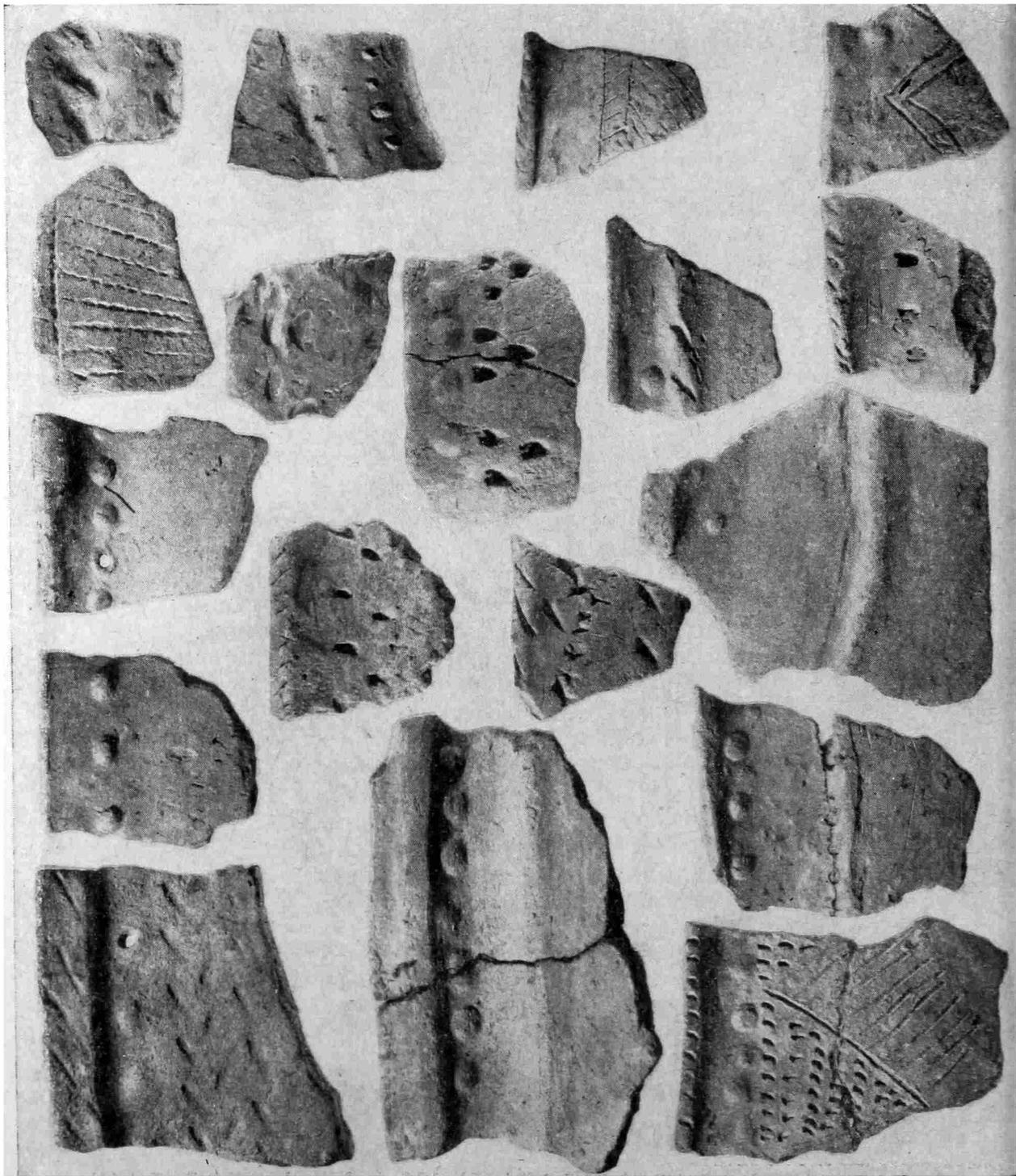
Другие глиняные изделия Почепского селища представлены крупными пряслами, грузиками и «кирпичиками» прямоугольной формы с квадратным сечением (рис. 5). Имеются также всякого рода шарообразные блоки юхновского типа. Как показали наши исследования, крупные глиняные блоки и «кирпичики» являлись строительным материалом. Мелкие же «кирпичики», хотя иногда и встречались в виде скопления, но глиняной связки между ними не наблюдалось. Среди грузиков особый интерес представляют грузики в виде колеса арбы (рис. 5, 5). Возможно, они указывают на существование у древнего населения бассейна Судости колесных повозок.

На стоянке найден ряд каменных изделий (рис. 4) — это топор или молот, терочники, массивная зернотерка и курант в виде плитки. Из металлических предметов здесь найден только один небольшой бронзовый ножичек.

Остеологический материал на селище сохранился очень плохо. Удалось определить зубы лошадей, коров, свиней, коз или овец. На основании этого мы можем с полной уверенностью сказать, что у обитателей Почепского селища большую и даже первостепенную роль играло скотоводство с преобладанием в стаде крупного рогатого скота и лошадей.

Помимо раскопок на Почепском селище, нами были проведены небольшие разведочные работы на одной из деснинских стоянок в Жуков-

Рис. 7. Образцы керамики
Почепского селища

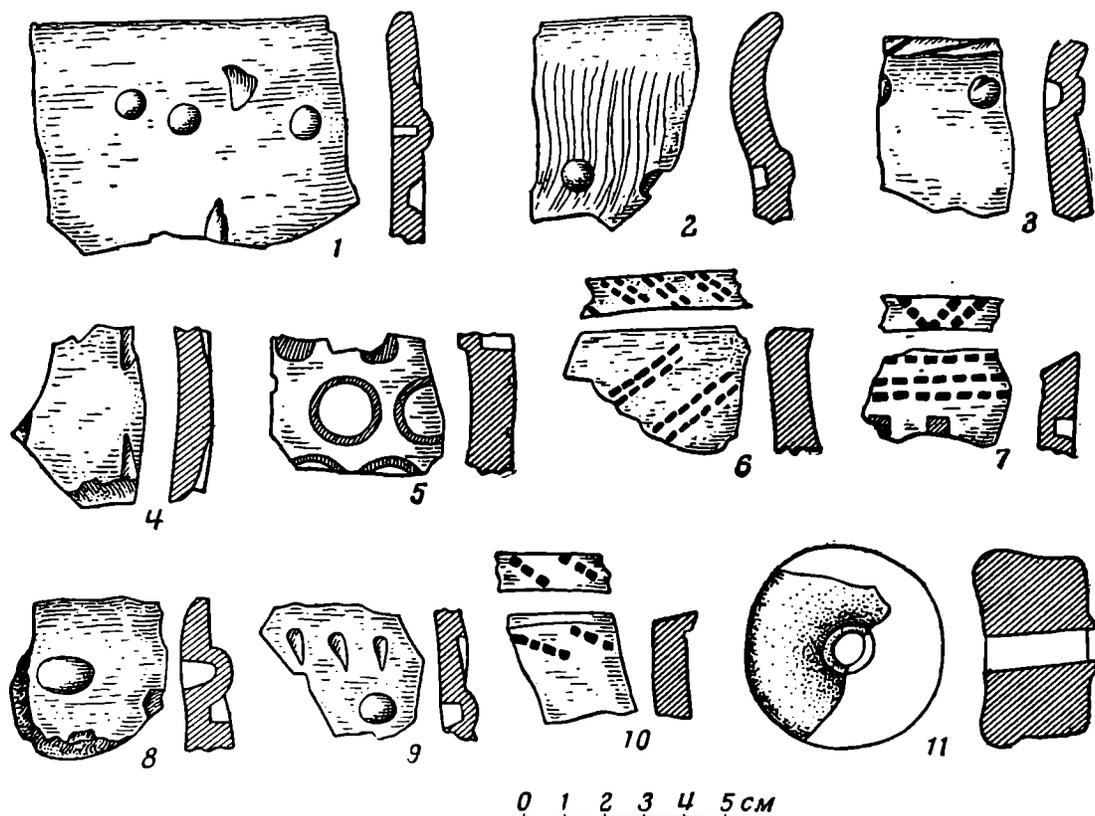

Рис. 8. Образцы глиняной посуды со стоянки у дер. Дядьковичи

ском районе Брянской обл. близ дер. Дядьковичи. Хотя основная часть дюны, на которой находилось это селище, уже давно смыта рекой, здесь удалось сделать интересные наблюдения. С помощью шурфовки выяснена стратиграфия культурных наслоений, общая мощность которых достигает 0,60 м. До глубины 0,25—0,30 м от современного уровня почвы лежит слой черного гумусированного песка. Ниже залегает светло-коричневый песок, его подстилает белый слегка желтоватый дюнный песок. В основании культурного слоя сделаны находки поздненеолитического времени, представленные всевозможными мелкими кремневыми изделиями и фрагментами сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом. Имеется несколько фрагментов посуды среднеднепровского типа. Наибольшее количество собранного материала относится к культуре поздне-бронзового времени почепского типа. Они занимали средний и верхний горизонты светло-коричневого песка. Помимо разнообразной посуды (рис. 8), к этому времени может быть отнесен небольшой фрагмент бронзового изделия, фрагмент глиняного грузика почепского типа, две точильные плиточки и большой кварцитовый отщеп-заготовка. К третьей группе находок относится посуда, датируемая второй половиной I тысячелетия до н. э. Она находилась в верхнем черном гумусированном слое. Таким образом, стратиграфия показывает, что материалы поздне-бронзового времени здесь лежат между наслоениями поздненеолитического времени и наслоением эпохи раннего железа.

Километрах в двух ниже этого селища в урочище Лунево на обширном песчаном «останце» нам удалось найти могильник из 20 курганов. Некоторые из них достигают крупных размеров. Значительная часть могильника распахана. Летом 1958 г. один из курганов средней величины нами был раскопан. Под насыпью кургана на древнем горизонте обнаружены глиняный сосуд, точильный камень и остатки кремации, аккуратно сложенные в небольшую кучку. Судя по всему, кремация была произведена где-то на стороне (рис. 9). Под дерновым покровом в насыпи кургана был найден железный наконечник стрелы аланского типа, который, возможно, не связан с погребением.

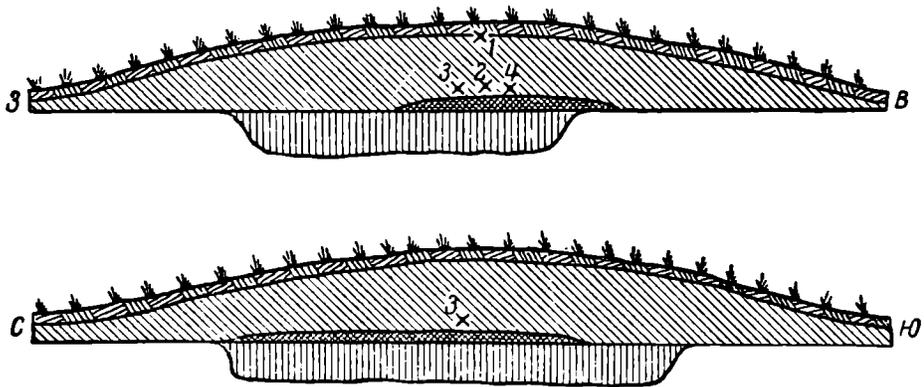
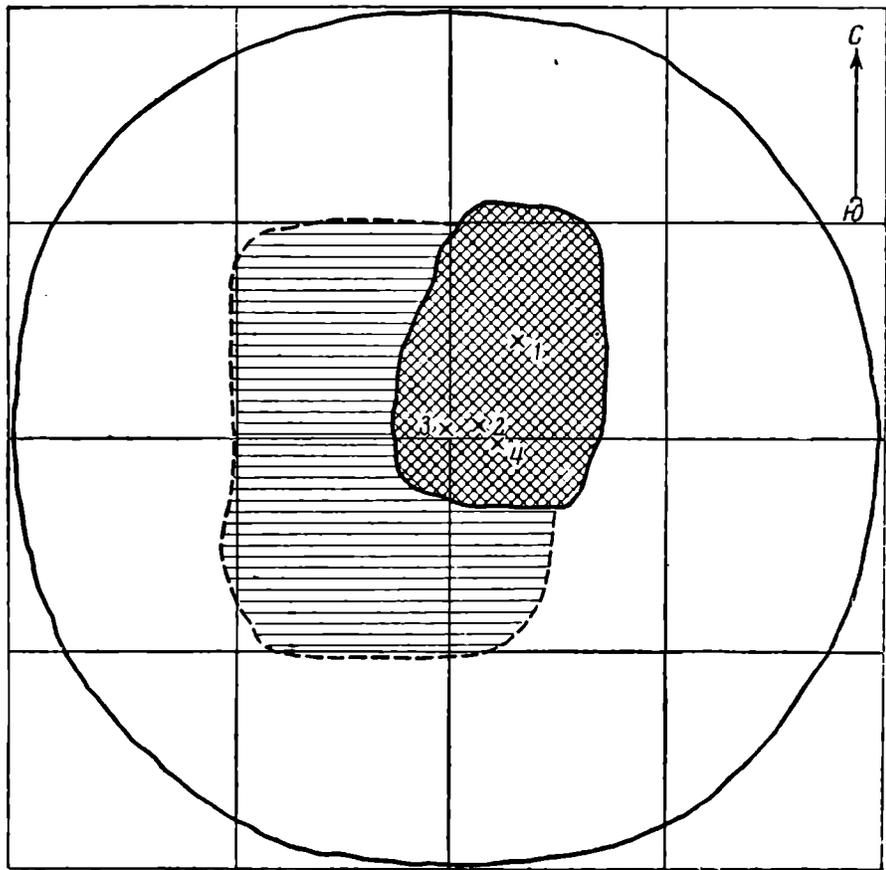

Рис. 9. Курган близ дер. Дядьковичи в урочище Лунево
 1 — наконечник; 2 — точильный камень; 3 — остатки кремации; 4 — сосуд

Найденный в кургане реберчатый сосуд (рис. 6, 2) светло-желтый, внутри слегка розоватый, в глиняном тесте примесь мелкого шамота. В верхней части сосуда имеется два орнаментальных пояса из ямочных вдавлений, нанесенных косо поставленной палочкой в комбинации с бугорками-жемчужинами. Местами тулово сосуда заштриховано зубчатым штампом. Аналогичная посуда известна на деснинских селищах почепского типа.

Исследование памятников эпохи поздней бронзы показало, что во второй половине II тысячелетия до н. э. в области Верхнего Подесенья сложилась совершенно новая культура. Наличие большого количества селищ этого времени, довольно частое расположение их указывает на густоту населения этого времени, которое имело несомненно оседлый образ жизни. Довольно частое нахождение селищ на местах старых неолитических поселений, а также наличие в более ранних памятниках

этой культуры неолитических элементов в глиняной посуде указывает на то, что эта культура, может быть, сложилась на древней местной основе под влиянием восточных и юго-восточных племен позднесрубной культуры.

Исследование памятников позднебронзового времени в бассейне р. Десны открывает новые перспективы не только в области изучения племен поздней бронзы, но и в выяснении источников возникновения юхновской культуры. Хотя в настоящее время еще нет оснований для утверждения, что одним из прямых компонентов в формировании юхновской культуры являлась культура деснинских памятников поздней бронзы почепского типа, однако следует отметить, что только среди поселений этого времени мы находим материалы, близкие и даже тождественные юхновской культуре. Сходство между ними проявляется в профилировке, орнаментации, иногда в составе глиняного теста и даже в обжиге глиняной посуды. Это сходство настолько поразительно, что первые находки, например, на Почепском селище, были истолкованы как юхновские. Не менее важно, что на поселениях почепского типа появляются ранее не известные на Десне шарообразные глиняные блоки, получившие широкое распространение на юхновских городищах. Важно то, что они встречены не только в культурном слое Почепского селища, но и на полужилых и хозяйственных сооружениях, что неопровержимо указывает на их принадлежность к данной культуре. Некоторое сходство прослеживается и в каменных изделиях, которые довольно часто встречаются на юхновских городищах. Так, на Гарцевском городище в Стародубском районе Брянской области был найден овальный терочник со сработанными гранями, аналогичный терочникам Почепского селища.

Обнаружение памятников новой культуры эпохи поздней бронзы заслуживает несомненно большого внимания и ставит вопрос о необходимости широких исследований поселений предскифского времени на Десне.

В. И. МАРКОВИН, Р. М. МУНЧАЕВ

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ ИЗ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

До последнего времени территория Чечено-Ингушетии, особенно ее восточных районов, оставалась наименее изученной в археологическом отношении областью Кавказа. Начиная с 1957 г., здесь Северо-Кавказской экспедицией под руководством Е. И. Крупнова развернуты большие разведочные и стационарные работы. Это привело к открытию ряда новых разновременных памятников, характеризующих развитие местной культуры с эпохи палеолита до позднего средневековья. К числу этих памятников относится несколько каменных изваяний, обнаруженных в Ножай-Юртовском районе ЧИАССР. Они рассматриваются в настоящей статье.

Первое изваяние найдено весной 1958 г. в ауле Бети-Мохк, на огороде колхозника Х. Исмаилова. Это обломок плоской песчаниковой плиты неопределенной формы на одной стороне которой высечено лицо человека (рис. 1, 1). Изображение лица в виде приостренного овала (28 × 21 см) выполнено довольно схематично. Руки согнуты в локтях и сложены на животе (сохранились правая рука и обломок левой). Общая конфигурация статуи по этому обломку восстанавливается с трудом.

Место находки было обследовано. К сожалению, никаких признаков, свидетельствующих о наличии здесь бытового, погребального или культового памятника, не обнаружено.

Второе изваяние найдено в 1959 г. в сел. Мескеты, во дворе дома Ю. Х. Гисхаджиева. Это плита желтовато-серого песчаника, изображения на которой выполнены плоским рельефом. Голова округлой формы четко отделяется от туловища (рис. 1, 3). Овальное лицо (45 × 48 см) только намечено. Оно не имеет деталей. Грудь изображена в виде двух плоских кружочков. Левая рука согнута в локте под прямым углом и покоится под грудью. Правая рука едва выделена. Ниже руки изображен пояс с кинжалом или мечом. Рукоять оружия снабжена навершием и перекрестием. На оборотной стороне плиты под головой высечено изображение, имитирующее, по-видимому, косу, сложенную в волнистую прическу. Общая высота изваяния около 1,5 м. Обследование места находки не дало никаких результатов.

Третье изваяние найдено в 1961 г. на пашне в окрестностях Замни-Юрт на правом берегу р. Аксай. Песчаниковая плита имеет также антропоморфную форму (рис. 1, 2; 2, 2). Изображения на ней нанесены плоским рельефом. В отличие от описанных выше, данное изваяние представляет собой человека с окладистой бородой и крупными чертами лица: массивным носом, удлиненным ртом. Грудь, как и на плите из сел. Мескеты, отмечена кружочками. Руки сведены вместе, покоятся

на животе, пальцы их переплетены. Общая высота стелы 1,4 м. На месте находки стелы других предметов не было найдено.

Четвертое каменное изваяние обнаружено в сел. Галайты. Оно находилось в каменном склепе, точнее, представляло собой одну из стенок могильного сооружения.

Исследование на месте показало, что здесь расположен могильник. Он находится в центре селения у школы, к северо-западу от средневековой крепости Яссы-Кала. Летом 1962 г. директор школы А. Л. Лулуев, производя выборку глины для строительства, обнаружил этот склеп. Вместе с учениками он очистил его до основания. По его словам, в склепе находилось огромное количество разбросанных костей, среди которых были найдены отдельные предметы (рис. 3, 1—6) и около тридцати черепов. Осенью 1962 г. нами было произведено исследование этого памятника. Выяснилось, что склеп находится на глубине около 1,5 м от дневной поверхности. Плиты — перекрытия и упоры — были вынуты жителями и разбросаны. Внутри могилы сохранились только две плиты — северная и восточная (рис. 4). Склеп ориентирован с севера на юг. Восточную — длинную стенку составляла песчаниковая плита, представляющая собой грубое каменное изваяние, выполненное чуть углубленным рельефом. На плите высечено усатое мужское овальное лицо, заостренное книзу. Руки изваяния соединены переплетенными пальцами и покоятся на животе. Ниже их изображен широкий пояс, на котором подвешен кинжал-акинак длиной 47 см, высота стелы 1,73 м (рис. 1, 4; 2, 1).

Это изваяние лежало в склепе на левом боку (рис. 4). Над юго-восточным углом могилы (над лицом изваяния) нависал уцелевший упор — длинная плита (размеры: 1,20 × 0,52 × 0,14 м) с закругленными углами, обработанная со всех сторон мелкими ударами какого-то орудия. Упор был поставлен почти перпендикулярно склепу и возвышался над ним на 0,14 м. В таком положении его поддерживал небольшой камень. Второй опорный камень находился в стороне от склепа. Эта плита трапециевидной формы (1,22 × 0,60—0,35 × 0,17 м), на узком конце которой сделаны зарубки с четырех сто-

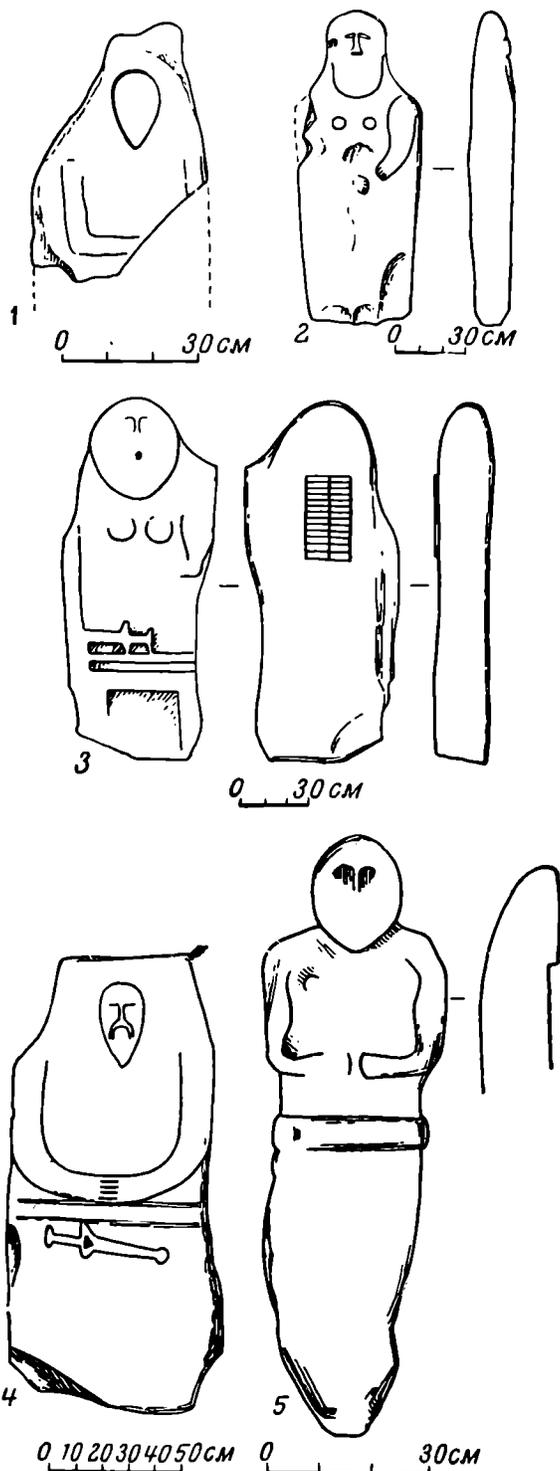

Рис. 1. Каменные изваяния

1 — сел. Бети-Мохк; 2 — сел. Замни-Юрт; 3 — сел. Мескеты; 4 — сел. Галайты; 5 — пос. Дагестанские Огни

Рис. 2. Каменные изваяния

1 — сел. Галайты; 2 — сел. Замни-Юрт

рон для передвижения ее к месту сооружения склепа. Оба указанных упора поддерживали в наклонном положении (наклон к северу) перекрытие — плиту песчаника ($1,50 \times 1,12 \times 0,12$ м).

В целом виде склеп имел прямоугольную форму. Размеры его $1,60 \times 1,10$ м при высоте в северной части 0,75 м, в южной — 1,05 м. При расчистке дна склепа в северо-восточном углу найдены две бусины, обломок сосудика и часть бедренной кости.

Следует указать, что при расчистке упора над восточной стеной склепа (с изваянием) было открыто грунтовое погребение (рис. 4). Оно находилось на глубине 0,70 м от поверхности и 0,17 м от упора. Скелет лежал поперек упора на спине, головой на север, лицом на восток. Ноги, слегка согнутые в коленях и приподнятые, упали на правую сторону. Руки скрещены на груди. Вокруг погребения встречались угольки. У ног найден обломок лепного сероглиняного сосуда с кольцевидной ручкой.

Для определения времени склепа важное значение имеют найденные в нем предметы. На дне склепа были найдены две бусины: круглая из желтой стекловидной пасты (рис. 5, 2) и синяя глазчатая (рис. 5, 3), а также обломок глиняной мисочки с налестками у устья (рис. 5, 1). Эти находки существенно дополняются материалом, переданным А. Л. Лулуевым. Отметим прежде всего бусы разных форм (17 шт.) из стекловидной пасты — одноцветные (синие, коричневые, черные и желтые) и глазчатая (рис. 5, 7). Одна из бус имеет рифленую поверхность. Кроме того, были найдены тонкий бронзовый браслет с приотстренными незамкнутыми концами (рис. 5, 6), бронзовая прорезная бляха с литым шнуровым и спиральным узором (рис. 3, 6), круглое плоское пряслице из желтоватого песчаника (рис. 5, 5) и шесть глиняных лепных сосудов типа кружек. Некоторые из них украшены налестным орнаментом (рис. 3, 5).

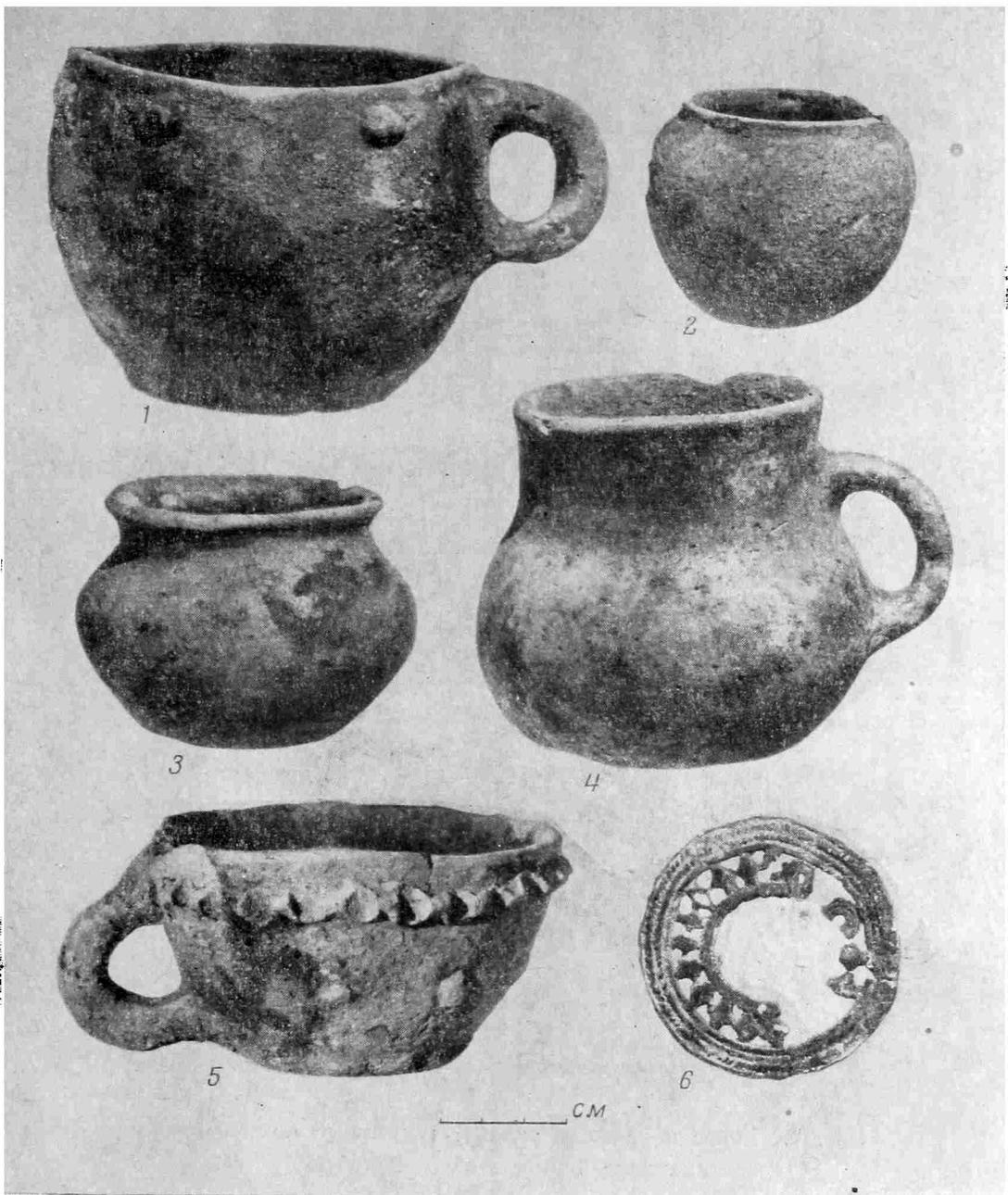

Рис. 3. Вещи из склена в сел. Галайты
1—5 — сосуды; 6 — бронзовая бляха

Все перечисленные предметы имеют близкие аналогии в инвентаре памятников Северного Кавказа позднего этапа развития кобанской культуры, в частности в древних могильниках Чечено-Ингушетии. Например, совершенно аналогичный набор бус обнаружен в таких известных могильниках VI—V вв. до н. э., как Луговой¹, Нестеровский², Исти-Су³ и др.

В этих же памятниках мы находим сосуды аналогичных форм и такие же браслеты. Прорезная бляха близка подобным предметам V в. до

¹ Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, 3, рис. 5, 13, 14.

² Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 288, рис. 49, 4.

³ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период СА, XIV, 1950, стр. 28, рис. 6, 2, 4.

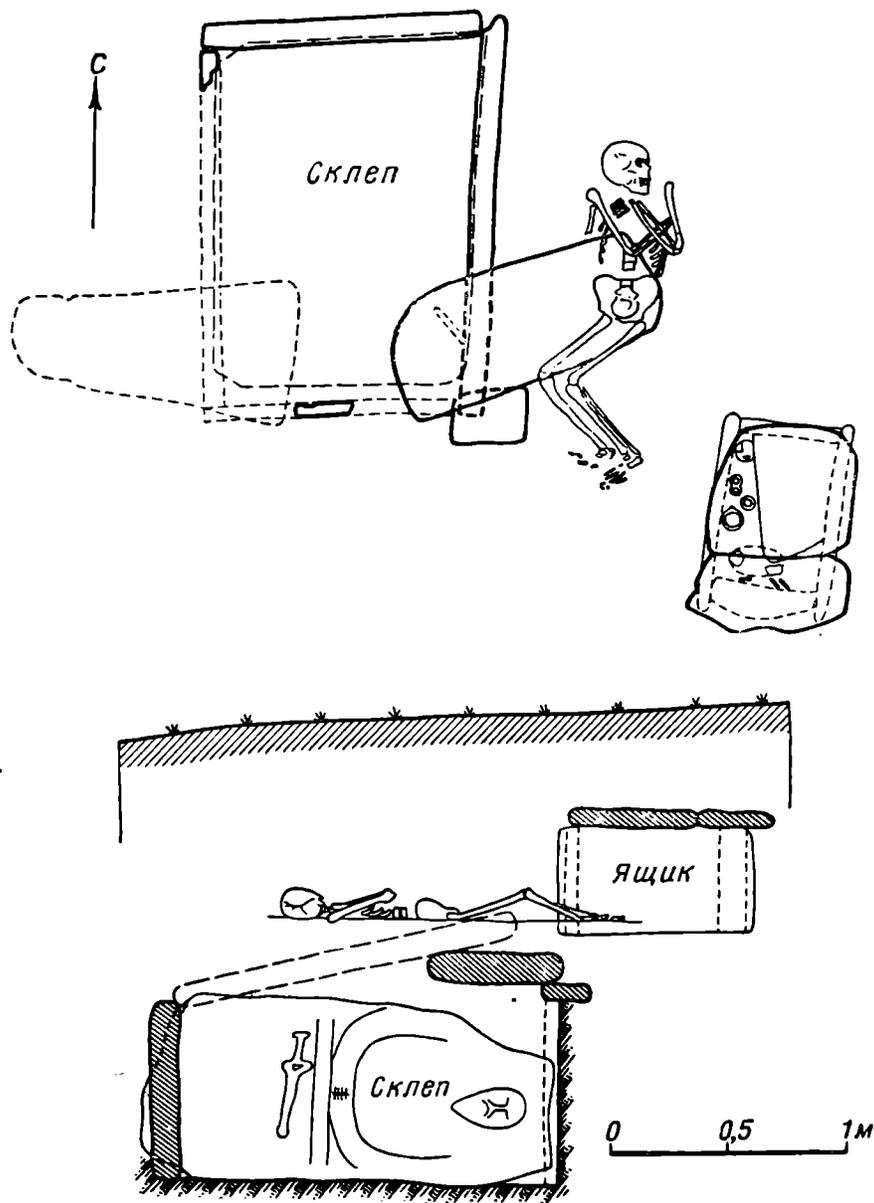

Рис. 4. Планы и профиль склепа, грунтового погребения и каменного ящика в сел. Галайты

н. э. и более позднего времени из Центрального Кавказа (могильники у сел. Верх. Кобань)⁴, и в то же время эти бляхи очень характерны для Восточного Кавказа — Дагестана, где они найдены в «культовых местах» (Арчо и др.).

Учитывая приведенные аналогии, мы можем с полным основанием датировать описанный склеп временем около середины I тысячелетия до н. э. Этим же временем датируется и отмеченное грунтовое погребение. Следует указать, что рядом со склепом, в 1,20 м к юго-востоку от него, был обнаружен каменный ящик с останками двух детских костяков, содержащий материал того же времени. Следовательно, можно полагать, что весь могильник датируется серединой I тысячелетия до н. э., примерно V—IV вв. до н. э.

Однако обратимся к каменным изваяниям. Плита с изображением усатого воина из сел. Галайты явно находилась в склепе во вторичном

⁴ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 13 (археология). Л., 1949, стр. 225, табл. 16.

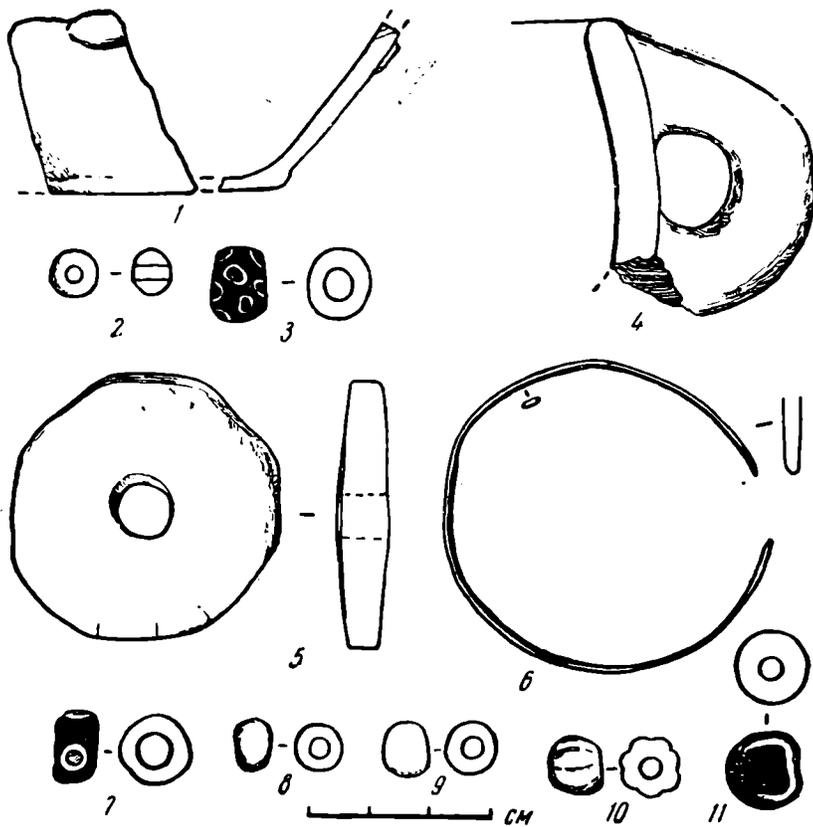

Рис. 5. Вещи из склепа и грунтового погребения в с. Галайты
 1 — обломок чаши; 2 — желтая бусина из стекла; 3 — синяя глазчатая бусина; 4 — обломок сосуда из грунтового погребения; 5 — каменное пряслице; 6 — бронзовый браслет; 7—11 — бусы из стекла

использовании⁵, иначе говоря, она несомненно несколько древнее склепа. Датировать эту стелу следует по изображенному на ней акинаку-кинжалу с прямым брусковидным навершием и, по всей вероятности, бабочковидным перекрестием. О форме перекрестия мы не говорим совершенно определенно, так как акинак на стеле изображен в ножнах, снабженных закругленным наконечником, но, скорее всего, она бабочковидная. Известно, что такой тип акинака был распространен у скифов и савроматов в VI—V вв. до н. э.⁶

Важно отметить, что очень близкие по типу мечи-кинжалы обнаружены и в ряде древних памятников Северного Кавказа, в частности в могильниках Нестеровском⁷, Луговом⁸, у г. Минеральные воды⁹ и других комплексах¹⁰. Эти памятники датируются в пределах VI—V вв. до н. э. Следовательно, описанная стела относится к этому же времени. Если материалы из склепа можно датировать V—IV вв. до н. э., то стелу следует отнести скорее всего к VI—V вв. до н. э.

Важно выяснить теперь также дату остальных каменных изваяний. Это ставит перед нами и другой вопрос — можно ли все эти стелы объединить в один круг памятников? Нам представляется, что это вполне возможно. В этой связи важно прежде всего отметить, что все они най-

⁵ Стелы из селений Замни-Юрт и Галайты хранятся в Чечено-Ингушском республиканском музее краеведения (г. Грозный).

⁶ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, МИА, 101, 1961, стр. 11, табл. 1.

⁷ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Грозненской области в 1946 г. КСИИМК, XX, 1940, стр. 69, рис. 33, 15.

⁸ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 281, рис. 47.

⁹ Н. М. Егоров. Могильник скифского времени у г. Минеральные воды, КСИИМК, 58, 1955, стр. 58, рис. 20, 1а.

¹⁰ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 143, рис. 12, 1.

дены в бассейне р. Аксай, в самой непосредственной близости друг от друга.

Однако рассмотрим некоторые особенности стел. Акинак на стеле из Галайты очень близок по форме мечу, изображенному на изваянии из Мескеты. Их сближает не только форма рукоятки, но и расположение под руками на поясе. Только в одном случае меч повернут в левую сторону, а в другом — в правую.

Любопытно, что на всех четырех стелах руки покоятся на животе. Две стелы — из Мескеты и Замни-Юрта — объединяются между собой и одинаковой трактовкой груди в виде круглых плоских кружочков (возможно, это и нагрудные украшения).

Надо также отметить, что аналогично выполнены изображения лиц (заостренно-овальной формы) на стелах из Бети-Мохка и Галайты. Кроме того, описанные стелы объединяются техникой исполнения отдельных деталей — это плоский рельеф. Таким образом, как стелу из Галайты, так и остальные описанные изваяния можно датировать примерно VI—V вв. до н. э.

Наличие рассмотренных памятников в данном районе — бассейне р. Аксай — очевидно, не случайно. Дело в том, что устье мелководной р. Аксай выходит на Прикаспийскую низменность, а верховья ее теряются в горном Дагестане. Широкая долина реки, обрамленная лесистыми горами, могла служить легким путем для проникновения в горы кочевых племен. Как известно, на указанное время приходятся походы скифских племен через Кавказ, в частности по Прикаспийской равнине, в Переднюю Азию¹¹. В связи с этим интересно отметить находку подобной стелы в Приморском Дагестане. Мы имеем в виду изваяние, хранящееся в музее г. Дербента.

Эта антропоморфная стела высечена из плиты серого известняка (высота 0,97 м). Голова овальная, с намеченными глазами, четко отделяется от туловища, руки, согнутые в локтях под прямым углом, покоятся на животе. На фигуре изображен широкий пояс. Детали изваяния выполнены в плоском рельефе (рис. 1, 5). Стела найдена на территории совхоза «40 лет Октября» близ поселка Дагестанские Огни.

Каменные изваяния в пределах Северо-Западного Кавказа и Дона заметно отличаются от описанных. Они выполнены зачастую с большим мастерством, более объемны, у них выделены талии, рельефные изображения луков и другие аксессуары¹².

Такое отличие памятников можно объяснить средой, на которую влияли традиции скифского изобразительного искусства. Можно вполне согласиться с А. А. Миллером, рассматривавшим памятники скифского искусства как результат взаимодействия местных вкусов с привнесенными¹³.

Ограниченность круга памятников не позволяет нам связать данные антропоморфные изображения со средневековыми и современными надмогильными антропоморфными плитами, широко распространенными по всему Северному Кавказу, независимо от вероисповедания населения. Не остановились мы и на вопросе о связи подобных памятников с синхронными и близкими памятниками Северного Причерноморья и Поволжья. Решение этих интересных вопросов — дело будущего.

¹¹ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 61—67.

¹² А. А. Миллер. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. ИРАИМК, IV, 1925, стр. 99—110.

¹³ Там же, стр. 114.

И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ

ЩЕРБИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

При разведках Московской экспедицией Института археологии АН СССР в 1960—1961 гг. было установлено, что находящееся в 5 км к востоку от г. Подольска (в Московской области близ с. Щербинка) дьяковское городище разрушается. В 1961 г. Подольским отрядом Московской экспедиции Института под руководством А. Ф. Дубынина были произведены раскопки этого городища¹. Щербинское городище известно с конца прошлого века, неоднократно осматривалось археологами и краеведами, но впервые было нанесено на археологическую карту в 1923 г. сотрудниками Сухановского краеведческого музея [1], а в 1925 г. этим же музеем были проведены небольшие раскопки (заложена траншея шириной 1 м поперек городища), результаты которых неизвестны.

Городище расположено на правом берегу р. Пахры при впадении в нее р. Конапелки, на останце высокого берега, далеко вдающегося в пойму. Местное название городища — «Большой курган», высота его над поймой 12—15 м. Площадка подтреугольной формы относительно ровная, несколько вытянутая в направлении север—юг, ее размеры 53×40 м. Края и склоны городища сильно нарушены выборкой земли. Городище окружено остатками кольцевого вала, шедшего по основанию останца (рис. 1). Раскопками 1961 г. вскрыто 512 м² в восточной части городища. Культурный слой неоднороден. Мощность его в северной части от 0,2 до 0,8 м, в центральной — 0,8—1,2 м, по краям площадки в южной и юго-восточной части — от 1,2 до 2,6 м. Стратиграфически культурный слой разделяется на три основные части:

1) верхний — гуммированная супесь мощностью от 0,2 до 0,6 м — прослежен по всей площадке городища;

2) слой насыпной, состоящий из гумуса, глины, песка, гравия и коричневатых прослоек от перегнившего дерева, обнаружен только по краям площадки городища с южной и юго-восточной сторон;

3) нижний культурный слой в виде серого песка с угольками и углестыми прослойками. В центральной части площадки он отсутствует.

Раскопками обнаружены остатки жилых построек, хозяйственные ямы, очаги, остатки оборонительных сооружений. Собрана значительная коллекция вещей (около 500), обломков посуды (35 000) и большой остеологический материал. В. И. Цалкин определил 3500 костей. Наибольшее количество принадлежит домашним животным — лошади, свинье и крупному рогатому скоту, из диких наиболее часто встречаются кости бобра и лося. Интересна находка костей северного оленя.

В северной части городища обнаружены только поздние наслоения, а по южному краю сохранились все наслоения с основания поселения и до последнего периода его существования. Это очень важно, так как

¹ В составе отряда работали И. Г. Розенфельдт (нач. отряда), И. А. Раздорская, Р. Л. Розенфельдт, Е. Н. Симонова и К. А. Смирнов.

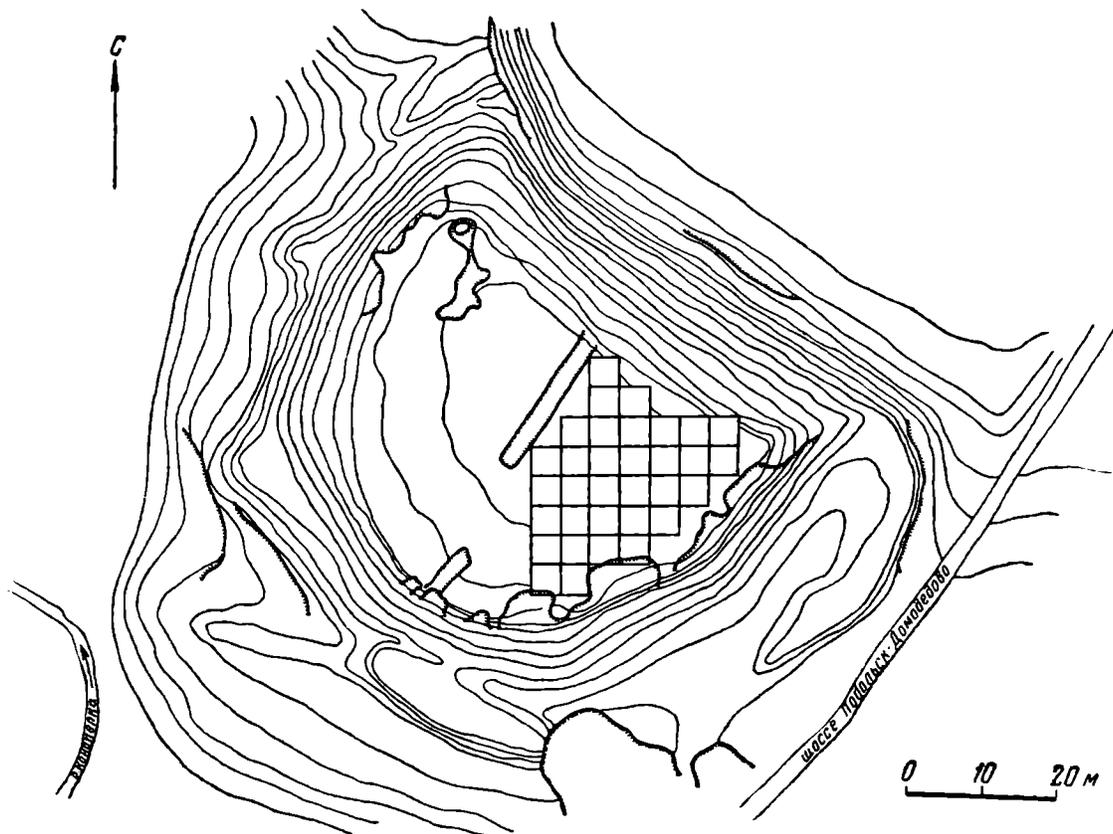

Рис. 1. План Щербинского городища

дало возможность стратиграфического разделения сооружений и находок и, в частности, позволило проследить статистически стратиграфическую последовательность разных типов керамики, что для памятников дяковской культуры крайне существенно.

В нижнем культурном слое прослежены остатки древнейших оборонительных сооружений в виде параллельных канав для частоколов, вырытых в материке вдоль края площадки городища (рис. 2). Ширина канав 0,25—0,3, глубина 0,3—0,4 м. Прослеженные внутри канав пятна свидетельствуют о том, что в каждой канаве был вкопан ряд столбов, стоявших вплотную друг к другу и составлявших частокол. На отдельных участках удалось проследить, как одни канавы перерезались другими, а иногда более ранние канавы были перекрыты выбросом из более поздних. Это наблюдение позволило выявить последовательность их сооружения. Самой ранней была канава № 1, позже — канава № 2, наиболее поздней — канава № 3.

Частоколы оборонительного назначения вскрыты на древнейших городищах лесной полосы Европейской части СССР: Каширском [2, стр. 8], Мамоновском [3, стр. 19], Николо-Ленивец на р. Угре [4, вклейка, рис. 5], Кузина Гора на р. Сейм [5, 6] и др. На Щербинском городище вдоль канав (к югу и юго-востоку от них) в материке обнаружены остатки столбовых сооружений, вкопанных рядами в 2—3 м ширины. Нам представляется, что это также остатки древних оборонительных конструкций, возможно типа надолбов. О жилых постройках нижнего слоя до полных раскопок городища трудно что-либо сказать, так как древний слой с центральной части площадки счищен более поздними обитателями.

Среди находок нижнего культурного слоя преобладает костяной инвентарь: наконечники стрел (рис. 3, 1—5, 7), гарпуны, охотничьи «манки», «тупики» для обработки кожи, рукояти для ножей, иглы, булавки (рис. 3, 8), проколки и пр. Интересен многозубый двусторонний гарпун

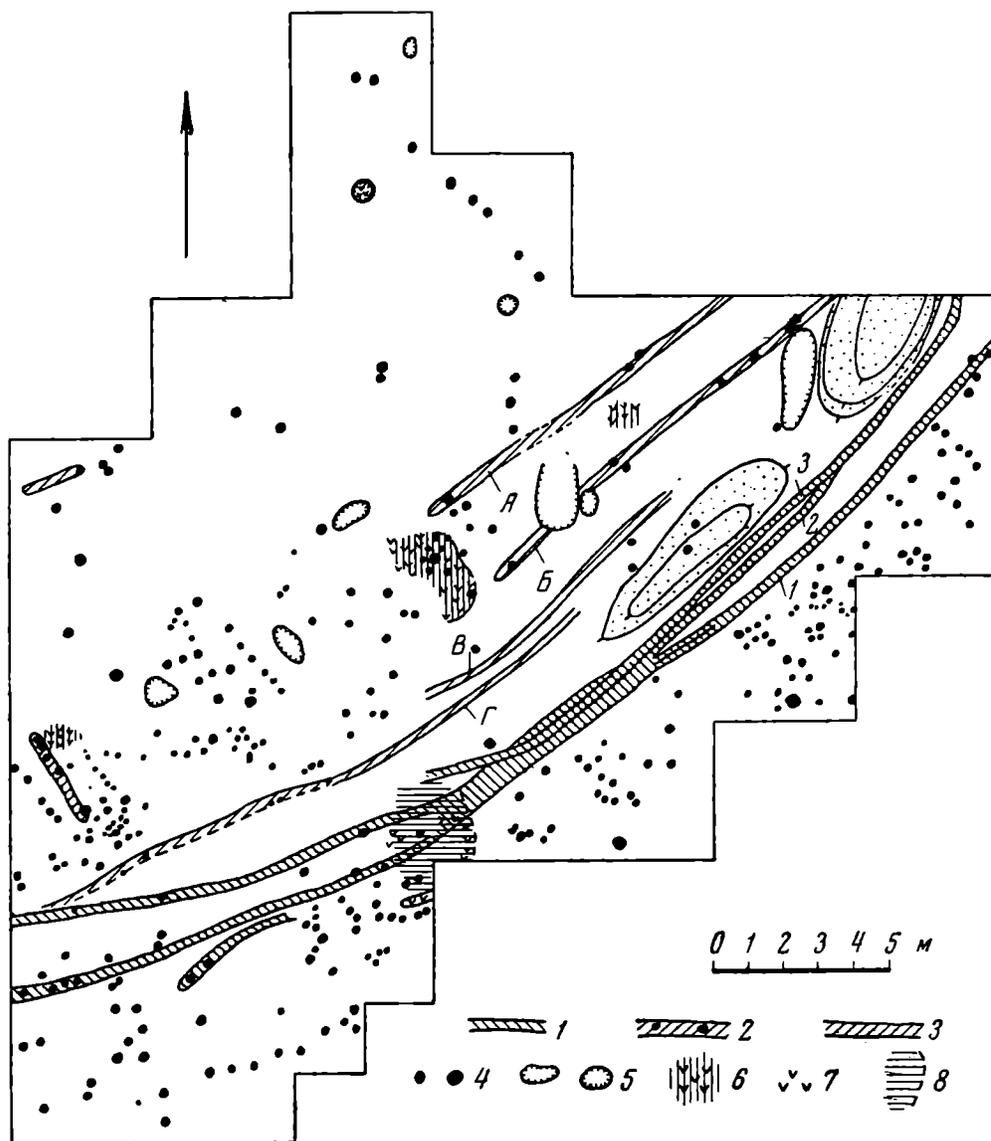

Рис. 2. Схематический план сооружений Щербинского городища

1 — каналы (№ 1—3) от частоколов нижнего слоя, 2 — каналы А, Б от длинной постройки верхнего слоя, 3 — каналы В, Г верхнего слоя, 4 — столбовые ямы, 5 — ямы, 6 — очаги, 7 — углы, 8 — место землянки

(рис. 3, 10), подобный найденному на Мамоновом городище [3], и зубчатый штамп для обработки сосудов (рис. 3, 13).

Можно выделить четыре основных типа наконечников стрел, относящихся к этому слою. Наиболее ранними (по стратиграфическим данным и по аналогиям) являются пулевидные втульчатые наконечники стрел (рис. 3, 1), бытовавшие у скифов с VIII до конца IV в. до н. э. [7, стр. 61; 8]. Несколько более поздними представляются однокрылые черешковые наконечники стрел (рис. 3, 3) каширского типа [2, рис. X, XI], известные также по находкам на городищах Кропотовском [9], Топорок [10, табл. 2], Мамоновом [3, рис. 4, 11 и рис. 16, 3], а также на городищах Смоленщины в слоях V—IV вв. до н. э., датированных латенскими вещами [11, стр. 173—174].

К следующему типу относятся наконечники с утолщением при переходе от черешка к перу (рис. 3, 5, 7), они стратиграфически одновременны однокрылым наконечникам и известны из Каширского и Кропотовского городищ, а также из нижнего слоя городища Николо-Ленивец [4, рис. 3, 2], причем последний датируется браслетом типа Латен II.

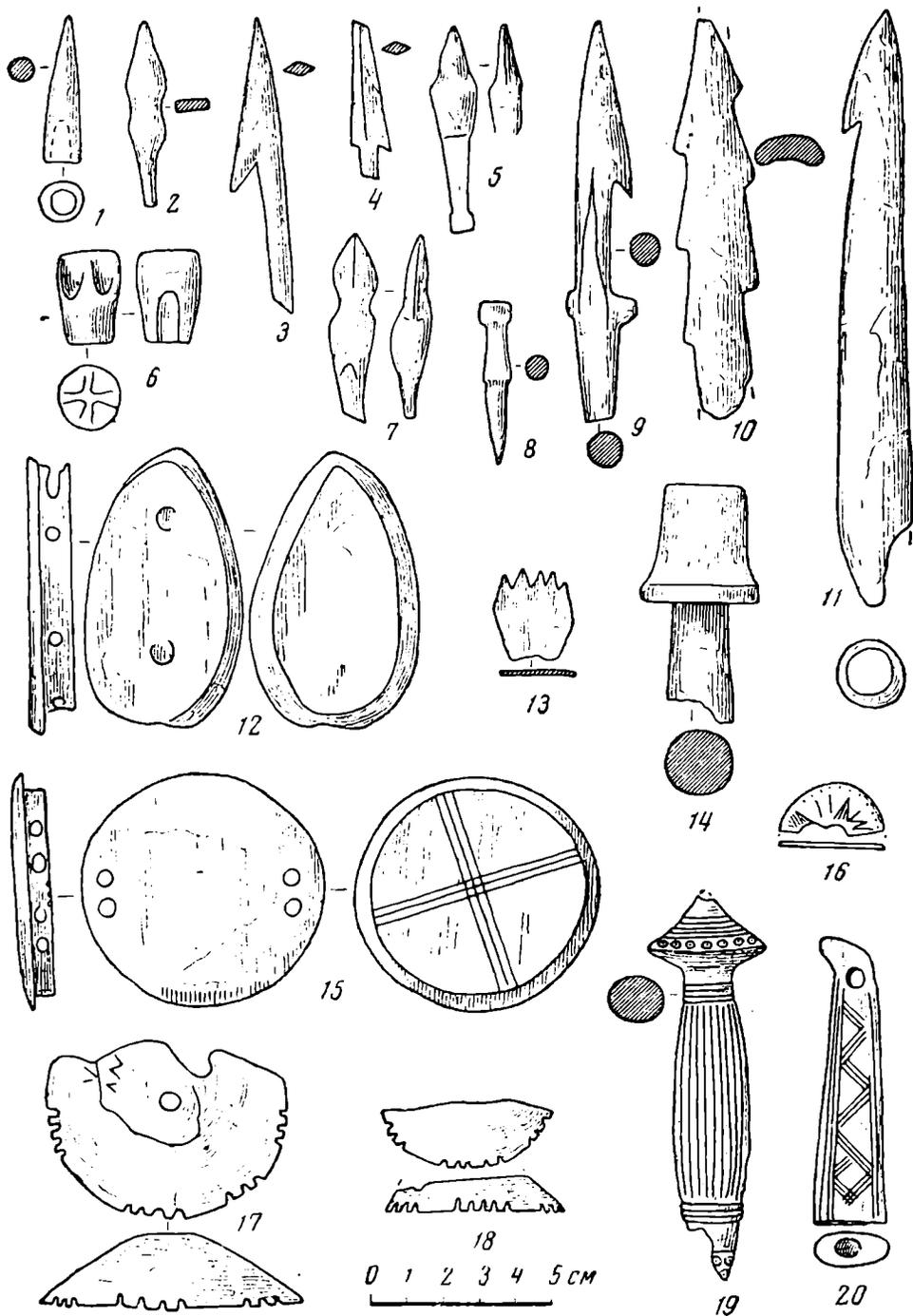

Рис. 3. Костяные изделия Щербинского городища

1—7 — наконечники стрел; 8 — булавка; 9—11 — гарпуны; 12, 15 — «донца от колчанов»; 13 — гребенка-штамп; 14, 19, 20 — рукоятки; 16 — поделка с орнаментом; 17, 18 — грузики

Четвертый тип представлен плоскими, черешковыми наконечниками, суженными посередине пера (рис. 3, 2); они известны из нижних слоев Мамонова городища (коллекции МИРМ), городища у с. Городище близ Калязина, относящегося к середине I тысячелетия до н. э., где они найдены совместно с однокрылыми наконечниками стрел [12, рис. 5, 1].

Предметы из железа и бронзы в нижнем слое единичны. Среди них бронзовая плоская бляшка в виде треугольников, соединенных основаниями (рис. 4, 10) с петелькой на внутренней стороне, и бронзовые булавки с завернутой головкой (рис. 4, 13, 14). В нижнем слое найдена синяя глазчатая бусина IV в. до н. э. [2, рис. V, 23].

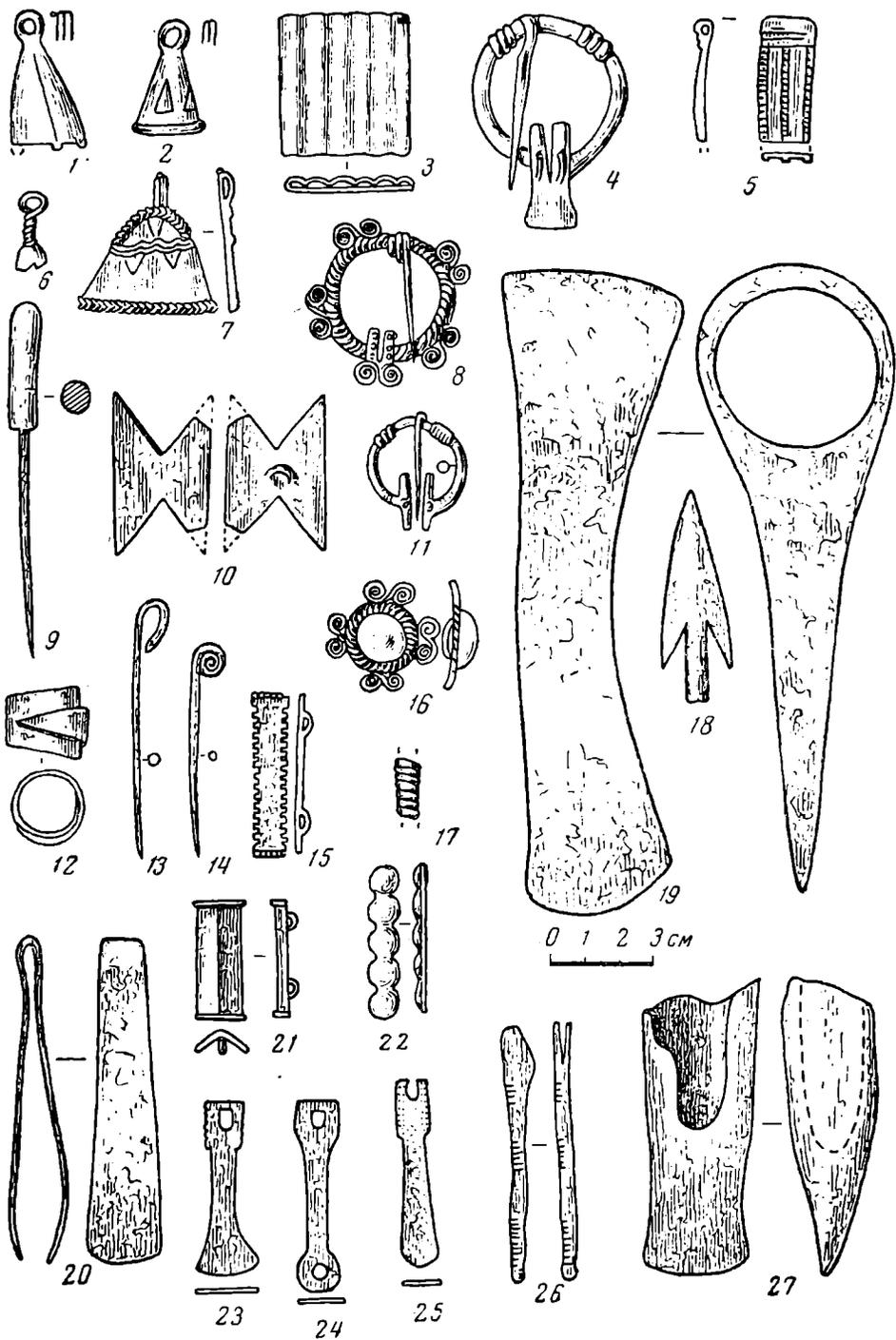

Рис. 4. Металлические изделия Шербинского городища
 1, 2, 4–8, 10–17, 21–26 — бронза; 3 — серебро; 9, 18–20, 25 — железо

Интересно отсутствие в нижнем слое грузиков дякова типа. Аналогичная особенность прослежена на некоторых городищах Москворечья (например, на Успенском под Звенигородом) [13]. Этих грузиков нет и в нижних слоях смоленских городищ, время которых определяется латенскими вещами. Это обстоятельство уже отмечено П. Н. Третьяковым и Е. А. Шмидтом [14]. В последних работах П. Н. Третьяков прямо указывает на распространение этих предметов лишь в первой половине I тысячелетия н. э., считая их несомненными элементами балтской культуры [15, стр. 267]. В городищах Литвы грузики дякова типа также характерны для памятников начала I тысячелетия н. э. [16].

Сосуды нижнего слоя (рис. 5, 1–12) плоскодонные, преимущественно слабопрофилированных форм. Для них характерно узкое дно с диа-

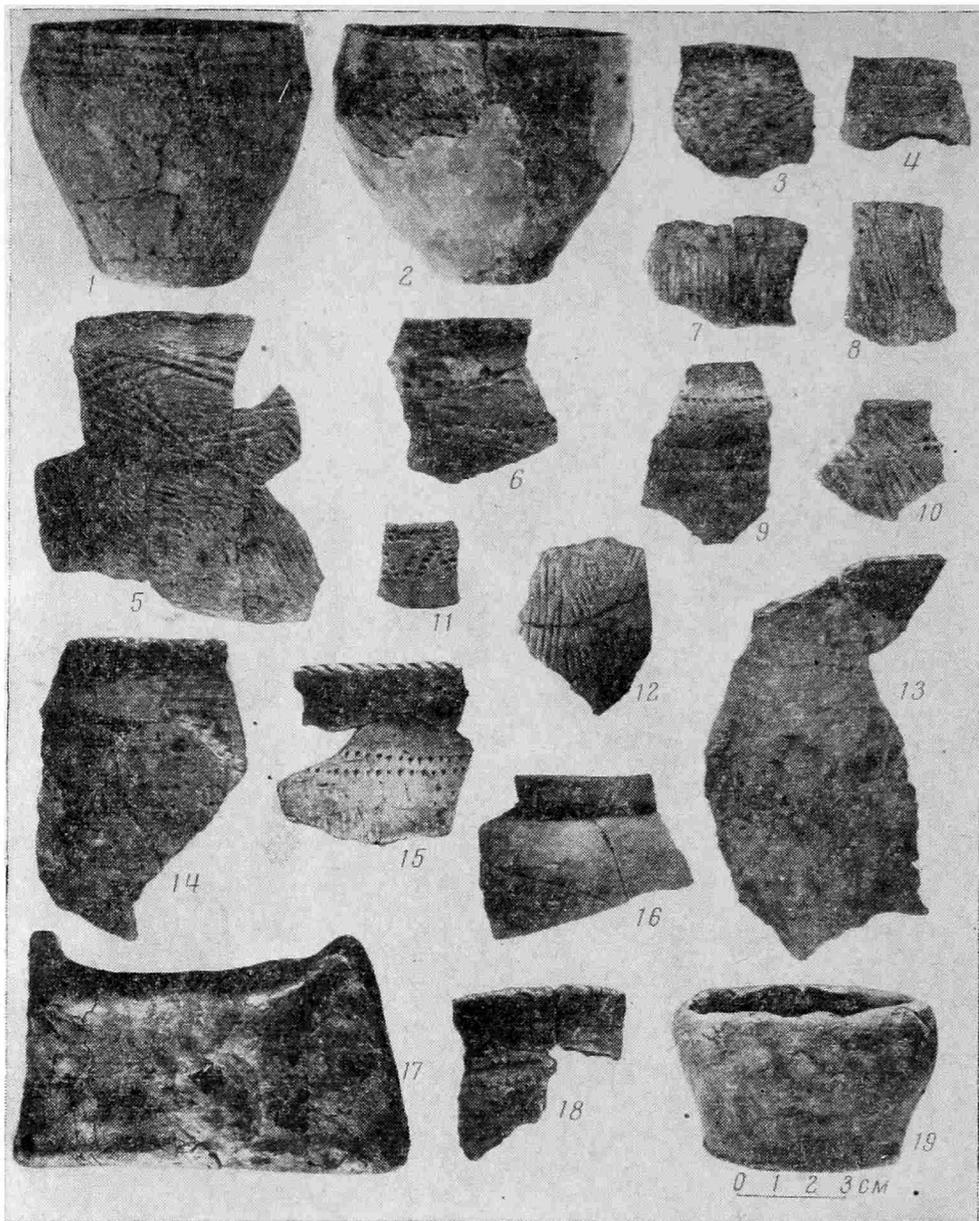

Рис. 5. Керамика Щербинского городища

1—12 — посуда нижнего слоя; 14—16, 18, 19 — посуда верхнего слоя; 17 — рогатый кирпич

метром, почти вдвое меньшим диаметра горла. Глиняное тесто сосудов грубое, серое, с примесью дресвы, обжиг слабый, поверхность шероховатая. Статистические подсчеты обломков посуды, произведенные по пластам всей толщи культурного слоя, достаточно ясно отражают стратиграфические изменения (до полных раскопок городища полученные процентные данные следует считать предварительными). Около 40% составляет гладкостенная посуда без орнамента или с орнаментом, нанесенным крупным гребенчатым штампом (рис. 5, 3, 4), аналогии для нее мы находим в материале из Кропотовского городища [9], из восьмого слоя Протопоповского городища [17] и из городищ Верхнего Поволжья [12, рис. 9, 6]. Около 50% составляет посуда с сетчатыми отпечатками на поверхности, последние часто переходят на дно сосудов. Характер сетчатых отпечатков разнообразен: преобладает тонкое переплетение, однако есть и «кrapчатая», более грубая сетка. Остальные 8—10% составляют сосуды с заштрихованной поверхностью (рис. 5, 7, 8, 12).

Сетчатая и штрихованная керамика часто имеют дополнительную орнаментацию. Во всех случаях это — гребенчатый штамп (рис. 5, 1, 2, 5,

6, 9—11). В верхних горизонтах нижнего слоя количество сетчатой и штрихованной посуды уменьшается, на ней иногда кроме гребенчатого штампа появляются ямки и фигурные штампы. Но зато резко увеличивается количество гладкостенной посуды, орнаментированной только гребенчатым штампом. Такой комплекс керамики при отсутствии других орнаментов на гладкой посуде должен быть старше керамического комплекса городищ Топорок [10, табл. 6], Пирожная гора (коллекции ГИМ), Подгай [18] и других дьяковых городищ последних веков до нашей эры. Таким образом, по характеру оборонительных сооружений, по вещам и посуде время нижнего слоя Щербинского городища может быть определено второй половиной I тысячелетия до н. э.—III (II?) в. до н. э.

Между нижним и верхним культурными слоями, по южному и юго-восточному краям площадки городища прослежена насыпь мощностью около 1 м. Она состоит из наслоений, свидетельствующих о многократных подсыпках и подправках края площадки. В насыпи прослежены прослойки супеси, песка, гравия, угля, золы и коричневые прослойки, являющиеся, по-видимому, остатками деревянных сооружений. Наличие в насыпи столбовых ям показывает, что в ней были деревянные конструкции. По характеру находок насыпь близка к верхнему культурному слою (грузики дьякова типа, бронзовые украшения, литейные формы и т. д.). Но в ней есть некоторые вещи, встречавшиеся и в нижнем слое. Это может быть объяснено тем, что насыпь образовалась в относительно поздний период жизни на городище, когда его обитатели, выравнивая площадку для сооружения жилых построек, счистили древний слой.

Верхний культурный слой интенсивно насыщен вещами и остатками сооружений. В основании этого слоя, в южной части края площадки было обнаружено углубление (возможно, землянки) размером 2,8×2 м, глубиной 1 м (рис. 2). В заполнении его найдены костяной грузик типа Каширского городища [2, стр. 18] с вырезанными на нем знаками (рис. 3, 17) и оригинальная костяная круглая пластина с закраиной и с отверстиями для ремней, прорезанными наискось. На внутренней стороне пластины имеется нарезной орнамент в виде креста (рис. 3, 15). Подобный предмет известен только из Кропотовского городища (коллекция ГМА при МГУ). Возможно, что в обоих случаях это донца маленьких туесов или колчанов. Эти находки сопровождаются гладкостенной посудой (часть ее с гребенчатым орнаментом) и сетчатой (в том числе с дополнительными орнаментами в виде ямок или отпечатков фигурных и гребенчатых штампов). Такая керамика характерна для памятников последних веков до нашей эры; по-видимому, и костяные пластины также относятся к тому же времени.

К более позднему периоду жизни городища относится большая жилая постройка в виде длинного дома с внутренними перегородками (рис. 2). От этого сооружения сохранились в материке² две канавки шириной 0,25—0,3, глубиной 0,3 м. Они, по-видимому, окружали центральную часть площадки и шли параллельно ее краю на расстоянии одна от другой 2,2 м (включая ширину канав — 2,8 м). Внутри канав обнаружены столбовые ямы, в расположении которых наблюдается регулярность. Канавы выкапывались с горизонтальным дном, предназначенным для деревянных конструкций, составленных из горизонтально лежащих бревен в комбинации с вертикально врытыми столбами. Вероятно, стены постройки состояли из горизонтально уложенных бревен, либо закрепленных в пазы вертикальных столбов, либо зажатых между ними. Что

² Как отмечено выше, древнейшие слои с площадки счищены обитателями городища при последующих перестройках, поэтому следы поздних сооружений остались в материке.

представлял собой северный конец постройки, выяснить не удалось, так как культурный слой на этом участке разрушен. В южной половине постройки канавы прослежены менее четко, но наблюдались столбовые ямы, расположенные по их линии. В западной части сооружения обнаружена аналогичная канава, примыкающая к линии канав под прямым углом и по длине соответствующая ширине постройки (2,8 м). Возможно, что это остатки внешней короткой стороны сооружения или внутренняя перегородка. В канавке и рядом с ней также имелись ямы для столбов, поддерживавших конструкции. Внутри постройки выявлены линии столбов от внутренних перегородок, которые, судя по толщине столбов, были облегченными. Перегородки разделяли постройку на камеры длиной 6—8 м. Внутри каждого такого помещения имелись очаги и хозяйственные ямы, содержащие разнообразный инвентарь и керамику.

Особый интерес представляет очаг центральной камеры. Это кострище без камней с мощным слоем угля и золы. Размеры его 1,5×1,5 м. Материк под ним сильно прокален, и в нем четко проступили находящиеся под углями следы столбовых ям. В центре прослежена большая столбовая яма (диаметр 0,25 и 0,35 м). Вокруг нее на расстоянии 5—7 см и по краям кострища находились мелкие столбовые ямы. Эта длинная наземная постройка (длина прослеженной части — 28—30 м) с внутренними помещениями несомненно была жилой. К югу от нее прослежены следы еще двух канав с остатками отдельных столбов, идущих параллельно длинному дому. Назначение их не совсем ясно. Возможно, это самостоятельные конструкции, как бы заграждения, со стороны склона, позади жилой постройки. Вероятно, близкие по конструкции (но худшей сохранности) жилые постройки прослежены и к северу. Внутри сооружений и рядом с ними имелись хозяйственные ямы с находками, соответствующими обнаруженным в описанном доме. Как в ямах, так и в заполнении дома вещи однотипны, составляют единый хронологический комплекс: железные шипастые рубленые наконечники стрел, железные ножи, серп, шило, бронзовые украшения (сюльгамы, поясные привески и накладки, перстень, браслеты и пр.), глиняные таблички с орнаментом и грузики дьякова типа, пряслица, глиняные бусы в виде колокольчиков и пр. Грубая гладкостенная посуда, найденная в постройке, иногда украшена по плечикам орнаментом, нанесенным разнообразными штампами, веревочкой, намотанной на палочку, защипами. В незначительном количестве есть сосуды с грубой сетчатой поверхностью без орнамента. Имеется керамика с лощеной поверхностью. Анализ находок позволяет отнести постройку ко II—IV вв.

Оборонительные сооружения, относящиеся к верхнему культурному слою, представлены остатками столбовых конструкций, связанных с насыпью по краю площадки и мощными земляными валами у подножья городища. Последние при раскопках 1961 г. не исследовались.

Верхний культурный слой отличается от нижнего не только большей насыщенностью, но и характером находок. Судя по типологии и стратиграфии находок, он может быть разделен на два горизонта.

В нижнем горизонте верхнего слоя, к которому, по-видимому, относится сооружение типа землянки, еще значительное место занимает костяной инвентарь, хотя железные изделия, главным образом ножи с горбатой спинкой и разнообразные стержни, уже распространены. Характерной чертой верхнего культурного слоя является присутствие грузиков дьякова типа (найденно около 60 экземпляров) разнообразных форм и размеров (есть миниатюрные), значительная часть их орнаментирована (рис. 6, 1—3). Грузики появляются в нижнем горизонте верхнего культурного слоя, однако большая часть их относится к верхнему горизонту. В нижнем горизонте найдены глиняные поделки, в частности рогатые кирпичи (рис. 5, 17), шаровидные бусы и бусы в виде миниатюрных колокольчиков (рис. 6, 8), хорошо известные по городищам Топорок

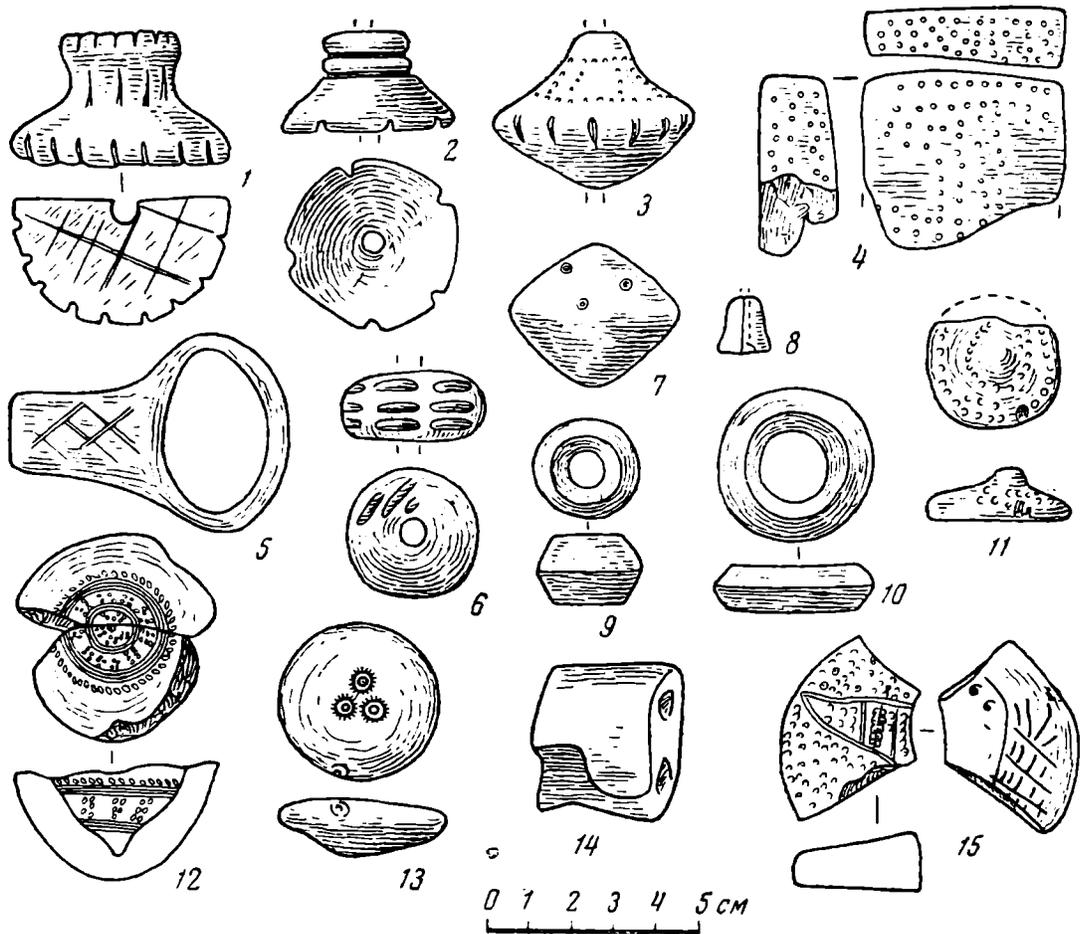

Рис. 6. Глиняные изделия Щербинского городища

1—3 — грузики; 4, 11, 15 — предметы с орнаментом; 5 — льячка; 6, 9 — пряслица; 7 — шарик; 8 — колокольчик; 10 — керамическое подлощенное кольцо; 12—14 — литейные формы

[10], Троицкому (раскопки А. Ф. Дубынина в Можайском районе Московской области — коллекции ИА АН СССР) и др. Более широко и разнообразно глиняные поделки представлены в верхнем горизонте. Костяной инвентарь сохраняет много общего с нижним культурным слоем. Здесь многочисленны также проколки, иглы, свистульки — «манки», разнообразные рукояти. Характерными для нижнего горизонта верхнего слоя являются рукояти с грибовидными навершиями, часто украшенные нарезным орнаментом (рис. 3, 14, 19, 20). Эти предметы широко известны по многим дьяковским городищам последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры. Есть и другие орнаментированные поделки (рис. 3, 16).

При появлении в первых веках нашей эры железных наконечников стрел костяные наконечники имели ограниченное распространение. Однако и среди небольшого количества найденных костяных наконечников можно выделить типы, отличающиеся от наконечников нижнего слоя. Это плоские черешковые наконечники стрел и втульчатые тупые, иногда с вырезками в верхней части (рис. 3, 6), вероятно, употреблявшиеся для пушной охоты. Аналогии им имеются в материалах Троицкого и Синьковского городищ [19, рис. 17, 10], в городище Новые Батеки [14] на Смоленщине и др. Гарпуны двух типов: однозубые с муфточкой, хорошо известные по ранним слоям дьяковских городищ (рис. 3, 9), и втульчатые однозубые (рис. 3, 11). Особого внимания заслуживают уникальные костяные пластины с отверстиями, одна из них описана нами в материалах из землянки, вторая, овальная (рис. 3, 12), найдена вне сооружений. В этом же слое найден костяной грузик (рис. 3, 18), аналогичный обнаруженному в землянке.

Костяные грузики Щербинского городища такие же, как в Каширском городище. Но с каким слоем Каширского городища можно их связать? Обследование этого памятника [20] в 1961 г. показало наличие на нем разнообразной по времени керамики, в том числе и лощеной, относящейся к первой половине I тысячелетия н. э. Это дает нам основание считать, что Каширское городище, датированное В. А. Городцовым VII—IV вв. до н. э., имеет и более поздние наслоения.

Совместное нахождение на Щербинском городище в землянке, в одном комплексе, костяного грузика и «донца от колчана», очень близких по технике обработки, определяет их одновременность. Стратиграфически им соответствуют находки грузика и «донца» в культурном слое городища. Эти предметы относятся к нижнему горизонту верхнего слоя, к последним векам до нашей эры. По-видимому, к этому же времени относятся и каширские костяные грузики.

Верхний горизонт верхнего культурного слоя наиболее интенсивно насыщен находками и сооружениями. К этому горизонту относится описанная выше длинная жилая постройка. Находки верхнего горизонта представлены разнообразными изделиями из железа, цветного металла, глины, камня. Кость как материал для изготовления бытового инвентаря отходит на второй план. В этот период максимальное распространение получают грузики дьякова типа (рис. 6, 1—3). Они разнообразны по формам, орнаментам и размерам. Есть грузики со знаками. Следует отметить обломок многоярусного грузика типа мало распространенного, но известного по Бородинскому [21], Успенскому и Троицкому городищам. Найденные здесь глиняные таблички с точечным орнаментом (рис. 6, 4) полностью совпадают по характеру изображения с табличками Огубского [22], Успенского [13] и Дьяковского [23] городищ и очень близких к находкам на других городищах дьякова типа. Многочисленные глиняные шарики (рис. 6, 7), иногда орнаментированные точечным орнаментом, широко представлены и в Троицком городище. Как и в нижнем горизонте, в верхнем горизонте верхнего слоя встречаются разнообразные глиняные бусы с орнаментом и без него, миниатюрные колокольчики, лепешки и другие предметы, часто украшенные орнаментом (рис. 6, 11, 15). Найденны цилиндрические и биконические пряслица (рис. 6, 6, 9) и керамические кольца (рис. 6, 10) (иногда подлощенные), рогатые кирпичи, льячки (рис. 6, 5), тигельки; глиняные и каменные формы для литья по восковой модели (рис. 6, 12—14). Интересны керамическая литейная форма для умбововидной ажурной бляшки (рис. 6, 12) и форма в виде глиняной лепешки с тремя углублениями для отливки мелких украшений (рис. 6, 13). Аналогичная форма найдена в жилище № 1 верхнего слоя Мамонова городища [3].

Обнаружены отходы литейного производства в виде капель металла. О высоком развитии литейного производства свидетельствуют многочисленные бронзовые предметы, преимущественно украшения: ажурная квадратная бляха с зернью [24] и такой же формы серебряная бляха с рифлением (рис. 4, 3); украшения из соединенных полусферических бляшек (рис. 4, 22), подобные известным из могильников Кошибеевского типа [25]. Круглая бляха с выпуклой центральной частью и спиральным орнаментом (рис. 4, 16) полностью повторяет внутреннюю часть ажурной бляхи Березняковского городища [12, рис. 31, 4]. В том же стиле выполнены бронзовые сьюльгамы (рис. 4, 8), имеющие аналогии в могильниках III—IV вв. [25, 26]. К этому же времени относятся бронзовые пряжки (рис. 4, 4, 11), прямоугольные бляшки с двумя петельками на внутренней стороне, гладкие (рис. 4, 21) и с зубчатыми краями (рис. 4, 15), и поясные подвески в виде стержней с насечками и шишечкой на конце (рис. 4, 26), известные по прибалтийским древностям III—IV вв. [27], по Троицкому и Огубскому [28] городищам и по могильникам Кошибеевского типа [26]. Имеются пластинчатые привески (рис. 4, 23—25).

иногда секирообразные, такие же, как бытовали в Прибалтике в IV в. [27]. Многочисленны бронзовые кольца (рис. 4, 12), спиральные пронизки (рис. 4, 17), подвески-колокольчики разных типов, гладкие и с прорезями (рис. 4, 1, 2, 6).

Украшения изготовлялись и из железа. Среди них булавки (рис. 4, 9), поясные привески и пряжки с обоймицами, пряжки-застежки кольцевидные с завернутыми концами, широко распространенные и в прибалтийских древностях IV в. и на памятниках этого времени в Волго-Окском междуречье. К этому же времени относится железный пинцет (рис. 4, 20).

Основные предметы хозяйственного инвентаря выделялись из железа. Втульчатый кельт (рис. 4, 27) и проушный топор (рис. 4, 19) прибалтийских типов хорошо датируются по могильным комплексам Литвы³ и Эстонии II—V вв. Аналогичные вещи известны на памятниках верхнего Подвинья [18, рис. 57, 2] того же времени. Найдены ножи с горбатой и скошенной спинкой, шилья, рыболовные крючки, шипастые наконечники стрел (рис. 4, 18) и др. Из камня сделаны рыболовные грузила, «гладилки», точильные бруски, песты. Интересен состав бус: кроме глиняных имеются костяные, красные пастовые мощинского типа, синие стеклянные и золоченые.

Посуда верхнего слоя (рис. 5, 13—19) в целом, благодаря отсутствию древнейшего слоя на центральной части площадки городища, выявляется достаточно отчетливо. Преобладают гладкостенные сосуды (96%), часть которых орнаментирована по венчикам и плечам. На последних преобладают орнаменты, оттиснутые разнообразными мелкими штампами (41%) и веревочкой, намотанной на палочку (33%), есть зашипная (12%), прочерченная (и нарезная) орнаментация (9%). Незначительными долями процентов исчисляются одиночные фрагменты керамики иных типов (штрихованная, гребенчатая, рогожная и посуда эпохи бронзы)⁴. Имеется подлощенная (3,1%) и сетчатая (0,9%). Сетчатая керамика тяготеет к нижнему горизонту верхнего слоя. Иногда по сетчатой, преимущественно «крапчатой», поверхности сосудов нанесен дополнительный орнамент в виде оттисков гребенки, ямок, фигурных штампов типа розетки, прочерченных узоров или зашипов. Преобладание гладкостенной посуды и наличие на ней орнаментов из отпечатков «веревочки на палочке», прочерченного и зашипного позволяют комплекс посуды нижнего горизонта верхнего слоя отнести к последним векам до нашей эры — первым векам нашей эры, сопоставляя его, как и инвентарь, с такими дьяковскими городищами, как Топорок, Пирожная Гора, Синьково, нижние слои Дьяковского и Барвихинского городищ (раскопки Г. П. Латышевой, коллекции МИРМ) и др.

Верхний горизонт верхнего слоя характеризуется распространением гладкостенной посуды профилированных форм с выделенными шейками и плечиками. Края венчиков часто украшены насечкой, отпечатками штампов, продольной канавкой. В это время широко распространяется орнаментация разнообразными штампами при наличии ногтевой, зашипной, веревочной и прочерченной. Именно для верхнего горизонта характерно присутствие подлощенной и лощеной керамики. Этот горизонт, как уже сказано выше, отражает время широкого применения железных изделий, время, отмеченное большим распространением металлических украшений, стеклянных и пастовых бус, грузиков дьякова типа. Как по керамике, так и по вещам этот горизонт может быть сопоставлен с верхними слоями Троицкого, Дьяковского, Барвихинского и других городищ

⁴ В культурном слое городища найдены и обломки каменных орудий, в том числе и полированный топор эпохи бронзы.

³ Коллекции Музея при Институте истории АН Литовской ССР (Вильнюс) и Каунасского государственного исторического музея.

Москворечья, с дьяковским слоем Неждинского городища, раскопанного А. Ф. Дубыниным на р. Рузе в 1961 г. Хронологические рамки его могут быть определены II—IV вв. Среди находок есть отдельные вещи — кресало, обломок широкопластинчатой фибулы (рис. 4, 5), некоторые типы посуды, — позволяющие ставить вопрос о более позднем времени культурного слоя Щербинского городища, однако уточнить это можно только при последующих раскопках. Для определения времени, а также для выяснения этнических особенностей особый интерес представляет найденная на городище бронзовая привеска подтреугольной формы с прорезями и с орнаментом в виде плетенки (рис. 4, 7). Ближайшая параллель подвески такого типа известна из верхнего слоя Троицкого городища. Вещи эти балтского происхождения, подтверждением чему служат находки из восточнолитовских курганов. Так, подвеска, найденная в курганах Межонис-Швенченского района, может рассматриваться как прототип подобных украшений, отличающихся от них лишь наличием эмали [29, рис. 2, 5]. В Литве курганы с подобными вещами датируются IV—V вв., а некоторые даже началом VI в.

Кажется возможным допустить, что верхний горизонт культурного слоя, связанный с перепланировкой городища и возведением мощной оборонительной системы, с появлением новых типов посуды и вещей, отражает этап, когда в среду местного финно-угорского населения влились новые компоненты. Присутствие вещей балтских типов, грузиков дьякова типа, широко распространенных на территории древних балтских племен, наличие посуды лощеной и с зашипным орнаментом, а также многие другие элементы культуры, прослеживаемые на материалах Щербинского городища, при преобладании вещей финно-угорского круга свидетельствуют о смешанном этническом составе обитателей городища в этот период.

Значение Щербинского городища для решения вопросов, связанных с изучением дьяковской культуры, велико. На нем отложились слои, не только соответствующие по времени Троицкому городищу, полностью раскопанному и являющемуся в настоящее время эталоном для изучения дьяковской культуры начала I тысячелетия н. э., но и значительно более древние, встретившиеся до сих пор только на Каширском городище, раскопанном лишь частично.

Литература

1. Археологическая карта р. Пахры. Архив ЛОИА АН СССР, д. № 101, 1925.
2. В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, 85, 1934.
3. В. И. Качанова. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры. Тр. МИРМ, V, 1954.
4. Т. Н. Никольская. Городище у дер. Николо-Ленивец. СА, 1962, 1.
5. А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья. МИА, 113, 1962.
6. А. Е. Алихова. Особый тип сооружений на городище Кузина гора. КСИА, 3, 1958.
7. К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961.
8. А. И. Мелюкова. Вооружение, войско и военное искусство скифов. Канд. дис., 1950, Архив ИА, № 1011.
9. С. В. Романовская. Материалы из раскопок городища «Казенный бугор». Сб. научно-археологического кружка МГУ, вып. 1, М., 1928.
10. Ю. Г. Гендуне. Городище Топорок Тверской губ. Корчевского уезда. Тверь, 1906.
11. П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, 1958, 4.
12. П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, 5, 1941.
13. А. В. Успенская. Успенское городище. КСИИМК, 68, 1957.
14. Е. А. Шмидт. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э. Материалы по изучению Смоленской обл., IV, Смоленск, 1961.
15. П. Н. Третьяков. Рецензия: Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. СА, 1962. 4.

16. P. Kulikauskas. Nemančines pilakalnis. ILK, Vilnius, 1958.
17. М. В. Талицкий. Керамика Протопоповского городища. СА, X, 1948.
- 18. Я. В. Станкевич. К истории племен Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, 76, 1960.
19. Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961.
20. Р. Л. Розенфельдт. Отчет об обследовании археологических памятников Московской области в 1961 г. Архив ИА АН СССР, д. 2250.
21. А. В. Арциховский. Бородинское городище. ТСА РАНИОН, II, 1928.
22. В. А. Городцов. Болотное Огубское городище. Тр. ГИМ, I, 1926.
23. В. И. Сизов. Дьяково городище близ Москвы. Тр. АС, IX, т. II, 1897.
24. Р. Л. Розенфельдт. Отчет об обследовании археологических памятников Московской области в 1960 г. Архив ИА АН СССР, д. 2042.
25. П. П. Ефименко. Рязанские могильники. МЭ, III, 1, Л., 1926.
26. А. Е. Алихова. Могильник кошибеевского типа у с. Польное-Ялтуново. КСИИМК, 72, 1958.
27. М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955.
28. Т. Н. Никольская. Огубское городище. КСИИМК, XLIX, 1953.
29. А. З. Таутавичус. Восточнолитовские курганы. Сб. «Вопросы этнической истории Прибалтики». М., 1959.

А. Ф. ДУБЫНИН

ТРОИЦКОЕ ГОРОДИЩЕ ПОДМОСКОВЬЯ

Изучение раннего железного века в междуречье Оки и Волги, отраженного в памятниках дьяковской культуры, в значительной мере связано с необходимостью проведения новых, более широких исследований этих памятников. Уже имеющиеся материалы из разведок и раскопок дьяковских городищ часто не могут служить достаточно полноценным источником из-за небольшого объема вскрытых площадей и по характеру документации.

В связи с этим Можайской экспедицией Института археологии АН СССР были предприняты всесторонние и полные раскопки Троицкого городища в Подмосковье¹.

Городище расположено на р. Москве, в 17 км выше Можайска и в 9 км от всем известного с. Бородина. В XIX в. городище было нанесено на план окрестностей Бородинского поля².

Изучая древние акты и планы, учитель-краевед Можайска В. И. Горохов обратил внимание на этот пункт плана и в 1926 г. во время раскопок А. В. Арциховского на Бородинском городище³ осмотрел и Троицкое городище. Об открытом городище В. И. Горохов сообщил Можайской экспедиции при археологическом обследовании в 1956 г. в зоне строительства Можайского гидроузла. Городище оказалось довольно хорошей сохранности, с культурным слоем насыщенным находками. В течение 5 лет оно являлось основным объектом исследований Можайской экспедиции.

Площадка Троицкого городища была трапециевидной формы, вытянутой с востока на запад (рис. 1). Размеры ее примерно 48 × 80 м. Северная сторона площадки довольно сильно подмыта рекой; с восточной и западной сторон она была защищена глубокими оврагами, где протекали ручьи. Восточный ручей назывался Ивановским, а западный, отделявший городище от дер. Троицкая, — Городецким. С южной напольной стороны городище еще сохранило остатки двух валов и рвов. Валы высотой около 1,5 м, а рвы глубиной: первый — 1 м, второй — 2 м. С юго-западной стороны сохранился вход на городище. В центре, с востока на запад, городище прорезала канава, вырытая до материка, нарушения имелись и в валах.

¹ Состав Можайской экспедиции 1956—1960 гг.: нач. экспедиции А. Ф. Дубынин, руководители раскопок: Х. И. Крис, И. Г. Розенфельдт, Р. Л. Розенфельдт, Е. Н. Симонсва, К. А. Смирнов, Н. В. Трубникова. Принимали участие школьники краеведческого кружка Можайского дома пионеров под руководством А. А. Кузнецова и кружка Московского городского дома пионеров под руководством В. Н. Кузьмина и др.

² Топографическая съемка окрестностей с. Бородино. Изд. военно-топограф. деп. 1839 г.

³ А. В. Арциховский. Бородинское городище. ТСА РАНИОН, II, М., 1928

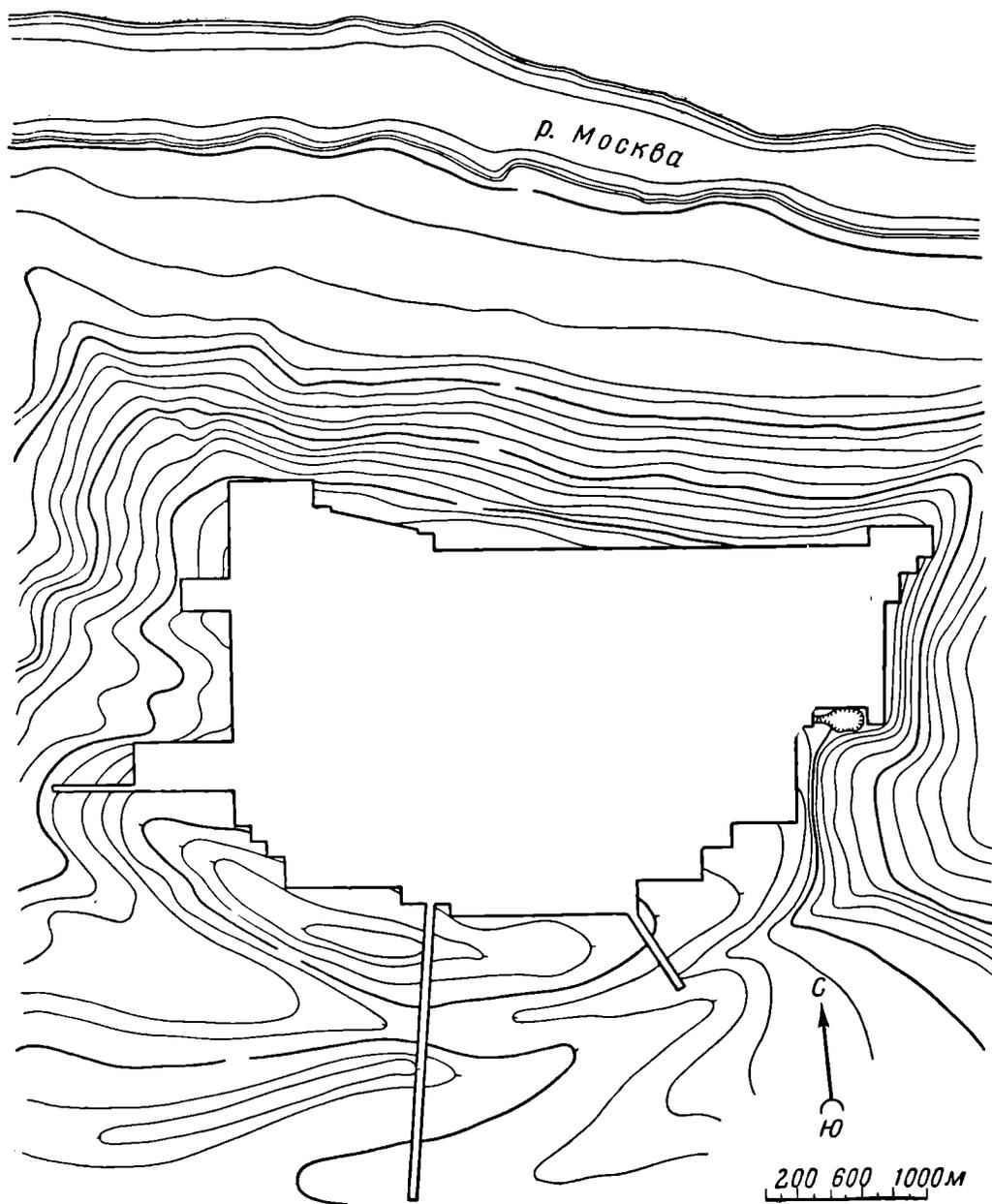

Рис. 1. Общий план городища

В результате пятилетних систематических работ Троицкое городище раскопано почти полностью, вскрыто 3200 м^2 , что составляет 94% всей его площади. Произведены разрезы валов и рвов. Мощность культурного слоя не одинакова, в центре она достигала 1 м, в восточном и западном направлении толщина культурного слоя снижалась до 20—40 см. В культурном слое не наблюдалось каких-либо значительных нарушений. Несмотря на отсутствие в нем стерильных прослоек, стратиграфия его выражена в центральной части довольно четко: выделяются два основных слоя. Первый, нижний слой толщиной 30—40 см представляет собой серовато-коричневатую супесь. Он подстилается материковым суглинком или супесью красновато-желтого цвета. В основании нижнего слоя иногда прослеживалась погребенная почва коричневого цвета. На ее уровне местами наблюдалась тонкая угольная прослойка. Вторым, верхним слоем толщиной до 60 см залегал непосредственно под дерном и представлял собой сильно гумированную мягкую рассыпчатую супесь темно-серой окраски. В некоторых местах между нижним и верхним слоями прослеживалась угольная прослойка. В толще обоих слоев встречались включения песка, реже глины, отдельные камни и угли. По харак-

теру остатков сооружений и находок в каждом слое условно выделяют-ся два горизонта, что иногда соответствовало отдельным прослойкам.

Благодаря довольно хорошей сохранности культурного слоя на городище удалось обнаружить остатки жилых, хозяйственных и оборонительных сооружений, а также большое число различных предметов, характеризующих занятия, быт и культуру его населения.

От построек сохранились ямы от столбов, развалины очагов, песчаные и глинистые прослойки их площадок и пола. Они находились в разных горизонтах культурного напластования и относились к различным периодам существования городища.

Наиболее древними оказались остатки кольцевой оборонительной системы, состоявшей из рва, вала и постройки столбовой конструкции. Ямы от столбов этого сооружения шли правильными линиями на некотором расстоянии от рва, обнаруженного по краю площадки городища (рис. 2). Пространство между рвом и постройкой занимала насыпь вала, примыкавшая к наружной стене постройки, которая использовалась для жилья и хозяйственных нужд. Она, по-видимому, делилась на четыре жилых комплекса. Каждый из них имел свою входную часть, разделявшую помещение на две половины, которые, в свою очередь, могли делиться на две камеры — переднюю и заднюю. Камеры имели не больше 3×6 м, а ширина всей постройки равнялась 4,2 м. Возможно, это сооружение перестраивалось. Внутренняя площадка городища в этот период была свободна от построек, и на ней обнаружены лишь остатки находившегося в центре кострища диаметром около 3 м. Просуществовав некоторое время, первоначальная оборонительная система городища была разрушена. Местами сохранились следы сгоревших деревянных конструкций постройки. Насыпь вала была сброшена в ров, а площадка сооружения в значительной степени расчищена. В силу этого ни остатков очагов, ни других каких-либо находок во внутренних частях этой постройки почти не сохранилось. Кроме вымостки из камней в северо-западной части с постройкой могут быть связаны найденная здесь же костяная стрела с выемкой на черенке, а также две костяные стрелы, подражающие древним типам, проколки, игла, втулки и др.; из железа — серповидный нож, кольцо, стержень.

Городище с аналогичными столбовыми постройками в виде «жилых стен» открыты на Смоленщине. Наиболее близкой аналогией является кольцевая постройка, обнаруженная П. Н. Третьяковым на городище Тушемля⁴.

После того как оборонительная система с «жилыми стенами» была разрушена и заменена новой системой укреплений из двух валов, ровов и тына, площадка городища застроилась большими наземными домами длиной 12 и шириной 7—8 м (рис. 3). По-видимому, их было четыре, что соответствовало четырем ранее существовавшим жилым комплексам, из которых население переселилось в новые дома, и этим самым устанавливается их преемственная связь. Большие дома, как и жилые комплексы кольцевой постройки, очевидно, делились на две половины, каждая из которых имела свой очаг и также могла подразделяться на переднюю и заднюю части. Одновременно с большими домами существовала почти круглая постройка диаметром 10 м производственно-хозяйственного назначения. В плане она имела форму многогранника, состоящего, кроме входной части, из 12 сторон, разделявшихся столбами. Внутри найдены поделки и отходы косторезного производства (рис. 3, 15).

Оборонительная система с «жилыми стенами», большие дома с круглой постройкой относятся к нижнему горизонту I слоя.

⁴ П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, 1958, 4.

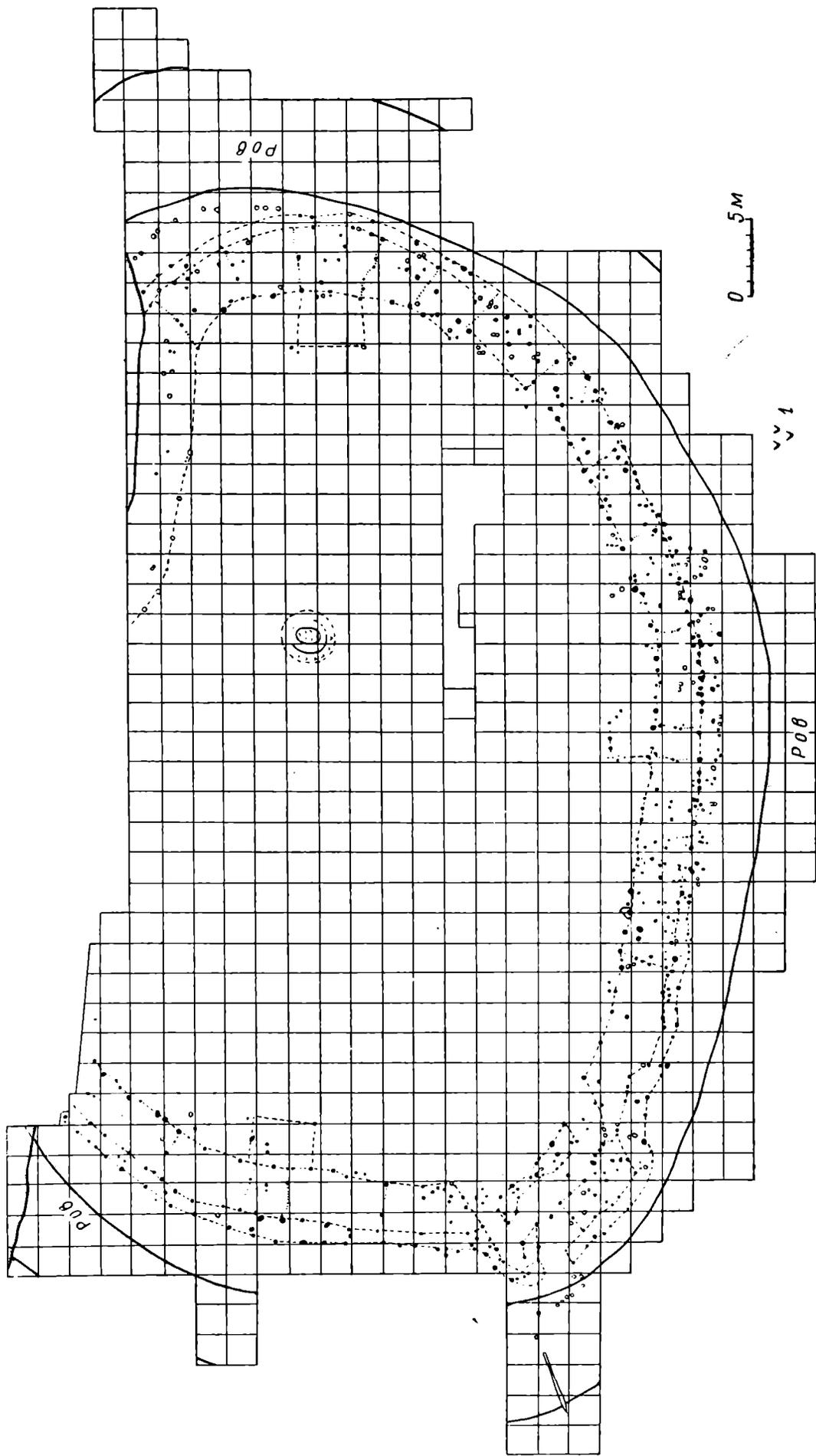

Рис. 2. План кольцевой оборонительной системы

1 — когитрице

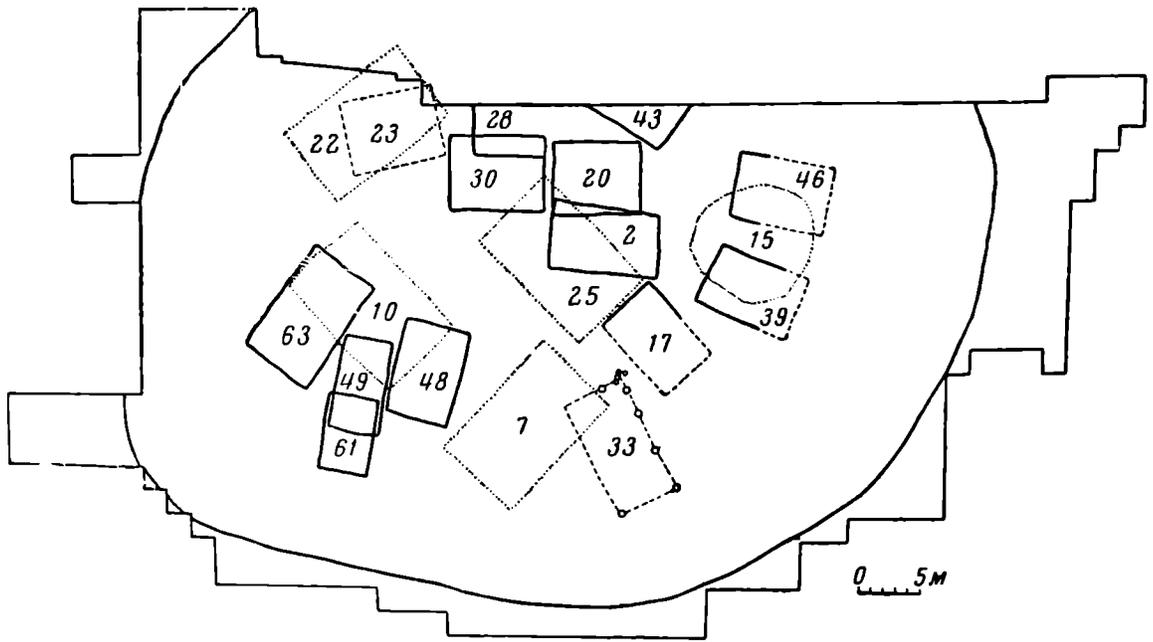

Рис. 3. Схема расположения построек I слоя
 Постройки 7, 10, 15, 22, 25 — нижнего горизонта, остальные — верхнего горизонта

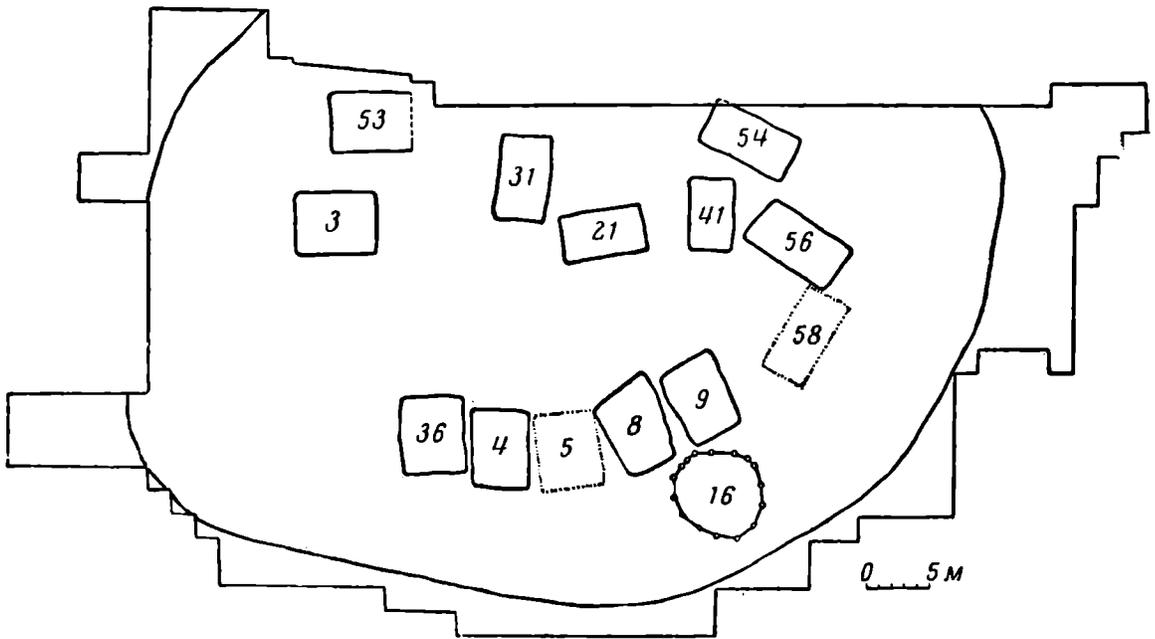

Рис. 4. Схема расположения построек верхнего горизонта II слоя

Впоследствии большие дома заменяются постройками меньших размеров. Происходит процесс как бы деления большого дома на две части. На участке большого дома или около него возникают самостоятельные постройки, которые располагаются рядом (рис. 3). Наиболее ярким примером этого служит постройка № 48, размеры которой равны половине большого дома. Размеры других построек этого времени имеют незначительные отклонения. Для верхнего горизонта I слоя характерны постройки несколько удлиненной пропорции. В дальнейшем размер ширины постройки сохраняется, но длина сокращается до 6,6—6,8 м. Постройки II слоя приобретают более стандартные размеры 4,6—5,2 × 6,6—6,8 м (рис. 4). Только одна постройка верхнего горизонта II слоя была 3,8 × 7,8 м.

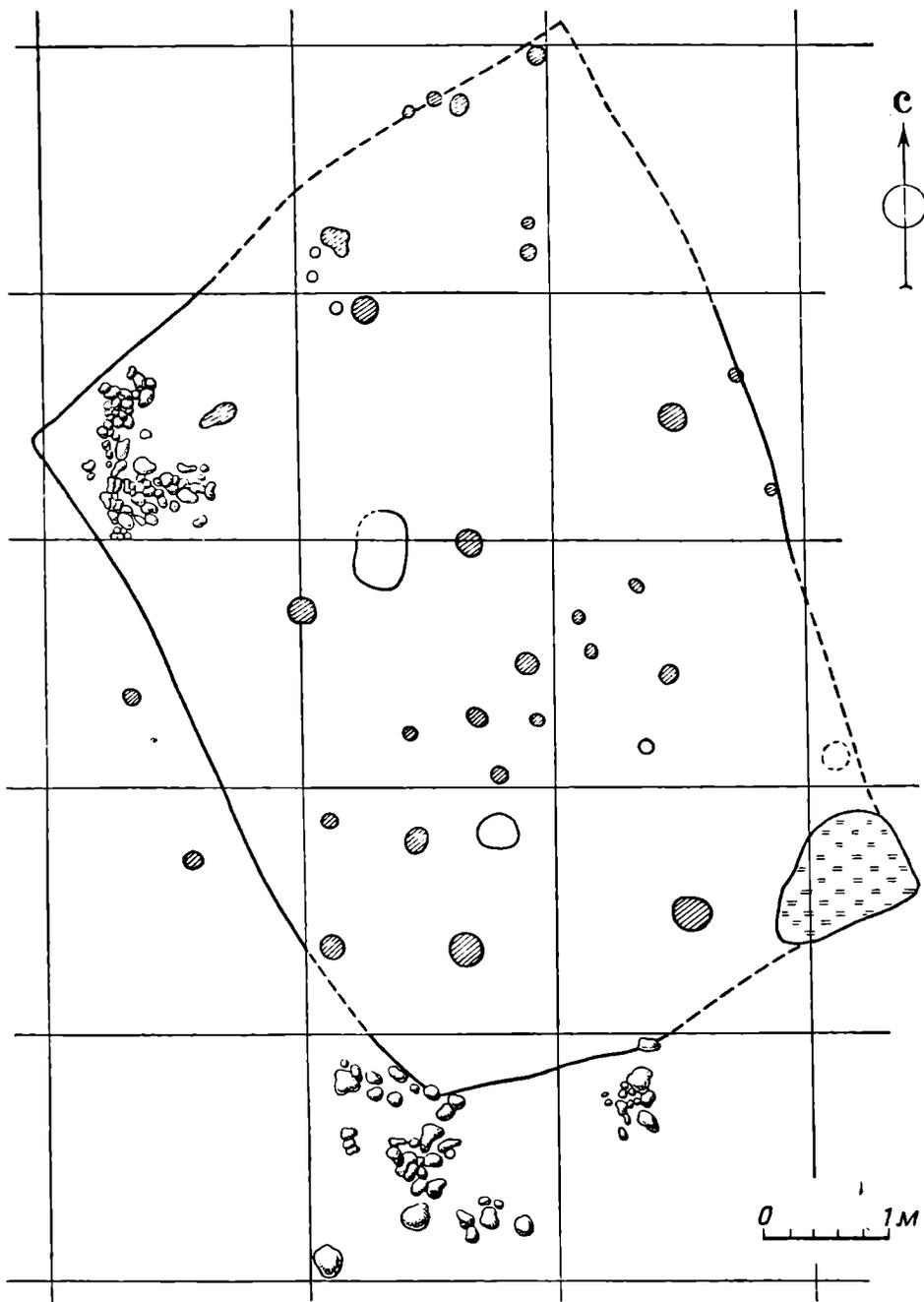

Рис. 5. План постройки № 8

Все постройки наземные, легкого типа. Стены были возведены из горизонтально положенных бревен. Отсутствие остатков дерева не позволяет определить характер их крепления. Изредка попадались куски глиняной обмазки стен, что может свидетельствовать о применении глины для промазки щелей между бревнами. Внутри постройки, а иногда и снаружи, находились столбы, укреплявшие бревна стен и поддерживавшие двухскатное перекрытие (рис. 5). Необходимость в укреплении столбами стен и перекрытия, очевидно, прекращается в самом конце существования городища, когда срубы, возможно, уже складываются из более крупных бревен. Пол состоял из глинистых и песчаных прослоек. Вход находился, как правило, в одной из коротких сторон постройки, обращенной к центру городища. Только в больших домах их было, по-видимому, два и располагались они на противоположных коротких сторонах дома. В одном случае, в силу особого положения постройки, вход был с боковой длинной стороны и прикрывался небольшой пристройкой. В остальных случаях вход, вероятно, закрывался особым выступом, который хорошо прослеживается в плане построек. Он состоял из выступа

боковых стен и перекрытия постройки в виде козырька примерно на 0,6—0,9 м с легким прикрытием из кольев и жердей с фасадной стороны. В некоторых случаях (рис. 5) было установлено, что внутреннее помещение постройки делилось, по-видимому, плетнем на две части — переднюю, мужскую, где находился очаг, и заднюю, где были находки, преимущественно связанные с пребыванием женской части населения дома. Здесь обычно встречаются бусы, дисковидные и умбоновидные подвески, кольцевые застёжки и другие медные украшения, пряслица, миниатюрные сосудики, фрагменты раздавленных горшков и т. д., в то время как в другой половине были железные шлаки, фрагменты тиглей и льячек, наконечники стрел, костяные проколки, полуобработанные кости, точильные бруски, железные стержни и др. Следует еще отметить, что при сооружении постройки выравнивалась площадка, которая тем самым часто оказывалась на несколько сантиметров углубленной в толщу культурного слоя. Поверхность площадки покрывалась слоем глины и песком. Подготовленная таким образом площадка иногда была больше площади постройки и выступала за линию сруба на 20—40 см.

Наряду с четырехугольными в плане постройками продолжали существовать круглые постройки производственного назначения, но они, как и жилые, были несколько меньше прежних. Ко II слою относятся две многогранные в плане постройки диаметром 7 м, причем одна из них несомненно, была мастерской, где занимались медно-литейным делом: в центре ее найдено более восьми тиглей; со второй могут быть связаны железные кузнечные шлаки, предмет, подобный кузнечному молоту, и ряд железных изделий и поделок.

Культурный слой Троицкого городища весьма богат находками. В нем, как и на некоторых других городищах дьяковской культуры, были найдены обломки каменных топоров, нуклеусы, изделия из кремня и девять обломков сосудов с ямочным орнаментом. Они лежали на разных глубинах и были рассеяны по площади городища. Следы одновременного их культурного напластования не обнаружены.

К числу наиболее распространенных на городище находок, уже непосредственно связанных с его культурным слоем, относятся кости животных. Их насчитывалось свыше 47 тысяч, из которых В. И. Цалкиным определено 34 тысячи. Костей домашних животных определено 32 500 (1261 особей) и диких 1 700 (260 особей). Были кости птиц (92) и рыб (11). Кости домашних животных по отношению к костям диких животных по количеству особей составляют 83%. Среди домашних животных первое место занимает свинья (46,41%), второе — крупный рогатый скот (23,78%), третье — лошадь (18,78%) и затем мелкий рогатый скот (11,69%). Из диких животных первые места занимают: бобр (30,8%), лось (17%), лисица (11,9%), затем заяц (10,77%), медведь (7,8%), выдра (6,57%), куница (3,86%), барсук (3,5%), кабан (3,1%), северный олень (1,55%), косуля (1,55%), ласка (1,18%) и рысь (0,42%). По заключению В. И. Цалкина наряду со свиноводством у населения Троицкого городища было развито и молочное хозяйство. Свиньи и рогатый скот имели крупные размеры, но лошадь была небольшого роста, всего 1,20—1,28 м. По данным раскопок 1956—1959 гг. костей свиней в возрасте до года на городище было найдено 36,7%; от 1 до 2 лет — 29% и старше 2 лет — 34,3%. Большая часть костей лошади происходит также от молодых животных, которые использовались в пищу. От мелкого рогатого скота найдено исключительное большинство костей овцы. Всего пять костей принадлежало козам⁵. Из диких животных $\frac{1}{3}$ использовалась на мясо и $\frac{2}{3}$ для получения пушнины.

Из вещевого комплекса наиболее многочисленной была группа изделий из кости, их свыше 1200 шт. Это наконечники стрел, дротик, гарпу-

⁵ В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. МИА, 107, 1962.

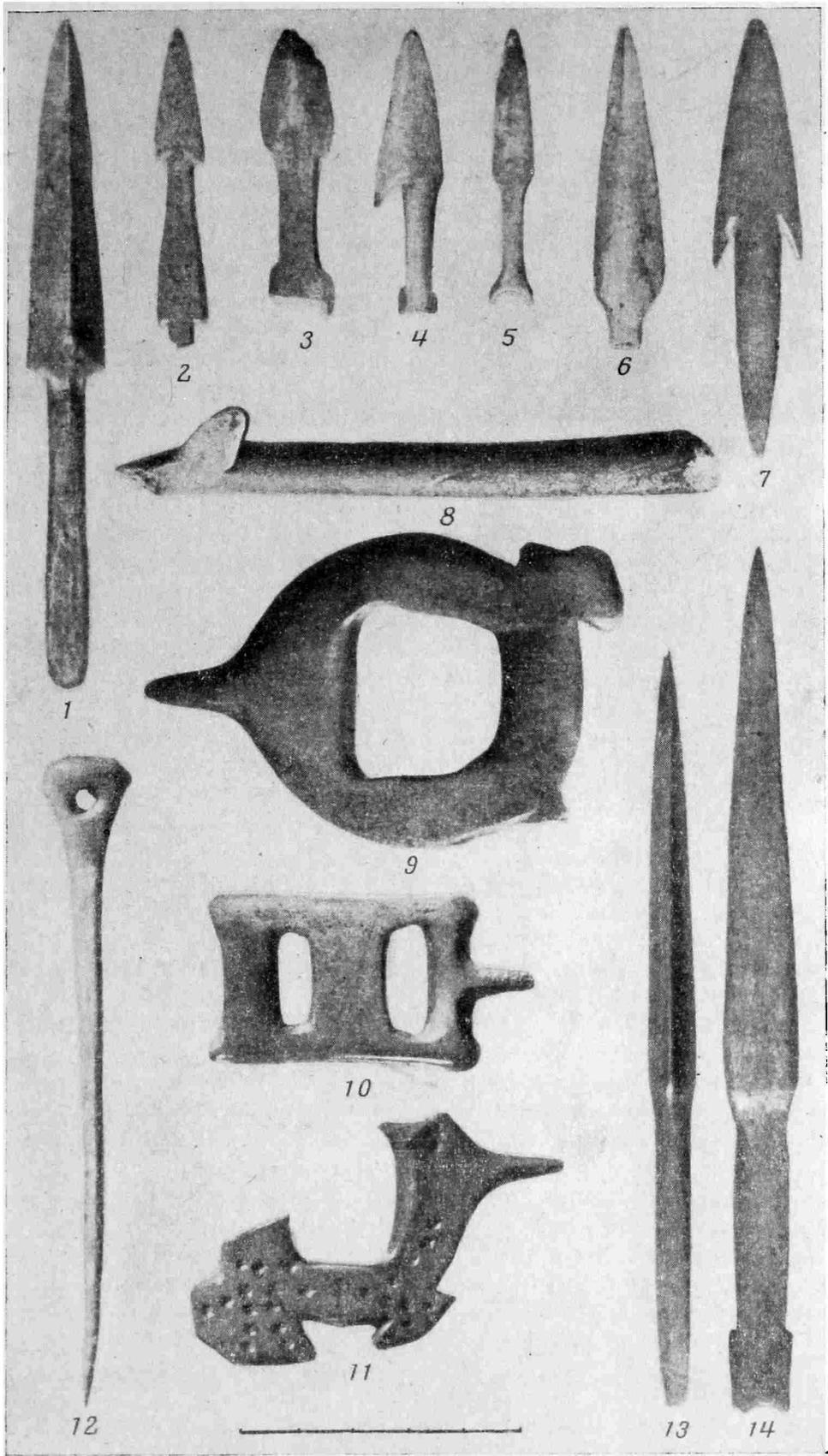

Рис. 6. Костяные изделия

1—7; 13—14 — наконечники стрел; 8 — головка лося; 9—11 — пряжки; 12 — игла

ны, булава, иглы, проколки, булавки, застезки, пряжки, рукояти, диски, резные фигурки, манки, втулки, тупики, четырехгранные и круглые трубки с отверстием, предметы в виде трубок с продольным пазом и отверстием для подвешивания и много других.

Наибольшее количество костяных наконечников стрел находилось в I слое и нижнем горизонте II слоя. В верхнем горизонте II слоя их значительно меньше, здесь уже получают распространение железные наконечники. Для костяных стрел Троицкого городища характерно большое разнообразие форм. Особенно интересны наконечники с черешком, основание которого расширяется в плоскую лопаточку или имеет полукруглый вырез (рис. 6, 3—5). Они находились, за исключением одного, в предматериковом пласте нижнего горизонта I слоя. Стрелы с расширением черешка в лопаточку найдены на городищах Старшем Каширском, Дьяковском, Мамоновом, Круглица, Кропотовском, Щербинка и др., т. е. на памятниках, где имеются слои до нашей эры. Стрелы с полукруглым вырезом на черенке подражают костяным и железным наконечникам стрел IV—III вв. до н. э., найденным в Поволжье, на Среднем Дону и Сейме⁶.

О подражании троицких костяных наконечников стрел ранним типам говорят и сохраняющиеся в некоторых случаях на них детали форм бронзовых наконечников I тысячелетия до н. э. Ряд троицких стрел по общему облику еще очень близок стрелам старшего Каширского городища и стрелам удлинённых пропорций середины I тысячелетия до н. э. Гляденовского костыща и костеносных городищ⁷, что также дает некоторое основание для датировки нижнего горизонта I слоя временем более ранним, чем рубеж нашей эры.

Особое внимание также следует обратить на костяные пряжки с твердым язычком. Крупные фигурные экземпляры этих пряжек⁸ (рис. 6, 9), по-видимому, являются подражанием пряжкам из кости III—II вв. до н. э.⁹ и из металла¹⁰. Некоторые костяные изделия, например: гарпун, длинные иглы, булавки и т. д. (рис. 7) имеют формы, характерные для раннего времени.

Изделия из металла разнообразны. Единичные находки в нижнем горизонте I слоя и постепенный рост их количества в последующих горизонтах указывают на возрастающую роль металла на последних этапах существования городища. О местном изготовлении металлических изделий говорят кузнечные шлаки, полуфабрикаты и отходы производства, инструменты, литейные формы, льячки, тигли и следы самих мастерских, о чем упоминалось выше.

На городище обнаружено более 700 предметов из железа: кельты, серпы, ножи, наконечники стрел и копий, дротики, удила, рыболовные крючки, стамески, сверла, долотца, чеканы, шилья, удлинённые стержни, иглы, кресало, булавки, кольцевые застезки с завитками на концах, пряжки, поясные подвески, кольца разных диаметров, трубки с продольным пазом наподобие костяных и много других (рис. 7—9). Найдены два клада колец с заходящими заостренными концами диаметром 9,5—11,9 см, в одном их было 37 экз., в другом — 13 экз. (рис. 8, 12). Известен случай, когда были зарыты кельт и серп поздних типов, характерных для верхнего горизонта II слоя.

⁶ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 62; А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья. МИА, 113, 1962, стр. 105, рис. 10, 8, 9.

⁷ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 87.

⁸ Один экземпляр пряжек найден в первом надматериковом пласте (нижний горизонт I слоя).

⁹ И. В. Сяницын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, табл. VI, 3—2.

¹⁰ М. Г. Мошкова. Раннесарматские бронзовые пряжки. МИА, 78, 1960.

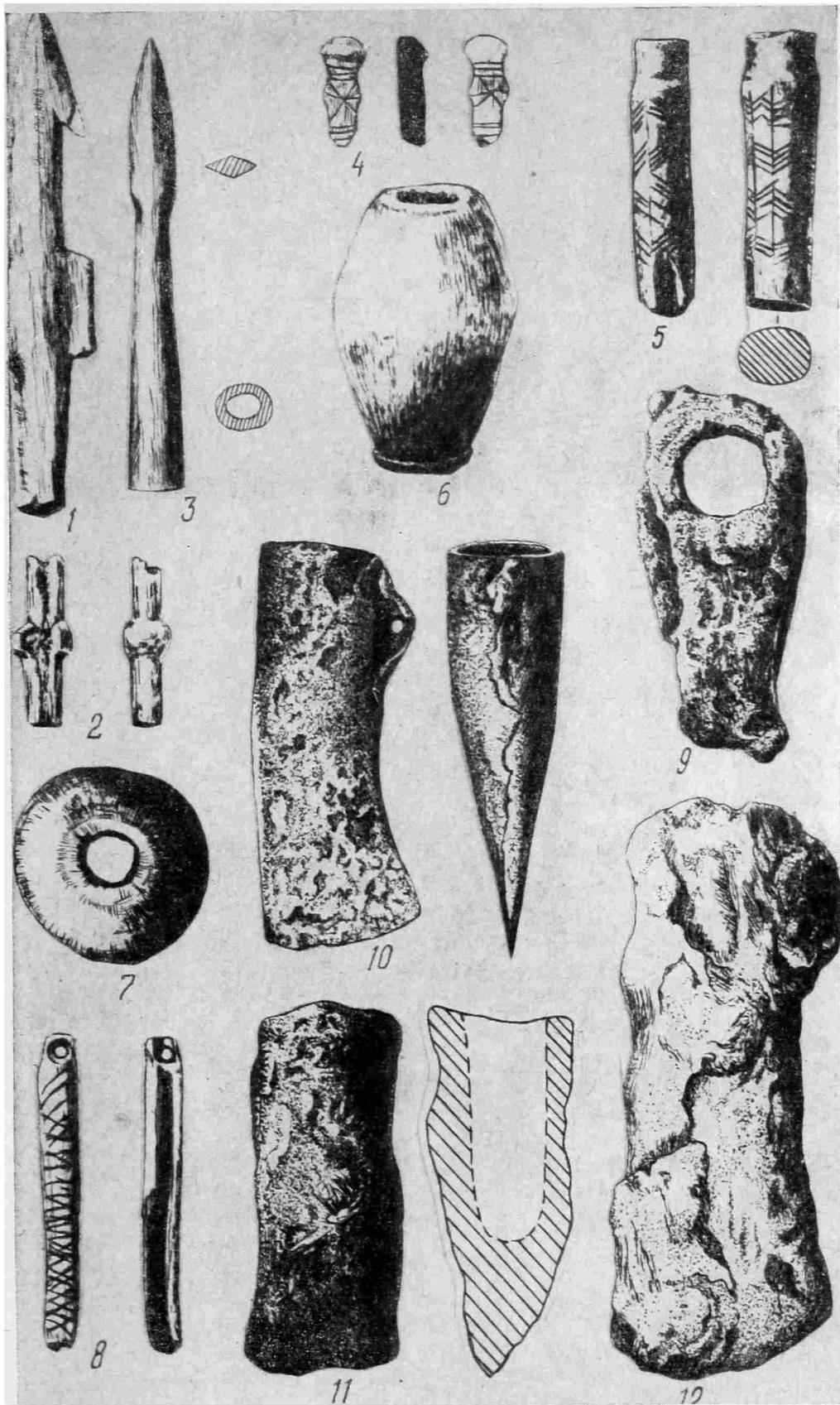

Рис. 7. Костяные (1—8) и железные (9—12) изделия.

1—2 — гарпуны; 3 — наконечник дротика; 4—5 — рукоятки ножей; 6 — булава; 7 — эпефиз; 8 — трубка с продольным пазом; 9 — молот; 10—12 — кельты

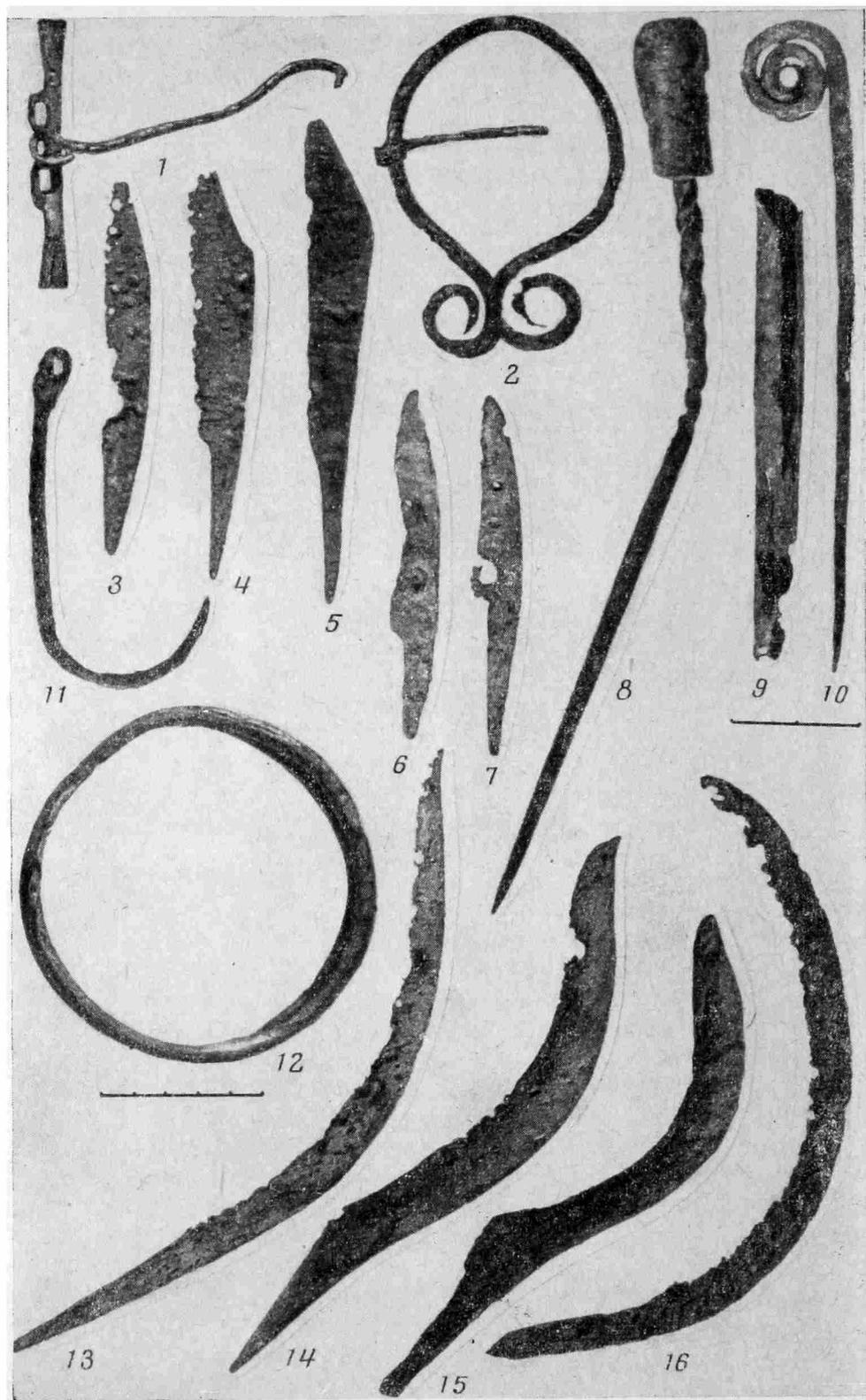

Рис. 8. Железные изделия

1 — псалии и удила; 2 — пряжка; 3—7 — ножи; 8 — булавка-проколка; 9 — трубка с продольным пазом; 10 — булавка; 11 — рыболовный крючок; 12 — кольцо; 13—16 — серпы

Среди кельтов один с ушком. Этот тип характерен для погребений Прибалтики I — начала II в. Серпы, за исключением двух, с черешком. По положению черешка по отношению к лезвию серпы могут быть разделены на три вида. Серпы с более отогнутым черешком характерны для верхнего горизонта II слоя. Ножи в основном серповидные и с горбатой спинкой. Первые характерны для I слоя, вторые, главным образом, от-

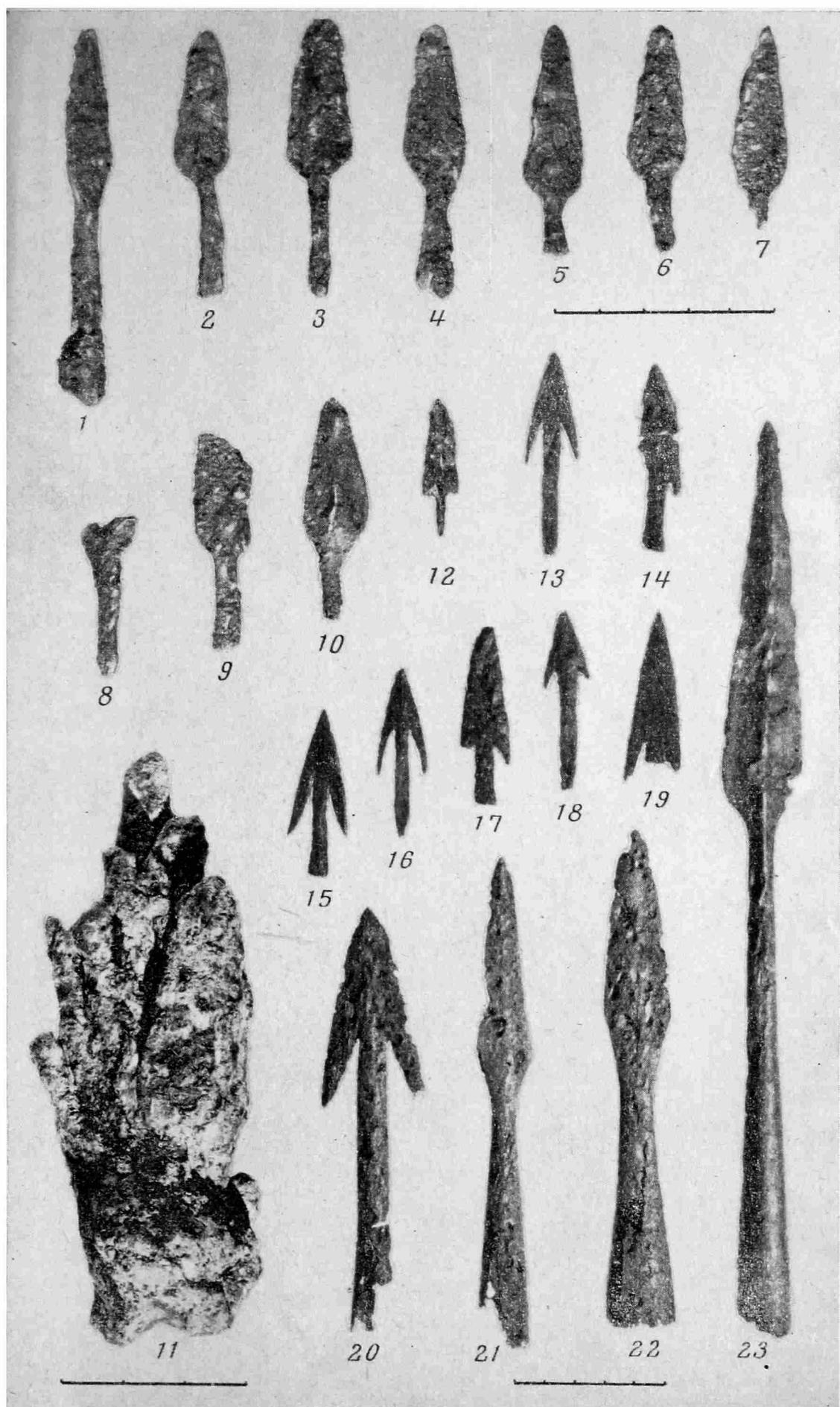

Рис. 9. Железные изделия

1-10 — наконечники стрел из скопления; 11 — скопление стрел до расчистки; 12-19 — наконечники стрел; 20-22 — наконечники дротиков; 23 — наконечник копья

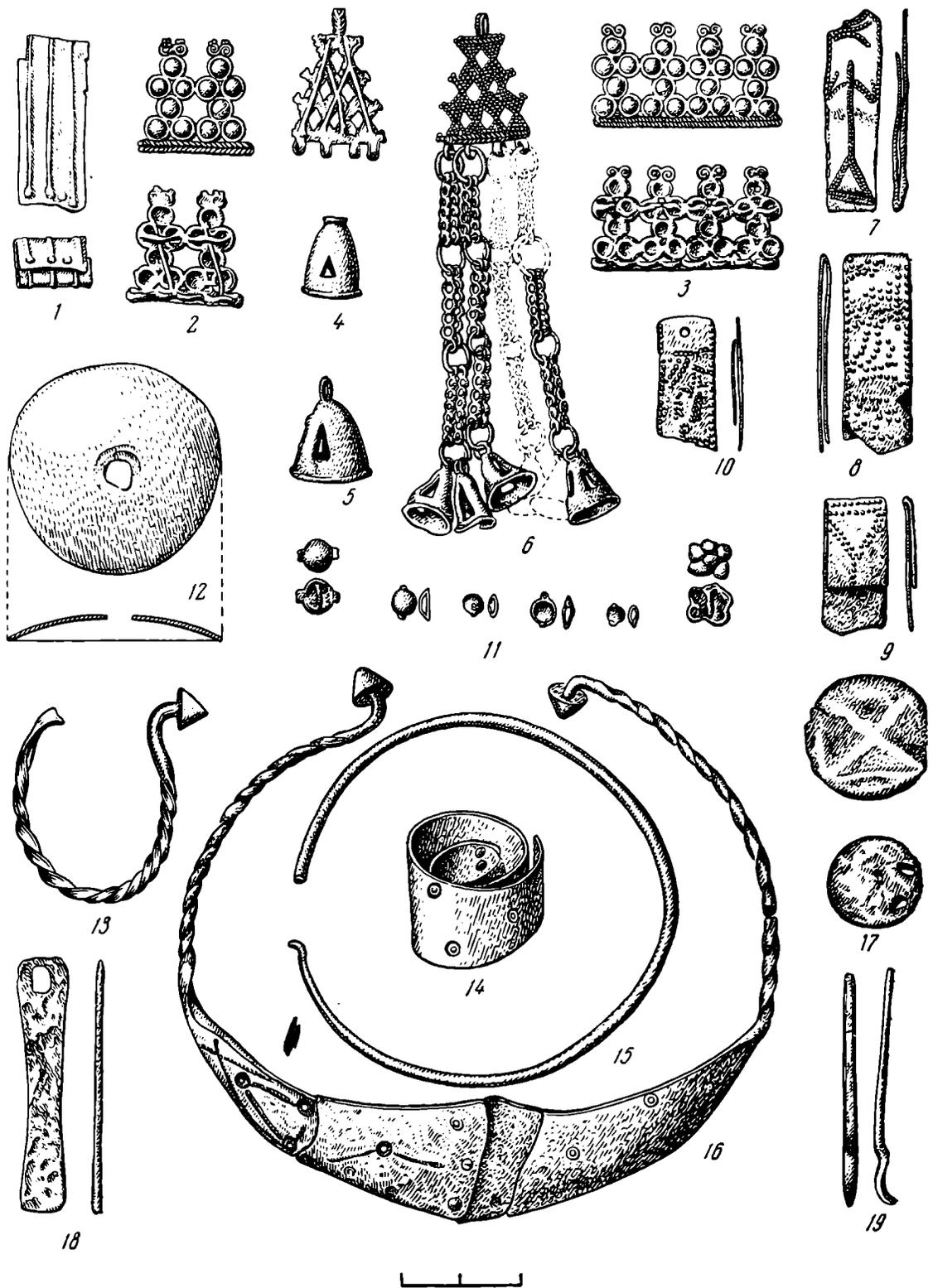

Рис. 10. Клад медных и серебряных предметов

1 — накладки ремня; 2—3 — нашивные бляшки; 4—5 — бубенчик; 6 — шумящая подвеска; 7—10 — обкладка ремней; 11 — бляшки; 12 — нагрудное украшение; 13—16 — гривны и обломки гривен; 17 — бляшки нашивные; 18 — привеска к ремню; 19 — инструмент ювелирного производства

носятся к верхнему горизонту II слоя. Железные наконечники стрел преобладают плоские, двушипные, с черешком, в двух случаях они были с удлиненной втулкой и в одном экземпляре найдена трехлопастная с черешком (рис. 9, 12). Значительный интерес представляет и обнаруженное в предматериковом пласте скопление наконечников стрел в виде слитка с отпечатками на нем грубой ткани (рис. 9, 11), в которую, очевидно, они были завернуты. В слитке оказались 12 стрел листовидной формы с черешком (рис. 9, 1—10), которые могут быть датированы

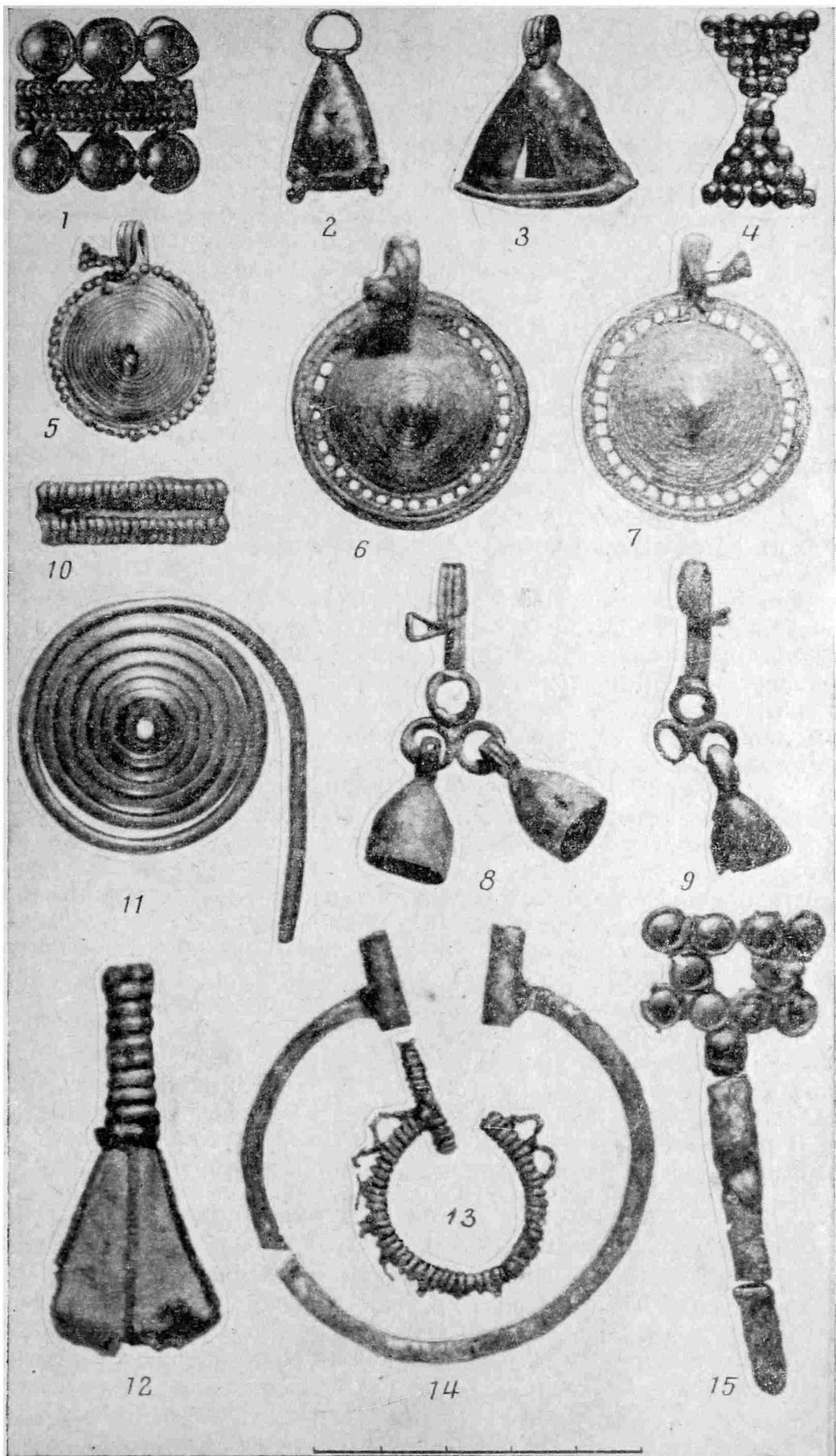

Рис. 11. Медные женские украшения

1-4 — бляшки; 2, 3 — бубенчики; 5-9 — височные подвески; 10 — пронизка;
11 — навершие булавок; 12 — подвеска; 13-14 — застежки; 15 — булавка

IV—III вв. до н. э. по находкам под Воронежем¹¹ и на городище Кузина Гора¹². Наконечники копий, за исключением одного (рис. 9, 23), найдены во рву, где обнаружено и большинство (65%) железных стрел, в отличие от костяных, которые почти исключительно найдены на площадке городища (95%). Железные стрелы и копья в культурном слое сосредотачивались на определенных уровнях.

Удила найдены кольчатые и с псалями в виде стержня с двойным расширением посередине. Один псалий этого типа инкрустирован под золото. Этот экземпляр, по мнению К. Ф. Смирнова, может датироваться I в. до н. э. и I в. н. э. Стержневые псалии с двойными расширениями известны в сарматских и пьяноборских погребениях. В первых они появляются с IV в. до н. э., в последних датируются II в. до н. э. и I в. н. э. Булавки с петлеобразной, спиральной и цилиндрической головкой (рис. 8, 8, 10). Первые два типа булавок известны на довольно широкой территории Восточной Европы в памятниках последних веков I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры. Булавки с цилиндрическим навершием и перевитым стержнем были найдены на городищах Топорок и Бородинском, селище Красный холм и др. Кресало в виде пластинки с петлей (подобное нашему) найдено в Когчинском могильнике (Ивановская обл.) с крестовидной фибулой V—начала VI в. Найденная нами застежка со спирально загнутыми концами (рис. 8, 2) в пьяноборских могильниках датируется II—I вв. до н. э., а по мнению А. П. Смирнова может быть отнесена и к III—II вв. до н. э.

Изделия из бронзы представлены почти исключительно украшениями. В кольцевом древнем рву обнаружен их целый клад. Вещи, очевидно, в виде свертка были брошены в ров, когда он был заполнен водой. Основная масса вещей упала кучкой на дно, а часть рассыпалась вокруг на расстоянии до 2 м. Это событие, по-видимому, связано с пожаром, в котором сгорела находившаяся неподалеку жилая постройка. Клад содержал свыше 40 предметов. Здесь были гривны, шумящие подвески, всевозможные бляхи, бляшки, колокольчики, обоймы и обкладки поясов, бусы и т. д. (рис. 10). На одной из наременных обойм имеется фигурка, подобная одной из трех фигур, изображенных на медной пластинке из Огубского городища. В находках верхнего слоя на нашем городище мы можем отметить много общего с Огубским городищем.

Часть вещей в кладе была преднамеренно поломана. Этот комплекс находок по аналогии с вещами Мощинского клада, по-видимому, датируется IV—V вв. и относится к верхнему горизонту II слоя.

Кроме предметов клада найдены из бронзы: фибула, височное кольцо, височные умбоновидные и с бубенчиками подвески, пронизки и бусы от ожерелья, различные подвески, нашивные бляшки, кольцевые застежки, браслеты, перстни, туалетные шпички, ювелирный инструмент и др. (рис. 11). Фибула имеет надпись *Avcissa* (рис. 12); аналогичные фибулы известны от Италии до Приднепровья, Причерноморья, Северного Кавказа и датируются I в.¹³ Обращают на себя внимание умбоновидные подвески, которых найдено до 20 шт. (рис. 11, 5—7). Характерна их конусовидная форма и петля для подвешивания с двумя поворотами. Имеются парные экземпляры. Они появляются в верхнем горизонте I слоя и непрерывно бытуют до конца существования городища. Отдельные экземпляры подвесок этого типа найдены на городищах Круглица, Барвиха, Подмоклово, Федяшево и на селищах Каргашинском и Заречье на Угре Смоленской области.

¹¹ Раскопки П. Д. Либерова 1961 г. в Русской Тростянке, мог. № 1. (IV в. до н. э.).

¹² А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 105 (рис. 20).

¹³ М. Ростовцев. Бронзовые фибулы с надписями из Донской области, ИАК, 65, Пгг., 1918, рис. 1; O. Almgren. Studien über die nordeuropäische Fibelformen. Leipzig, 1923, табл. XI, 242, 246. (Italien); А. К. Амброз. Фибулы зарубинецкой культуры. МИА, 70, 1959, стр. 190.

Следует отметить, что среди находок из металла ряд вещей явно прибалтийского типа: кельт, бляшка из зерни в виде двух треугольников, поясные подвески и др., но есть вещи и прикамского типа: застежка с грибовидными выступами, бляшки с кружковым орнаментом, диско-видные бляхи, застежки и др. К числу привозных вещей относятся бусы: стеклянные золоченые, синие со срезанными углами, синие с глазком и красные пастовые.

Изделия из глины разнообразны. Кроме огромного количества обломков посуды найдены миниатюрные сосудики, грузики «дьякова типа», детские игрушки, грузила, пряслица, бусы, «рогатые» кирпичи, литейные формы, льячки, тигли и другие предметы.

Основную массу посуды составляют довольно грубые сосуды без орнамента. В I слое они имели баночную форму с прямым или слабо отогнутым венчиком, были горшки удлиненных пропорций со слабо выступающими плечиками, а также сосуды в виде мисок. Во II слое горшки имеют более укороченную пропорцию и профилированную форму. Иногда по шейке и плечикам наносился орнамент. Он был ямочный, двудольный, тычковый, пальчатый, ногтевой, зашипной, веревочный, прочерченный и в виде отпечатков различных штампов. Посуда с отпечатками сетки составляет всего 0,5%, причем она относится к I слою. Для II слоя характерно наличие лощеной и подлощенной посуды с более резкой профилировкой в верхнем горизонте (рис. 13).

Исключительный интерес представляют глиняные шарики и грузики так называемого «дьякова типа». Шарики двух видов: шарики-погремушки, часто украшенные точечным орнаментом, и шарики со слегка уплощенной с одной стороны поверхностью, что придает им большую устойчивость. На последних имеются знаки в виде или вертикальной черточки, или точки, или двоеточия и т. д. (рис. 14). Удалось установить определенную зависимость между весом шариков и знаками, на них изображенными (таблица).

№№ п/п	Инв. №	Форма предмета	Знак	Вес в г	Кол-во весовых единиц	Вес единицы в г
1	525	шарик		4,0	1	4,0
2	369	»		4,51	1	4,51
3	370	»	•	7,95	2	3,98
4	472	бусина	•	9,07	2	4,54
5	157	шарик	:	16,00	4	4,0
6	210	»	:	20,42	4	5,1
7	328	»	•	22,15	5	4,43
8	322	»)	26,00	6	4,33
9	29	»)	26,28	6	4,38

Можно полагать, что указанные шарики использовались как весовые единицы.

На «грузиках», которых найдено более 500 шт. разной формы и с различной орнаментацией (рис. 15), имеются также специально нанесенные знаки, а иногда и сочетания из нескольких знаков или начертаний. В последнем случае встречаются разделительные знаки в виде точки или двоеточия (рис. 16). Подобные знаки и начертания встречены на обломках сосудов, миниатюрном сосудике, на костяных изделиях. Они имеются на аналогичных предметах и из других городищ как-то: Старшего Каширского, Дьяковского, Огубского и др., но должного внимания до сих пор к ним не было проявлено.

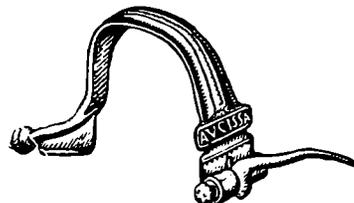

Рис. 12. Фибула с надписью Avcissa

Рис. 13. Глиняная посуда

Интересны еще два «грузика» Троицкого городища. На одном мы можем видеть изображение стада. Здесь семь фигур: человека, идущего впереди стада; свиньи; представителя крупного рогатого скота; человека; животного из мелкого рогатого скота; человека и коня (рис. 17). Две человеческие фигуры в виде вертикально расположенных точек могли изображать людей, охранявших стадо по бокам. Если фигуры людей переданы довольно условно, то с большим реализмом переданы изображения свиньи, крупнорогатого животного и коня. На втором «грузике» имеются четыре фигуры. Центральное место занимает изображение, на-

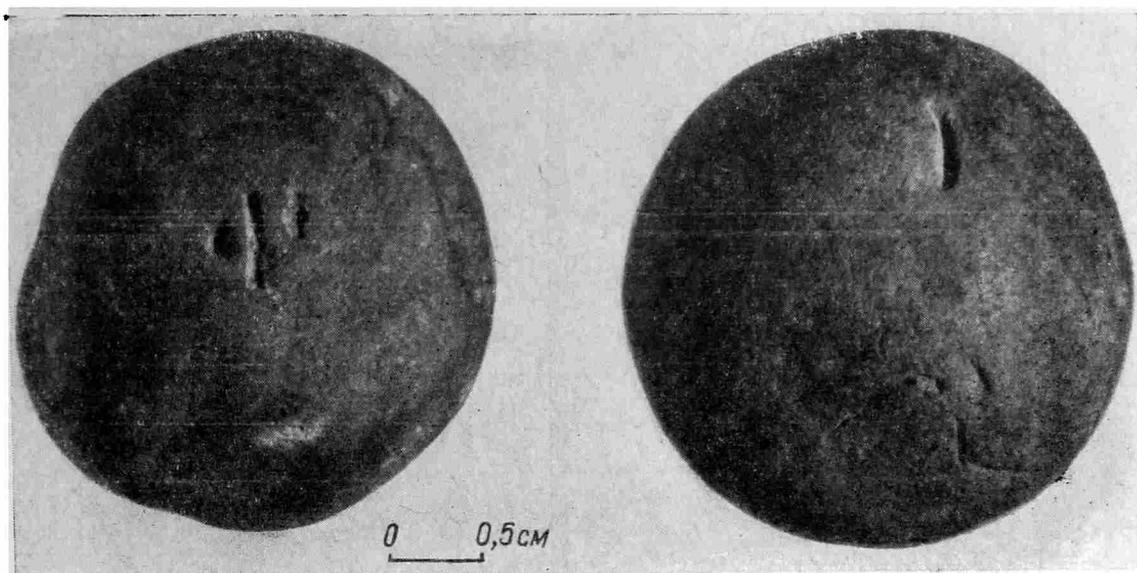

Рис. 14. Глиняные шарики со знаком

поминающее рисунок рала¹⁴, кроме того имеются две мужские фигуры и фигура женщины-богини, покровительницы плодородия (рис. 18). Таким образом, основные занятия населения городища — скотоводство и земледелие — нашли отражение в орнаментальных мотивах «грузиков»¹⁵.

Вопросы о знаках и начертаниях на предметах из Троицкого городища, а также о мерах измерения длины и веса населением городища заслуживают специального рассмотрения, и в данном случае приходится ограничиться лишь общими замечаниями.

Наконец, на Троицком городище, как и на других городищах, найдено значительное количество изделий из камня: грузила от сетей, пряслица, бруски для точки, пестики, так называемые «утюжки» и пр.

Приведенный перечень находок дает все основания считать, что Троицкое городище существовало в первой половине I тысячелетия н. э. Однако имеется достаточно данных для того, чтобы начальной датой городища считать конец IV—III в. до н. э. По-видимому, Троицкое городище, возникнув около конца IV—III в. до н. э., просуществовало до конца V или начала VI в. Городище было оставлено не сразу. Здесь не было какой-либо катастрофы, его население постепенно уходило на более удобные участки.

На протяжении всего этого времени население Троицкого городища, по-видимому, оставалось однородным. Смена населения по вещам и керамике не прослеживается. Смену систем укреплений городища нет оснований рассматривать как результат прихода нового населения.

Троицкое городище принадлежит к серии дьяковских городищ, однако его западное положение по отношению к остальным городищам дьяковской культуры наложило свой отпечаток. В его культуре мы наблюдаем смешение окских, приднепровских и прибалтийских элементов. Это обстоятельство в значительной степени отличает его от ранее известных нам дьяковских городищ и выделяет его в особую категорию западных городищ Волго-Окского междуречья, близкую к городищам Смоленщины. Это вполне увязывается с отмеченным В. А. Городцовым

¹⁴ Аналогичный знак имеется в греческом курсиве VI в. См. Я. Б. Шницер. Иллюстрированная всеобщая история письменности. СПб., 1903, стр. 175, рис. 117.

¹⁵ О грузиках Троицкого городища см.: К. А. Смирнов. К вопросу о назначении грузиков дьякова типа. СА, 1961, 3.

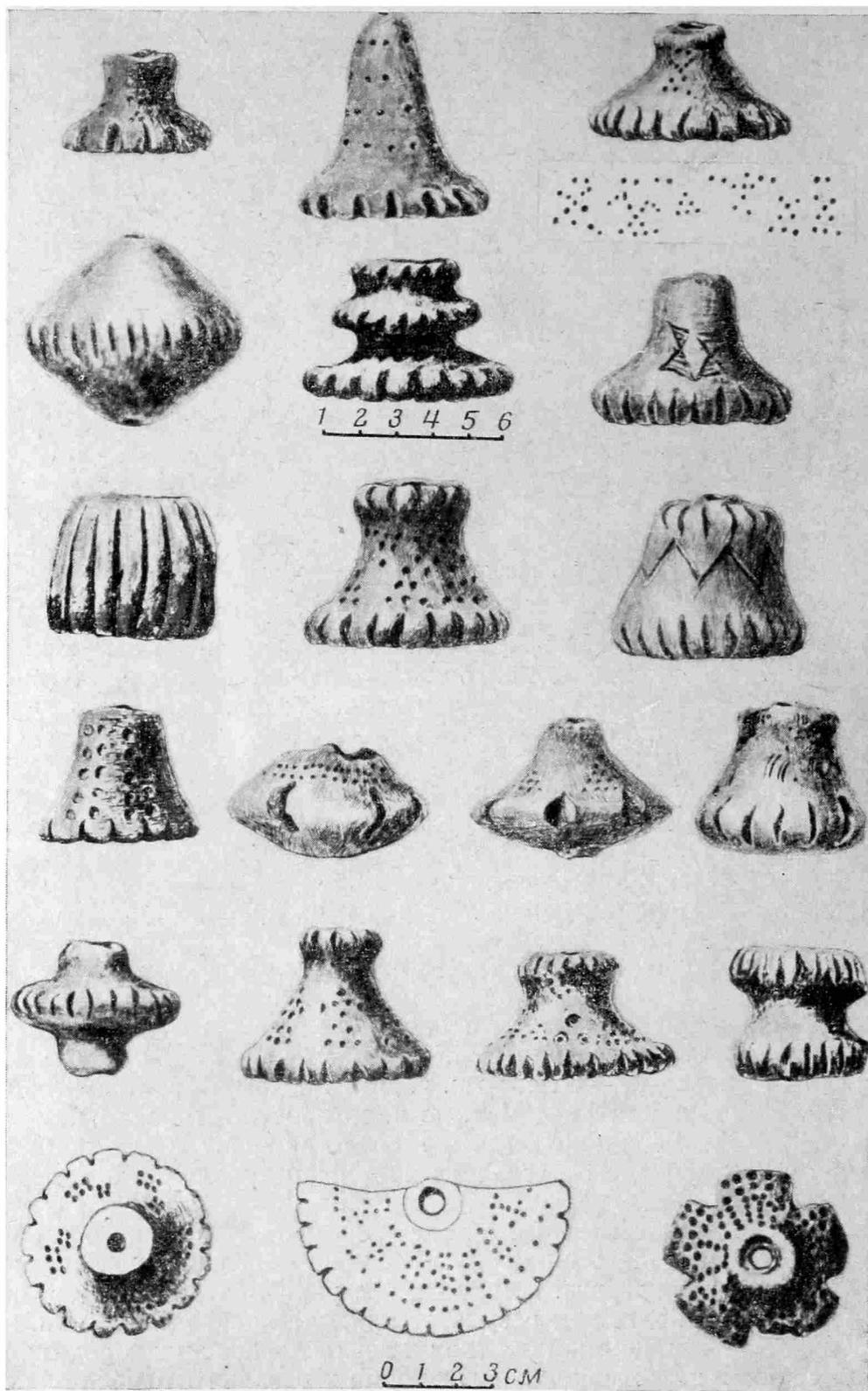

Рис. 15. Глиняные грузики

наличием следов литовской культуры на Огубском городище¹⁶ и с последними исследованиями археологических памятников В. В. Седова¹⁷ и лингвистическими работами М. Фасмера о проникновении балто-литовских элементов в западную часть Волго-Окского междуречья.

¹⁶ В. А. Городцов. Болотное Огубское городище. Тр. ГИМ, I, М., 1926, стр. 123—134.

¹⁷ В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси, СА, 1961, 2.

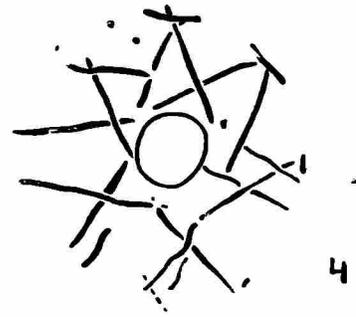
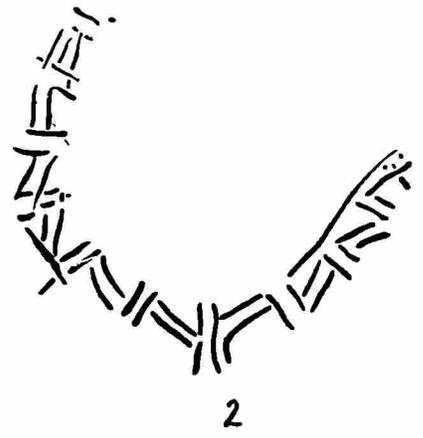
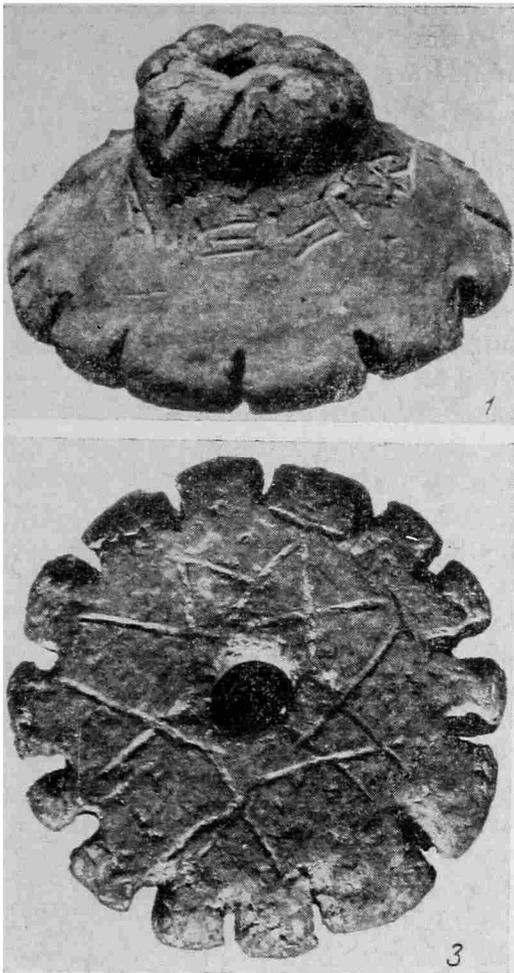

Рис. 16. Глиняные грузики с начертаниями

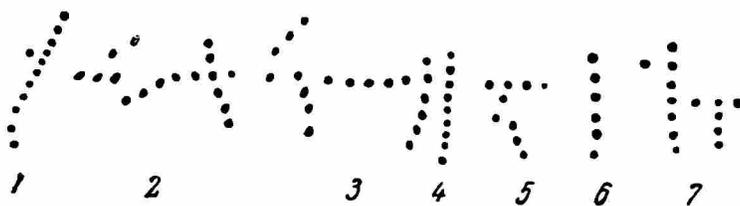
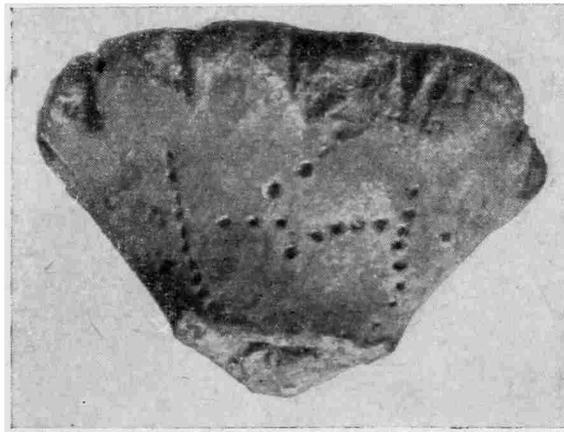

Рис. 17. Грузик с изображением животных

По-видимому, где-то около III в. до н. э. в верховье р. Москвы проникает часть населения городищ Верхнего Поднепровья. Возможно, это было вызвано передвижением в Верхнее Поднепровье населения с юга из области расселения племен заруби-
 нецкой культуры. Подобно тому, как во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первых веках нашей эры в бассейне Верхней Оки и на Угре была распространена культура, близко напоминающая культуру древних городищ Смоленщины¹⁸, в западной части Волго-Окского междуречья, очевидно, существовала другая, также родственная ей группа племен, возникшая на основе смешения балтийских и дьяковских элементов. Последнее и нашло отражение в системе укреплений, в характере построек и находок Троицкого городища.

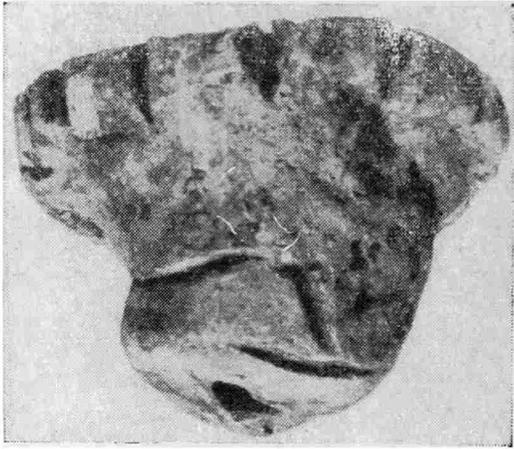

Рис. 18. Грузик с изображением рала и человеческих фигур

С другой стороны, примерно в IV—V вв., т. е. на последнем этапе существования Троицкого городища, в его культуру проникают элементы куль-

туры мощинского типа, что прослеживается в вещевом комплексе и в появлении черной и бурой лощеной реберчатой керамики.

Следует еще заметить, что население западной части Волго-Окского междуречья, как и ее восточной половины, не было вполне однородным. Оно, по-видимому, делилось еще на несколько локальных групп, имеющих свои специфические черты, в первую очередь отражавшиеся в украшениях женского костюма. Так, для населения Троицкого городища, которое несомненно было в центре одной из таких локальных групп, характерной особенностью являлось наличие умбововидных подвесок с петлей.

Изложенные выводы являются предварительными, требующими проверки на более широком материале других территориально близких синхронных памятников. Мы надеемся, что полученный при раскопках этого памятника материал при дальнейшем, более детальном и всестороннем изучении несомненно сможет осветить еще многие страницы дописанной истории московского края.

¹⁸ П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и заруби-
 нецкая культура. СА, 1960, 1.

О. Д. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

ИТАЛИЙСКИЕ БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ, НАЙДЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ ГРУЗИИ

Первые века нашей эры являются периодом наиболее оживленных торгово-экономических и культурных связей Восточно-Грузинского царства — Иберии с античным миром¹.

Среди многочисленных импортных изделий, найденных на территории древней Иберии, выделяется очень интересная группа бронзовых сосудов разных форм и назначений (кувшины, патыры, виночерпальный ковш, чернильница). Они покрыты обычно темно-коричневой, реже темно-зеленой патиной. Дно этих сосудов, как правило, украшено рельефными концентрическими кружками разной толщины. Почти все сосуды отлиты, а затем окончательно обработаны и отточены на станке. После исследований Виллерса² общепризнано, что в I—II вв. главными центрами производства подобных изделий являются южноиталийские города, особенно Капуя, главный город Кампании³.

В настоящей работе мы публикуем предметы, найденные в разное время в самых различных местах древней Иберии⁴. Этот чрезвычайно интересный и важный для изучения торговых и культурных связей Иберии с античным миром материал до сих пор был опубликован лишь частично⁵ и кратко.

* * *

Среди италийских бронзовых изделий, найденных на территории древней Иберии, разнообразную и сравнительно многочисленную группу составляют кувшины. Особое внимание привлекают два бронзовых кувши-

¹ О. Д. Лордкипанидзе. Ремесленное производство и торговля в Мцхета в I—III вв. ТГУ, 1957, 65, стр. 135, сл.

² H. Willers. Die Römische Bronzezeit von Hemmoor. Hannover und Leipzig, 1901; его же. Neue Untersuchungen über die römische Bronzeindustrie von Capua und von Niedergermanien. Hannover und Leipzig, 1907.

³ T. Frank. Rome and Italy of the Empire. An economic survey of ancient Rome, V, Baltimor, 1940, стр. 227 сл.

⁴ Эти находки хранятся в Тбилиси — в Государственном музее Грузии им. С. Н. Джанашиа и в Ленинграде — в Кавказском отделе ГЭ. При обработке материалов, хранящихся в Эрмитаже, нам большую помощь оказывали А. Иерусалимская и В. Г. Луконин, которым приносим свою благодарность.

⁵ Е. Придик. Новые кавказские клады. МАР, 34, СПб., 1914, стр. 102—103, табл. III, 1—4; IV, 1, V; М. М. Иващенко. О назначении некоторых предметов, найденных в Самтавро. Сообщ. АН Груз. ССР, 1946, VII, 75, стр. 301—305, А. М. Апкидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе, Мцхета I, Тбилиси, 1958, стр. 87, сл.; Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, стр. 141—142, табл. XII—XIII (на груз. яз.); Т. А. Ломтатидзе. Некрополь II века н. э. в Клдееи. Тбилиси, 1957, стр. 122—131, рис. 22—25 (на груз. яз.). История Грузии. Под ред. С. Н. Джанашиа. Тбилиси, 1950, рисунок на стр. 68; О. Д. Лордкипанидзе. Ук. соч. стр. 147—150, рис. 9—10.

на, случайно найденные при земляных работах 1936 г. в с. Ничбиси⁶, в 12 км к юго-западу от г. Мцхета, столицы Иберии античной эпохи.

Оба сосуда имеют почти одинаковую форму⁷ (рис. 1 и 2): высокое, несколько расширяющееся в средней части, тулово плавно переходит в узкое и невысокое, но довольно изящное горлышко, которое постепенно расширяется к отогнутому венчику. Утолщенные края венчика украшены овами и жемчужником. Сосуды отлиты, а затем окончательно обработаны на станке, о чем свидетельствуют рельефные концентрические кружки разной толщины с наружной стороны на круглом донышке обоих сосудов; посередине на дне есть маленькая дырочка — для прикрепления сосуда к станку. Подобное устройство дна, как известно, характерно для итальянских бронзовых изделий⁸. Пatina на обоих сосудах темно-коричневого цвета, также характерная для южноиталийских бронзовых изделий⁹.

Форма обоих сосудов имеет ближайшие аналогии среди лучших образцов южноиталийского производства, найденных в Помпее и Боскореале¹⁰. По очертанию тулова они сближаются также с бронзовыми итальянскими амфорами, широко распространенными в конце I в. до н. э. — I в. н. э.¹¹. Утолщенные края венчика, украшенные овами и жемчужником, также характерны для ранних итальянских кувшинов с круглым венчиком¹².

⁶ Эти сосуды (фонды Отдела истории материальной культуры дофеодалной Грузии Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа № $\frac{9-58}{1-2}$) являются, по-видимому, частью погребального комплекса, в составе которого были также стеклянные и серебряные кольца, серебряная пряжка (№ $\frac{9-58}{3-6}$), восемь денариев Августа и одна драхма Готарза (монеты хранятся в отделе нумизматики Государственного музея Грузии № 9124—9132). О предметах известно лишь, что «они были найдены колхозником Хуташвили на окраине с. Ничбиси на глубине одного аршина от поверхности земли» (запись в инвентарной книге бывш. «Музея Шота Руставели», кн. I, стр. 1—3). К сожалению, в дальнейшем не удалось установить место указанных находок. Ничбиси вообще в археологическом отношении представляет большой интерес. В Государственном музее Грузии хранятся бронзовые браслеты со змеиными головками и другие украшения, по-видимому, «ахеменидского» времени, найденные в с. Ничбиси (№ 18—32/136, 161, 162). В 1957 г. экспедиция отдела охраны памятников культуры Министерства культуры ГрузССР (руководитель А. Т. Рамишвили) на территории с. Ничбиси обнаружила довольно интересный некрополь античной эпохи и другие памятники («Хроника» археологических работ за 1957 г. Тр. Ин-та истории АН ГрузССР, IV, 1, 1958, стр. 188, на груз. яз.).

⁷ В специальной литературе имеются лишь указания о находках этих сосудов А. М. Апакидзе, Г. Ф. Габеджишвили и др. Мцхета I, стр. 148; Г. А. Ломтатидзе. Ук. соч., стр. 125, 184, Р. В. Пугуридзе. Позднеантичные археологические памятники Западной Грузии. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», II, Тбилиси, 1959, стр. 74 (на груз. яз. Однако здесь ошибочно указано якобы о находке в с. Ничбиси бронзовых патер). Кроме того, фотография одного кувшина была помещена в учебнике «История Грузии» (рисунок на стр. 68), а изображения обоих сосудов, без какого-либо анализа, были опубликованы нами (О. Д. Лордкипанидзе. Ук. соч., стр. 147, рис. 10).

⁸ H. Willers. Ук. соч., E. Pernice. Bronzen aus Boskoreale. AA, 1900, стр. 191, сл.; рис. 20; его же. Der Grabfund von Lübsow bei Greifenberg. p. 7, 1912, 4, стр. 134. сл. A. Radnóti. Die römischen Bronzegefäße von Pannonien. Budapest, 1938.

⁹ H. Willers. Neue Untersuchungen..., стр. 73, сл.

¹⁰ C. Ceci. Piccoli bronzi del Museo Nazionale di Napoli, табл. II, 30; Th. Schreiber. Die alexandrische Torevtik. Abhandlungen der philologisch — historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, 14, 1894, стр. 355, № 104, рис. 90; Совершенно аналогичный по форме кувшин хранится в античном отделе ГЭ (инв. № В 405). С итальянскими бронзовыми изделиями, большей частью еще неопубликованными, хранящимися в античном отделе ГЭ, нас познакомила З. А. Билимович, которая охотно делилась также своими соображениями. Пользуясь случаем, приношу З. А. Билимович свою благодарность.

¹¹ Th. Schreiber. Ук. соч., стр. 366, рис. 104, A. Radnóti. Ук. соч., стр. 158.

¹² A. Radnóti. Ук. соч., стр. 164—165.

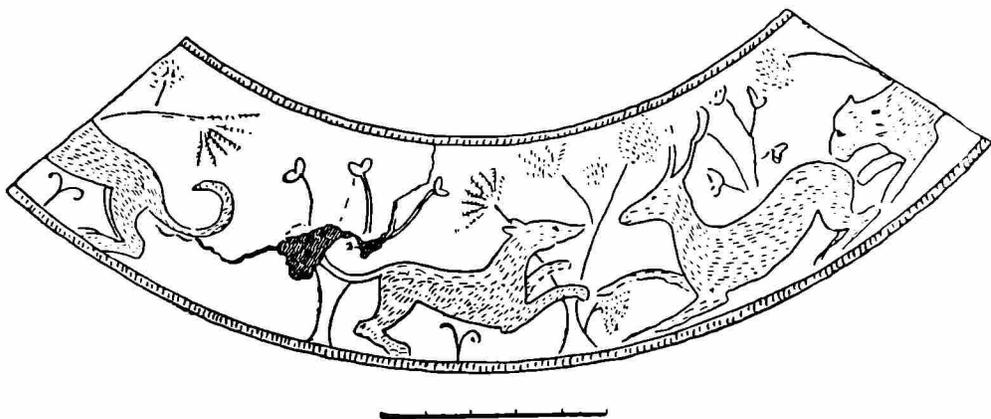

Рис. 1

1 — бронзовый кувшин из с. Ничбиси; 2 — ручка того же сосуда; 3 — гравированное изображение на горлышке того же сосуда

Ручки обоих сосудов изготовлены отдельно, а затем припаяны к тулову. Ручка каждого сосуда по краям украшена рядом жемчужника. Верхняя часть ручки, припаянная к венчику, представляет собой листок, скорее всего аканфа, с тремя лепестками. Средний из них приподнят вверх и загнут, подобно большому пальцу¹³, крайние же лепестки также загнуты и переходят в головки птицы с длинным клювом (рис. 2, 1). Такие ручки характерны для ранних италийских бронзовых кувшинов с круглым венчиком¹⁴, которые датируются первой половиной I в.¹⁵

¹³ Т. Шрайбер их поэтому называет «Daumenblatt».

¹⁴ Th. Schreiber. Ук. соч., стр. 344, № 69, рис. 82, 86, стр. 345, № 71, рис. 85; стр. 347, № 78, рис. 87 и 81; стр. 348, № 82—83, рис. 84 и др.

¹⁵ A. Radnóti. Ук. соч., стр. 160, табл. XL, 1—1a; L. Kraskovska. Hroby z doby rimskej w Zohore. SA, 1959, VII—1, стр. 120, сл., стр. 139, рис. 47 и 51.

Рис. 2

1 — бронзовый кувшин из с. Ничбиси; 2 — ручка того же сосуда

В дальнейшем происходит натурализация этой части ручки, и она действительно повторяет форму большого пальца¹⁶.

Завершаются ручки обоих сосудов (рис. 1, 2; рис. 2, 2) головой Горгоны, исполненной высоким рельефом¹⁷. Высокая прическа Горгоны состоит из волнистых прядей волос, в которые вплетены змеи¹⁸. Волосы завязаны узлом под подбородком. Макушка увенчана крыльями, благодаря которым Горгона — обительница морских бездн, быстро летала и в воздухе¹⁹. Большие глаза четко очерчены. Зрачки, по-видимому, были инкрустированы (остались выемки), этим как бы подчеркивалось страшное свойство Горгоны: одним взглядом превращать человека в камень²⁰. Выражение лица Горгоны скорбное, в нем переданы боль и страдание.

Изображение Горгоны на наших сосудах относится к так называемому «патетическому типу»²¹, ранние варианты которого создаются в эллинистический период (в Египте, на Родосе)²². Позже, в эпоху ранней империи, этот тип широко распространен в римском, особенно южноиталийском искусстве. Совершенно аналогичные представленным на наших сосудах изображения мы видим, например, на архитектурном рельефе, хранящемся в Музее Кирхера и принадлежащем к группе Кампана-рель-

¹⁶ A. Radnóti. Ук. соч., стр. 160, сл., табл. XLIII, 2—3.

¹⁷ Об апотропическом значении изображения Горгоны см. A. Furtwängler. *Gorgones und Gorgo*. RL, I, стб. 1727; T. P. Howe. *The Origin and Funktion of the Gorgon Head*. AIA, 1954, стр. 209, сл.

¹⁸ Согласно мифам, на головах у Горгон вместо волос двигались змеи, которые чувляли врага и шипением извещали об опасности. Aesch., *Prometeu*, 799; ср. также миф об убийстве Персеем Горгоны (Н. А. Кун, *Легенды и мифы древней Греции*, М., 1955, стр. 103—104).

¹⁹ Aesch., *Prometeu*, 798; см. также Н. А. Кун. Ук. соч., стр. 103—104.

²⁰ Н. А. Кун. Ук. соч., стр. 103—104.

²¹ A. Furtwängler. Ук. соч., стб. 1724 сл.

²² Там же, стб. 1724—25; A. Giuliano. *Gorgone*. *Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale*. III. Roma. 1960, стр. 985.

ефов²³, а также на одном керамическом фрагменте, найденном в Помпее²⁴. По мнению Е. Перниса, тип Горгоны на Кампана-рельефах и на указанных помпейских памятниках берет свое начало из одного источника — южноиталийского искусства²⁵. Действительно, изображение Горгоны патетического типа весьма часто встречается также на бронзовых сосудах²⁶ (в том числе и на патерах)²⁷ италийского производства. При этом исполненные в высоком рельефе головы Горгоны, украшающие нижнюю часть ручки, характерны для ранних (конца I в. до н. э. и первой половины I в. н. э.) италийских сосудов, найденных как в южноиталийских городах²⁸, так и в западных провинциях Римской империи²⁹.

Ручки обоих сосудов, найденных в Ничбиси, отличаются друг от друга лишь украшением средней части. На средней части ручки сосуда (рис. 1, 2) помещены рельефные изображения. В верхней части — спиной к зрителю стоит человек, голова которого обращена влево. Лицо — безбородое, черты лица — грубые, волосы ниспадают на плечи. Мужчина выше пояса изображен голым, вокруг бедер обернут короткий фартук с узлом на левом боку; в левой руке он держит какой-то предмет, напоминающий чашу (с шишками или языками огня), а правой рукой ведет за передние лапы собаку.

Из-за отсутствия точно определяющих атрибутов трудно сказать что-либо о личности изображенной фигуры. Мы вовсе не думаем, что здесь обязательно дано изображение какого-нибудь, даже синкретического, божества (обычно большинство исследователей, изучавших изображения на бронзовых сосудах и других предметах так называемого малого искусства, склонны видеть в них изображение божеств, если же последнее не поддается определению, то считать, что это синкретическое божество).

Мужская фигура на ручке нашего сосуда очень напоминает персонаж сцены жертвоприношения на римских скульптурных рельефах³⁰, где служители культа часто изображаются со спины с жертвенным животным в одной руке и каким-нибудь предметом в поднятой другой руке. Обращает на себя внимание одяние мужчины, изображенного на ручке ничбисского сосуда. Это передник, фартук, который надевали служители культа при жертвоприношении³¹, причем короткий фартук до колена, в который облачен мужчина, изображенный на ручке нашего сосуда, ха-

²³ H. Rohden, H. Winnefeld. *Architektonische römische Tonreliefs der Kaiserzeit*. IV, т. 1—2, Berlin — Stuttgart, 1911, стр. 185 сл., табл. XLI.

Кампана-рельефами, как известно, называются архитектурные керамические рельефы, в большом количестве найденные в Риме и его окрестностях; они впервые были собраны и изданы маркизом Пиетро Кампана. В настоящее время эти рельефы датируют, в основном, временем Августа, при этом начало их производства относят к сравнительно более раннему времени, а прекращение — до начала II в. — E. Paul. *Antike Welt in Ton. Griechische und römische Terrakotten des archäologischen Institutes in Leipzig*. Leipzig, 1959, стр. 58—59.

²⁴ E. Pernice. *Gefässe und Geräte aus Bronze*. IV, Berlin — Leipzig, 1925, стр. 18, рис. 29.

²⁵ Там же, стр. 18—19.

²⁶ Th. Schreiber. Ук. соч., стр. 345, стр. 71, рис. 85; A. Radnóti. Ук. соч., стр. 165, табл. XL, 3а.

²⁷ Кирил И. Жуглев. Две находки за икономическата сила на робовладелската класса в римска Тракия и Мизия. Годишник на Народния Археологически Музей Пловдив. София, 1950, кн. II, стр. 192, сл., рис. 1.

²⁸ Th. Schreiber. Ук. соч., стр. 344—346, № 69, рис. 86, 72—73.

²⁹ A. Radnóti. Ук. соч., стр. 160.

³⁰ E. Strong. *Roman Sculpture from Augustus to Konstantinus*. London, 1907, стр. 34, табл. V; G. Moretti. *Ara Pacis Augustae*. Roma, 1938, табл. 41; R. Pizeleni. *L'Italia Imperiale*. Storia d'Italia, III, Milano, 1936, стр. 214, рис. 36.

³¹ Такие фартуки носили, например, виктомарии, но они обычно изображались с топором в руке.

рактен для эпохи Августа³², в частности, для знаменитых рельефов Ага Паcis³³, позже же, как об этом свидетельствуют рельефы Траяна³⁴ и Адриана, служители культа надевали длинные передники — лимусы³⁵.

Мы уже отметили, что мужчина, изображенный на ручке нашего сосуда, правой рукой ведет за передние лапы собаку. Тут интересно вспомнить, что собаку приносили в жертву Робиго — древнеиталийскому боже-ству, насылавшему на поля болезни хлебных злаков, а также Ларам — богам, охранявшим дом и семью; собаки приносились в жертву и во время празднеств в честь Луперка, защитника пастухов и стад³⁶. Таким образом, можно предположить, что на ручке нашего сосуда дана сцена sacrificis.

В нижней части ручки описываемого сосуда изображена пантера с поднятой вверх лапой³⁷. Фигура пантеры также очень часто встречается на италийских бронзовых сосудах³⁸.

Средняя часть ручки второго сосуда украшена спиралевидными гирляндами, инкрустированными серебром (рис. 2, 2). Аналогичное украшение ручки, также завершающейся в нижней части головой Горгоны «патетического» типа, мы видим на ряде бронзовых кувшинов из Помпеи³⁹, для которых, по мнению Г. Екхолма, все еще характерны влияния августовского времени⁴⁰. В целом их следует датировать первой половиной I в.⁴¹ Наш сосуд, более изящный по форме и увенчанный в нижней части ручки изображением Горгоны в высоком рельефе, несомненно следует отнести к более раннему времени. Спиралевидные гирлянды на ручке нашего сосуда повторяют в несколько упрощенном виде излюбленный в августовское время растительный орнамент⁴² стенной живописи и архитектурного убранства италийских городов (Помпеи⁴³, Геркуланум⁴⁴).

На горлышке первого сосуда помещено правированное изображение хищных животных, преследующих оленя (рис. 1, 3)⁴⁵.

На горлышке второго сосуда имеется резной орнамент в виде «кнатиона» (рис. 2, 2), также очень часто встречающийся на фанних италийских кувшинах с круглым венчиком⁴⁶, дает основание заключить, что

³² G. Rodenwaldt. Römische reliefs. Vorstufen zur Spätantike. JDI, 55, 1940, стр. 40—41 рис. 17.

³³ G. Moretti. Ук. соч., табл. 41.

³⁴ G. Hamberg. Studies in Roman Imperial Art. Uppsala, 1945, табл. 6.

³⁵ G. Rodenwaldt. Ук. соч., стр. 41.

³⁶ J. Toutain, Sacrificium. DAGR, г. 41, Paris, 1908, стр. 974.

³⁷ Следует отметить, что оба изображения производят впечатление какой-то фрагментарности, незаконченности, как будто они выхвачены из какой-то общей композиции. К таким приемам часто прибегали италийские мастера. В качестве примера мы назовем два замечательных серебряных сосуда I в., найденные в Нормандии; их тулово украшено мифологическими сценами, которые по своей тематике восходят к раннегреческому эпосу и являются копиями монументальных работ мастеров классической Греции и эллинистического Пергама. K. Lehmann-Hartleben. Two Roman Silver Jugs. AJA, 1938, XLII, 1 стр. 82—105, табл. XIV, A—B.

³⁸ Th. Schreiber. Ук. соч., стр. 363, № 121, рис. 102—103; A. Radnóti. Ук. соч., стр. 162, 164.

³⁹ Th. Schreiber. Ук. соч., стр. 345, стр. 71 рис. 85; G. Ekholm. Einige klassischen Einfuhrwaren in Scandinavien. AAK, 1943, XIV ч. 1—3, стр. 112, рис. 3—4.

⁴⁰ G. Ekholm. Ук. соч., стр. 112, рис. 3—4.

⁴¹ A. Radnóti. Ук. соч., стр. 165.

⁴² H. Kraus. Die Ranken der Ara Pacis (Ein Beitrag zur Entwicklungs-Geschichte der augustischen Ornamentik). Berlin, 1953; ср. E. Strong. Ук. соч., стр. 62.

⁴³ W. Zahn. Ornamente aller klassischen Kunstepochen. Berlin. 1870, табл. 86, 96; Th. Kraus. Ук. соч., стр. 31, сл., табл. 4, 5 и 7.

⁴⁴ См. мозаичную роспись в Геркулануме, датированную временем между царствованиями Тиберия и Нерона. A. Maiuri. Erkolano, I, Roma, 1958, стр. 303, 313, рис. 246.

⁴⁵ Подобные изображения на италийских кувшинах нам не известны, но они часто встречаются на италийских сосудах других форм. Ср. Fr. Sprater. Der römische Eisenberg. Speyer, 1952, стр. 40, рис. 31.

⁴⁶ Th. Schreiber. Ук. соч., стр. 354; A. Radnóti. Ук. соч., стр. 164 сл. Ср. стр. 168, табл. XL, 3, XLI, 4.

бронзовые сосуды, найденные в с. Ничбиси, принадлежат к лучшим образцам италийского производства и изготовлены они, по всей вероятности, в период, близкий ко времени Августа, во всяком случае не позднее первой четверти I в.

К рассмотренному типу сосудов следует отнести фрагменты от бронзового кувшина, найденного на восточной окраине Иберии в Ахалдаба (Ахмета) ⁴⁷. К сожалению, от этого, по всей вероятности, роскошного сосуда сохранилось лишь горло с верхней частью тулова. Утолщенный край венчика ⁴⁸ украшен рельефными овами. Та часть венчика, к которой, по-видимому, была приставлена ручка, совершенно гладкая. На нижней части горла сохранился резной орнамент из лесбийского киматиона ⁴⁹ и мелкого жемчужника.

Еще один кувшин с круглым венчиком найден в с. Бори ⁵⁰ (рис. 3, 1). Широкое в средней части тулово постепенно суживается ко дну, украшенному с наружной стороны рельефными концентрическими кругами разной толщины. Ручка изготовлена отдельно и затем припаяна к тулову. Часть ручки, примыкающая к горизонтальному венчику (украшенному сверху концентрическими кругами), изображает стилизованные головки птицы с длинным клювом (лебедя?), верхняя часть ручки приподнята кверху (подобно большому пальцу). Средняя часть ручки украшена рельефным растительным орнаментом, изображающим венец из остроконечных листьев, а нижняя часть — головой Горгоны, выполненной в низком рельефе ⁵¹. Этот тип сосуда находит себе многочисленные аналогии среди италийских бронзовых кувшинов I в. ⁵². Более упрощенное, чем на рассмотренных выше сосудах из с. Ничбиси, устройство верхней части ручки, в частности загиб, действительно напоминающий большой палец ⁵³, исполненная в низком рельефе голова Горгоны, а также растительный орнамент, характерный для периода Флавиев ⁵⁴, позволяют датировать наш сосуд скорее всего второй половиной I в.

От этого сосуда несколько отличается кувшин с более округлым туловом и клювообразным сливом, тоже найденный в с. Бори ⁵⁵ (рис. 3, 2).

⁴⁷ Указанные фрагменты хранятся в Гос. музее Грузии (фонды Отдела истории материальной культуры Грузии инв. № $\frac{31-57}{4-5}$). Они были найдены в 1948 г. в случайно обнаруженном грунтовом погребении. Из погребального инвентаря сохранились фрагменты серебряных и глиняных сосудов, золотые украшения, в том числе две камни на трехслойном стекле (одна из них украшает золотой медальон), датированные I в. до н. э. или началом I в. (М. Н. Лордкипанидзе. Геммы Гос. Музея Грузии, III, Тбилиси, 1961, стр. 14—15, 62, № 6, 7). В погребении найдена также парфянская монета Орода I (57—37 гг. до н. э.).

⁴⁸ Диаметр венчика — 8,5 см.

⁴⁹ Эта форма киматиона представлена уже на памятниках первой половины IV в. до н. э. — как на монументальных (храм Афины в Тегее), так и на бронзовых сосудах (например, на бронзовой гидрии греческой работы первой половины IV в. до н. э. из Амиса Th. Wiegand. Eros und Psyche auf einem Bronzerelief aus Amisos. Anatolian Studies presented to William Mitchell Ramsey. Manchester, 1923, стр. 406, табл. XIII, 1). В дальнейшем эта форма киматиона, созданная уже под влиянием эллинистических традиций, была излюбленной и в архитектурном и художественном декоре италийских городов; H. G. Veuen. Die pompejanische Wanddekoration vom zweiten bis zum vierten Stil. Haag, 1938, стр. 331, рис. 187.

⁵⁰ Кувшин наряду с некоторыми другими публикуемыми предметами, был найден во время земляных работ в с. Бори. Село Бори в античную эпоху входило в состав Иберийского царства (Г. Г. Цкитишвили. К вопросу об иберийском питахашате в Залихской Грузии. Тр. ИИ АН ГрузССР, 1947, I, стр. 303—312 (на груз. яз.). О находках в с. Бори: Е. Придик. Ук. соч.: А. М. Апакидзе. Новые археологические материалы из с. Бори. ВГМГ, 1944, XII-B, стр. 443, сл. (на груз. яз.), Г. Г. Цкитишвили. Ук. соч., стр. 303.

⁵¹ Сосуд хранится в Кавказском отделе ГЭ (Кз. 5589), Е. Придик. Ук. соч., стр. 103, № 3.

⁵² A. Radnóti. Ук. соч., стр. 165—166, табл. XIV, 80; XLIII, 2—3.

⁵³ Там же, стр. 160.

⁵⁴ Там же, стр. 142.

⁵⁵ Е. Придик. Ук. соч., стр. 103, табл. V (второй ряд снизу, третий предмет справа).

Рис. 3

1 — кувшин из с. Бори; 2 — кувшин из с. Бори

Ручка сосуда, гладкая в средней части, внизу увенчана головой Фавна⁵⁶. Этот тип сосуда также широко распространен среди италийской продукции I в. н. э.⁵⁷

Следующую группу составляют кувшины довольно изящной формы, с высоким узким горлом и выступающим вперед клювообразным сливом. Они имеют широкие, почти горизонтальные плечики, тулово сильно сужается книзу, и к нему припаяна изготовленная отдельно, высокая и ступенчатая круглая ножка. Дно ножки с наружной стороны украшено рельефными концентрическими кругами и имеет посредине маленькую дырочку. Этого типа сосуды, найденные на территории древней Грузии, отличаются друг от друга лишь украшением верхней и нижней частей ручки, изготовленной отдельно, и затем припаянной к тулову сосуда.

Верхняя часть ручки сосуда, найденного в Мцхета⁵⁸ (рис. 4), украшена исполненной в высоком рельефе протомой льва, положившего передние лапы на венчик сосуда. Лев изображен с открытой пастью, глаза инкрустированы.

Край гривы широкой рельефной линией с глубокими насечками обрамляет морду в виде венца. На шее и голове грива сделана неглубо-

⁵⁶ Кувшин хранится в Кавказском отделе ГЭ (Кз. 5593).

⁵⁷ А. Radnóti. Ук. соч., стр. 155, табл. XIII, 76; совершенно аналогичный по форме сосуд хранится в античном отделе ГЭ (инв. № В 276).

⁵⁸ Кувшин найден в Мцхета в 1940 г. на южном участке Самтаврского могильника в каменном ящике № 212 (М. М. Иващенко. Ук. соч., стр. 303, рис. 2). Хранится в Гос. музее Грузии (фонды Отдела истории материальной культуры дофеодальной Грузии, инв. № $\frac{12-54}{11964}$).

В погребении вместе с энохоей были найдены: бронзовая патера (рис. 9 нашего издания), серебряные ложки, одна из которых оканчивается наверху украшением вроде копыта (аналогичные найдены и в с. Бори — Е. Придик. Ук. соч., стр. 101—102, № 10—11, табл. I, V), серебряная чаша, золотой браслет, стеклянные сосуды, по определению Н. Н. Угрелидзе, относящиеся ко II в., а также денарии Августа и драхмы Готарза (Д. Г. Капанадзе. Нумизматические находки Мцхетской экспедиции, ВДИ, 1955, 1, стр. 163, № 30). Эти монеты не могут быть использованы в качестве датирующего материала, так как они часто встречаются в погребениях II и даже III в. (Д. Г. Капанадзе. О продолжительности обращения денариев Августа и драхм Готарза в древней Иберии. СА, 1962, 4, стр. 59—65).

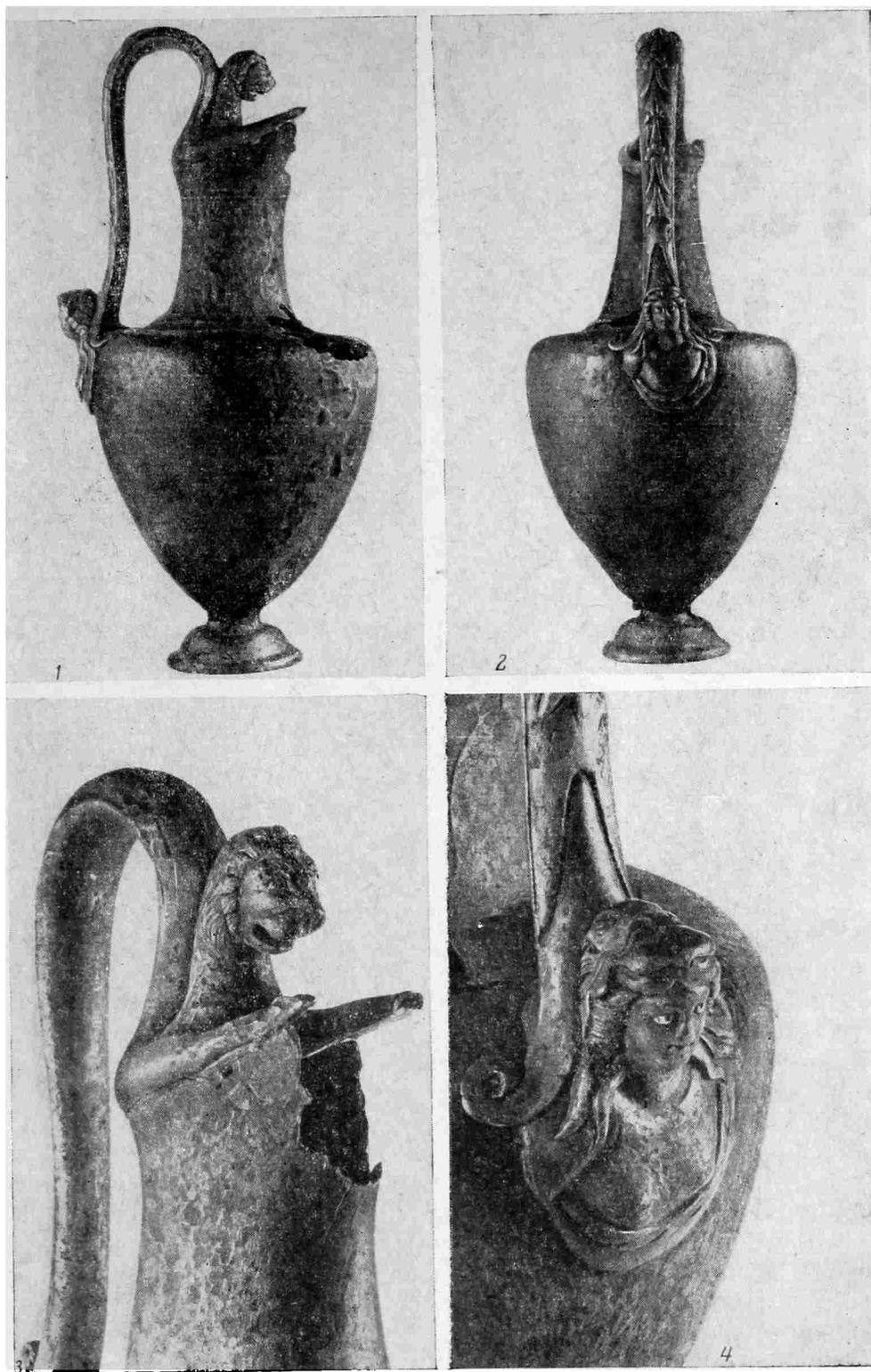

Рис. 4

1, 2 — кувшин из Мцхета; 3 — изображение протомы льва на верхней части ручки того же сосуда; 4 — скульптурное изображение Омфалы на нижней части ручки того же сосуда

кими, очень тонкими волнистыми линиями (рис. 4, 3)⁵⁹. Средняя часть ручки украшена растительным орнаментом, изображающим венец из остроконечных листьев. В нижней части ручка разветвляется, и посредине помещено погрудное скульптурное изображение женщины, выполненное в высоком рельефе. У женщины несколько злое выражение лица,

⁵⁹ Аналогичную трактовку головы льва на мраморном треножнике из Помпеи см.: R. Gargiulo Musée National de Naples. I, Marbles. Naples, 1870, табл. 60.

Рис. 5

1 — кувшин из с. Бори; 2 — кувшин из с. Бори

высокий и широкий лоб, приплюснутый нос, тяжелый округленный подбородок, тонкие губы. Глаза инкрустированы. Длинные волосы переданы отдельными прядями, которые по обеим сторонам лица подчеркнуты неглубокими надрезами. Грудь у женщины обнаженная, а голова и плечи облачены в шкуру животного; на голове отчетливо видны львиная морда и пасть (рис. 4, 4), что и дает основание видеть здесь изображение Омфалы, облачившейся в львиную шкуру Геракла⁶⁰.

Аналогичной формы кувшины найдены также в с. Бори (рис. 5). Верхняя часть ручки одного из сосудов (рис. 5, 2) украшена фигуркой лебедя с распростертыми крыльями, а внизу помещена голова молодого Фавна, глаза которого, по всей видимости, как и у лебедя, были инкрустированы серебром⁶¹. Ручка другого сосуда (рис. 5, 1) в верхней части увенчана скульптурным изображением протомы быка, а внизу — изображением Горгоны «патетического» типа⁶².

Описанные выше сосуды принадлежат к хорошо известному типу италийских кувшинов, которые между собой отличаются лишь украшением ручки: верхняя часть ручки обычно украшена протомой животных (чаще всего льва, лошади, грифона), а внизу — скульптурным изображением какого-нибудь божества (Аттиса, Менады, Фавна, Горгоны и т. д.)⁶³.

⁶⁰ J. Sieveking. Omphale. R. L, III, стр. 887, сл., рис. 1, 2 и 5; F. Bourdy. Hercules. DAGR, ч. 23. Paris, 1847, стр. 100, рис. 3772; Th. Schreiber. Ук. соч., стр. 346, № 76, рис. 83.

⁶¹ Сосуд хранится в Кавказском отделе ГЭ (Кз. 5585). Е. Придик. Ук. соч., стр. 102, табл. III, 3—4.

⁶² Хранится в Кавказском отделе ГЭ (Кз. 5589). Е. Придик. Ук. соч., стр. 102, табл. III, 1—2; по мнению Е. Придика, оба сосуда «римской работы около Р. Хр».

⁶³ A. Radnoti. Ук. соч., стр. 139, сл., табл. XIII, 71; XLVII.

Кувшины указанного типа, найденные на территории древней Грузии, повторяют не только форму, но и отдельные детали изображений этой весьма многочисленной группы италийских изделий⁶⁴. Так, изображение протомы льва, исполненное в высоком рельефе на верхней части ручки, подобно изображению на сосуде из Мцхета (рис. 4, 3), является чрезвычайно характерным для эпохой этого типа⁶⁵. Сосуд из Бори (рис. 5, 2) почти полностью сходен с эпохой, найденной в Вайта (Паннония). Верхняя часть ручки этого сосуда, подобно нашему, увенчана изображением лебедя с распростертыми крыльями, а внизу — бюстом богини, глаза которой (как, по-видимому, на сосуде из Бори) инкрустированы серебром⁶⁶. Аналогичная эпохой найдена также недалеко от г. Вены⁶⁷.

Возникновение указанного типа эпохой относят еще к эллинистическому времени⁶⁸, но широко производятся они южноиталийскими мастерами на протяжении I в.⁶⁹, причем их находки зафиксированы в хорошо датированных комплексах первой половины I в. или даже более раннего времени⁷⁰. Весьма часты находки подобных эпохой и в погребениях II в.⁷¹ или даже более позднего времени⁷². Однако, как замечает А. Радноти, это обстоятельство указывает на долгое бытование этого типа сосудов, изготовлявшихся главным образом в I в.⁷³ Кувшины этой группы, найденные на территории древней Грузии, по-видимому, следует датировать второй половиной I в., так как растительный орнамент на ручках в виде венца из остроконечных листьев характерен для эпохи Флавиев⁷⁴.

Среди италийских кувшинов, найденных на территории древней Иберии, имеются также сосуды с трехлепестковым венчиком. К таковым следует отнести маленькую эпохой (рис. 6)⁷⁵ из Мцхета⁷⁶ и эпохой с со-

Рис. 6. Кувшин из Мцхета

⁶⁴ А. Radnóti. Ук. соч., стр. 142—143.

⁶⁵ Там же, стр. 141.

⁶⁶ Там же, стр. 140, табл. XLVII, 2—2a.

⁶⁷ Там же, стр. 140; ссылка на Fr. Kenner. Geschichte der Stadt Wien. Wien, 1897, стр. 140, рис. 97. Эта книга осталась нам недоступной.

⁶⁸ А. Radnóti. Ук. соч., стр. 142, однако этот тип италийских сосудов является, по всей вероятности, дальнейшим развитием бронзовых эпохой, широко распространенных еще в доэллинистический период. См., например, пуническую эпохой середины IV в. до н. э., изготовленную по форме архаических греческих сосудов (Collet G. Picard. Les oenochóes de bronze de Carthage. RA, 1959, 1, стр. 43—44, рис. 9—11).

⁶⁹ В это время выпускались, по-видимому, и стеклянные сосуды этого типа. Les antiquités égyptiennes, grecques, étrusques, romaines et gallo-romaines du Musée de Mariemont. Bruxelles, 1952, табл. 18, E 153.

⁷⁰ А. Radnóti. Ук. соч., стр. 142.

⁷¹ L. Kraskovska. Ук. соч.

⁷² А. Radnóti. Ук. соч., стр. 140 сл.

⁷³ Там же, стр. 142.

⁷⁴ Там же, стр. 165, табл. XLIII, 1a, в; ср. E. Strong. Ук. соч., стр. 124, табл. XXXV.

⁷⁵ А. Radnóti. Ук. соч., стр. 164, табл. XLIX, 4.

⁷⁶ Кувшин хранится в Гос. музее Грузии (фонды Отдела истории материальной культуры дофеодальной Грузии инв. № $\frac{12-54}{10638}$). Найден в 1939 г. на южном участке

Рис. 7

1 — кувшин из с. Бори; 2 — кувшин из с. Бори

вершено гладкой ручкой, найденную в с. Бори⁷⁷ (рис. 7, 2). Там же найдена более приземистая энохоя (рис. 7, 1) с низким горлышком и трехлепестковым венчиком с утолщенным краем. Плечики опоясываются двумя концентрическими кругами. Верхняя часть ручки украшена протомой льва с открытой пастью, нижняя же часть завершается изображением львиной лапы, которая лежит на листке, припаянном к тулову. Дно сосуда — плоское и круглое⁷⁸.

Общая форма сосуда, как известно, очень древняя и характерная для всего античного периода. Описанный же тип сосуда является одним из наиболее распространенных среди италийских (преимущественно капуанских) изделий⁷⁹, которые, по мнению Г. Экхолма, следует датировать главным образом периодом Клавдиев или ранних Флавиев⁸⁰. Однако этот тип сосуда, судя по его исключительной многочисленности, выпускался, по-видимому, на всем протяжении I в. Ареал распространения указанного типа чрезвычайно широк. Помимо италийских городов⁸¹, они найдены также в дунайских провинциях⁸², в рейнских областях⁸³, на

Самтаврского могильника, в черепичном погр. № 159 (М. М. Иващенко. Ук. соч., стр. 302, рис. 1). В том же погребении найдены бронзовая патера, издаваемая в данной работе (рис. 12, 1, 2), стеклянный сосуд I в. (О. Д. Лордкипанидзе, Ук. соч., стр. 145, рис. 8) и другие предметы, а также две парфянские драхмы Вологеза I (51—78 гг.); Д. Г. Капанадзе. Нумизматические находки., стр. 163, № 25.

⁷⁷ Сосуд хранится в Кавказском отделе ГЭ (Кз. 5587); Е. Придик. Ук. соч., стр. 103, табл. IV, 1.

⁷⁸ Энохоя хранится в Кавказском отделе ГЭ (Кз. 5509); Е. Придик. Ук. соч., стр. 103, табл. V (второй ряд снизу посередине, третий предмет слева). Изображение верхней части ручки ошибочно принято за «голову грифона».

⁷⁹ A. Radnóti. Ук. соч., стр. 149 сл., табл. XIII, 72; XLIX; 1.

⁸⁰ G. Ekholm. Ук. соч., стр. 117.

⁸¹ E. Pernice. Bronzen aus Boscoreale, стр. 187, рис. 13; A. Sogliano. Pompei. Relazione degli scavi eseguiti dal dicembre 1902 a tutto marzo 1903, Notizie degli scavi di antichità, V, Roma, 1905, стр. 294, рис. 19.

⁸² A. Radnóti. Ук. соч., стр. 147 сл.

⁸³ Fr. Fremersdorf. Römischer Brandgrab mit Bronzegefäßen von Köln — Lidenthal. «Germania», 1933, 17, стр. 268, 271, рис. 1, a—d, табл. 22, 1—2.

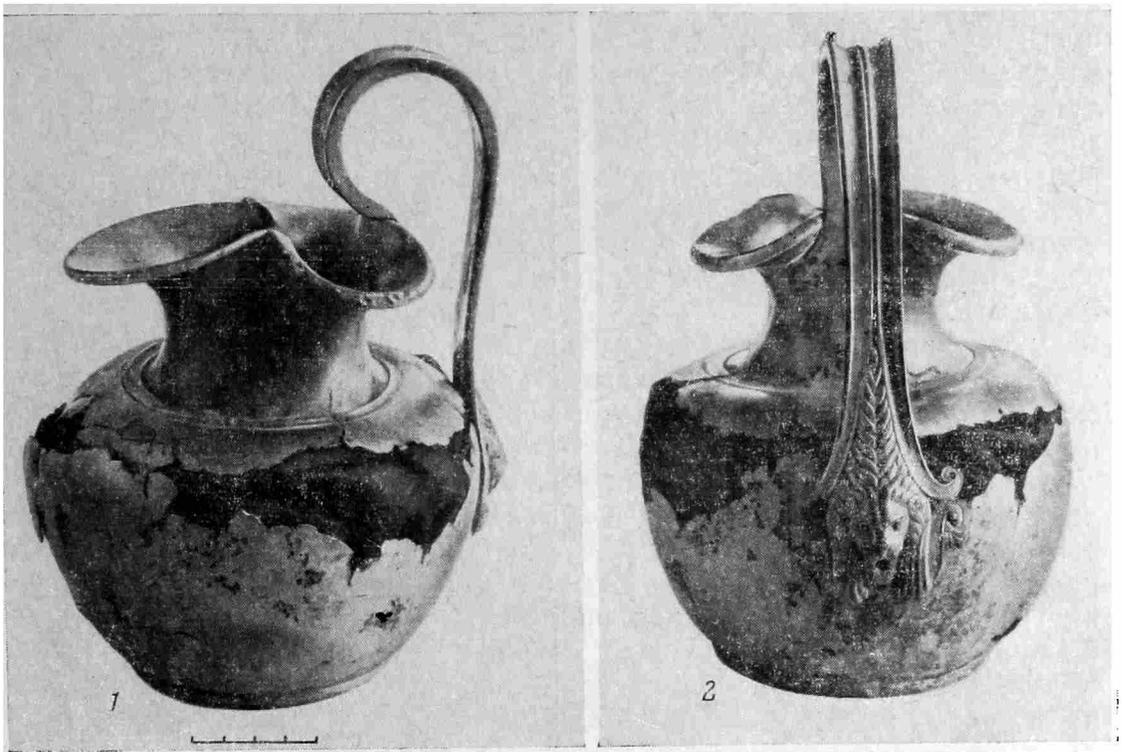

Рис. 8

1, 2 — кувшины из с. Клдеети

территории Скандинавских стран⁸⁴, Болгарии⁸⁵, Польши⁸⁶ и даже в Индии⁸⁷. Эти находки красноречиво указывают на довольно широкие масштабы производства этого типа сосудов в I в. и об их экспорте из южно-италийских производственных центров.

Исключительный интерес представляет бронзовая энохоя, найденная в с. Клдеети⁸⁸ (рис. 8) при раскопках могильника II в.⁸⁹ По своей форме и общему облику она как будто аналогична рассмотренной выше бронзовой энохое I в., найденной в с. Бори (рис. 7, 1). Вместе с тем ряд деталей совершенно отличает ее не только от указанного выше сосуда, но и вообще от всей рассматриваемой в этой работе группы бронзовых изделий. Обращает на себя внимание, во-первых, патина этого сосуда: в отличие от италийских сосудов, для которых характерна темно-коричневая патина, наша энохоя покрыта блестящей, светло-голубой «благородной» патиной, очень напоминающей патину этрусских бронзовых изделий⁹⁰. Украшение ручки, замечательное с художественной точки зрения, также отличается от украшений ручек италийских сосудов (рис. 8, 2). Основная

⁸⁴ G. Ekholm. Ук. соч., стр. 115 сл., рис. 8; его же. *Handels förbindelser mellan Skandinavien och Romerska riket* Stockholm, 1961, стр. 39, рис. 9, в.

⁸⁵ Ив. Великовъ. Нови могили находки. ИБАИ, V. 1928/29, София, 1929, стр. 21—22, рис. 10—12.

⁸⁶ K. Majewski. *Importi rzymskie w Polsce*. Warszawa, 1960, стр. 23, сл., рис. IV, с; IX, с.

⁸⁷ H. D. Sankalia, M. G. Dikhit. *Excavations at Brahmapuri (Kopnapur)*, 1945—1946. Poona, 1952, стр. 57, табл. XXXIII, с.

⁸⁸ Село Клдеети по современному административному делению находится в Западной Грузии, в 3 км к западу от упомянутого с. Бори. В античную эпоху, как полагают, Бори и Клдеети входили в состав Иберийского царства, представляя ее западно-пограничные области (Г. А. Меликишвили. *К истории древней Грузии*. Тбилиси, 1959, стр. 356).

⁸⁹ Энохоя найдена вместе с патерой в погр. № 3, которое считается частью погр. № 4, датированного II в.; Г. А. Ломтатидзе. Ук. соч., стр. 122, рис. 22—23.

⁹⁰ В античном отделе ГЭ хранятся две бронзовые маленькие энохои, покрытые аналогичной патиной. Эти энохои были показаны нам научной сотрудницей З. А. Билимович, которая считает их этрусскими.

часть ручки плоская, края же несколько утолщены; посредине ручка ребристая⁹¹. В нижней части ручка разветвляется, а посредине находится изображение головы и передних лап льва, обрамленное волютами и полупальметами. Голова льва дана в плоском рельефе. В широко раскрытой пасти видны большие клыки. Глубоко посаженные глаза инкрустированы серебром; переданные тонкими линиями брови, ноздри и скуластая морда придают исключительную выразительность грозной морде хищника. Края гривы над лбом и вдоль боковых сторон морды сделаны отдельными прядями, подчеркнутыми тонкими линиями. На спине грива более стилизована.

Украшение нижней части ручки, таким образом, совершенно отличается от известных нам италийских изделий. В настоящее время трудно сказать определенно о времени и месте изготовления этой энохой. Ограничимся одним замечанием для уточнения ее датировки.

Обращает внимание стилистическая близость трактовки изображения льва на нашем сосуде с изображениями передней части льва на некоторых архаических бронзовых сосудах. Голова, прижатая к передним лапам; трактовка гривы спереди короткими линиями, а на шее в виде волнистых линий, расходящихся вправо и влево от средней линии,— особенность изображения львов на сосудах V—IV вв. до н. э.⁹² На нашем сосуде изображение льва менее стилизовано. Трактровка львиной морды на клдеетской энохое несколько напоминает нам морду галикарнасского льва, типичную для IV в. до н. э.⁹³, что и дает некоторое основание датировать клдеетскую эноху раннеэллинистическим временем, хотя не исключено, что она попала на территорию Грузии одновременно с рассматриваемыми здесь италийскими изделиями⁹⁴.

* * *

Патеры⁹⁵ представлены, в основном, двумя разновидностями: патера из Мцхета⁹⁶ представляет собой неглубокую чашу с отогнутыми снаружки краями и плоской ручкой, завершающейся маленькой петлей. На дне чаши — рельефные концентрические круги. Патина темно-коричневого цвета (рис. 9).

Аналогичные сосуды также принадлежат к широко распространенному в италийском производстве типу⁹⁷. Многие из них сопровождаются клеймами капуанских мастеров⁹⁸, и, быть может, поэтому некоторые издатели называют их капуанскими патерами⁹⁹.

⁹¹ Трехчастная профилировка ручки, по мнению Г. Экхолма, является этрусской традицией. A. Ekholm. Einige klassische Einfuhrwaren..., стр. 113, рис. 5 и 6.

⁹² В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, 25, 1952, стр. 213, рис. 138.

⁹³ G. Richter, The Sculpture and Sculptors of the Greeks, New Haven, 1950, стр. 111, рис. 346.

⁹⁴ Энохья найдена в паре с италийской бронзовой патерой (рис. 10, 1). Плохая сохранность сосуда как будто также указывает на его долгое бытование.

⁹⁵ Патерами называют сковородообразные сосуды с ручкой, этим как бы подчеркивается их сакральное значение. DAGR, т. 38, стр. 341, рис. 5592; A. Radnóti. Ук. соч., стр. 81.

⁹⁶ Патера хранится в Гос. музее Грузии (фонды Отдела истории материальной культуры дофеодальной Грузии, инв. № $\frac{12-54}{10697}$) найдена в 1939 г. на южном участке Самтаврского могильника в черепичном погр. № 159 вместе с маленькой бронзовой энохой, издаваемой в данной работе (рис. 6).

⁹⁷ По мнению некоторых исследователей, этого типа сосуды предназначались для разбавления горячей воды холодной при купании (A. Radnóti. Ук. соч., стр. 63 сл.). Но наш сосуд найден в паре с энохой, как и «настоящие» патеры, о назначении которых речь будет ниже.

⁹⁸ H. Willers. Neue Untersuchungen..., стр. 71, A. Radnóti. Ук. соч., стр. 63.

⁹⁹ M. Biber. Die antiken Skulpturen und Bronzen des königl. Museum Friedeichianum in Cassell. Marburg, 1915, стр. 88, № 378, табл. LII.

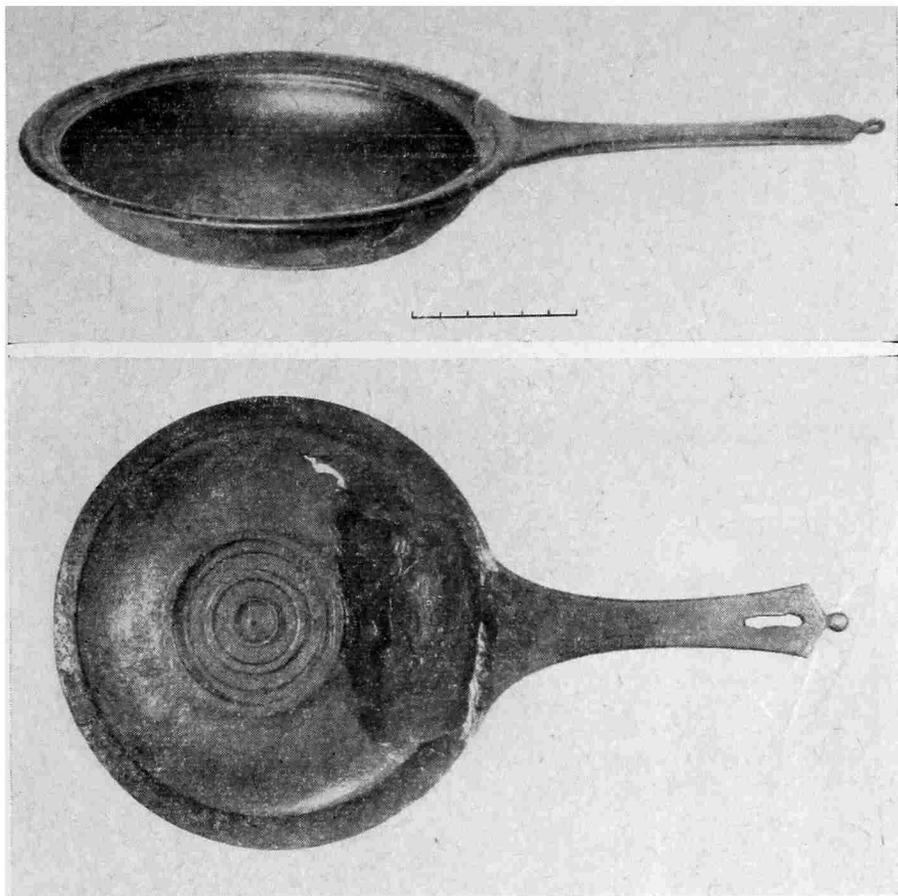

Рис. 9
1, 2 — патера из Мцхета

На основе клейм, а также ряда хорошо датированных комплексов указанный тип патеры датируют с середины I в. и началом II в. С середины II в. этот тип сосуда, как правило, уже не встречается¹⁰⁰.

Следующая группа патер более многочисленна и разнообразна: патера из с. Бори¹⁰¹ представляет собой глубокую чашу с отогнутым наружу краем, на массивном кольцевом поддоне, внутри украшенном concentрическими рельефными кругами. К чаше припаяна каннелированная ручка, завершающаяся головкой барана со стилизованными завитками шерсти в виде рельефных кружков на лбу, между рогами и снизу на шее; часть ручки, припаянная к чаше, украшена растительным орнаментом (рис. 10, 1).

Большой интерес представляет патера (рис. 11, 1, 2) совершенно аналогичной формы, найденная в Клдееи¹⁰² при раскопках могильника II в.¹⁰³ Каннелированная ручка этой патеры увенчана скульптурной головкой барана, совершенно аналогичной по стилю той, которая украшает патеру из Бори (рис. 10, 1) и вообще италийские патеры этого типа. Но

¹⁰⁰ А. Ра д н ó т и. Ук. соч., стр. 64 сл. табл. IV, 19; XXIII, 5—5а.

¹⁰¹ Е. М. При д и к. Ук. соч., стр. 103, № 7. Патера хранится в Кавказском отделе ГЭ (кз. 5590).

¹⁰² Патера найдена в погребении вместе с энохоей; Г. А. Л о м т а т и д з е. Ук. соч., стр. 125 сл., рис. 24—25; энохоя и патера хранятся в Гос. музее Грузии (см. фонды Отдела истории материальной культуры дофеодальной Грузии, инв. № $\frac{81-51}{3-4}$).

¹⁰³ По мнению Г. А. Л о м т а т и д з е, патера изготовлена из низкопробного серебра (Ук. соч., стр. 125). Однако анализ, проведенный по нашей просьбе Р. Бахтадзе в химическо-реставрационной лаборатории Гос. музея Грузии, показал, что патера бронзовая.

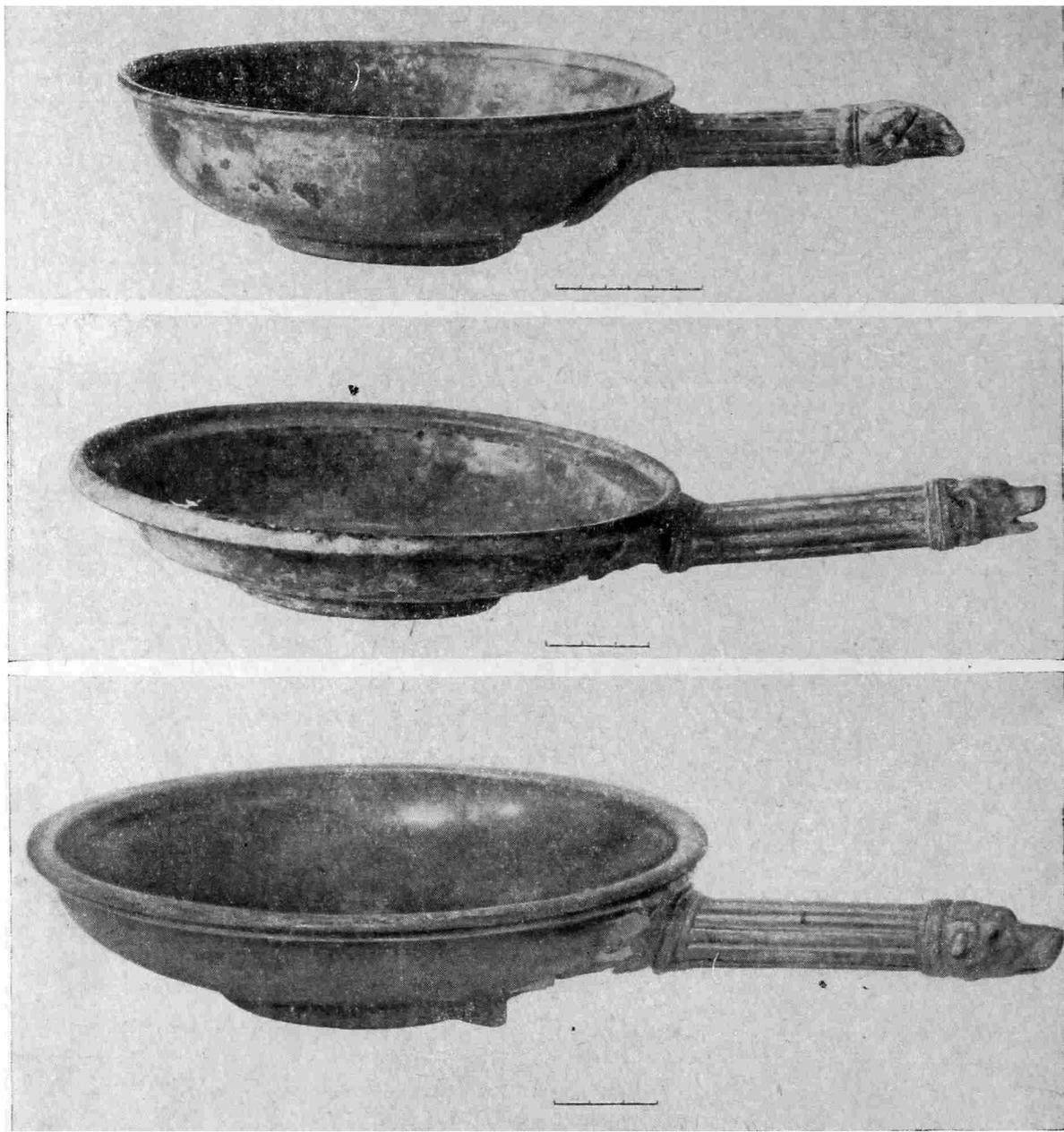

Рис. 10

1 — патера из с. Бори; 2 — патера из с. Бори; 3 — патера из с. Бори

в данном случае головка барана не отлита из металла, а высечена из мелкозернистой каменной породы¹⁰⁴. Ручка в месте соединения с чашей украшена горельефным изображением цапли¹⁰⁵.

Ручке аналогичной патеры принадлежала бронзовая головка барана (рис. 11, 3) описанного выше типа, найденная в с. Атоци¹⁰⁶ (бывш. Карельский район).

Наряду с указанными патерами на территории древней Иберии найдены также патеры, ручки которых увенчаны головками собаки или вол-

¹⁰⁴ Г. А. Ломтатидзе. Ук. соч., стр. 126, 197.

¹⁰⁵ Изображение цапли также является обычным для изделий италийского круга. A. Heron de Villfosse. Le tresor de Boskoreale. MP, V, 1899, табл. XI—XII; B. H. Walters. Silver plate (Greek, etruskan and roman in the British Museum). London, 1921, № 72, табл. XII.

¹⁰⁶ Хранится в Гос. музее Грузии (фонды Отдела истории материальной культуры дофеодальной Грузии, инв. № $\frac{41-58}{118}$). Случайная находка. В музей доставлена А. Н. Каландадзе.

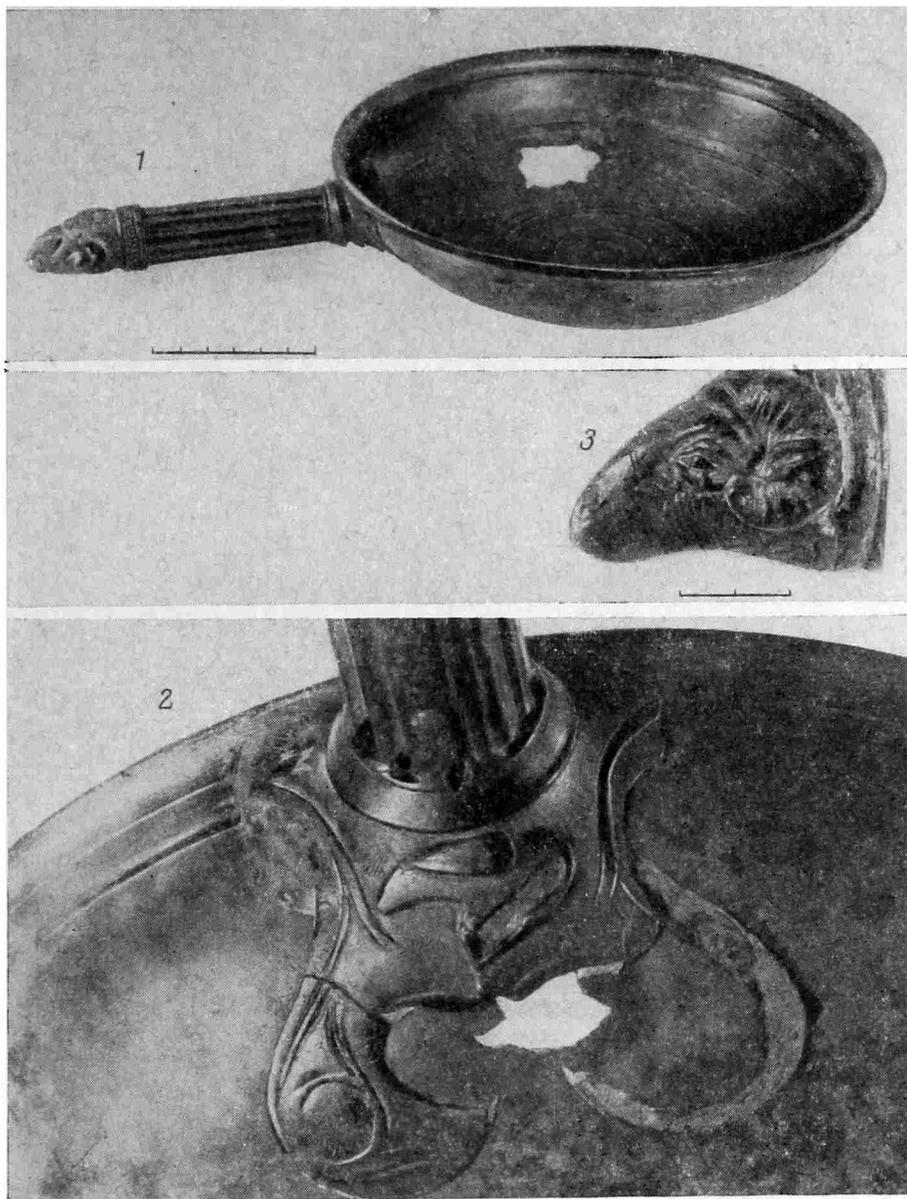

Рис. 11

1 — патера из с. Клдеети; 2 — изображение цапли на том же сосуде (деталь);
3 — головка барана, найденная в с. Атоци

ка. Две такие патеры (рис. 10, 2; 3) происходят из с. Бори¹⁰⁷, а одна найдена в Мцхета¹⁰⁸ (рис. 12). Все они типологически не отличаются друг от друга. На всех трех сосудах та часть каннелированной ручки, которой она припаяна к чаше, украшена рельефным растительным орнаментом.

Найденные на территории древней Грузии патеры принадлежат одной из наиболее распространенных и, пожалуй, самой многочисленной группе итальянской продукции. Они в большом количестве найдены как в итальянских городах¹⁰⁹, так и в западных провинциях Римской империи

¹⁰⁷ Е. Придик. Ук. соч., стр. 103, № 8—9; обе патеры хранятся в Кавказском отделе ГЭ (рис. 10, 2) Кз. 5991. Длина патеры с ручкой 30,5 см; диаметр чаши 19 см, высота 4 см, диаметр подставки 8,5 см (рис. 10, 3) Кз. 5586. Длина с ручкой 33 см, диаметр чаши 21 см, высота 3 см, диаметр поддона 9,5 см.

¹⁰⁸ Патера найдена в 1940 г. на южном участке Самтаврского могильника в каменном ящике № 212 вместе с энохоей (рис. 4). Хранится в Гос. музее Грузии (фонды Отдела истории материальной культуры дофеодальной Грузии инв. № $\frac{12-54}{11967}$).

¹⁰⁹ А. Pasqui. La villa pompeiana della Pisanella presso Boscoreale. MA, VII, Milano, 1897, стр. 415, 149, рис. 11; Е. Pernice. Bronzen aus Boscoreale, стр. 191—192, рис. 20; много таких патер из итальянских городов хранится в античном отделе ГЭ.

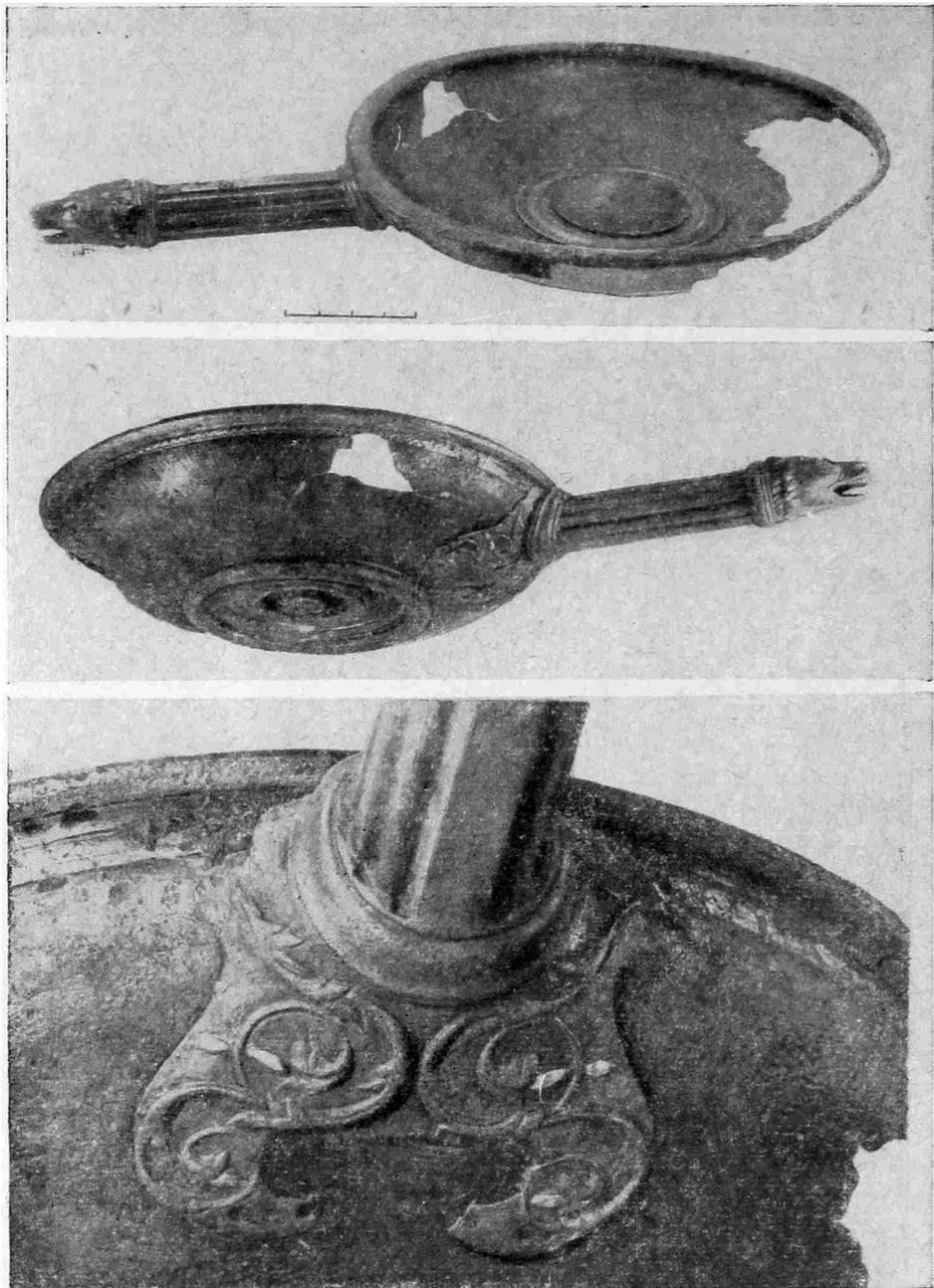

Рис. 12

1, 2 — патера из Мцхета; 3 — растительный орнамент на том же сосуде (деталь)

и почти повсюду — на территории Западной Европы¹¹⁰. Неоднократно встречались они также среди археологических находок на территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа¹¹¹.

В специальной литературе¹¹² давно уже высказано мнение, что бронзовые патеры с трубчатой рукояткой, увенчанной скульптурным изобра-

¹¹⁰ A. Radnóti. Ук. соч., стр. 81 сл., табл. VI, 29; VIII, 30—31; XXVI, 2—5; XXVII; H. Eggers. Der römische Import im Freien Germanien. Atlas der Urgeschichte. Hamburg, 1951, стр. 174, № 155; K. Majewski. Ук. соч., стр. 25, табл. IV, а—в, IX, с; XLIX, в; К. Жуглев. Ук. соч.; W. Ondruch. Bohaté hroby z doly rimskej na Slovenska, 1957, стр. 26; 127 сл.; рис. 5, 28, 29, табл. 6, 34; L. Krasovska. Ук. соч., стр. 118, рис. 42—45.

¹¹¹ ОАК за 1881 г. стр. 36—37, рис. 15, ОАК за 1908 г., стр. 165, рис. 175; Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. Тр. XII АС в Харькове в 1902 г., I. М., 1905, стр. 353; патера с бараньей головкой найдена и в Керчи в склепе Деметры (хранится в античном отделе ГЭ, инв. № II. 1896. 35).

¹¹² A. Radnóti. Ук. соч., стр. 81 сл.

жением головы барана, собаки или волка, возникли в италийском производстве уже со времени Августа под влиянием александрийских патер и что они были широко распространены¹¹³ в I в. и в начале II в. Следует отметить, что, несмотря на всю многочисленность этой группы изделий, все еще мало надежных данных для их точной датировки¹¹⁴. Еггерс, указывая на находки подобных патер в италийских городах, погибших при извержении Везувия, импорт патер с бараньей головкой на территории так называемой Свободной Германии относит к первой половине I в. н. э. (ступень B₁)¹¹⁵, но он основывается главным образом на единственной находке в Халтерне (на месте стоянки 1-го и 2-го легионов), которая была разрушена в 17 г. н. э. Однако едва ли правильно их производство ограничить первой половиной I в.¹¹⁶ Нельзя не принять во внимание многочисленные находки, сделанные почти повсеместно в погребениях конца I — первой половины II в.¹¹⁷ Это факт, безусловно указывающий на широкое употребление патер в это время. Привлекает внимание и то обстоятельство, что в погребениях патеры часто встречаются в паре с энохоями — кувшинами, которые следует датировать серединой и второй половиной I в.¹¹⁸ Подобные парные находки встречаются не только в погребениях, но и в поселениях: например, в знаменитой усадьбе под Боскореале¹¹⁹. Многочисленные находки патер в италийских городах, погибших при извержении Везувия, несомненно указывают на их широкое распространение, во всяком случае, и в третьей четверти I в.¹²⁰

Весьма интересным является вопрос о назначении патер. Первые издатели считали их кухонной посудой¹²¹. Однако вскоре такое определение было решительно отвергнуто. Еще Цан¹²² обратил внимание на то, что на ряде памятников изображаются служители культа с патерами и энохоями. На этом основании было высказано предположение, что патеры являются жертвенными сосудами¹²³. В дальнейшем сакральная роль патер была подчеркнута и наличием в погребениях патер вместе с энохоями¹²⁴. Именно такие парные находки на территории Грузии, а также аналогии в так называемом Перещепинском кладе¹²⁵ дали основание М. М. Ивашенко предположить, что патеры и найденные вместе с ними

¹¹³ Мы имеем в виду италийские изделия. Как известно, со II в. производство подобных изделий налаживается и в провинциях.

¹¹⁴ A. Radnóti. Ук. соч., стр. 82 сл.

¹¹⁵ H. Eggers. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im Freien Germanien. Jahrbuch des römisch-germanischen Zentralmuseums. Mainz. 1955, № 2, стр. 196 сл., рис. 1, 9a.

¹¹⁶ L. Krasovska. Ук. соч., стр. 118 сл. Патеру с головкой собаки и найденную вместе с ней в погребении начала II в. бронзовую энохую типа, указанного на рис. 4 и 5, автор, ссылаясь на Еггерса, датирует в пределах первой половины I в. Но в работе Еггерса дана абсолютная хронология римского импорта на территории так называемой Свободной Германии, которая не всегда будет соответствовать хронологическим рамкам италийского производства. Отсутствие некоторых типов на указанной территории не может служить, естественно, свидетельством прекращения их производства.

¹¹⁷ A. Radnóti. Ук. соч., стр. 87 сл.

¹¹⁸ Ср. например, находку патеры вместе с энохоей типа рис. 7, 1 в Кельне в погребении, которое датируется третьей четвертью I в. Fr. Fremersdorf. Ук. соч., стр. 268 в Мцхета, как мы уже отмечали, патера найдена вместе с энохоей (рис. 4, 1), которую мы датируем второй половиной I в.

¹¹⁹ A. Rasqui. Ук. соч., стр. 415, № 149, рис. 11; стр. 478, рис. 57.

¹²⁰ Находка патеры, ручка которой завершается скульптурной головкой барана, отмечена в нижней Паннии на территории стоянки римских лагерей, которые строятся в 88—92 гг. L. Barkóczy, E. Bonis. Das frühromische Lager und die Wohnsiedlung von Adoni (Vetus Salini). AA, Budapest, 1954, ч. 1—4, стр. 163, рис. 15, табл. XLI, 5.

¹²¹ A. Pernice. Bronzen aus Boskoreale, стр. 191—192.

¹²² Краткое изложение работы Цана см. AA, 1909, стр. 563.

¹²³ «Жертвенными мисками» называют их и некоторые современные исследователи. Ср. V. Ondrúch. Ук. соч., стр. 26, 127; L. Krasovska. Ук. соч., стр. 118.

¹²⁴ A. Radnóti. Ук. соч., стр. 82 сл.

¹²⁵ В Перещепинском кладе IV—VIII вв. имеется сосуд в форме круглого блюда или чаши с прямой рукоятью. На ручке надпись: $\chi\rho\nu\upsilon\beta\acute{o}\xi\epsilon\upsilon\tau\omicron\nu$, т. е. рукоюйник. MAP 34, 1914 г., стр. 112, табл. II, а—г.

Рис. 13

1, 2 — Ковш из с. Бори

эпохой служили для омовения рук, например перед торжественным пиршеством¹²⁶. Подтверждение мнения не только о сакральном, но и, так сказать, о «светском» назначении патер некоторые исследователи видят¹²⁷ в одной росписи III—IV вв., обнаруженной на территории Болгарии. На фреске изображается утренний туалет знатного лица, его слуга держит в руках кувшин и сосуд, похожий на патеру¹²⁸.

Ковш (рис. 13, 1, 2), найденный в с. Бори¹²⁹, представляет собой глубокий сосуд с плоской, несколько суживающейся в средней части руч-

¹²⁶ М. М. Иващенко. Ук. соч., стр. 305.

¹²⁷ А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили и др. Михета I, стр. 89.

¹²⁸ М. Цапенко. Памятники античного искусства в Болгарии, «Искусство», 1951, рисунок на стр. 85.

¹²⁹ Ковш хранится в Кавказском отделе ГЭ (Кз. 5592); Е. Придик. Ук. соч., стр. 103.

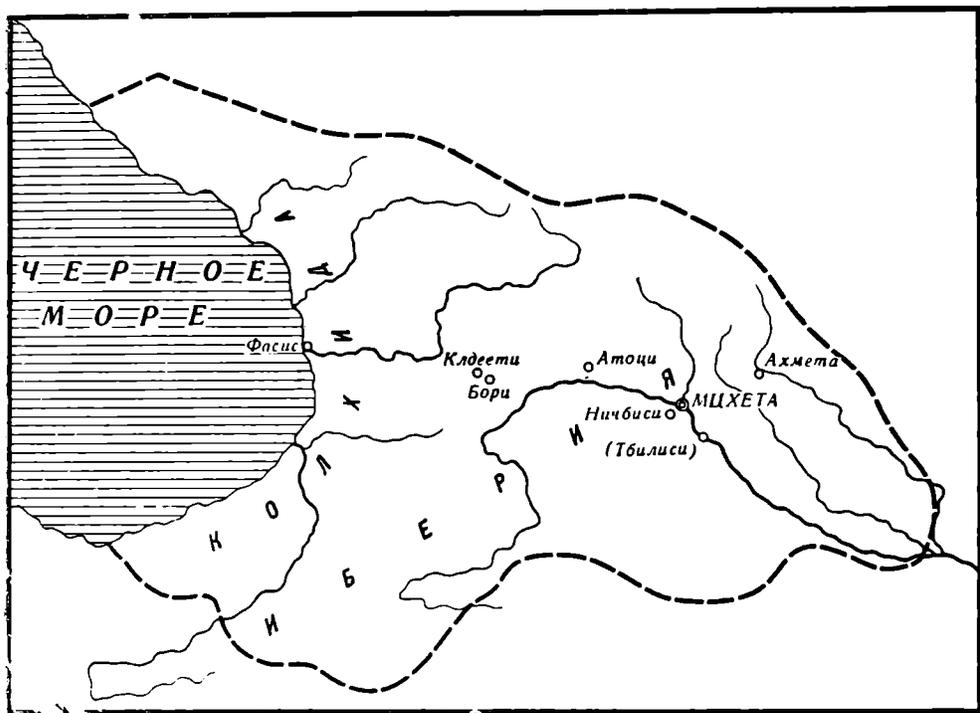

Рис. 14. Карта находок италийских бронзовых изделий на территории древней Иберии

кой, на верхней части которой сохранился едва заметный в настоящее время орнамент в виде тирса, ов и кружков. Ручка оканчивается отверстием, служившим, вероятно, для подвешивания. Утолщенные края ручки переходят с одной стороны в головки лебедя, а с другой — в ободок чаши, ниже которого расположены желобчатые концентрические круги. На дне имеются характерные для италийских изделий рельефные концентрические круги. Пatina ковша — темно-зеленого цвета.

Аналогичные бронзовые ковши с головкой лебедя на ручках являются одной из наиболее многочисленных продукции южноиталийских мастерских. Они в большом количестве найдены не только на Апеннинском п-ове, но и почти повсюду на территории нынешней Западной Европы¹³⁰. Еще Виллерсом было высказано мнение, в основном принятое впоследствии в специальной литературе, что производство ковшей, ручки которых украшены головками лебедя, относится к периоду Августа¹³¹. А. Радноти начало производства этого типа ковшей относит еще к доавгустовскому времени — к I в. до н. э., а прекращение — к середине I в.¹³²

Однако датировки и выводы А. Радноти относительно этого типа италийских изделий вызвали возражения Г. Экхолма, который на основе изучения характера изображений лебязьих головок и украшений ручки выделил узкохронологические группы, а также ряд ковшей с гладкими головками лебедя, которые относятся к периоду Флавиев, т. е. ко второй половине I в.¹³³. Головки лебедя на ручке нашего сосуда довольно рельефны, однако они все-таки лишены характерной для августовской эпохи четкости моделировки. Отсутствует также обычный для этого периода

¹³⁰ H. Willers. *Neue Untersuchungen...* стр. 73 сл.; E. Pernice. *Der Grabfund von Lübsow...*, стр. 137 сл.; A. Radnóti. *Ук. соч.*, стр. 19 сл., табл. I, 2; XVIII, 3; G. Ekholm. *Die Bronzenkasserolen mit Schwanenkopfbügel und ihre Entstehung.* ААК, 1942, XIII, стр. 203—215; H. Eggers. *Der römische Import...*, стр. 171, табл. 12. тип. 133.

¹³¹ Исключение составлял лишь Пернис, который высказал предположение о более поздней датировке (E. Pernice, *Ук. соч.*, стр. 138). Однако его аргументация не была признана убедительной (A. Radnóti. *Ук. соч.*, стр. 24).

¹³² A. Radnóti. *Ук. соч.*, стр. 23 сл.

¹³³ G. Ekholm. *Ук. соч.*, стр. 204 сл.

тирс, украшенный растительным орнаментом¹³⁴. Ковши, ручки которых украшены тирсом, но без растительного орнамента, аналогичные нашему сосуду, Г. Экхольм датирует не позднее чем серединой I в.¹³⁵ Еггерс импорт аналогичных ковшей на территории так называемой Свободной Германии датирует первой половиной I в.¹³⁶ Бронзовый ковш¹³⁷, найденный в Бори, также следует датировать первой половиной I в.

Наконец, следует отметить найденный в Мцхета¹³⁸ бронзовый цилиндрический сосуд с крышкой. На наружной¹³⁹ стороне днища вдавлена надпись «ex officini Calpurnii»¹⁴⁰, т. е. «из мастерской Кальпурния».

Таким образом, находки итальянских бронзовых изделий на территории древней Иберии довольно часты. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что они найдены в самых различных районах Иберии, что также как будто должно указывать на широкий ввоз итальянской продукции¹⁴¹. Следует добавить, что если находки подобных вещей учащаются, то придется решительно отвергнуть мнение о том, что бронзовые изделия итальянских мастерских не импортировались на Восток¹⁴². Кроме находок на территории Грузии, уже сейчас можно указать на находки итальянских изделий в Афганистане¹⁴³ и Индии¹⁴⁴.

Устанавливая факт импорта итальянских бронзовых изделий (и других предметов), следует поставить также вопрос о путях их проникновения на территорию Иберии. Едва ли при этом будет правильным полагать, что эти товары проникали по р. Куре и р. Фасис. В I в. функционирование этой магистрали на территории Колхиды в силу особых исторических причин¹⁴⁵ было нарушено. Несомненно, что эти товары доставлялись сначала в Мцхета¹⁴⁶, в столицу Иберии — один из самых крупных торгово-экономических центров страны в I в. Отсюда они уже распространялись в различные районы Иберии (рис. 14). Ввоз итальянских импортных изделий совпадает со временем, когда складываются и укрепляются новые взаимоотношения между Римской империей и Иберией. Эти взаимоотношения, как известно, основанные на добровольном союзе, были обусловлены взаимной заинтересованностью обеих сторон как в политическом, так и, вероятно, экономическом отношении.

¹³⁴ G. Ekholm. Ук. соч., стр. 206.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ H. Eggers. Zur absoluten Chronologie..., стр. 200, рис. 1, 8a.

¹³⁷ Подобные ковши Виллерс (Neue Untersuchungen..., стр. 73 сл.), а вслед за ним и другие исследователи (G. Ekholm. Ук. соч.) называют виночерпалкой (Weinschopfer).

¹³⁸ Сосуд, найденный в 70-х годах XIX в., издан Стефани (ОАК за 1872 г. стр. 174). Хранится в Кавказском отделе ГЭ (Кз. 5502). Высота 4 см, диаметр 3,8 см.

¹³⁹ Такие сосуды считаются чернильницами (M. A. Richter. Etruscan and Roman Bronzes, the Metropolitan Museum of Art. New York, 1915, стр. 447, № 1735). Аналогичная серебряная чернильница и костяной стиль были найдены в 1958 г. в Мцхета в погребении первых веков нашей эры. А. Н. Каландадзе. Основные итоги работ Мцхетской археологической экспедиции в 1958 г. Тезисы докладов Научной сессии Института истории АН ГрузССР, посвященной итогам полевых археологических исследований в Грузии 1958 г. Тбилиси, 1959, стр. 15 (на груз. яз.).

¹⁴⁰ Это имя, довольно распространенное, неизвестно среди мастеров итальянских бронзовых изделий. Тем более большой интерес представляет бронзовая пластинка с изображениями молодого Диониса, найденная в Помпее. На пластинке надпись: S. Calpurnius Romae f(ecit) (см. J. Overbeck. Pompeii. Leipzig, 1884, стр. 430).

¹⁴¹ Наличие итальянского импорта на территории Иберии вовсе не ограничивается только бронзовыми изделиями. Почти в тех же пунктах (Мцхета, Бори и т. д.) найдены также камни и геммы итальянского производства (М. Н. Лордкипанидзе. Геммы Музея Грузии, Тбилиси, I, 1954, стр. 7, 65, № 1; III, 1961 стр. 13—14, 61 № 4, 5). К итальянскому производству следует отнести также ряд серебряных предметов.

¹⁴² Cambridge Ancient History, X, стр. 394; Н. А. Машкин. История древнего Рима. М., 1947, стр. 420.

¹⁴³ MDAFA, IX, 1939, табл. VII—VIII; XI, 1954, стр. 147 сл., рис. 337, 1.

¹⁴⁴ H. D. Sankalia, M. G. Dikhit, Ук. соч.

¹⁴⁵ Г. А. Меликишвили. Ук. соч., стр. 444.

¹⁴⁶ Мы думаем, что эти товары в Мцхета доставлялись южными торговыми путями (О. Д. Лордкипанидзе. Ремесленное производство и торговля..., стр. 152).

Т. К. ИВАНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТИЧНОГО ГОРОДА УЛЬПИЯ ЭСК

Ульпия Эск — один из наиболее значительных городов на дунайском лимесе провинции Нижняя Мёзия в римскую эпоху наряду с Ратиарией и Дуростором. Долго не было известно местонахождение его развалин. Лишь в конце XVII в. первому поступившему на службу к туркам итальянскому инженеру графу Луиджи Марсильи из Болоньи удалось локализовать античный город Эск близ с. Гегенде (ныне Гиген, район Плевена), недалеко от того места, где Искр вливается в Дунай¹. Он допустил некоторую ошибку, обозначив Эск не к востоку, а к западу от р. Искр. Ему мы обязаны и первым, правда, очень сжатым, описанием крепости (castella). Крепость, имевшая четырехугольную форму, была расположена на живописном холме, окруженном рвом и поросшем виноградниками. Открытие Марсильи позднее подтвердилось многочисленными эпиграфическими памятниками (знаками на кирпичах, надписями на официальных и надгробных памятниках), обнаруженными в Гигенском городище, как местное население называет Эск.

Развалины Эска привлекали внимание многих чужеземцев, путешествовавших по Болгарии в период турецкого владычества. Здесь мы упомянем лишь француза Лежана и венгерского археолога, этнографа и художника Феликса Каница. Летом 1871 г. Каниц осмотрел находившиеся в Гигене археологические памятники и посетил городище, где на него произвели впечатление большие размеры античного города. Но не менее поразили его и разрушения, которым местное население в поисках строительного камня подвергло городище в турецкую эпоху². От Каница мы узнаем, что лишь в 1870 г. турецкие сельские власти запретили выемку камня и распорядились построить в самой высокой части городища домик для сторожа, остатки которого сохранились и поныне.

Богатый и разнообразный археологический и эпиграфический материал, обнаруженный при земляных работах на городище и его некрополе, заставили Софийский народный музей (теперь Археологический музей Болгарской Академии наук) предпринять в 1905 г. раскопки в этом важном городском центре римской эпохи. Руководил ими тогдашний директор музея Вацлав Добруский. Раскопки продолжались и в следующем, 1906 г., а затем были прекращены. Они велись на большой

¹ L. Marsigli. Le Comte Louis Ferd. Description du Danube depuis la Montagne de Kalenberg en Autriche jusqu'au confluent de la rivière Jantra dans Bulgarie: contenant des observations géographiques, historiques et physiques. A la Haye, 1734, I, табл. XXXIX; см. Д. П. Димитров. Археологические исследования на граф Луиджи Марсильи из болгарские земли в края на XVII в. ГСУИФФ, 43, 1964—1947, стр. 21, табл. 10.

² F. Kanitz. Donau-Bulgarien und der Balkan, II, Leipzig, 1882, стр. 160—161.

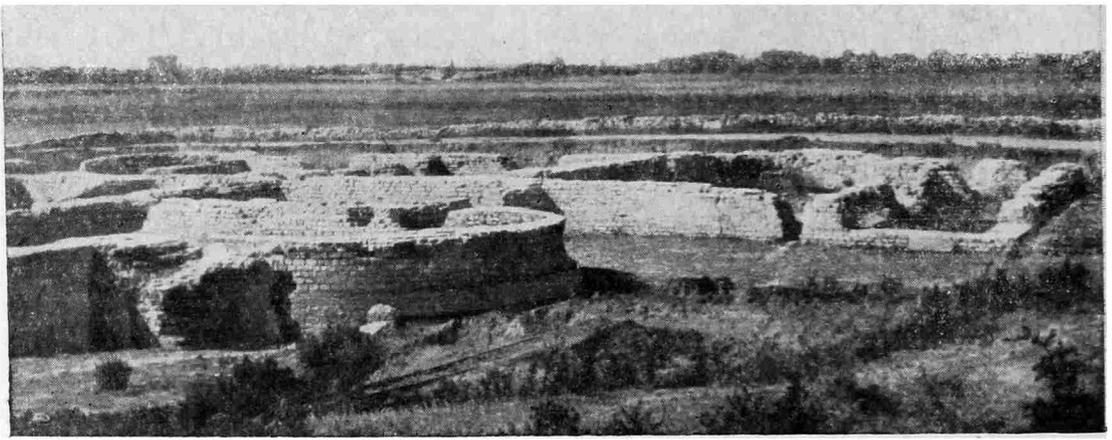

Рис. 1. Здание, раскопанное в 1940—1943 гг.

площади в центре Эска, но здания не были полностью раскопаны и изучены. Сейчас там видны развалины массивных каменных построек, колонны из монолитного мрамора, коринфские капители, архитравы и другие архитектурные детали, показывающие, что Добруский раскапывал городскую площадь — форум — и его периферию. К сожалению, он не опубликовал результаты своих раскопок. Не располагаем мы и его дневниками, заметками и данными о наблюдениях, методе работы, открытиях и находках. Об этих раскопках стало известно косвенным путем, из воспоминаний других исследователей, его современников³. Многие данные навсегда потеряны для археологической науки.

После перерыва, длившегося 34 года, раскопки в Эске были возобновлены итальянской археологической экспедицией под руководством А. Фрова, работавшей с 1940 по 1943 г. На этот раз исследования проводились за городским рвом с южной стороны, где раньше стояли массивные стены с глиняными трубами в них, расположенными вертикально. Фрова раскопал здание, занимающее 3525 м² и состоящее из нескольких просторных прямоугольных помещений (рис. 1). Кладка смешанная (*opus mixtum*) — чередуются ряд правильно обтесанных блоков камня прямоугольной формы с лицевой стороны и три ряда кирпича, положенные на извести, смешанной с битым красным кирпичом. Интересны внутренние стены здания. В них имеются коридоры (по которым можно идти, пригнув голову), связанные с вертикальными глиняными трубами. Назначение коридоров не совсем ясно. Мы предполагаем, что они связаны с вентиляцией воздуха в огромных внутренних помещениях здания. Аналогичные случаи встречаются в Одессе (ныне Варна) и Сердикe (ныне София). Руководителю экспедиции Фрове не удалось с точностью установить назначение этого общественного здания, построенного, по его мнению, в III в. По всей вероятности, здание следует отнести к концу III и первой половине IV в. О результатах своих раскопок Фрова опубликовал несколько предварительных отчетов⁴.

Фрова обнаружил на первой крепостной стене западные городские ворота и пытался найти восточные ворота, но безуспешно. Он предпо-

³ К. В. Шкорпил. Материалы о болгарских древностях. Абова-Плиска. Константинополь, X, 1905, стр. 462—464. См. также Ritterling, RE, XII, печ. л. 1573 сл. (*legio*).

⁴ A. Frova. Lo scavo della missione archeologica italiana in Bulgaria ad Oescus. Bolletino dell'Istituto nazionale di Archeologia e Storia dell'Arte X, 1943, 5; XI, 1948, 7; его же. Разкопки на италианската археологическа мисия в Ескус. ИАИ, XVII, 1950, стр. 34—58; его же. The Danubian Limes in Bulgaria, and Excavations at Oescus. Congress Roman Frontier Studies. Durham, 1952, стр. 23—30.

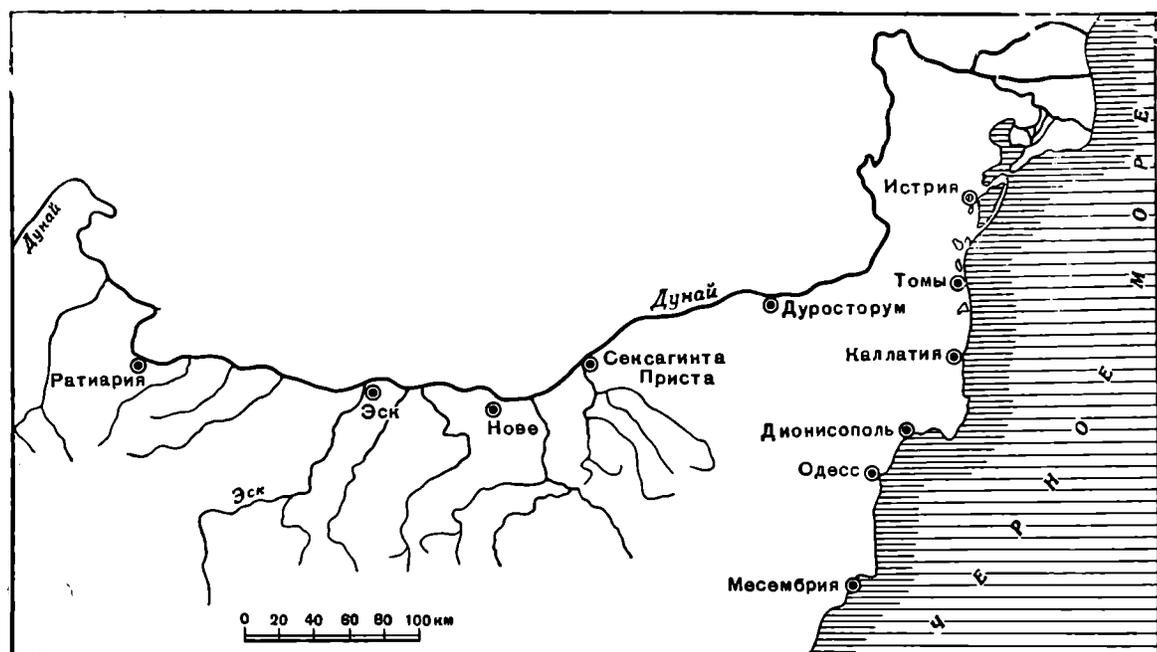

Рис. 2. Карта Нижней Мёзии

жительно обозначил направление второй крепостной стены, однако не раскопал и не исследовал ее.

Из найденных во время раскопок материалов Фрова создал небольшую музейную коллекцию, хранящуюся ныне в отдельном здании в районе раскопок.

После второй мировой войны раскопки в Эске возобновились. В 1947 г. ими занялся Софийский народный археологический музей, а в 1949 г. — Археологический институт и музей Болгарской Академии наук. В плане института стояла основная задача — изучение Эска римского времени в Болгарии. Для осуществления этой задачи были намечены методические раскопки с целью изучения топографии города, системы укреплений, градостроительного плана, канализационной и водопроводной сети, общественной и жилищной архитектуры, быта и культуры населения за все время существования Эска, истории римского лимеса на правом берегу Дуная (Нижняя Мёзия) и вообще истории болгарских земель накануне проникновения славян в нынешнюю Северную Болгарию.

Прежде чем изложить основные результаты последних раскопок и исследований в Эске, следует припомнить некоторые моменты истории античного города на основании сведений античных авторов и археологических находок.

Город Эск принял имя реки Эск (ныне Искр), протекающей примерно в 300 м к западу от городища и вливающейся в Дунай в 5 км к северу от него (рис. 2). Это название фракийского происхождения, и означает оно «вода», «река»⁵. Существует и другое толкование слова в смысле «прозрачный» и «быстрый»⁶. Все исследования Эска начинаются лишь с периода римского владычества в Нижней Мёзии, когда римляне построили лагерь у нынешнего с. Гиген, район Плевена, и в начале I в. разместили там V Македонский и, вероятно, IV Скифский легионы⁷. В сущности археологические находки бесспорно свидетельствуют

⁵ В. Георгиев. За произхода на древното население от североизточната част на Балканския полуостров. ИАИ, XIX, 1955, стр. 311.

⁶ J. Russu. Oiskos (Iskár). Contributions á la toponymie thrace. ГМПО, 1954, стр. 195—198.

⁷ Б. Геров. Романизъмът между Дунава и Балкана. Ч. I, От Август до Хадриан. ГСУИФФ, XLV, 4, 1948—1949, стр. 9 сл.; Ч. II. Романизъмът между Дунава и

о том, что на небольшом естественном возвышении к северу от городища существовало старое фракийское поселение гальштатской эпохи (VIII—V вв. до н. э.). В северной части возвышения во время земляных работ при прокладке шоссе от Гигена к Дунаю были найдены фрагменты глиняных сосудов, и в их числе — хорошо сохранившаяся серая чаша с высокой ручкой (рис. 3)⁸, напоминающая по форме глиняные чаши из села Новград в районе Русе⁹, и три золотые чаши из знаменитого золотого клада, найденного в с. Вылчетрын (район Плевена), датирующегося VIII в. до н. э.¹⁰. Из окрестностей Гигена (откуда в точности, неизвестно) происходят также бронзовые уздечки и украшения от конской сбруи и другие бронзовые предметы VIII—V вв. до н. э.¹¹. По всей вероятности, это остатки материальной культуры фракийского населения. Письменные источники V в. до н. э. и последующего периода гово-

Рис. 3. Глиняная чаша гальштатской эпохи

рят о фракийском племени трибаллов, населявшем область, ограниченную Дунаем и Хемусом (Балканские горы) и долинами рек Морава (на территории Югославии) и Искр¹². Греческий географ Птолемей, живший во времена Марка Аврелия (161—180 гг.), в своем сочинении «География» (III, 10, 5), упоминает город Эск трибаллов. Надо полагать, что систематические раскопки на возвышении к северу от городища дадут интересный материал об устройстве фракийского поселения, жизни и культуре его обитателей. Во всяком случае, когда римляне покорили Мёзию, они нашли здесь не пустую, необитаемую страну, а область с высокой материальной культурой.

В последнее время эпиграфическим путем установлено, что V Македонский легион стоял лагерем в Эске уже в начале I в.¹³, а не при Веспасиане (69—79 гг.), как считалось ранее¹⁴.

Принимая во внимание характер естественного плато, на котором возник римский город Эск, можно предположить, что первоначально лагерь располагался в южной, самой высокой части городища. По соседству с лагерем V Македонского легиона находилось небольшое поселение (сапабае), где жили римские ветераны, римские граждане и поселенцы из других мест, мелкие торговцы и ремесленники. Последние удовлетворяли потребности армии в предметах повседневного потребления. Такие поселения вокруг лагерей находились как на берегу Дуная, где квартировали легионы, так и во внутренних районах Нижней Мёзии, где размещались вспомогательные войска. Некоторые из них впоследствии выросли в города. Так, г. Дуростор (ныне Силистра) на Дунае возник сначала как поселение вокруг лагеря XI Клавдиева легиона и во II в. стал

Балкана от Хадриан до Константин Велики. ГСУИФФ, XLVII, 1952—1953, стр. 90—97; Chr. Danoff. RE, XVII, печ. л. 2033—2038 (Oescus).

⁸ Т. Петров. Из музея на град Ловеч. ИАИ, XVII, 1950, стр. 250—251, табл. 187.

⁹ В. Миков. Златното съкровище от Вълчитрън. София, 1958, стр. 30, рис. 19.

¹⁰ Там же, стр. 10, табл. IX и XXVIII, Хранится в Софийском археологическом музее.

¹¹ Хранятся в Музее Истории в Бухаресте. G. Sevegeanu. XALINOS thracskythiques. Bucurestii, II, 1936 кн. 1—2, стр. 14—16, рис. 1—5; И. Венедиков. Тракийската юзда. ИАИ, XXI, 1957, стр. 154—155, рис. 1—2.

¹² E. Polaschek. RE, VI A, 2392—2401 (Triballi).

¹³ В. Геров. Nouvelles données sur le début de l'histoire d'Oescus. Revue de philologie, XXIV, Paris, 1950, стр. 146—165.

¹⁴ Chr. Danoff. Ук. соч.

муниципием (городом)¹⁵. Обнаруженная в Абритте близ Разграда латинская надпись говорит о том, что там во времена Антонина Пия также существовало поселение вокруг лагеря, жителями которого были ветераны, римские граждане и поселенцы¹⁶. В надписи упоминается не название вспомогательного войска, постоянно менявшего свою стоянку, а лишь имя укрепленного города Абритта. Таким образом был локализован г. Абритт близ Разградского Хисарлыка, в то время как до 1953 г. его искали у с. Абрит (прежде с. Аптаат), район Толбухина, недалеко от болгаро-румынской границы¹⁷. Из надгробных надписей на плитах, найденных в Эске, узнаем, что жившие в I в. в Эске ветераны и римские граждане были в основном уроженцами Италии и других римских провинций.

V Македонский легион оставался в Эске в течение почти всего I в. до войн императора Траяна с даками в 101 и 106 гг., в которых он принимал участие. В этот период он отсутствовал в своем постоянном лагере девять лет (62—71 гг.), проведенных в Армении¹⁸. После того как император Траян сломил сопротивление даков, населявших земли к северу от Дуная (в Румынии), V Македонский легион расположился в Трезмисе у с. Иглица (Северная Добруджа), как об этом свидетельствуют кирпичи с печатями с именем легиона и надгробные плиты, установленные в память его воинов. При Марке Аврелии лагерь V Македонского легиона был перенесен в античный город Потаиса (ныне Торда, в Трансильвании). Существует много эпиграфических доказательств первого длительного пребывания легиона в Эске в I в., до дакийских войн. На кирпичах и плитках черепицы с печатями читается выражение Leg (io) V M (a) s (edonica) без обозначения имени Эска¹⁹. В надгробных надписях, относящихся к I в., встречаются имена ветеранов и воинов, находившихся на действительной службе в V Македонском легионе. На место отсутствовавшего V Македонского легиона в Эск были переброшены части I Итальянского легиона, постоянный лагерь которого в 67 г. находился в Новэ (ныне местность Стыклен восточнее г. Свиштов), и XI Клавдиева легиона из Дуростора (ныне Силистра).

Значительное расширение римских владений к северу от Дуная и создание провинции Дакия способствовало росту Эска и других укрепленных дунайских поселений и их превращению в города. Этому особенно благоприятствовал государственный акт императора Траяна, в силу которого Эск стал колонией, т. е. городом с собственным городским управлением и рядом привилегий. Эску придали эпитет Ульпия (гентильное имя императора). На надписях, найденных в городе, читаем: Colonia Ulpia Oescus. При Траяне Эск начал быстро благоустраиваться и приобрел облик настоящего римского города с правильной системой улиц, форумом в центральной части, общественными зданиями вокруг него и т. д. Создались благоприятные условия для подлинного экономического и культурного расцвета, охватившего период с середины II до середины III в. (время правления Антонинов и Северов). К этому периоду относятся монументальные храмы и другие общественные постройки, замечательные памятники искусства и художественных ремесел, обнаруженные во время первых и последних раскопок в Эске. Правление молодого императора Гордиана III (238—244 гг.) совпало с периодом экономического упадка и нашествия готов в Нижнюю Мезию,

¹⁵ Я. Тодоров. Durostorum. Сб.: «Силистра и Добруджа». София, 1927, стр. 23.

¹⁶ Т. Иванов. Два надписа от античния град при Разград. Към въпроса за локализирането на античния град Абритус. ИАИ, XIX, 1955, стр. 175—183 (Сб., «Г. И. Караров», II).

¹⁷ К. Шкорпил. Ук. соч., стр. 5 и 493, 494.

¹⁸ Б. Геров. Романизъмът ..., ч. I, стр. 21, сл.

¹⁹ Ritterling. Ук. соч., стб. 1581; Z. Morfova. Latomus, 1959, стр. 643 сл.; D. Tudor. Contributii privitoare la armata Daciei ripensis. SCIV, XI, 1960, 2, стр. 337.

Фракию и Македонию. В 250 г. предводительствуемые Книвой готы перешли Дунай у Новэ и осадили город²⁰. Часть их устремилась на юг, к г. Никополь на Истре (с. Никюп, район Тырново), но захватить его им не удалось. Тогда готы направились к городам Августа-Траяна (ныне Стара-Загора) и Филиппополь. С помощью предательства им удалось завладеть Филиппополем, опустошить его и захватить тысячи пленных и богатые трофеи. Греческий историограф Зосим, современник этих событий, подробно описывает осаду Филиппополя. Готы поспешили через Нижнюю Мёзию в родные земли (теперешняя Румыния). Император Траян Деций (249—251 гг.), собрав войска из Эска и Новэ, вместе с правителем Нижней Мёзии Требонианом Галлом решил отрезать им путь к отступлению, не дав перейти Дунай. Все историографы сообщают, что сражение между римлянами и готами произошло у античного города Абритт, в 2 км к востоку от Разграда, где в местности или поселении Форум-Семпрония император совершил жертвоприношения перед битвой²¹. Позднее это поселение стало называться Decii aca (Жертвенник Деция). Как известно, готы победили. В сражении погиб сам Траян Деций, правивший всего два года. Императором был провозглашен Требониан Галл. Из окрестностей Абритта происходит значительное число зарытых кладов монет, самые поздние из которых относятся ко времени Траяна Деция, что является свидетельством военных событий, разыгравшихся в этой области Нижней Мёзии. После локализации Абритта близ Разграда были высказаны предположения, что отступавшие готы перешли Дунай в местности между Секстантой Пристой (Русе) и Трансмариской (Тутракан)²². Сейчас на месте укрепленного города у с. Абрит (прежде Аптаат) локализуется Залдапа²³, один из 15 городов провинции Малая Скифия, который не был установлен с точностью, так как до 1953 г. там искали Абритт. Однако местное городище принадлежит к Малой Скифии, в то время как по свидетельству всех историографов и эпиграфических памятников Абритт был городом Нижней Мёзии. Наша локализация Абритта близ Разграда подтвердилась данными некоторых географических карт XV—XVIII вв.

В третьей четверти III в. нашествия готов участились, и положение римлян на землях к северу от Дуная стало нетерпимым. Они были вынуждены покинуть захваченные ими земли в Дакии (Нижней и Верхней), которыми владели в течение примерно полутора столетий, и снова отойти к Дунаю. Император Аврелиан (270—275 гг.) вывел из Дакии римские легионы и разместил их на новой линии оборонительных укреплений. Тогда же V Македонский легион, примерно после 160 лет отсутствия, снова расположился в своем первоначальном лагере — Эске, где оставался до поздней античной эпохи (V в., согласно Not. dig. or. XLII)²⁴. О его втором пребывании в Эске красноречиво говорят печати на кирпичках и плитках черепицы с именем легиона и упоминанием Эска как гарнизонного города — leg(io) V M(acedonica) Oes(co)²⁵. На печатях значатся имена соседних лагерей, где находились легионарии V Македонского легиона, например Утус (Утум) у с. Гулянци, район Плевена²⁶.

При Константине Великом (306—336 гг.) в жизни Эска наступил новый подъем, который нельзя и сравнить с первым периодом расцвета во

²⁰ Т. Иванов. Два надписа от античного град..., стр. 175—183 и цит. там литература. См. В. Гергов. Die gotischen Invasion in Mösien und Thrakien unter Decius im Lichte der Hortfunde. Доклад, прочитанный на VI Международной конференции классических исследований в Пловдиве 24—29 апреля 1962 г., стр. 28—29 (резюме).

²¹ Т. Иванов. Ук. соч.

²² В. Гергов. Ук. соч.

²³ Istoria româniei, I., Bucuresti, 1960, стр. 598, 604, табл. XII.

²⁴ Chr. Dapoff. Ук. соч.

²⁵ L. Morfova. Ук. соч.; D. Tudor. Ук. соч., стр. 337, рис. 2, 1.

²⁶ D. Tudor. Ук. соч., стр. 341, рис. 4.

времена Антонинов и Северов. Снова закипела строительная деятельность. В городе и за крепостными стенами были сооружены массивные общественные и частные здания со стенами, облицованными цветными мраморными плитами, иногда с многоцветными мозаичными полами. Нужды городского и сельского населения удовлетворяли местные ремесленные и художественные мастерские. К этому времени относится важное историческое событие — сооружение моста на Дунае, соединявшего предмостные укрепления Эска на правом берегу с античным городом Суцидава у с. Челей, район Корабии, на левом берегу²⁷. Это второй мост, построенный римлянами на Дунае. Первый мост был воздвигнут по приказу императора Траяна у Дробеты (ныне Турну-Северин) после дакийских войн. Строителем был знаменитый Аполлодор из Дамаска. О Константиновом мосте у Эска сообщают, хотя и коротко, античные историографы. Одни из них называют его каменным, другие — деревянным. Мост был изображен на оборотной стороне бронзовых монет, чеканенных во времена Константина Великого. Монетные изображения показывают, что в начале и конце моста, под которым стремительно нес свои воды Дунай, стояло по две башни. Феликс Каниц в своем труде «Donau-Bulgarien und der Balkan» рассказывает, что в 1871 г. жители Гигена говорили ему, что, когда Дунай мельчал, они видели основы моста. Археологические раскопки, предпринятые румынскими учеными Г. Точилеску и Д. Тудором, показали, что действительно между Эском и Суцидавой существовал мост²⁸. На левом берегу Дуная они обнаружили северный край моста и три огромные массивные опоры, отстоящие на одинаковом расстоянии друг от друга, последние были выложены из блоков камня, служивших облицовкой (0,90×0,65×0,55 м). Опоры имели прямоугольное основание с размерами сторон 19×26 м. Длина всего моста составляла 1150 м. Румынские исследователи считают, что промежуточные части, настил, парапет и некоторые другие детали моста были деревянными. Форма и размеры опор (пилонов) и другие детали моста Константина очень напоминают Траянов мост у Дробеты. Из письменных источников известно, что при Константине Великом работал знаменитый зодчий-гидравлик Феофил, который написал труд о Константиновом мосте, не дошедший до нас. Д. Тудор полагает, что он-то и был конструктором этого моста. Большое сходство между Константиновым и Траяновым мостами показывает, что архитектору Константинова моста прекрасно была известна конструкция Траянова моста, которую он перенял.

Константинов мост был сооружен в важном стратегическом и экономическом пункте, где проходила дорога из Эгейского бассейна (Фессалоники) по долине р. Искр и затем через Дунай в Трансильванию. Константин Великий построил мост по чисто стратегическим соображениям. Он хотел не только усмирить готов и сарматов, поселявших земли по ту сторону Дуная, но и вернуть Римской империи провинцию Нижняя Дакция. В 367 г. Константинов мост уже не использовался: император Валент (364—378 гг.) перешел Дунай по мосту из кораблей, когда завладел крепостью Дафне, построенной на левом берегу реки, напротив Трансмариски (Тутракан). Очевидно, мост был сожжен и разрушен до этого²⁹. До сих пор не предприняты археологические поиски Константинова моста на болгарском берегу Дуная. Это можно было бы осуществить средствами подводной археологии.

Освещение Константинова моста произошло 5 июля 328 г. в присутствии самого императора Константина Великого, который по этому случаю посетил Эск.

²⁷ Chr. Danoff. Ук. соч.; Д. П. Димитров. Ук. соч., стр. 21—23 (сведения Марсильи).

²⁸ D. Tudor. Rodul lui Constantin cel Mare. «Arhivele Olteniei», XIII, 71—74. Craiova, стр. 1—20.

²⁹ Там же.

Марсильи в своем труде «Описание Дуная» (т. I, табл. XXXVIII), описывая Константинов мост, локализует его у с. Вадин, район Врацы, к западу от Гигена³⁰. До недавнего времени это считалось ошибкой, так как основы Константинова моста были обнаружены между Эском и Суцидавой. Румынский археолог Д. Тудор снова исследовал румынский берег Дуная напротив с. Вадин, а в 1959 г. посетил Болгарию и осмотрел местность у Вадина. Он установил, что сведения Марсильи правильны. Речь идет о третьем мосте на Дунае³¹.

С IV в. Эск начал упоминаться как епископский город. Известно имя епископа Валента (примерно 343 г.)³². При раскопках в Эске найдены памятники древнехристианской эпохи. Гуннские юрды Аттилы не пощадили Прибрежную Дакию с главным городом Ратиария. После смерти Аттилы (453 г.) вожди гуннов Эмнекур и Ульциндур, родственники сына Аттилы Хернака, покорили эту провинцию и заняли Эск, Утус (с. Гулянци, район Плевена) и Альм (Лом). Об этих событиях сообщает готский историограф Иордан в своем сочинении «Гетика» (265—267 гг.). Некоторые поздние переделки зданий Эска, возможно, вызваны причиненными гуннами разрушениями.

В VI в. Юстиниан Великий принял меры к укреплению городов и крепостей на Дунае, в том числе и Эска, поскольку, как сообщает Прокопий (*De aedif.*, IV, 6), его крепостные стены были разрушены временем. Позднее Эск не упоминается историографами. Феофилакт Симокаттский (*Historiae*, VIII, 5), говоря о нашествиях аваров и славян в Нижнюю Мёзию (Вторая Мёзия) в конце VI в., сообщает лишь о предместном укреплении Палациол, находившемся на правом берегу Дуная, недалеко от устья р. Искр, в пределах Эска. Самые поздние монеты, найденные во время последних раскопок, относятся к периоду правления Юстина II и Софии (566—578 гг.).

В течение некоторого времени Эск представлял собой одни развалины. В VIII—IX вв. на части его площади возникло славяно-болгарское поселение, не известное ранее, но засвидетельствованное множеством археологических находок, обнаруженных в 1948 г., в числе которых — горшки с резным волнистым орнаментом и другими узорами, выполненными с помощью гончарного круга. Найдена также керамика с изображениями птиц, животных и геометрических орнаментов (XII—XIV вв.); встречающаяся в болгарских городах того времени. Новые раскопки дали большое количество византийских плоских и полых бронзовых монет времен императоров Михаила IV (1034—1041 гг.) и Алексея Комнина (1195—1203 гг.). Здесь стоит упомянуть фрагмент древнеболгарской надписи на камне, использованном вторично в качестве строительного материала в одной болгарской церкви XII—XIII в. В надписи говорится о гонениях на богомилов (еретиков). Пока что это единственный вещественный, эпиграфический памятник, найденный в Болгарии, который содержит данные об этом прогрессивном по тем временам религиозно-социальном движении. Надпись, по мнению акад. И. Гошева, относится к X в.

Город Эск расположен на обширной плодородной равнине (ныне Карабоазской равнине), входившей в его городскую территорию. Он был связан с важнейшими городами Нижней и Верхней Мёзии, Фракии и Дакии. Параллельно правому берегу Дуная шла одна из дорог, соединявшая Бононию (Видин), Альм (Лом), Эск, Новэ (местность Стыклен близ Свиштова), Ятр (с. Кривина, район Русе), Секстанту-Присту (Русе), Трансмариску (Тутракан), Дуростор (Силистра) и другие города.

³⁰ Д. П. Димитров Ук. соч., стр. 23, рис. 10.

³¹ Доклад, прочитанный на V Международной конференции классических исследований в Еформе (Румыния) в сентябре 1960 г.

³² В. Иванова. Стари църкви и манастири в днешните български земи (IV—XII в). ГНМ, IV, 1922—1925, стр. 457.

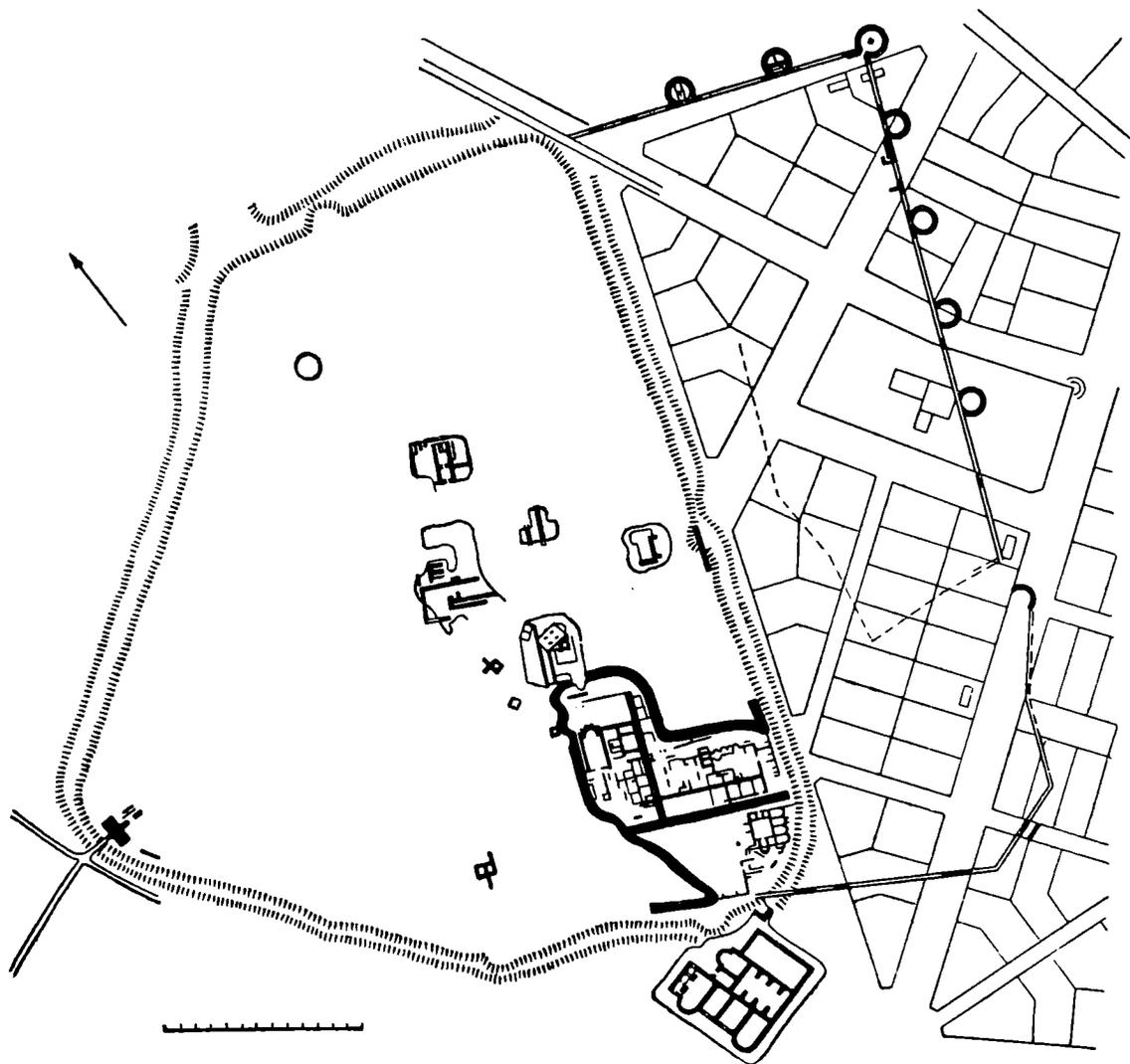

Рис. 4. Генеральный план города Эск

Остатки этой дороги обнаружены к западу от городища при спрямлении Искра. Сейчас на обоих берегах виден каменный настил дороги шириной 6 м. Северо-восточнее античного города, на дворе сельскохозяйственного кооператива, также обнаружены остатки дороги. Другая дорога проходила с севера на юг через Мельту (Ловеч) к Филиппополю. От Мельты отклонялся путь к Никополю на Истре (с. Никюп, район Тырново), Марцианополю (с. Река-Девня, район Варны) и Одессосу (Варна). На западе дорога шла к муниципию Монтаненсию (Михайловград). Эск был связан с Сердикой (Софией) дорогой, проходившей через Арабаконакский перевал и, вероятно, по ущелью Искра. К северу от Константинова моста дорога вела к Нижней и Верхней Дакии.

Римский город Эск воздвигнут на естественном плато, возвышающемся над округой. Только на востоке его уровень такой же, как и уровень всей местности. Город окружен глубоким рвом шириной около 15 м, наиболее сохранившимся с восточной и южной сторон. За рвом поднималась массивная каменная стена шириной в 3 м из камня, положенного на известковом растворе (рис. 4). Очертания плато показывают, что стенные башни не выступали за линию куртины башен. Башни располагались с тыльной стороны, по-видимому, по углам. Ворота западной стены были снабжены башнями. Крепостная стена относится ко второй половине II в. Она еще недостаточно изучена. Обнесенная крепостной оградой застроенная площадь составляет 18 га. По форме это неправильный пятиугольник, сообразованный с особенностями рельефа.

Рис. 5. Башня второй крепостной стены и под ней здание с перистилем

В период экономического расцвета Эска во II—III вв. первая крепостная стена оказалась тесной для выросшего населения города и возникших рядом с ним поселков. Как показали исследования последних лет, Эск постепенно расширялся в четырех направлениях. До 1913 г. предполагалось, что город рос лишь в восточном и южном направлениях от крепостной стены. Утрата провинции Дакия и частые нашествия готов и других северных племен вынудили римлян принять меры к более надежной и эффективной обороне дунайского берега. При Аврелиане была образована провинция Прибрежная Дакия с главным городом Ратиярия (с. Арчар, район Видина), в пределы которой вошли земли Верхней и Нижней Мёзии, в том числе и Эск. После возвращения в Эск V Македонского легиона там началось строительство второй крепостной стены, охватившей большую часть восточного расширения города (примерно 10 га). Раскопки 1948—1949 гг. показали, что эта крепостная стена прошла по зданиям II—III вв. Основания стены покоятся на их развалинах (рис. 5). Так, под одной из башен на северной стороне найдены остатки здания с перистилем и окружающими его помещениями. Северная и южная стены крепостной ограды повторяют направление соответствующих стен первой ограды. В отличие от первой крепостной стены, вторая имеет выступающие вперед угловые башни подковообразной и круглой формы. Стена выложена из небольших обработанных блоков камня прямоугольной формы с лицевой стороны (длина до 0,4 м), чередующихся с кирпичным поясом. Количество кирпичей в одном поясе не установлено, так как стена разрушена и кирпичи утрачены. Известковая масса белая, смешана с битым красным кирпичом. Обнаружены плитки черепицы с печатями V Македонского легиона с упоминанием гарнизона Эска — *leg(io) V M(acedonica) Oes(co)*, — доказательство того, что они были сделаны после Аврелиана³³. Установлены места северных и южных ворот второй крепостной стены. Случайно найденная латинская надпись, хранящаяся сейчас в археологической коллекции в районе раскопок, упоминает о восточных воротах, от которых шла дорога к крепости Утус, отстоящей примерно в 25 км к востоку от Эска, близ современного с. Гулянци (рай-

³³ Z. Morfol a. Ук. соч.

он Плевена). Площадь, ограниченная двумя крепостными стенами, занимает около 28 га. Неизвестно, какую площадь занимали не защищенные крепостной стеной жилые кварталы в южном и западном направлениях. В 1950 г. мы нашли остатки одного здания с многоцветным мозаичным полом, украшенным растительными мотивами, которое находилось примерно в 250 м от укрепленного города. В 1957 г. метрах в 50 к северу от второй крепостной стены тоже были обнаружены здания с мозаичными полами, на одном из которых изображено превращение юноши Кипариса в дерево (III—IV вв.).

В 1947—1952 гг. Археологический институт и музей Болгарской Академии наук вели раскопки не только крепостной стены, но и внутри первой крепостной ограды, на юго-востоке, в непосредственном соседстве с ней³⁴. Раскопана большая часть квартала (около 1,5 га), граничившего на востоке и юге с крепостной стеной, а на севере — с центром города (место раскопок 1905—1906 гг.). Толщина культурного слоя — примерно 2—2,5 м. В верхнем горизонте находятся остатки славяно-болгарского поселения, в нижнем, более мощном — развалины римского и ранневизантийского города Эска. Вследствие частых раскопок местным населением в прошлом культурный слой сильно перерыт.

Как и другие города римской эпохи, Эск имел правильную сеть прямых улиц, пересекающихся под прямым углом. Ширина их различна в зависимости от расположения улиц в городском плане и их значения для движения. Так, ширина раскопанных четырех улиц 3,5; 4,5 и 7 м. Выстланы они массивными каменными плитами прямоугольной или неправильной формы, некоторые из плит достигают 1,5—2 м в длину и 0,2 м в толщину (рис. 6). На некоторых плитах видны колеи от повозок и колесниц. Расстояние между колеями позволяет судить о конструкции античных колесниц и повозок. На главных улицах имелись тротуары, крытые колоннадами в ионическом коринфском и римско-дорическом стиле. На узких улицах-проулках тротуаров не было. Поскольку полотно проезжей части улиц было низким (0,5 м под уровнем тротуаров), на двух улицах найдены каменные ступеньки. Край тротуаров и ступеньки сделаны из монолитного камня. Улицы ремонтировались ввиду продолжительного существования Эска (I—VI вв.). В ранневизантийскую эпоху (V и в особенности VI в.) часть полотна улиц была занята зданиями, и это показывает, что в то время улицы уже не имели того значения, как в римскую эпоху.

В Эске были водопровод и канализация. Под каменным настилом улиц обнаружены свинцовые и глиняные водопроводные трубы, а также выложенные камнем или кирпичом каналы для стока нечистот. Разветвления водопроводной и канализационной сети идут к отдельным зданиям. В Эске было два водопровода. Один из них, бравший воду из источника в местности близ современного с. Оряховица (район Плевена), в 20 км к югу от античного города, был главным. Он выложен камнями на известковом растворе, смешанном с битым красным кирпичом, изнутри оштукатурен известью, смешанной с толченым кирпичом. Остатки этого водопровода можно теперь увидеть в Гигене и других селах, по территории которых он проходил. В 1947—1948 гг. нам удалось исследовать некоторые его участки. Второй водопровод состоит из глиняных труб. Он берет начало от местности Доброшин, примерно в 3 км к юго-востоку от Гигена. Возможно, что это позднеантичный или раннесредневековый водопровод. Трубы через определенные промежутки снабжены отверстием, прикрытым куском черепицы — приспособление для их очистки от накопившейся земли, широко практиковавшееся в античную эпоху. Для удовлетворения потребности в воде в городе и за его стенами были построены колодцы

³⁴ Материалы и результаты раскопок обрабатываются и скоро будут опубликованы.

Рис. 6. Улица Эска

из каменных колец, камня или из камня и хорошо обожженного кирпича. Пока не обнаружены общественные источники-фонтаны, какие несомненно, имелись в городе.

Непосредственно к югу от предполагаемого форума в 1905—1906 гг. В. Добрусский обнаружил скопление архитектурных элементов — колонны, архитравы, фронтоны и т. д. В 1950—1951 гг. мы продолжили его раскопки и установили, что он нашел двор храма Фортуны. Архитектурные детали представляют собой часть фронтона храма и архитравов перистиля (рис. 7). Последние раскопки позволили установить точный план, конструкцию, данные строительства и датировку храма. Участок храма состоит из портика, перистиля и храма в глубине его, построенных из белого мрамора. Портик прямоугольный, длина его 28 м и ширина 4,7 м, расположен вдоль главной улицы с направлением восток — запад и шириной 7 м. Выдержан в коринфском стиле. В центре портика находится торжественный вход с треугольным фронтоном, на 1 м выступающий на полотно улицы. На архитраве портика имеется латинская надпись в два ряда длиной 28 м, содержащая ценные данные об истории храма и г. Эск. Из нее мы узнаем, что храм был воздвигнут во времена императора Коммода (180—192 гг.), титулатура которого занимает 23 м верхнего ряда, но в силу *damnatio memoriae* была выдолблена после его смерти. Далее в надписи упоминается имя неизвестного науке правителя провинции (Нижняя Мёзия некоего Руфуса (начало его собственного имени отсутствует). Храм был построен на средства знатных граждан Эска, занимавших высшие должности в управлении, — городских советников (*декурионов*), патронов и префектов организации ремесленников (*collegium fabrorum*). Снаружи храм был украшен статуями. Прямоугольный двор выстлан тщательно обработанными прямоугольными плитами известняка. Его колоннада — в ионическом стиле. На архитравах видны рельефные букрании и изображения птиц, животных, волчицы с Ромулом и Ремом, театральных масок, бочонков вина и других бытовых предметов. Двор еще не полностью раскопан. С боков видны еще не вскрытые целиком архитравы. Храм занимает северную половину двора. Это четырехколонное (тетрастиль) сооружение в коринфском стиле, возвышающееся

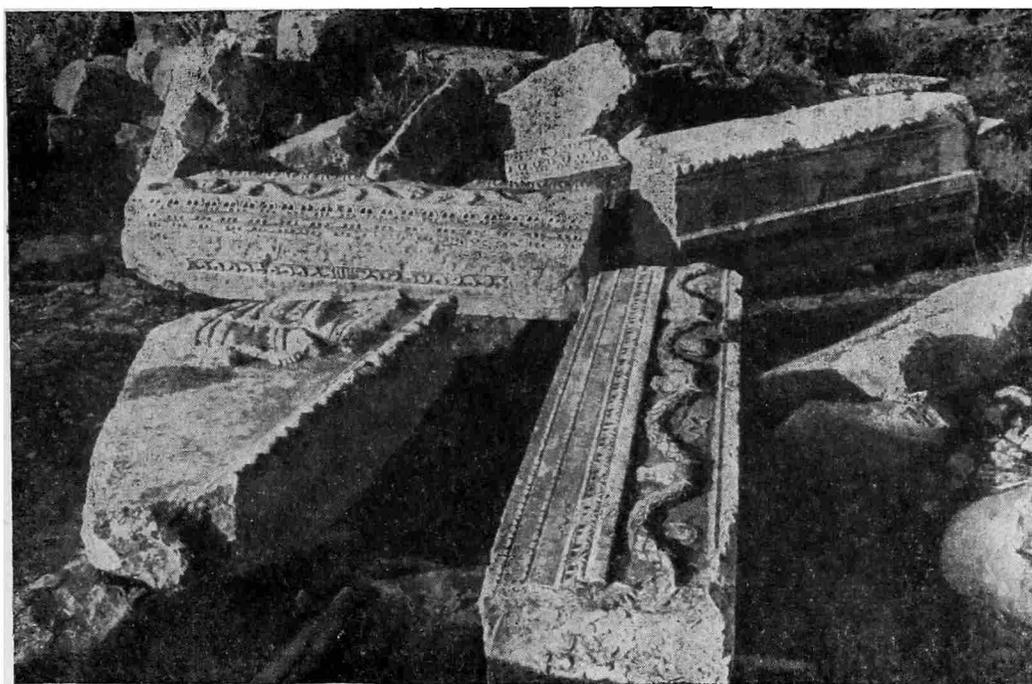

Рис. 7. Архитравы из перистиля храма Фортуны

на три ступеньки над уровнем дворового настила. Направление — юг — север. Обнаружен весь южный фасад — треугольный фронто́н с принадлежащими ему частями и колоннами. На фронто́не изображены две Виктории, держащие круглый щит, в середине которого была прикреплена металлическая аппликация (не найдена). Помещение собственно храма (coela) не раскопано, поскольку над ним и в западной части перистиля в XI—XII вв. была построена болгарская церковь, в одну из стен которой и уложен камень с древнеболгарской надписью, содержащей данные о гонениях богомилов. Церковь однефная и одноапсидная, сохранившаяся лишь в основании. Она обнесена каменной оградой неправильной формы. К ней примыкают два прямоугольных помещения, служивших для надобностей церкви.

К югу от храма Фортуны, по другую сторону улицы, в 1948—1949 гг. была обнаружена часть большого здания типа дворца, направленного продольной осью с севера на юг. Оно выходит на две улицы — первую с восточной стороны с направлением север — юг (ширина 3,5 м без тротуаров), вторую — с южной стороны с направлением восток — запад (ширина 4,5 м), которая начиналась у крепостного рва и проходила мимо бани и магазинов в юго-восточной части города. Длина здания — 72 м, ширина его еще не известна, пока вскрыто всего около 30 м. Раскопанная площадь составляет примерно 2100 м². Обнаружено больше десяти просторных помещений, выстланных и облицованных разноцветными мраморными плитами и снабженных отопительной установкой (гипокауст). В перистиле находится маленький дворик, вымощенный прямоугольными известняковыми плитами, и колодец, облицованный цилиндрическими каменными кольцами. В северной части огромного здания обнаружен торжественный зал с апсидой длиной 27 и шириной 12,5 м, также с богатой мраморной облицовкой (рис. 8). Главный вход в здание находился с южной стороны. Недалеко от него открыто прямоугольное помещение с многоцветным мозаичным полом. Теперешние размеры пола — 7,2 м в длину и 6,6 м в ширину, но первоначально, до переделки помещения в позднеантичную эпоху, они были 9,7 и 9 м³⁵. Мозаика вы-

³⁵ Т. Иванов. Римска мозайка от Улпия Ескус. София, 1954. См. рец. М. М. Кобылиной в СА, 1958, 1, стр. 279—282.

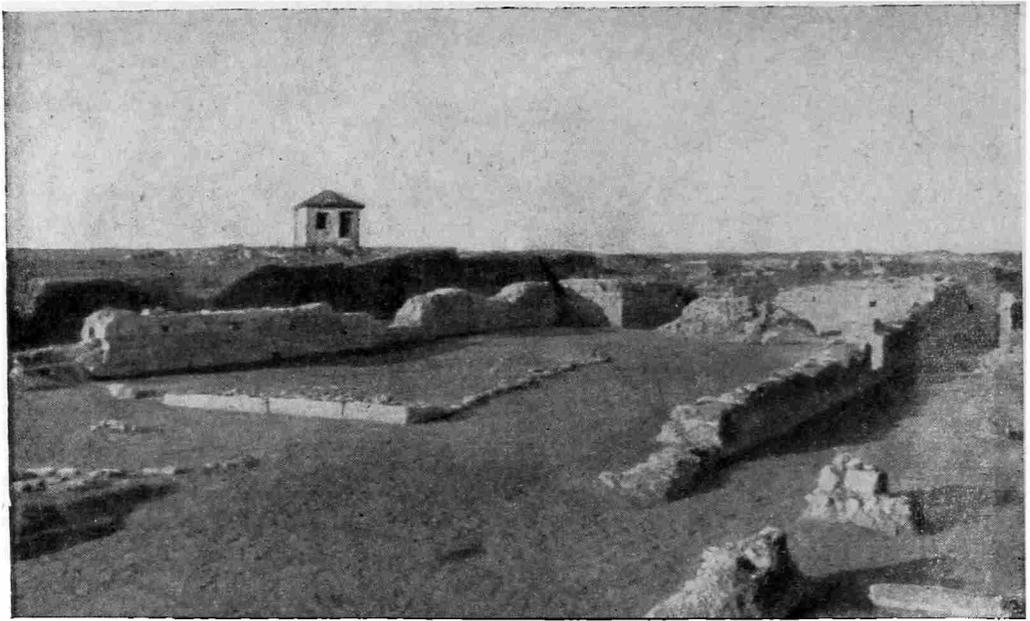

Рис. 8. Торжественный зал в здании типа дворца

ложена из кубиков двух форм: одни с размером ребра 1 см (центральная часть), другие с размером ребра 1,5 см (периферийная часть).

Кубики изготовлены из мрамора, терракоты (красно-коричневого цвета) и стекла (зеленого цвета, употреблено в незначительном количестве). Мозаист использовал богатую гамму красок, число которых вместе с оттенками превышает 20. Чаще всего встречаются белый, черный, кирпично-красный, желтый, синий, розовый, серый, бежевый и зеленый цвета. В композиционном отношении мозаика состоит из центральной части с изображениями фигур и периферийной, большей по размерам, украшенной двухцветными черно-белыми геометрическими орнаментами. Центральная часть многокрасочна. Она представляет собой прямоугольник, разделенный на три поля — одно центральное и два меньших, боковых. В западном боковом поле воспроизведен бой двух петухов (рис. 9). За петухом-победителем видна курица, держащая в клюве предназначенную для него зеленую лавровую ветку. Между петухами изображен веночек и лавровая ветка — награда победителю. В восточном боковом поле помещены плавающие рыбы (рис. 10). Изображения петухов и рыб отличаются большой реалистичностью и живостью. Однако исключительный интерес представляет центральное поле, в которое вписан восьмиугольник (рис. 11). В треугольных полях, образованных по углам, изображены кабан, лев, медведь и бык (последнее изображение повреждено, но о его содержании можно судить по аналогии с другими мозаиками с такими же изображениями). Это персонификация времен года — зимы, лета, весны и осени. В восьмиугольнике воспроизведена театральная сцена, в которой участвуют четыре актера, на лицах троих из них — маски. Над головами актеров, на белом фоне, есть греческая пояснительная надпись ΜΕΝΑΝΔΡΟΥ ΑΧΑΙΩΙ, т. е. «Ахейцы» Менандра. Исследованиями доказано, что мозаист изобразил сцену ссоры Ахилла с Агамемноном из-за Брисеиды из неизвестной доселе по другим источникам комедии «Ахейцы» знаменитого афинского драматурга Менандра (342—291 гг. до н. э.), автора ста с лишним произведений. Актер слева со скипетром в руке — разгневанный Агамемнон, верховный вождь ахейцев в Троянскую войну, актер помоложе справа, в отчаянии опустивший голову на правую руку, — быстроногий Ахилл, вождь ахейского племени мирмидонян, сидящий между ними старец с седой головой и морщинистым бледно-желтым лицом — Нестор, царь о-ва Пилос, тщетно пытающийся помирить двух

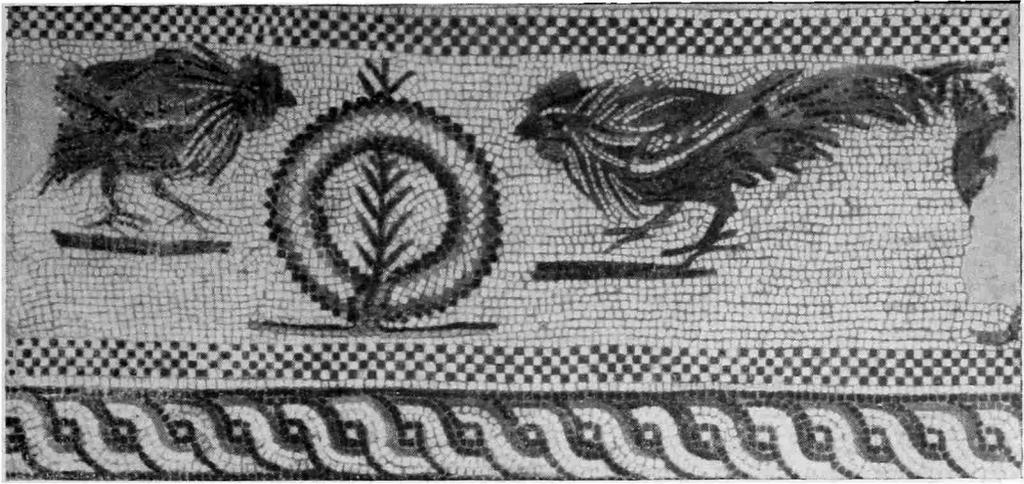

Рис. 9. Деталь мозаики «Бой петухов»

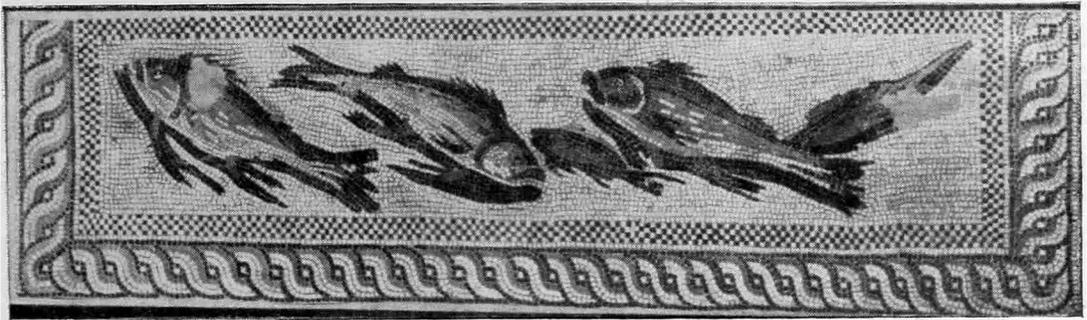

Рис. 10. Деталь мозаики «Рыбы»

виднейших вождей и воинов. Позади Нестора по правую руку Ахилла стоит Патрокл, его верный друг, присутствующий при ссоре (рис. 12). Лишь у него нет маски на лице, чем мозаист хотел подчеркнуть, что он является немым, третьестепенным лицом (*persona muta*), не влияющим на исход действия.

Мозаика из Эска показывает, что Менандр построил свою комедию на сюжете из «Илиады» Гомера. Изображенная на мозаике сцена напоминает Первую песню «Илиады». Комедия «Ахейцы» по своему характеру отличается от известных комедий Менандра, в которых он разрабатывал бытовые сюжеты современной ему жизни Аттики и других греческих областей и городов — отношения в семье, вопросы любви, внебрачных детей и т. п. Вновь открытая комедия «Ахейцы» свидетельствует о том, что Менандр успешно творил и в области трагедии, т. е. пародии на легендарные и мифологические сюжеты. До открытия мозаики в Эске в 1948 г. ученые то допускали, то отвергали возможность создания Менандром трагедии³⁶. Но теперь мы располагаем бесспорными вещественными доказательствами этого. Филемон, современник и соперник Менандра (361—263 гг. до н. э.), тоже писал трагедии, в числе которых следует отметить «Мирмидонян» (*Μυρμιδόνες*)³⁷. Заголовок подсказывает, что главным героем ее был Ахилл, вождь мирмидонян. Но поскольку личность Ахилла органически связана с личностью Агамемнона, вероятно, комедиограф разработал также сцену ссоры Ахилла с Агамемноном. Возможно, что Менандр и Филемон разрабатывали один и тот же или по-

³⁶ A. Körte, RE, XI, 1922, печ. л. 1270 (Komödie); A. Körte, RE, XV, 1932, печ. л. 720 и 756 (Menandros).

³⁷ Legrand. Daos. Tableau de la comédie grecque pendant la période nouvelle. «Annales de l'Université de Lyon», II, Нов. серия, 22, 1910, стр. 39.

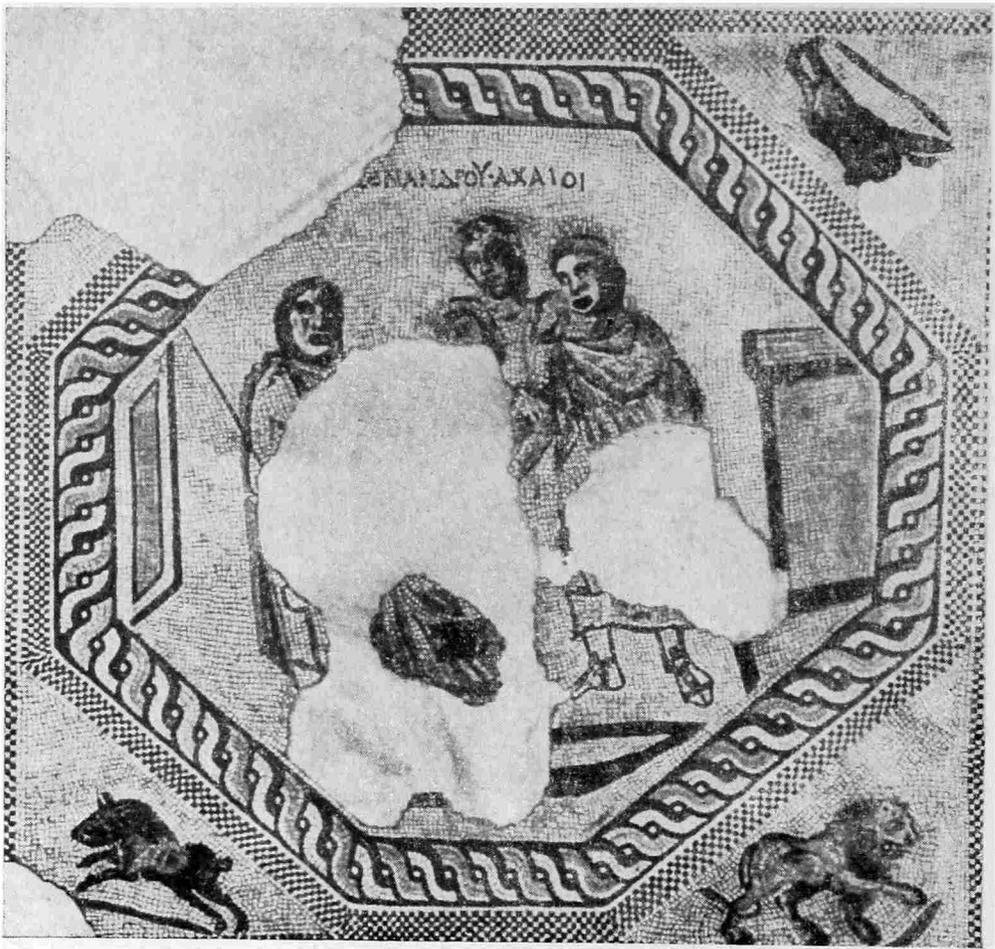

Рис. 11. Мозаика из Эска. Сцена из комедии Менандра «Ахейцы»

Рис. 12. Деталь мозаики. Агамемнон, Нестор, Ахилл и Патрокл

Рис. 13. Вход в баню (IV в.)

добный сюжет, состязаясь своими произведениями — первый «Ахейцами», второй «Мирмидонянами».

Мозаика из Эска относится к III или началу IV в. и представляет одну из самых художественных мозаик того времени, обнаруженных на территории Болгарии. Она свидетельствует об экономическом и культурном расцвете, переживаемом тогда городом. В большом, богато украшенном здании, в котором средствами мозаичного искусства воспроизведена сцена из потерянной комедии Менандра «Ахейцы», по-видимому, жил правитель города или другое высокопоставленное лицо, игравшее важную роль в жизни Эска. Дальнейшие раскопки, быть может, позволят более точно установить предназначение здания, претерпевшего ряд восстановлений в позднеримскую и ранневизантийскую эпохи (IV—VI вв.). Мозаика из Эска обогатила мировую науку новым ценным памятником, проливающим новый свет на характер творчества Менандра, пополняющим список его произведений еще одной неизвестной комедией «Ахейцы» и снова подтверждающей его большую популярность в римскую эпоху даже в таком отдаленном провинциальном городе, каким был нижнемёзийский Эск.

Мозаика из Эска позволила пересмотреть и по-новому объяснить сцены, изображенные на двух мозаиках из Антиохии (на р. Оронт в Сирии), описания которых публиковались неоднократно. Одна из них, обнаруженная в так называемом «Доме Века» (House of Aion), содержит два одинаковых прямоугольных поля, включенных в общую рамку³⁸. На одном поле воспроизведена сцена прощания Бросиеды с Ахиллом в присутствии Талфибия, посланца царя Агамемнона, как показывают пояснительные греческие надписи над каждой фигурой. На втором поле изображены афинский комедиограф Менандр и его возлюбленная Гликера, также с соответствующей пояснительной греческой надписью над их головами. Фигуры Менандра и Гликеры не открыты целиком, так как по

³⁸ K. Weitzmann. Illustrations of Euripides and Homer in the Mosaics of Antioch. Antioch on the Orontes Excavations, III, 1941, стр. 194 и 233 табл. 50; D. Levi. Antioch Mosaic Pavements, I—II, Princeton — London — The Hague, 1947, стр. 196, сл., табл. XLIII и цитируемая там литература.

этой части мозаики проходит выстроенная позднее стена. Мозаика датируется временем между правлением Максимиана и Максенция (235—312 гг.). Все исследователи этой мозаики считают, что мозаист изобразил здесь двух колоссов греческой литературы — Гомера и Менандра, но вместо того чтобы воспроизвести образ Гомера, он воспроизвел сцену из его «Илиады». Они рассматривали обе картины в отрыве друг от друга, не видя, что в действительности между ними существует тесная органическая связь и зависимость. Прежде всего эту связь мозаист подсказал чисто композиционными средствами, заключив обе картины в общую рамку. На первый взгляд кажется, что сюжеты их совсем не связаны между собой. На одной из картин представлена влюбленная пара из легендарного прошлого древних эллинов — Ахилл и Брисеида, на второй — действительно существовавшая пара, афинский комедиограф Менандр и Гликера. В сущности же выбор этих пар не случаен. Если бы мозаист хотел изобразить вообще две влюбленные пары, то он мог бы взять их как из греческой, так и из римской мифологии, произведений поэтов, драматургов, художников. Однако он не воспользовался этим богатым выбором. Присутствие третьего лица — посланца Талфибия — в первой картине нарушает симметричную группировку двух фигур в каждой из картин. Это говорит о том, что в данном случае мозаист хотел не просто изобразить Ахилла и Брисеиду, но и показать случай из их жизни, а именно расставание. Еще здесь он намекает, что речь идет о действии, о сцене, заимствованной из произведения и, на первый взгляд, можно допустить, что это сцена из Первой песни «Илиады» Гомера. Но сразу же возникает вопрос: что общего у драматурга Менандра с «Илиадой» и почему во второй картине изображен не сам Гомер, автор «Илиады»? Это-то и затруднило исследователей мозаики в «Доме Века» в Антиохии. Поскольку не было известно, что Менандр писал трагедии на сюжет «Илиады», никто из ученых не мог связать Менандра со сценой расставания Брисеиды и Ахилла в первой картине мозаики. Однако сейчас, после открытия и толкования сцены, изображенной на мозаике в Эске, становится совершенно ясно, что мозаист из Антиохии представил на одной картине Менандра с Гликерой, а на другой — сцену из его произведения «Ахейцы»³⁹. Обе упомянутые мозаики взаимно дополняют и обосновывают друг друга. Мозаика в Эске снабжена надписью, содержащей заглавие трагедии — «Ахейцы» и имя ее автора Менандра, но имен актеров в ней нет, в то время как мозаика в «Доме Века» воспроизводит образ и имя Менандра, причем афинянина Менандра, как об этом недвусмысленно свидетельствует фигура Гликеры и пояснительная надпись к ней, и имена действующих лиц сцены прощания Брисеиды с Ахиллом — Ахилла, Брисеиды и Талфибия. Обе мозаики имеют ряд отличительных черт, показывающих, что мозаисты пользовались разными образцами и работали независимо друг от друга.

Сцена прощания Брисеиды с Ахиллом, изображенная на мозаике в «Доме Века» в Антиохии, обогащает науку другой, не известной ранее сценой из комедии Менандра «Ахейцы». Уже совершенно ясно, что под «Ахейцами» подразумеваются ахейцы времен Троянской войны, воспеты Гомером в «Илиаде» и представленные на сцене афинянином Менандром, а не жителями области Ахайи, современниками Менандра (IV—III вв. до н. э.), как предполагал J. M. C. Toynbee⁴⁰.

Такой же сюжет встречается и на многоцветном мозаичном полу в Антиохии на ф. Оронте времен Адриана и Антонина Пия, гораздо более ранняя, чем мозаика в «Доме Века»⁴¹. Там изображены оба посланца

³⁹ Т. Иванов. Нови данни за комедията «Ахейци» на Менандър. Изследвания в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958, стр. 495—498.

⁴⁰ J. M. C. Toynbee. T. Ivanov. Une mosaïque romaine de Ulpia Oescus. JRS, 45, 1955, стр. 204—205 (рецензия).

⁴¹ D. Levi. Ук. соч., I, стр. 46, сл., табл. VIII, а.

Агамемнона — Талфибий и Эврибат, Патрокл, уводящий Брисеиду, и Ахилл (его изображение повреждено). Принимая во внимание мозаику в «Доме Века» и большую популярность Менандра в Антиохии, о чем свидетельствует еще одна мозаика с образами Менандра и Гликеры, а также персонификацию «новой» комедии⁴², мы склонны толковать вторую мозаику с эпизодом прощания Брисеиды тоже как сцену из комедии Менандра «Ахейцы». Следует обратить внимание и на то, что в Антиохии Гомер нигде не изображался.

Но вернемся к развалинам Эска после этого экскурса в Антиохию. В жизни граждан Эска немалую роль играли общественные бани термы. На юго-восточном конце города, возле первой крепостной стены, в 1947 г. были обнаружены термы, расположенные на той же улице с направлением восток — запад, которая проходила мимо главного входа большого здания с мозаикой. Термы занимают площадь примерно в 700 м². Вход в них вел с севера, со стороны улицы. Баня состоит из восьми различных по размерам и предназначению помещений и двух бассейнов — одного для горячей и другого для прохладной воды. Помещения терм, связанные с процедурами купания, снабжены отопительной установкой (гипокаустом) и выходят на восток, откуда они получали солнечное тепло и свет. Глубина бассейнов 1,05 м, они удобны для купания. Полы и стены помещений были покрыты белыми и серыми мраморными плитами, обнаруженными на месте. В отдельной комнате слева от входа находилась раздевальня (аподитерион). Термы были снабжены водопроводом и каналом. Найдены различные предметы, связанные с бытом и туалетом граждан Эска (стеклянные сосуды для благовонных масел, костяные гребни и иглы для волос, глиняные лампочки, римские бронзовые монеты IV в. и прочие предметы). Термы были построены не раньше конца III и начала IV в. (рис. 13). При исследованиях под ними обнаружены остатки еще более древних терм, II—III вв. Поздние термы просуществовали до разрушения города в конце VI в.

С запада к термам примыкает другая постройка, современная ей или немного более поздняя; во дворе ее найден выложенный каменными цилиндрическими кольцами колодец глубиной 11 м. Вода его использовалась для нужд терм. Узкий вход в западной стене терм ведет ко двору этой постройки.

К северу от терм, по ту сторону, улицы, прямым рядом с востока на запад тянутся прямоугольные помещения магазинов со входами со стороны улицы. Инвентарь их растащен. Только в одном из магазинов найдены каменные грузила с железными ручками. В Эске жили богатые торговцы, составлявшие часть городской знати. Они по низким ценам скупали товары у земледельцев и ремесленников города и его округи и продавали их, наживая богатства за счет эксплуатируемых производителей.

Многочисленные археологические и эпиграфические памятники Эска, как и других городов римской эпохи в Мёзии, Фракии и прочих римских провинциях, показывают, что при рабовладельческом строе всей политической, экономической, административной, культурной и религиозной жизнью города руководила городская аристократия, располагавшая достаточными материальными средствами для покрытия больших расходов, связанных с занимаемыми ими почетными должностями в управлении⁴³. Знатные граждане давали средства на строительство общественных зданий — таким является случай с храмом Фортуны, на организацию торжеств, атлетических и цирковых игр, театральных представлений и т. д. Из этой городской знати избирались городские советники, главный жрец города, жрецы различных богов и божеств, почитавшихся в Эске, финан-

⁴² Там же, стр. 201 сл., табл. XLV, с.

⁴³ Б. Геро в. Романтизмът..., ч. II, стр. 93.

совые контролеры, блюстители общественного порядка, контролеры по продовольствию, полицейские начальники, патроны и префекты организаций ремесленников, покровители различных общественных и культурных организаций и т. д. Эти лица пользовались римским гражданским правом. Они были уроженцами Италии, римских провинций, в особенности в Малой Азии, а также выходцами из местной фракийской знати. Римским правом пользовались и ветераны, которые, отслужив долгий срок военной службы в легионе, получали землю в районе города. Остальная, большая часть населения состояла из рабов⁴⁴, вольноотпущенников⁴⁵ и полузависимых крестьян (колонов), живших за крепостными стенами города. Из надгробных надписей, обнаруженных в Эске, видно, что некоторые из вольноотпущенников (либертины) достигли завидного достатка, который давал им возможность участвовать в коллегии августалиев, заботившейся о поддержании императорского культа в городе⁴⁶. Много надгробных плит установлено вольноотпущенниками или рабами их бывшим хозяевам. Труд рабов применялся в домах богатых граждан и их загородных имениях (виллы), в ремесленном производстве, на полях и виноградниках — вообще всюду, где был необходим тяжелый физический труд.

В Эске работали искусные местные и пришлые мастера художественных и обыкновенных ремесел — скульпторы, каменотесы, мозаисты, художники, каменщики, кузнецы, золотых дел мастера и другие неизвестные создатели материальной культуры, выходцы из народа.

За крепостной стеной простирался некрополь. Могилы найдены в основном к востоку от города, в местностях Пески, През-Ливаде и др., через которые проходила дорога из Эска вдоль Дуная в Новэ. Во время земляных работ там обнаружено много мраморных и известняковых саркофагов и надгробных плит с рельефными изображениями гения смерти, погребенных, декоративными орнаментами и т. д., с посвящениями преимущественно на латинском языке; надгробных статуй мужчин и женщин; местных и привозных глиняных сосудов, металлических изделий, золотых и серебряных украшений, монет, фибул, костяных игл для волос и гребней, стеклянных бальзамариев и других предметов, связанных с погребальными обычаями и обрядами. Покойников среднего достатка хоронили в выложенных кирпичом склепах или же деревянных гробах, а бедных зарывали прямо в землю. Главным способом погребения было трупоположение и реже — трупосожжение. Найденные в могилах материалы дополняют картину истории Эска, жизни населения в различные периоды существования города, состояния местных ремесел, торговых связей с другими городами и странами. Надгробные надписи проливают свет на этнический и социальный состав населения. В числе лиц, служивших в V Македонском легионе, встречаются воины из племени треверов (населявшие земли возле теперешнего города Трир в Западной Германии) и др.⁴⁷ Большая часть сельского населения на территории Эска была фракийского происхождения (трибаллы, мезы и т. д.), причем зажиточные фракийцы воздвигали могильные курганы, какие встречаются по дороге из Гигена в с. Брест и по дороге в с. Загражден.

В округу Эска входило много селений, разбросанных по обширной равнине. Их жители земледельцы снабжали город и нужды экспорта сельскохозяйственными продуктами и находились в экономической зависимости от римских граждан Эска, владевших полями, лугами и виноградниками на их угодьях.

⁴⁴ Т. Иванов. Новонайденные латинские надписи от Улпия Ескуса. ИАИ, XXII, 1959, стр. 130, рис. 12.

⁴⁵ Там же, стр. 123—126, рис. 5—6.

⁴⁶ Там же, стр. 127—128, рис. 8—9.

⁴⁷ Там же, стр. 119—123, рис. 1—2.

Официальным языком в Эске и на территории города был латинский. Исключение составляет лишь надпись на мозаике со сценой из комедии Менандра «Ахейцы» и греческое имя, вырезанное на терракотах, найденных в одной могиле к западу от города. Это говорит о том, что в Эске жили и лица греческого происхождения, пришельцы из Малой Азии или других римских городов Нижней Мёзии и Фракии. Из одной надписи мы узнаем, что в Эске была также еврейская община. Как и в других городах Нижней Мёзии римской эпохи, в Эске почитались боги и божества римского пантеона и Фракийский всадник — главное божество фракийцев.

Последние археологические раскопки и исследования Эска обогатили науку новыми, не известными ранее данными о топографии города, его двух крепостных стенах, общественной и жилищной архитектуре, искусстве, быте и культуре населения, об истории Эска в римскую и ранневизантийскую эпохи (I—VI вв.), а также о периоде болгарского Средневековья (VIII—XIII вв.), который до 1947 г. не был засвидетельствован ни письменными источниками, ни археологическим путем. Раскопки будут продолжаться на уже начатых участках и памятниках вплоть до их полного исследования.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

НОВОНИКОЛЬСКОЕ IV ГОРОДИЩЕ

(в связи с некоторыми вопросами древней истории Прииртышья)

Четвертое Новоникольское городище расположено на сопке около с. Новоникольск Усть-Ишимского района Омской области, на правом берегу Иртыша.

Площадка городища имеет размеры 60 × 37 м. На ее поверхности есть небольшие углубления, но они, по-видимому, не являются впадинами от жилищ. Край площадки со стороны Иртыша немного повышается, на юго-западном его конце культурный слой почти полностью смыт, обнажая красную материковую глину. С площадки городища открывается широкий вид на реку, долину которой видно в обе стороны на много километров, что, вероятно, имело значение в стратегическом отношении. Городище было связано с одновременным ему, расположенным на западной части этой же сопки городищем Голая Сопка. Об этом свидетельствуют общность материальной культуры незначительное расстояние между двумя городищами, которое в наиболее узком месте составляет только 35 м, а также одинаковая система укреплений. Наиболее доступный подъем на городище по небольшому ложку, разделяющему оба городища, мог простреливаться на всем его протяжении с обеих сторон из-за валов, так как ширина его колеблется в пределах 35—50 м. Другие склоны очень круты, их почти отвесная крутизна в верхней части увеличена внешними валами городища. Кроме внешнего вала, имелся меньший, внутренний вал, возведенный на краю площадки таким образом, что обороняющиеся за ним могли поражать нападающих, находящихся как на первом валу, так и за ним. Это было возможно потому, что некоторые участки второго вала значительно превышали высоту внешнего вала. Между валами находится ров значительной глубины.

На IV Новоникольском городище нами был заложен раскоп площадью 71 м². Культурный слой мощностью от 0,45 до 0,95 м однородный, темно-коричневого цвета, на поверхности хорошо задернован. В ходе раскопок были вскрыты три очага, выявившихся на уровне III горизонта, и одна небольшая яма котлообразной формы, углубленная в материковую глину на 0,2 м. Два очага небольшие, округлой формы, диаметрами 0,5 и 0,9 м, при мощности очажного слоя около 0,1 м, могли использоваться для приготовления пищи. Третий очаг большой, его очажный слой достигал 0,20 м в толщину и состоял из большого количества углей, золы и кусков обожженной глины (размеры очага 3,4 × 1,7 м). Он располагался почти на краю площадки горо-

дища и, по-видимому, использовался для обработки металла. В пользу этого предположения говорят находки в нем и около него частей оплавленных глиняных цилиндрических тиглей или сопел, орнаментированной льячки и кусков шлака. Анализ железных шлаков, произведенный в лаборатории Института археологии АН СССР подтверждает наличие металлургического производства. Но была ли здесь выплавка или просто ковка железа — по наличному материалу установить не удалось. Около очага найдено также глиняное пряслице, украшенное кружковым орнаментом, который встречается главным образом на кости и не характерен для глины.

Основную массу находок на городище составляет посуда, которую можно разделить на несколько типов. В связи с тем, что количество типов сосудов довольно значительно и они к тому же могут относиться к различному времени, нами составлена типологическая таблица распространения различных типов по условным горизонтам, принятым в ходе раскопок по 0,2 м каждый. Определяющими являются I, II и III горизонты, IV, представленный всего на двух участках и притом малым количеством сосудов, не может играть определяющей роли. Наиболее широко представлен тип сосудов с орнаментом, выполненным зубчатым штампом, в виде горизонтальной елочки в один или несколько рядов вдоль венчика в верхней части сосуда. Ряды штампа сочетаются с пояском ямок или жемчужин. Этот тип, составляя более одной трети всей керамики, доминирует во всех слоях. Форма сосудов восстанавливается графически, в виде довольно высоких горшков с прямым, слегка отогнутым наружу венчиком. Сверху венчики закруглены или срезаны горизонтально, иногда с небольшим наклоном внутрь сосуда. Этим сосудам очень близка группа сосудов, у которых орнамент в виде горизонтальной зубчатой елочки дополняется спускающимися вниз наклонными фестонами, выполненными концом отступающей палочки или лопаточки. Посуда этого типа есть в погребениях Кинтусовского могильника¹, относящегося к X—XIII вв. В нашем материале она в большем количестве найдена в I и II слоях городища, т. е. среди более позднего материала. По принципу орнаментации, к первой группе близка посуда, орнаментированная горизонтальной елочкой, нанесенной гладкой отступающей лопаточкой или нарезкой. Иногда эта нарезка нанесена в виде параллельных горизонтальных полос или сеточки, расположенной вдоль венчика сосуда. Форма верхней части сосудов подобна предыдущим. Она характеризуется вертикальным или слегка отогнутым венчиком при выпуклом тулове. Только один сосуд имеет резко выпуклое тулово, а его вертикальный венчик орнаментирован грубой нарезкой. Сосуды с резным орнаментом найдены преимущественно в верхнем слое, в нижних слоях они не встречены, а во втором их обломки составляют всего 1,5% к общей массе находок. Этот тип сосудов по методу нанесения орнаментации близок к посуде Большого-Бакальского городища², но отличается от нее большей тщательностью нанесения орнамента, образующего более широкую зону.

К следующему типу относятся сосуды в виде чаш со слегка утолщенным и загнутым внутрь венчиком. Иногда это утолщение делалось путем наклепа глиняной ленты на внутреннюю часть венчика. Орнамент покрывает верхнюю часть сосуда. Он состоит из оттисков гребенчатого штампа, нанесенных в виде елочки или параллельных полос; иногда это просто один ряд гребенки. Часто ниже гребенчатого орнамента располагаются защипы, вдоль венчика оттиснут ряд ямочных вдавлений.

¹ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. МИА, 58, 1957, табл. XLIII, 14.

² К. В. Сальников. Исетские древние поселения. СА, XXV, 1956, стр. 213, рис. 18, 2, б.

Процентное соотношение типов посуды IV Новоникольского городища по условным горизонтам

Горизонт	Типы орнамента											Тонкая грубая керамика
	Горизонтальная зубчатая елочка	Резная елочка	Фестоны из отступающей лопаточки	Сутолщением у венчика и с защипами	Сеточка и парные свисающие фестоны	Оронтурские взаимопрони- кающие треугольники	Уголко- вый штамп	Фигурный штамп	Ромбические рисованные композиции	Шнуровой орнамент	Толстая грубая керамика	
I	28 (33,7)	6 (7,2)	3 (3,6)	9 (10,8)	2 (2,4)	9 (10,8)	9 (10,8)	—	3 (3,6)	2 (2,4)	5 (6)	4 (4,8)
II	24 (37)	1 (1,5)	5 (7,7)	5 (7,7)	3 (4,6)	10 (15,4)	4 (10,8)	5 (7,7)	—	3 (4,6)	2 (3,1)	—
III	17 (37,7)	—	1 (2,2)	3 (6,7)	—	6 (13,5)	5 (11,1)	3 (6,7)	3 (6,7)	6 (13,5)	1 (2,2)	—
IV	13 (65)	—	—	2 (10)	1 (5)	—	1 (5)	—	—	1 (5)	2 (10)	—
Всего	82 (39)	7 (3,4)	9 (4,35)	19 (9,2)	6 (2,9)	25 (12,1)	19 (9,2)	8 (3,9)	6 (2,9)	12 (5,8)	10 (4,9)	4 (1,95)

число сосудов
Примечание. Числа в скобках обозначают %. Проценты вычислены приблизительно, с точностью до 0,1%.

Подобная посуда найдена В. Н. Чернецовым³ в Красноозерских курганах, датирующихся II тысячелетием до н. э. по аналогии с Безымянным городищем. Сосуд подобной формы и орнамента, опубликованный Т. Арне из могильника Барсов Городок⁴, датируется IX—X вв. В нашем материале этот тип присутствовал во всех слоях в небольшом количестве, но в I горизонте его обломков было больше, чем в других (см. таблицу).

Далее выделяются сосуды, характерной чертой орнамента которых являются выполненные гонким зубчатым штампом зигзаги со свисающими вниз фестончиками. Верхняя часть сосуда выше зигзагов орнаментируется полосами зубчатого штампа или сеточкой, этот орнамент известен в памятниках по среднему течению Иртыша (например, городище около Усть-Тары⁵), а также в материалах из Тимирязевского могильника VII—VIII вв. около г. Томска⁶. Как преобладающий тип орнамента этот вид нигде не встречен, но в то же время он очень характерен. Происхождение его, как и орнамента в виде сеточки, возникает, очевидно, в эпоху бронзы, когда этот вид орнамента был распространен довольно широко.

К несколько более раннему времени (по сравнению с описанными выше типами) относятся сосуды, приближающиеся к посуде оронтурского этапа, датируемого В. Н. Чернецовым VI—IX вв.⁷ В нашем материале они выделяются типологически и стратиграфически: в нижних слоях обломков таких сосудов най-

³ В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 88—89.

⁴ Т. J. Арне. Barsoff Gorodok. Stockholm, 1935, стр. 118, рис. 109.

⁵ Коллекция Музея археологии Томского университета с Усть-Тары.

⁶ М. Ф. Косарев. Отчет о раскопках за 1960 г. Архив ИА АН СССР, табл. IX, 4.

⁷ В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 185—213.

дено больше, чем в верхних. Характерной чертой орнаментации этих сосудов является заполнение их верхней части взаимопроникающими треугольниками, выполненными зубчатым штампом. Внутренний фон треугольников часто бывает заполнен оттисками конца палочки. Иногда вдоль венчика вылеплен валик, орнаментированный поперечными насечками. Наличие орнаментированного валика характерно для посуды городищ более северных районов. В нашем материале валик встречен на обломках только двух сосудов, что может объясняться исчезновением валика в поздний период оронтурского этапа, когда сохранялась характерная орнаментация из взаимопроникающих треугольников. Сосуды этого типа имеют форму высоких чаш со слегка отогнутым, скошенным внутрь венчиком, который часто с внутренней и наружной стороны орнаментирован зубчатым штампом в виде слегка наклонных, почти вертикальных отпечатков. К этому типу примыкает посуда, орнаментированная композициями зубчатого штампа в виде ромбов и, часто, треугольников, обращенных вершинами вниз, выполненных концом отступающей палочки или скобчатым штампом. Вдоль венчика расположен вертикальный ряд отпечатков зубчатого штампа. Орнамент нанесен неаккуратно, чем сближается с керамикой кинтусовского этапа⁸ (точнее с переходным временем от оронтурского к кинтусовскому).

В отдельную группу следует выделить сосуды, орнаментированные фигурным штампом — ромбическим и уголковым. Керамики с ромбическим штампом немного, и найдена она во II и III горизонтах. Стратиграфически и по композиции орнамента она приближается ко времени оронтурского этапа. Уголкового штампа встречается равномерно во всех слоях, он образует на сосудах комбинации в виде треугольников и свисающих фестонов, последние являются прообразом более поздних (описанных выше) фестонов, выполненных вместо штампа концом палочки. Керамика с различными вариантами уголкового штампа широко представлена во всех этапах культуры эпохи железа Нижнего Приобья. Различные виды ромбических штампов наиболее широко распространены в орнаменте сосудов карымского и оронтурского этапов⁹.

К позднему периоду существования городища относятся большие уплощенные толстостенные чаши с лощением внутренней поверхности и орнаментом в виде «жемчужин» и оттисков зубчатого штампа по верхнему краю венчика. К этому же времени относятся сосуды тонкостенные, грубые, с прямой высокой шейкой и орнаментом в виде одного ряда ямок на шейке сосуда. Сравнивая с материалом городища Голая Сопка, их можно датировать XIV в.¹⁰ Эти сосуды резко отличаются от всех предшествующих и связаны, вероятно, с приходом в эти места нового населения, возможно тюркского.

Мало характерным для данной территории является тип посуды со шнуровым орнаментом, найденной главным образом в III горизонте, где она составляет 13,5% всей керамики. Это сосуды с выпуклым туловом и прямым венчиком, часто срезанным внутрь. На одном маленьком островерберном сосуде этого типа шнур опоясывает несколькими рядами шейку сосуда. На внутреннем срезе венчика и снаружи его имеются обычно оттиски гребенчатого штампа; иногда полоса гребенчатого штампа замыкает снизу шнуровой узор. На тулове часто имеются петли, сделанные этим же шнуром. Керамика этого типа распространена на поселениях и городищах, расположенных по рекам Туре и Пышме (среди них — Антипино, Мулаши, Андрюшин городок, Богандинское, Молчановское)¹¹, и может быть датирована по находкам остатков клепаных медных кот-

⁸ В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 213—237.

⁹ В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 160—213, табл. X, 1—5; XXIII, 1, 2, 4.

¹⁰ На Голый Сопке они встречены в одном слое с кресалом первой половины XIV в. (по определению А. Ф. Медведева).

¹¹ В. Н. Чернецов. Ук. соч., табл. XXXIX, 2, 5.

лов IX—X вв. Восточнее Туринского района она встречена только в трех пунктах — на Голый Сопке, IV Новоникольском и Подчевашском городищах, где составляет абсолютное меньшинство находок. Наличие здесь этой керамики может найти объяснение в связях иртышско-обских племен с племенами бассейна Туры и примыкающей к нему части Зауралья.

При раскопках IV Новоникольского городища нами найдены проколки из грифельных костей лошади, заготовки из лосиного рога и костяные наконечники стрел. Последние довольно многочисленны, преимущественно трехгранной формы. Они свидетельствуют о занятии населения городища охотой, это же подтверждают и кости косули, лося, медведя, бобра и соболя. Железный наконечник стрелы найден всего один, плоский, ромбический, с широким черешком. Подобные стрелы имеются в материалах из могильника VII—VIII вв. у Архиерейской Заимки¹².

Из отмеченного костного материала представляют интерес кости бобра и косули. Бобер сейчас здесь не встречается: он был истреблен. Косули в настоящее время здесь также нет, но она представлена в значительном количестве в Тарском районе, расположенном вверх по течению Иртыша в 200 км, который более обжит и значительно гуще населен. Из последнего обстоятельства можно заключить, что отсутствие косули в настоящее время не может быть объяснено ее истреблением. Причину этого явления следует искать в большой облесенности района, в котором не могут жить животные, тяготеющие к лесостепи. Отсюда можно делать вывод о том, что на грани I и II тысячелетий граница лесостепи проходила несколько далее к северу и леса Усть-Ишимского района были более разрежены, чем в настоящее время. Этот факт находит подтверждение в значительном развитии коневодства.

Среди костей из культурного слоя абсолютное большинство принадлежит лошади. Наличие расколотых конских костей говорит об употреблении лошади в пищу. Необычной находкой является большая фаланга верблюда. Верблюд сюда мог попасть только в результате торговых связей с югом, которые могли проходить по долине Иртыша и Ишима. О караванной торговле между Средней Азией и городищем Искер в XVI в. пишет М. С. Знаменский¹³. Эта торговля велась несмотря на то, что Искер находится в зоне тайги еще на 200 км севернее, чем описываемый памятник. Меньшая облесенность в прошлом и широкие поймы рек создавали для караванной торговли благоприятные условия. По-видимому, эта находка, как и сильное развитие коневодства, свидетельствует о наличии тесных взаимоотношений с более южным населением лесостепи и степи.

Основной комплекс материала городища довольно хорошо датируется при помощи керамики IX—XI веками. Эта датировка по наличию оронтурского орнамента на посуде может быть углублена до VIII в. Найденная здесь же дужка от медного котла этому не противоречит, аналогичные котлы в раскопках В. Ф. Генинга¹⁴ хорошо определяются монетами второй половины VIII в. Более поздний материал Новоникольского IV городища, относящийся к XIII—XIV вв., кроме аналогии с I Новоникольским городищем, подтверждается во времени находкой в верхнем пласте городища пряжки с фигурным приемником, которую можно датировать тем же временем.

По общему облику материальной культуры, исключая позднюю грубую керамику, основное время существования городища следует относить к началу кинтусовского этапа (IX—XI вв.). Население его было

¹² А. А. Спицын. Вещи из курганной группы близ Томска. ЗРАО. Новая серия, XI, 1—2. СПб., 1899, табл. II, 31.

¹³ М. С. Знаменский. Искер. Тобольск, 1891, стр. 23.

¹⁴ В. Ф. Генинг. Отчет о раскопках Удмуртской экспедиции могильника Мыдлан-Шай 1958 г., табл. XIII, 7, 9. Архив ИА АН СССР.

родственно племенам, населявшим Нижнее Приобье, но в то же время имело черты хозяйства, характерные для южных соседей, в частности сильно развитое скотоводство. Вещественный материал городища говорит о большом консерватизме в орнаментации посуды, идущем с эпохи бронзы. Дальнейшее изучение данного района представляет большой интерес, так как поможет осветить взаимоотношения населения леса и степи.

На территории городища при раскопках было вскрыто восемь погребений, залегающих на границе культурного и подстилающего слоев, иногда могильные ямы несколько врезались в последний. Из числа этих погребений три (№ 1, 2, 4) находились в обваливающемся обрыве за пределами раскопа. Погребенные лежали вытянуто, на спине, их руки иногда были вытянуты вдоль туловища, иногда левая рука положена на грудь; преобладающая ориентировка западная, с некоторыми отклонениями. Только при погр. № 6 мы нашли медную проволочную серьгу с напускной бусиной. При остальных погребениях вещей не было. По-видимому, захоронения были совершены после того, как городище покинули жители. По типу серьгу из погребения можно датировать XIV—XV вв., что дает возможность поставить вопрос о связи погребений с населением, оставившим верхний слой на городище Голая Сопка. В этом слое, кроме упомянутой посуды, найдены в небольшом числе обломки сосудов с неровными отпечатками палочки и грубого зубчатого штампа. Такого рода орнаментация характерна для Вознесенского городища, которое В. П. Левашова датировала XIV в.¹⁵ Городища этого типа расположены в Барабинской степи на юге до оз. Чаны и на восток до Оби (Чертово городище в г. Новосибирске). Вниз по долине Иртыша они идут до Искера. Картографирование их дает зону, почти точно совпадающую с территорией расселения сибирских татар в XVII в.¹⁶ Это позволяет связать их с предками сибирских татар, что подтверждается данными письменных источников.

По-видимому, угорское население, с которым можно связывать материал нижнего слоя городища, в XIII в. было сменено в речных долинах татарским и в дальнейшем продолжало жить по соседству на сопредельной территории.

¹⁵ В. П. Левашова. Вознесенское городище. Изв. Зап.-Сиб. музея, I, Омск, 1928.

¹⁶ Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961.

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

РАСКОПКИ НОВОГО САРАЯ В 1959—1962 гг.

Расположенное около городка Царева Среднеахтубинского района Волгоградской обл. городище, известное в науке под названием Царевского, по мнению большинства историков и археологов, является развалинами крупнейшего средневекового города Восточной Европы — Нового Сарая, или, как его часто называют, Сарая-Берке¹.

Этот археологический памятник давно привлекает внимание ученых. В 1840—1850 гг. здесь проводил большие раскопки А. Терещенко². Его раскопки дали огромное число прекрасных высокохудожественных вещей, множество остатков ремесла и быта. Работы А. Терещенко вскрыли картину богатейшего ремесленного и торгового города, каким был Новый Сарай. Но эти раскопки были проведены на низком методическом уровне, впрочем характерном для археологии той эпохи. Терещенко сохранял только богатые вещи и предметы искусства. Массовый археологический материал он не собирал. После его работ не сохранилось почти никакой документации. Поэтому материал А. Терещенко, хранящийся в Эрмитаже, в значительной мере обесценен.

После А. Терещенко на Царевском городище проводил небольшие исследования в 1922 г. Ф. В. Баллод, в работах которого сказалась особенно сильно идеализация Золотой Орды и ее культуры. Его раскопки прибавили очень мало к отрывочному материалу Терещенко³.

¹ Имя Берке у Сарая появилось, очевидно, в эпоху Узбека, когда и улус и государство стали именоваться с приставкой имени Берке. А. Н. Насонов высказал предположение, что тем самым подчеркивалась протомусульманская политика Узбека (Берке — первый «истинный» мусульманский хан из Джучидов). Следовательно, Сарай-Берке — это не собственное имя города и не указание на основание его Берке. А. Н. Насонов показал, что так мог называться и Сарай, построенный Бату (первоначальная столица Золотой Орды). См. об этом А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 119—120.

² Основные публикации по этим раскопкам см.: А. Терещенко. Дневник разрытия курганов в окрестностях города Царева. ЖМВД, 1843, ч. II, IV; 1844, ч. VII, LIII; его же. Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая. ЖМВД, 1847, IX; его же. Окончательное исследование местности Сарая с очерком следов Дешт-Кыпчакского царства. «Уч. зап. АН по I и III отд.», II, СПб., 1854; его же. Археологические поиски в развалинах Сарая. ЗАНО, II, СПб., 1850.

³ Ф. В. Баллод. Старый и Новый Сарай — столицы Золотой Орды. Казань, 1923. Непомерно смелые выводы Ф. В. Баллода находятся в противоречии с тем скромным объемом раскопок, которые ему удалось провести на городище. Особенно тягостное впечатление оставляет бездоказательная историческая «топография» города, данная на плане-схеме Ф. В. Баллодом. Административные, торгово-ремесленные кварталы, загородные дворцы и парки, некрополь размещены здесь совершенно произвольно и без какой-либо аргументации.

Кроме Нового Сарая, в русской археологии и в археологии советского периода исследовались и другие золотоордынские города⁴. Интерес к Золотой Орде и ее культуре, внимательное изучение археологических памятников этой эпохи не случайны. Монгольское завоевание и образование на территории нашей страны двух улусов — Джучидского (Золотая Орда) и Джагатаидского (Средняя Азия) — были событиями большого исторического значения; в своей основе реакционные, они были связаны с истреблением огромного количества производительных сил и материальных ценностей, с задержкой темпов развития многих народов. Отрицательная, реакционная роль монгольского завоевания неоднократно подчеркивалась в советской исторической науке. Резкой критике подверглись такие работы, как Г. Вернадского и Б. Шпулера, посвященные эпохе монгольских завоеваний. В этих работах роль империи Чингис-хана, его личность и историческое значение идеализировались, приукрашивались, а сам ход завоевания и последующие события объяснялись идеалистически⁵. Однако общая оценка монгольских государств, и в том числе Золотой Орды, как отрицательных, реакционных явлений не снимает необходимости всестороннего изучения этих явлений, несомненно сыгравших в истории народов СССР важную роль.

Сложение огромных империй в XIII—XIV вв. позволило установить контакты между важнейшими культурными странами мира. Европа через посредство итальянских купцов и католических послов познакомилась с Азией, китайские вещи свободно доходили до Волги. Среднеазиатская культура, будучи вывезенной монголами на север, в волжские города, близко столкнулась с культурой русских ремесленников.

Таким образом, изучение Золотой Орды и ее культуры является задачей всемирной истории и истории СССР в широком плане. Вместе с тем это имеет огромное значение и для истории татарского народа, чей этногенез связан с эпохой монгольского завоевания.

Раскопки на Царевском городище в 1959—1962 гг. были организованы Московским государственным университетом, Институтом археологии АН СССР, Казанским государственным университетом (нач. группы И. С. Вайнер), Волгоградским музеем и управлением культуры.

Топография города и открытые постройки

Одной из важнейших задач археологического исследования городища Нового Сарая было изучение его топографии. С этой целью нами снят подробный инструментальный план всех развалин около г. Царева (рис. 1), что позволило выяснить ряд существенных вопросов планировки города.

Границы города хорошо определяются по рву, представляющему ложину, местами глубиной до 1,5 м. Ров опоясывает овальное пространство города. По длинной оси протяженность городища равна примерно 1,6 км, по короткой — 1 км. Вдоль внутренней стороны рва тянутся небольшие всхолмления — остатки вала.

Ров и вал исследовались в двух местах. Ров представляет собой канаву глубиной около 1,5 м, а вал — земляную насыпь, в которой не удалось проследить никаких конструкций, за исключением вертикально вбитого кола в том месте, где вал поворачивает и образует северный угол городища. Под валом был найден череп собаки, возможно, положенный

⁴ Проводились раскопки В. А. Городцовым на Маджарах, А. А. Кротковым на Увек, А. Е. Алиховой на Наровчате-Мохше, М. А. Миллером, С. А. Вязигиным и Б. А. Луниным в Азове, А. А. Спичыным и П. С. Раковым на Селитренном городище (Старый Сарай), А. П. Смирновым в Болгарах. Археологически исследовались крымские города золотоордынского времени, Сарайчик, многочисленные нижеволжские городища XIV в.

⁵ См. недавно вышедшую статью: Н. Я. Мерперт, В. А. Пашуто, Л. В. Черепнин. Чингис-хан и его наследие. «История СССР», 1962, № 5.

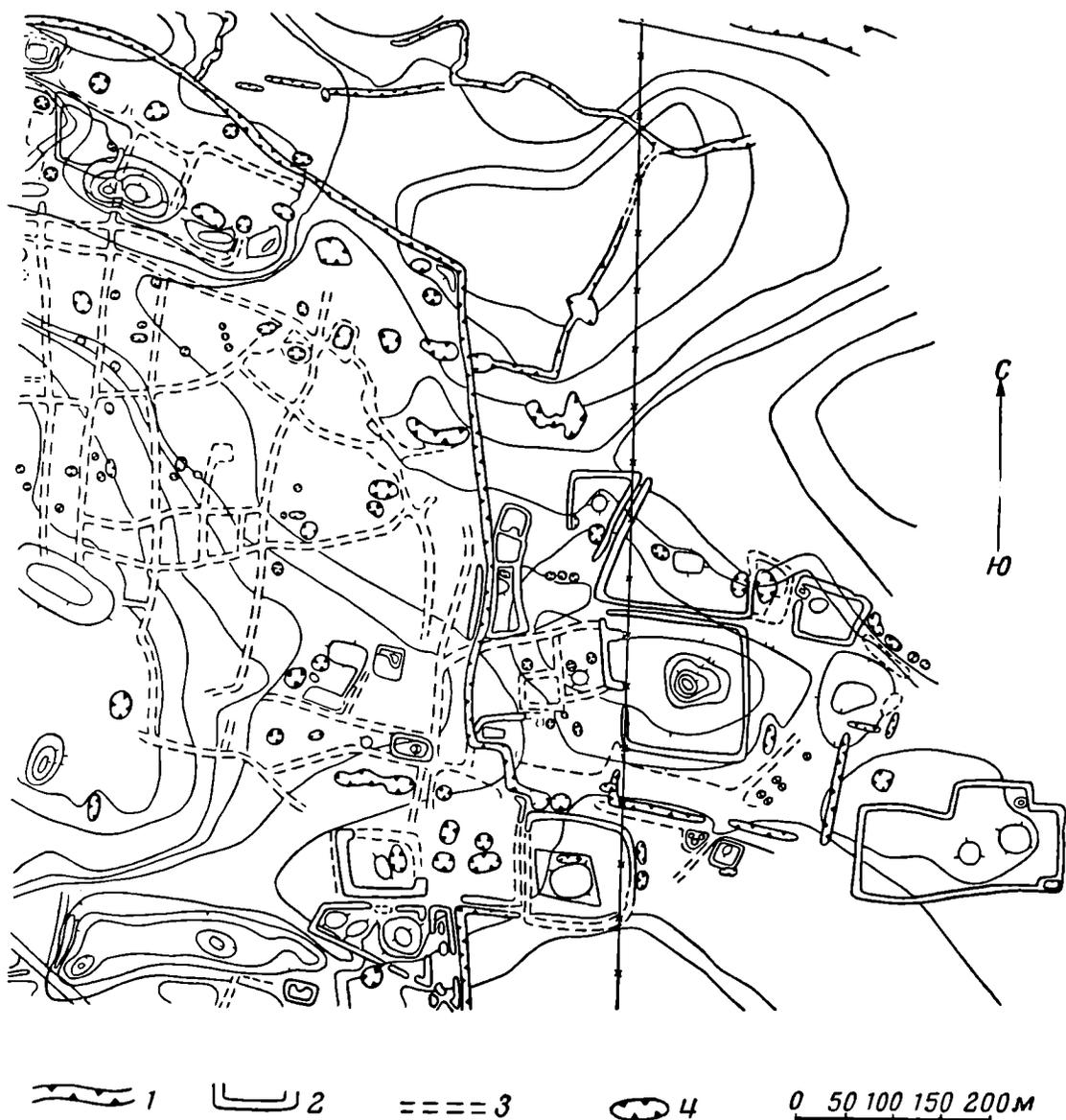

Рис. 1. Деталь плана Царевского городища (северо-восточная часть города, восточные пригородные укрепления)

1 — ров, 2 — глинобитные ограды усадеб и замков, 3 — улицы, 4 — водоемы

сюда как оберег⁶. С внутренней стороны в этом месте к валу была построена суфа и рядом располагалась печь с дымоходом — «каном». Вдоль вала в этом месте был заложен водопровод, остатки труб которого найдены при раскопках. Весьма важно, что вал подстилается культурным слоем с остатками сооружений. Этот слой хорошо датирован монетами, младшая из найденных в этом слое датируется 1361 г. Следовательно, ров и вал были построены только в 1360-х годах, очевидно, в связи со смутой, феодальной борьбой за власть и уделы, вспыхнувшей в Золотой Орде после сравнительно спокойного правления Джанибека. Был ли до этого город окружен валом? Судя по микрорельефу, который очень детально передает развалины и планировку города, — не был⁷.

⁶ Этот обычай хорошо зафиксирован в болгарских памятниках, например на Тигашевском городище (Г. А. Федоров-Давыдов. Болгарское городище-святилище X—XI вв. СА, 1960, 4, стр. 133) и на городище Хулаш, исследованном Поволжской археологической экспедицией в 1962 г.

⁷ Интересно отметить, что Ал-Омари писал, что у Сарая не было укреплений. Не совсем ясно, какой Сарай имелся в виду. Ниже мы высказываем предположение, что до последних лет правления Узбека столицей был «Старый» Сарай, который обычно

Сложный микрорельеф поверхности городища позволяет различить всхолмления на месте отдельных домов, ограды усадеб, древние улицы и площади. В этом отношении памятник сходен со среднеазиатскими городищами, такими, как например, городище древнего Ургенча, где основные контуры планировки можно было изучить еще до раскопок.

Город прорезан сетью улиц с арыками (на плане они показаны пунктиром). Большинство улиц расположено в меридиональном направлении, они пересекаются несколькими широтными улицами. Следует отметить, что город, по-видимому, не имел магистральной улицы, соединяющей противоположные концы города или противоположные городские ворота.

Пересечения улиц дают в ряде случаев большие низины, которые нами приняты за площади. Отмечено несколько типов «площадей» на городище: «площади» в месте пересечения нескольких улиц: «площади» в конце тупиков (иногда с хаузом — водоемом); «площади», образованные расширением улицы (часто также с хаузом). Особо выделяется юго-восточный район города. Здесь застройка носит ярко выраженный усадебный характер. Кварталы между улицами застроены усадьбами. Каждая такая усадьба-квартал имеет дом (т. е. холм) и водоем и окружена стеной. Иногда в одной усадьбе бывает несколько домов и водоемов. В зависимости от направления улиц дворы усадеб принимают прямоугольную или трапециевидную форму. Этот район, возможно, был населен аристократией или зажиточной частью горожан. Каждый квартал-усадьба, очевидно, принадлежал семье богатого или знатного горожанина.

Наша экспедиция раскопала почти полностью одну такую усадьбу (рис. 2), огражденную прямоугольной глинобитной оградой, от которой остался небольшой полуразмытый вал. Внутри этой ограды открыты совершенно симметричные по своей внутренней планировке два дома, сложенные из сырцового кирпича. Оба дома имели пол из обожженных кирпичей и П-образные лежанки-суфы вдоль трех стен. В этих лежанках были устроены печи с горизонтальными дымоходами типа китайских канов. Два раскопанных нами дома были соединены тонкой кирпичной стеной и образовывали единую усадебную постройку-жилище, состоящую из двух частей.

Перед этой постройкой возвышалась большая платформа, внешние края которой были сложены из целых кирпичей и их обломков (частично из сырцовых, частично из обожженных), а внутреннее пространство было забутовано землей и обломками кирпича. В части платформы, обращенной к жилищу, была устроена ниша, а в ней круглая печь с двумя горизонтальными дымоходами. Такие же два дымохода шли от второй, прямоугольной печи, устроенной в юго-восточном углу платформы. В одном из этих дымоходов была обнаружена золотая пуговица XIV в.

Описанная платформа представляла собой, очевидно, возвышение, не имевшее стен, но, возможно, перекрытое какими-то деревянными легкими конструкциями. На территории усадьбы находился глубокий, доходящий до грунтовой воды бассейн. Общая схема планировки усадьбы имеет прямые аналогии в современном строительстве сельских и городских усадеб Средней Азии⁸.

Совершенно другой характер имеет застройка остальной территории города. Отдельных холмов-домов и отдельных кварталов-усадеб здесь нет. Их заменяет сплошная застройка квартала. Усадебные хаузы-во-

отождествляют с Селитренным городищем. При обследовании этого огромного городища ни нам, ни предыдущим исследователям не удалось проследить четко выраженных городских укреплений (сообщение Ал-Омари см.: В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, СПб., 1884, стр. 219).

⁸ См. В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 132, рис. 247 А, II.

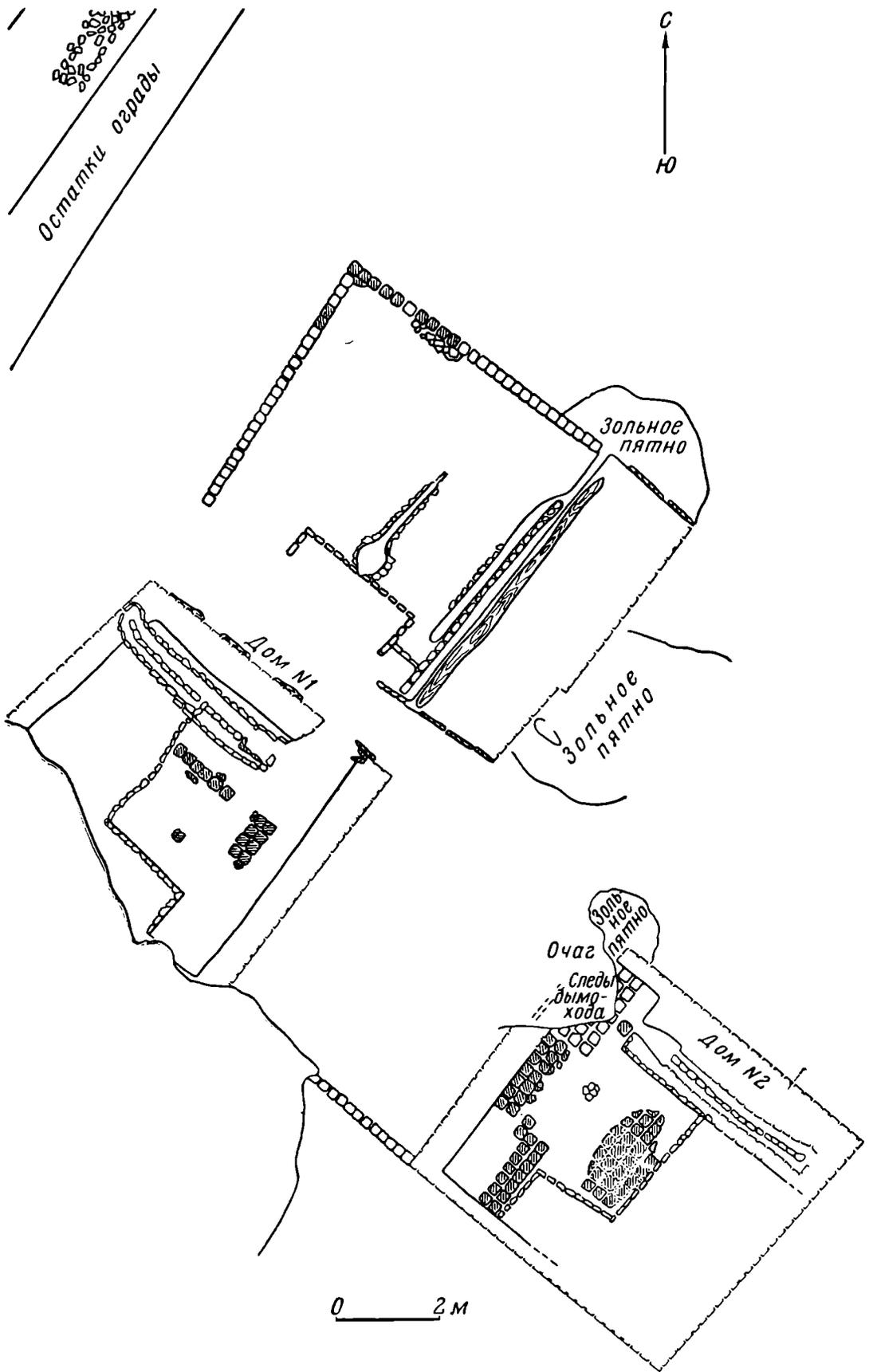

Рис. 2. План раскопанной части усадьбы

доемы здесь сменяются более обширными, общественными хаузами, предназначенными для удовлетворения нужд не одной усадьбы, а всего квартала. В соответствии с этим ямы от водоемов на этой части территории города становятся более обширными; расположены эти водоемы часто на площадях. Для этой части территории города характерны двойные водоемы больших размеров. Вероятно, здесь были кварталы, принадлежавшие торгово-ремесленному населению.

Это предположение, сделанное на основании визуальных наблюдений над характером микрорельефа и на основании изучения подъемного материала, подтвердилось раскопками. В 1962 г. здесь была обнаружена большая мастерская по производству изразцов. На открытом пространстве, на подстилающем, более раннем слое незначительной мощности стоял горн для обжига поливных кирпичей. Этот горн имел в плане форму круга диаметром около 2 м. В центре располагалась топка, перекрытая, видимо, сводом с продухами. Топка помещалась внутри цилиндрической обжигательной камеры. Все это сооружение стояло на одном основании и было вделано в большой массив кладки из сырцового кирпича, дополнительно облицованного досками. В завалах мы нашли огромное количество обломков бракованных изразцов, шлаков и золы. Мастер, видимо, изготавливал голубые (бирюзовые) и ультрамариновые кирпичи, их лицевая сторона была покрыта поливой, а обратная имела специальные углубления для крепления на известковом растворе. Тесто большинства изразцов представляет собой массу, сходную с особым среднеазиатским керамическим тестом — «кашином», представляющим собой состав розоватого цвета с большой примесью песка. Известно, что у сарайских керамистов постоянно ощущался недостаток кашина. Это особое, богатое белым песком, рассыпчатое тесто предназначалось для поливных изделий. Оно имело, видимо, один коэффициент расширения с глазурью и давало поливной поверхности большую глубину и чистоту цвета. Характерно, что рядом с горном были открыты следы использования старых бракованных кашинных поливных плит, употреблявшихся для получения кашина. Эти плиты разбивались на камнях, мололись на специальных жерновах и ссыпались в специальные горшки. Один целый и три обломка жерновов с характерными следами от голубых изразцов, перетиравшихся на их поверхностях, были найдены у горна. Нижняя часть одного горшка с размолотым кашинном и огромные кучи разбитых и приготовленных для размола кашинных плиток также были найдены вблизи горна. Очевидно, испытывая недостаток в естественных компонентах для изготовления специального теста — кашина, сарайские мастера изготавливали заменители, в тесто которых добавлялся кашин, перемолотый из отслуживших свой век бракованных изразцов или посуды. Тесто сарайских изделий отличается от среднеазиатского хорезмского кашина розовым цветом, большей плотностью и большим содержанием извести⁹.

В горне изразцы укреплялись на особых керамических штырях, очевидно вставлявшихся в стенку обжигательной камеры. Сотни фрагментов таких штырей были найдены в завалах горна и ямах для отбросов. По-видимому, в центре горна продукция раскладывалась на специальных керамических пластинах, которые стояли, в свою очередь, на керамических приспособлениях, имеющих вид цилиндров с отогнутыми краями. Дополнительно изразцы крепились глиняными стерженьками и конусами, причем последние служили прокладками между поливными плитками, заложенными в горн (рис. 3).

Кроме изразцов, в мастерской производились детские игрушки как поливные, так и без поливы. Фигурки птиц, лошади, ошлаковавшиеся

⁹ См. анализ болгарских, ургенчских и сарайских изразцов в статье: Л. П. Матеева. Поливные изразцы из Болгар. СА, 1959, 2, стр. 226—227.

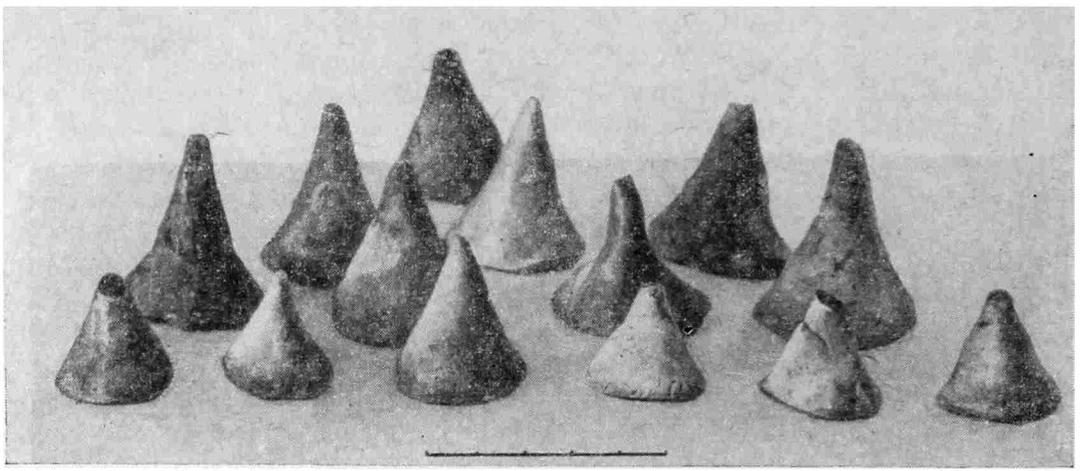

Рис. 3. Глиняные конусы (печной припас)

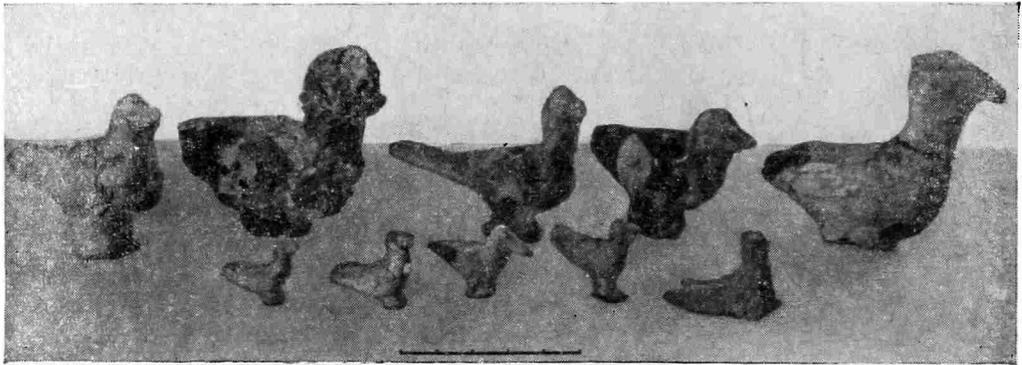

Рис. 4. Фигурки птиц

фигурки, фигурки, потерявшие свою форму,— бракованные игрушки — таковы следы этого производства (рис. 4).

Подобные мастерские, видимо, располагались и вокруг раскопанного нами комплекса. Судя по находкам шлаков, ошлакованных кирпичей, штырей и т. п., весь этот район занимали мастера, изготавливавшие майолику, изразцы, детали мозаики, поливные плитки и т. п. Мы смело можем сделать такое предположение, так как такое размещение ремесленников по кварталам — характерная черта топографии многих средневековых городов.

С северо-запада к городищу примыкал окруженный вторым рвом рат — пригород. Здесь прослеживаются такие же улицы и водоемы.

Со стороны пригорода был вход на городище. Довольно хорошо прослеживается улица — общая для города и пригорода. На месте пересечения этой улицы и рва в последнем имеется перемычка; очевидно, в этом месте были ворота города.

Другие ворота были расположены, видимо, в восточной части города. Здесь с внешней стороны прослеживается система трех больших и нескольких малых сильно укрепленных замков. Каждый такой замок окружает четырехугольная стена, иногда с различными выступами, жилой холм (донжон), теперь представляющий собой руины сырцового дома с ложными стенами, и водоем. Такой замок является прототипом внутригородских богатых усадеб, сосредоточенных в юго-восточном районе города. На дальних подступах к городу с востока был расположен большой замок с двумя жилыми холмами, бассейном и какой-то постройкой в юго-восточном углу двора. При штурме города противник, преодолев

сопротивление этого замка, попадал в хорошо простреливаемое узкое пространство между двумя аналогичными замками. С юга этот проход был ограничен подквадратным замком с домом и водоемом, с севера — системой трех замков (один большой, хорошо видный на поверхности во всех деталях, второй, с севера, — разрушенный в северной своей части, и третий, маленький, — к востоку). Система этих трех замков была окружена с юга и востока дополнительным общим рвом. Участки между замками не были пусты. Здесь в пригородной застройке, очевидно, располагались дома мелкого люда, которые можно теперь проследить по всхолмленной поверхности.

Проход между этими двумя системами замков подводил к черте городского рва и вала. За рвом и валом начиналась улица, ведущая в глубь города. Здесь, очевидно, был второй вход в город, но перемычки во рву нет, и потому можно предполагать, что здесь над рвом был сооружен мост.

К югу от восточных ворот, внутри города располагалась, видимо большая площадь с четырьмя большими общественными водоемами. Непосредственно к югу от этих водоемов начинался район богатых усадеб.

Юго-восточный район города, кроме стены и рва, был дополнительно укреплен двумя сооружениями, примыкавшими ко рву. Они были расположены симметрично по отношению к длинной оси городища. Каждое из этих дополнительных укреплений представляло холм — донжон, окруженный рвом, отходившим от основного рва города. Возможно, что эти дополнительные укрепления обеспечивали фланговый обстрел пространства перед городским рвом.

На северо-западе, в месте стыка городского рва и рва, окружавшего пригород, располагалось какое-то укрепление, обнесенное прямоугольником стен. Далее к западу прослеживается группа примыкающих друг к другу усадеб с жилыми домами на холмах, с водоемами и прямоугольными оградами.

Эти примыкающие друг к другу усадьбы, образующие целый комплекс соединенных между собой усадеб, показывают, по нашему мнению, процесс разложения патриархальной семьи и выделение дочерних семей, еще связанных со старой большой патриархальной семьей, строящих свою усадьбу рядом, но живущих своим домом.

Город Новый Сарай расположен на первой террасе Ахтубы. К северу от него (за дорогой в г. Капустин Яр) начинается вторая терраса. На ней расположены поселения, дающие теперь подъемный материал золотоордынского времени. К северу от города эти поселения образуют группы холмов и водоемов, беспорядочно разбросанных на протяжении 1 км.

Между дорогой и городищем имеется система озер. Весной и осенью со второй террасы на городище стекает большое количество воды, переполняющей Кальгуту и часто заливающей всю территорию городища. Возможно, для борьбы с этой водой в золотоордынское время были устроены искусственные озера, расположенные к северу от города. Они предназначались для разбора воды, скапливавшейся на второй террасе и грозившей затопить и заболотить территорию города и пригорода.

Нивелировка показала, что эти озера образуют каскад водоемов, расположенных террасами. Верхний ряд озер отделен от нижних искусственными плотинами, от которых сейчас остались лишь следы. Как показали раскопки, плотины были насыпаны из земли, смешанной со шлаками и кирпичом. Сейчас, когда плотины разрушены, вода в озерах не задерживается и уходит в низину, к югу от озер; вода задерживается только в самых южных частях этой системы, главным же образом она сосредоточивается в протоках и углублениях заболоченной территории, лежащей непосредственно к северу от городища. Это говорит о том, что

без плотин вся система озер теряла свой смысл и воду не удерживала. Это, в свою очередь, подтверждает высказанное предположение о том, что озера были созданы искусственно, путем использования естественных всхолмлений и неровностей почвы и путем постройки серии плотин. Однако и озера, видимо, не спасали низменную северную окраину города и северный пригород от периодических затоплений. Чтобы отвести воду с этой части территории, прилегающей к городу, были проведены специальные каналы, отводящие воду в ров и в приток Солодовку, расположенный к северо-востоку от городища.

К югу от города расположены несколько больших жилых холмов, резко выделяющихся величиной среди подобных, но меньших холмов на территории городища. Очевидно, это были какие-то общественные здания или дворцы. Для исследования этого района к северу от среднего холма нами была заложена серия больших раскопов. Здесь в результате трехлетних, еще не законченных работ открыт очень большой дом, сложенный из сырцового кирпича. Это сооружение имеет свыше 20 м в длину и около 6 м в ширину. Вход в него, ведущий с юга, был оформлен легкими конструкциями. В этой части, очевидно, имелся открытый айван. Внутри дома были вскрыты настил деревянного пола и печь, сложенная из обожженного кирпича, от которой в направлении к северо-западному углу дома был проведен горизонтальный дымоход типа кана (рис. 5).

К западу от этого дома обнаружен ряд помещений, открытых к югу. Два таких помещения имели по две параллельных широких капитальных стены и, видимо, деревянную стену на севере. К югу эти помещения были открыты и являлись как бы рядом глубоких айванов, выходивших на расположенный перед ними двор, мощный обожженным кирпичом. Капитальные стены этих помещений и их южные торцы были обмазаны известкой.

К югу от большого дома находилось выходившее на тот же двор помещение, состоявшее также из двух параллельных массивных капитальных стен, открытых, видимо, на запад, а на востоке имевшее, очевидно, деревянную стену.

Каждое из этих однотипных помещений имело суфу с печами и горизонтальными дымоходами, иногда образующими довольно сложную систему отопления.

К востоку от большого дома располагался небольшой углубленный двор шириной около 15 м, вымощенный обожженным кирпичом. Через проход (впоследствии заложный кирпичной кладкой) из этого двора можно было попасть в огромную землянку, находившуюся непосредственно к северу от большого дома. Эта землянка имела в углу прямоугольную лежанку-суфу, сложенную из обломков обожженного кирпича. В этой лежанке была сделана круглая печь с кирпичным подом и горизонтальным дымоходом, впадавшим в вертикальный канал дымохода, возведенный в кирпичной кладке в углу землянки. Позднее проход был заложен, а вся южная стена землянки облицована кирпичной кладкой, которая переходила в верхней части в наземную стену (рис. 6, 7).

Эта стена рухнула на засыпанную на две трети землянку, по сохранившимся рядом кирпичей можно предполагать, что над землей эта стена возвышалась не менее чем на 1 м.

К западу от большого дома, за южными стенами айванов, была открыта вторая такая же, грандиозная по площади и кубатуре землянка. Она имела П-образную суфу, выложенную обломками обожженного кирпича, круглую печь с дымоходом, вырубленным в стене, и широкий вход со ступеньками, вырезанными в земле.

В наземных помещениях описанного комплекса были найдены фрагменты прекрасных цветных мозаик (рис. 8), золотые и серебряные украшения (рис. 9, 2, 3). Здесь же был обнаружен обломок ручки кувшина

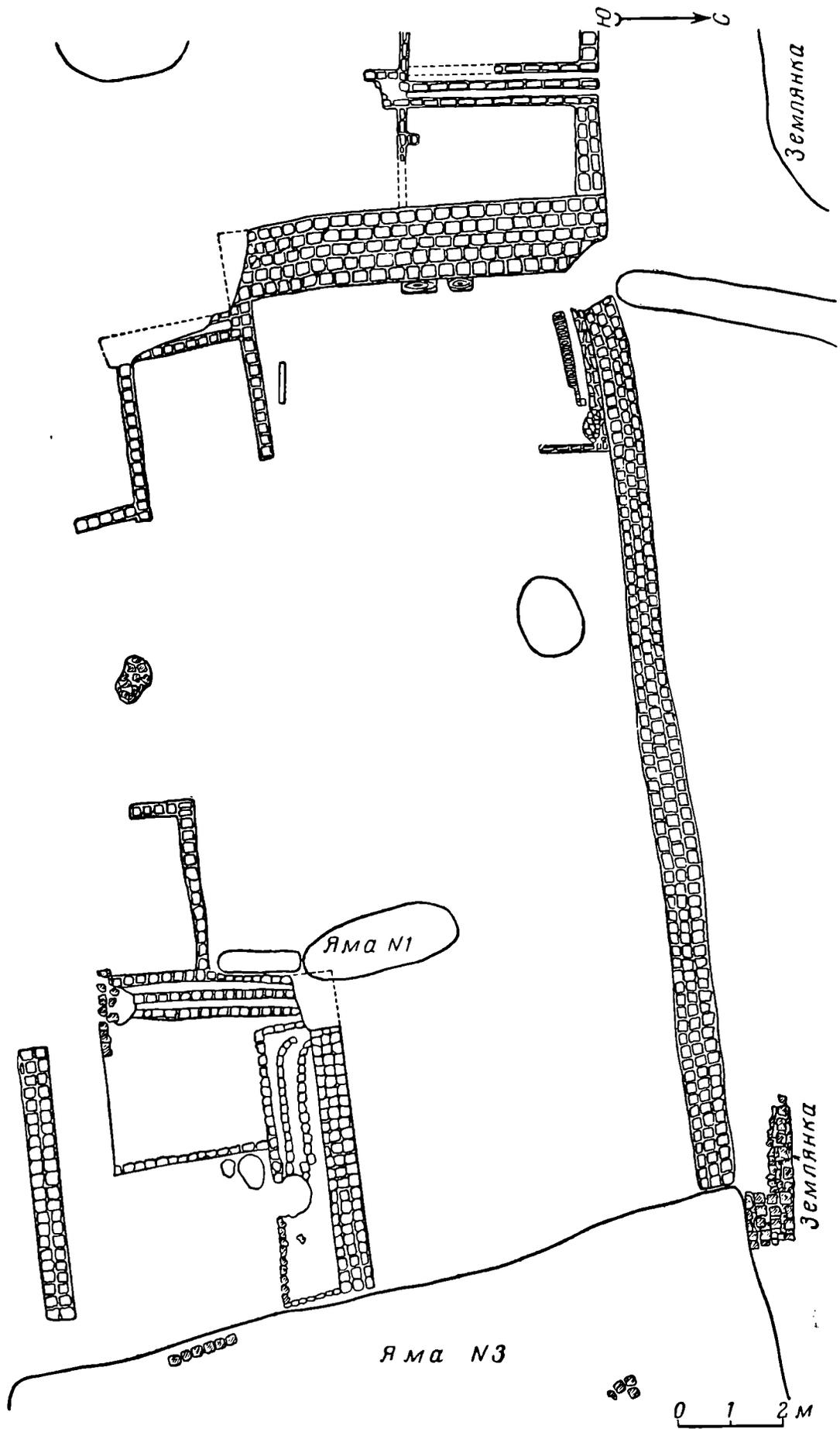

Рис. 5. План большого здания (заштрихованы обожженные кирпичи)

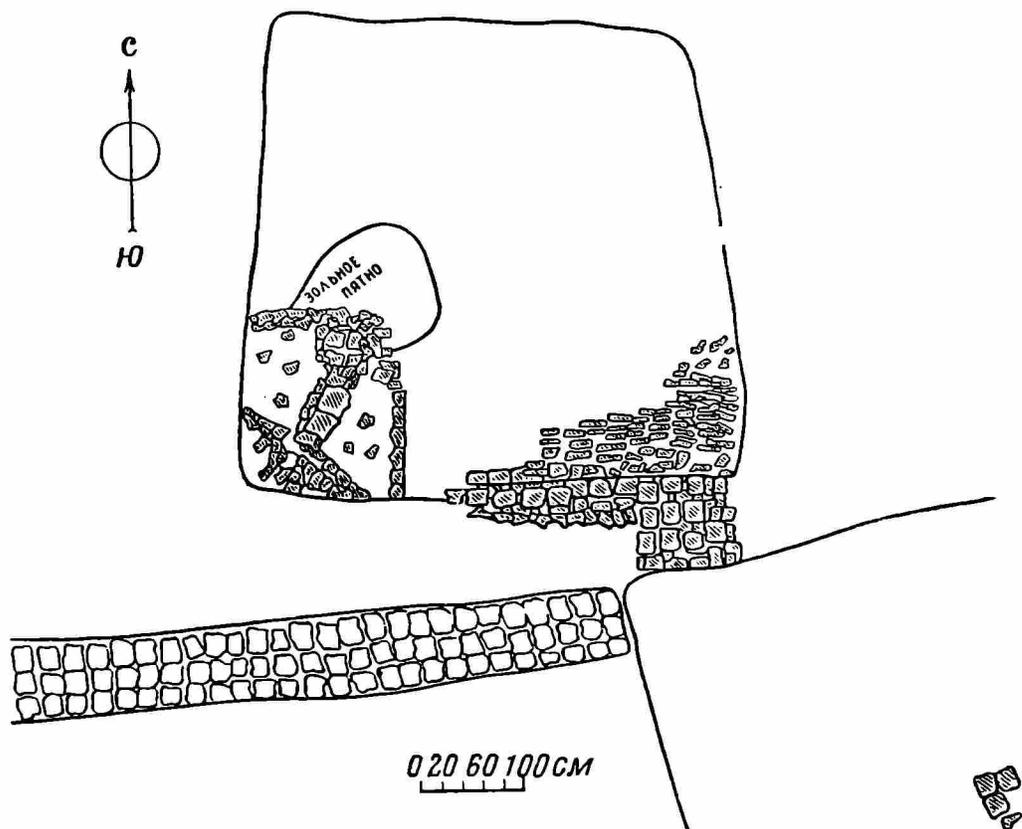

Рис. 6. План землянки (заштрихованы обожженные кирпичи)

Рис. 7. Вид юго-западного угла землянки

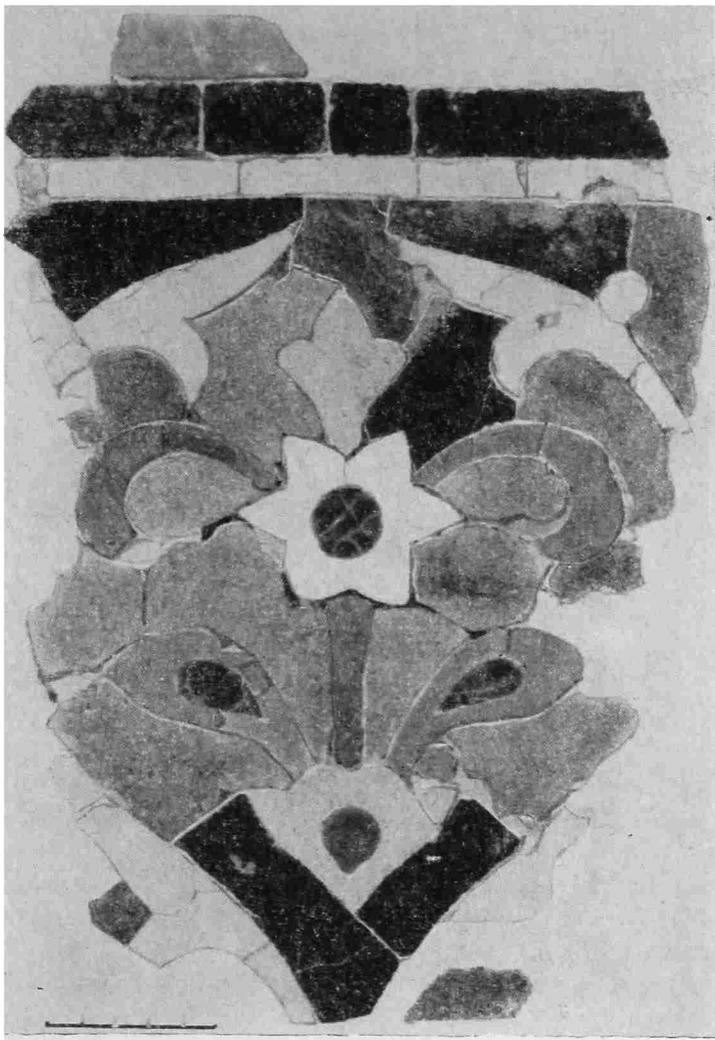

Рис. 8. Фрагмент мозаики

с тамгой дома Джучи (рис. 9, 1). Находки говорят о принадлежности этого комплекса к категории богатых строений, что подтверждается близостью развалин большого здания. Находка ручки с тамгой дома Джучи позволяет видеть в этом крупном холме нечто большее, чем простое богатое строение.

В непосредственной близости от открытого нами комплекса строений, к северу, расположены группы землянок, занимавших большую площадь, и возвышающиеся среди них холмы, оставшиеся от наземных домов. Три землянки были нами исследованы. Они представляли собой подпрямоугольные глубокие (до 1—1,20 м) ямы со ступенчатым входом. На земляном полу одной такой землянки находились сложенная из обожженного кирпича печь и горизонтальный дымоход, проведенный в полу к вертикальному дымоходу в одном из углов землянки. Стены этой землянки были покрыты белой известковой штукатуркой.

Рядом с землянками были открыты наземные очаги в виде неглубокой Т-образной ямы с сильно обгорелыми стенками.

Недалеко от землянок нами был вскрыт целиком небольшой наземный дом, характерный для городской застройки Нового Сарая. Дом, сложенный из сырцового кирпича, имел несколько наслоений глинобитного пола. Внутри дома открыты П-образная суфа, круглая печь с несколькими слоями сильно обожженной обмазки и два горизонтальных дымохода, типичных почти для каждого дома, открываемого на этом городище. Рядом с домом находилась хозяйственная пристройка с большой печью, имевшей, очевидно, сводчатое перекрытие.

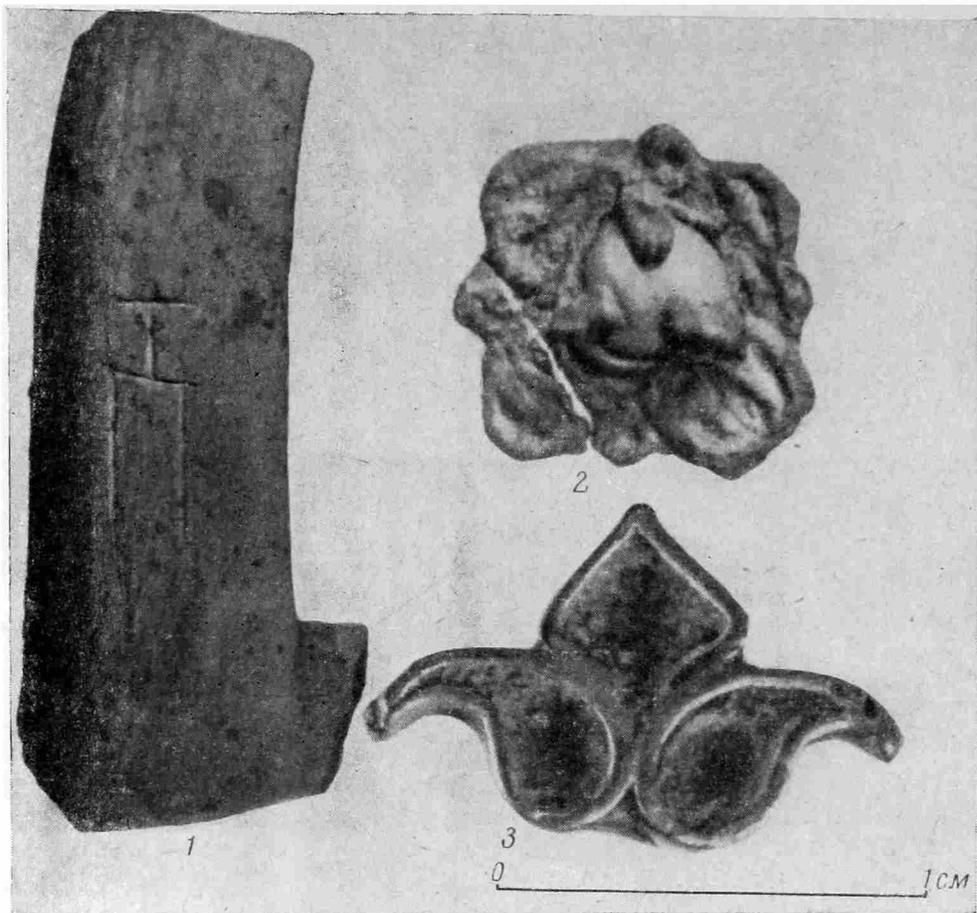

Рис. 9.

1 — ручка кувшина со знаком; 2 — серебряное украшение с бирюзовой вставкой;
3 — деталь золотого украшения

К западу от дома было открыто основание небольшого квадратного здания с очень толстыми стенками (три ряда кирпичей, в то время как в обычных домах стены сложены в один ряд кирпичей). Это последнее обстоятельство и маленькая площадь здания позволяют видеть в нем укрепленную башенку.

Особое внимание должны привлечь землянки. Пока они открыты только в указанном загородном районе. Видимо, городские кварталы почти не знали такого типа жилья. Их размещение на большой площади, наземные дома, разбросанные среди них (из которых один оказался с укрепленной башенкой), контраст самого типа подземного жилища на фоне благоустроенных городских кварталов, большие размеры некоторых землянок, превосходившие по площади обычные землянки для одной семьи, и, наконец, их странное соседство с руинами большого здания дворцового типа — все это заставляет отнести к этому району особенно внимательно. Конечно, требуются еще очень большие работы в этом месте, но уже сейчас на добытом материале можно подойти к разрешению весьма интересной проблемы.

Как известно, в результате монгольского завоевания резко возросла роль рабского труда. В золотоордынских городах и в других районах, завоеванных чингизидами, появилось множество плененных и превращенных в рабов ремесленников. Их селили в специальных больших жилищах (вспомним античные эргастерии), под охраной специальных отрядов, они работали в больших мастерских, принадлежащих аристократии и хану (так называемые кархана в Хулагуидском Иране). Постепенно рабы-ремесленники превращались в феодально-зависимых людей, связанных рядом обязательств, но живущих своим хозяйством, хотя и под опе-

кой. Видимо, именно это процесс отражен в следующем отрывке из текста Плано Карпини: «В земле Саррацинов и других в среде которых они являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего занятия. Все посеы они убирают в житницы своих господ; однако те отпускают им семян, а также столько хлеба, сколько им вполне достаточно для продовольствия; другим же каждому они дают на день хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю. И они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах... И, говоря кратко, они мало что едят, мало пьют и очень скверно одеваются, если только они не могут что-нибудь заработать в качестве золотых дел мастеров и других хороших ремесленников. Но некоторые имеют таких плохих господ, что те им ничего не отпускают, и у них нет времени от множества господских дел, чтобы заработать себе что-нибудь, если они не украдут для себя времени, когда, может быть, должны были бы отдыхать или спать, но это могут делать те, кому позволено иметь жен или собственную ставку. Другие же, которых держат дома в качестве рабов, достойны всякой жалости...»¹⁰.

Здесь перед нами две категории рабов — пленных ремесленников. Одни из них живут на скудном довольствии своего хозяина, без семьи и хозяйства. Другим разрешено иметь семью и ставку, и какую-то часть времени они могут работать на себя.

Рабский труд, воскресший в эпоху обширных завоеваний XIII в., в XIV в. трансформировался в труд феодально-зависимой черни.

Исходя из этого, в открытом нами загородном комплексе можно, конечно, в порядке предварительной, рабочей гипотезы, усматривать район, заселенный рабами и полурабамии какого-то аристократа или хана. Рядом с дворцом, окруженным целым комплексом богатых помещений, располагался район землянок, в которых жило социально приниженное население (сам контраст землянок и наземных богатых домов подтверждает эту мысль). При этом в непосредственной близости от комплекса богатых домов располагаются обширные землянки — жилища для многих людей, с большой площадью и кубатурой, а в отдалении — средней величины землянки, т. е. жилища отдельных семей. Если первые — это общежития рабов, то вторые — это жилища вчерашних рабов, ставших полузависимыми ремесленниками, живущими под охраной администрации, размещенной в наземных домах, имеющих какие-то военные приспособления.

Интереснейшим объектом для раскопок является мусульманское кладбище XIV в., расположенное к юго-западу от городища на южном песчаном берегу Соленого озера. Проведенные здесь раскопки позволили установить два обряда погребений: скорченные на боку (главным образом женские и детские) и вытянутые на спине (мужские), в обоих случаях обращенные головой на запад¹¹. Вещи при костяках встречаются очень редко. Найденная при одном костяке джучидская монета позволила датировать могильник серединой XIV в.

Среди мусульманских могил без вещей вскрыто одно богатое женское погребение с восточной ориентировкой. При костяке найдены зеркало (рис. 10, 1), жемчужная серьга, головной убор из кожи и бересты с нашитыми бронзовыми бляхами (рис. 10, 2) и бисером, бусины, железные шипчики и другие вещи. Инвентарь типичен для половецких женских погребений. Вероятно, это — погребение половчанки, осевшей в городе.

¹⁰ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 58—59.

¹¹ Обычай хоронить мужчин вытянутыми на спине, а женщин на боку, с подогнутыми ногами, восходит, видимо, к салтовской культуре. См. С. А. Плетнев а. Подготовский могильник. СА, 1962, 3, стр. 246—247.

Она имела характерный для половцев инвентарь, но была погребена не в кургане, а на городском мусульманском кладбище.

Во второй половине XIV в. могильник был перекрыт культурным слоем пригородов, разросшихся в юго-западном направлении. Здесь прослежены следы дома с двумя подземными усеченно-коническими тошнами (род умывальников в виде отстойника для воды, выложенного обломками обожженных кирпичей на известковом растворе).

Сходный могильник XIV в., с мусульманской ориентировкой костяков, был открыт к западу от городища, на окраине современной деревни Сарай. Так же как и на могильнике у Соленого озера, здесь среди мусульманских погребений без вещей было открыто погребение с характерными для кочевников XIV в. стременами, удилами, кресалом с кремешком и тремя серебряными золотоордынскими монетами.

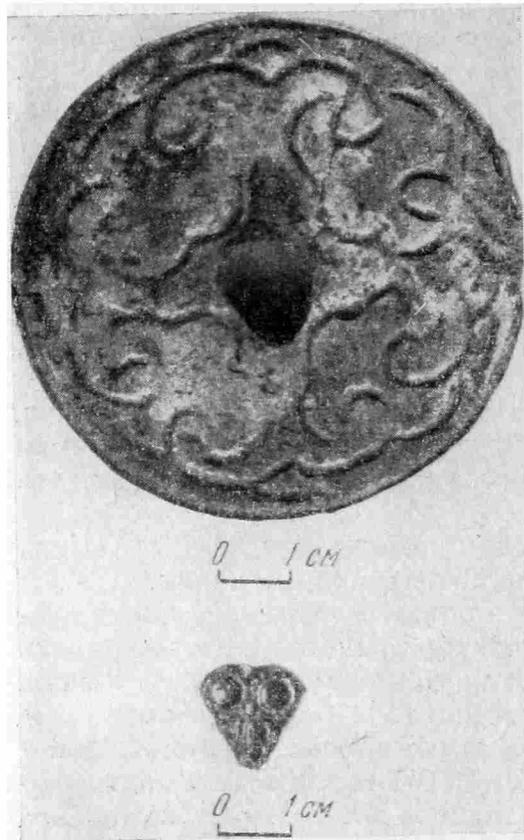

Рис. 10

1 — зеркало, 2 — бляха

Находки

Основную массу посуды составляют красные и желто-красные сосуды хорошего обжига, без лощения. Все остальные группы посуды ничтожны по количеству находок.

Однообразие обжига и качества сарайской посуды говорит о стандартизации ремесла, о высоком развитии гончарства, предназначенного для удовлетворения запросов большого рынка. Почти все найденные доньшки сосудов показывают,

что посуда делалась на кругу быстрого вращения. В связи с этим следует отметить, что вся неполированная посуда орнаментирована довольно однообразно. В орнаментации сарайской керамики господствует линейный и линейно-волнистый орнамент, особенно характерен орнамент в виде зон сгруппированных по две или по три кольцевых линии, опоясывающих сосуд.

Среди других орнаментальных мотивов, отмеченных на Царевском городище, но встречающихся очень редко, следует назвать: штампованный зубчатый орнамент, орнамент ямками, гребенчатый орнамент, украшения налепными валиками на тулове сосуда, налепные широкие валики с вдавлениями у горла. Встречаются отдельные черепки с коричневой росписью по кремовому светлому ангобу.

Основными формами неполированной посуды из Сарая к настоящему времени известны следующие: большие яйцевидные плоскодонные хумы с резко профилированным, массивным, округлым в сечении, венчиком, различных размеров кувшины с ручкой (рис. 11, 1, 4), соединенной с горлом у самого края венчика и не возвышающейся над уровнем верхнего края сосуда (ручка плоско-овальная в сечении); узкогорлые кувшины с плоско-овальной ручкой, прикрепленной к горлу сосуда ниже верхнего края венчика (рис. 12, 1); кувшины с носиком; широкие котлообразные сосуды с ребром, с двумя небольшими плоскими ручками с защипами; широкогорлые сосуды с характерным полочковидным венчиком; двуруч-

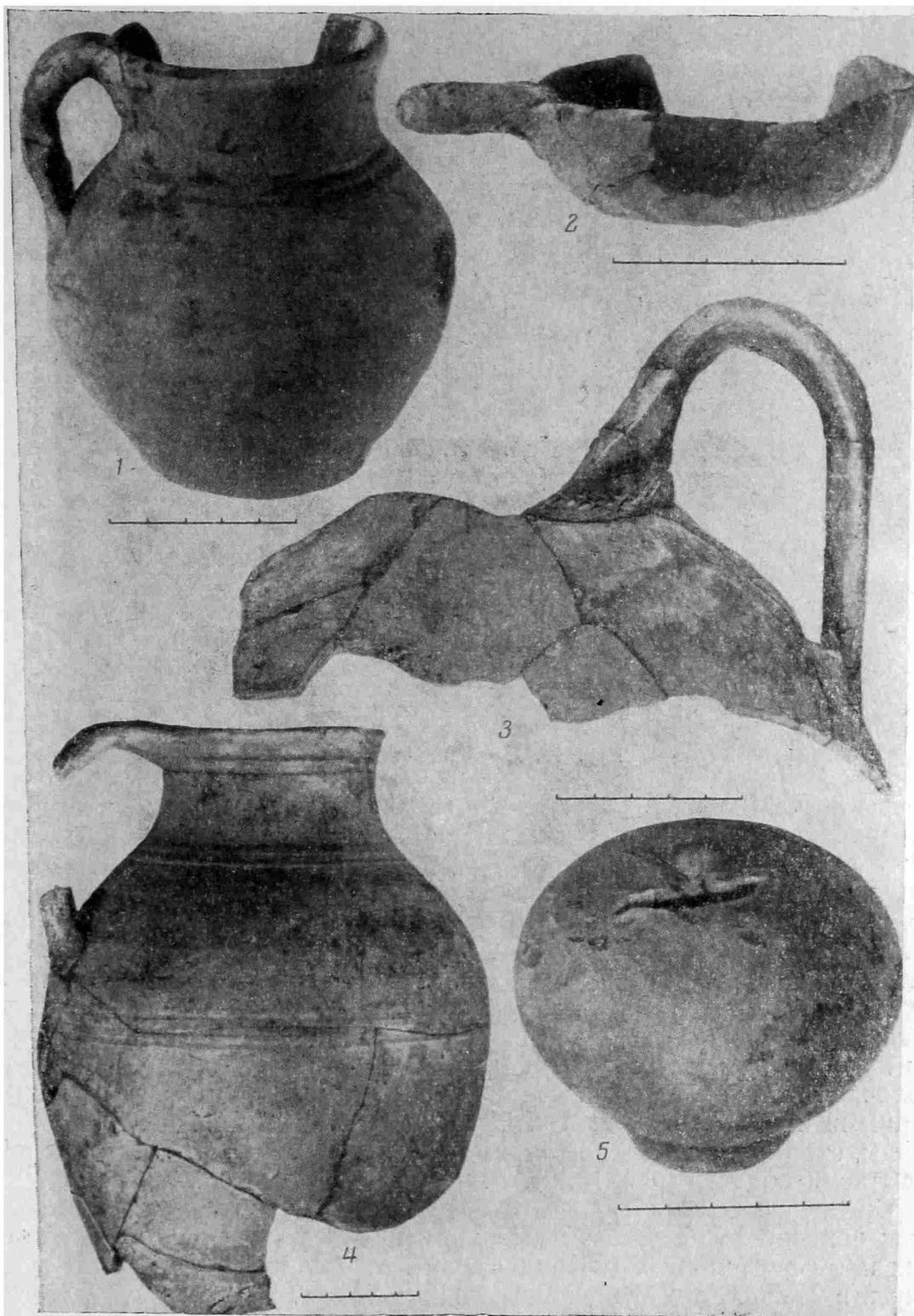

Рис. 11. Неполивная керамика

ные амфоры (рис. 11, 3), светильники (рис. 11, 2), подсвечники, копилки (рис. 11, 5), «сунаки», различные миниатюрные сосуды и т. д.

Важнейшим вопросом археологии Золотой Орды является проблема генезиса культуры джучидских городов, раскрытие синкретизма этой цивилизации. По материалам А. Терещенко А. Ю. Якубовский показал хорезмские истоки производства части сарайской поливной посуды. Эта керамика хорошо представлена в нашей коллекции сосудами обычно типа пиалы на кольцевом поддоне, сформованными из белого теста с при-

Рис. 12. Неполивная керамика

месью песка (кашин). Они делятся на две группы: первая группа имеет прозрачную поливу и подглазурную роспись: двуцветную — по бирюзовому фону черный рисунок; монохромную — с бирюзовой или ультрамариновой окраской, ультрамариновые с белыми круглыми пятнышками, полихромную, когда по беловато-серому фону нанесен слегка рельефный светлый узор, обведенный темной линией с пятнами синей, зеленой или голубой краски, с нечеткими краями (рис. 13, 1, 2). Вторая группа, более редкая, представлена черепками с крошащей непрозрачной поливой, украшенной надглазурной росписью. Это сосуды с синей поливой и полихромным узором на ней (золотые, белые, красные тона) или сосуды с белой молочной поливой, с росписью по ней красными, коричневыми, зелеными, черными и другими красками. Очень редко, но все же встречаются образцы, сходные с люстровой керамикой, и фрагменты тимуридской посуды типа «кобальт» (рис. 13, 5).

Среднеазиатскими (или изготовленными под влиянием среднеазиатских образцов) следует считать многочисленные фрагменты белоглиняных или сероглиняных (очевидно, они-то и были изготовлены на месте) чаш и кувшинов с штампованным орнаментом (рис. 12, 4). В ряде случаев некоторые детали рельефного узора покрывались бирюзовой или ультрамариновой поливой. Такая керамика хорошо известна в Средней Азии.

Хорезмское влияние и вообще среднеазиатский компонент в культуре Золотой Орды чувствуется сильнее всего. Он зафиксирован в керамике, монетном деле и в духовной культуре. Влияние Средней Азии сказалось и в таких строительных и бытовых деталях, как тошна, кирпичные полы, тандыры (печи для лепешек) и др., открытые нами в домах, раскопанных на городище. Наши коллекции показали, что влияние Средней Азии сказалось и в неполивной керамике: круглые в сечении ручки от сероглиняных кувшинов, в изобилии находимые среди керамики Царевского городища, «сунаки», некоторые типы хумов, чернолощенные мисочки и т. п. — все это ведет свое происхождение из Средней Азии, в частности

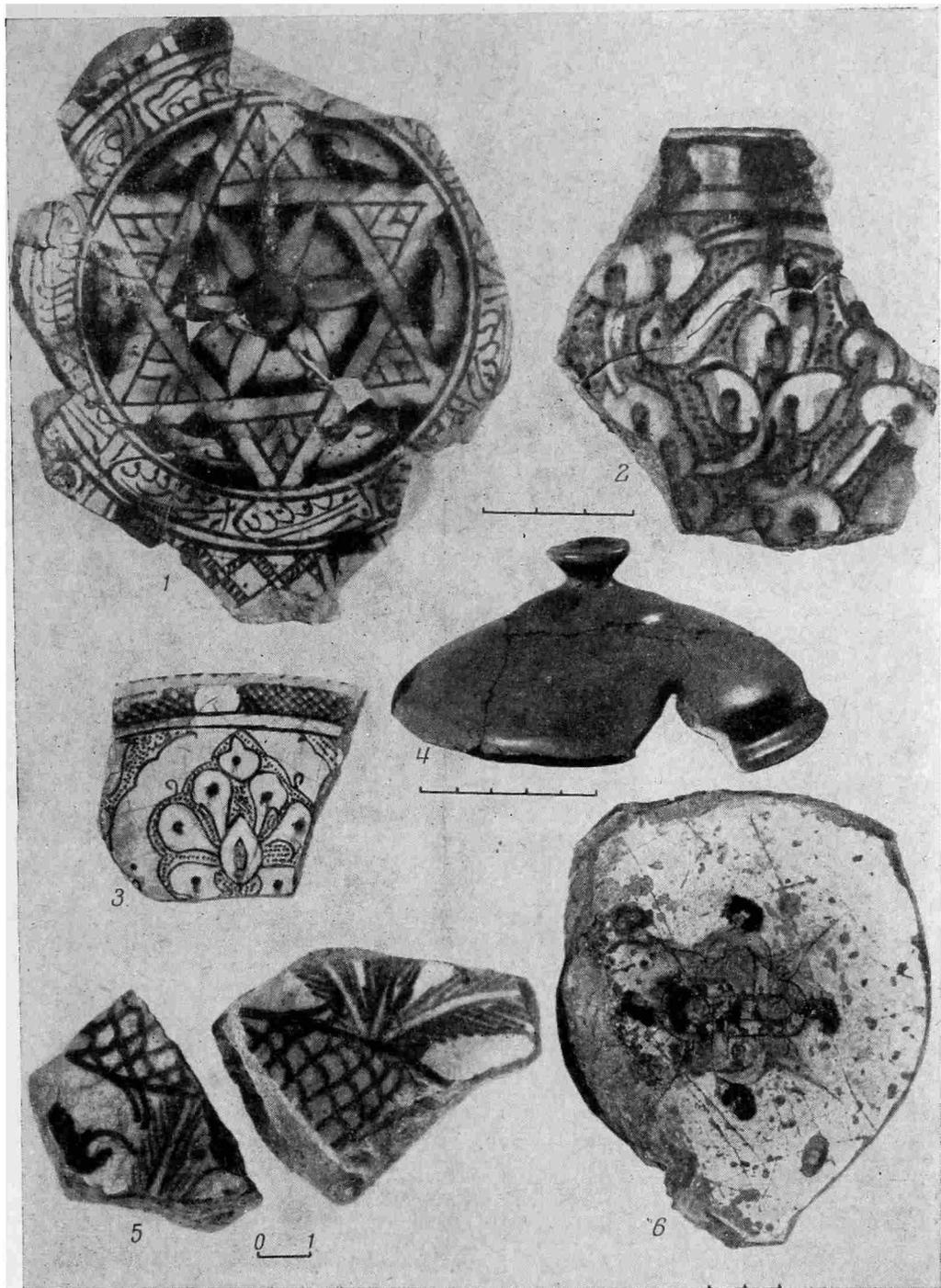

Рис. 13. Поливная керамика

1 — 3 — полихромная кашинная керамика; 4 — кашинная крышка с непрозрачной бирюзовой поливой; 5 — кашинная керамика типа «кобальт»; 6 — красноглиняная чаша с гравированным полихромным орнаментом

имеет наиболее близкие аналогии в Хорезме XIV в.

Однако в материале из раскопок Нового Сарая отмечаются и другие культурные влияния.

Пренебрежительное отношение к невзрачной неполивной керамике, характерное для наших предшественников, не позволяло правильно поставить вопрос о роли влияния волжско-болгарской культуры на сложение городской культуры Золотой Орды. Исследователи или всю неполивную керамику объявляли болгарской, или ограничивались умозрительным тезисом о влиянии Волжской Болгарии на культуру Джучидского улуса. Изучение неполивной керамики Нового Сарая показало, что в целом она отличается от синхронной керамики Болгар. Она

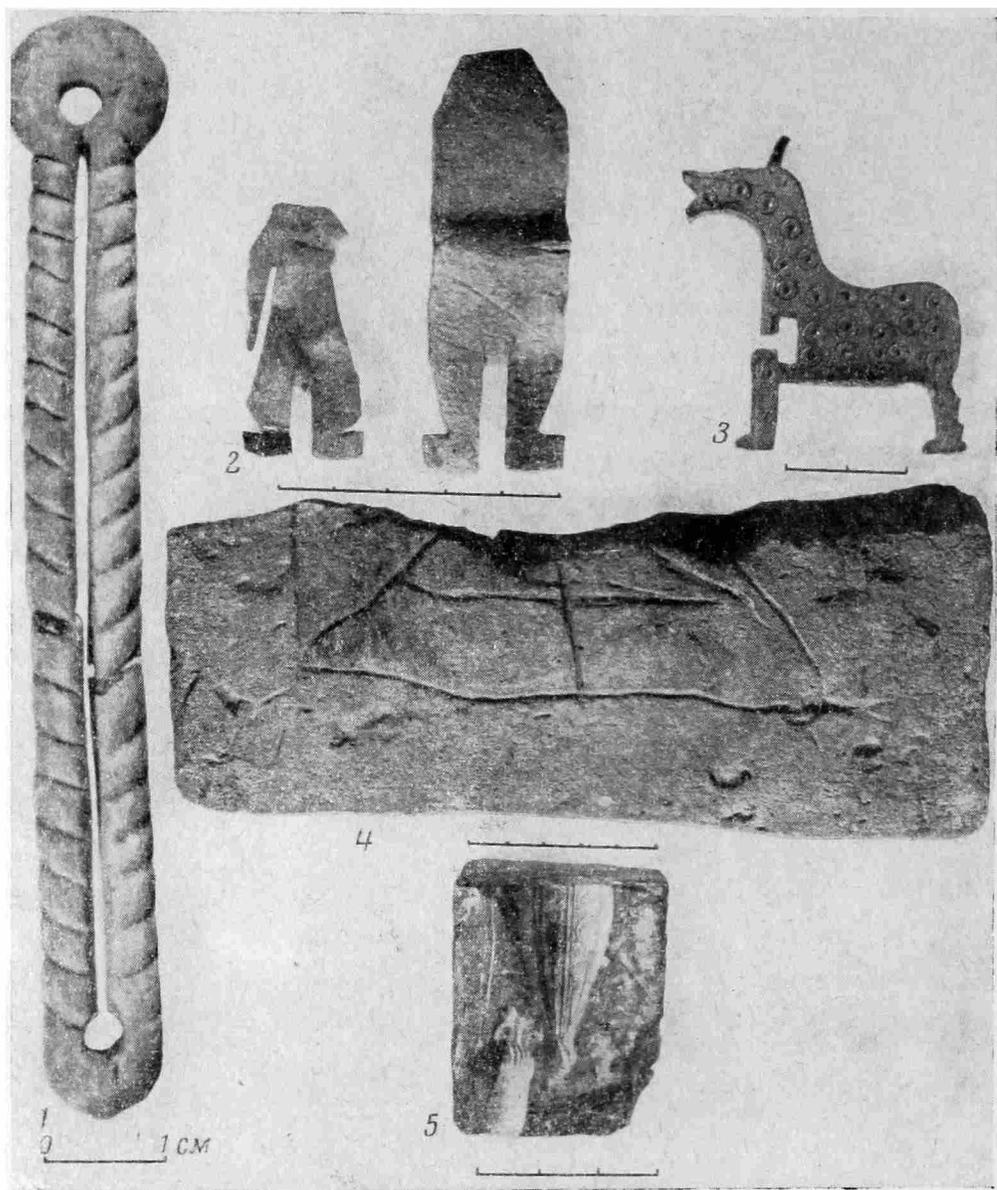

Рис. 14

1 — костяное изделие, 2 — фигурки человечков, 3 — бронзовый замок; 4 — кирпич с «вавилонном»; 5 — литейная форма

имеет совсем другой состав по цветовым группам. Среди золотоордынской керамики очень мало лощеной, состав теста отличен от теста болгарских горшков, их ведущие формы иные и т. п. Однако определенное количество черепков из культурного слоя Царевского городища носит ярко выраженный болгарский характер (несколько процентов, не более). Это лощеные сосуды типично болгарской окраски и состава теста. Наряду с болгарской керамикой имеются некоторые вещи, типичные для болгар, например замочки в виде лошадок (рис. 14, 3).

Наряду с болгарским компонентом, можно указать ряд черт, сближающих некоторые виды керамики Царевского городища с аланской керамикой Северного Кавказа XII—XIII вв. Мы имеем в виду характерные валики на тулове сосудов, встречающихся в культурном слое Царевского городища, а также и в других городах Джучидского государства. Они имеют аналогии еще в домонгольских слоях Верхнего Джулата. Характерно, что в Маджарах и Азове этих сосудов больше, чем в Нижнем Поволжье, что становится понятным, если признать северокавказское, аланское происхождение этого орнаментального приема.

Распространенная в средневековой Юго-Восточной Европе тарная посуда — двуручная амфора — представлена и в нашем материале (рис. 11, 3). Проведенный Ю. Л. Шаповой анализ глазурей на сосудах из наших раскопок позволил сблизить некоторые изделия с желтой поливой и гравировкой с поливной керамикой городища Орен-Кала в Азербайджане.

Типичная херсонесско-византийская поливная керамика также встречается в материале из Нового Сарая. Это фрагменты поливных блюд с гравированным узором и характерным размещением красок (рис. 13, 6).

В керамическом материале из Царевского городища можно отметить проникновение китайских изделий. Найдены селадоны (лунцюань), фарфор с коричневой росписью по белому фону (цычжоу) и с синей росписью также по белому фону. Находки китайской посуды известны и на других золотоордынских городищах. Китайский фарфор в золотоордынских городах породил подражания. В частности, изготавливались кашинные сосуды с глухой серо-зеленоватой поливой, явно подражающие селадонам. Видимо, именно с этого времени началось подражание и китайскому фарфору, но производство этих изделий к XV в. обрело свои местные традиции и привело к расцвету тимуридской керамики.

Однако, несмотря на перечисленные влияния, основная масса керамики пока еще не находит своих прямых прототипов ни в Средней Азии, ни на Кавказе, ни на Западе, ни в Китае. Это основные типы поливной керамики и типы поливной керамики на плотном красном тесте. Последняя подразделяется на ряд групп: сосуды с зеленой поливой и белым ангобом, монокромные. Они украшались или гравировкой, или узором, выполненным техникой резерва. Известны поливные сосуды с росписью ангобом по красному тесту. Часто встречаются зеленые сосуды без орнамента. Сосуды с коричневой или желтой поливой, монокромные с белым ангобом. По технике орнаментации они подразделяются на те же группы, что и зеленые сосуды. По форме вся эта керамика приближается к типу пиал на кольцевом поддоне. Есть также красноглиняные сосуды с черной росписью по бирюзовому фону, но это случайное перенесение техники росписи, свойственной кашинным изделиям, на красноглиняные сосуды. В общих чертах желтая и зеленая красноглиняная керамика с гравировкой сходна с керамикой такой же окраски и техники орнамента, распространенной в Передней Азии, Египте и Византии. Отдельные аналогии можно разыскать и в материале Средней Азии XII—XIV вв. На переднем Востоке распространение подобного типа керамики связано с влиянием Византии, где желтая, в частности, керамика была известна давно. Но в деталях, особенно в деталях орнамента, красноглиняная поливная керамика Нового Сарая отличается и от среднеазиатской поливной керамики и от типичных глазурованных изделий херсонесско-византийского круга. Довольно много такой посуды, кроме собственно золотоордынских центров (города Нижнего Поволжья, Сарайчик, Маджары), встречается в Крыму (Судак, Феодосия), но здесь вопрос об ее истоках остается открытым.

Для неполивной керамики в ее основной массе мы не находим аналогий в соседних с Южным Поволжьем центрах городского производства. Мы совершенно не знаем культуры Нижнего Поволжья ни в хазарское время, ни тем более в эпоху непосредственно домонгольскую. Нет никакого сомнения в том, что монголы не могли принести эти формы и типы с собой из Центральной Азии. Возможно, истоки ведущих форм и орнаментов неполивной керамики золотоордынских городов следует искать в предмонгольских памятниках Южного Поволжья, тем более, что какие-то реминисценции, идущие от салтовской культуры, например в погребальном обряде (на это мы указывали выше), в культуре золотоордынских городов имеются.

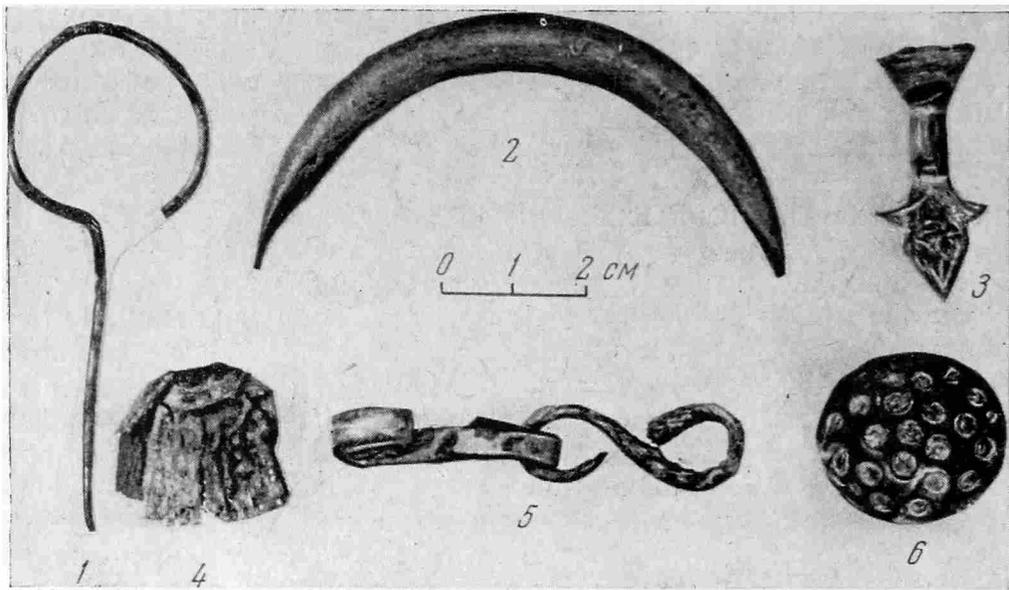

Рис. 15. Бронзовые изделия

1 — серьга; 2 — дужка; 3 — фрагмент поясной бляхи; 4 — наперсток; 5 — цепочка; 6 — бляха

Архитектурная керамика, кроме сотен поливных изразцов, происходящих из мастерской, на Царевском городище представлена кашинными плитами-заготовками для выпилки элементов мозаики — бирюзового, ультрамаринового, желтого, белого, красного (что особенно интересно) и ярко-зеленого цветов. Многочисленны выпиленные элементы мозаики и фрагментов уже набранных мозаик, фрагменты майолик с надглазурной росписью золотой и черной краской по ультрамариновому фону и с прозрачной глазурью, с рельефными белыми узорами и стволами букв по ультрамариновому фону. Все это остатки былого великолепия города. Имеются фрагменты резного ганча, формочки из камня для оттискивания на сыром штуке орнамента, пятиугольные кирпичи, очевидно предназначенные для вымостки пола, поливные изразцы, иногда с рельефной поверхностью, покрытые золотой фольгой, фрагменты мраморных деталей и т. п. В архитектурном декоре господствует стиль Хорезма и Средней Азии вообще.

Особой темой в археологии Золотой Орды является стеклоделие в джучидских городах. Стекло в культурном слое Царевского городища представлено не только многочисленными поливами и глазурями, здесь найдены десятки фрагментов тонкостенных прозрачных стеклянных сосудов, сотни фрагментов типичного средневекового оконного стекла с закраиной, обломки привозных переднеазиатских и египетских стеклянных сосудов, украшенных голубой, золотой и красной эмалью. Найдено много стеклянных бус типов, обычных для XIII—XIV вв., много мелкокорубленного бисера, один обломок стеклянного перстня.

Экспедицией собран также значительный вещевой материал: серьги (рис. 15, 1), бляхи (рис. 15, 3, 6), наперстки (рис. 15, 4), зеркала, в частности обломок зеркала с изображением охоты на льва (рис. 16, 4), бронзовая ложечка (рис. 16, 2), бляха из бронзы, покрытая резным орнаментом с обеих сторон (рис. 16, 1), части бронзовых сосудов, обломки и один целый чугунный котел, серия костяных поделок (рис. 14, 1), фигурки человечков, вырезанные из бронзы¹² (рис. 14, 2), фрагменты

¹² У бурят известны подобные фигурки, которые прикреплялись к груди изображения человека (онгона), символизируя его душу. Эти фигурки носили название у бурят «ильтахан». Встречаются также у эвенков, селькупов и кетов. В Восточную Европу фигурки этого типа были занесены, видимо, монголами (С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — нач. XX в. М.—Л., 1954, стр. 713—714).

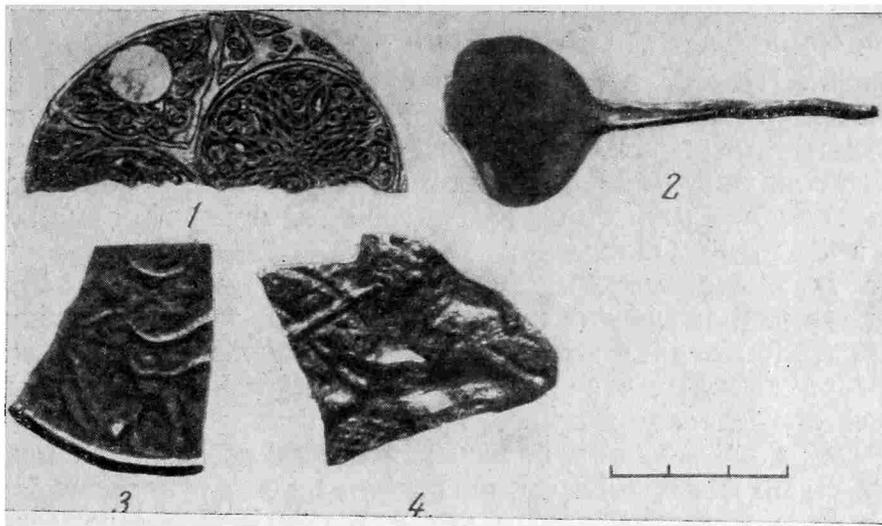

Рис. 16. Бронзовые изделия

1 — бляха; 2 — ложка; 3—4 — обломки зеркал

каменных тальковых сосудов (возможно, привезенных из Хорезма), многочисленные свинцовые грузики, назначение которых пока еще не выяснено, кресала, тесла, стрелы, костяное кольцо для натягивания тетивы лука, копья, ножи, бронзовая булава, крышки от бронзовых кувшинов, железные замки древнерусского типа, литейные формы (рис. 14, 5) и т. д.

Необходимо отметить кирпичи и фрагменты сосудов с знаками. На обломке одного из обожженных кирпичей сохранилась прочерченная фигура так называемого «вавиллона» (рис. 14, 4). На целой серии обломков ручек от кувшинов имеются различные знаки, быть может, знаки собственности, прочерченные по обожженной глине. Среди них, как мы указывали, имеется знак, сходный с тамгой дома Джучи.

Отметим особо уникальную находку из раскопок 1961 г. Это костяная пластина с изображением двух карикатурно нарисованных человеческих личин и надписью на кипчакском языке: «Сатира, клянусь Аллахом ... руку свою приложил... Али... сын Мухаммеда ...». Этот отрывок надписи, сделанной, видимо, походя, как шутка над какими-то людьми, является отзвуком живой речи Нового Сарая XIV в. И эта речь оказалась кипчакской. Этот факт очень важен, он подтверждает предположение о том, что кипчакский язык занимал в золотоордынских городах главное место. Видимо, и население нижневолжских городов XIV в. было в основе кипчакским.

Следовательно, носителями той синкретической культуры, которую мы называем городской культурой Золотой Орды, были половецкие племена, частично трансформировавшиеся под влиянием резких перемен их исторической жизни и под влиянием новой власти в городское оседлое население. Эти степные в прошлом племена мало что внесли в культуру джучидских городов по сравнению с оседлыми мастерами других покоренных стран. Однако кипчакский компонент, отмечаемый главным образом в языке, прослеживается и в материальной культуре: погребения с кочевническим набором вещей на мусульманских кладбищах Нового Сарая, типично кочевнические украшения из культурного слоя города — серьга в виде знака вопроса, известная в десятках половецких погребений, хорошо известные в погребениях половцев сумки с железными оковками и т. п.

Многочисленные монеты, найденные на городище (около 1000), в том числе зафиксированный и определенный экспедицией клад серебряных монет и еще один клад, найденный в одном из раскопов, состоящий из 12 медных монет, заслуживают специальной публикации. В настоящее

время мы располагаем многочисленными данными о кладях джучидских дирхемов. Обращение медных монет и находки в культурном слое пулов и дирхемов XIII—XV вв. до сих пор можно было изучать только по публикациям С. А. Яниной коллекций из Болгар и по очень дефектным публикациям А. Кроткова, издавшего монеты из Наровчатского и Селитренного городищ. Сейчас в нашем распоряжении большая коллекция монет из города, бывшего в 1340—1390 гг. центром самой обильной чеканки в Золотой Орде.

Кроме того, что эта нумизматическая коллекция служит источником изучения экономической жизни города, она дает возможность выделить период процветания и наиболее интенсивной жизни города. Изучение монет показывает, что состав монет по хронологии их выпуска не отличается существенно от состава кладов, зарытых в 1350—1360 гг. Преобладают монеты Джанибека и ханов 1360 гг., незначительный процент составляют монеты Токты, несколько больший процент монет принадлежит Узбеку. Почти совсем нет монет XIII и XV вв. Очень мало монет Токтамыша. Это наблюдение показывает, что основная часть монет попала в культурный слой именно в 1350—1360 гг. Этим и объясняется сходство состава всей монетной коллекции из Нового Сарая с составом кладов, выведенных из обращения именно в эти годы и отражающих тем самым денежное обращение в этот период. Если бы в период Узбека город жил достаточно интенсивной жизнью, при которой большое количество монет должно было попасть в землю, то состав нашей монетной коллекции отличался бы от состава кладов 50—60 годов XIV в. преобладанием монет более раннего периода (первой половины XIV в.). Если бы город процветал при Токтамыше, при котором чеканка монет была достаточно обильной, то и состав нумизматических находок отличался бы от упомянутых кладов значительной долей монет Токтамыша. Но среди монет из культурного слоя Царевского городища этих монет всего около 5%.

Следовательно, город процветал именно в период 1350—1360 гг., т. е. при Джанибеке и ханах 60-х годов. Очевидно, именно Джанибек придал городу особый вес в области политики и экономики. Известно, что до Джанибека в Новом Сарая монет не чеканили. Процветание города в период Джанибека и ханов 1360 гг. сменяется упадком города в период Токтамыша. Видимо, подорванная усобицей и смутой городская жизнь в Золотой Орде хиреет и постепенно замирает. Удар ей нанес не Тимур, а внутренние события в Золотой Орде. Тимур только завершил процесс падения золотоордынских городов Поволжья. Следы страшного разгрома Тимуром Нового Сарая встречаются на многих раскопах. Под развалинами домов (среди которых встречаются монеты вплоть до 1380—1390 гг., следовательно, дома стояли до конца XIV в.) в некоторых местах найдены костяки убитых, но не захороненных людей: скорченный костяк ребенка у стены дома, присыпанный костяк мужчины у горна в описанной выше мастерской, скрюченный костяк ребенка под рухнувшим сводом печи другого дома, кости человека в остеологическом материале из культурного слоя, череп человека в хозяйственной яме. Все это следы военных катастроф, некоторые из них, судя по находкам монет, можно связать с тимуровским погромом 1395 г.

В настоящее время принято считать установленным факт наличия двух Сараев в Нижнем Поволжье: Сарая и Нового Сарая¹³. Известно,

¹³ Вопрос о наличии двух Сараев в Нижнем Поволжье Ф. В. Баллоду казался решенным. Но, как справедливо заметил А. Н. Насонов, ни Ф. В. Баллод, ни А. Ю. Якубовский не доказали этого (см. А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 119—120, и рецензию А. Н. Насонова на книги Ф. В. Баллода в ZSP, V, тетр. 3/4, 1929). Ссылки Ф. В. Баллода на свидетельства Абулфеды и Аль-Омари ничего не доказывают (отождествление Иски-Юрт у Абулфеды с Сараям произвольно). Одновременное упоминание в персидских поздних источниках Сарая Бату и Сарая Берке, как показал А. Н. Насонов, «могло и не служить указанием на существование двух Сараев, столиц

что Сарай (или Сарай Богохранимый) чеканил монету с конца XIII до начала XV в., Новый Сарай — с 1340-х годов до конца XIV в. Есть только два памятника в Нижнем Поволжье, которые могут претендовать на эти два города: Царевское городище и Селитренное городище в Хараблинском районе Астраханской области. Последний памятник дает преобладание монет 20—30-х годов XIV в., т. е. периода, когда чеканил основную массу монет еще Сарай Богохранимый и когда, видимо, он был центром городской жизни Нижнего Поволжья. Естественно, что, прослеживая нумизматический материал этого городища, Зайковский, Кротков и Баллод отметили преобладание в нем монет Сарая.

Царевское городище дает больше монет 50—60-х годов XIV в., когда центр переместился в Новый Сарай и этот город стал выпускать особенно много монет. Этим объясняется преобладание в материале из культурного слоя Царевского городища монет именно Нового Сарая.

Далее, Селитренное городище дает ощутимый материал XV в. (довольно много тимуридской керамики типа «кобальт»). Этого материала в Царевском городище очень мало — найдено всего два фрагмента за все годы раскопок.

Все отмеченное нами подтверждает тезис, укоренившийся в нашей литературе, но, по справедливому замечанию А. Н. Насонова, не доказанный еще, в соответствии с которым Новый Сарай был на месте Царевского городища, а его предшественник — Сарай — на месте Селитренного городища. Судя по хронологии чеканки монет Сарая ал-Джедид и периоду наибольшей интенсивности жизни города, центр государства был перенесен в Новый Сарай или в конце царствования Узбека, или при Джанибеке¹⁴.

Золотой Орды, а указывает лишь на следы влияния древних текстов на более поздних авторов» (А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 120). А. Н. Насонову казалось очень серьезным аргументом в пользу двух Сараев разница, подмеченная Баллодом в процентном содержании монет Сарая и Сарая ал-Джедиды в Царевском и Селитренном городищах. Однако, как мы покажем ниже, это объясняется тем, что эти городища имели разный период расцвета.

Что же говорит о существовании двух Сараев? На наш взгляд, имеются два указания на этот счет. Во-первых, Ибн-Арабшах пишет, что Сарай был построен за 63 года до своего разрушения, т. е. в 1332 г. Но известно, что еще де Рубрук в XIII в. видел Сарай. Если верить Ибн-Арабшаху (см. В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов по истории Золотой Орды, I, СПб., 1884, стр. 466), то существовало по меньшей мере два Сарая. В свою очередь это известие подтверждается тем, что Царевское городище действительно начало свое существование (судя по нумизматике) в конце правления Узбека или при Джанибеке, в начале его правления (об этом см. ниже). Во-вторых, некоторые итальянские карты отмечают в низовьях Волги два Сарая (Saraу и Saraу grando на карте Фра-Мауро XV в.; Ф. Ф. Чекалин. Нижнее Поволжье по картам XV в. Тр. СУАК, II, 1890, стр. 247).

¹⁴ Интересно в этой связи следующее свидетельство источника XV в. — Арабшаха, который писал: «Между построением этого города (Сарая) и разрушением тамошних мест (подразумевается поход Тимура 1395 г.) (прошло) 63 года» (В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., стр. 463). Если верить Арабшаху, то постройка Сарая относится к 1332 г., т. е. к последнему десятилетию правления Узбека. Начало чеканки монеты в Новом Сарае датируется 1339/40 г.

Г. М. АХМЕДОВ

О «ТИМУРОВСКОЙ СТЕНЕ» ГОРОДА БАЙЛАКАНА

Средневековый город Байлакан (городище Орен-Кала), развалины которого расположены в Мильской степи на территории Ждановского района Азербайджанской ССР, имеет две городские стены. Одна охватывает территорию городища, условно называемого Большим городом, другая — его юго-восточную часть — территорию Малого города [1, рис. 1]. Площадь Большого города, обведенная стеной и рвом, составляет более 36 га, а Малого города — 14,5 га. Территория обоих городов имеет форму четырехугольников, углы которых ориентированы по странам света. Общая длина Большого города составляет около 2410 м, длина стены Малого города — 1525 м; 760 м из них совпадают со стеной Большого города.

По линии стены Малого города хорошо заметны остатки башен, расположенных друг от друга на расстоянии 40—50 м, а также башен ворот в северо-западной и юго-восточной частях стены. Малый город имел 32 башни, четыре из которых угловые и четыре фланкировали ворота. Верхние ярусы стены Малого города не сохранились. Остатки этой стены возвышаются в виде вала, окруженного рвом: высота вала достигала около 6 м от уровня степи и около 3 м от уровня поверхности городища. Соотношение стен обоих городов привлекло внимание еще первых исследователей городища, так как решение этого вопроса имеет большое значение для понимания истории города.

Экспедиция 1933 г., руководимая И. И. Мещаниновым, сделала попытку выяснить возраст этих городов. Касаясь этого, И. И. Мещанинов писал: «Слишком большая площадь первого города (Малого города.— Г. А.) не позволяет видеть в нем цитадель, отделенную рвом от остальной части города, т. е. от второго города (Большого города.— Г. А.). Поэтому можно допустить или рост поселения за рвом первого города, или же, наоборот, сужение его площади при последующем восстановлении города» [2, стр. 6]. Для выяснения этого вопроса и характера стены экспедиция провела разведочные раскопки в северо-восточной части стены Малого города (их вел Е. А. Пахомов) и северо-западной (их вел И. М. Джафарзаде). Но масштаб этих раскопок был слишком мал для разрешения вопроса о соотношении стен обоих городов, хотя еще тогда И. М. Джафарзаде выдвинул положение, что раскрытая им кладка стен Малого города моложе кладки стен, выявленных Е. А. Пахомовым в северо-восточной части городища [2, стр. 11; 3].

В 1951 г. для выяснения соотношения Большого и Малого городов экспедиция Института истории и философии АН АзербСССР, руководимая И. М. Джафарзаде, провела раскопки около северной угловой башни, у выхода северо-западного рва Малого города в наружный ров [4]. Раскопки эти подтвердили гипотезу о позднем отделении Малого города от Большого, так как северо-западный ров Малого города срезал су-

ществовавшую до него северо-восточную стену Большого города. Однако экспедиция 1951 г. не установила время, когда Малый город отделился от Большого.

Соотношению Большого и Малого городов уделила внимание совместная экспедиция ИИМК АН СССР и ИИ АН АзербССР, руководимая А. А. Иессеном. В 1953—1954 гг. она вела раскопки на северо-восточной стене Большого города (продолжение раскопок И. М. Джафарзаде в северо-западную сторону) [5, стр. 148] и в 1955 г. — на северо-западной стене Малого города [6, стр. 136]. В результате этих раскопок Н. В. Минкевич пришла к заключению, что стена Большого города создавалась в течение трех строительных периодов (VI—VII, IX и X вв.) и что Малый город отделился от Большого около X—XI вв. [5, стр. 173]. Основой такой датировки отделения Малого города от Большого служили остатки маленьких жилищ на старой стене Большого города, построенной вначале из крупных сырцовых кирпичей и затем отремонтированной, в результате чего образовались прослойки мелкого сырцового кирпича. Остатки этих жилищ Н. В. Минкевич датирует XII — началом XIII в. [5, стр. 168]. Время отделения Малого города от Большого она в других своих работах датировала IX в.: «Уже в IX веке Малый город был отделен от Большого стеной и рвом, разрушившим часть северо-восточной стены Большого города и большой башни» [7, 8]. Малый город Н. В. Минкевич называет «цитаделью», «местом обитания феодальной городской знати». А. А. Иессен датирует отделение Малого города от Большого временем «после IX в., но ранее XII в.» [9, 10]; более определенная датировка зависит, по его словам, от результатов дальнейших раскопок.

Вопрос о соотношении Большого города и Малого на городище Оренкала не решен и раскопками А. Л. Якобсона на северо-западной стене Малого города [6]. Эти раскопки обнажили северо-западную стену Малого города только сверху на протяжении 4 м. Вследствие этого тогда не удалось определить время первоначальной постройки вновь открытой стены, которая определила бы время отделения Малого города от Большого. А. Л. Якобсон и А. А. Иессен открывшуюся часть стены Малого города связывали с восстановительными работами в городе Байлакане, произведенными при Тимуре, описанными Шереф-ад-дином Иезди. Особенного внимания заслуживает сопоставление длины стены Малого города с данными, сообщенными Шереф-ад-дином о тимуровской стене Байлакана, которое было сделано А. А. Иессеном [1, стр. 46]. Сопоставление этих данных показало, что общая длина стены Малого города и ее ширина почти полностью совпадают с размерами, сообщаемыми Шереф-ад-дином Иезди. Однако А. А. Иессен и А. Л. Якобсон, связывая раскопанную в 1955 г. часть стены с восстановлением города во времена Тимура, допускали наличие более ранней стены, построенной не позднее XII в.

Раскопки северо-западной части стены Малого города в 1960—1961 гг. (рис. 1), произведенные нами, дали полный разрез этой стены (рис. 2). На основе этого разреза получен материал для более точной датировки стены и, тем самым, определения времени отделения Малого города от Большого.

Стена Малого города раскрыта на всю ее высоту до основания и на протяжении 12 м. Выяснилось, что не только в верхней части, но и в основании стены при ее сооружении сначала были построены две параллельные кирпичные, так называемые подпорные стены толщиной 70—90 см, пространство между которыми достигало почти 4 м. Это внутристенное пространство заполнено утрамбованной землей; при добывании этого грунта мог образоваться ров. Земля заполнения содержала разновременный материал: характерную для IX—X вв. керамику с красным черепком, с ангобной росписью под прозрачной глазурью (рис. 3, 7), а

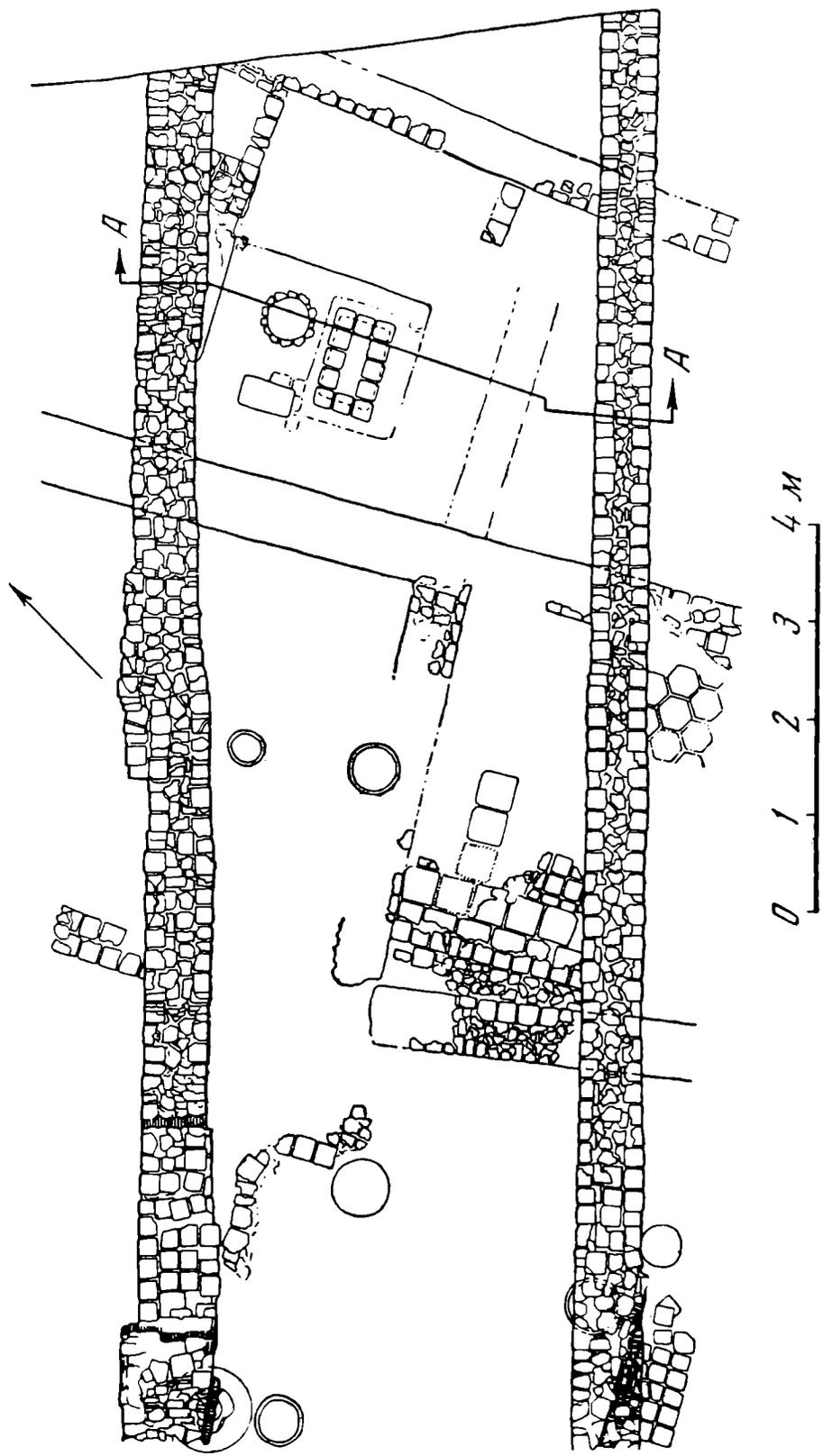

Рис. 1. План раскопок на северо-западной стене Малого города городища Орен-Кала

также глазурованную керамику XII — начала XIII в., выполненную техникой гравировки или соскабливанием ангоба под прозрачной бесцветной глазурью (рис. 3, 1, 2, 4). Среди глазурованной керамики, обнаруженной в земляном заполнении, имеются обломки ангобированной керамики с красным черепком с дополнительной гравировкой по фиолетовой росписи, характерной для мастерских Орен-Калы и датируемой XII в. [11, 12] (рис. 3, 3). Встречается керамика с клеймами. Интересны находки здесь фаянса с люстровой росписью (рис. 3, 6) и фаянса типа «минаи» (рис. 3, 5), датируемые также XII—XIII вв. К этому времени относится фрагмент неполированного кюпа, инкрустированный обломками фаянсовой керамики [13]. Из земли междустенного заполнения были также извлечены ильдегизидские монеты. В ней почти не встречались целые кирпичи, целые сосуды, нет даже крупных керамических обломков. Последнее обстоятельство свидетельствует, что земля заполнения выкапывалась из рядом лежащего культурного слоя городища, в результате чего, как сказано, образовался ров.

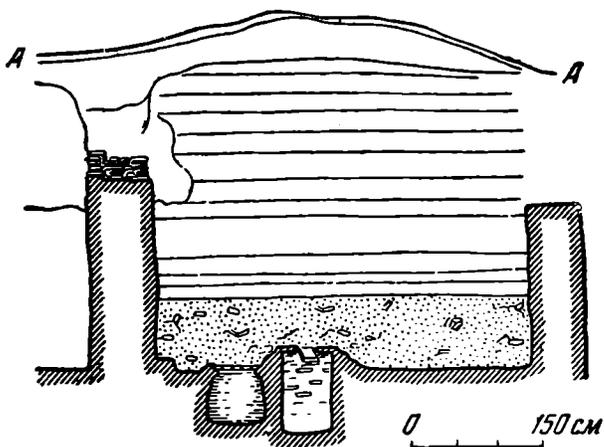

Рис. 2. Разрез северо-западной стены Малого города по линии А — А

Ниже слоя заполнения лежит слой с более крупными обломками кирпичей. Этот слой резко отличается от слоя заполнения. А после снятия этого слоя толщиной около 60 см и разбора подпорных кирпичных стен, ниже них показались остатки жилых построек с квадратными в плане помещениями, стены которых сооружены иногда из хорошо обожженных кирпичей и имеют в основании глинобит (рис. 4). Полы помещений — земляные и лишь иногда вымощенные крупными обожженными кирпичами. В помещениях с земляными полами встречаются тендиры, хозяйственные ямы и различные бытовые предметы, и особенно много керамики (рис. 5). В составе керамического материала, извлеченного из-под стены Малого города, были глазурованный керамический штамп для штамповки крышек сосудов, фрагменты глазурованной чаши с орнаментом, выполненным техникой соскабливания ангоба (рис. 5, 1, 6), обломки ангобированной чаши с дополнительной гравировкой по фиолетовой окраске (рис. 5, 3), а также фаянсовые чаши с росписью люстром (рис. 5, 2, 4) и росписью типа «минаи» (рис. 5, 5). Особый интерес представляют шесть найденных в одном помещении чаш с оттисками на дне одного и того же клейма мастерских, но имеющих различное декоративное оформление (рис. 5, 6 и 6). На двух из них сохранилось имя мастера Бадала, неизвестного по прежним находкам (рис. 6, 1, 2). Имя его написано в одном случае иглой, в другом — кистью. Сосуды эти являются образцами большого художественного мастерства. Большой интерес представляет и арифметическая таблица, сохранившаяся на фрагменте неполированного сосуда (рис. 7). На нем тушью начертана сетка из девяти клеток, в каждой из которых помещены арабские цифры от единицы до девяти. Цифры расположены так, что при сложении по вертикали, по горизонтали или по диагонали сетки получается одно и то же число — пятнадцать (рис. 8). Сам фрагмент с таблицей имеет номер, что может свидетельствовать о наличии на стенках сосуда других подобных таблиц. В том же слое обнаружены ильдегизидские монеты, что не позволяет сомневаться в датировке этого слоя именно XII и началом XIII в.

О одновременности стены Малого города и нижележащего слоя с жилыми постройками говорит и то, что планировка жилых построек не соответствует направлению этой стены.

Обрисованные выше стратиграфия и планировка дают нам возможность отнести первоначальную постройку стены Малого города на данном участке ко времени не ранее начала XIII в.

Рис. 3. Находки из земли заполнения северо-западной стены Малого города

1 — обломок края поливной чаши с гравированным орнаментом; 2 — фрагмент дна поливной чаши с гравированным орнаментом; 3 — дно поливной чаши с дополнительной гравировкой по фиолетовой росписи; 4 — часть дна глазурованной чаши с орнаментом, выполненным техникой в «резерве»; 5 — фрагмент фаянсовой керамики с росписью типа «минан»; 6 — фрагмент края фаянсового сосуда с росписью люстром; 7 — часть края поливной чаши с росписью ангобом

Техника постройки городской оборонительной стены из параллельно идущих подпорных стен или панцирей с земляным заполнением для азербайджанской архитектуры является новым и, скорее всего, нехарактерным явлением. Она, несомненно, уступает как по своему материалу, так и строительной технике массивным стенам, сооруженным из одного строительного материала (глинобита, кирпича или сырца).

«Подпорные» панцири городских стен Малого города со временем стали разбираться местными жителями для строительных нужд, в результате чего земляное заполнение стен начало осыпаться по обе стороны стены. Осыпавшаяся во внутреннюю сторону города земля заполнения занимает полосу шириной до 5 м, достигая мест массовых находок обломков обожженных кирпичей, выброшенных, по всей вероятности, во время разбора опорных панцирей. В земле, происходящей из внутреннего пространства, также встречается одновременный материал, датруемый временем от IX до XIII в.

На городском валу заметны следы разбора подпорных кирпичных стен или панцирей Малого города, идущих параллельно по всему периметру изучаемой стены, даже в той части, где она совпадает со старой стеной Большого города. Поэтому можно предположить, что не только

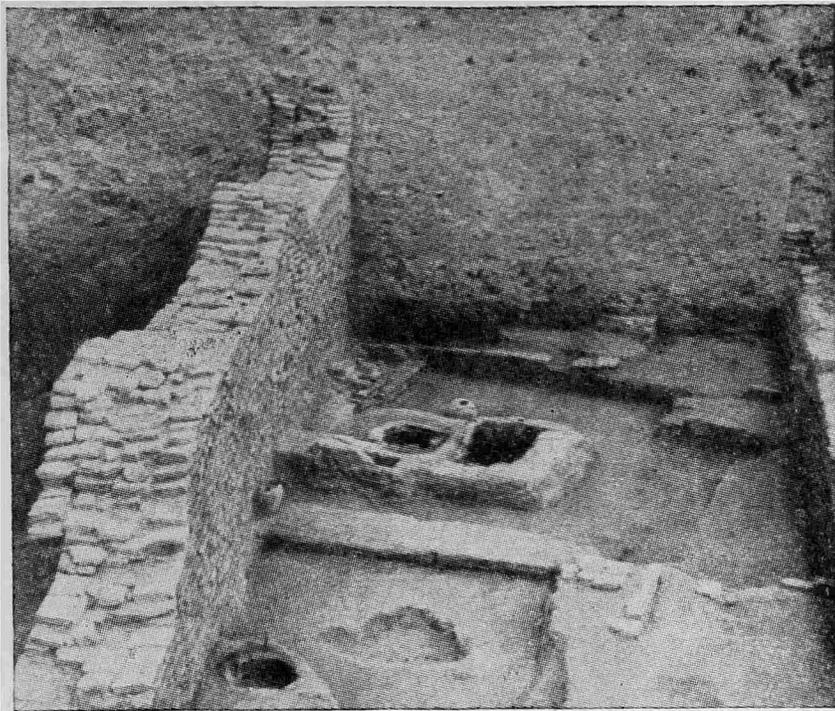

Рис. 4. Вид на раскоп северо-западной стены Малого города городища Орен-Кала

раскопанная часть, но и вся стена Малого города построена описанной техникой. Это тогда объяснило бы и кладки, которые были открыты И. М. Джафарзаде на башне у ворот северо-западной стены в 1933 г. и на северной угловой башне стены Малого города в 1951 году.

Если после раскопок 1960—1961 гг. датировка северо-западной стены Малого города временем после начала XIII в. (т. е. после монгольского разрушения) у нас не оставляет большого сомнения, то приурочивание этой даты к одному из послемонгольских событий остается еще не совсем решенным вопросом. В этом деле до некоторой степени нам помогают средневековые письменные источники. Рассказы о судьбах городской стены Байлакана после монгольского разрушения города содержат три сообщения. Первое из них мы находим у Ибн-ал-Асира: «Когда татары ушли в страну кипчаков, те из его жителей, коим удалось спастись, вернулись обратно в него и восстановили, что могли из его стены» (разрядка наша.— Г. А.) [14, стр. 148]. Второе сообщение принадлежит историку XIII в. Мухаммед Несеви. По его словам, в 1227 г., когда Джалал-ад-дин совершил поход из Ирака в Азербайджан, то он застал город Байлакан в таком разрушенном виде, что его невозможно было восстановить. Посланная Джалал-ад-дином в город конница вернулась с пустыми руками, не обнаружив там ничего. Джалал-ад-дин отдал этот город и город Ардебиль своему везиру Шереф-ал-Мюльку, который восстановил их кирпичные стены [15]. Автором третьего сообщения является Шереф-ад-дин Иезди — придворный историк Тимура. По его словам, в 1403 г., когда армия Тимура зимовала в Мильской степи, Тимур решил восстановить город. Он дал указание инженерам, чтобы они составили план восстановления города, и поручил работу своим войскам под командованием царевичей и эмиров. В течение одного месяца, несмотря на дождливую погоду, армия Тимура построила крепостную стену длиной 2400 локтей и шириной в 11 локтей, высотой в 15 локтей и провела ров шириной в 30 локтей, глубиной в 20 локтей [16].

Как видно из этих трех сообщений, в первом и во втором случаях говорится о восстановлении городских стен, а в третьем случае — о по-

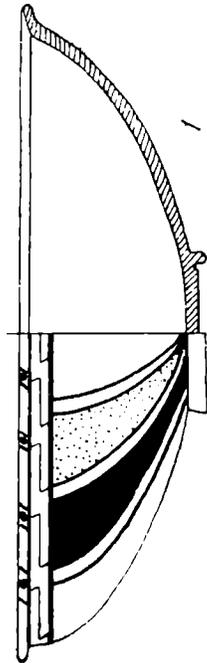

Рис. 5. Находки из слоя, лежащего под северо-западной стеной Малого города

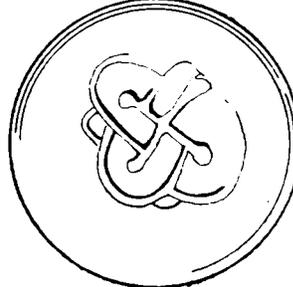
1 — фрагмент глазурованной чаши с орнаментом, выполненным техникой в «резерве»; 2 — обломок фаянсового сосуда с люстровой росписью; 3 — фрагмент глазурованной чаши с дополнительной гравировкой по фиолетовой росписи; 4 — фрагмент фаянсового сосуда с росписью типа «минан»; 5 — обломок фаянсового сосуда с росписью типа «минан»; 6 — часть поливной чаши с орнаментом, выполненным техникой в «резерве»

стройке новой стены. Поскольку размеры изучаемой нами стены Малого города соответствуют данным, сообщаемым Шереф-ад-дином Иезди о тимуровской стене Байлакана, и поскольку на ее месте не обнаружено следов другой стены, говорящей о ее восстановлении, это до некоторой степени позволяет нам отнести стены Малого города именно к тимуровскому периоду. Дополнительно это, может быть, подтверждается тем, что, как отмечено, стены Малого города не очень прочны, они построены из старых кирпичей и в архитектурном отношении уступают ранним стенам Байлакана. Это свидетельствует о том, что работа выполнялась в спешке руками неопытных людей, что явствует и из сообщений Шереф-ад-дина Иезди.

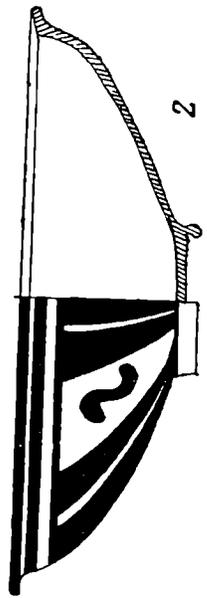
Другим косвенным аргументом, говорящим в пользу нашего предположения, может служить и тот факт, что из слоя XII—XIII вв., стратиграфически лежащего глубже датированного А. Л. Якобсоном XIV и XV вв. кирпичного массива, около тыльной стороны крепостной стены, рядом с вымосткой, ведущей под городскую стену, был обнаружен большой клад медных монет, в составе которого имеется грузинская монета с надче-

0 3 6 9 см

0 1 2 3 см

0 3 6 9 см

Рис. 6. Чаша из слюда, залетающего под северо-западной стеной Малого города

1 — глазурованная чаша с изображением двух человеческих фигур, выполненных гравировкой по ангобу; 2 — глазурованная чаша с дополнительной гравировкой по фиолетовой росписи

канкой Джалал-ад-дина (1226—1230) [6, стр. 138—139]. А. А. Иессен справедливо отмечает, что этот клад несомненно зарыт около 1230 г. [1, стр. 49]. Таким образом, если слой, образовавшийся до XIV в. и содержащий клад с монетой времени Джалал-ад-дина, стратиграфически лежит ниже уровня городских стен, то тогда этот клад, хотя он не обнаружен непосредственно под городской стеной, а несколько дальше, но в слое, ведущем под нее, как нам кажется, может служить косвенным доказательством позднего строительства изучаемой стены (если только мы не имеем здесь специального подкопа для зарытия клада).

Что касается сообщения первоисточников о восстановлении стен Байлакана сразу после монгольского разрушения и восстановлении Шереф-

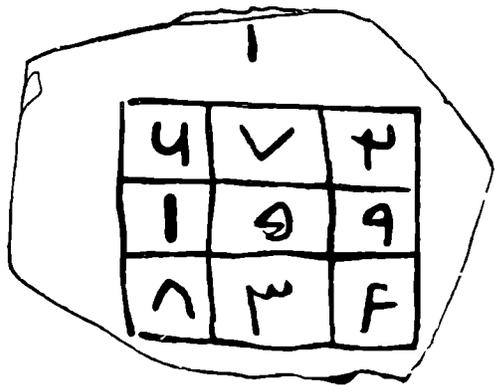

Рис. 7. Арифметическая таблица из слоя под стеной

4-6	5-7	6-2
1-1	0-5	4-9
8-8	3-3	4-4

Рис. 8. Расшифровка арабских цифр

ал-Мюльком, то будет более правдоподобно, если их мы отнесем к стенам Большого города, которые, на наш взгляд, могли держаться вплоть до монгольского разрушения. Это тем более возможно, что и письменные источники [17] и археологический материал [6, стр. 146] говорят о подъеме и даже расцвете города именно в XII — начале XIII в. Представить же расцвет города без оборонительной стены для того времени невозможно. Поэтому нам кажется, что материал, добытый раскопками небольших жилищ, расположенных на остатках внутренней части стены Большого города, надо проверить еще раз. В отношении этих жилищ можно сделать два предположения: либо отнести эти жилища ко времени, непосредственно следовавшему за монгольским разрушением, с учетом того, что ограбленное население могло пользоваться посудой, подобранной на развалинах города, либо полагать, что ко времени монгольского разрушения города потеряла свое оборонительное значение и была в упадке только более ранняя внутренняя часть стены Большого города, на которой и расселились люди в результате скученности города. Боевой тогда оставалась лишь наружная, более новая часть стены, сложенная из обожженного кирпича на известковом растворе. Только в период расцвета города могла быть такая высокая техника строительства стены из обожженного кирпича на известковом растворе с отличной кладкой.

Среди завала кирпичей около наружной части стены Большого города обнаружен скелет человека с ильдегизидскими монетами, на шести из которых сохранилось имя ан-Насира (1180—1225 гг.) [5, стр. 153]. Расположение этого скелета говорит о трагической гибели владельца монет. Не исключено, что он был задавлен упавшей частью оборонительной стены города во время разгрома и разрушения монголами, о чем сообщает современник событий — Ибн-ал-Асир [14, стр. 140]. Дальнейшие раскопки дадут возможность проверить наши предположения и яснее представить историю стен Большого города, относящихся к периодам, предшествующим выделению Малого города при Тимуре в 1403 г.

Литература

1. А. А. Иессен. Орен-Кала. МИА, 67, 1959.
2. И. И. Мещанинов. Краткий осведомительный отчет о работе Мильской экспедиции 1933 г. Тр. АзФАН СССР, XXV, 1936.
3. И. М. Джафарзаде. Отчет о раскопках городских ворот городища Орен-Кала в 1933 г. Научный архив ИИ АН АзербССР, инв. № 286.
4. И. М. Джафарзаде. Археологические раскопки городища Орен-Кала в 1951 году. ТрИИФ АН АзербССР, 1954, IV.
5. Н. В. Минкевич-Мустафаева. Раскопки на городской стене Орен-Кала в 1953—1954 гг. МИА, 67, 1959.
6. А. Л. Якобсон. Раскопки на городище Орен-Кала в 1953—1955 гг., МИА, 67, 1959.
7. Н. В. Минкевич-Мустафаева. О ремесленном квартале Байлакана. СА, 1958, 4, стр. 97.
8. Н. В. Минкевич-Мустафаева. К изучению ремесленного квартала города Байлакана. ИАН АзербССР, 1959, 3, стр. 16.
9. А. А. Иессен. Работы Азербайджанской экспедиции в 1953 году. КСИИМК, 69, 1957, стр. 120.
10. А. А. Иессен. Работы Азербайджанской экспедиции в 1957 году. КСИИМК, 78, 1960, стр. 102.
11. А. Л. Якобсон. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала). МИА, 67, 1959, стр. 273.
12. Н. Н. Наджафова. Редкий вид азербайджанской художественной ангобированной керамики из раскопок Орен-Кала и Старой Гянджи. ИАН АзербССР, 1959, 4.
13. Г. М. Ахмедов. Неполивная керамика Орен-Кала IX—XIII вв. МИА, 67, 1959, стр. 194.
14. Материалы по истории Азербайджана из «Тарих-ал-Камиль» Ибн-ал-Асира. Баку, 1940.
15. Мухаммед ибн Ахмед ан-Несеви. История Джалал-ад-дина Мангуберти. Париж, 1891, стр. 128 (Перевод З. М. Буниятова).
16. Шереф-ад-дин Иезди. Зафарнаме. Перевод с персидского А. М. Касумзаде. Рукопись Научн. архива ИИ АН АзербССР, инв. № 2079, л. 38.
17. Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. Уз ИВАН, IX, 1954, стр. 201—202.

Заметки

И. Г. НАРИМАНОВ

ДРЕВНЕЙШИЕ СЕРПЫ АЗЕРБАЙДЖАНА

Использование в древности составных серпов неоднократно документировано находками в Закавказье кремневых вкладышей, имеющих обычно прямоугольную или треугольную форму. Серповые вкладыши характеризуются зазубренным рабочим краем, обработкой поверхности отжимной ретушью и заполировкой режущих краев, возникшей при длительном употреблении. Такие серпы и вкладыши к ним известны на древних оседло-земледельческих поселениях Азербайджана — Шому-Тепе, Тойре-Тепе, Бабадервиш (Акстафачай) и Ганлы-Тойре. Этим находкам и посвящена настоящая заметка.

До последних лет наиболее древние экземпляры серповых вкладышей встречались на памятниках III тысячелетия до н. э.¹ Здесь встречаются также и небольшие серпы из мышьяковистой бронзы. Подобные серпы были обнаружены во втором слое Кюль-Тепе (Азербайджанская ССР)² и на поселении Амиранис Гора (Грузинская ССР)³. После появления металлических серпов на Кавказе еще долгое время бытуют кремневые наборные серпы⁴. Во всех случаях каменные серпы Кавказа представлены разрозненными вкладышами, кроме серпов из Бешташенского⁵ и Дашбашского могильников⁶. На обоих могильниках серповые вкладыши найдены в полном составе, хотя деревянная оправа серпов не сохранилась. По-видимому, к одному серпу также относятся восемь кремневых вкладышей, найденных в одном месте на глиняном полу одного из жилищ поселения Узерлик-Тепе около Агдама⁷.

По способу закрепления вкладышей кавказские наборные серпы могут быть сопоставлены с наборными серпами из Кахуны (Египет) и Соль-

¹ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961, стр. 49—53; Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. ВГМГ, XIII-В, 1944, стр. 125—126, рис. 63; Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур. Баку, 1959, стр. 39; А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Урбниси, I, Тбилиси, 1962, стр. 61.

² О. А. Абибуллаев. Археологические раскопки в Кюль-Тепе. Баку, 1959, стр. 53, 110, табл. 18 (на азерб. яз.).

³ Т. Чубинишвили. Амиранис Гора. Тбилиси, 1963, стр. 99, рис. 14, 5 (резюме на русск. яз.).

⁴ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 69.

⁵ Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 69, табл. XLII.

⁶ В. И. Марковин. Археологические работы в Чечне в 1962 г. Тезисы доклада, прочитанного 22 апреля 1963 г. в г. Минске, на Кавказской секции Сессии Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук АН БССР.

⁷ К. Х. Кушнарeva. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-Тепе около Агдама. МИА, 67, 1959, стр. 410, рис. 18.

ферино (Италия) ⁸. Вкладыши в них закреплялись в деревянной оправе спинкой, а рабочий край образовывал линию, параллельную пазу. Материалы исследованных нами древнейших поселений показывают, что на более раннем этапе внедрения земледелия в Закавказье применялись и серпы иного типа. Этот тип серпа хорошо представлен шому-тепинской находкой (рис. 1).

Шому-тепинский серп был найден при раскопках поселения Шому-Тепе в Казахском районе, близ железнодорожной станции Акстафа. Серп находился в смешанной очажной золе прямо у стены, на полу круглопланового помещения № 1. Сохранилась черная масса, закреплявшая в пазу каменные вкладыши. Нижняя половина этой массы сохраняет полную форму и размеры паза обоймы, имевшей длину 16,8 см, глубину в средней части 2 см и ширину в верхней части 1,5 см. На этой половине скрепляющей массы есть следы в виде тонких горизонтальных линий, которые позволяют утверждать, что бойма серпа была деревянная (подобные следы могло оставить лишь дерево). Состав скрепляющей массы пока еще не подвергнут химическому анализу, однако при нагреве ее дым имеет запах смолы, масса приобретает красноватый цвет и превращается в обычную глину.

Обойма серпа, судя по сохранившейся форме паза, была слегка изогнута. Серп имел четыре вкладыша, один из которых еще в древности выпал из гнезда, а остальные сохранились. Они вставлены под углом к продольной оси оправы, образуя зубчатый рабочий край.

Первый вкладыш (со стороны рукоятки) представляет собой обломок кремня серого цвета, часть которого находится внутри скрепляющей массы, а другая выступает наружу в виде треугольника. Рабочий край с одной стороны имеет следы мелкой ретуши. Второй вкладыш несколько большего размера, чем первый, сделан из пластинчатого обломка кремня, имеющего темно-красноватую окраску. Острие лезвия вкладыша с одной стороны подвергнуто ретушированию, и оно выступает наружу также в виде треугольника. Третий вкладыш представляет собой обсидиановую пластинку, сколотую от призматического нуклеуса. Она также выступает нару-

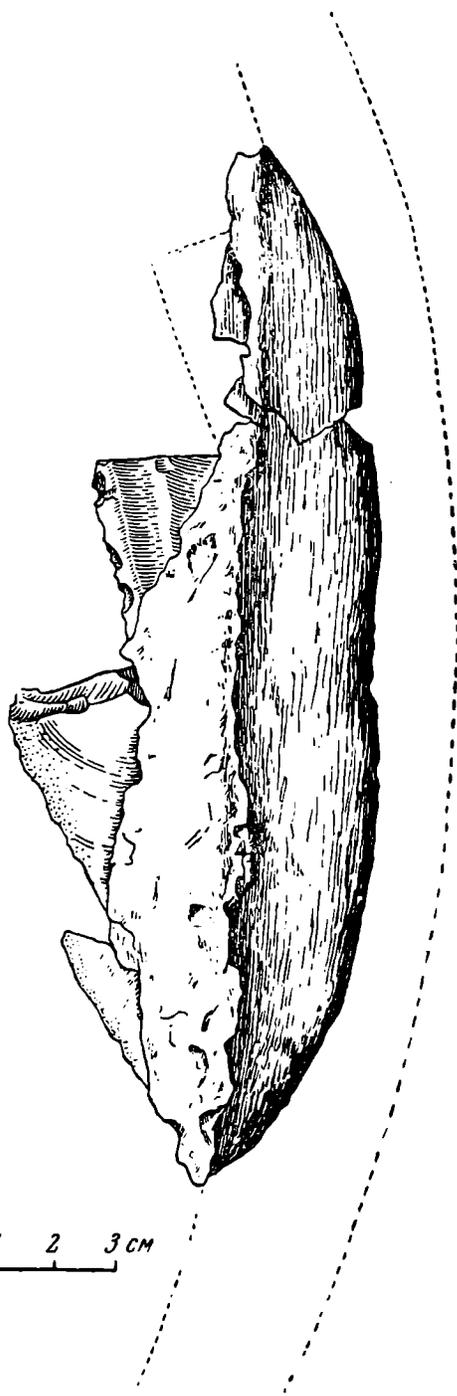

Рис. 1. Вкладышевый серп из Шому-Тепе

Рис. 1. Вкладышевый серп из Шому-Тепе

⁸ Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, рис. 53; С. А. Семенов. Древнейшие каменные серпы. СА, XXI, 1954, рис. 1.

жу в виде треугольника. Четвертым был выпавший вкладыш крайний с концевой стороны.

На двух кремневых вкладышах этого серпа невооруженным глазом прослеживается интенсивная заполировка почти во всю длину лезвия. Описанный серп по способу крепления вкладышей может быть сопоставлен с серпами Центральной и Юго-Восточной Европы, названными С. Н. Бибиковым пластинчато-зубчатыми наборными серпами⁹. Вкладыши этих серпов по характеру изношенности именуется пластинками с краевой заполировкой. Для единства терминологии мы применяем это название и к описываемым вкладышам из Азербайджана.

Среди материалов поселения Шому-Тепе найден еще один пластинчатый вкладыш с угловой заполировкой. На нем с обеих сторон сохранились остатки такой же черноватой скрепляющей массы, как и в серпе. Она покрывала большую часть предмета. Следы изношенности в виде заполировки имеются на свободной части вкладыша по краям лезвия. Длина пластинки 4,5 см, ширина — 3,5—2,2 см. Толщина ее на одном конце достигает 0,9 см. Этим толстым концом вкладыш был вставлен в углубление обоймы. Вкладыш изготовлен из зеленоватой кремнистой породы, на нем сохранилась часть ударной площадки и хорошо заметен ударный бугорок. Наклонное положение вкладыша в пазе устанавливается как по характеру заполировки, так и по следам скрепляющей массы (рис. 2, 5).

Вкладыши с угловой заполировкой найдены, кроме того, на поселении Тойре-Тепе, расположенном в 3 км от Шому-Тепе. Несомненных вкладышей среди материалов Тойре-Тепе исследователь памятника Дж. Рустамов выделил восемь штук (шесть найдены при раскопках, а два — на поверхности). Назначение подъемных вкладышей было установлено лишь после обнаружения шому-тепинского серпа (рис. 2, 1—4).

Вкладыши из раскопок Тойре-Тепе также сохранили остатки закрепляющей смолистой массы, по которой легко устанавливается как размер той части вкладыша, которая наклонно входила в паз обоймы, так и размер его рабочей части с угловой заполировкой. Граница между этими частями вкладышей обозначается линией, идущей наискось от одного края вкладыша к другому.

Материалом для изготовления вкладышей серпов из Тойре-Тепе служили кремнистые породы синеватого и в одном случае светло-сероватого цвета. Они не имеют стандартной формы и представляют собой пластинчатые обломки обычно без следов обработки. Имеются также сегментовидные вкладыши, обработанные притупляющей ретушью по дуге. Следы заполировки на пластинках заметны на рабочей части, выступавшей из пазов. Края одной из пластинок обработаны ретушью.

Вкладыши с угловой заполировкой встречаются также в материале поселения Бабадериш (Акстафачай) (рис. 2, 7—11, 14). Здесь нами выявлено семь вкладышей. Вкладыши из поселения Бабадериш изготовлены из кремня красноватого, сероватого и светло-коричневого цвета. По форме они пластинчатые и сегментобразные. Последние по дуге обработаны притупляющей ретушью. Следы закрепляющей массы на них отсутствуют. Принадлежность их к серпам устанавливается по своеобразной заполировке, заметной на части лезвия.

Два кремневых вкладыша с угловой заполировкой выявлены в небольшом подъемном материале поселения Ганлы-Тойре. Оба они по форме ближе к сегменту и обработаны лишь по дуге так же, как и аналогичные находки из Тойре-Тепе и Бабадериш. Но и на них не сохранилось остатков закрепляющей массы (рис. 2, 12, 13).

⁹ С. Н. Биби́ков. Из истории каменных серпов на Юго-Востоке Европы. СА, 1962, 3, стр. 6.

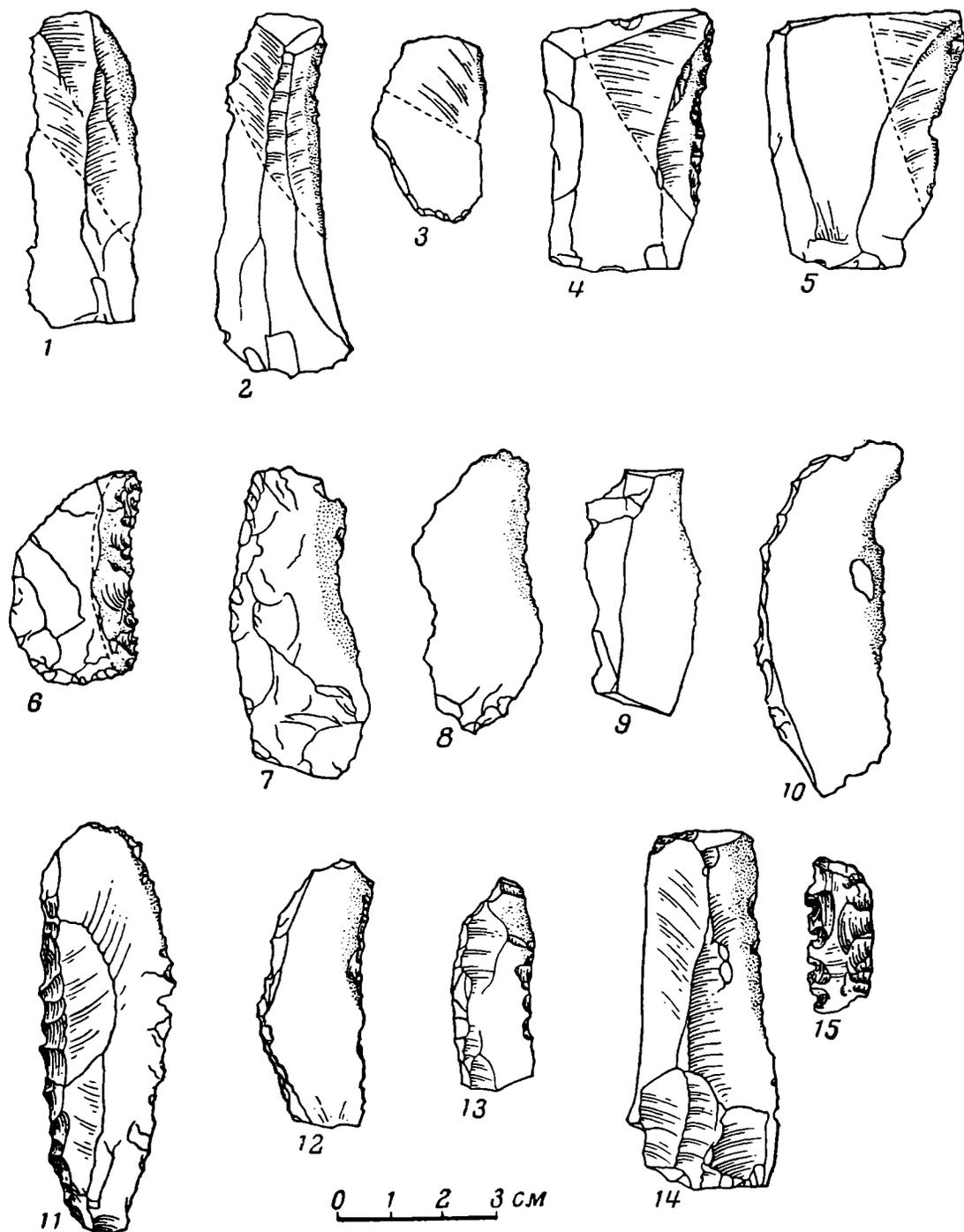

Рис. 2. Вкладыши серпов из древнейших поселений Азербайджана; 1—4, 15 — Тойре Тепе; 5, 6 — Шому-Тепе; 7—11, 14 — Бабадериш; 12, 13 — Ганлытойра; пунктир на рисунках 1—5 разграничивает рабочую часть вкладыша от остальной покрытой черной массой 1—4, 15 — Тойре-Тепе; 5, 6 — Шому-Тепе; 7—11, 14 — Бабадериш; 12, 13 — Ганлытойра; пунктир на рисунках 1—5 разграничивает рабочую часть вкладыша от остальной покрытой черной массой.

На основании описанных материалов нам кажется возможным утверждать, что на территории Азербайджана обнаружен новый, вероятно наиболее архаичный тип жатвенных серпов, не имеющих параллелей среди этого рода орудий труда, известных до настоящего времени на Кавказе и в странах Древнего Востока. Этот тип орудия выразительно представлен серпом из Шому-Тепе и вкладышами, выявленными на поселениях, расположенных на небольшой территории в пределах одного района. Не подлежит сомнению, что по мере явления новых синхронных памятников расширится ареал их распространения. Из-за отсутствия близких аналогий в данный момент их можно сопоставить только с ран-

нетрипольскими и им подобными пластинчато-зубчатыми наборными серпами Центральной и Юго-Восточной Европы¹⁰.

Следует отметить, что наши серпы имеют некоторые особенности. В них отсутствует строгое единообразие форм вкладышей. Последние изготовлены не только из пластинок, но и из обломков или отщепов с острой рабочей частью. Часть вкладышей по очертаниям ближе к сегменту, а по форме и обработке дугообразной спинки обнаруживает сходство с вкладышами серпов из Скуносова на Сейме, относящихся к более раннему времени, чем эпоха бронзы¹¹.

Судя по шому-тепинской находке, вкладышами серпов служили и пластинки из обсидиана, которым не свойственна заметная полировка при работе с гибким материалом. Поэтому в отдельности определить их функциональное назначение как вкладышей серпов не представляется возможным. Возможность использования обсидиановых пластинок в качестве вкладышей составных серпов отмечена О. А. Абибуллаевым по материалам нижнего слоя Кюль-Тепе (около Нахичевани на Араксе) по тем соображениям, что в Кюль-Тепе кремня почти нет, но обильно представлены обсидиановые пластинки¹².

Серпы Азербайджана, Юго-Восточной и Центральной Европы обнаруживают близкое сходство между собой по системе крепления вкладышей, на которых во время работы образовалась угловая заполировка. Такие вкладыши найдены в большом количестве в Европе. Придавая им особое значение в истории развития каменных серпов, С. Н. Бибииков считает, что изготовление и применение их — локальное явление, связанное с ранней порой внедрения земледелия, и достаточно устойчивый признак для синхронизации комплексов разной культурно-исторической принадлежности.

Находки вкладышей с угловой заполировкой на территории Азербайджана значительно расширили ареал их распространения, ибо и наши находки, очевидно, относятся к тому же этапу развития оседло-земледельческого общества, к которому относятся и раннетрипольские.

Нам кажется, к вкладышам с краевой заполировкой следует отнести кремневое орудие из нижних слоев Анау, которое С. А. Семенов называет безрукояточным жатвенным ножом. По сообщению С. А. Семенова заполировка края у этого орудия занимает почти всю длину лезвия, при этом на верхнем конце она имеет более широкую полосу¹³. Именно этим особым признаком характеризуются вкладыши серпов раннетрипольского и шому-тепинского типов. То, что орудия со спинкой толщиной 1,3 см могут быть установлены в паз обоймы, не вызывает сомнений. Это подтверждают материалы из Азербайджана. Вкладышей толщиной 0,9—1 см здесь обнаружено несколько. Один из вкладышей имеет такую же толщину спинки, как и орудие из Анау, и свободно мог быть вставлен в паз серпов типа Шому-Тепе. Обращая внимание на орудие из ранних слоев Анау, мы хотели лишь отметить возможность применения там пластинчато-зубчатых наборных серпов.

Важно отметить, что на двух поселениях Азербайджана помимо вкладышей с угловой полировкой были найдены кремневые вкладыши с краевой полировкой. Один из них найден в Шому-Тепе. Он имеет сегментообразные очертания; обе поверхности обработаны среднефасеточной ретушью. Рабочий край дополнительно отретуширован, что придало лезвию зазубренный вид. Следы равномерной заполировки сохранились вдоль всего края с обеих сторон, что обуславливалось способом закрепления вкладыша в оправе вдоль паза. Подобное положение вкладыша

¹⁰ С. Н. Бибииков. Ук. соч., стр. 3—6, 19—20.

¹¹ С. Н. Бибииков. Ук. соч., стр. 16.

¹² О. А. Абибуллаев. Ук. соч., стр. 37, 109.

¹³ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, 54, 1957, стр. 148, рис. 57, 1.

довольно четко определяется и остатками черной скрепляющей массы, охватывающей бóльшую часть предмета. Граница между этой массой и заполированной полосой проходит по горизонтали несколько ниже лезвия (рис. 2, б).

Три кремневых вкладыша с краевой полировкой найдены на поселении Тойре-Тепе (два подъемных, а третий из культурного слоя) (рис. 2, 15). Их размеры несколько меньше, и они имеют зубчатый рабочий край. Аналогичные вкладыши широко распространены в эпоху бронзы в Закавказье, но для более раннего времени зафиксированы впервые.

Таким образом устанавливается, что на раннем этапе истории земледелия в Азербайджане применялись серпы двух типов. Обнаружение вкладышей серпов двух типов в слоях одного времени, очевидно, отражает переходный этап от серпов с наклонными вкладышами к серпам, имеющим горизонтально установленные вкладыши; последние существовали до широкого освоения железа, в то время как первый тип серпов вышел из употребления.

Указанные выше жатвенные орудия относятся к памятникам одной культуры, которая характеризуется круглыми жилами и хозяйственными помещениями, сооруженными из сырцового кирпича; керамика довольно примитивная, обжиг сероватый или красноватый, сосуды плоскодонные. По форме они бочковидные, ручки отсутствуют, орнамент очень редок, в составе глины имеется примесь соломы или дресвы; каменные орудия представлены плоскими тесловидными шлифованными топорами, зернотерками, терочниками, пестиками; разнообразны костяные изделия, среди которых выделяются мотыги, шилья, проколки и ложки.

Комплекс, с которым связаны вкладыши серпов из поселения Бабадервиш, относится к нижнему культурному слою, подстилающему слой так называемой «куро-араксинской энеолитической культуры» с выразительной посудой, на которой представлены почти все мотивы и технические приемы ее изготовления, присущие этой культуре. Редкий орнаментальный мотив в виде рельефного изображения якоря, имеющийся и в Амиранис Гора и во втором слое Кюль-Тепе около Нахичевани, по видимому, сближает эти памятники по времени. Амиранис Гора датируется первой половиной III тысячелетия до н. э.¹⁴ Результат радиоуглеродного анализа образца из средней толщи второго слоя Кюль-Тепе дал возраст 4880 ± 90 лет¹⁵. Мы склонны отнести куро-араксинский слой на поселении Бабадервиш ко времени не позже середины III тысячелетия до н. э., а подстилающий культурный слой (аналогичный слоям Шому-Тепе, Тойре-Тепе и Ганлы-Тойре) к IV тысячелетию до н. э. Они относятся к новой культуре, которая предшествует куро-араксинской культуре и не связана с ней, как и памятники культуры Кюль-Тепе¹⁶.

¹⁴ Т. Чубинишвили. Ук. соч., стр. 102.

¹⁵ В. В. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C^{14}), СА, 1961, 2, стр. 11.

¹⁶ А. А. Иессен. Кавказ и Древний Восток в IV и III тысячелетиях до нашей эры. КСИА, 93, стр. 3—13.

СТОЯНКИ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА НА УСЕ И СРЕДНЕЙ ПЕЧОРЕ

В Печорском бассейне и Большеземельской тундре известно большое количество памятников древней культуры. Однако на р. Усе — самом большом притоке Печоры — археологических находок до сего времени не было сделано, в то время как на ее притоках Колве, Адзьве и Б. Роговой известно более сотни стоянок. Берега Усы совершенно не изучены в археологическом отношении.

Первые археологические находки в нижнем течении р. Усы, в месте прорыва гряды Чернышева, нам удалось сделать в 1956 г. Они представляют собой материал с двух стоянок — Адакской и Адзьвинской (рис. 1). В 180 км от устья Усы прорезает с востока на запад гряда Чернышева, сложенная из сильно дислоцированных силурийских и девонских известняков и доломитов. Долина реки в этих местах — узкая и только к левому высокому коренному берегу примыкают небольшие полосы низких террас.

Адакская стоянка обнаружена на четвертой 20-метровой террасе, примыкающей к правому коренному берегу. На этой террасе находится дер. Адак. В верхнем конце деревни на дороге, среди песков с галькой, было найдено несколько мелких кремневых отщепов. В 200 м выше по реке от деревни на чистых песчаных выдувах кроме отщепов собраны кремневые ножевидные пластинки. В этих двух пунктах собрано около двухсот преимущественно мелких и очень мелких (0,5 см) кремневых отщепов и 20 кварцитовых. Мелкие кремневые пластинки (их оказалось 45 штук) имели две и три фасетки (рис. 2, 1—3). Две пластинки с одной стороны обработаны мелкой ретушью; одна из них была резцом, другая — скобелем (рис. 2, 3). Все орудия и отщепы сделаны из желто-серого кремня, но встречается черный, розовый и коричнево-розовый, причем последний лучшего качества.

Адзьвинская стоянка находится у дер. Адзьва, на правом берегу р. Усы, в 3 км от устья Адзьвы. Деревня находится на второй 8—10-метровой террасе. В километре к северу от деревни на той же террасе есть сильно заболоченная, покрытая торфяными буграми старица. За этим болотом вторая терраса имеет несколько большую высоту и вверху сло-

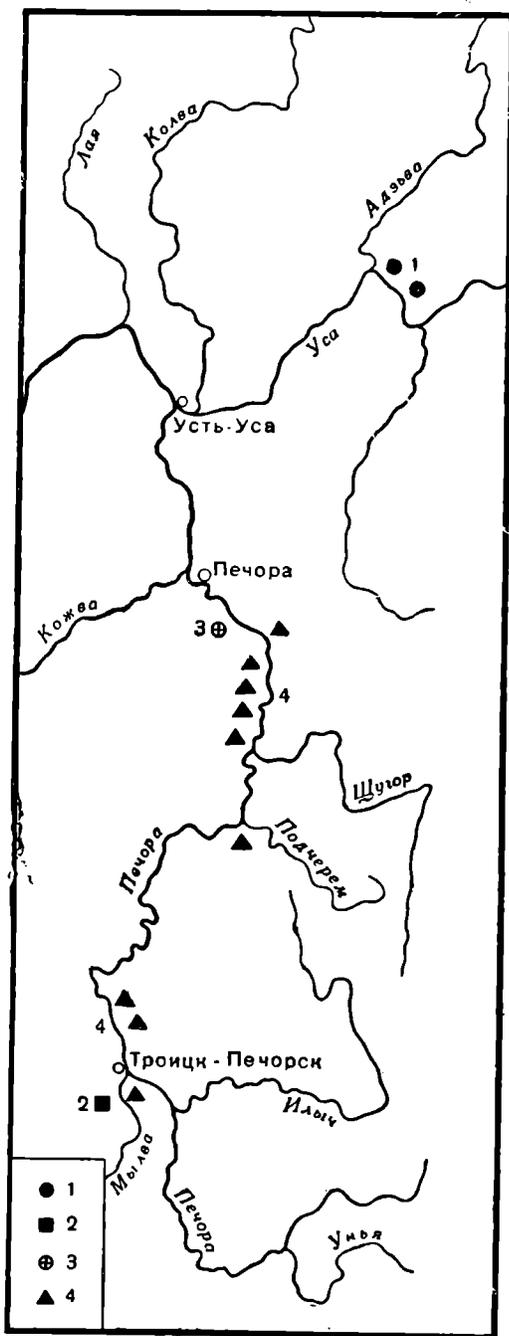

Рис. 1. Карта печорского бассейна.

1 — Адакская и Адзьвинская стоянки; 2 — Усть-Сойвинская стоянка; 3 — Даниловская стоянка; 4 — Стоянки Средней Печоры, описанные ранее

р. Усы, в 3 км от устья Адзьвы. Деревня находится на второй 8—10-метровой террасе. В километре к северу от деревни на той же террасе есть сильно заболоченная, покрытая торфяными буграми старица. За этим болотом вторая терраса имеет несколько большую высоту и вверху сло-

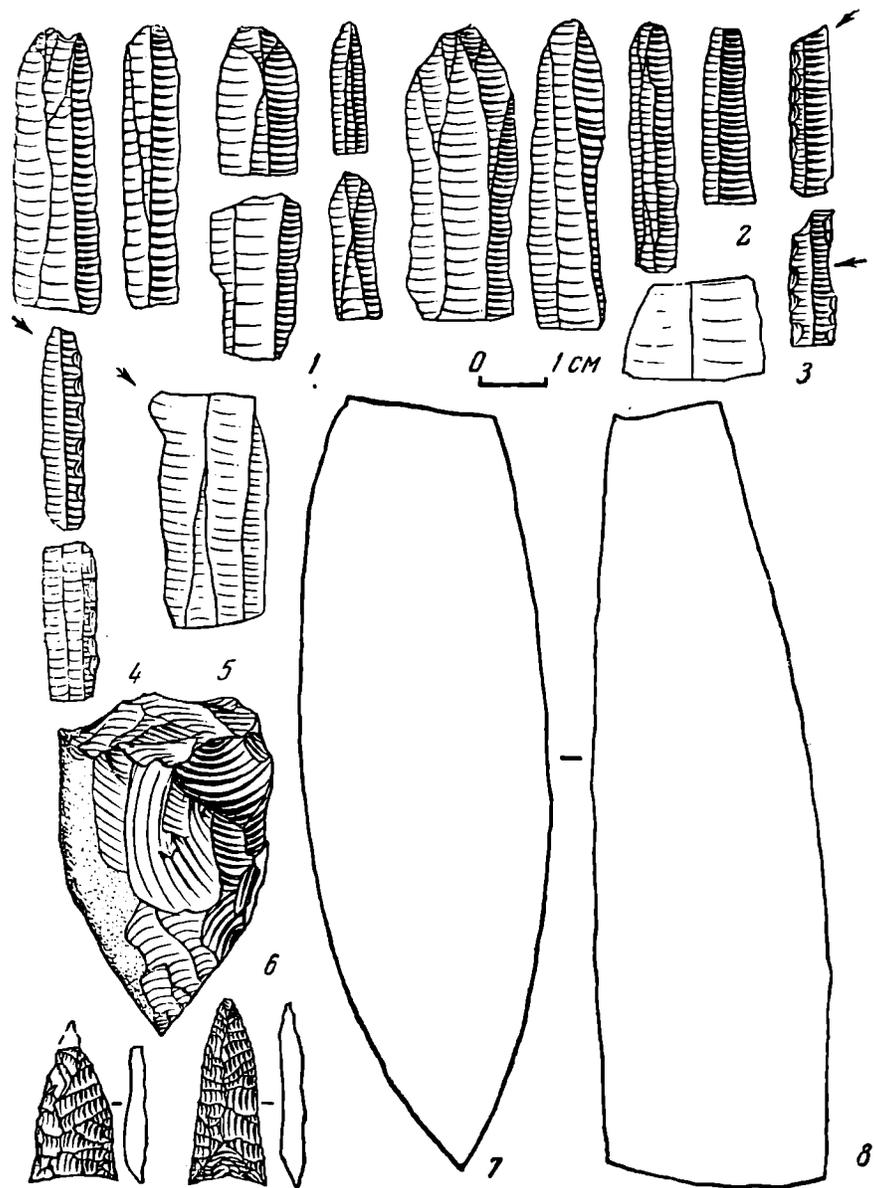

Рис. 2

1—2 — ножевидные пластинки; 3—5 — ножевидные пластинки, обработанные мелкой ретушью; 6 — нуклеус; 7 — кремневые наконечники стрел; 8 — каменный топор (Усть-Сойвинская стоянка); 1, 3 — Адакская стоянка; 2, 4, 7 — Адзвинская стоянка

жена из желтых песков, которые подвергаются усиленному развеванию, в результате чего образовались дюны значительных размеров. Большинство дюн задерновано, но в котловинах выдувания обнажены пески, на поверхности которых и были собраны кремневые орудия и отщепы. Полоса эоловых песков шириною до 200 м протягивается с востока на запад более чем на 1 км. К северу от нее расположено длинное озеро — старица.

В выдувах собрано около 150 кремневых отщепов, 75 ножевидных пластинок и один нуклеус (рис. 2, 2, 6). Ножевидные пластинки почти все узкие и длинные. Две пластинки с одной стороны затуплены мелкой ретушью, другой их край — острый. Острые края несколько затупились уже в процессе работы (рис. 2, 4). Обе пластинки служили резцами. Резцом служила и еще одна широкая пластинка. На ровной оборотной стороне ее от длительной работы сохранился гладкий отшлифованный участок (рис. 2, 5). В одном из выдувов обнаружены два маленьких кремневых наконечника стрелы. Один из них целый с небольшой выемкой у основания, другой — с отломанным острием (рис. 2, 7).

Этот небольшой материал подтверждает высказанное нами ранее предположение, что подобные стоянки в Печорском бассейне и Большеземельской тундре будут, по-видимому, самыми древними¹. В большинстве случаев на этих стоянках отсутствовали черепки глиняной посуды, и это, по-видимому, не случайное явление.

Кроме находок на р. Усе, нами были сделаны сборы кремневых орудий на р. Мылве, в километре от устья р. Сойвы. На этой стоянке гидрогеолог А. С. Лавров в 1957 г. нашел каменный топор. Подобное орудие является третьим по счету в Печорском бассейне. Первый топор был обнаружен близ г. Нарьян-Мара, второй — на р. Пижме².

Рис. 3. Кремневый наконечник стрелы из Даниловки

Река Малва делает здесь крутой поворот на север и подмывает 18-метровый левый берег. Примерно в 200 м от поворота, вблизи бровки террасы, которая круто спускается к старому заболоченному руслу, на первой надпойменной террасе были найдены кремневые ножевидные пластинки. Теперь здесь началась вырубка леса и культурный слой и шурф, в котором был найден топор, разрушены. Каменный топорик имеет четырехугольное сечение и сделан из серой крепкой кварцевой породы. Он хорошо отшлифован с трех сторон (четвертая — гладкая шероховатая природная сторона), имеет симметричную форму длиной в 11,5 см и толщиной 3,5 см (рис. 2, 8)³. Стоянки с одними ножевидными пластинками были обнаружены нами и на правом берегу р. Мылвы, у ее устья за дер. Заречье еще в 1955 г.⁴

К более позднему времени следует отнести находку А. Е. Денисова — жителя дер. Даниловка, которой нашел в 1957 г. на берегу Печоры выше устья Усы кремневый наконечник стрелы с пильчатыми краями (рис. 3). Наконечник найден на бровке 20-метровой террасы, в 5 км от деревни вверх по реке, причем место находки удалено от берега на километр. Наконечник находился под слоем мха, который снимался при проведении посева леса.

Местонахождение целого наконечника вдалеке от реки скорее всего указывает на то, что он был утерян древним человеком во время охоты. Не исключено, что близ деревни Даниловки и на берегу Печоры, может быть, была стоянка древнего человека.

Последнее предположение в какой-то мере подтверждается заселением древним человеком берегов р. Средней Печоры, на которой нами уже было обнаружено девять стоянок⁵. Такого же типа наконечники стрел известны на стоянках Беломорья и в Большеземельской тундре.

В заключение следует отметить, что верхнее и среднее течение Печоры до устья Усы включительно в археологическом отношении остаются все еще необследованными районами.

¹ Г. А. Чернов. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры. Тр. КИЧП, VII, вып. 1, 1948.

² Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека в северной части тундры. КСИИМК, XXXVI, 1951; Л. П. Лашук. Новые археологические находки на Вычегде и Печоре. Изв. Коми филиала ВГО, 4, 1957.

³ Каменный топор находится у А. С. Лаврова.

⁴ Г. А. Чернов. Новые стоянки древнего человека на Средней Печоре. СА, 1959, 2.

⁵ Г. А. Чернов. Ук. соч.; его же. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры; его же. Новые археологические находки в Большеземельской тундре. КСИИМК, 54, 1954; его же. Стоянки древнего человека в северной части Большеземельской тундры.

ДРЕВНЕЯМНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С АНТРОПОМОРФНОЙ
СТЕЛЫ

При осмотре берегов Каховского моря автор обнаружил бескурган-
ный древнеямный могильник у с. Балки Васильевского района Запорож-
ской области. Могильник расположен к западу от села на склоне высо-
кой террасы, постепенно переходящей в Каменско-Днепровскую низмен-

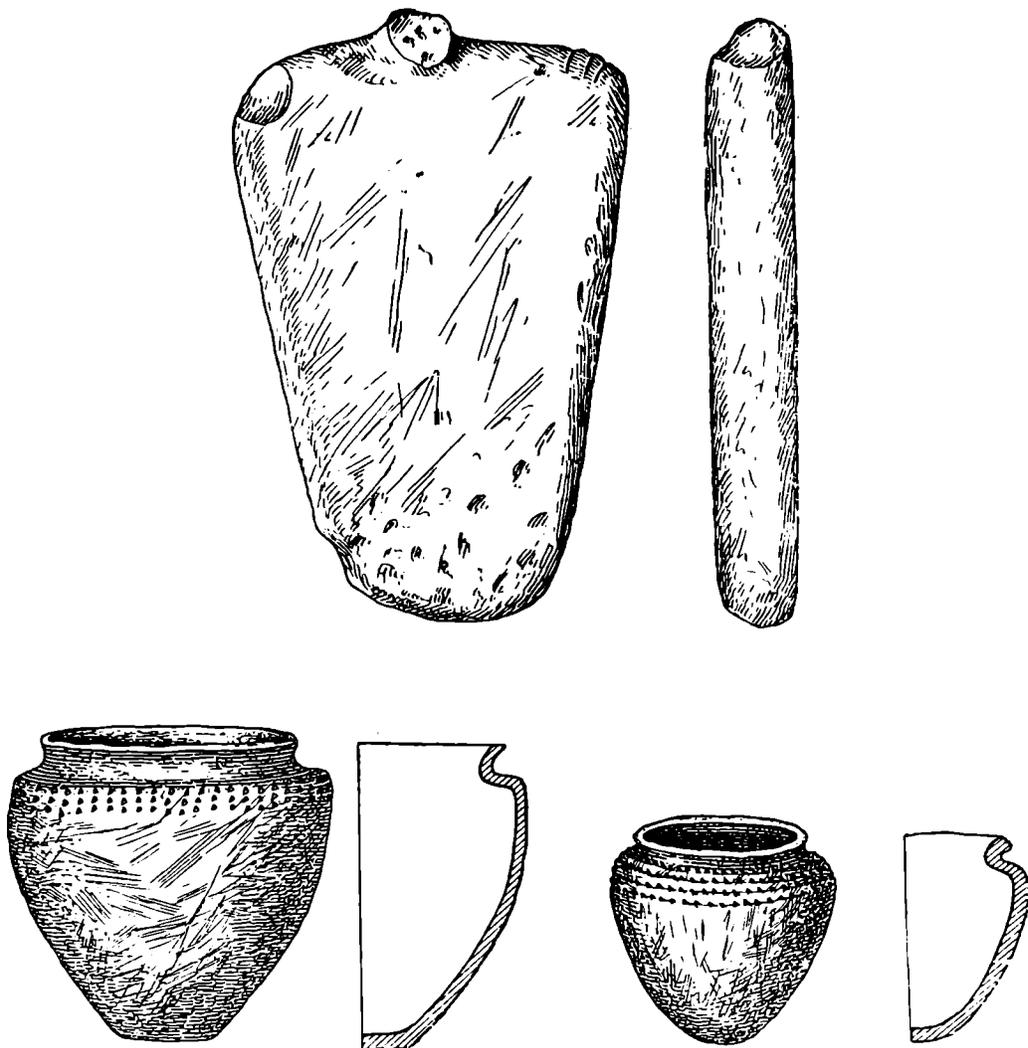

Рис. 1. Вещи из древнеямного погребения

1 — стела; 2, 3 — сосуды

ность. Каховское море, подмывая склон террасы, образовало обрыв вы-
сотой до 12 м. В обрыве берега автор нашел три частично разрушенных
древнеямных погребения; они находились на расстоянии 20—35 м один
от другого. Никаких следов насыпей над погребениями не имеется.

Как видно по костям, некоторые из погребений ориентированы голо-
вой на восток и лежат на спине с подогнутыми в коленях ногами. У обры-
ва берега возле одного из погребений найден сосуд типичной древнеям-
ной формы, но с маленьким плоским донышком. Плечики сосуда опоя-
саны наколами зубчатого штампа. Этим штампом заглажена также и
поверхность сосуда (рис. 1, 2). Глиняное тесто сосуда однообразное,
черное, эластичное, с мелким песком и крупинками серого шамота.
Обжиг пятнистый, черный с желто-коричневым. Высота сосуда 17 см,
окружность 18 см.

Наиболее интересным оказалось погребение со стелой. Стела лежала, по-видимому, не смещенной в основании подпочвы на глубине 1 м от современной поверхности и покрывала яму погребения, опущенную в поверхность лесса на глубину 0,50 м. Яма была заполнена плотной лессовидной землей. Стела лежала горизонтально, изображением книзу и была направлена головным выступом к западу. Под ней обнаружены остатки детского (10—12 лет) погребения, лежавшего головой к востоку на спине с подогнутыми в коленях ногами. С правой стороны черепа найден раздавленный сосуд древнеямного типа, имеющий яйцевидную форму с коротким ровно срезанным венчиком, отогнутым наружу, и крутыми плечиками, орнаментированными четырьмя рядами горизонтальных отрисков витого шнура (рис. 1, 3). Глиняное тесто тождественно тесту упомянутого выше сосуда. Поверхность также была обработана зубчатыми расчетами, после чего слабо сглажена. Обжиг пятнистый. Этот сосудик, как и первый, на поверхности имеет следы нагара пищи. Высота сосуда 10,2 см, толщина стенок 0,8 см.

Рис. 2. Стела из древнеямного погребения

Антропоморфная стела (рис. 2) изготовлена из плиты желтоватого мелкозернистого плотного известняка, выходы которого в изобилии имеются в 15 км к северо-востоку от места погребения. Поверхности плиты хорошо обработаны точечной техникой, особенно плечи и короткий головной выступ, на котором выдолблены черточка носа, точки глаз и треугольное углубление рта (рис. 1, 1). На правом плече имеется чашевидное углубление, а на левом — три поперечных нареза, возможно, означающие скрепление одежды. Длина стелы 1,60 м, ширина 0,90 м, толщина 0,26 м. Вес до двух центнеров.

Находка новой стелы на древнеямном бескурганном могильнике свидетельствует о принадлежности подобных стел к одной культурной эпохе. В данном случае речь может идти о древнеямной культуре.

М. Ф. КОСАРЕВ

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОМОРФНЫХ И СОЛЯРНЫХ РИСУНКАХ НА САМУСЬСКОЙ КЕРАМИКЕ

В 1957—1958 гг. В. И. Матющенко исследовал Самусьское поселение в низовьях р. Томи, приблизительно в 35 км ниже г. Томска. Памятник относится к бронзовому веку. Раскопки дали богатый материал: разнообразные каменные орудия¹, уникальные скульптуры медведя и человека (фрагменты)², литейные формы кельтов и копий турбинско-сейминского типа³, большое количество керамики.

¹ В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. СА, 1959, 4, рис. 2, 3 и 4.

² В. И. Матющенко. Новые находки из низовьев реки Томи. КСИА АН СССР, 84, 1961, рис. 47, 5, 6.

³ В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом литье в низовьях реки Томи. КСИА АН СССР, 84, рис. 48, 1—4, 8.

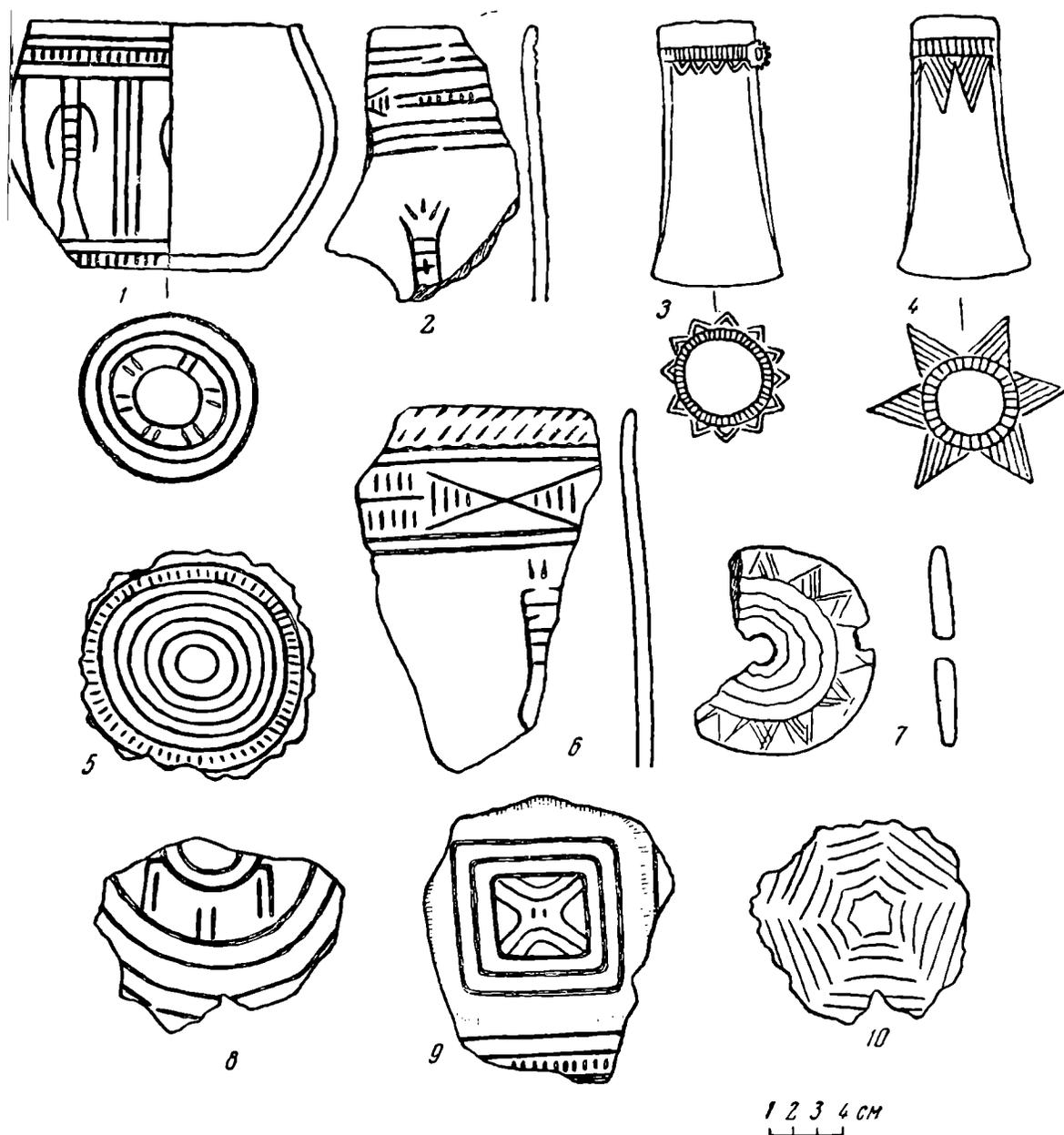

Рис. 1. Керамика и орудия самусьского времени.

1, 2, 5, 6, 8—10 — керамика Самусьского поселения; 3 — кельт, отливавшийся в иртышской литейной форме (графическая реставрация); 4 — кельт из Омского клада; 7 — каменное пряслице (Самусьское поселение)

В Самусьской керамической коллекции выделяется очень своеобразная группа посуды, отличающаяся от остальной керамики поселения большей тщательностью выделки, спецификой орнамента и формы. Это — баночные сосуды, нередко с четырехугольными и шестиугольными доньями, украшенными сложными геометрическими фигурами и солярными изображениями. В верхней и придонной части обычны орнаментальные городчатые пояса, сделанные желобками (рис. 1, 1, 2, 6). На тулове располагается ряд антропоморфных (реже зооморфных) изображений, отделенных друг от друга вертикальными линиями. Следует отметить явную канонизацию антропоморфных фигур. Они всегда изображались в фас, руки дугообразно выгнуты и обычно опираются на нижнюю часть туловища, ноги слегка согнуты в коленях. На туловище наносилась поперечная штриховка, напоминающая лесенку или ребра скелета (рис. 1, 1, 2, 6). Вместо головы в большинстве случаев изображалось от двух до семи лучеобразно или вертикально расположенных линий. В. И. Матюшенко считает последние схематическим изображе-

нием человеческих голов, ссылаясь при этом на наличие трехголовых бронзовых птиц в кулайских комплексах⁴.

Такая аналогия вряд ли правомерна. Прежде всего, здесь мы имеем дело с антропоморфными рисунками, а там — с изображениями птиц; здесь рисунки на керамике, там — бронзовое литье; здесь вторая треть II тысячелетия до н. э., там — рубеж нашей эры. Трудно предположить также, что после того, как во II тысячелетии до н. э. головы антропоморфных изображений достигли, по мнению В. И. Матющенко, предельной схематизации и превратились в «палочки», в железном веке (через тысячу лет) происходит дешифровка «палочек» и превращение их в головы. Дело, по-видимому, не в этом. Жители Самусьского поселения умели изображать головы и графически и скульптурно. Кроме того, имеются изображения, где «палочки» наносились на голове.

Нам бы хотелось обратить внимание на городчатый, нередко лучеобразный характер расположения этих «палочек». Точно так же и тоже по принципу городков выполнялись лучи на всех солярных изображениях, известных на доньях самусьской посуды (рис. 1, 1, 5, 8). Учитывая возможные возражения против солярного толкования рисунков на дне самусьских сосудов, остановимся на этом подробнее.

Исследователь, поставленный перед необходимостью объяснить значение орнаментального узора на самусьской посуде, имеет формальное право считать, что рисунки на дне наносились с чисто декоративной целью, и их круглая («солярная») форма объясняется тем, что древний художник при нанесении орнамента вынужден был слепо следовать округлости дна. Однако на рассматриваемой посуде не форма дна определяла облик изображения, а скорее наоборот — круглые днища делались тогда, когда они предназначались для нанесения солярного рисунка. Во всех других случаях днища могли быть четырехугольными и даже шестиугольными (рис. 1, 9, 10).

Нам кажется, что частая повторяемость того или иного орнаментального узора должна предполагать его определенное смысловое значение. Главная трудность заключается в умении «прочитать» рисунок, что усложняется его стилизацией. Для рассматриваемых изображений на дне такая трудность не возникает. Они обладают основными солярыными атрибутами — округлостью и наличием лучей. Кроме того, мы находим довольно близкие аналогии им в наскальных изображениях Урала, где похожие рисунки встречаются в композициях и их солярное значение не вызывает сомнений. Весьма близкие соответствия есть и в этнографическом материале — изображения солярного вида имеются у манси на крышках берестяных коробок и называются «хотал» (солнце)⁵.

По-видимому, городчатые пояса ниже устья и в придонной части рассматриваемых сосудов также имеют солярный смысл. Они почти всегда сочетаются с рисунками солнца на днищах и часто близки им по технике и стилю выполнения — и в том, и в другом случаях городки-лучи наносились вдавливаниями лопаточки и располагались между двумя окружностями (рис. 1, 1, 5); кажущееся несходство городчатого пояса с солярным изображением на дне объясняется нашей привычкой видеть рисунок так, как он смотрится в вертикальной плоскости. Именно поэтому, рассматривая городчатый пояс, мы видим горизонтальную лесенку, но не видим круга (рис. 1, 1, 3, 4). По-видимому, ассоциации, связанные с солнечным кругом, могли вызывать не только донья, пряс-

⁴ В. И. Матющенко. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV. СА, 1961, 4, стр. 269, рис. 1, 2, 4.

⁵ Наскальные рисунки Урала и аналогии им в угорских орнаментах на бересте подробно рассматриваются В. Н. Чернецовым в подготовленной к печати работе «Наскальные изображения Урала» (свод археологических источников).

лица и другие предметы, имеющие круглую плоскую поверхность. Древний художник, изображая солнце, мог следовать округлости устья и придонной части сосудов. В этой связи интересно отметить, что городчатый пояс на некоторых кельтах самусьского (сейминского) времени сочетается с боковым ушком, имеющим лучеобразно отходящие рубчики (рис. 1, 3). Если развернуть орнамент на кельтах сейминского типа в горизонтальной плоскости, мы получим узор, близко напоминающий солярные изображения на некоторых днищах и пряслицах Самусьского поселения (рис. 1, 3, 4, 5, 7). Очень интересный опыт такого развертывания орнамента был проведен О. Н. Бадером на керамике Балановского могильника⁶. В результате ему удалось показать идентичность солярных изображений на дне с геометрическим узором на плечиках.

Могут задать вопрос — правомерно ли развертывать орнамент на стенках сосуда (или кельта) в горизонтальной плоскости? Думается, что в конкретных условиях комплекса, места и времени, при учете ряда других обстоятельств, связанных, в частности, с необходимостью семантического толкования орнаментального рисунка, такая развертка не только правомерна, но и необходима.

Все сказанное выше проливает некоторый свет на вопрос о смысловом значении самусьских антропоморфных изображений. Учитывая явную «солнцеликость» некоторых из них (рис. 1, 2), сочетание их с рисунками солнца на днищах и городчатыми поясами (которым также есть основания придавать солярный смысл), можно предполагать, что эти рисунки изображают солнечное божество. Для какой конкретной надобности изготовлялись эти сосуды, судить трудно. Можно лишь с известной долей уверенности предполагать, что они имели какое-то отношение к ритуальному процессу, связанному с производством бронзовых орудий. В пользу такого предположения говорит значительное соответствие орнамента на рассмотренной керамике орнаментации на самусьских литейных формах кельтов (городчатый пояс, геометрические фигуры, желобчатая техника нанесения узора и др.). Интересно отметить, что на Кижировском городище (низовья Томи, эпоха раннего железа) фрагмент сосуда с антропоморфными изображениями был найден также в комплексе с литейными формами⁷.

⁶ О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963, рис. 125, 126, 128, 138.

⁷ В. И. Матющенко. Альбом вещей и керамики, добытых экспедицией Музея истории материальной культуры при Томском государственном университете имени В. В. Куйбышева летом 1962 г. Приложение 2 к отчету за 1962 г., табл. 31, 1, Архив ИА АН СССР.

Я. И. СУНЧУГАШЕВ, Е. П. ЗАХАРОВ

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОИСКОВЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКЕ

Летом 1962 г. нами проведены опыты применения геологических поисковых методов в изучении памятников древнего горного дела и металлургии на базе горных выработок и отвалов медных шлаков, расположенных в районе Хову-Аксы Тувинской АССР. Здесь обнаружено свыше трехсот древних горных выработок по добыче меди, которые имеют вид впадин (продолговатых карьеров), ям, штолен и вертикальных воронкообразных выработок типа шахты. В отвалах древних карьеров найдено много каменных, костяных и деревянных орудий горного дела¹. Ниже

¹ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. ВМГУ, ист.-фил. сер., 1958, 4, стр. 74—75; Я. И. Сунчугашев. Древние горные выработки в Хову-Аксы. Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ, IX, 1961.

приводим наши наблюдения о проведенных металлометрических съемках мест древних горных выработок и скоплений шлаков, расположенных в области средневысоких гор.

Как известно, металлометрическая съемка основывается на наличии в поверхностном слое почвы рассеянного металла, образующегося при разрушении коренных месторождений, и позволяет установить границы оруднения. Наши опыты доказали, что металлометрическая съемка может также определить площадь рассеяния древних

медных шлаков, содержащих в небольших количествах медь, кобальт, никель и другие элементы.

Пробы почвы для спектрального анализа брались

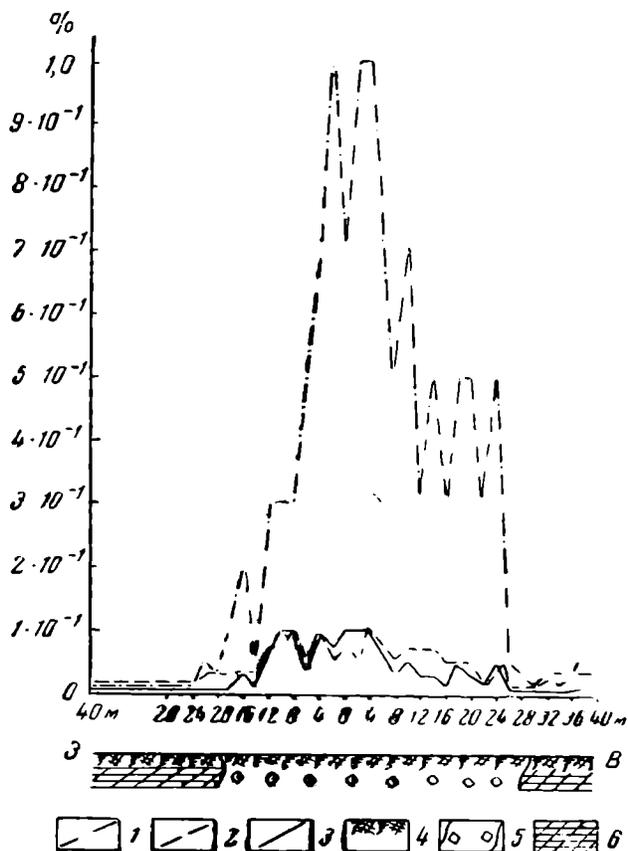

Рис. 1. Гистограмма и разрез карьера № 15 на среднем участке в Хову-Аксы

1 — медь, 2 — никель; 3 — кобальт; 4 — дерн; 5 — порода в карьере; 6 — гранатовые и полиминеральные скарны нижнего силура

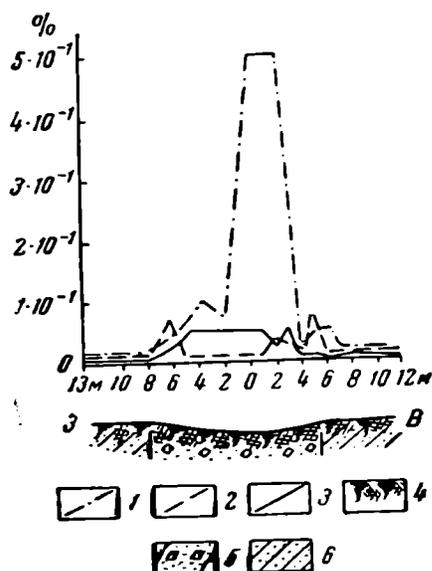

Рис. 2. Гистограмма и разрез древнего карьера на Северном участке в Хову-Аксы

1 — медь; 2 — никель; 3 — кобальт; 4 — дерн; 5 — порода в карьере; 6 — песчаники нижнего силура

на глубине 10—20 см весом 50—100 г из-под дерна через 1 или 2 м по прямой линии с запада на восток. Направление линии взятия проб зависит от очертания памятника и поставленной исследователем задачи. Пробы анализировались на медь, висмут, серебро, титан, мышьяк, кобальт, никель и другие элементы².

На рис. 1 показаны результаты спектрального анализа, которые точно зафиксировали контуры древнего карьера № 15, расположенного на северном участке в Хову-Аксы. Аналогичное опробование произведено также на древнем карьере, расположенном на северном участке Хову-Аксы (рис. 2).

Из графиков (рис. 1 и 2) видно, что границы рассеяния солей меди, никеля и кобальта хорошо оконтуривают древние карьеры и не распространяются за их пределы. Кроме того, для контроля предыдущих опытов анализировались почвенные пробы, взятые над разграбленным во-

² Спектральные анализы проведены в лаборатории Тувинской комплексной экспедиции Красноярского геологического управления.

ронкообразным курганом VII—III вв. до н. э. (северная окраина пос. Хову-Аксы), которые не дали никаких признаков присутствия меди и других элементов.

Металлометрические съемки над древними отвалами медных шлаков произведены в бассейне р. Он-Кожжаа, находящейся в 20 км к северо-востоку от пос. Хову-Аксы. Здесь обнаружено восемь отвалов медных шлаков, которые расположены на правой возвышенной террасе р. Он-Кожжаа³.

Внешне отвалы не заметны и отличаются от окружающей местности только бедностью растительного покрова. Обычно на них растет редкая невысокая полынь.

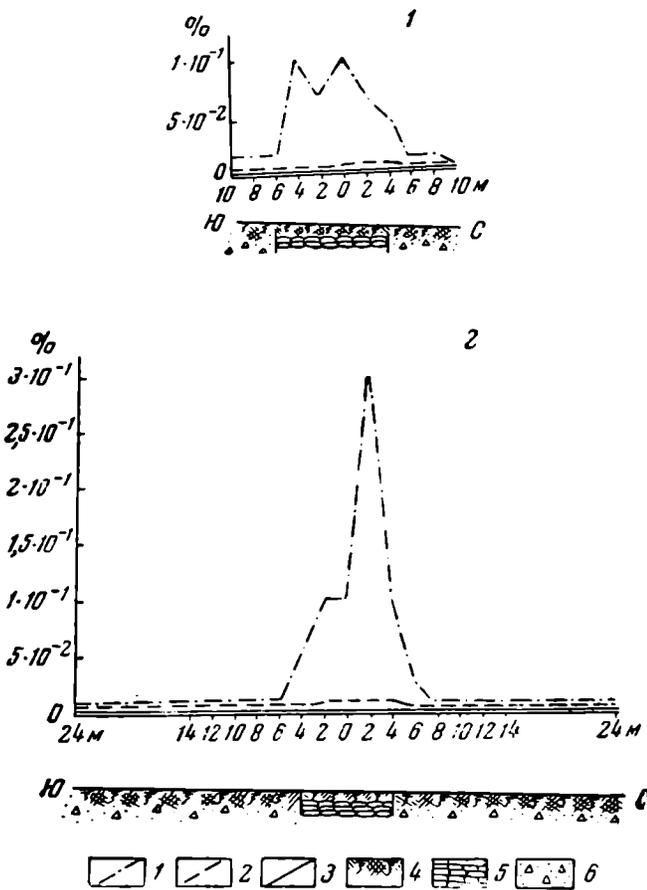

Рис. 3. Гистограмма и разрезы отвалов медных шлаков в Он-Кожжаа

а — отвал № 3, б — отвал № 4. 1 — медь; 2 — никель; 3 — кобальт; 4 — дерн; 5 — шлаки; 6 — делювий

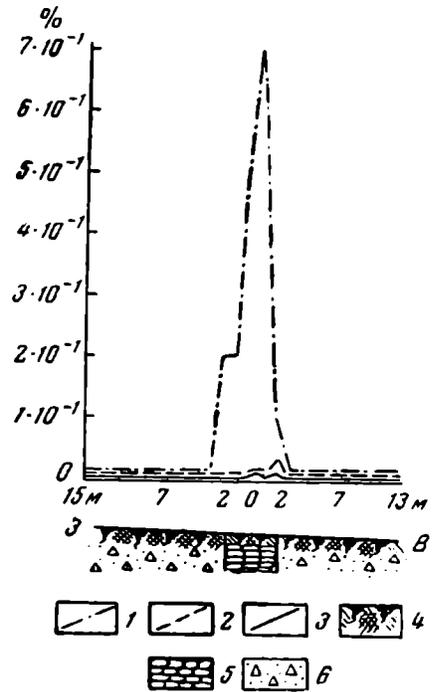

Рис. 4. Гистограмма и разрез отвала древних медных шлаков на Западном участке в Хову-Аксы

1 — медь; 2 — никель; 3 — кобальт; 4 — дерн; 5 — делювий порфиристов

Для выявления границ отвалов шлаков мы произвели металлометрические опробования и сделали спектральные анализы на медь, никель, кобальт и другие элементы. Пробы для спектрального анализа брались, так же как и на древних медных выработках, из-под дерна над отвалами через 2 м по прямой линии с севера на юг. На рис. 3 показано изменение содержания солей меди, кобальта и никеля в почвах над отвалами древних шлаков.

Аналогичные опробования были сделаны также над отвалом шлаков № 1 на западном участке Хову-Аксы (рис. 4). И в данном случае показатели спектрального анализа оказались аналогичными тем, которые получены для Он-Кожжаа. На этом же отвале мы сделали магнитную разведку, которая не дала положительных результатов, так как магнитность порфиристов сильно варьирует. Здесь следует отметить, что наилучшим индикатором древних отвалов медных шлаков является медь, тогда как показатели кобальта и никеля сводятся почти на нет.

³ Древний отвал № 4 раскопал в 1962 г. Л. Р. Кызласов.

Кроме того, в поисках древних горных выработок и древних шлаков нами пройдены геологоразведочные маршруты. В целом выяснилось, что большинство памятников древнего горного дела лучше сохранилось на южных склонах гор, которые обычно безлесны и нередко скалисты. Об этом свидетельствует древняя штольня, называемая местными жителями «лазом», расположенная в 3 км к северу от пос. Хову-Аксы⁴. Другие типы древних горных выработок (ямы, карьеры и вертикальные воронкообразные углубления типа шахт) обычно покрыты пышной растительностью и тянутся цепочкой по залеганию рудных тел. Древние выработки, расположенные на северных склонах, сильно задернованы и плохо заметны. Именно на северных склонах необходимо производить металлотрическую съемку, которая уточнит границы карьеров.

В качестве поисковых признаков древних выработок могут быть использованы также такие признаки, как развитие на выходах в зоне окисления малахита, эритрина, мышьяково-железистых охр и других минералов. Вероятно, именно по этим признакам находили месторождения древние рудокопы эпохи бронзы⁵. Говоря о древнем способе поисков месторождений, следует заметить, что неестественный красный, синий, желтый и зеленые цвета свидетельствуют о залегании в данном месте руд, причем синий и зеленый цвета сопутствуют медным рудам⁶.

Все типы древних выработок в районе Хову-Аксы обнаружены в гранитах девонского возраста ($D_2—D_3$), в порфиритах, кварцевых порфирах, туфобрекчиях и туфоконгломератах нижнего девона (D_1), в песчаниках, гранатовых и полиминеральных скарнах, алевролитах, известняках нижнего силура (S_1).

В поисках месторождений полезных ископаемых и памятников древнего горного дела не менее существенное значение имеет и местная топонимика. Так, месторождение в Хову-Аксы, где расположены древние выработки, по-тувински называется Кызыл-Мортуг (Красный отвал), что характеризует признак отвалов. А отвалы древних медных шлаков называются прямо «чес миа», т. е. «медные шлаки».

Таким образом, в археологической разведке, направленной на поиски мест древних горных выработок и памятников металлургии, могут быть использованы геологические поисковые методы, ибо памятники такого рода находятся непосредственно на месторождениях.

Металлотрическая съемка, широко практикуемая в поисках полезных ископаемых⁷ наряду с другими поисковыми методами, может с пользой применяться в исследовании памятников древнего горного дела, металлургии, поселений и городищ, имеющих признаки древнего металлургического производства не только в Туве, но и в других районах Советского Союза.

⁴ Я. И. Сунчугашев. Ук. соч., стр. 232, рис. 2.

⁵ Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 74. Судя по погребению, обнаруженному в отвале, некоторые древние карьеры относятся к карасукскому времени.

⁶ А. А. Кузин. История открытий рудных месторождений в России. М., 1961, стр. 277.

⁷ Е. П. Захаров. Опыт поисков кобальтовых и кобальто-медных руд. Бюл. научно-техн. информации, 4 (38), 1962, стр. 9.

ДРЕВНЕЙШИЕ РОГОВЫЕ ПСАЛИИ ИЗ ТРАХТЕМИРОВА

В фондах Киевского исторического музея хранится пара роговых псалиев, которые в каталоге В. В. Хвойко записаны как «две костяные пряжки, найденные при с. Трахтемирове Каневского уезда Киевской области»¹.

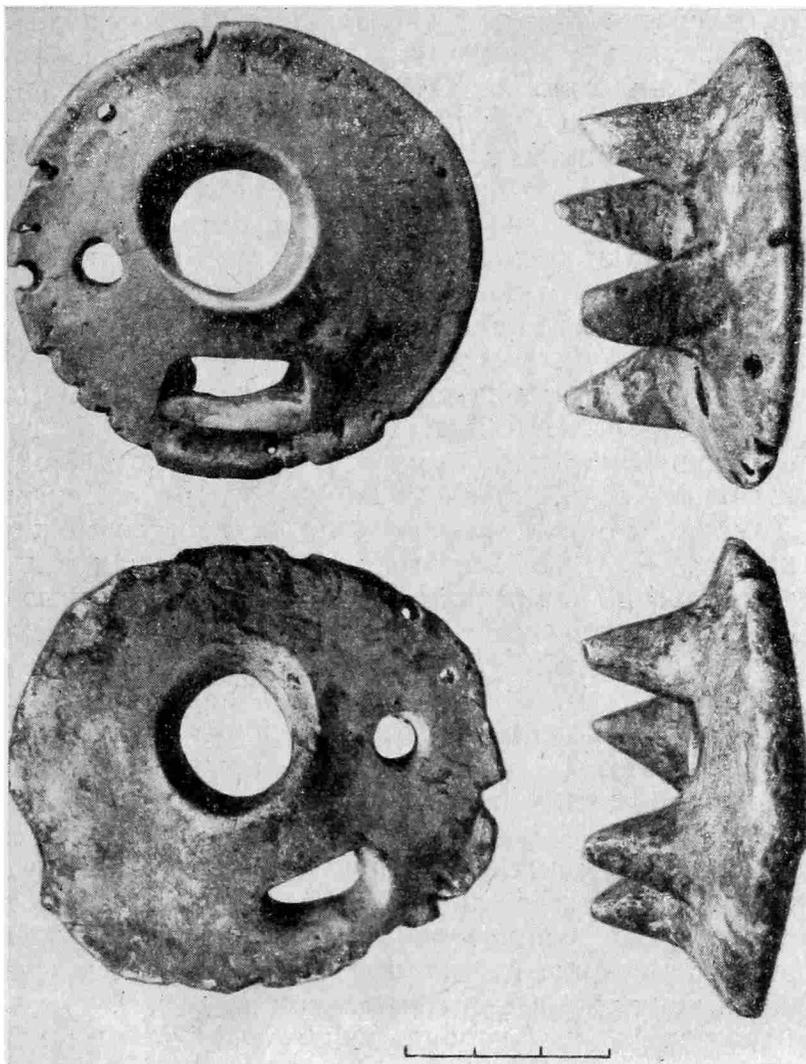

Рис. 1. Роговые псалии из Трахтемирова (2 экз.)

Псалии сделаны из основания рога благородного (?) оленя² и имеют вид диска диаметром 7 см. В центре диска — крупное круглое отверстие. С двух сторон от него расположены еще два отверстия: одно — овальное, другое — круглое, небольшого диаметра. По краям центрального и овального отверстий с обеих сторон видны сильные потертости. На обороте псалии имеют по четыре шипа, сужающихся книзу. Высота шипов 2 см (рис. 1).

Судя по расположению отверстий, псалии из Трахтемирова близки древнейшим псалиям Поволжско-Уральских степей (I тип по К. Ф. Смирнову)³. Поэтому следует предполагать, что способ скрепления описы-

¹ Каталог Киевского исторического музея, стр. 186. Инв. № 7541—42.

² Любезное определение В. И. Бибиковой.

³ К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, 1, стр. 47 сл.

ваемых псалиев с ремнями был также сходен с поволжско-уральскими уздечками. Учитывая находку псалиев при коне в комаровском кургане⁴ и изображение взнузданных лошадей на памятниках древнего Востока, К. Ф. Смирнов предложил реконструкцию уздечки, которая вполне приложима и к нашим псалиям.

Через центральное отверстие проходили мягкие ременные удила, заканчивающиеся петлей. К этой петле прикреплялся повод. Через овальное отверстие, расположенное в углу рта, проходил нащечный ремень. Не совсем ясно назначение второго круглого отверстия. Вероятнее всего, это отверстие служило для закрепления наносного и подгубного ремней, образующих капцуг, без которого использование псалиев типа трахтемировских было невозможно. Судя по расстоянию между шипами, наносный ремень был шире подгубного. Шипы трахтемировских псалиев, подобно зубцам на поволжско-уральских псалиях, имели двойное назначение. Они препятствовали скольжению удил во рту коня при натягивании повода с какой-либо стороны и служили трензелем, причиняя лошади боль при сильном натягивании повода.

К какому же времени относятся псалии из Трахтемирова? Псалии первого типа из поволжско-уральских степей, использованные нами для реконструкции узды, К. Ф. Смирнов датирует в пределах XV—XII вв. до н. э.⁵ и отмечает особую близость их с венгерскими роговыми псалиями типа Фюзешабонь (III период бронзового века Венгрии)⁶.

Однако в появившейся недавно работе С. Пиггота приводятся новые данные, позволяющие третий период бронзового века Венгрии (1400—1200 по Ф. Томпа) датировать 1500 г. до н. э., а возможно, и более ранним временем⁷. Для нас это особенно важно, так как трахтемировские псалии формой напоминают дисковидные костяные псалии из Тосега⁸ (III период бронзового века Венгрии), также имеющие три отверстия (одно большое в центре, два малых на периферии), расположенных в одной плоскости. С другой стороны, псалии из Тосега близки дисковидным роговым псалиям андроновской культуры. Для определения возраста последних К. Ф. Смирнов сравнивает их с некоторыми колесовидными бронзовыми псалиями, найденными в ОАР (Газа) и Сирии (Рас-Шамра)⁹.

Нетрудно, однако, заметить, что трахтемировские псалии, сочетая в себе сходство с поволжско-уральскими (I и II типами), а также венгерскими, все же имеют больше общего с бронзовыми колесовидными псалиями древнего Востока, где капцуг использовался в упряже мулов и для взнуздания коня уже в III тысячелетии до н. э.¹⁰

Судя по многочисленным изображениям взнузданных коней на памятниках древнего Востока, капцуг широко используется и во II тысячелетии до н. э. Для этого времени Ф. Ханчар отмечает в основном два типа металлических удил и псалиев. Более примитивный, второй тип состоит из прямого мундштука и плоских колесовидных псалиев, который он датирует XVI—XV вв. до н. э.¹¹

Нередко на обороте колесовидных псалиев бывают шипы (например, псалии из Газы), что еще больше сближает их с трахтемировскими

⁴ А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. КСИИМК, 59, 1955, стр. 97, рис. 38.

⁵ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 57.

⁶ A. Mozsolics. Mors en bois de cerf sur le territoire du Bassin des Carpathes. AA, III, вып. I—IV, Будапешт, 1953, стр. 110.

⁷ S. Piggott. Neolithic and Bronze Age in East Europe. «Antiquity», XXXIV, № 136, 1960, стр. 287—288.

⁸ A. Mozsolics. Ук. соч., стр. 84, рис. 19, 20.

⁹ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 63, рис. 6, 7—8.

¹⁰ F. Hančar. Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Wien, 1955, стр. 433 сл., рис. 12.

¹¹ F. Hančar. Ук. соч., стр. 494 сл., рис. 19.

(рис. 2, 1). Конструктивное сходство и общность формы дает нам право датировать трахтемировские псалии временем бытования бронзовых колесовидных псалиев в государствах древнего Востока, т. е. примерно серединой II тысячелетия до н. э.

К сожалению, точное место находки трахтемировских псалиев установить нельзя, однако этот район хорошо изучен археологами. В результате археологических разведок и раскопок здесь обнаружено много поселений эпохи бронзы, скифского времени и первых веков нашей эры¹².

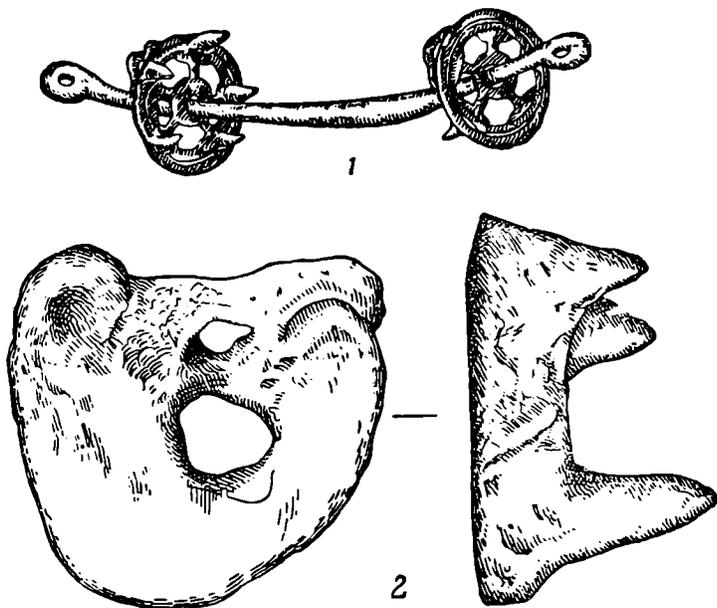

Рис. 2. Псалии, аналогичные трахтемировским
1 — Газа (ОАР); 2 — поселение Баланбаш абашевской культуры

Курганы в районе Трахтемирова неизвестны, нет сведений и о раскопках каких-нибудь грунтовых могильников бронзового века, где могли быть найдены описываемые псалии. Поэтому мы склонны думать, что псалии найдены на одной из стоянок эпохи бронзы¹³. Керамика этих стоянок обычно украшена веревочным орнаментом; кроме того, часто встречаются фрагменты посуды с несколькими налепными валиками, иногда расчлененными насечками¹⁴. Многоваликовая керамика характерна для памятников позднекатакомбной культуры¹⁵, которую принято датировать XV—XIV вв. до н. э.¹⁶

Связь трахтемировских псалиев с одной из стоянок позднекатакомбной культуры середины II тысячелетия до н. э. представляется вполне возможной еще и потому, что тождественный псалий, имеющий на периферии не одно круглое отверстие, а два, найден В. Д. Рыбаловой на поселении у с. Каменка на Керченском полуострове¹⁷.

Результаты раскопок каменского поселения пока не опубликованы, однако, судя по устным сообщениям В. Д. Рыбаловой¹⁸, территория

¹² Т. Пассек. Пороська археологічна експедиція 1945 р. АП, I, 1949, стр. 219—221 (см. карту пам'ятників); е е ж е. Селище эпохи бронзы в районе Канева. КСИИМК, XXV, 1949, стр. 46. В 1960—1961 гг. ряд пунктов эпохи бронзы и первых веков нашей эры в районе Трахтемиров — Зарубинцы обнаружил Е. В. Максимов.

¹³ Интересно отметить, что древнейшие псалии Поволжско-Уральских степей чаще встречаются на поселениях, чем в погребениях, на что обратил внимание К. Ф. Смирнов (Ук. соч., стр. 50)

¹⁴ Материалы хранятся в Киевском государственном историческом музее и Институте археологии АН УССР.

¹⁵ Т. Б. Попова. К вопросу о многоваликовой керамике. СА, 1960, 4, стр. 42—45.

¹⁶ С. С. Березанская. Об одной группе памятников средней бронзы на Украине. СА, 1960, 4, стр. 40.

¹⁷ Материалы раскопок хранятся в Ленинградском университете. Инв. № 1958/12.

¹⁸ Доклады читались на пленуме ЛОИА АН СССР в 1957 г. и на IX конференции ИА АН УССР в Киеве в 1958 г.

этого поселения заселялась дважды: сначала племенами позднекатакомбной культуры, затем — позднесрубной. Материал позднесрубной культуры из Каменки типичен для многочисленных памятников нижнего Поднепровья и относится к концу II — началу I тысячелетия до н. э. Время первого заселения определяется комплексом керамики, где значительный процент составляет многоваликовая, а также находками двух каменных выпрямителей — вещей, типичных для катакомбной культуры, не встречающихся позднее середины II тысячелетия до н. э. Интересующий нас псалий безусловно связан с культурными остатками поселения позднекатакомбной культуры.

Еще один псалий, очень близкий трахтемировским, найден в 1934 г. на поселении абашевской культуры у с. Баланбаш в Башкирии. Первоначально он был назван костяной поделкой¹⁹ (рис. 2, 2).

Раскопки последних лет привели исследователей к выводу, что хронология абашевских памятников, распространенных на территории Башкирии, должна быть пересмотрена в сторону удревнения. Раскопки К. В. Сальниковым двуслойного поселения Береговское I (верхний слой срубный, нижний — абашевский) показали, что абашевские памятники Башкирии следует датировать возрастом старше XIV—XIII вв. до н. э.²⁰ Как видим, и баланбашский псалий можно относить к середине II тысячелетия до н. э.

Итак, общие конструктивные особенности наших псалиев с венгерскими и поволжско-уральскими (I и II типы по К. Ф. Смирнову), вероятнее всего, следует объяснять как результат близости способов взнуздания коня во II тысячелетии до н. э. в Западной Евразии. Однако для установления возраста трахтемировских псалиев определяющее значение имеет их тождество с каменским и баланбашским псалиями и типологическая общность с древнейшими бронзовыми колесовидными псалиями, распространенными в странах Переднего Востока во II тысячелетии до н. э. Учитывая, что баланбашский и каменский псалии найдены в памятниках абашевской и позднекатакомбной культур, которые относятся к середине II тысячелетия до н. э., мы склонны этим же временем датировать и трахтемировские псалии, связывая их с одним из многочисленных позднекатакомбных поселений, известных в этом районе. Это значит, что псалии из Баланбаша, Каменки, Трахтемирова старше поволжско-уральских псалиев, описанных К. Ф. Смирновым, и являются наиболее древними из известных сейчас предметов конской упряжи на территории от Урала до Днепра. Поэтому начальный этап коневодства на территории Европейской части СССР и на Урале датируется не только второй половиной²¹, но и серединой II тысячелетия до н. э.

Именно с этого времени особенно усиливаются культурные связи между разноэтничными племенами, зачастую разделенными огромными расстояниями.

В то же время начинается быстрое распространение племен абашевской, андроновской, срубной и других культур, заселивших большие территории.

Не исключено, что в дальнейшем будут установлены факты, позволяющие еще более удревнить начальный этап освоения коня как верхового животного в степях Евразии. В связи с этим интересно отметить изображение всадника на «конской» группе плит петроглифического

¹⁹ Археологические исследования в РСФСР 1934—36 гг. М.—Л., 1941, стр. 131, табл. XXI, 5.

²⁰ К. В. Сальников. Некоторые сведения об эпохе бронзы южной Башкирии. «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959, стр. 44—45; А. П. Смирнов. К вопросу о формировании абашевской культуры. МИА, 97, 1961, стр. 20.

²¹ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 71.

комплекса Каменной Могилы. Для датировки этой группы плит В. Н. Гладилин предложил использовать расположенные рядом солярные знаки²². Тожественные солярные знаки известны на плитах, связанных с погребениями катакомбного времени²³.

* * *

После сдачи в печать настоящей статьи Е. В. Черненко обратил мое внимание на книгу В. Райхеля, посвященную оружию гомеровской Греции. В этой книге автор издает рисунок одного из четырех одинаковых костяных предметов, найденных в IV шахтной гробнице Микен. Этот предмет В. Райхель считает навершием шлема (Helmknopf)²⁴.

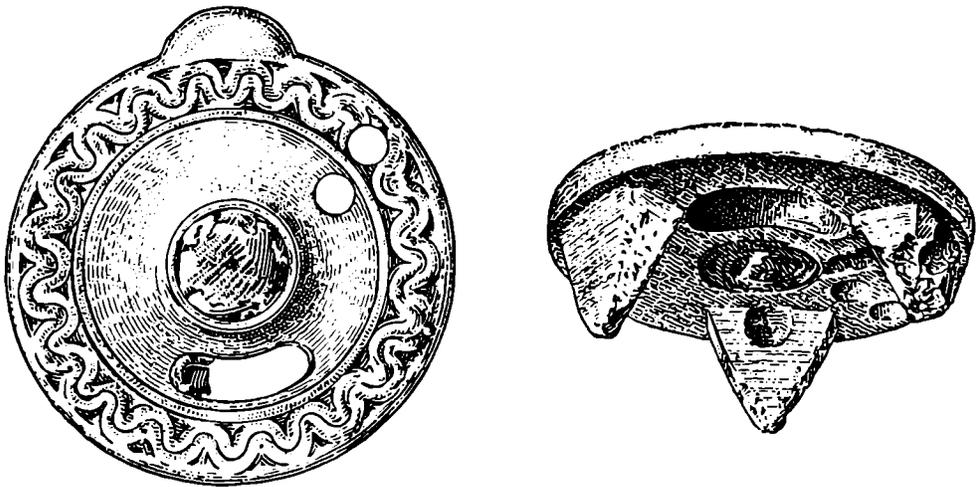

Рис. 3. Псалий из IV шахтной гробницы Микен (по В. Райхелю)

На самом деле этот предмет имеет иное назначение. Он безусловно представляет собой дисковидный псалий с тремя зубцами на внутренней стороне и большим круглым отверстием в центре. С двух сторон от центра еще три небольших отверстия: одно овальное, а два других, расположенных рядом, круглые. Вдоль края по лицевой стороне идет лента резного типично микенского волнистого орнамента (рис. 3). Легко убедиться, что эта поделка морфологически одинакова с роговыми псалиями из Трахтемирова, Каменки и Баланбаша. Ясно, что это «навершие» из Микен также является псалием. В большом круглом отверстии сохранились остатки бронзового стержня, по-видимому, от удил.

Чрезвычайная важность микенской находки заключается в том, что она позволяет уточнить датировку дисковидных псалиев в Восточной Европе. Работами А. Вейса²⁵, А. Фурумарка²⁶, Г. Милонаса²⁷ установлено, что IV и V шахтные гробницы Микен относятся к XVI в. до н. э. С. Маринатос датирует IV шахтную гробницу 1570—1550 гг. до н. э.²⁸ Отсюда становится очевидным, что псалии из Баланбаша, Каменки и Трахтемирова, а следовательно, и соответствующие памятники абашевской и позднекатакомбной культур следует датировать временем не позднее XVI в. до н. э.

²² А. А. Щепинский. Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма. СА, 1961, 2, стр. 227 сл.

²³ М. Я. Рудинский. Кам'яна могила. Киев, 1961, стр. 62—63, рис. 39, 40.

²⁴ W. Reichel. Homerische Waffen. Wien, 1901; стр. 105, рис. 42.

²⁵ A. Wace. Chamber Tombs at Mycenae. «Archaeologia», LXXXII, London, 1932.

²⁶ A. Furumark. The Chronology of Mycenaean Pottery. London, 1941.

²⁷ G. Milonas. Ancient Mycenae, the Capital City of Agamemnon. Princeton, 1957, стр. 181.

²⁸ S. Marinatos. Crete and Mycenae. London, 1960, стр. 177, табл. XXXV.

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА ИЗ ХОРЕЗМА

На такыре близ развалин замка № 38 афригидского времени древнего Беркут-Калинского оазиса (Турткульский район Кара-Калпакской АССР) была найдена литейная форма, которой посвящается настоящая заметка¹.

Форма закрытого типа, разъемная, состоит из двух половинок, сделанных из глины со значительной примесью мелкозернистого песка (рис. 1).

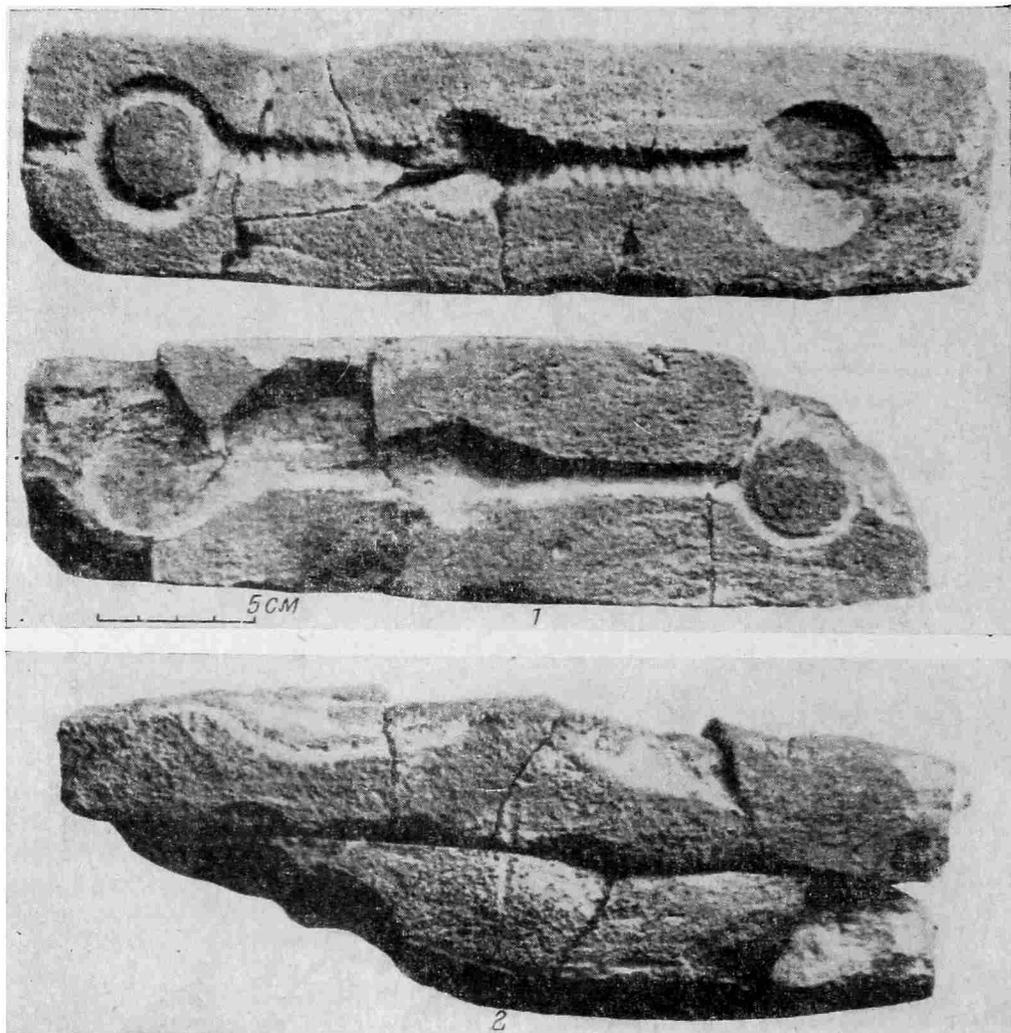

Рис. 1. Литейная форма из Хорезма в разобранном (1) и собранном (2) виде

Керамическая масса в изломе имеет черный цвет, у поверхностей цвет массы становится кирпично-красным. Правильность установки половинок формы по отношению друг к другу проверялась совмещением рисок, находящихся на середине одной из боковых поверхностей формы (рис. 1, 2). Боковые поверхности формы слегка выгнуты. Несколько больше выгнуты верхняя и нижняя поверхности. Торцовые поверхности плоские. Поверхности, соприкасающиеся друг с другом, ровные (рис. 1, 1). Размеры формы: длина — 212 мм, ширина в средней части —

¹ Форма найдена научной сотрудницей Республиканского Историко-краеведческого музея КК АССР А. В. Гудковой. Инв. № 33.

40 мм, ширина в торцевой части — 30 мм, высота сложной формы в средней части — 73 мм, в торцевой части — 54 мм. Во время работы обе половинки формы плотно скреплялись, вероятно, проволокой.

В верхней части формы находится воронкообразный литник длиной в 13 мм (рис. 2, б). Диаметр его устья — 9 мм, истока — 6 мм. За литником расположена кольцеобразная канавка с гладкой поверхностью, диаметр кольца — 30 мм. От кольцеобразной канавки по направлению к середине формы идет канавка с винтообразным гофром на одной половине формы и гладкой поверхностью на другой. Диаметр ее — 8 мм, длина — 39 мм. После этой канавки следует грушеобразное в плане и в профиле углубление, длина которого 29 мм, причем утолщенные части в плане и в профиле обращены в разные стороны. За грушеобразным углублением находятся прямая и кольцеобразная канавки, такие же, как на другой стороне формы. Для выхода воздуха и газов на нижнем конце формы расположен выпор (рис. 2, в), длина которого — 22 мм, ширина — 8 мм.

В описанной выше форме отливались бронзовые удила. Они были двусоставными. Об этом свидетельствует углубление в центре литейной формы: наиболее широкие части углубления лежат в плоскостях перпендикулярно друг другу и округлы, что соответствует двум входящим друг в друга кольцам (рис. 2, г). Подвижность сочленений удил обеспечивалась, вероятно, использовавшимися при отливке вставками, придававшими центральной части отливки вид двух входящих друг в друга колец. Звенья удил неодинаковы: у одного звена плоскость внешнего и внутреннего колец взаимноперпендикулярны, у другого лежат в одной плоскости. На одной стороне стержни удил были гладкими, с другой стороны имели нарезки, имитирующие обмотку.

Подобные бронзовые удила имеют аналогии в разных местах: на Северном Кавказе², в Венгрии³, на Волге⁴, в Южной Сибири⁵ (рис. 3). Такое широкое распространение бронзовых удил противоречит предположению А. А. Иессена, считавшего удила данного типа специфической северо-кавказской формой⁶. находка литейной формы подтверждает производство подобных удил и в других местах, в частности в Средней Азии.

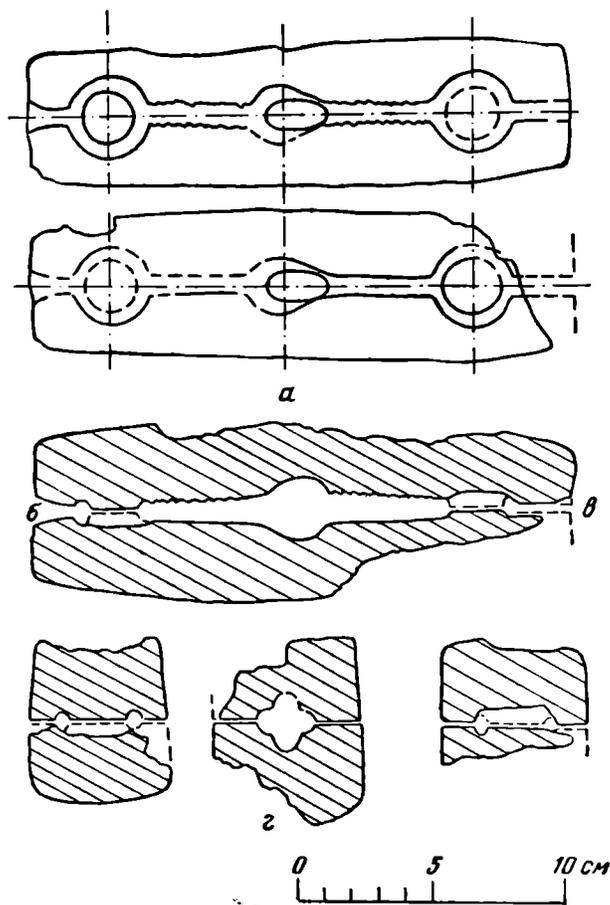

Рис. 2. Устройство литейной формы

² А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 72.

³ S. Callus, T. Horváth. Un peuple cavalier préscythique en Hongrie. «Dissertationes Rauponicae», ser. II, 9, Budapest, 1939, табл. XX, 13.

⁴ Найдены в Саратовской губ. Бузулукского уезда, ст. Марычевка; хранятся в ГИМ. Инв. № 44657.

⁵ Хранятся в Минусинском музее. Инв. № 4883.

⁶ А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 105.

Нельзя согласиться и с датировкой наших удил VII в. до н. э., данной А. А. Иессеном. Очевидно, они существовали в VIII в. до н. э. и ранее. Об этом свидетельствует употребление указанных выше удил и двукольчатых удил VIII в. до н. э. с псалями одного типа. Псалии, воспроизведенные в работе Иессена, не разнотипны ⁷, а безусловно являются разновидностями одного типа псалий, требующих одинаковой конструкции узды. Это характерный тип изогнутых псалий, восходящих к более древним — роговым ⁸. Интересна также имитация обмотки на удилах, которая напоминает более древние удила, делавшиеся из скрученных ремней или сухожилий.

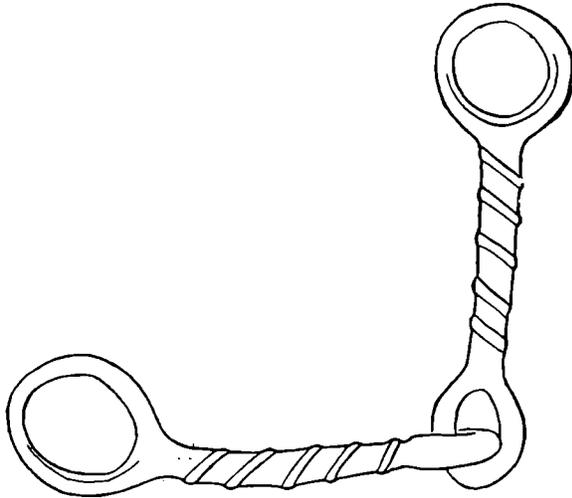

Рис. 3. Тип удил, отливавшихся в форме из Хорезма

Оба факта: употребление наших удил с архаичными псалями, напоминающими роговые, и наличие в самой форме удил пережиточных элементов в виде имитации скрученных ремней — говорят в пользу архаичности описываемых удил.

Сопоставление же данных удил с сибирскими древностями конца II и начала I тысячелетия до н. э. подтверждает мысль об их одновременности. В качестве примера можно упомянуть другие вещи с имитацией обмотки, например нож ⁹ и миниатюрные трехдырчатые псалии ¹⁰. Брон-

зовые предметы с имитацией обмотки бытуют в течение долгого времени, но не позднее VIII в. до н. э.

О времени наших удил свидетельствует и находка литейной формы псаля в Средней Азии на поселении Дальверзин конца II — начала I тысячелетия до н. э. Бронзовый псалий, делавшийся в этой формочке, был трехдырчатый изогнутый и известен с удилами нашего типа в других местах ¹¹. Подобные аналогии не позволяют ограничивать время бытования наших удил VII в. до н. э., а напротив, углубляют их дату, мы считаем возможным отнести их к VIII в. до н. э., оставляя пока открытым вопрос о существовании этих удил в более раннее время.

Таким образом, для Хорезма мы имеем уже не единственную находку деталей конского уздечного набора или средств для их изготовления. Первая находка — фрагмент бронзового псаля — была сделана еще в 1950 г. в левобережной части Хорезма ¹².

Эти пока еще немногочисленные находки уже сейчас позволяют поставить вопрос о времени освоения в Хорезме лошади под верховую езду. Кости лошади впервые были найдены при исследовании А. А. Формозовым стоянки позднекельтеминарской культуры близ железнодорожной станции Саксаульская. Однако кости, найденные здесь, принадлежат еще дикой лошади ¹³. Кости лошади были найдены также при рас-

⁷ А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 53, рис. 3, 1, 2.

⁸ К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, 1, рис. 12, 2.

⁹ Найден в Минусинском округе; хранится в ГИМ. Инв. № 49439.

¹⁰ Найден в Красноярском округе Балахнинского района, с. Тукай; хранятся в ГИМ. Инв. № 64145.

¹¹ А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 54.

¹² А. И. Тереножкин. Бронзовый псалий с городища Кюзели-Гыра в Хорезме. КСИЭ, 1958, XXX, стр. 34—39.

¹³ С. П. Толстов. По следам древнехорезмской цивилизации. М., 1948, стр. 77.

копках стоянки тазабагыбской культуры Кават-3, предположительно датируемой XIV в. до н. э.¹⁴

Находка псаля и формы для отливки удил является, таким образом, первым достоверным свидетельством о наличии в Хорезме домашней, освоенной под верховую езду, лошади.

Удила, отливавшиеся в нашей форме, представляют довольно развитый вид удил и должны своими предшественниками иметь удила более архаические. Следовательно, освоение лошади под верховую езду должно было произойти пораздо раньше VIII в. до н. э. Поскольку для XI—VII вв. до н. э. в Хорезме зафиксировано существование так называемой амирабадской культуры, мы можем предположить, что описанная форма принадлежит именно этой культуре.

¹⁴ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, 1, стр. 116.

Р. М. ДЖАНПОЛАДЯН

О ТРЕХ ОБРАЗЦАХ СТЕКЛА ИЗ КАРМИР-БЛУРА

В Кармир-Блуре (древний Тейшебаини, Армянская ССР) в 1953 г. в помещении № 39, которое служило, очевидно, кладовой для глиняной посуды, найдены два небольших обломка стеклянных изделий¹.

Один обломок представляет верхнюю часть вазочки, изображавшей фигуру женщины, а второй — горлышко алабастра из непрозрачного

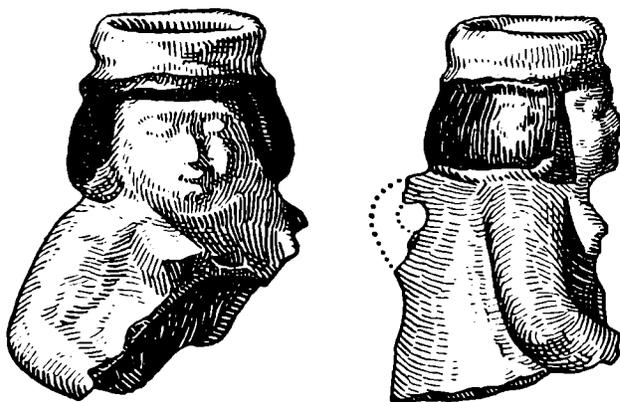

Рис. 1. Верхняя часть сосуда из так называемого египетского фаянса. Кармир-Блур

стекла. Среди археологического материала Кармир-Блура, где одинаковые вещи обычно насчитываются несколькими образцами, эти два фрагмента стоят особняком и не имеют себе подобных.

Несмотря на то что оба предмета дошли до нас в обломках, удается без труда и с достоверностью восстановить их первоначальную форму. От фигурной вазочки (рис. 1) сохранилась лишь верхняя часть (высота обломка 3,8 см) в виде женской головы, части правого плеча и руки, согнутой в локте, и другой, прижатой к груди. Головной убор женщины имеет вид античного полоса, который и образует горлышко. Из-под убора видны волосы, свисающие с двух сторон и подстриженные ниже ушей. Черты лица грубые, большой нос, крупные глаза, широкие щеки и пухлые губы. Сзади на шее имеются остатки петли. Этот обломок является частью небольшого подвесного сосуда-флакона, изображавшего женскую фигуру и служившего, очевидно, для хранения благовоний. Сосуд был сделан из пористой массы, сверху покрытой поливой светло-зеленого цвета. Волосы были отмечены коричневой краской.

¹ Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур III. Результаты раскопок 1951—1953 гг. Ереван, 1955, стр. 21.

Из пористой стекловидной массы или «египетского фаянса», как чаще называют этот материал, в Древнем Египте изготовляли многочисленные амулеты, скарабеи, ушебти, бусы, а впоследствии и небольшие флаконы. Эти предметы изготовлялись в глиняных формочках и затем покрывались поливой разных цветов, чаще всего зеленой или светло-синей².

Родиной и основным местом производства этих предметов в VIII—VII вв. до н. э. считается Египет, в частности два его города — Мемфис и

Рис. 2. Обломки статуэток из Макри-Лангонии (о. Родос)

особенно Навкратис, где многочисленные мастерские по древнеегипетским образцам изготовляли скарабеи, бусы и другие украшения, мелкую стеклянную посуду. Они в основном являлись предметами торговли, которая для того времени велась в очень широких масштабах. Навкратийские вещи археологи находят не только на северном побережье Черного моря, но также на Кавказе и в Средней Азии³. Наличие этих предметов в Малой или даже в Передней Азии уже не вызывает удивления ученых.

В Навкратисе у храма Аполлона⁴ были найдены четыре сосуда, подобных кармир-блурскому фрагменту. Они датируются второй половиной VII в. до н. э., но ближайшую аналогию к нашему сосуду мы встречаем на о. Родосе.

При раскопках могильника Макри-Лонгони у г. Камира (VIII—VII вв. до н. э.) были найдены обломки трех статуэток из стекловидной массы, изображающих человеческие фигурки (рис. 2). Они покрыты светло-зеленой поливой, волосы окрашены коричневой краской, которой намечено также несколько пятен на одежде⁵. Эти статуэтки чрезвычайно похожи на обломок сосуда из Кармир-Блура. К сожалению, они так же, как и наш экземпляр, фрагментарны и представляют только верхнюю половину флакона. Восстановить весь облик этой фигурной вазы возможно благодаря другим находкам на о. Родос. В г. Камире на акрополе у храма Афины в разных местах были найдены маленькие флакончики в виде женской фигурки из стекловидной массы и также покрытые двухцветной поливой. Это — фигурные вазочки в виде коленапреклоненных женщин, которые держат в руках козленка. В некоторых случаях на спине у женщины висит корзина, в которой помещен ребенок. У всех фигурок головной убор — типа античного полуса, использованного как горлышко сосуда⁶. Подобные флаконы были найдены также не с женской головой, а с головами разных животных (обезьян, шакалов и др.).

Сравнивая кармир-блурскую находку с этими вазами, мы обнаруживаем очень большое сходство. Головка из Кармир-Блура представ-

² А. Лукас. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М., 1958, стр. 256.

³ Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. СА, 1958, 1, стр. 20—27.

⁴ W. M. Flinders Petrie. Naukratis, I, London, 1886, табл. II, 10, 17.

⁵ «Clara Rhodos», IV, рис. 33.

⁶ «Clara Rhodos», VI, VII, ч. 1, рис. 44, 45, 46.

ляет собой тоже фигурную вазу в виде коленопреклоненной женщины, судя по согнутой в локте правой руке, очевидно, придерживавшей животное у груди. Материал, из которого сделан кармир-блурский сосуд, так же, как и цвет поливы, совпадает с родосскими флаконами. Таким образом, родосские изделия являются ближайшими аналогиями кармир-блурскому предмету, и напрашивается предположение о родосском происхождении этой фигурной вазочки, найденной в Урартском центре.

Остров Родос вследствие своего географического положения, наряду с Финикией был в центре путей международной торговли — между Египтом, Грецией и Передней Азией⁷. Благодаря этому уже в VIII—VII вв. до н. э. родосские города Линд и Камир имеют не только широкую морскую торговлю, но и становятся центрами развития местной культуры и производства. Исследователи особенно подчеркивают производство фаянса и стекла на острове, которое берет свое начало и традиции из Навкратиса. Широко известные навкратийские вещи из стекла и фаянса для жителей острова были не только предметами торговли, но и объектами копирования и подражания⁸. Среди этих подражаний особое место занимают широко распространенные вазы в виде женской фигуры⁹.

Трудно сказать, служили ли эти флаконы просто для хранения благовоний или же имели культовое назначение у себя на родине, на что могут указывать их находки у храма Аполлона (в Навкратисе) и Афины (в Камире). Кармир-блурский фаянсовый флакон также не уточняет назначение этой группы сосудов, но является прекрасным показателем широкой торговли Родоса, достигавшей пределов не только Урарту, но и его окраины (Тейшебаини).

Второй фрагмент представляет собой верхнюю часть небольшого алабастра (высота не более 17 см). Сохранилось широкое горлышко (диаметр 3,5 см) и одна ручка (рис. 3). Туловище сосуда расширялось непосредственно с горловины, образуя небольшие плечики, которые с двух сторон имели крохотные ручки, служившие также и для подвешивания сосуда (рис. 4).

Сосуд сделан из черной непрозрачной стекловидной массы. Внешняя поверхность покрыта белыми узкими чуть волнистыми полосками, которые обвивали сосуд наклонной спиралью сверху донизу. Внутренняя поверхность сосуда шероховата и имеет следы приставшего песка. Это обстоятельство дает возможность установить технику его изготовления. Сосуд был сделан до изобретения выдувательной трубки следующим способом: глину или песок клали в мешочек, по форме и размеру соответствующий будущему сосуду. Завязав верхнюю часть мешочка, его насаживали на металлический или деревянный стержень, посредством которого формовочную шишку окунали в расплавленную стекломассу. Для равномерного распределения массы шишку несколько раз вращали¹⁰.

Рис. 3. Горло алабастра. Кармир-Блур

⁷ К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества. Л., 1951, стр. 220.

⁸ Там же.

⁹ М. И. Максимова. Античные фигурные вазы, I, М., 1916, стр. 66, 69.

¹⁰ А. Лукас. Ук. соч., стр. 306.

В литературе имеется также описание иных подробностей этой техники. Так, некоторые считают, что сердечник-шишку не окунали в массу, а обвивали его размягченными стеклянными нитями. Очевидно, существовал и тот и другой способ. Однако в обоих случаях стенки сосудов получались не гладкими, а шершавыми. Украшение внешней поверхности выполнялось разными приемами. Наш сосуд украшен самым примитивным образом спиральными нитями матового белого стекла. Для этого на конец длинной палки брали расплавленное вязкое стекло, которое растягивалось нитью. Таким образом можно было получить нити любой толщины. Этими нитями обвивали сосуд, делая несложные узоры. Для получения более гладкой поверхности готовый сосуд обкатывали на мраморной плите. Только вслед за этим к сосуду приваривали ручки. После охлаждения готового предмета стержень вытаскивался, а из мешка высыпался песок, который все же оставлял след на внутренних стенках сосуда¹¹.

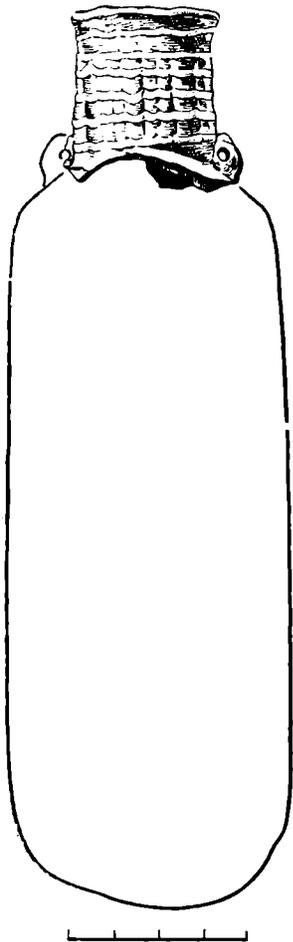

Рис. 4. Реконструкция ал-
абастра. Кармир-Блур

Форма кармир-блурского алабастра полностью восстанавливается по аналогии с одним алабастром, совпадающим и по размерам, хранящимся в Музее стекла в Корнинге¹². Этот алабастр находится в коллекции Р. В. Смита, который на основании работ П. Фоссинга датирует его VII в. до н. э., что совпадает с датировкой предметов, найденных при раскопках Кармир-Блур. Описанная выше техника изготовления этих алабастров считается характерной для раннего стеклоделия, и поэтому определение места изготовления этих пока что немногочисленных сосудов для истории стеклоделия весьма важно.

П. Фоссинг высказывает предположение об азиатском (точнее вавилонском или ассирийском) происхождении этих сосудов, с чем согласен и Р. В. Смит¹³. Но надо заметить, что нельзя признать азиатское происхождение трех сосудов, изданных П. Фоссингом. Два из них были найдены на о. Родос, а третий в Карфагене. Сосуд из коллекции Р. В. Смита куплен у антиквара и предположительно происходит из Ирана. Таким образом, из пяти известных в настоящее время алабастров два найдены на о. Родос, один в Карфагене, один из неизвестного места и, наконец, пятый найден в Тейшебаини (Кармир-Блур) вместе с фаянсовым сосудом родосского происхождения. Но, по-видимому, стеклянный алабастр по времени несколько древнее сопутствующего сосуда и найденной в помещении № 39 керамики, ибо изучение техники изготовления сосуда и его химический анализ ведут нас в более глубокую древность и дают интересный материал для истории раннего стеклоделия.

Как уже было указано, сосуд изготовлен из непрозрачной стекловидной массы и имеет весьма пористую структуру. Анализ этого обломка¹⁴

¹¹ М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, стр. 16.

¹² The Ray Winfield Smith Collection. N. Y., 1957, 17, стр. 27.

¹³ Там же, стр. 17.

¹⁴ Этот и следующие анализы сделаны в химической лаборатории ЛОИА Д. В. Наумовым.

выявил очень большой процент кремнезема (84%), что больше соответствует составу фаянса, чем составу стекла, но все же это уже не фаянс. Масса, из которой изготовлен алабастр, по своей структуре отличается от фаянса, не имеет сердцевин, содержит более высокий процент щелочей и меньший кремнезема, чем это необходимо для варки фаянса. Но вместе с тем это еще не стекло. В материале алабастра процент щелочей слишком мал для стекла, а сама масса имеет зернистую поверхность, которая получается при недостаточном сплавлении зерен кварца.

Таблица 1

Наименование	Обыкновенный фаянс, %	Вариант Е, %	Стекло, %	Алабастр из Кармир-Блура, %
Кремнезем	94,4	88,6	62,2	84
Щелочи	1,1	5,8	19,2	10

Исследователь древнеегипетского ремесленного производства А. Лукас на основании анализов многочисленных образцов подобной массы пишет: «Поскольку это вещество, несомненно, не является фаянсом, а представляет собою разновидность стекла, хотя это еще не обычное стекло, термин „стекловидный фаянс“ или „неполноценное стекло“, как нам кажется, наиболее удачно характеризует его природу и состав»¹⁵.

Им же составлена сводная таблица содержания кремнезема и щелочей для обыкновенного фаянса, «неполноценного стекла» и нормального стекла. В этой таблице отчетливо видно, как при изготовлении стекла процент кремнезема постепенно падает, а процент щелочей поднимается (табл. 1).

Химический анализ обломка алабастра из Кармир-Блура отчетливо показывает, что он соответствует образцу Е, определенному Лукасом как «неполноценное стекло».

Таблица 2

Наименование	Бусина крупная прозрачная зеленая	Бусина прозрачная бесцветная	Бусина прозрачная зеленая	Бусина опализирующая бесцветная
Номера образцов	13—62	258	259	260
Кремнезем	65	69,79	64,26	64,63
Окись кальция	10	7,63	9,90	9,20
Окись магния	3	2,38	3,60	3,80
Окись натрия	17	16,56	14,65	14,67

На Кармир-Блуре имеются также и образцы «полноценного», т. е. настоящего стекла в виде немногочисленных бус¹⁶ шаровидной и чуть приплюснутой формы (диаметр бус от 0,7 до 2,6 мм) (рис. 5, 6).

Стекло, из которого были сделаны эти бусы, высокого качества, прозрачное, бесцветное, бесцветно-опализирующее или светло-зеленое. Бусы отливались в особых формочках со штырем для отверстия. Внешняя поверхность некоторых бус частично покрыта матовой патиной.

Химический анализ бус, сделанный М. А. Безбородовым и сотрудниками химической лаборатории ЛОИА (образец 13—62), показал, что стекло по своему составу принадлежит к группе натриево-кальциевых кремнеземных стекол и приготовлено по рецепту, близкому к «классическому» составу древнеегипетского и месопотамского стекла¹⁷ (табл. 2).

¹⁵ А. Лукас. Ук. соч., стр. 266—267.

¹⁶ Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур III, стр. 51, табл. II, 10, 11.

¹⁷ М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 25, 27.

Таким образом, в Тейшебаини, урартском центре, в VII в. до н. э. одновременно были в обиходе предметы, изготовленные из материалов трех стадий развития стеклоделия: «стекловидной массы», или «египетского фаянса», «неполноценного стекла» и прозрачного высококачественного стекла.

Рис. 5. Бусина из прозрачного стекла. Кармир-Блур

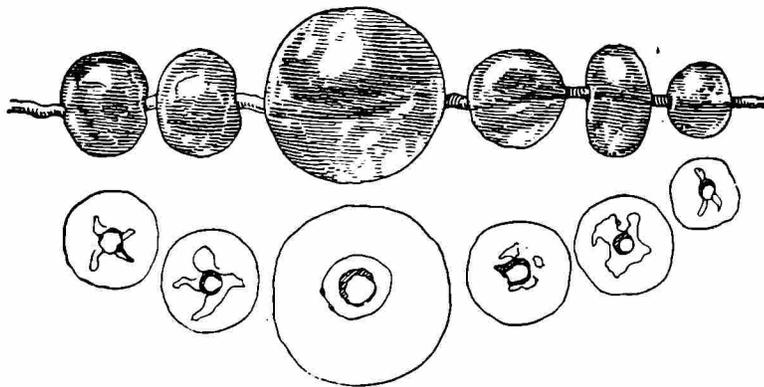

Рис. 6. Стеклянные бусы. Кармир-Блур

Но если в первом случае мы имеем высокохудожественный предмет, выполненный в уже знакомом материале, во втором случае образец примитивной техники нового, еще не очень привычного материала, так называемого «неполноценного стекла», то в третьем случае перед нами простейшее использование наиболее высококачественного материала. Три описанных образца стекла из раскопок на Кармир-Блуре с очевидностью показывают, что в VII в. до н. э. в урартских центрах можно проследить довольно оживленные связи с Передней Азией и Средиземноморьем.

К. В. САЛЬНИКОВ
НАХОДКИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Ежегодно в музей Урала поступают различные древние предметы из случайных находок колхозников, рабочих, учителей, школьников. Многие из этих находок представляют немалую научную ценность.

В 1956 г. в Златоустовский музей была доставлена, найденная школьниками братьями Ю. и Г. Гуляевыми «в каменных россыпях» на склоне горы в окрестностях г. Юрюзань, бронзовая секира (рис. 1, 1). Обуховый конец секиры выполнен в виде оскаленной морды хищного зверя. Длина орудия — 20 см. Аналогии этой секиры известны среди находок на Каме: в районе Сарапула¹, Елабуги², с р. Мезени и Пинеги³, но они отличаются от юрюзанской большей стилизацией, более длинной втулкой, которая осложнена изображением головки хищной птицы.

А. В. Збруева считает ананьинские секиры не боевым оружием, а символом власти⁴. Юрюзанская секира, как более простой вариант, могла служить и оружием. Эта находка свидетельствует о распространении влияния ананьинской культуры на Южный Урал.

В 1958 г. в Челябинский музей поступила выполенная на территории совхоза им. Ленина в Каракульском районе Челябинской области каменная плита-жертвенник со скульптурным изображением головы барана (рис. 1, 2). Подобные предметы типичны для Зауралья. Семь таких жертвенных камней опубликованы П. А. Дмитриевым, который относит их к сарматской эпохе и датирует серединой I тысячелетия до н. э.⁵ Публикуемая плита найдена в 60—70 км восточнее г. Троицка, возле которого в 1951 г. Н. П. Кипарисовой в савроматском погребении был обнаружен сосуд с рисунком в виде рогов барана⁶. Это обстоятельство косвенно подтверждает правильность отнесения жертвенных камней с головой барана к сарматской эпохе.

Две аналогичные плиты в 1960 г. были найдены в Курганской области. Одна обнаружена А. Ф. Предеиным на пашне на берегу р. Исети у железнодорожного моста близ г. Шадринска и доставлена школьниками Ю. Губаревым и В. Левиным в школу № 5 г. Шадринска.

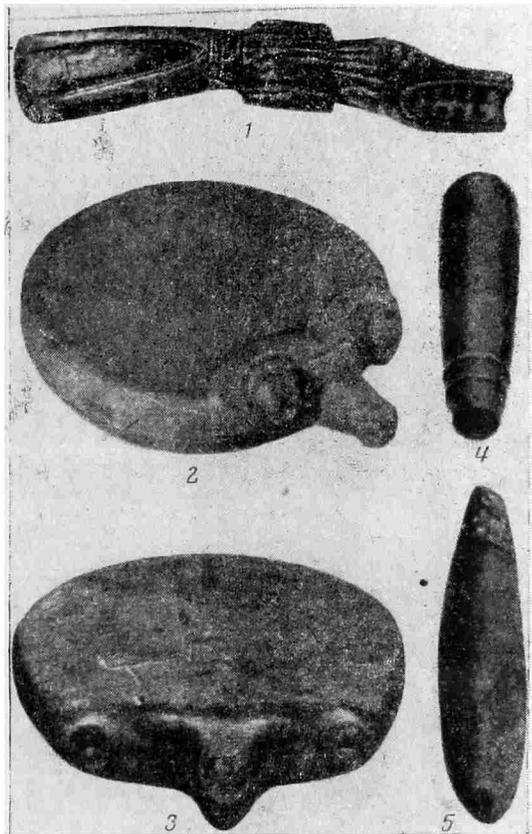

Рис. 1. Находки на Ю. Урале

1 — секира; 2, 3 — жертвенные плиты; 4 — пест; 5 — колотушка (1 — г. Юрюзань; 2 — совхоз им. Ленина Челябинской обл. 3—5 — с. Ольховка Курганской обл.)

¹ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, табл. XXXII, 2.

² Там же, стр. 134, рис. 14.

³ J. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien..., I, Helsingfors, 1887, рис. 240.

⁴ А. В. Збруева. Ук. соч., стр. 132.

⁵ П. А. Дмитриев. Жертвенные камни Зауралья. КСИИМК, XIX, 1947, стр. 12—21.

⁶ Н. П. Кипарисова, К. В. Сальников. Савроматское погребение близ г. Троицка. СА, 1958, 2.

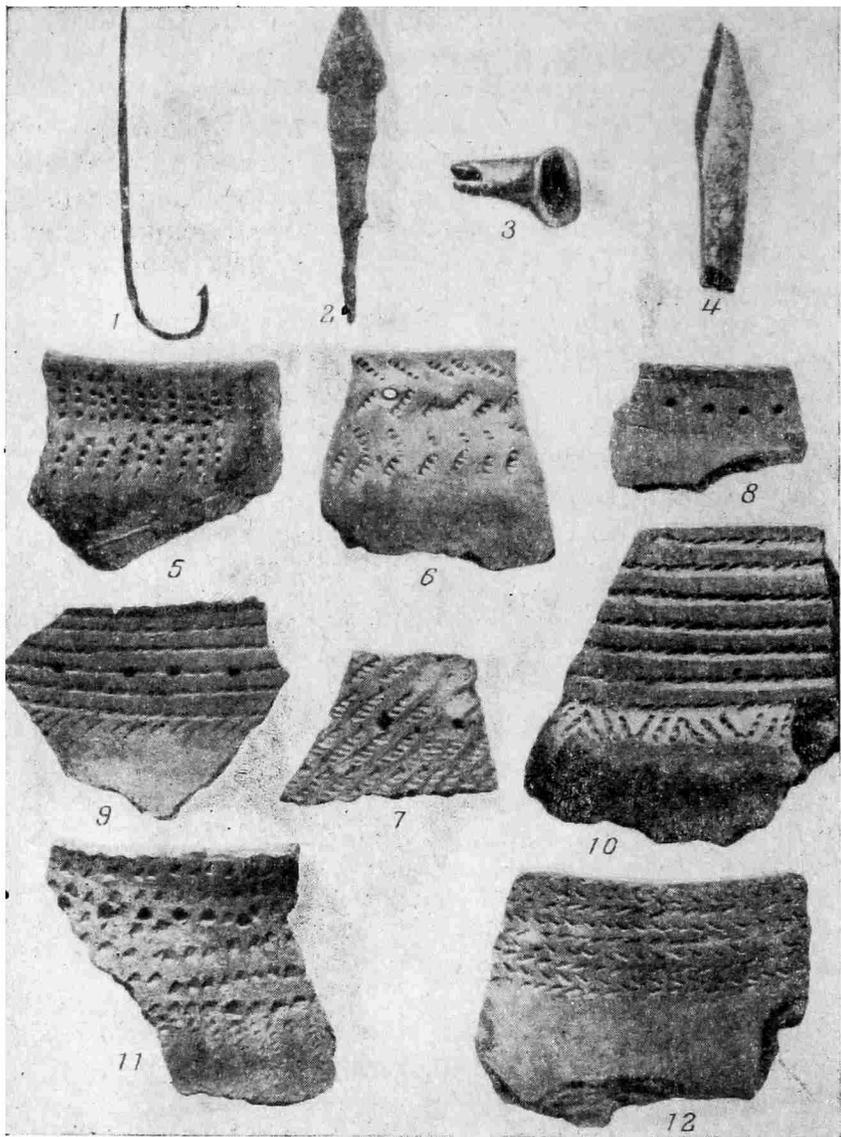

Рис. 2. Находки на Мохиревском городище

1 — медный крючок; 2 — железный наконечник стрелы; 3 — глиняная льячка;
4 — костяной наконечник стрелы; 5—12 — керамика

Другая плита (рис. 1, 3) вместе с двумя крупными каменными шлифованными орудиями поступила в Курганский краеведческий музей из с. Ольховки, на окраине которого эти предметы найдены рабочим Г. А. Бушмановым в песчаном карьере на глубине 0,5—0,7 м. Одно из орудий (рис. 1, 4) представляет собой цилиндрический пест с двумя широкими желобками у верхнего конца, второе (рис. 1, 5) — колотушку, на округлом утолщенном конце которой видны многочисленные мелкие выбоины.

В 1957 г. студентом Свердловского педагогического института С. И. Третьяковым была доставлена в кабинет археологии Уральского университета небольшая коллекция керамики и других древних вещей, собранных во время экскурсии учащимися школы-интерната поселка Талица под руководством воспитательницы Е. В. Крыжановской на «Татарском городке» близ дер. Мохиревой Талицкого района. Городок расположен на мысу при впадении ныне высохшей речки в старицу р. Пышмы.

В коллекцию входит около тридцати обломков керамики с орнаментом из оттисков шнура, гребенки, рамчатой «гусенички» (рис. 2, 5—12). Многие черепки снабжены также пояском из глубоких круглых ямок или из жемчужин. Помимо керамики найдены: глиняная льячка (рис. 2, 3).

костяной (рис. 2, 4) и железный (рис. 2, 2) наконечники стрел, большой медный удильный крючок (рис. 2, 1), обломок поделки из листовой меди, обломок грубо отлитого чугунного котла. На одном обломке листовой меди с пробоинами от гвоздей сохранился небольшой кусочек меха. Трещина на обломке котла скреплена заплатой из свинца — способ, практикующийся башкирами до наших дней.

Шнуровая керамика аналогична керамике кинтусовского этапа — X — XIII вв.⁷ Железный наконечник стрелы тождествен найденным в Кинтусовском могильнике⁸. Эти находки датируют основной слой городища. Но некоторые вещи: льячка, крючок — выглядят более древними, как и отдельные черепки. Характер керамики указывает на родственность обитателей городища с населением Приобья. Весьма интересно сочетание керамики с чугунными котлами. Впрочем, условия находки не дают уверенности в их синхронности. Памятник заслуживает изучения его раскопками.

⁷ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, 58, 1957, табл. XXXIX.

⁸ В. Н. Чернецов. Ук. соч., табл. XLIII, 4.

П. А. ДИТЛЕР

АТТИЧЕСКИЙ ШЛЕМ ИЗ СТАНИЦЫ ТЕМНОЛЕССКОЙ

В 1961 г. житель ст. Темнолесской (Апшеронский р-н Краснодарского края) А. Н. Шатковский доставил в Майкопский краеведческий музей бронзовый шлем. Сохранился он неполностью: были утрачены оба нащечника, обломан наносник, а затылочная сторона частично разрушена окислением. Шлем был найден другим жителем станицы К. С. Андреевым, который копал землянку на склоне террасы в 3 км на северо-восток от станицы. В одной из стенок землянки Андреев обнаружил шлем, а в шлеме — череп, который тут же распался. Углубляться в стену землянки Андреев не стал. Весной 1962 г. место находки шлема было обследовано автором.

Станица Темнолесская расположена на обоих берегах горной речки Мезмай. В 3,5 км на северо-восток на горных склонах от ст. Темнолесской находится группа курганов небольших размеров. Курганный могильник, занявший территорию трех террас, состоит из каменных насыпей круглой формы, высотой от 2 до 0,6—0,8 м. Многие курганы разрушены. В одном разрушенном кургане была каменная гробница из крупных плит, прикрытая такой же массивной плитой. На территории курганного могильника, на второй террасе, и был найден бронзовый шлем. Но как показало обследование, шлем нашли не в кургане, а на склоне второй террасы в глинистом грунте. Никаких видимых признаков курганной насыпи на месте землянки не было, а ближайший курган находится в 30 м.

В западной стенке землянки Андреев указал место, где он нашел шлем. Оно находилось примерно на глубине 0,30 м. Нарушений грунта выше и вокруг места находки шлема не оказалось. Казалось очевидным, что погребение не связано с подкурганым обрядом захоронения, а устроено в грунтовой могиле оставшейся ненарушенной к западу от землянки. Поэтому было решено сделать вдоль всей западной стороны землянки прирезку 2 × 2 м. Углубление по всей площади этого раскопа до

уровня пола землянки не дало положительных результатов: погребение не было обнаружено. Не удалось его выявить и при углублении ниже уровня землянки.

Бронзовый шлем, обнаруженный при случайных обстоятельствах, описанных выше, состоит из верхней части, представляющей собой плавно очерченную по линии перегиба шапочку. Она рельефно отграничена от нижней части. В нижней части лицевая сторона прикрывается отвес-

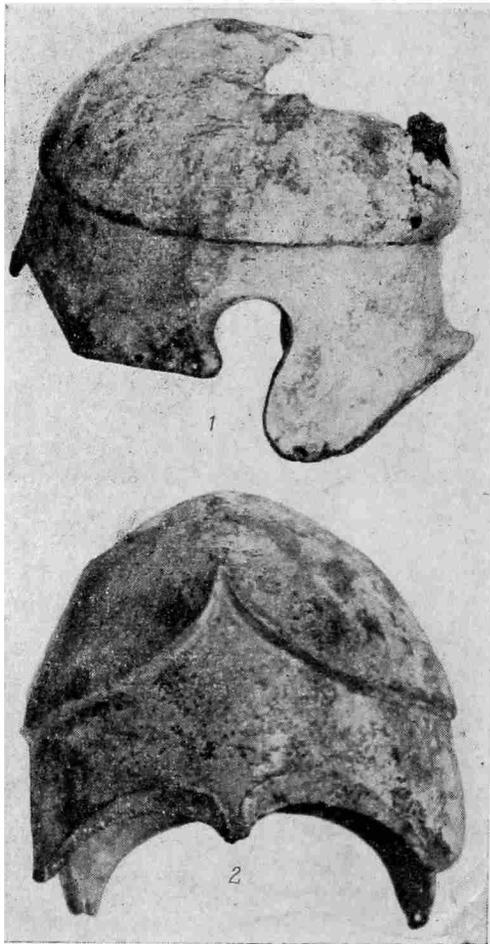

Рис. 1. Шлем из ст. Темнолесской
1 — вид сбоку; 2 — вид спереди

ным налобником, который еще ниже переходит в узкий наносник (не сохранился). Над глазами имеются четко выраженные изгибы надбровий. Боковые стороны, прикрывающие виски, являются продолжением закругляющегося по обе стороны налобника. В них сделаны ушные выемки — круглые, небольших размеров и суживающиеся книзу. Задняя сторона состоит из назатыльника, переходящего ниже в горизонтальный бортик. Нашечники не сохранились, но три дырочки в нижних обрезках каждой стороны свидетельствуют, что они были подвижными на шарнирах, прикрепленных изнутри. Остатки шарнирных пластинок и заклепок подтверждают это. Форма нашечников осталась неизвестной. Затылочная сторона шлема частично разрушена вследствие окисления (рис. 1).

Основные признаки шлема из ст. Темнолесской с несомненностью свидетельствуют о его греческом происхождении. И в этом нет ничего неожиданного, если вспомнить, что находки предметов вооружения греческих образцов античного времени на территории нашей страны и в других странах не составляют редкого исключения. Их появление в областях, значительно удаленных

от основных центров производства в Греции объясняется всем ходом исторического развития древнегреческого общества. Расцвет могущества, основанный на рабовладельческом способе производства, вызвал мощную волну движения греков в страны, где обогащение за счет местных племен не представляло особых трудностей. С ростом и укреплением греческих городов-колоний на берегах Северного Причерноморья, Боспора Киммерийского и Колхиды усиливается развитие торговых связей с племенами, жившими в непосредственной близости к этим колониям. V век до н. э. явился наиболее решающим в активизации и расширении этих связей. В начале IV в. до н. э. и в последующее время устанавливаются прочные торговые связи с племенами, проживавшими на обширных пространствах Приднепровья, горных и предгорных районах Северо-Западного Кавказа и Закавказья. В этом веке самая разнообразная продукция греческого производства поступает через города-колонии к многочисленным племенам скифов, меотов, колхов. Наряду с самыми различными видами украшений, чернолаковыми сосудами, амфорами с вином и маслом, удовлетворявшими эстетические и бытовые запросы, полу-

чили широкое распространение среди местных племен предметы вооружения греческих образцов (мечи, щиты, панцири, поножи, шлемы). При этом учитывались местные вкусы, выполнялись специальные заказы. Племенная и родовая знать с особой охотой приобретала вооружение, украшенное накладными золотыми пластинами с рельефными изображениями зверей, бытовых и военных сцен. Об этом свидетельствуют находки мечей, колчанов, горитов, украшенных золотом, в скифских и меотских курганах Приднепровья и Прикубанья. Они общеизвестны. Основная же масса предметов вооружения предназначалась для продажи более широкому кругу покупателей — воинам дружин вождя. Это вооружение отличалось почти полным отсутствием дорогих украшений, но высоко ценилось за боевые качества.

Все находки вооружения в Приднепровье, Прикубанье и Закавказье отражают определенную хронологическую последовательность, которая указывает на различные этапы торговых связей между греческими колониями Северного Причерноморья, Боспора с городами метрополии¹.

Устанавливая датировку и тип шлема из ст. Темнолесской, обратимся к находкам предметов греческого вооружения, получившим широкую известность в археологической литературе и твердо датированным. В этом отношении находки вооружения греческого происхождения в Приднепровье имеют для нас первостепенное значение.

И. Фундуклей в 1845 г. раскопал в Киевской губернии курган², вещевой комплекс которого состоял из богатого набора предметов вооружения, в том числе шлема, поножей, трехгранных наконечников стрел, меча, наконечников дротиков и других предметов. Пухлогорлая амфора датирует погребение серединой V в. до н. э. Шлем в погребении является наиболее ранним образцом шлемов коринфского типа и его развитой формой.

В 1876 г. Люценко в Эльтегене близ Керчи, на месте древнего Нимфея, в каменной гробнице с деревянным саркофагом обнаружил ряд предметов вооружения со шлемом и другой богатый инвентарь. Бронзовые сосуды, стиль ручек на гидрии, найденных в гробнице, датируют весь погребальный комплекс первой половиной V в. до н. э. Шлем относится к халкидскому типу, но ряд признаков формы сближает его с аттическим³.

В 1839 г. Ашик вскрыл каменный склеп, ставший известным под названием гробницы Кекуватского⁴. В этом богатейшем склепе в кипарисовом гробу найден позолоченный шлем⁵ и другие богатые вещи. Погребение датируется первой половиной IV в. до н. э. Тип шлема — аттический, развитой классической формы.

В 1898 г. Хвойка в урочище Галущенко близ с. Пастырское раскопал в кургане погребение, в котором оказались предметы вооружения со шлемом⁶. Погребение датируется первой половиной IV в. до н. э. Шлем аттического типа.

Останавливаясь так подробно на находках вооружения греческого происхождения в Приднепровье, мы стремимся обосновать не только хронологическую последовательность в его распространении, но и показать, что ранние типы шлемов явились прообразом для появления новой группы шлемов — аттических. Большинство признаков формы аттического шлема унаследовано от шлемов позднекоринфского и халкидского типов, имевших распространение в первой половине V в. до н. э.

¹ Б. З. Рабинович. Шлемы скифского периода. ТОИПКЭ, 1, Л., 1941, стр. 136.

² И. Фундуклей. Обзорение могил, валов и городищ Киевской губернии..., Киев, 1848, стр. 13 и 72, табл. 16.

³ ОАК за 1876 г., стр. XX, № 1; ОАК за 1877 г., стр. 234 с рисунком.

⁴ ДБК, СПб., 184, стр. LXVIII и стр. 194, табл. XXVIII, 4, ГЭ, инв. 5.

⁵ Н. Кондаков, И. Толстой. Русские древности в памятниках искусства. I, СПб., 1889, рис. 54.

⁶ ДП, II, Киев, 1899, стр. 10, табл. IX.

От этих шлемов к аттическому типу перешли основные признаки формы: резко ограниченная верхняя часть, составляющая шапочку и стилизующая волосы, вогнутый назатыльник, небольшой изящный наносник, закругленные сзади нащечники, круглые выемки для ушей. В отличие от них аттический шлем имеет подвижные нащечники на шарнирах.

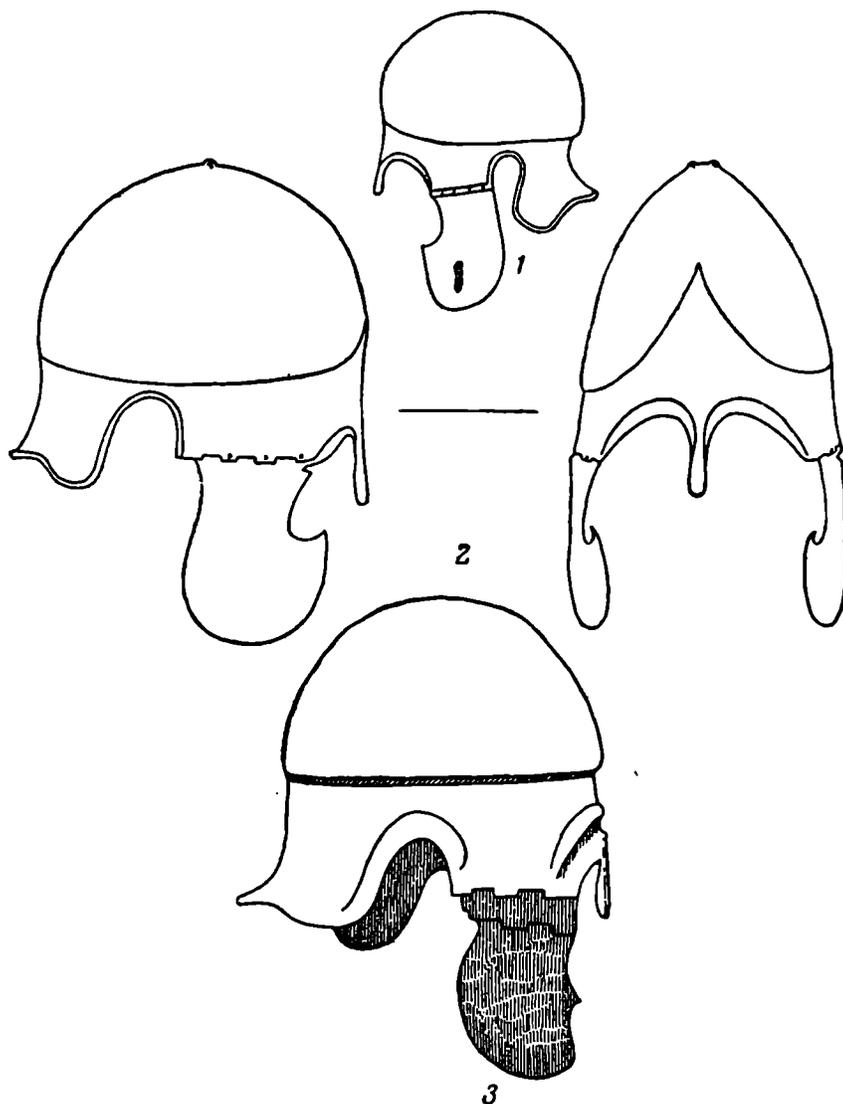

Рис. 2. Типы аттических шлемов, найденных в Советском Союзе
 1 — гробница Кекуватского; 2 — урочище Галущенко (Приднепровье);
 3 — пос. Мезмай (Прикубанье)

Наиболее ярко выраженный классический тип аттического шлема, найденного на территории нашей страны, воплотился в шлеме из гробницы Кекуватского. Он может служить эталоном для определения развитых и установившихся форм шлемов аттического типа. В этом отношении примером классического типа аттического шлема являются хорошо известные изображения на краснофигурных вазах строгого стиля и современной им скульптуре эгинских фронтонов. Все основные признаки аттического шлема в строгом стиле краснофигурной живописи полностью совпадают с признаками формы шлема из гробницы Кекуватского: линия перегиба по вершине четко выражена, назатыльник глубоко вдавлен, а нижние длинные концы его выступают вперед, нащечники прикреплены шарнирами, ушные выемки круглые, суженные книзу, наносник короткий, изящной формы (рис. 2, 1).

Шлем из кургана в урочище Галущенко по основным признакам формы близок шлему из гробницы Кекуватского. Различаются некото-

рые детали. Например, назатыльник у первого менее вдавлен и нижние концы его лишь слегка выступают вперед, боковые стенки шлема очень круто сходятся кверху, образуя ребро, на вершине которого накладка с двумя ушками-петельками для прикрепления украшения; у нашечников передний край изогнут сильнее и образует крючок, ушные выемки не суживаются книзу (рис. 2, 2). Однако шлем по своим основным признакам формы также является аттическим. В данном случае расхождение в деталях и их некоторые вариации не имеют решающего значения в определении типа шлема.

Это же необходимо отметить и для шлема из ст. Темнолесской. Основные признаки формы аттического типа у него налицо. Сходство его с шлемом из гробницы Кекуватского полное. Близость основных признаков с классическими типами аттических шлемов из Греции не вызывает никакого сомнения⁷. Но и у нашего шлема также отмечаются незначительные отклонения в деталях, хотя и не так резко, как у шлема из урочища Галущенко. Так, назатыльник нашего шлема ровный, а не вдавленный, нижние концы короче и только лишь слегка выступают вперед. Другие же детали формы шлема из ст. Темнолесской не имеют никаких отклонений от основных признаков, характерных для шлемов аттического типа. Хотя форма нашечников осталась неизвестной, способ их прикрепления к тулье еще раз подтверждает принадлежность его к аттическому типу и в то же время является верным хронологическим признаком.

Таким образом, аналогии со шлемами из Приднепровья дают полное основание отнести шлем из ст. Темнолесской к развитым формам аттического типа классической поры и датировать его первой половиной IV в. до н. э.

Подобная близость основных признаков, характерных для аттических шлемов IV в. до н. э., может быть отмечена у шлемов, обнаруженных в разное время в Прикубанье. В 1895 г. в ст. Курджипской⁸ в курганном погребении найдено среди прочих вещей три экземпляра бронзовых шлемов (один целый, два в обломках). Шлемы, судя по основным признакам формы, аттического типа. Датируются они первой половиной IV в. до н. э.⁹

В рабочем поселке Мезмай (около ст. Темнолесская) в 1937 г. при случайных раскопках кургана обнаружено погребение с вещами, среди которых находился посеребренный шлем аттического типа, два меча с кольцевыми навершиями и прямыми перекрестиями и другие предметы. Шлем датируется второй половиной IV в. до н. э.¹⁰

В 1935 г. в кургане Золотая горка близ ст. Тульской найден шлем¹¹ аттического типа, сходный со шлемом из Мезмая. Датируется он второй половиной IV в. до н. э.

Из числа шлемов, найденных в Прикубанье при случайных обстоятельствах, необходимо упомянуть посеребренный шлем из Анапы, купленный в 1906 г.¹² Данный экземпляр имеет наибольшее сходство со шлемами из Мезмая и Тульской и датируется также IV в. до н. э. Тип — аттический.

В краснодарском краеведческом музее экспонируется еще один аттический шлем, место находки которого неизвестно. Он очень близок по

⁷ А. Furtwängler. Olympia. IV, Berlin, 1896, табл. LXIII, 1025; Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 122—123, рис. 6.

⁸ В. М. Сысоев. Находка близ ст. Курджипской. АИЗ, III, М., 1895, 12, стр. 413; ОАК за 1895 г., стр. 62; ОАК за 1896 г., стр. 60.

⁹ Хранятся в Эрмитаже, инв. КУ 1895, 4/44 и КУ 1895, 4/45.

¹⁰ Доставлен в Майкопский музей П. К. Перепелицыным, утрачен в годы Отечественной войны; Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 147, рис. 17.

¹¹ Б. Лукин. Археологические находки в 1935—1936 гг. в окрестностях станицы Тульской и Даховской близ Майкопа. ВДИ, 1939, № 3 (8), стр. 210, 215, рис. 4.

¹² Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 147, табл. XX.

ряду признаков к шлему из гробницы Кекуватского¹³ и поэтому датируется первой половиной IV в. до н. э.

Большинство шлемов из Прикубанья, обнаруженных в комплексах и случайно, найдены в местах, близких друг от друга (р. Белая с притоками Курджипс, Мезмай и др.). Такая насыщенность предметами вооружения небольшой территории обширного края может свидетельствовать только об интенсивности распространения оружия в глубь северо-западного Кавказа в IV в. до н. э. Эта датировка подтверждается типами шлемов: шесть экземпляров, найденных в бассейне р. Белой, несмотря на некоторую вариацию деталей, являются классической формой аттических шлемов. Малоизученность в археологическом отношении большинства предгорных и горных районов Прикубанья не позволяет сейчас составить ясную картину, насколько широко был охвачен этот большой край и его многочисленные племена торговыми связями в античное время.

Находки шлемов в Закавказье известны в двух случаях. Один шлем найден в г. Кутаиси в долине Риона¹⁴, другой среди остатков древнего укрепления над келасурской стеной у с. Келасури¹⁵. Оба шлема по сходству основных признаков с шлемом из гробницы Кекуватского являются аттическими в их развитой форме и датируются первой половиной IV в. до н. э.

Шлеймы, найденные в Прикубанье и Закавказье, их несомненная близость, а чаще полное сходство основных признаков формы с шлемами аттического типа из Греции, Приднепровья и других областей древнего мира позволяют уверенно отнести шлем из ст. Темнолесской к первой половине IV в. до н. э. Развитые формы аттических шлемов и их некоторые варианты, как теперь твердо установлено, получили свое распространение в Греции, а затем за ее пределами лишь в IV в. до н. э. Распространение их в этом веке было наиболее интенсивным.

Поступление шлемов аттического типа в отдаленные области продолжалось и в начале III в. до н. э., но в меньшем количестве¹⁶. Это уменьшение вызвано появлением нового типа шлемов — фракийского¹⁷. Но так называемые фракийские шлемы, хотя и являются по некоторым признакам новым типом, продолжают повторять ряд признаков формы аттических шлемов¹⁸, в значительной мере измененных. Подобные шлемы датируются в общей массе III—II вв. до н. э. и бытуют в эллинистическое время.

¹³ Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 145, табл. XXI.

¹⁴ Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 145, табл. XIX. Хранится в ГИМ, инв. № 61071.

¹⁵ Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 145—146, рис. 16. Хранится в Гос. Музее Абхазии в г. Сухуми.

¹⁶ Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 149.

¹⁷ В. Schgöder. Thrakische Helme. AA, 1912, стр. 317.

¹⁸ Шлем из кургана Большая Близница; Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 150—151, рис. 18.

ЗАМЕТКИ О СИНОПСКИХ КЛЕЙМАХ

I

Мне уже приходилось говорить о том, что на синопских клеймах можно наблюдать работу одного резчика, изготовляющего штампы для разных гончаров. В качестве примера приводилось клеймо с именем астинома Микрия, на котором поверх одного имени гончара написано другое имя¹. Позволю привести еще один не менее интересный пример. Ручка амфоры (рис. 1) с клеймом хранится в Керченском историко-археологическом музее (инв. № К 4459) и содержит надпись

Ἰστιαίου (υ)
ἀστὺ (νόμου).
μάνεω.

В третьей строке к омеге как бы приписаны с обеих сторон еще две буквы (рис. 2, 1). В действительности же это сохранившиеся начертания букв альфы, тау и эпсилона имени Эпикрата, которое на штемпеле было сокращено: ΕΠΙΚΡΑΤΕ.

Сличение клейм с именами ΜΑΝΕΩ и ΕΠΙΚΡΑΤΕ показывает, что они сделаны одинаковыми штампами, так как расположение букв в строчках и их толщина, а также начертание эмблемы идентичны. Вероятно, мастер, изготовлявший штемпеля для обоих гончаров, не вырезал новый штемпель для второго гончара, а ограничился тем, что, оттиснув на заготовке первое клеймо с именем Эпикрата, получил новый негатив, исправив одно имя на другое.

Рис. 1. Клеймо гончара Мана времени астинома Гистиея

Рис. 2. Прорисовка клейм Мана (1) и Сосия времени астинома Микрия (2)

Такое же исправление на негативе сделано и в описанном нами ранее случае, когда мастер поверх недописанного имени ΦΙΛΟΚΡΑ вырезал новое имя ΣΩΣΙΟΥ. Мне известно два таких клейма, оттиснутых одинаковым штемпелем с исправлениями. Одно хранится в Керченском музее, второе находится также в Керчи в частной коллекции В. В. Веселова (рис. 2, 2).

¹ В. И. Цехмистренко. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм. СА, 1958, I, стр. 60.

Е. М. Штаерман опубликовала клеймо с именем астинома Омфалика. Она считает этого астинома новым и относит его, по всей вероятности, к V хронологической группе Б. Н. Гракова, мотивируя тем, что этот астином появляется с эмблемой V группы — корабельным носом². Между тем астинома Омфалика Б. Н. Граков относит ко II хронологической группе³, о чем упоминает и сама издательница.

К какому же времени нужно отнести клеймо, изданное Е. М. Штаерман? Насколько можно судить по рисунку автора⁴, это клеймо сохранилось довольно хорошо.

. . .	ФАΛΙΚΟΥ	нос	῾Ομ] φαλικῶ
. . .	ΥΝΟ		῾αστ] υνό (μου).
. . . .	ΙΔΩ	корабля	Ποσε] ιδῶ (νίου)

Оно легко восстанавливается, несмотря на то, что левая часть клейма утрачена. Очень важным моментом является хорошая сохранность правой части клейма, на которой видны окончания слов, что имеет решающее значение в вопросе о датировке.

На клейме изображена одна эмблема — нос корабля. Такое количество эмблем характерно для второго и четвертого периодов по нашей классификации⁵. Для того чтобы определить, к какому из двух периодов относится данное клеймо, нужно анализировать легенду, так как формы выражения некоторых частей ее в этих периодах будут различны.

Присмотримся внимательно к самому клейму. Название магистратуры написано в сокращении ΑΣΤΥΝΟ. В такой форме оно встречается только в трех ранних периодах развития, а именно, во второй половине первого периода, целиком охватывает второй период и заходит в третий, причем в первой половине этого периода ΑΣΤΥΝΟ господствует, во второй половине оно в различных вариантах клейм с одним именем астинома чередуется с ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ. В четвертый период ΑΣΤΥΝΟ не заходит, если не считать очень редкие исключения. Имя гончара Посидония дано в сокращении, которое уже не употребляется на клеймах четвертого периода, а характерно только для трех первых периодов.

Эти наблюдения позволяют заключить, что принадлежность астинома Омфалика к V хронологической группе Б. Н. Гракова, которая включена нами в четвертый период, сомнительна⁶.

Поэтому клеймо, изданное Е. М. Штаерман, можно отнести к одному из трех первых периодов.

К какому же? Напомним, что первый период представлен эмблемой орла на дельфине. Значит, отнесение астинома Омфалика к этому периоду исключается. Ко второму периоду относятся клейма с эмблемами гончарных мастерских, к третьему периоду принадлежат клейма с несколькими эмблемами, причем одной из них обязательно является эмблема астинома. На данном клейме одна эмблема — нос корабля. На известных нам клеймах с именем этого астинома стоят следующие эмблемы:

² Е. М. Штаерман. Керамические клейма из Тиря. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 34.

³ Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, М., 1928, стр. 127, № 34.

⁴ Е. М. Штаерман. Ук. соч., стр. 32, рис. 3, 8.

⁵ В. И. Цехмистренко. Ук. соч., стр. 65 и 68.

⁶ Мне уже однажды пришлось путем анализа легенды клейма с именем астинома Хаврия исключить его из V хронологической группы Б. Н. Гракова (В. И. Цехмистренко, Ук. соч., стр. 64, рис. 44).

Имя Гончара	Эмблема	Имя Гончара	Эмблема
Каллисфен *	Факел	Посидоний *	Гроздь
Гераклид	Голова барана	Тевтрант *	Гроздь и колос
Притан *	Ракушка	Посидоний *	Гроздь и колос
Посидоний	Нос корабля	Гефестий	Гроздь и канфар
Дионисий *	Гроздь		

* E. P r i d i k. Die Astynomennamen auf Amphoren und Ziegelstempeln aus Südrussland, Berlin, 1928, стр. 25, № 64.

Гроздь в трех последних примерах не является знаком астинома, а принадлежит к одному из символов гончара⁷. Все это говорит о том, что на клеймах с именем астинома Омфалика стоят знаки гончаров. Согласно нашей характеристике периодов развития, это относится к концу второго периода, потому что эмблемы астинома еще нет, а знаки гончаров, особенно Посидония (гроздь и колос) и Гефестия (гроздь и канфар), характерны в основном для третьего периода.

Появление новой эмблемы «нос корабля» в столь раннее время не должно казаться странным и неожиданным, так как при астиноме Мони-ме, который близок по времени астиному Омфалику⁸, известна эмблема «акростилий»⁹.

Все изложенное выше приводит к выводу, что Омфалик — это не новый астином, а уже известный ранее, отнесенный Б. Н. Граковым ко II хронологической группе.

II

Мне удалось приобрести у одного из жителей Керчи синопское клеймо, не известное до сих пор в литературе. Клеймо состоит из надписи с именами астинома Микрия и гончара Атта и эмблемы с изображением головы коня вправо (рис. 3). Несмотря на то, что имена астинома и гончара достаточно известны¹⁰, само клеймо представляет несомненный интерес, поскольку оно выявляет новую разновидность в дополнение к двум другим, описанным мною ранее¹¹.

Напоминаю, что до сих пор были известны две разновидности клейм с именем астинома Микрия. В одной из них на первом месте стоит имя астинома в форме ΜΙΚΡΙΟΥ, затем следует название магистратуры, выраженное причастием родительного падежа настоящего времени активного залога, и, наконец, имя гончара в родительном или, реже, в именительном падеже. Справа от надписи изображен конь, вставший на дыбы влево¹².

Во второй разновидности в надписи на первом месте стоит название магистратуры, выраженное именем существительным в родительном падеже. Затем следует имя астинома в форме дорического родительного падежа ΜΙΚΡΙΑ. На последнем месте стоит имя гончара, которое во всех известных нам шести случаях поставлено в родительном падеже. Эмблемой в этом варианте является изображение коня, идущего вправо¹³. Рисунок коня во второй разновидности по размеру значительно меньше, чем в первой.

Публикуемое клеймо представляет новую разновидность (рис. 3). Здесь снова, как и во втором варианте, на первом месте стоит название

⁷ В. И. Цехмистренко. Ук. соч., стр. 67.

⁸ У Б. Н. Гракова они помещены в одной группе. См. Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 127, № 31, 34.

⁹ Б. Н. Граков. Ук. соч., табл. 5, 3.

¹⁰ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 133, № 18 и стр. 134, № 11.

¹¹ В. И. Цехмистренко. Ук. соч., стр. 57.

¹² В. И. Цехмистренко. Ук. соч., рис. 1—3.

¹³ В. И. Цехмистренко. Ук. соч., рис. 4—5.

магистратуры в родительном падеже, однако имя астинома повторяет форму первой разновидности ΜΙΚΡΙΟΥ. Имя гончара поставлено в именительном падеже. Интересна эмблема на этом клейме. Мотив ее сохраняется: это тот же конь, однако здесь мы видим не различную трактовку изображения животного, как это было в двух первых случаях, а рисунок его головы.

Рис. 3. Клеймо гончара времени астинома Микрия

Таким образом, публикуемое клеймо подтверждает наши выводы о существовании в астиномных группах нескольких разновидностей¹⁴, которые различаются схемой построения надписей, формой названия магистратуры, формами родительного падежа имени астинома и различной трактовкой эмблемы. Эти разновидности можно объяснить связью их с различными керамическими мастерскими, в которых работали резчики штемпелей. Отсюда совпадение признаков разновидностей клейм внутри одного варианта и различие их в разных вариантах.

¹⁴ В. И. Цехмистренко. Ук. соч., стр. 59.

Н. А. БОГДАНОВА, И. И. ГУЩИНА

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКОВ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ В 1960—1961 гг.

В юго-западном Крыму, по долинам рек Альмы, Бельбека, Качи и Черной находится большое количество могильников первых веков нашей эры, исследованию которых раньше уделялось очень мало внимания. Н. И. Репников¹ упоминает 23 могильника этого времени, известных ему по случайным находкам, разведкам и раскопкам Н. И. Печенкина в 1903—1905 гг.² Частичный обзор этих могильников был дан в статье Г. И. Мосберг³.

¹ Н. И. Репников. Археологическая карта юго-западного Крыма. Архив БИАМ, д. № 43.

² Н. Печенкин. Раскопки в окрестностях г. Севастополя. ИТУАК, 38, Симферополь, 1905, стр. 29, 30, 31. Коллекции хранятся в фондах МАЭ, инв. № 1515 «А», 1515, 1672.

³ Г. И. Мосберг. К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма. СА., VIII, 1946, стр. 113 сл.

Систематические раскопки могильников центрального и юго-западного Крыма начались после Великой Отечественной войны (могильник Неаполя скифского⁴, могильники Инкерманской долины⁵).

В 1960 г. Бахчисарайский историко-археологический музей и Государственный исторический музей организовали разведку по долинам рек горного Крыма с целью уточнения местоположения известных ранее памятников и выявления новых, но многие могильники обнаружить вновь не удалось⁶. Однако исследование памятников этого времени имеет большое значение для изучения этнического состава и материальной культуры населения юго-западного Крыма в первые века нашей эры. С 1954 г. Бахчисарайский историко-археологический музей ведет раскопки большого могильника, расположенного в 13 км к северо-востоку от Бахчисарая на окраине с. Заветное в долине р. Альмы у подножия второй гряды Крымских гор. С 1958 г. в работах принимает участие Государственный исторический музей⁷.

Могильник занимает площадь около двух гектаров, из которых за семь лет раскопок вскрыто 2550 м² и исследовано 209 погребений. Выявлено семь типов погребальных сооружений: грунтовые прямоугольные ямы, подбойные могилы, грунтовые могилы с каменными засыпками и насыпями, могилы с «запличиками», грунтовые ямы облицованные с длинных сторон и перекрытые сверху отесанными плитами, один земляной склеп и два детских захоронения в амфоре. В 1960—1961 гг. раскопано 42 погребения, причем наблюдалась, как и в прошлые годы, локализация могил с каменными засыпками на юго-восточном холме, а в центральной части преобладали плитовые и подобные могилы (раскопы «Б» и «В»).

Погребенные обычно лежат вытянуто на спине, ориентированы головой в большинстве случаев на юго-запад. Ноги погребенного иногда скрещены в голених; часто одна рука согнута в локте и положена на тазовые кости. Во многих могилах обнаружен коричневый тлен — следы ткани, в которую был обернут покойник и остатки деревянных колод.

Каждое погребение сопровождалось определенным набором инвентаря, обязательной принадлежностью которого была керамика, повторяющая уже известные ранее формы. Сосуды ставились в головах, реже в ногах погребенного. В основном это одноручные или двуручные красноглиняные и краснолаковые кувшины (рис. 1) из греческих городов Северного Причерноморья, изредка из малоазийских центров. Часто встречаются небольшие сосудики херсонесского производства (рис. 1, 2). Есть кувшин, форма которого впервые встречена в данном могильнике и не известна нам среди синхронных материалов (рис. 1, 3). В каждом погребении рядом с кувшином стояла краснолаковая тарелочка с профилированным бортиком, иногда с клеймом (чаще всего клеймо в виде ступни в сандали, рис. 1, 4; 4, 3). В мисках лежали остатки заупокойной пищи в виде костей мелкого рогатого скота и свиньи. Вся керамика датируется I—III вв., за исключением чернолаковой солонки, сделанной из днища сосуда IV—III вв. до н. э., которая была положена в могилу II в. (рис. 1, 5).

Лепная посуда в Заветнинском могильнике встречается очень редко. За два последних года найдено только два лепных горшка баночной формы, на которых лежала большая амфора с детским захоронением (рис. 2, 1). Случай погребения в амфоре — редкость для Заветненского могильника. Амфоры подобного типа не часто встречаются в Северном

⁴ В. И. Бабенчиков. Некрополь Неаполя Скифского. ИАДК, стр. 61 сл.

⁵ Е. В. Веймарн. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г., ИАДК, стр. 279.

⁶ Н. А. Богданова. Отчет о раскопках и разведках БИАМ и ГИМ в 1960 г. Архив ИА АН УССР, д. № 3445(46)47.

⁷ Н. А. Богданова. Отчеты о раскопках могильника у с. Заветное в 1955—1961 гг. Архив ИА АН УССР, д. № ф/экс. № 2432 ф/экс. № 2694, ф/экс. № 3252/53, ф/экс. 3435/36/37, ф. экс. № 3445/46/47.

Рис. 1. Сосуды из погребений могильника у с. Заветное
 1, 2 — погр. 186; 3 — погр. 194; 4 — погр. 190; 5 — чернолаковая солонка
 с клеймом из погр. 189

Причерноморье и датируются, как нам любезно сообщила И. Б. Зеест, рубежом I в. н. э. Интересна обнаруженная среди инвентаря погребения в амфоре миниатюрная бронзовая амфора-подвеска (рис. 2, 2) на бронзовом кольце.

Помимо керамики в могилах найдены украшения, предметы домашнего обихода и, редко, оружие. В большом количестве встречаются бронзовые браслеты с концами в виде змеиных голов (рис. 2, 3, 4). Такие браслеты встречаются и во многих других могильниках первых веков нашей эры Северного Причерноморья, но не часто⁸. Фибулы чаще бронзовые, редко — железные. Типы их обычные для данного времени: с подвижным приемником и небольшие фибулы с колончатой дужкой, встречающиеся в могильниках II—III вв. в Крыму⁹. Кольца с выпуклыми трехсторонними шишечками разных диаметров широко известны в могильниках Северного Причерноморья, нередко встречаются и в Заветненском могильнике (рис. 2, 5, 6). Положение их на теле погребенного неопределенно. Они не могли служить ни перстнями, ни браслетами, а выполняли, видимо, ритуальную роль.

⁸ В. П. Бабенчиков. Ук. соч., стр. 124, табл. III; Д. Б. Шелов. Некрополь Тананса. МИА, '98, 1961, стр. 75, табл. XXXIV, 11; Некрополь Ольвии. ГЭ инв. № ОЛ 16197/420, № 861.

⁹ Инкерманский и Чернореченский могильник; материал хранится в БИАМ.

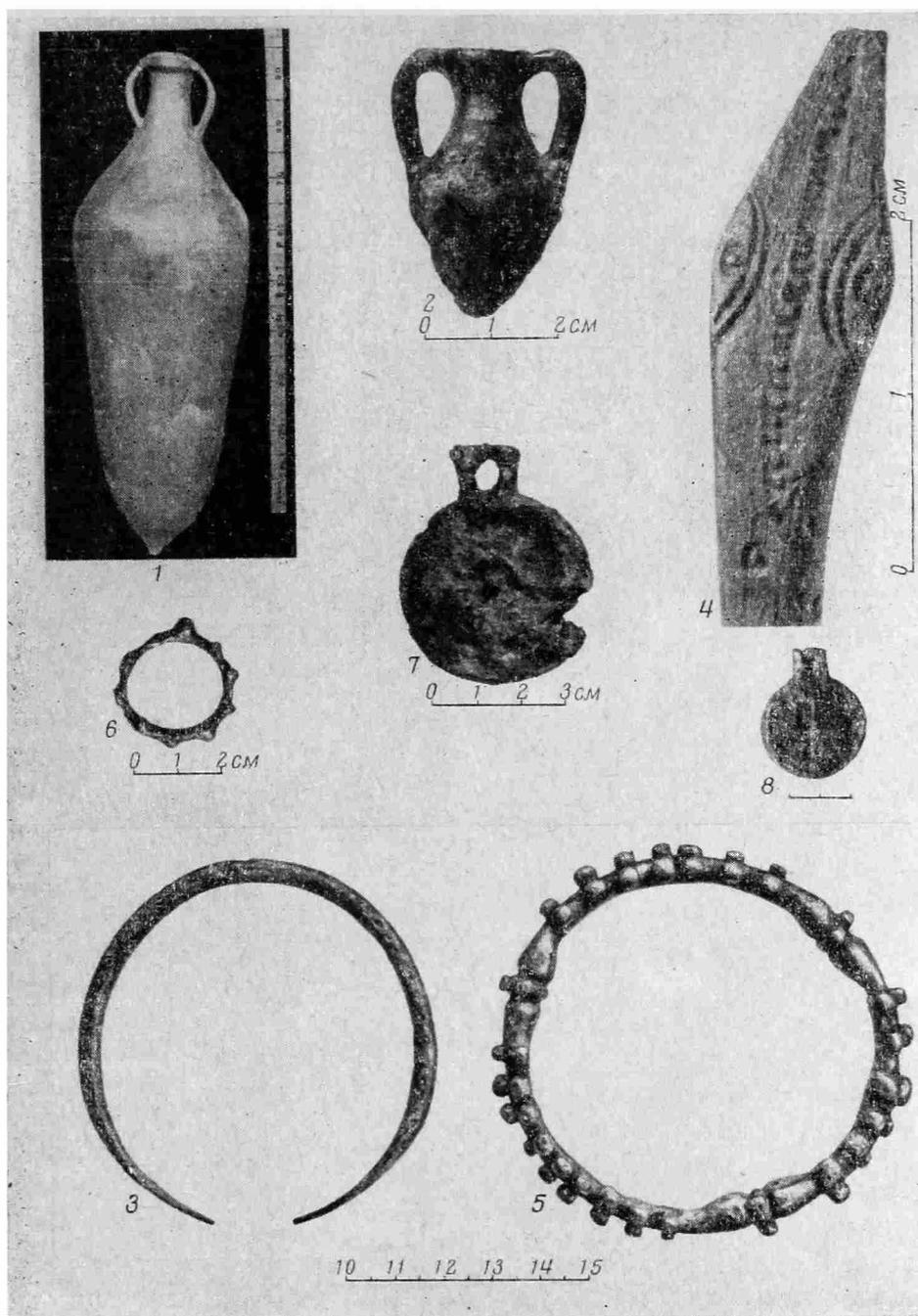

Рис. 2. Вещи из погребений могильника у с. Заветное

1 — амфора из погр. 201; 2 — бронзовая амфорка из погр. 201; 3, 4 — бронзовый браслет и его увеличенный конец из погр. 190; 5, 6 — бронзовые кольца с выступами из погр. 190 и 194; 7 — бронзовое зеркало из погр. 193; 8 — бронзовое зеркало из погр. 184

Перстни очень плохой сохранности. Все они бронзовые, имеются несколько типов: совершенно гладкие из толстой уплощенной проволоки, тонкие, пластинчатые с расплюснутыми концами со схематическим изображением змеиных голов, подобных изображениям на браслетах. Больше всего найдено тонкопроволочных перстней со щитками и вставками из стекла и сердолика. Почти в каждом погребении встречались бусы, разнообразные по форме, размерам и материалу. Часто они составляли ожерелье, браслеты или были положены по одной — две, являясь, по-видимому, застежками. Во многих погребениях были встречены стеклянные бусины с внутренней позолотой, иногда сдвоенные, строенные, круглые или бочкообразные, а также сердоликовые — разных размеров, хрустальные и халцедоновые плоскоовальные, круглые рифленые бусы из глухого стекла и смальтовые, широко распространенные в Северном Причерноморье в первые века нашей эры и бытовавшие до раннего сред-

невековья. Лигнитовые бусы разной формы в большинстве случаев были включены в ожерелье совместно с бусами из другого материала.

В инвентаре некоторых погребений встречались биконические и круглые глиняные пряслица и бронзовые зеркала двух типов: небольшие зеркала-привески сарматского типа, с петелькой, выпуклым орнаментом и ободком по краю и плоские, диаметром до 9,5 см. Зеркала часто находились в погребениях преднамеренно разбитыми по сарматского обряду (рис. 2, 7, 8). Только в одном погребении раскопок 1960—1961 гг. было найдено оружие — длинный меч (0,8 м длины) с рукояткой без навершия и перекрестия.

Интересен комплекс вещей в погр. № 194. Вероятно, в мешочке или шкатулке находились предметы, имеющие, по-видимому, ритуальное назначение: каменные и железные предметы цилиндрической формы, галька, морская раковина, кусок розовой краски, подвеска, имитирующая клюв и глаз орла, сделанная из клешни краба. Тут же лежал железный ключ, грехлопастный черешковый наконечник стрелы, глиняное пряслице и круглое бронзовое зеркало, разбитое на куски. Рядом стояли красноглиняные сосуды и фрагмент стеклянного сосуда, по которым погребение можно датировать I в. н. э.

Рядом с описанным погребением обнаружена могила с богатым инвентарем (рис. 3). В ней были найдены части золотой диадемы из листьев апия и четырех привесок из стекла и сердолика (рис. 3, 1—5; рис. 4, 1—2), на одной из которых резное изображение стоящей с факелом или луком фигуры (рис. 3, 5), на двух — рука, держащая колос или мак (рис. 3, 2, 3). Обе геммы имеют аналогии среди гемм Северного Причерноморья¹⁰. Здесь же находились золотые серьги из перевитой колечками проволоки (рис. 3, 6), бляшки в виде маленьких амфор (рис. 3, 7, 8), бочкообразные золотые и сердоликовые бусы (рис. 3, 11) и гладкие овальные пластины — наглазники и нагубники (рис. 3, 9, 10). Такие вещи из золота в могильнике попадают не впервые и свидетельствуют об определенной имущественной дифференциации населения, оставившего могильник.

Заветнинский могильник относится к тем исследованным памятникам, которые оставлены неоднородным населением юго-западного Крыма первых веков нашей эры. Видимо, в это время здесь жили потомки тавров, скифы и пришедшие сюда сарматы. Свидетельством этому являются некоторые черты погребального обряда и инвентаря могильника. Довольно слабо прослеживаются таврские черты (погр. № 7, 8 и 14 раскопок 1954 г. со скорченными костями), ярче — черты, характерные для погребений поздних скифов Крыма (более 50% могил с каменными засыпками) и сарматских племен (большой процент подбойных могил сарматского типа, юго-западная ориентация большинства погребенных, наличие деревянных колод, широко распространенных в сарматских могильниках Нижнего Поволжья, положение в могилу преднамеренно разбитых зеркал и др.). В этом отношении интересно открытое в 1960 г. погребение № 183, сделанное в подбойной могиле. Погребенный лежал на спине, головой на юго-запад, вытянуто, со скрещенными в коленях ногами. В инвентаре находились: красноглиняная мисочка с розовой краской, около нее лежало разбитое бронзовое зеркало, большой кусок мела и морская раковина. Ритуал захоронения и погребальный инвентарь позволяют говорить о сарматском характере погребения.

Население, оставившее могильник, находилось несомненно, в тесном взаимодействии с населением греческих городов Северного Причерноморья, главным образом Херсонеса, что проявляется и в обряде погребения (наличие плитовых могил, широко известных в некрополях Северного Причерноморья, детские захоронения в амфорах) и, главным образом,

¹⁰ Т. В. К и б а л ь ч и ч. Южнорусские геммы. Берлин, 1910, табл. III, 81; табл. IV, 139.

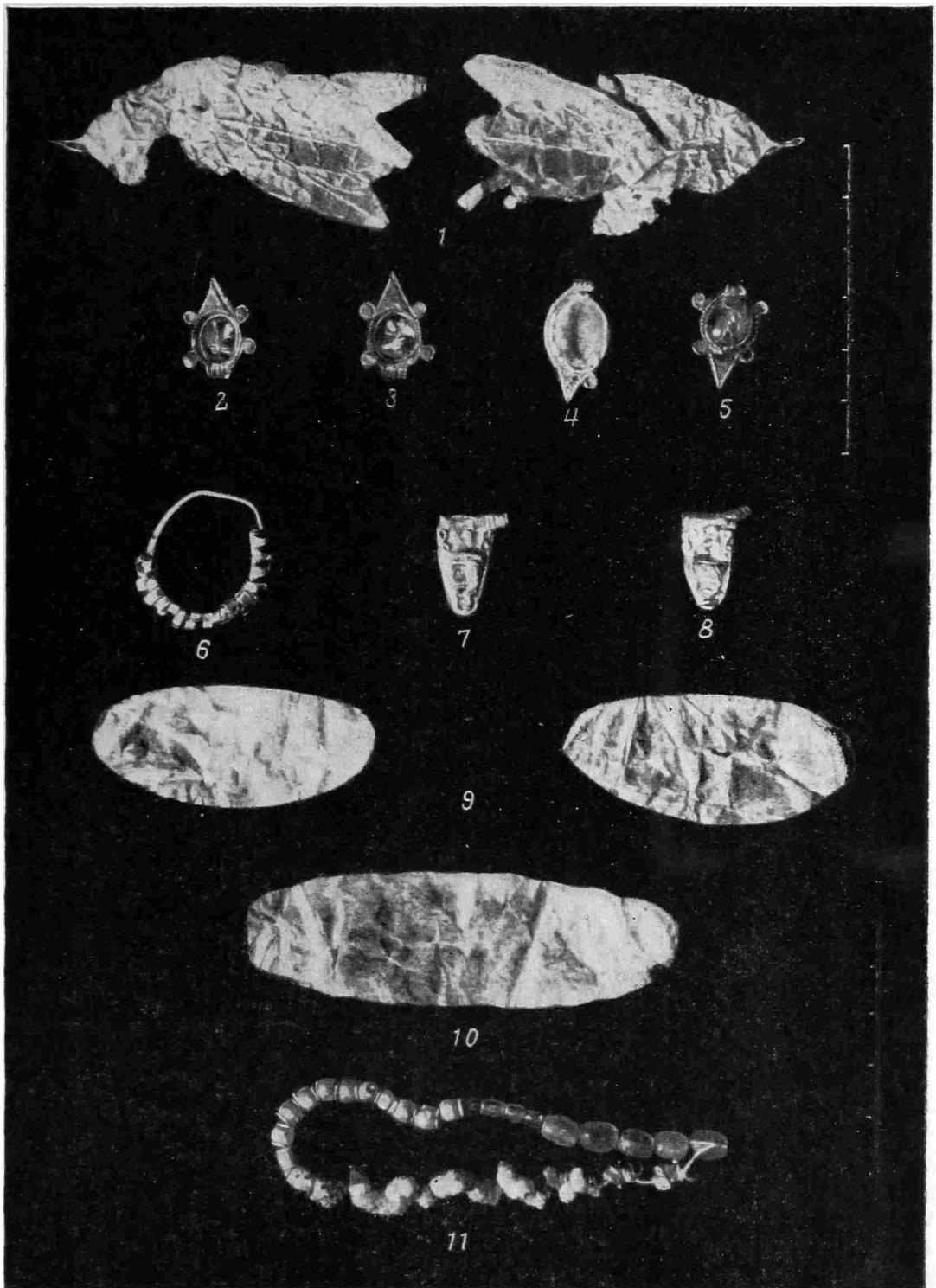

Рис. 3. Золотые вещи из погр. 195

1—5—части диадемы; 6—серьга; 7, 8—бляшки; 9—наглазники; 10—нагубник; 11—золотые и сердоликовые бусы

в инвентаре (керамика, ювелирные изделия и другие вещи). Видимо, к такому же типу памятников, как у с. Заветное, относится могильник Бельбек II¹¹, расположенный на правом берегу среднего течения р. Бельбек на территории колхоза «Украина» Куйбышевского района. Могильник исследовался в 1937—1938 и 1940 гг. Н. И. Репниковым и Е. В. Веймарном, когда было раскопано шесть могил. Материал трех могил опубли-

¹¹ Могильником Бельбек I называется могильник, раскопанный Н. М. Печенкиным в 1903—1906 гг.; Печенкин. Ук. соч., стр. 29 сл.

ковал Г. И. Мосберг¹². В 1961 г. было исследовано еще три погребения. Интересно отметить, что могилы расположены на большом расстоянии друг от друга и небольшое количество открытых могил дают пять типов погребальных сооружений: одна простая грунтовая яма, две грунтовые ямы с засыпками из камней, подбойная могила с «заплечиками», перекрытая каменными плитами с небольшой нишкой для амфоры, и земляной склеп. Ориентация погребенных — юго-западная и северо-восточная. Инвентарь в погребениях обычный для могильников этого типа. Здесь были найдены: амфора II—III вв. с буквами, написанными красной краской на горле (рис. 5), краснолаковая и красноглиняная керамика, бронзовые браслеты, фибулы, зеркало-подвески, цилиндрические пастовые бусы белого, голубого и розового цвета, встречавшиеся в Бельбекском могильнике при раскопках прошлых лет и в Ольвийском некрополе, но не известные в других синхронных могильниках юго-западного Крыма.

В подбойной могиле обнаружен бронзовый оклад шкатулки, ключик-герма, зеркало-подвеска, серебряный пластинчатый браслет, бронзовая ажурная подвеска; в погребении

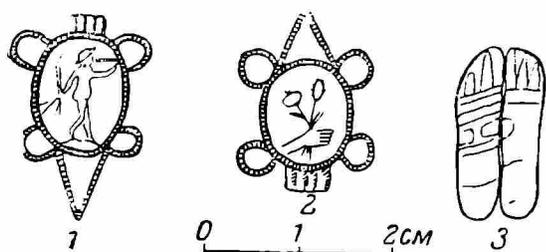

Рис. 4.

1, 2 — сердоликовые подвески из погр. 195;
3 — клеймо на краснолаковой миске (рис. 2, 4)

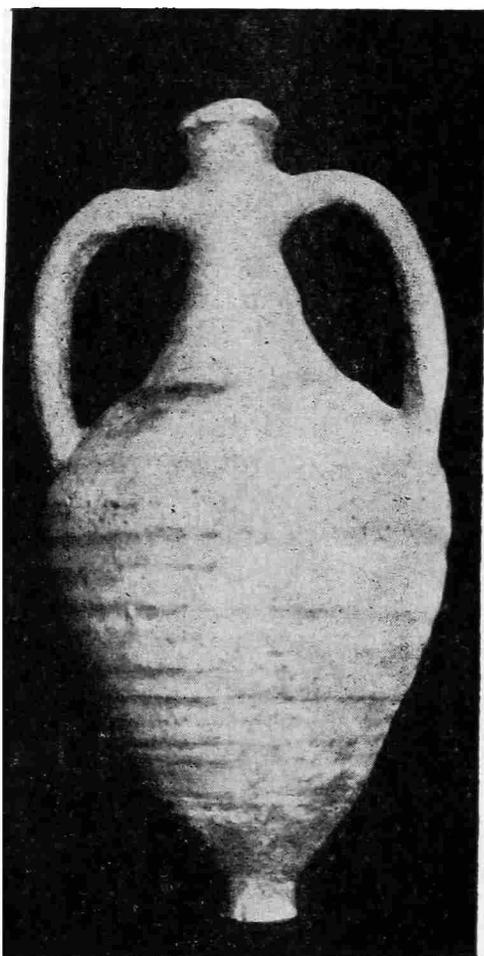

Рис. 5. Светлоглиняная амфора из погр. № 7 могильника Бельбек II

с «заплечиками», перекрытом каменными плитами,—сердолик без оправы с резным изображением двух стоящих фигур, судя по изображению, относящийся к II—III вв. К этому времени относятся все раскопанные до сих пор могилы. Могильник, видимо, оставлен тем же населением юго-западного Крыма, что и ряд других (у с. Заветное, Озерное, Чернореченский и Инкерманский и др.). Более подробную его характеристику можно будет дать после дальнейших раскопок Бельбекского II и Заветинского могильников, которые предполагается продолжить.

¹² Г. И. Мосберг. Ук. соч., стр. 113 сл.

О НАЗНАЧЕНИИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ КОРЧАГИ С НАДПИСЬЮ «ГОРОУШНА»

При раскопках в Гнездове, Д. А. Авдусин нашел в одном из курганов глиняный амфоровидный сосуд¹. Такие сосуды в древней Руси обычно назывались корчагой. Корчага лежала поверх кострища, разбитая на множество кусков. На трех обломках имелась надпись, сделанная кириллицей после обжига сосуда. Все захоронение хорошо датируется первой четвертью X в. Таким образом была найдена древнейшая русская надпись. Она привлекла к себе большое внимание историков и лингвистов. Уже вышло пять работ, в которых надпись подвергнута обстоятельному разбору. Однако результат исследований получился несколько неожиданный: пять разных толкований одного и того же слова.

Так, М. Н. Тихомиров² читает надпись как «гороухша», что, по его мнению, означает «горчица» или какая-нибудь другая пряность. П. Я. Черных³ считает, что на корчаге написано «гороушна», т. е. «горчичные» (зерна). Ф. Мареш (ЧССР)⁴ видит здесь два слова: «Гороух пса», т. е. «Гороух (имя мужчины) писал». Р. Якобсон⁵ (США) считает, что на корчаге процарапано слово «Гороушья», т. е. «Горунова» (корчага). Известно, что такое имя имелось в древнеславянской ономастике. Наконец, Г. Ф. Корзухина⁶ полагает, что надпись надо читать: «горуша», т. е. «горючая» нефть (буква «х», как думает автор, вставлена здесь по ошибке).

Причина столь различных толкований одной и той же надписи отчасти объясняется ее не вполне понятной транскрипцией. Вместе с тем, как нам кажется, можно гораздо ближе подойти к правильному решению, рассматривая эту находку как один из атрибутов погребального обряда. С этой точки зрения мы и попытаемся разобраться в памятнике, полагая, что наиболее убедительное прочтение надписи дали М. Н. Тихомиров и, особенно, П. Я. Черных, вариант которого и берется нами за основу. Нам хотелось бы подкрепить их выводы дополнительными соображениями.

У восточных славян было широко распространено поверие об упырях, мертвецах, встающих из могил и бродящих по ночам. Их называли также «мерці», «еретники» и т. д. Считали, что такими неприкаянными покойниками чаще всего бывают люди, так или иначе связанные со злыми духами, с так называемой «нечистой силой». К ним относили, например, умерших «не своей» смертью, в том числе и самоубийц, а также колдунов, знахарей, ведьм и прочих, что «продали» свою душу «нечистой силе», чтобы получить от нее дар особого ведения и знаний⁷. В момент кончины «вещего» человека сонм «нечистиков» забирал якобы его душу, а сами они вселялись в его тело, и покойник начинал бродить по ночам, всячески досаждая людям. Считали, что такие «мерці», не отличаясь ни-

¹ Д. А. Авдусин. Раскопки в Гнездове. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 72, 77—79.

² Д. А. Авдусин, М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. ВАН, 1950, 4, стр. 72.

³ П. Я. Черных. Две заметки по истории русского языка. «Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка», IX, 5, 1950.

⁴ F. V. Mareš, Dva objevy starých slovanských Nápísů (v SSSR u Smolenska a v Rumunsku). «Slavia» 1951—1952, XX, стр. 497 сл.

⁵ Iakobson, Vestiges of the Earliest Russian Vernacular. «Word». 1952, VIII.

⁶ Г. Ф. Корзухина. О гнездовской амфоре и ее надписи. Сб. статей в честь проф. А. И. Артамонова, Л., 1961, стр. 226—230.

⁷ В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, 1, 1891 стр. 240—241; В. Гнатюк. Похоронні звичаї и обряди. Етнографічний збірник, XXXI—XXXII, Львов, 1912, стр. 321.

чем от злых духов, несут с собой беды и несчастья, а также поваральные болезни⁸.

В основе своей эти поверия очень древние. Известно, например, сообщение летописи о нашествии таких бродящих покойников, «навьев» на г. Полоцк, относящееся к XI в.⁹

Способы борьбы с этими злыми духами хорошо известны из этнографической литературы. В числе этих способов широкое применение находило обсыпание маком. Этот прием, кажется, был незнаком русским; в Белоруссии он отмечен по соседству с Гнездовом, на Витебщине и очень широко применялся по всей Украине¹⁰. Известен он был и у западных славян¹¹. Обряд состоял в следующем. Если по ряду признаков, считали, что умерший был при жизни человеком «знающим», т. е. колдуном и т. п. брали мак и обильно сыпали его в «домовину» (гроб) чародея, а также обсыпали вокруг дома или вокруг могилы. При особой назойливости упыря советовали посыпать маком дорогу от кладбища до дома¹². При этом всегда приговаривали, обращаясь к беспокойному мертвецу: «Тоді в дом вїдеш, коли весь мак переличиш!», (т. е. пересчитаешь)¹³. Цель этой действий, таким образом, вполне ясна. С помощью этого хотели отвлечь внимание злых духов от живущих, направить их вредоносную силу на другой путь. Считалось, что не заняться пересчетом маковых зерен мертвец не может: это выше его сил. Поэтому для посыпания брался не всякий мак, но чаще всего самый мелкий мак-самосейка «выдюк», или «хрустаец» (*Paraver Rhoëas L.*)¹⁴, на 1 кг которого приходится около 10 млн. штук семян¹⁵. Народная традиция утверждала, что пересчитать «выдюк» мертвец никогда не сможет и навсегда оставит живущих в покое.

«Выдюк», таким образом, считался как бы идеальным средством от злых духов, но, что важно для нас отметить, не единственным.

Среди народа были широко распространены поверия о том, что «знающие» люди заставляют подвластную им «нечистую силу», постоянно просящую себе какой-нибудь работы, считать смешанные семена овса и льна, иголки на елях, перетаскивать песок с берега в реку по песчинке, собирать по порошинке муку, развеянную в воздухе, и т. д.¹⁶

Громадная сила стихийных явлений природы, враждебная человеку в древности и непонятная ему, послужила, очевидно, началом всех этих воззрений, так своеобразно преломившихся, в конце концов, и в представлениях о бродячих мертвецах. И поэтому главное, как нам кажется, в описываемом обряде, конечно, не мак, а стремление создать для

⁸ М. К. Васильев. Малорусские похоронные обряды и поверья. «Киевская старина», 1890, август, стр. 320; Н. Ф. Сумцов. Культурные переживания. Киев, 1890, стр. 219—222; П. Ефименко. Упыри. «Киевская старина», 1883, июнь, стр. 371.

⁹ ПСРЛ, I, СПб., 1846, стр. 92.

¹⁰ Н. Я. Никифоровский. Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Вильна, 1907; стр. 99; Ив. Бенковский. Мак в народной демонологии на Волини. «Киевская старина», 1905, апрель, стр. 735; К. Ящуржинский. Остатки языческих обрядов, сохранившихся в малорусском погребении. «Киевская старина», 1890, январь, стр. 130 сл.

¹¹ A. Fischer. Zwyszaje pogrzebowe Ludu Polskiego, Lwow, 1921, стр. 348, 349.

¹² П. П. Чубинский. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край. Материалы и исследования IV, СПб., 1877, стр. 708, 712; Ив. Бенковский. Народные обычаи, приуроченные к Спасу. «Киевская старина», 1895, июль — сентябрь, стр. 13; В. Гнатюк. Знадоби до галицько-руської демонології. Етнографічний збірник, XV, Львов, 1904, стр. 149.

¹³ Ив. Бенковский. Смерть, погребение и загробная жизнь по понятиям народа. «Киевская старина», 1896, июль — сентябрь, стр. 248; П. П. Чубинский. Ук. соч., I, стр. 85.

¹⁴ А. С. Рогович. Опыт словаря народных названий растений юго-западного края. Зап. Юго-западного отдела РГО, I, Киев, 1874, стр. 130.

¹⁵ Сорные растения СССР, З. Л., 1934, стр. 18.

¹⁶ С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903, стр. 110—111.

этих фантастических и невероятных сил какую-то преграду в виде особо трудных задач и условий. Поэтому, в свою очередь, нет ничего необычного в том, что в погребальном обряде X в. могли быть употреблены для указанных выше целей и горчичные зерна, о которых с давних пор шла молва (а об этом хорошо знали и в древней Руси), что «мъне есть въсехъ семень зърно гороушьно»¹⁷. В том же, что корчага с надписью служила для обрядовых действий, сомневаться вряд ли можно. После того, как содержимое ее было высыпано вокруг останков покойника, она была разбита и осколки ее разбросали по всей площадке¹⁸. Обряд битья посуды на похоронах отмечается во многих курганах Гнездова¹⁹. Интересно, что обычай этот на Украине сохранялся до недавних дней²⁰.

Древняя Русь, по-видимому, не знала собственной культуры горчицы, и она для нее являлась дорогостоящим деликатесом, доступным далеко не всегда. Поэтому можно предположить, что в описываемой корчаге могли помещаться зерна полевой горчицы *Sinapis Arvensis* L., широко распространенной в наших краях²¹.

На Украине она имеет даже особое, очень близкое к слову «гороуха», название — «горунка», очевидно, уменьшительное от «горуна»²².

Полевая горчица действительно очень мелка: на 1 кг семян приходится около 800 тыс. зерен.

Имелся ли, однако, повод для обряда обсыпания покойника на похоронах в кург. № 13? Мы полагаем, что имелся. Ведь в похоронном обряде этого кургана мы, видимо, имеем дело с особым случаем, подобным тому, что описал Ибн-Фадлан²³. Это были похороны какого-то знатного человека, возможно, мелкого князька или военачальника, которые, как известно, часто тогда выполняли и функции жрецов, были хранителями тайных знаний и обычаев племени, считались чародеями и волшебниками, людьми «вещими», наподобие Олега Старого или Всеслава Полоцкого, как рисуют их нам древние предания.

Обряд обсыпания мог быть в данном случае направлен не только против покойника-чародея, но и для защиты самого умершего или его души от посягательств демонов в ее трудной дороге на «тот свет». Такой обряд также сохранялся вплоть до недавнего времени на Украине, где бабкам-повитухам клали в гроб узелочек с маком, с помощью которого она смогла бы отвлечь внимание своих преследователей. Роль бабок-повитух в прошлом была, как известно, чрезвычайно почетной, а сами они пользовались особым уважением, являясь фактически добрыми знахарями, хранителями древних традиций и обрядов²⁴.

Таковы наши соображения относительно назначения в древнерусском погребальном обряде корчаги с надписью «гороушна».

¹⁷ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. I СПб., 1893, стр. 559.

¹⁸ Д. А. Авдусин. М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 73.

¹⁹ Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 г. Материалы по изучению Смоленской области, I. Смоленск, 1952, стр. 319.

²⁰ В. Гнатюк. Похоронні звичаї..., стр. 138, 246.

²¹ А. И. Мальцев. Атлас важнейших видов сорных растений СССР, I, М — Л., 1937, стр. 55—56.

²² А. С. Рогович. Ук. соч., стр. 130.

²³ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М. Л., 1939, стр. 83.

²⁴ В. Гнатюк. Похоронні звичаї..., стр. 302; П. Ефименко, Попытка околдовать волостной суд. «Киевская старина», 1884, март, стр. 508; П. В. Иванов. Очерк воззрений на загробную жизнь. Сб. Харьковск. истор.-филол. об-ва, XVIII, Харьков, 1909, стр. 249.

СЕРЕБРЯНЫЙ СОСУД XIII в. ИЗ НОВГОРОДА

При раскопках в Новгороде найден небольшой серебряный сосуд обрядово-религиозного назначения (рис. 1). Его две основные стенки имеют овальные очертания, вверху сосуд образует прямоугольное горло с прямоугольной крышкой на петлях. Крышка снабжена двумя ушками, через которые продевали шнур или тесьму для ношения сосуда на груди. Внутри сосуд поделен перегородкой на две равные части, каждой из которых на лицевой стороне соответствуют надписи. Слева в две строки процарапано МАСЛ, справа — МЮР. Таким образом, левое отделение сосуда предназначалось для церковного масла — елея (оливковое или деревянное масло), применяемого при елеопомазании — христианском церковном обряде, совершаемом во время праздничных богослужений и церковных таинств. Другое отделение описываемого сосуда заполнялось миром¹ — веществом сложного состава, куда входили оливковое или деревянное масло, виноградное вино и другие элементы (всего около тридцати веществ). Мир употреблялся при

Рис. 1. Серебряный сосуд из Новгорода

различных (крещение, соборование и пр.) таинствах (миропомазание).

Сосуд, видимо, принадлежал одному из новгородских приходских священников и носился им на груди. В XVIII—XX вв. подобные сосуды, предназначенные для миро, назывались мирницами. В древнерусских письменных источниках этот термин неизвестен, хотя термины *миро* и *масло* встречаются в памятниках русской письменности уже в XI—XIII вв. Мир впервые упоминается в Остромировом евангелии середины XI в., масло деревянное (вместо елея) — в Галицком евангелии XIII в. (в более ранних памятниках, например Остромирово евангелие, употребляется елей).

Новгородская мирница найдена в культурном слое, стратиграфически датированном второй половиной XIII в. (инв. № Н-58, 4908; ярус 12, 1268—1299 гг., усадьба «И»). Палеография надписи на сосуде подтверждает его датировку XIII в. (рис. 2). Сильный наклон задней черты в написании буквы «А» является признаком XI—XIII вв.², а плавный изгиб нижней петли исключает XI—XII в., когда его начертания, судя по новгородским берестяным грамотам, обычно остроугольные³. Написание буквы «М» (в слове *масло*) с

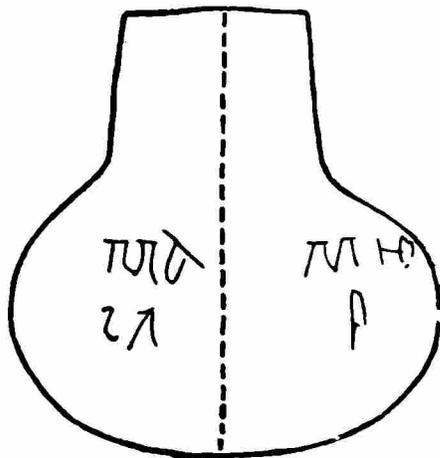

Рис. 2. Прорись надписей на сосуде

¹ Мир в письменных памятниках древней Руси писалось как МУРО и МЮРО. Случай последнего написания см: ПСРЛ, I, Л., 1927, стр. 438 (под 1212 г.); Новгородская I летопись. М — Л., 1950, стр. 297 (под 1243 г.).

² И. А. Шляпки и н. Русская палеография. СПб., 1913, стр. 43—44.

³ Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 162.

прямыми мачтами, с широкими плечами и несколько дугообразной серединой имеет аналогии в пергаментных памятниках и новгородских берестяных грамотах. А. В. Арциховский подчеркивает, что такое «М» очень характерно для памятников второй половины XIII в., хотя встречается и в первой половине XIV в.⁴

Написание «Р» с четырехугольной верхней частью связывает эту находку с памятниками XIII в., так как в XIV в. верхняя часть этой буквы обостряется, а хвост входит в строку⁵. Для памятников XI—XII вв. свойственна остроокруглая вершина.

Срединное положение соединительной черты буквы «Ю» характерно для памятников древнерусской письменности XII — начала XIII в. С XIII в. начинается подъем соединительной черты⁶. Ломаные же черты второй части «Ю» и написание «С» на новгородской мирнице датируют надпись опять-таки XIII в.⁷ Таким образом, как стратиграфия находки, так и палеографический анализ надписи дают дату — вторую половину XIII в.

⁴ А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958, стр. 16.

⁵ И. А. Шляпки н. Ук. соч., стр. 58.

⁶ Там же, стр. 61.

⁷ Там же, стр. 57.

И. С. ВАЙНЕР

СЕРЕБРЯНАЯ ПРЯЖКА ИЗ САРАЙ-БЕРКЕ

На Царевском городище (золотоордынский город Сарай-Берке) найдена серебряная пряжка, представляющая некоторый интерес. Ее нашел местный житель Р. К. Ханафеев на одном из холмов городища. Длина пряжки 88 мм, ширина 37 мм, высота в средней части 21 мм. Вес пряжки — 75 г.

Лицевая поверхность пряжки образована двумя плоскостями расположенными под тупым углом друг к другу. С боков пряжка имеет грани, составляющие с ней одно целое. С внутренней стороны грани соединены гвоздевидной осью, предназначенной для крепления ремня. Концы пряжки закруглены. На них выгравирован растительный орнамент, а посередине — двустрочная надпись арабскими буквами. Каждая строка обрамлена трапецевидной рамкой.

Специалисты, знающие арабский язык и читавшие надпись, единодушно признали древний характер надписи и дали несколько вариантов чтения и перевода. Привожу эти переводы.

Преподаватель арабского языка в Казанском университете Г. М. Ишмухаметов полагает, что этим шрифтом написаны тюркские слова, дающие в переводе имя. В русской транскрипции он дает следующее

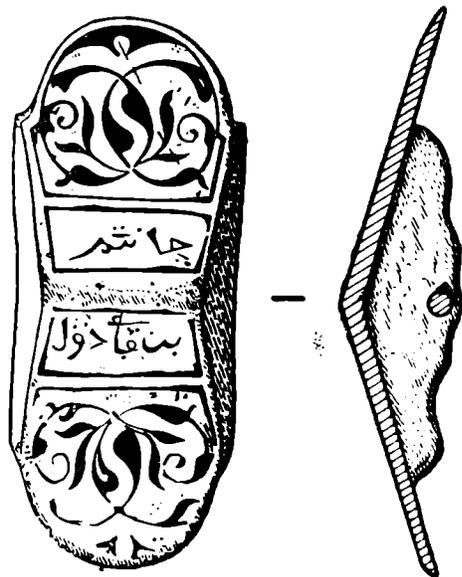

Рис. 1. Серебряная пряжка из Сарай-Берке

чтение: Джантэмир (верхняя строка) бен Кадул (нижняя строка), что по-русски означает «Джантемир сын Кадула».

Второй вариант дал доцент Мордовского университета М. Г. Сафаргалиев. Он согласен с датировкой надписи золотоордынским временем и прочел: Джантэмир (верхняя строка) бей Кадвал (Кадвул — нижняя строка), что в русском переводе означает: «Джантемир князь Кадвала (Кадвула)».

Третий вариант принадлежит А. Б. Булатову, который читает: Чантэмир (верхняя строка) бин кайдуал (кай дуыл-дувыл-тугыл — нижняя строка), что в переводе на русский язык означает: «Чантемир царем рожденный (порфирородный)».

Четвертый переводчик Д. Д. Алмазов дал следующее чтение: Джантэмир (верхняя строка) бейка (нижняя строка), а по-русских: «Джантемиру князю подарок».

Пятый вариант дал Г. В. Юсулов, который после ознакомления с пряжкой пришел к выводу о несомненной древности текста и орнамента. Он дал следующее чтение надписи в русской транскрипции: Джантэмир (Чантэмир — верхняя строка) бей (бек) Кадвал (нижняя строка), что, как и во втором варианте, по-русски означает: «Джантемир князь Кадвала».

Шестой вариант чтения и перевода дал А. Н. Усманов (Уфа): Жантемир (верхняя строка) би бине Кадвул (нижняя строка), что по-русски означает: «Джантемир бей (князь) сын Кадвула».

И наконец, А. Х. Моргулан (Алма-Ата) признал пряжку древней кипчакской. Он дал следующий перевод надписи: «Джантемир князь (судья племени) Кайдаул».

Таким образом, точки зрения четырех из семи специалистов совпали и могут быть признаны наиболее правильными. Точная датировка пряжки неизвестна, но пряжка была найдена на Царевском городище, которое датируется не позднее конца XIV в.

Н. Б. НЕМЦЕВА

РАСКОПКИ НА АНСАМБЛЕ ШАХ-И-ЗИНДА В САМАРКАНДЕ

На одном из известных и интереснейших историко-архитектурных ансамблей XIV—XV вв. в Самарканде — Шах-и-Зинда, Главным управлением по охране памятников материальной культуры и музеев Министерства культуры УзССР в связи с реставрационными работами с 1959 г. проводятся комплексные археолого-архитектурные исследования¹. С 1961 г. работы по изучению памятников ведутся совместно с археологическим отделом АН УзССР² под общим руководством В. А. Шишкина и Н. С. Гражданкиной.

Изучение памятников проводится по двум направлениям: 1) исследование существующих в настоящее время мавзолеев в связи с реставрационными работами и 2) археологические раскопки на прилегающей к ансамблю территории, выявление исчезнувших сооружений для уточнения истории сложения ансамбля.

¹ Работы по изучению ансамбля Шах-и-Зинда проводятся архитектором Ю. З. Шваб и археологом Н. Б. Немцевой. В 1960 г. в исследовании мавзолея Куссам-ибн-Аббаса участвовал архитектор В. М. Филимонов. Изучение и реставрация росписей в мавзолеев ансамбля осуществляется бригадой художников-реставраторов во главе с художником Г. Н. Никитиным.

² В 1961 г. работы пресводились группой в составе Н. С. Гражданкиной, Ю. З. Шваб, Н. Б. Немцевой, Е. Пругера, специалиста по глазурям Ф. Бурнашевой.

Общее направление комплексного исследования сложного в своем формировании некрополя состоит во всестороннем изучении исторических этапов его развития. Данная информация посвящена результатам археологических раскопок на Шах-и-Зинда, проведенных в 1959—1962 гг.

Раскопки позволили сделать некоторые стратиграфические наблюдения на южной окраине городища Афрасиаб, где расположен комплекс Шах-и-Зинда, а также получить новые материалы по истории сложения самого некрополя. Материалы 10 стратиграфических шурфов, заложенных в разных частях ансамбля, и небольшого раскопа западнее мавзолея Туман-ака позволяют утверждать, что территория ансамбля начала обживаться не ранее IX в. Обнаружены сырцовые жилые помещения, бадрабы, канализационные и водопроводные системы труб, большое количество керамики, металлические изделия и монеты, относящиеся ко времени с конца IX до первой половины XI в. Во второй половине XI в. начинается запустение территории и появление кладбища. Эти новые материалы по стратиграфии культурных слоев представляют интерес для решения историко-топографической проблемы южного склона Афрасиаба, а также определения времени появления здесь культа Шах-и-Зинда.

Частичные исследования гур-ханы мавзолея Куссам-ибн-Аббаса и культурных слоев под ее фундаментами показали, что захоронение под известным майоликовым намогильником XIV в. относится к концу XI — началу XII в. Более ранних захоронений или других признаков культа на месте мавзолея Куссам-ибн-Аббаса не обнаружено. Эти факты, установленные археологическими исследованиями, не только

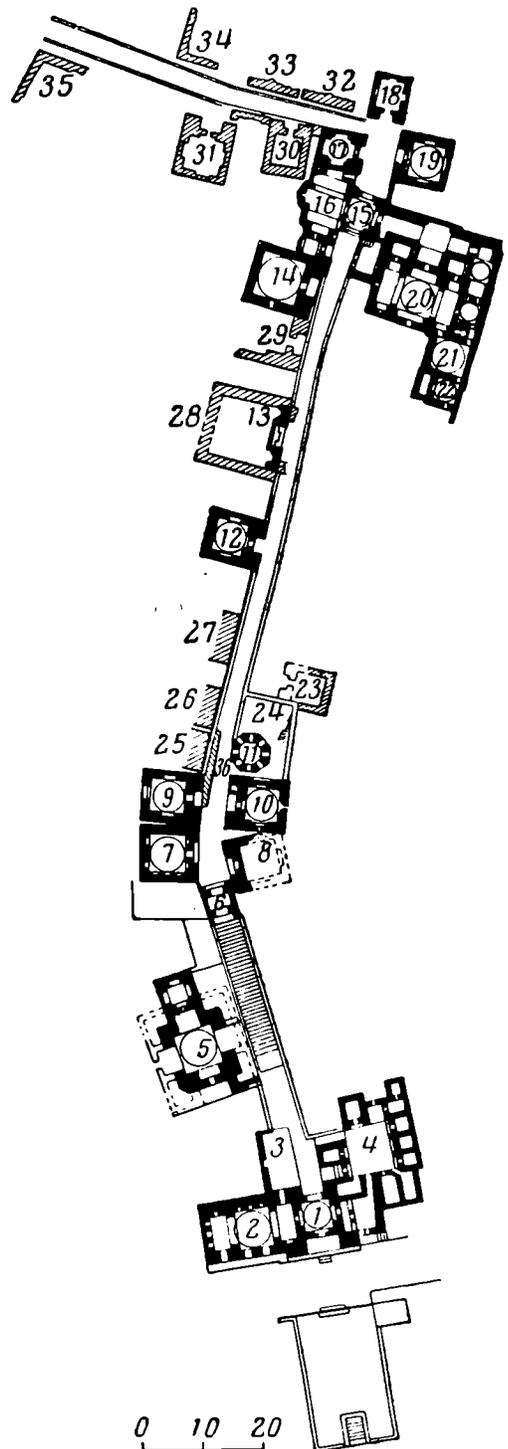

Рис. 1. План ансамбля Шах-и-Зинда

Существующие в настоящее время сооружения: 1 — дарваза-хана и входной портал; 2 — зимняя мечеть; 3 — летняя мечеть; 4 — медресе Давлета Куш-беги; 5 — мавзолей Казы-Заде Руми; 6 — средний чартак; 7 — мавзолей Эмир-Заде; 8 — мавзолей Эмир-Хусейна (Туглу-Текин); 9 — мавзолей Шади-Мульк-ака (Туркан-ака); 10 — мавзолей Ширин-бика-ака; 11 — мавзолей «Восьмигранник»; 12 — мавзолей, построенный Усто-Али (безымянный № 1); 13 — мавзолей «безымянный» № 2; 14 — мавзолей Эмира Бурундука; 15 — верхний чартак; 16 — мечеть Туман-ака; 17 — мавзолей Туман-ака; 18 — мавзолей Ходжа Ахмада; 19 — безымянный мавзолей 1360—1361 гг.; 20 — мечеть при гробнице Куссам-ибн-Аббаса; 21—22 — зиарат-хана и мавзолей Куссам-ибн-Аббаса; Штриховкой выделены сооружения, раскопанные в 1959—1962 гг.: 28, 29, 36 — мавзолей конца XI—XII в.; 23—27 — мавзолей XIV в.; 30—31 — мавзолей начала XV в.; 32—35 — мавзолей XV в.

исключают первоначальное предположение ученых о домусульманском культе на месте существующего мавзолея «святого», но имеют и большое

антирелигиозное значение, потому что разоблачают ложность погребения Куссам-ибн-Аббаса. Арабские историки IX в. (ал-Якуби и ал-Белазури) относят время жизни Куссам-ибн-Аббаса ко второй половине VII в. и объявляют его проповедником ислама в связи с арабским завоеванием Средней Азии. Изучение статиграфии культурных слоев на территории, прилегающей к ансамблю Шах-и-Зинда, 50—100 м на запад показало, что здесь имеются раннесредневековые наслоения, в том числе водоем или канал VI—VII вв., а также и более древние слои с краснолощенной керамикой. Но до проведения более полных и широких раскопок говорить об исторической топографии всего южного склона Афрасиаба преждевременно.

Кроме стратиграфических шурфов на разных участках Шах-и-Зинда произведено вскрытие остатков 12 мавзолеев XII, XIV и начала XV в. (рис. 1), что позволило уточнить историю его сложения, ранее основанную на неполных или неточных данных. Вдоль западной стороны существующего в настоящее время коридора мавзолеев XIV в. на участке «средней группы» вскрыты основания стен и фундаменты трех сооружений XII в. (два из них, безусловно, мавзолеи) с прекрасным декором из поливной резной терракоты, росписей по ганчу и резного штука в сочетании со шлифованными кирпичиками.

Эти открытия позволяют говорить о развитии комплекса в период XII в. с севера от основного узла построек этого времени у мавзолея Куссам-ибн-Аббаса на юг, к городской крепостной стене. Возможно, такое расположение диктовалось направлением дороги или улицы в еще более раннее время обживания этой территории в IX—X и начале XI в.

Существующий ряд построек XIV в., т. е. второго периода в сложении ансамбля Шах-и-Зинда, планировочно сохранивший традиционное направление с севера на юг, в результате раскопок был дополнен новыми мавзолеями. Севернее усыпальницы Туркан-ака вдоль подпорной стены коридора были обнаружены остатки трех мавзолеев XIV в.: два из них были богато декорированы штампованной и резной поливной терракотой, а третий сохранился лишь в черновой кладке. По восточной стороне коридора, севернее и северо-восточнее «восьмигранного мавзолея», были раскопаны остатки стен еще двух мавзолеев XIV в. (первый вскрыт в 1957 г. К. А. Шахуриным). Стены этих сооружений не сохранили облицовки, но надгробия их богато декорированы майоликовыми плитами и резным мрамором с покраской.

Большой интерес представляют результаты раскопок мавзолеев так называемого «западного коридора», обнаруженного и частично вскрытого В. Л. Вяткиным в 1925 г. Отсутствие отчета по этим работам и постепенное разрушение раскопов 1925 г. привело к искажению действительной датировки мавзолеев «западного коридора», который связывался в специальной литературе с первым периодом существования ансамбля Шах-и-Зинда и относился к XI—XII вв. В 1961—1962 гг. «западный коридор» был полностью вскрыт. Мавзолеев XI—XII вв. здесь не обнаружено. Хорошо сохранившиеся два мавзолея и подпорная стена между ними, расположенные по южной стороне «западного коридора» рядом с мавзолеем Туман-ака, на основании мозаичной облицовки и росписей по ганчу, а также остаткам архитектурных форм могут быть довольно точно датированы самым началом XV в. Остатки пяти других сооружений «западного коридора», относящиеся ко времени не ранее XV в., прослежены лишь в черновой кладке фундаментов. В истории сложения ансамбля Шах-и-Зинда «западный коридор» является промежуточным звеном между строительством мавзолеев в XIV в. и застройкой «нижней группы» по южному склону крепостной стены Афрасиаба в 30-е годы XV в. В развитии общего плана ансамбля он являет собой новое направление на запад от основной наиболее древней группы сооружений у мавзолея Куссам-иба-Аббаса.

Работы по дальнейшему изучению Шах-и-Зинда продолжаются.

НАХОДКА ЛАДЬИ-ОДНОДРЕВКИ НА ДЕСНЕ

В 1960 г. на Десне в 25 км от Чернигова ниже по реке была обнаружена почти 13-метровая дубовая ладья-однодревка (рис. 1). По устройству и обработке она имеет много общего с обнаруженными ранее в разных местах древними ладьями-однодревками, значительно превосходя их размерами. Датировка ладьи по самой вещи и условиям залегания затруднена. По определению радиоуглеродной лаборатории Института археологии АН СССР абсолютный возраст древесины по радиоактивному углероду (C^{14}) составляет 300 ± 60 лет¹. Это позволяет датировать ладью с начала XVII в. до 20-х годов XVIII в.

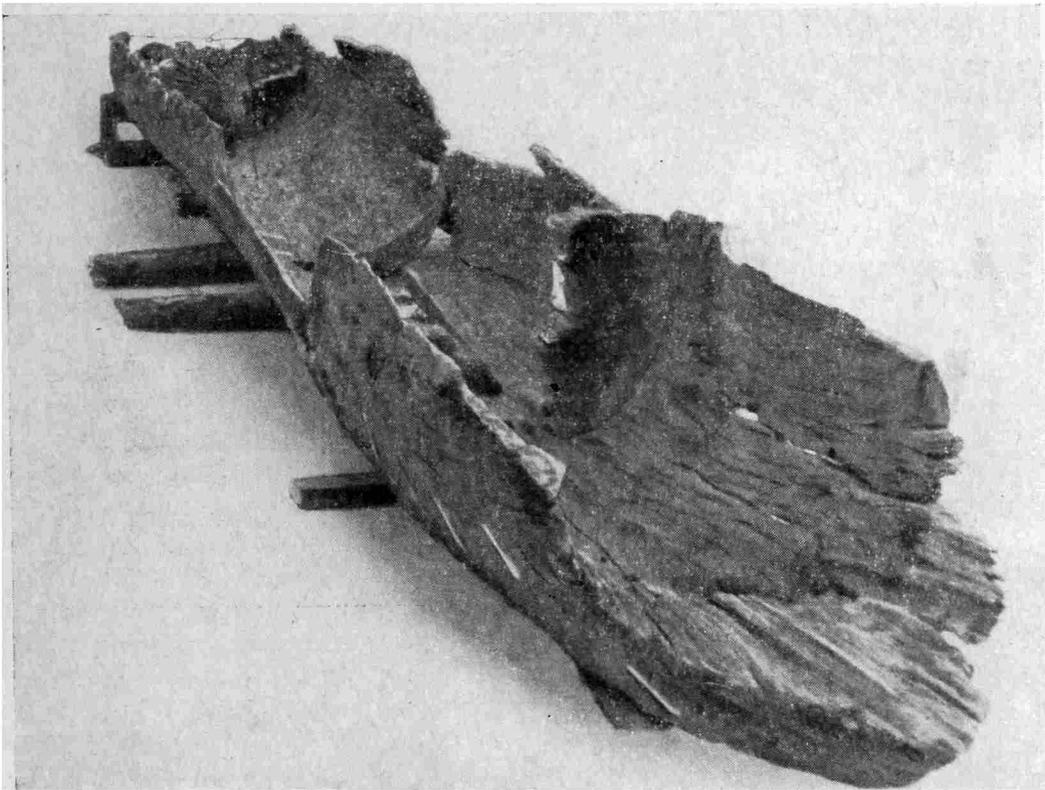

Рис. 1. Ладья в ходе реставрации

Несмотря на сравнительно позднее происхождение, найденная на Десне ладья-однодревка представляет интерес своим устройством, в котором хорошо переданы архаические черты конструкции ее более древних предшественниц, а также внушительными размерами. Она может быть использована для сравнений при изучении подобных редко встречающихся находок, относительная датировка которых обычно очень затруднена. Ниже приводится описание находки и условий ее залегания.

Ладья найдена в излучине Десны напротив с. Друцкое местными жителями при обвале правого берега реки. По незнанию находчики отпилили два больших куска, а затем раскололи их вдоль на крупные плахи, рассчитывая использовать их для столярных изделий. Большую часть ладьи, которая оставалась еще в толще берега (длина этой части оказалась 7,43 м), помешали разрушить рыбаки из Чернигова, заставив жителей сообщить о находке в Черниговский исторический музей. Сотрудники музея собрали все куски разрушенной носовой части, обсле-

¹ Сотрудники Черниговского исторического музея искренне благодарят весь коллектив Радиоуглеродной лаборатории за проведенное определение.

довали место находки, откопали остальную часть ладьи и доставили ее в Чернигов.

На месте находки Десна делает излучину в сторону с. Слабин. Теперешнее русло проходит здесь по просторной пойме шириной 5—6 км, на которой справа и слева много стариц. Современные берега Десны сложены из речного ила и светлого песка. Правый берег обрывистый, а его высота достигает 3,5 м. По всей излучине он интенсивно размывается рекой. К самому краю берега подступает густой лиственный лес в возрасте до 20 лет. Левый берег низкий, пологий. Оба берега во время весенних разливов затапливаются водой.

Ладья залегала у основания берега на глубине 3,2 м от поверхности в горизонтальном положении на правом борту, днищем в сторону реки, носовой частью по течению. Когда обвалился подмытый берег, то нос ладьи оказался у воды, а корма оставалась еще в толще берега. К моменту обнаружения ладья лежала на 30 см выше уровня поверхности воды. Нужно отметить, что после небольшого весеннего разлива и засушливой весны 1960 г. уровень Десны в середине июня был несколько ниже обычного. В более полноводные годы ладья лежала в толще берега почти все время ниже поверхности воды в реке. Более чем трехметровый осадочный слой над ладьей свидетельствует о довольно продолжительном пребывании ее в погребенном состоянии. По-видимому, она затонула или была потоплена (на что, возможно, указывает ее положение на борту) в свое время недалеко от древнего берега.

Длительное пребывание в сильно насыщенном водой слое ила и песка способствовало хорошей сохранности ладьи. Она почти полностью сохранила свою первоначальную форму. Удовлетворительно сохранились днище и борты по всей длине. Древесина в этих частях еще имела некоторую прочность и в местах разрезов походила на мореный дуб, хотя верхние слои толщиной 1,5—2 см сгнили и растрескались. Хуже сохранились корма и внутренние перегородки; верхние части их в некоторых местах разрушились. Верхняя часть носа сгнила и размыва водой². Не сохранились почти по всей длине тонкие края бортов (рис. 1).

Древесина ладьи сильно набухла. Чтобы предохранить находку от быстрого высыхания и растрескивания, ее поместили в прохладное помещение. Здесь она была окончательно очищена от ила и песка и все лето медленно просушивалась.

Через год произвели реставрацию. Отдельные куски были скреплены и собраны, начиная от днища к бортам отдельно в носовой и средней части; затем они были соединены между собой.

Мы отказались от использования клеев БФ-4 и БФ-6, так как они требовали устройства сложных стяжек и зажимов, были дорогими и медленно высыхали в закрытом прохладном помещении. Скрепление частей ладьи производилось «ласточкинским хвостом», т. е. столярным способом³. После восстановления ладья приобрела тот вид, который она

² Любопытно отметить, что более массивные и толстые корма, нос и внутренние перегородки ладьи сгнили и разрушились сильнее, чем сравнительно тонкие дно и борты, хотя все они находились в одинаковых условиях залегания. Это, по-видимому, объясняется тем, что в отмеченных местах поперечных срезов древесины по оголившимся торцам продольных капилляров совершалось лучшее проникновение и постоянная циркуляция воды и воздуха, что и способствовало более быстрому гниению и разрушению.

³ На наружной стороне каждой из подобранных и стянутых мягкими веревками частей делалось плоское углубление в форме правильной трапеции глубиной 0,5—2 см. Суженными концами они располагались строго напротив. Подогнанные по точным размерам этих углублений шаблоны из прочных и вязких пород дерева в виде соединенных суженными концами двух трапеций («ласточкин хвост») вставлялись в углубления. Такие соединения довольно прочны (при условии хорошей сохранности древесины). Они как бы стягивают соединяемые части, не дают смещений и колебаний в продольном и поперечном направлениях. Следует оговорить, что для соединения мелких или плохо сохранившихся деревянных частей этот способ непригоден.

имела при обнаружении (рис. 2). Затем была проведена ее консервация⁴.

Как уже отмечалось, ладья имела значительные размеры и архаичность устройства. Она выдолблена из цельного ствола дуба, диаметр которого в нижней части достигал 1 м. Сохранившаяся длина ладьи от

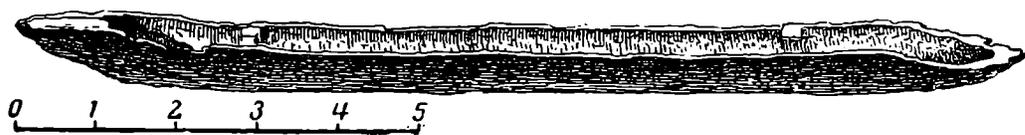

Рис. 2. Общий вид ладьи, найденной на Десне в 1960 г., после реставрации

носа до кормы равнялась 12,7 м (первоначально ее длина достигала примерно 13,5 м). Высота сохранившихся бортов с наружной стороны 0,75—0,8 м, ширина между ними 0,65—0,85 м. Толщина дна 7 см, толщина бортов в средней части 3—5 см. Дно с внутренней стороны плавной вогнутой линией переходит к бортам. В поперечном сечении ладья полностью сохраняет естественную округлость ствола дуба и имеет форму свала со срезанным сверху сегментом; дно утолщенное, борта к краям тонкие. По сохранившимся краям бортов можно заключить, что первоначально они были слегка загнуты внутрь. Нос заострен снизу и с боков. Корма снизу закруглена. Верх кормы имел вид небольшой площадки

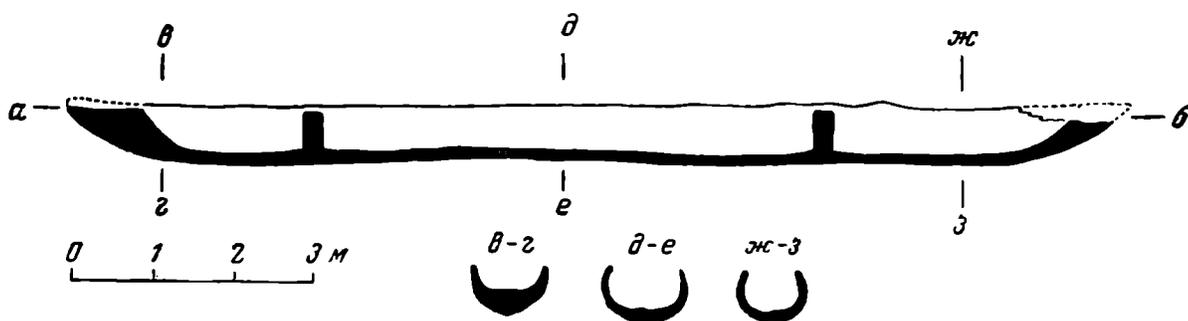

Рис. 3. Продольный и поперечный разрезы ладьи

длиной 0,6 и шириной 0,85 м. Сохранившиеся края бортов кормы возвышаются над этой площадкой на 5—7 см. Для скрепления бортов возле носа и кормы оставлены две перегородки толщиной по 20 см каждая (рис. 3).

У краев бортов в некоторых местах сохранились небольшие отверстия или следы от них. На правом борту кормы имелось прямоугольное отверстие длиной 10 см, высота его 5 см, расположено отверстие в 30 см от конца кормы и у самого края борта. Следы такого же отверстия заметны по краю этого борта на расстоянии 1,37 м от первого. Возле первой от носа перегородки на обоих бортах у краев просверлено по одному отверстию диаметром 3 см. Они расположены друг против друга. Одно такое отверстие сохранилось на правом борту возле носа. Очевидно, отверстия обоих видов имелись у краев бортов и в других местах, но не сохранились. Эти отверстия предназначались, по-видимому, для закрепления уключин.

На дне ладьи с внутренней стороны заметны следы долбления теслом в виде многих небольших овальных углублений и бугорков. Ладья,

⁴ Коллектив сотрудников Черниговского исторического музея искренне благодарит директора Института археологии АН СССР акад. Б. А. Рыбакова и сотрудника этого же института А. В. Кирьянова за помощь в консервации ладьи.

по-видимому, некоторое время использовалась, так как эти неровности почти сгладились.

От средней части ладьи к носу слегка заметна S-образная кривизна туловища в горизонтальной плоскости, оставшаяся от естественной кривизны ствола дуба, из которого сделана ладья. Строители учли влияние этой кривизны на плавучесть ладьи, по-видимому, проверяли поведение ствола на воде и только после этого произвели разметку перед долблением. На наружной стороне ладьи, кроме носовой и кормовой частей и краев бортов, незаметно никаких следов обработки ствола после снятия коры.

По устройству всей ладьи, конфигурации бортов и сохранившимся деталям обработки их краев можно судить, что она была полностью оконченной и не предусматривалась для наращивания бортов и превращения в набойную ладью или «насад». Ладья предназначалась для перевозок по рекам грузов и людей. В ней можно было перевозить 10—15 человек или примерно до одной тонны груза.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Консервация лодки-однодревки

Задача консервации состояла в покрытии поверхности лодки химическими веществами для создания слоя, предохраняющего древесину ее от внешних влияний. Такое вещество должно отвечать известным требованиям, которые в основном сводятся к следующему: нанесенный раствор этого вещества должен не нарушать микрорельеф поверхности лодки, но достаточно глубоко проникать в древесину. Этим требованиям в достаточной мере удовлетворяет поливинилбутираль, уже давно применяющийся в реставрационной практике при консервации деревянных, железных и других археологических предметов. Поливинилбутираль — белый порошок, растворяющийся в этиловом спирте, бензоле, толуоле, в спиртобензоле и других растворителях. В данном случае растворителем для поливинилбутирала служил 2%-ный денатурированный спирт.

Перед покрытием поверхность лодки тщательно очищалась жесткой щеткой для удаления пыли и пр. Затем большой малярной кистью наносился раствор бутирала. На гладкую поверхность, где не было трещин, раствор наносился обычным порядком, но при наличии трещин, особенно на внешней поверхности, производилось так называемое торцевание, т. е. «вбивание» раствора бутирала торцом кисти. Этот прием нанесения раствора обеспечивает проникновение его в щели. Нанесение раствора производилось до полного насыщения древесины, на некоторых местах двукратное и трехкратное.

Примерно через 18—24 часа после нанесения раствора поверхность лодки протиралась мягкой суконкой до легкого блеска. После протирания следы обработки древесины теслом проявились значительно отчетливее.

А. В. Кирьянов

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

РУКОПИСНЫЙ АРХИВ В. А. ГОРОДЦОВА

Рукописный архив В. А. Городцова ныне хранится в Отделе письменных источников ГИМ, куда он поступил в 1959 г. от М. В. Городцова. В списке фондов отдела он числится под № 431. Это один из крупнейших по объему и значимости личных архивов советских археологов, в котором содержатся различные материалы преимущественно по материальной культуре племен Европейской территории Союза ССР. По качеству и составу он может быть сопоставлен пока только с архивом А. А. Спицына, хранящимся в ЛО АН СССР. Архив В. А. Городцова делится на 229 единиц хранения, в которых содержатся материалы его полевых исследований и преподавательской деятельности в Московском археологическом институте, Университете им. Шанявского, на различных музейных курсах, в МГУ, а также многолетней работы в ГИМ. В архиве сохраняется обширная переписка В. А. Городцова с большинством современных ему

русских и иностранных археологов и со многими краеведами, любителями археологии и коллекционерами, различными научными обществами и организациями. Большая часть архива состоит из многочисленных подборок и картотек по археологическим культурам, часть из которых им же самим и выделена, по типологии отдельных предметов, по памятникам отдельных районов.

В. А. Городцов уделял особое внимание вопросам хронологии археологических памятников и культур, методике археологических раскопок, что отражено в его архиве. Среди материалов много зарисовок вещей из различных музеев и частных собраний, сотни зарисовок предметов, которые приносились в ГИМ на определение после случайных находок. В фонде есть многочисленные записи и конспекты докладов, прочитанных и прослушанных В. А. Городцовым. Большая часть этих записей иллюстрирована. Фонд довольно полно отражает разнообразные научные интересы его автора. В нем содержатся черновики и рукописи различных опубликованных и не изданных В. А. Городцовым статей и заметок. По материалам архива хорошо прослеживается деятельность Московского археологического общества. Кроме того, в архиве В. А. Городцова есть работы и других авторов. Вместе с ними хранятся отзывы и рецензии на различные статьи и работы, в свое время присланные В. А. Городцову. Особое внимание он уделял вопросам четвертичной археологии, и эти материалы также имеются в архиве. Кроме археологических материалов в составе архивного фонда находятся этнографические и бытовые сведения для различных территорий. Материалы архива говорят об огромной эрудиции В. А. Городцова и его разносторонних интересах.

К сожалению, порядок, в котором находился материал архива, был, по-видимому, сильно нарушен и потому пользование им затруднительно. Ряд зарисовок потерял паспорта, некоторые записи неясны. Автору настоящей заметки случилось в 1961 г. просмотреть весь архив и составить его опись. Кажется целесообразным для удобства пользования этим фондом дать примерную классификацию содержащихся в нем материалов, облегчающую пользование им. Материалы архива перечисляются по темам. В скобках сообщается номер дела, в котором они находятся.

I. Альбомы и рисунки вещей из музеев: Новочеркасского (4), Краснодарского (4, 15, 66, 94, 108), Таганрогского (4), Херсонского (15), Воронежского (31, 39, 174), Эрмитажа (33), Рязанского (78), Самарского (89, 135, 153), Покровского (89), Саратовского (89, 153), из ленинградских музеев (90), Минусинского и Красноярского (92), Хвалынского (99), Пятигорского (108), Ростовского-на-Дону (108), Нижегородского (135), Казанского (135, 153), Уфимского (135), Брянского (142), Екатеринбургского (153), Тюменского (153), Томского (153). Рисунки и фотографии вещей различных коллекций: фотографии вещей коллекции Заусайлова, принадлежащей Хельсинкскому музею (51); эстампажи с аланских надписей на камнях Маяцкого городища (67); фотографии коллекции крестов из собрания Уварова (74, 78); античных вещей из ГИМ (92); железных стрел из коллекции А. В. Розенова (92); каменных топоров преимущественно из Тверского музея (97); альбом с различными зарисовками коллекций ГИМ (139); рисунки коллекции Добровольского в Киевском музее (142); фотографии вещей из Реи в собрании ГИМ (153); рисунки вещей с Гляденовского костыща (195); рисунки вещей из музея Ярославской ученой архивной комиссии (195).

II. Полевые и отчетные материалы В. А. Городцова. Материалы по раскопкам Ильской палеолитической стоянки (4). Материалы студенческих разведок по Московской области разных лет под руководством В. А. Городцова (8). Дневники Кубанской экспедиции (11). Блокнот с описанием погребений Пашковского могильника (12). Дневник Кубанской экспедиции 1935 г., ч. I и II (17). Дневник раскопок Борковского могильника и других Рязанских могильников (18). Часть пере-

писанного отчета по тому же могильнику (18). Заметки по археологии Рязанской губ. за 1891 и 1892 гг. (23). Дневник разведок в Рязанской губ. в 1890 г. (27). Альбом к дневнику раскопок курганов в Изюмском уезде в 1901 г. (30). Дневник раскопок на Борковской дюне в 1892 и 1939 гг. (36). Дневник раскопок Конищевского городища в 1939 г. (36). Дневник Воронежской экспедиции 1929 г. (39). Отчет о Каширской и Коломенской экспедициях 1927 г. (39). Краткий отчет о полевых работах в 1929 г. (42). Материалы по исследованию Ильской палеолитической стоянки: полевые дневники, чертежи, отчет, рисунки вещей (44). Материалы по исследованию Частых курганов (52). Материалы к отчету об археологических исследованиях в Сибири в 1924 г. (62). Дневник археологических раскопок в районе Краснодара в 1934 г. (63). Фотографии и рисунки вещей с Елизаветинского городища и других памятников (93). План раскопок в Постниковом овраге (64). Отчет об исследовании 1-й и 2-й Самарских стоянок в 1929 г. (64). Материалы к исследованию Постниковской стоянки (64). Отчет о раскопках 1923 г. в районе совхоза Березняки Бугурусланского уезда (64). Альбом рисунков вещей из раскопок на Елизаветинском городище, планы, реконструкции (66). Описи находок Кубанской экспедиции 1935 и 1936 гг., отчет о работах той же экспедиции (67). Рисунки вещей с Елизаветинского городища, с городища Круглый Холм и рядом расположенных могильников (69). Дневник Суджанской экспедиции 1928 г., полевые чертежи, фотографии, планы, отчеты (71). Опись древним предметам В. А. Городцова за 1905—1924 гг. (73). Отчет о работах в 1925 г. на правом берегу Волги (75). Данные о черепках из раскопок в Самарской губ. в 1925 г. (75). Дневник раскопок 1925 г. в Ульяновской губ. (75). Дневник раскопок Старорязанского городища в 1926 г. (78). Опись предметам древности, приобретенным раскопками и археологическими экскурсиями с 1889 по 1904 г. (84). Дневник раскопок Елизаветинского городища в 1926 г. (93). Фотографии вещей из Елизаветинского могильника (94). Дневник археологических исследований в окрестностях Краснодара в 1934 г. (94). Дневник исследований по Нижней Волге в 1929 г. (99). Дневник раскопок Старшего Каширского городища в 1926 г. (106). Дневник раскопок Огубского городища в 1923 г. (106). Результаты исследования Старшего Каширского городища в 1925—1926 гг. (104). Отчет о работах в Судже в 1928 г. (начало рукописи — 107). Рисунки вещей со Старшего Каширского городища и некоторых вещей из Старой Рязани (118). Альбом с фотографиями раскопок на Рязанских дюнах, Бахмутских раскопок 1903 г., раскопок подмосковных курганов и Тимоновской стоянки (127). Опись вещей с Тимоновской палеолитической стоянки (129). Фотографии раскопок в Гонцах в 1915 г. (132). Фотографии палеолитических орудий из Искорости из раскопок 1911 г. (132). Дневники археологических раскопок в Московской области разных лет (134). Материалы отчетного характера по Тимоновской палеолитической стоянке (135). Материалы экспедиции 1929 г. в Тимоновку (136). Опись древним предметам В. А. Городцова за 1924—1932 гг. (143). Статистические материалы по Елизаветинскому городищу (145). Рисунки вещей с городища Старая Рязань из раскопок В. А. Городцова (174). Альбом рисунков к дневнику раскопок в Екатеринославской губ. в 1903 г. (195). Альбом рисунков к дневнику раскопок в Изюмском уезде Харьковской губ. в 1901 г. (195). Альбом рисунков к дневникам раскопок, проведенных в 1907, 1910, 1925 и 1926 гг. (195). Альбом рисунков вещей из Тимоновской палеолитической стоянки (222). Альбом с зарисовками вещей и погребений из Подболотьевского могильника (226).

III. Материалы о различных археологических памятниках и археологические карты. Материалы к археологической карте нижнего течения Оки (1). К вопросу о составлении археологической карты (8). Материалы к археологической карте Сталинград-

ской области (31). Археологическая карта окрестностей Краснодара (67). Сведения об археологических памятниках Ульяновской губ. (75). Карта Среднего Поволжья с обозначением на ней археологических памятников (84). Схема расположения археологических памятников в окрестности Рязани (92). Картотека неолитических стоянок России по губерниям (165, 171, 176, 178, 193, 204, 209).

IV. Материалы по вопросам хронологии. К вопросу об установлении натурального масштаба времени по отложениям рек системы Оки (8). Схема классификации В. А. Городцова (46). Таблицы типологической классификации (85). Папка с надписью «Хронология». Общие вопросы хронологии палеолита. Хронология и геология. Библиография по хронологии (164). Общие замечания по хронологии и классификации палеолита (217).

V. Научная переписка (10, 14, 20, 21, 58, 71, 76, 79, 80, 81, 86, 87, 88, 91, 95, 96, 103, 109, 112, 113, 123, 124, 128, 221).

VI. Рукописи и заметки В. А. Городцова. Подчеремский клад (7). Основные мероприятия по охране памятников (8). Легенда к модели Старшего Каширского городища (8). Обзор трудов по исследованию древнейших археологических памятников на территории СССР с 1917 по 1930 г. Некролог Н. К. Ауэрбаха. Результаты второго пленума комиссии эпейрогена. Типологический метод в археологии (8). Новочеркасская стелла (15). Об ископаемых четвертичного периода у кирпичного завода в Кашире (39). Описание археологической выставки 1890 г. (49). Бытовая археология (105). К вопросу о находке каменных орудий у Павлова Посада в 1928 г. (108). Археология (125). Связь катакомбной и эгейской культур (140). Миниатюрные культовые домики в древних культурах Евразии и в Египте (140). Хлестаковы в археологии (140). Археология (141, 148). О древней символической (151). Конспекты курса лекций по археологии (167). Методика исследования курганов (151). Конспект курса лекций по геологии. Конспект курса лекций по истории археологии. Конспект курса лекций по истории культуры. Конспект курса лекций по методике раскопок. Конспект курса лекций по первобытной керамике (202). Текст лекций по первобытному искусству для университета им. Шанявского (1920 г.—220). Мысли по первобытному искусству (текст 1920 г.—220). Тетрадь со стихами В. А. Городцова (221). Работы на Тимоновской и Супоневской стоянках (222). Бытовая археология (машинописный экземпляр — 223).

VII. Рукописи других авторов. П. А. Дмитриев, Землянки в Зауральских стоянках (28). Без автора, Воспоминания офицера о кампаниях 1853—55 гг. (49). Б. Э. Петри, Верхоленинский палеолит (50). В. А. Орехов, Разведка городища Попово блюдо (64). Ф. В. Баллод, Отчет о раскопках в Поволжье (84). Г. М. Коняшин, Сведения о находках (84). Н. Г. Григорьева, О распространении сейминской культуры (115). М. Магин, В синих горах (121). Диссертация И. Иодковского «О литовской гривне» (130). Н. К. Ауэрбах, Типы каменных стрел из урочища Бор близ г. Красноярска (131). Дипломные работы: М. Н. Орловой, М. Е. Арсаковой, В. П. Левашевой, М. Е. Фосс, А. В. Дмитриевской, А. П. Смирнова, И. Х. Ющенко, А. Я. Брюсова, Л. А. Евтюховой, Е. И. Степановой (153).

В архиве В. А. Городцова много различных тематических подборок. Например, в папке под № 156 с надписью «Погребения» подобран материал по разделам: литература о дольменах, сведения о мегалитах, о погребениях с западной ориентировкой, погребения с конем, скорченные и окрашенные костяки, устройство курганов и могил, погребальные игры; ориентация костяков, погребения инородцев в России и пр.

Перечисленные материалы из архива В. А. Городцова лишь частично отражают состав этого интереснейшего фонда. В полном объеме он крайне важен для истории русской и советской археологии.

Критика и библиография

АРХЕОЛОГИЯ В ТУРКМЕНСКОЙ ССР

(Обзор статей в «Известиях АН ТССР». Серия общественных наук за 1960—1961 гг.)

В настоящем обзоре, как и в предыдущем, все работы распределяются по хронологическому признаку, причем в отдельную группу выделяются статьи, посвященные разновременным памятникам, а также работы по антропологии и этнографии, ремеслу и технике.

Древнейшим этапом развития земледельческой культуры в Ю. Туркменистане посвящена статья В. М. Массона¹, производившего систематические раскопки на поселении Джейтун в 30 км на север-северо-запад от Ашхабада. В статье дается описание раскопок 1957 г., вскрывших площадь в 360 м², причем основной упор делается на характеристику жилых домов и находок. Сопоставляя вскрытый участок поселения с еще не вскрытой площадью, автор приходит к выводу о том, что весь поселок состоял из 25—30 домов, в каждом из которых обитала парная семья. Общая численность населения поселка, по его мнению, достигала 150—180 человек. Значительное место уделено двум общеисторическим проблемам: датировке памятника и переходу к земледельческо-скотоводческому хозяйству. Дата Джейтуна устанавливается V тысячелетием до н. э., а в отношении второй проблемы автор вполне справедливо выдвигает тезис о полицентризме перехода к оседлому образу жизни на Переднем Востоке. Заметка А. Я. Щетенко посвящена публикации одной из интереснейших находок на Джейтуне — терракотовой головки антропсморфной фигурки².

Несколько больше статей посвящено античным и раннесредневековым памятникам, расположенным в трех основных центрах древности на территории Ю. Туркмении. Так, З. И. Усманова³ приводит достаточно подробную историю изучения древнейшего ядра Гяур-Калы — Эрк-Калы. Ряд шурфов показал, что самым ранним является слой с древнемаргианской керамикой типа Анау IV, или, по периодизации В. М. Массона, Яз-Тепе III. На основании этого автор приходит к заключению, что после прекращения жизни в Яз-Тепинском оазисе (25—30 км севернее Байрам-Али), центром древней Маргианы становится Эрк-Кала.

Из многочисленных находок только две категории вещей нашли свое отражение на страницах «Известий». Первая категория — сырцовые кирпичи⁴, которые по имеющимся на них клеймам разделены на две группы. Эти клейма, по мнению автора статьи, могут свидетельствовать о существовании в древнем Мерве специальных мастерских, где трудом рабов производилась формовка кирпичей, а на их поверхности проставлялись знаки владельца. Кроме того, по клеймам могли вести учет кирпичей при выполнении заказов для городского строительства. Вторая — остатки шелковых и шерстяных тканей, а также тканей из хлопка. Эти находки с полным основанием позволяют полагать, что ткачеством в Мерве занимались со второй половины I тысячелетия до н. э.⁵

¹ В. М. Массон. Древнейшая земледельческая культура Средней Азии. ИАН ТССР СОН 1960, 1, стр. 69—77. По непонятным причинам в статье опубликован план Кара-Тепе у Артыка, поселения позднего энеолита, о котором речь в данной статье не идет.

² А. Я. Щетенко. Терракотовая головка с поселения Джейтун V тысячелетия до н. э. ИАН ТССР СОН, 1960, 4, стр. 82—83.

³ З. И. Усманова. О времени возникновения поселения на месте городища Эрк-кала. ИАН ТССР СОН, 1960, 4, стр. 31—37.

⁴ М. И. Филанович. Сырцовые кирпичи с клеймами древнего Мерва. ИАН ТССР СОН, 1961, 1, стр. 39—44.

⁵ З. И. Усманова. Новые находки фрагментов древних тканей из Эрк-калы в Старом Мерве. ИАН ТССР СОН, 1961, 2, стр. 44—51.

Традиционный объект работ ЮТАКЭ, городище Старая Ниса у сел. Багир под Ашхабадом, древняя столица Парфии Митридатокерт, продолжает привлекать внимание исследователей. Статья Н. И. Крашенинниковой⁶ посвящена некоторым интереснейшим сооружениям, изучавшимся в предшествующие годы, «круглому храму» и «башне». Подробно описывая названные постройки, автор статьи подтверждает ранее высказывавшееся предположение, что «круглый зал» является храмом, сооруженным во время правления Митридата I (171—138 гг. до н. э.). В основе его лежит идея интерьера эллинского храма, переработанная в местном вкусе и традициях и решенная на базе местных строительных материалов. Идея «башни» также, по мнению автора, не является местной, а восходит к зиккуратам Малой Азии середины I тысячелетия до н. э.

В. М. Массон исследует некоторые вопросы истории древнего Дахистана, ряд пунктов которого был им обследован в 1951—1953 гг.⁷

Шурфовка двух поселений, Ханлы-Тепе и Ортадепеслик, показала, что на основании грубой керамики их можно связать с полуседлыми дахами античного времени. Обследование ряда других поселений VI—VIII вв. н. э. позволило разделить их на четыре группы, главным образом по величине и укрепленности. Укрепленные замки и цитадели свидетельствуют о выделении раннефеодальной земледельческой аристократии, которая в этих местах, возможно, называлась испехбедами и была близкой диканам доарабского Мевераннахра.

Около половины рецензируемых статей посвящено различным вопросам средневековой археологии и истории, связанным с одним из крупнейших центров Хорасана — Мервом и его округой.

В обзорной статье Г. А. Пугаченковой⁸ помещены некоторые наблюдения над фортификацией Султан-Калы. В результате шурфования, визуального обследования и сопоставления полученных данных со свидетельствами письменных источников, автор устанавливает три этапа в сооружении стен крепости. Первый, основной квадрат стен, был сооружен в пору подъема и могущества государства великих Сельджуков во второй половине XI в. (султаны Алп-Арслан и Малик-шах). При Санджаре (1118—1157 гг.) к основным стенам крепости фактически заново пристраивается Шахрияр-арк. Заново потому, что он подвергся капитальной реконструкции и его наружные фасады получили усиленную фортификацию. Северный и южный обводы Султан-Калы сооружаются после огузского разгрома во второй половине XII в.

Основные раскопки производились в квартале керамистов рабада Старого Мерва. Поэтому естественно, что ряд статей содержит описание наиболее массового материала раскопок — керамики⁹ и штампов для ее изготовления¹⁰. Значительная коллекция уникальной штампованной керамики происходит из отвала, занимающего площадь около 3000 м² в восточной части квартала керамистов. В статье дается описание кувшинов, покрытых разнообразной орнаментацией: растительной, геометрической и эпиграфической. В ряде случаев встречаются зооморфные и антропоморфные элементы. Последние особенно редки и интересны: парные изображения людей иногда настолько хорошо сохранились, что можно разобрать детали их одежды. По мнению автора, в двух парах людей можно видеть изображение обряда братания. Штампы для изготовления этой керамики найдены в том же квартале керамистов. Широкий круг аналогий показывает, что изготовление керамики при помощи штамповки или отливки было распространено не только в Мерве и других городах Средней Азии (Мунчак-Тепе, Афрасиаб), но и на Переднем Востоке (Самарра), и в Причерноморье (Херсонес, города Боспора).

Н. А. Иванов также останавливается на приемах изготовления средневековой штампованной керамики и, кроме того, рекомендует внедрение этого способа изготовления посуды в современное гончарное производство¹¹.

Кроме типичной для Мерва штампованной посуды, в квартале керамистов найдены несколько фрагментов люстровой посуды, сходной с продукцией мастеров Рея (Иран) XII в. Г. А. Пугаченкова считает, что эта посуда была изготовлена в Мерве приезжим рейским гончаром¹². Эти находки расширяют ареал люстровой посуды.

Изучение Мерва было бы неполным, если бы основывалось только на материалах археологии. Наряду с ними постоянно идут поиски новых письменных свидетельств,

⁶ Н. И. Крашенинникова. К вопросу о взаимосвязи «круглого храма» с так называемой «башней» Старой Нисы. ИАН ТССР СОН, 1960, 4, стр. 38—45.

⁷ В. М. Массон. К истории парфянского и раннесредневекового Дахистана. ИАН ТССР СОН, 1961, 2, стр. 36—43.

⁸ Г. А. Пугаченкова. К характеристике крепостной архитектуры Султан-Калы. ИАН ТССР СОН, 1961, 3, стр. 37—44.

⁹ С. Б. Лунина. Штампованная керамика из отвала в квартале керамистов средневекового Мерва. ИАН ТССР СОН, 1960, 4, стр. 46—53.

¹⁰ С. Б. Лунина. Средневековые штампы для орнаментации керамики из Мерва. ИАН ТССР СОН, 1960, 1, стр. 62—67.

¹¹ Н. А. Иванов. Заметки о некоторых производственных приемах изготовления средневековой штампованной керамики Мерва. ИАН ТССР СОН, 1961, 1, стр. 78—79.

¹² Г. А. Пугаченкова. К открытию люстровой керамики Мерва XII в. ИАН ТССР СОН, 1960, 4, стр. 84—86.

что наглядно демонстрируется статьей П. Г. Булгакова¹³. В неизданных или непере-
веденных на русский язык сочинениях арабских географов и историков IX—X вв. (Ибн
Хордадбега, ал-Якуби, Абу Ханифы ад-Динавери, Ибн ал-Факиха и ал-Масуди) автор
нашел существенные фрагменты, иллюстрирующие многие события политической исто-
рии Мерва этого времени.

Некоторые результаты антропологического изучения черепов показывают, что на-
ряду с обычной для этого района долихоцефальной расой (Закаспийской) отмечается
появление брахикранных черепов, типичных для среднеазиатского междуречья. Воз-
можно, что начатое раскопками кладбище принадлежало выходцам из Мавераннахра¹⁴.

Как Мерв, так и его округа насыщены археологическими памятниками, многие из
которых делаются достоянием науки только в наши дни. Так, в 1958 г. в 20 км от
г. Мары был случайно обнаружен миниатюрный мавзолей (3,8 м в стороне), предст-
вляющий собой куб, перекрытый полусферой. По своей архитектуре он восходит к зоро-
астрийскому храму огня. Из надписи на нем следует, что он был сооружен в селении
Джаварса мастером Абу-Бекром, а похоронен там Абдулла ибн-Бурейда — сын одного
из сподвижников пророка Мухамеда. Ряд стилистических особенностей позволяет от-
носить сооружение этого памятника к концу XI в.¹⁵

М. Е. Массон¹⁶ посвящает свое исследование средневековому городу Хурмузфар-
ра — первой станции на караванном пути из Мерва в Хорезм. В статье подробно пере-
числяются письменные сведения об этом городе, дается скрупулезное описание остат-
ков сооружений и подъемного материала и излагается на этом основании история
города от VI—VII вв. до позднего средневековья. Другая статья М. Е. Массона¹⁷ слу-
жит прекрасным примером того, как при умелом и остроумном подходе к объекту иссле-
дования даже такой казалось бы трудный материал, как намогильные кирпичи XII в.,
помогает открыть новую страничку истории.

Последняя группа включает в себя разнохарактерные статьи. Первое место среди
них занимает краткая характеристика разновременных памятников, расположенных в
зоне орошения второй очереди Кара-Кумского канала¹⁸. Памятники распадаются на
три хронологические и территориальные группы: энеолитические поселения Геоксюр-
ского оазиса, поселения ахеменидского времени вдоль современного русла Теджена и
памятники развитого средневековья вдоль караванного пути Мерв — Серахс. Кроме
самых общих сообщений о раскопках одних и краткого описания других памятников,
в статье содержатся рассуждения о древней Тадженской дельте, а также времени и эта-
пах жизни в Геоксюрском оазисе.

Истории ковроделия в Мерве посвящена небольшая заметка¹⁹, причем авторы при-
ходят к выводу о том, что только с XVI в. в Мервском районе появляются ковры са-
лырского облика.

Д. М. Овезов, исследовавший ранее племя мурчали, публикует заметку о родовом
строе гоклен²⁰. Гоклены делятся на две группы — каи и додурга; некоторые роды, вхо-
дящие в эти группы, носят имена весьма древнего происхождения, встречаемые у Мах-
муда Кашгарского (XI в.) и Рашид-ад-дина (XIV в.). В местах обитания гоклен, в
юго-западной Туркмении, имеется группа наскальных изображений, нанесенных не ра-
нее XVII в. К. А. Адыков, обследовавший эти рисунки²¹, ставит интересный вопрос.
о том, не было ли здесь место поклонения в XVII—XVIII вв. Однако лишь раскопки
смогут ответить на этот вопрос.

В заключение обзора хочется выразить свое удовлетворение журналом и пожелать
улучшения его полиграфической базы. К сожалению, не в каждом номере можно встре-
тить статьи по археологии Туркменистана. Будем надеяться, что издательство исправит
в будущем эти недочеты. Следует пожелать также значительного расширения автор-
ского коллектива и регулярного освещения на страницах журнала работы сектора ар-
хеологии Академии наук Туркменской ССР.

И. Н. Хлопин

¹³ П. Г. Булгаков. Из арабских источников о Мерве. ИАН ТССР СОН, 1960, 2, стр. 67—72.

¹⁴ Л. В. Ошанин. Некоторые предварительные данные о черепах XII в. из Старого Мерва, добытых ЮТАКЭ в 1959 году. ИАН ТССР СОН, 1961, 1, стр. 77—78.

¹⁵ Г. А. Пугаченков. Мавзолей Абдуллы ибн-Бурейды. ИАН ТССР СОН, 1961, 2, стр. 29—35.

¹⁶ М. Е. Массон. Городище средневекового Хурмузфарре Тязе-Кишман. ИАН ТССР СОН, 1961, 2, стр. 14—28.

¹⁷ М. Е. Массон, 11-ое марта 1160 года в жизни города Башана Мервской об-
ласти. ИАН ТССР СОН, 1961, 3, стр. 31—35.

¹⁸ К. А. Адыков, В. М. Массон. Древности Теджен-Мургабского междуречья
(к изучению археологических памятников в зоне 2-ой очереди Каракумского канала).
ИАН ТССР СОН, 1960, 2, стр. 58—66.

¹⁹ А. С. Мешкова, В. Г. Морозова. К истории ковроделия Мерва, ИАН ТССР
СОН, 1961, 1, стр. 80—81.

²⁰ Д. М. Овезов. К вопросу о родовом составе гоклен. ИАН ТССР СОН, 1960,
4, стр. 86—88.

²¹ К. А. Адыков. Наскальные рисунки в долине р. Чандыр. ИАН ТССР СОН,
1961, 5, стр. 88—93.

А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953—1960 гг. Изд-во Восточной литературы, М., 1961, 94 стр. + 98 рис., 3 таблицы, 1 карта. Тираж 1000 экз. 4 р. 90 к.

Работа А. Д. Грача посвящена дальнейшему изучению каменных фигур людей, известных на территории Тувинской АССР, начатому Л. А. Евтюховой¹. Ознакомление с книгой показывает, что А. Д. Грач заимствовал тот же методический прием, что использовала Л. А. Евтюхова. Этот метод заключается во внимательном изучении изображенных деталей путем сопоставления их в особых таблицах (головные уборы, одежда, сосуды, оружие и др.) и последующего исследования с помощью сравнительно-исторического метода.

Правильная методика привела Л. А. Евтюхову к первым попыткам использовать каменные изваяния как источник по древнетюркской истории, выделить районы расселения отдельных древнетюркских племен и непосредственно связать изображенные на каменных фигурах предметы с инвентарем древнетюркских погребений. Она правильно считала эти скульптуры изображениями умерших сородичей. А. Д. Грач использовал не только приемы, но и все аналогии, приведенные Л. А. Евтюховой (см. стр. 59—67), но сделал шаг назад, примкнув к старой концепции Н. И. Веселовского (стр. 73), ошибочно считавшего, что статуи изображали убитых тюрками их «главных» врагов².

При таком взгляде анализ изображенных на изваяниях реалий не может быть использован для восполнения характеристики материальной и духовной жизни древнетюркских племен VI—VIII вв. Так как эти «враги» и их этническая принадлежность остаются неизвестными А. Д. Грачу, то его анализ реалий повисает в воздухе. Это обесценивает каменные изваяния как источник для изучения истории древних тюркоязычных племен.

Бессспорно, что А. Д. Грач затратил большой труд по розыскам на территории Тувы новых изваяний человека, публикации которых и посвящена рецензируемая книга (стр. 10—67).

Опубликованы эти памятники по-разному: 45 фигур представлены фотографиями, 9 — рисунками, 3 — примитивными схемами (№ 30, 56, 57) и 1 — фотографией и рисунком (№ 4). Известно, что фотография древнего каменного изваяния, как бы хорошо она ни была выполнена и напечатана, к сожалению, не может воспроизвести тех, нередко полустершихся от времени, черт, которые видит глаз при непосредственном осмотре натуры. Между тем, именно многие мелкие детали очень важны для археологического анализа. Лучше всего было бы опубликовать фотографию в сопровождении рисунка фигуры, но опубликовать одну фотографию — значит, в конечном счете, оставить многие недомолвки, разрешить которые другой заинтересованный исследователь может только при непосредственном осмотре оригинала, что сделать затруднительно, ибо чаще всего изваяние остается на месте³.

Достаточно просмотреть фотографии изваяний в рецензируемой книге, чтобы увидеть, что плохо различимы даже такие крупные детали, как уши, пояса, части костюма и т. п. (рис. 3, 4, 11, 14, 18, 27, 40, 43 и др.). На ряде фотографий невозможно различить ни черт лица, ни даже вообще каких-либо черт (рис. 16, 21, 31, 33, 35, 36, 39, 43, 44, 51, 63, 65, 89, 90). Можно ли считать, что такие изваяния опубликованы для всеобщего изучения?

Мне могут возразить, что к тексту приложены таблицы I и II со схематическими прорисовками всех каменных изваяний и что по ним можно изучать те или иные их детали. Но это далеко не так. Сравнение фотографий и текста описаний с этими мелкими схемами убеждает в том, что прорискам доверять нельзя, потому что создается впечатление, что делались они с фотографий (и то не точно), а не с натуры.

На фотографии изваяния № 8 (рис. 18) видна рельефная кисть левой руки, лежащая на поясе, а на прориси (табл. I, 8) ее нет совсем; в тексте описания (стр. 24) ошибочно сказано, что кисть правой руки покоится на поясе и одновременно держит сосуд (?), чего нет на рисунках этого изваяния. То же самое следует сказать об ошибочном описании (стр. 25) и рисунке (табл. I, 10) изваяния № 10 в сравнении с его фотографией (рис. 23). В описании фигуры № 17 (стр. 28) говорится об изображениях глаз и носа, а в прориси их нет (табл. I, 17). В описании изваяния № 22 (стр. 31) говорится о наборном поясе с пряжкой, о кисти левой руки на рукояти сабли, но ничего этого нет на рисунке (табл. I, 22) и неразличимо на фотографиях (рис. 40—42). В прориси

¹ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Северного Алтая. Тр. ГИМ, XVI, М., 1941, стр. 119—134; е е же. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24, 1952.

² Н. И. Веселовский. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах». ЗООИД, XXXII, Одесса, 1915; В. В. Бартольд. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. ЗВОРАО, XXV, Пг., 1921, стр. 55—76. Сам Бартольд, опираясь на Н. И. Веселовского, назначение каменных изваяний не разбирал.

³ Примером ошибочных заключений, сделанных по опубликованным «хорошим» фотографиям изваяний из Семиречья, является статья: Л. И. Альбаум. Об этнической принадлежности некоторых «балбалов». КСИИМК, 80, 1960. Ни на одной семиреченской тюркской фигуре на деле нет односторонних отворотов одежды.

(табл. 1, 23) не изображен сосуду изваяния № 23, о котором говорится в описании (стр. 31), где также ошибочно левая рука названа правой. Та же ошибка повторяется в описаниях изваяний № 42 (стр. 44), № 52 (стр. 50).

Таким образом, в прорисях многие изваяния искажены или даже лишены тех важных деталей, которые они имеют в натуре (см. особенно табл. I, 11, 15, 17, 21, 27; табл. II, 32, 34, 53, 57).

К недостаткам публикации описываемых памятников относится и то, что в описаниях многих изваяний не указана порода камня, из которого высечена та или иная фигура (см. № 2, 7, 8, 9 и др.), или же говорится только о цвете камня (№ 1, 3, 4, 5, 10 и др.). К сожалению, в работе нет необходимой тщательности при описании того комплекса сооружений (каменные оградки, ряды каменных столбиков-балбалов и пр.), при которых было установлено большинство каменных фигур. Так, А. Д. Грачом были обнаружены 32 оградки с изваяниями людей, от которых на восток отходят ряды вертикально установленных каменных столбиков. Только в шести случаях указана длина этих рядов (№ 8, 22, 29, 42, 44, 46), ни разу не даны размеры столбиков-балбалов, не измерено расстояние между ними (за исключением № 8 и 29), не приведено ни одного полного плана их, а на имеющихся планах поминальных сооружений часто не показаны стоявшие при них каменные изваяния (рис. 13, 46, 59 и др.).

Во второй главе — «Типы изваяний-балбалов и поминальные сооружения» ошибка содержится уже в названии (ср. также: в названиях 4-й и 5-й глав упоминаются «статуи — балбалы»), так как отождествление скульптурных изваяний людей с балбалами неверно, и это я покажу ниже. В этой главе (стр. 54—58) автор, хотя и говорит, «что ритуал каменных изваяний теснейшим образом связан с ритуалом древнетюркских оградок», но не раскрывает этот «ритуал». Признавая оградки за поминальные сооружения, А. Д. Грач нигде не указывает, в чем состояло существо поминок, кого и как поминали, какова роль изваяний в этих поминках, для чего сооружались оградки, не использует данных своих собственных раскопок этих оградок. В результате фигуры древних тюрок VI—VIII вв. оказываются фактически оторванными от поминального комплекса, а их осмысление дается автором по существу изолировано. Между тем, статистика известных в Туве древнетюркских оградок⁴ (всего 117) позволяет различать следующие виды этих поминальных сооружений: 1) оградки без всяких дополнительных устройств (36); 2) оградки, у которых с восточной стороны вертикально стоит каменная плита или валун (42); у 19 таких оград «главными» плитами имелись отходящие на восток ряды каменных столбиков (балбалов), обычно меньшего размера, чем «главная» плита; 3) оградки, «главные» плиты которых имеют схематическую форму фигуры человека или выбитое на восточной грани примитивное лицо человека (ср. у А. Д. Грача рис. 5, 16, 21, 25, 45, 48—49 и т. п.); 4) оградки, с восточной стороны которых установлены целые фигуры людей (из 117 оградок у 39 стояли антропоморфные фигуры 3-го и 4-го века; из них только у 17 имелся ряд столбиков, отходящий на восток)⁵.

Отсюда видно, что некоторым умершим устраивалась только оградка и тогда дух умершего «присутствовал» на поминках, вероятно, в виде своеобразной куклы, подобной «тулу» киргизов⁶. В других случаях (виды 2 и 3) каменные плиты, символизировавшие умершего, во время поминок, по-видимому, облачались собственной одеждой умершего, подобно поминальным куклам казахов Средней орды⁷ или округа Тарбагатай⁸, а также подобно деревянным столбикам или каменным плитам на поминках у чувашей⁹. Наконец, при последнем виде поминальных сооружений устанавливались целые фигуры, для изготовления которых только богатые люди могли нанимать скульпторов.

К сожалению, А. Д. Грач, очевидно, не учитывал оградок без каменных изваяний, ибо данные о них в книге отсутствуют. В результате научная литература не обогатилась полными сведениями о поминальных памятниках VI—VIII вв. в Западной Туве.

В этой главе автор отметил, что обычно у оградки стоит только одна фигура, но отрицает, что этот факт подтверждает назначение изваяния как изображения самого умершего тюрка. «Такой аргумент мог бы быть доказательным, — пишет он, — если бы не некоторые «исключения» из общего правила» (стр. 56). На удивление, в качестве «исключения», он приводит, со ссылкой на Э. Шаванна и В. Казакевича, сообщение о том, что на могиле китайского императора Тайцзуна (!) было установлено 14 статуй побежденных князей. Какое отношение может иметь к тюркским самобытным поминальным обрядам глубоко своеобразный обычай высшей китайской знати устанавливать перед

⁴ Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.), ВМГУ, сер. IX, Истор. науки, 1960, 1. По данным 1959 г.

⁵ Мы не касаемся немногочисленных сложных поминальных сооружений знати, а рассматриваем поминальные памятники рядового населения.

⁶ С. М. Абрамзон. «Тул» как пережиток анимизма у киргизов, Сб.: «Белек С. Е. Малову». Фрунзе, 1946. Тул встречается и в древнетюркских надписях из Таласа: И. А. Батманов. Современный киргизский язык. Фрунзе, 1953, стр. 153, 159.

⁷ А. Левшин. Описание киргиз-казачьих орд и степей. Ч. III, СПб., 1832, стр. 110.

⁸ Н. Ф. Катанов. О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней. ИОИАЭ, XII, 2, Казань, 1894, стр. 130.

⁹ С. И. Руденко. Чувашские надгробные памятники. «Материалы по этнографии России», I, СПб., 1910, стр. 84.

могилами в виде аллеи охранителей могил — статуи животных и людей? Писать, как это делает А. Д. Грач, что «здесь ялицо заимствование ритуала центральноазиатских тюрок» (стр. 56), можно только по неведению, ибо сопоставляется несопоставимое.

Зная, что у тюрок при могилах никаких изваяний людей не ставилось, как не ставилось и двух рядов человеческих скульптур при тюркских поминальных сооружениях, автор все же позволяет себе сослаться на ошибочное предположение Н. М. Ядринцева по поводу открытого им тюркского поминального сооружения в Унгету на р. Тола в Монголии (стр. 56). Но почему не было объяснено читателю, что позднее Г. И. Боровка детально исследовал это сооружение и показал, что оно ничем не отличалось от остальных поминальных сооружений древнетюркской знати?¹⁰

Таким образом, «исключения», указанные А. Д. Грачом, на деле исключениями не являются. Кстати, поминальные сооружения высшей знати орхонских тюрок создавались под сильным китайским влиянием. Известно, что поминальные сооружения в честь Кюль-Тегина и Бильгя-Кагана с храмами для жертвоприношений, черепахи-пьедесталами, изваяниями участников поминального пира, жертвователей и животных создавались китайскими строителями и скульпторами применительно к поминальному обряду тюрок, но сами тюрки заимствовали китайскую скульптуру (черепахи, львы, бараны и пр.). В Унгету, да и в Сарыг-Булуне в Туве при поминальных сооружениях знати высечены древнетюркскими скульпторами типичные танские сидящие львы¹¹.

В третьей главе (стр. 59—72) автор кратко останавливается на деталях некоторых изваяний (одежда, головные уборы, прическа, серьги, оружие, пояса, сосуды) и в связи с этим затрагивает вопрос о датировке самих памятников. Здесь снова придется сталкиваться с тем, что проверить описываемые А. Д. Грачом детали по фотографиям и некачественным прорисовкам, даваемым в книге, невозможно. Автор, например, утверждает на стр. 59—60, что на изваяниях № 6, 22, 24 «отчетливо показана манера запахивания одежды — справа налево», но любой читатель, взглянув на воспроизведение этих фигур (рис. 14, 40, 44 и прориси 6, 22, 24), не сможет присоединиться к столь решительному утверждению. А ведь этот «факт» привлекается как одно из доказательств того, что древнетюркские фигуры изображают не тюрок, а их врагов. Отметим еще одну ошибку А. Д. Грача, который на стр. 60, со ссылкой на Таншу, пишет, что «тюрки-тугю запахивали одежду на левую сторону». Но ведь в источнике сказано «...левую полу наверху носят», т. е. левую полу запахивали направо, накладывая ее на правую полу сверху.

Если Л. А. Евтюхова в 1952 г. рассматривала все известные ей каменные фигуры людей совместно, датируя их в целом VII—IX вв., и лишь пыталась выделить среди них отдельные изваяния VIII—IX вв. (№ 36, 75, 78)¹², то в настоящее время следует выделить позднюю группу VIII—IX вв.

Мною уже указаны многие признаки, обособляющие изваяния этой поздней группы¹³. Они связаны с другим ритуалом (отсутствие поминальных оградок и столбиков-балбалов), с другой иконографией, с обособленной территорией и т. п., а также, возможно, сооружались другими этническими группами¹⁴.

Факт появления поздней группы каменных изваяний в Туве в период уйгурского владычества (750—840 гг.) подтверждается тем, что в Центральной Азии только селенгинские уйгуры ставили мужские каменные изваяния, на которых изображались шапки, поддерживаемые обеими руками сосуды и наборные пояса с многочисленными привесками¹⁵. Даже после ухода в 840—850 гг. в Восточный Туркестан уйгуры продолжали носить косы и наборные пояса с многочисленными привесками и сумочками¹⁶.

Все это не позволяет, как делает А. Д. Грач (стр. 61 и др.), нашедший всего два изваяния такого типа (№ 43 и 55), рассматривать подобные фигуры совместно с древнетюркскими VI—VIII вв., ибо это приводит к ошибочным выводам (стр. 61, 79 и др.). Ошибочны и представления автора о том, что «древнетюркский период» окончился в IX в. (стр. 62), о «позднем этапе» древнетюркского времени VIII—IX вв. (стр. 65). Не следовало бы так писать, тем более что на стр. 68, под моим влиянием, автор вынужден признать уйгурский период на территории Тувы.

Здесь следует положить конец путанице, имеющейся в работах А. Д. Грача, по вопросу о встречающихся на поздних изваяниях уйгурского периода изображениях фигур-

¹⁰ Г. И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Сб.: «Северная Монголия», 2, Л., 1927, стр. 77—78 и рис. 9; табл. VI, 2—5.

¹¹ Г. И. Боровка. Ук. соч., табл. VI, 5; Л. А. Евтюхова. Ук. соч., рис. 29 (здесь разбитые).

¹² Л. А. Евтюхова. Ук. соч., стр. 106 и 109.

¹³ Л. Р. Кызласов. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.), Уч. зап. Тув. НИЯЛИ, VIII, Кызыл, 1960, стр. 153.

¹⁴ Такие изваяния во второй половине IX в. сооружались какой-то частью вернувшихся из Тувы знатных хакасов (Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния... № 64, 65), так как на изваянии № 64 имеется древнехакасская надпись с тамгой конца IX в. Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. СА, 1960, 3, рис. 9, 14; 14, 18; стр. 119, 37.

¹⁵ P. Alto. Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei. J. Soc. Finno-Ogrienne, 60, Helsinki, 1958, стр. 82—83.

¹⁶ A. von Le Coq. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien, III, Berlin, 1924, табл. 14, 17.

ных подвесных блях с сердцевидными прорезями (стр. 61, 65, 68). Признавая вслед за мною, что поздняя группа изваяний относится к VIII—IX вв. (стр. 61, 65, 67, 68), автор, вместе с тем, находит мнимое противоречие в моей периодизации древнетюркских погребений. Он утверждает, что в инвентаре курганов «с северной ориентировкой погребенных», которые я отношу к VII—VIII вв., имеются фигурные бляхи, «изображенные на изваяниях второй (поздней) группы...» (стр. 68). Но я имел в виду тот тип этих блях¹⁷, который совершенно справедливо уже привлекала в качестве аналогии Л. А. Евтюхова, датируя их IX в.¹⁸ А. Д. Грачу неизвестен ни один надежно датированный памятник, где был бы обнаружен такой тип бляшек. Между тем, они были найдены на городище Ак-Бешим в Киргизии в слое, четко определяемом VIII—IX вв. стратиграфически и большой коллекцией разнообразных предметов, в том числе монет¹⁹. Подвесные бляшки этого типа закономерно встретились и в погребениях местных жителей Тувы VIII—IX вв., а также в древнекассских памятниках IX—X вв.²⁰

В древнетюркских же курганах «с северной ориентировкой погребенных» нет бляшек этого типа. В них (и на Алтае²¹, и в Туве²²) встречаются два других типа подвесных фигурных бляшек, форма которых (чаще с круглыми, овальными, подтреугольными отверстиями и редко с сердцевидными) не позволяет отождествлять их с типом поздних блях. Это станет ясным каждому археологу при их сравнении. Подвесные бляшки VII—VIII вв. типологически являются предшественниками и прототипами более поздних фигурных блях, имеющих законченную форму и получивших широкое распространение только в VIII—IX вв. Нигде те и другие не встречены в одном памятнике, и это подтверждает их пазновременность.

Остановимся также на неверном понимании А. Д. Грачом древнетюркского термина «балбал». Вслед за Н. И. Веселовским А. Д. Грач отождествляет каменные фигуры человека с балбалами. Но уже В. Л. Котвич доказал, что балбалами назывались только каменные столбики или плиты, ставшие в ряд у поминальных памятников по количеству убитых врагов, а не каменные фигуры людей²³.

Ни на одном человеческом изваянии нет древнетюркских надписей с указанием, что это балбал. Зато такие надписи дважды обнаружены на простых камнях, стоявших в начале ряда действительных камней-балбалов, с указаниями: «это балбал... (такого-то)»²⁴. Отсюда можно сделать только один вывод: балбал — это не изображение или статуя главного врага, как пишет А. Д. Грач (стр. 75), а лишь камень, символизирующий убитого врага, но не имеющий никакой обработки.

Из текстов самих древнетюркских поминальных памятников также не проистекает, что балбал — это каменное изваяние человека, а лишь то, что балбал должен символизировать убитого врага²⁵. Там почти всюду говорится о балбалах во множественном числе, и это вполне сопоставимо с длинными рядами каменных столбиков-балбалов,ходящих на восток от поминальных сооружений Кюль-Тегина, Бильгя-Кагана и др. Это же подтверждается сообщениями всех китайских хроник, что умершему тюрку, «если он убил одного человека, то ставят один к а м е н ь. У иных число таких к а м н е й простирается до ста и даже до тысячи»²⁶.

Итак, письменные источники и археологические данные позволяют считать установленным, что древнетюркский термин балбал означал вертикально поставленный у поминального сооружения камень, символизирующий собою убитого врага. Нет никаких фактов (их не привел и А. Д. Грач), которые позволили бы связать древнетюркские фигуры людей с термином балбал, позволили бы считать, что балбал — это статуя.

¹⁷ Л. Р. Кызласов. Тува в составе уйгурского каганата..., стр. 153.

¹⁸ Л. А. Евтюхова. Ук. соч., стр. III, рис. 65, 4, 5.

¹⁹ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Тр. КАЭЭ, II, М., 1959, стр. 213—217, и рис. 45, 8 и 15.

²⁰ Л. Р. Кызласов. Тува в составе уйгурского каганата..., стр. 152; С. А. Теплоухов. 1926, дер. Успенская, кург. № 24, Эрмитаж, кол. 4566—15, 16; из моих раскопок 1960 г. в Шанчигском могильнике на р. Элегест, кург. № 19; С. А. Теплоухов. 1926, Булук, кург. № 4.

²¹ Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, XVI, М., 1941, рис. 40, табл. III; стр. 114.

²² А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге. Тр. Тув. АЭЭ, I, М.—Л., 1960, рис. 34, а и стр. 32; С. И. Вайнштейн. Археологические раскопки в Туве в 1953 г. Уз Тув. ИЯЛИ, 2, 1954, табл. VIII, 9.

²³ W. Kotwicz, A. Samoilovitch. Le monument ture d'Ikhekhuchotu en Mongolie centrale. Rocznik Orjentalistyczny, IV, Lwow, 1928, стр. 79—80.

²⁴ Фото балбала Бильгя-кагана в Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890. Helsingfors, 1892, табл. 40; балбал на Онгине см.: В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, III, СПб., 1896, LXXXIII, 5.

²⁵ В. В. Радлов правильно переводил термин балбал — der Steinpfeiler, т. е. каменный столб (W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, III, SPb, 1895, стр. 243, 252). А. Габэн объясняет балбал как «Schandmal — знак позора» для убитого врага (A. von Gabain. Altürkische Grammatik. Leipzig, 1950, стр. 300). Такие «переводы», как: изображение, статуя и т. п. — произвольны и ни на чем не основаны.

²⁶ Н. Я. Бицурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I, М.—Л., 1950, стр. 230; Liu Ma-u-t'ai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (T'ukü). Wiesbaden 1958, I, стр. 10, 42, II, стр. 500.

В. Л. Котвич был прав, призывая не вносить в этот вопрос путаницы, какую внес в свое время Н. И. Веселовский, и не называть балбалами «каменных баб»²⁷.

Наконец, неприемлемой и ошибочной является точка зрения А. Д. Грача о том, что сами человеческие «изваяния показывают наиболее могущественных врагов, побежденных центральноазиатскими воителями» (стр. 73).

Особенно удивляет сам подход к проблеме семантики древнетюркских каменных фигур, изображавших человека. В науке принято идти от фактов, материала и их анализа к выводам. А. Д. Грач, приступив к изучению этих памятников, пошел от устаревшей концепции Н. И. Веселовского к подбору фактов, подтверждающих эту точку зрения. Он прямо об этом пишет на стр. 73: «Придерживаясь второй концепции, мы попытались дополнительно обосновать ее».

И действительно, еще не располагая новыми материалами, он в статье, напечатанной в 1955 г., уже объявил себя последователем Н. И. Веселовского, утверждая, что изваяния «являются изображениями врага»²⁸. В дальнейшем, собрав в Туве материал для рецензируемой книги, А. Д. Грач приложил все силы, чтобы «дополнительно обосновать» заранее избранную концепцию, втиснуть в ее прокрустово ложе вновь приобретенные факты.

Едва ли такой подход к проблеме может быть признан научным. Когда отбирается только «нужное» и отбрасывается все, что по каким-либо причинам не подходит к заранее принятой теории, то здесь не приходится ожидать объективного исследования фактов.

Даже обнаружив на р. Каргы замечательную фигуру воина (изваяние № 5, рис. 11), имеющую ниже пояса схематичные фигурки двух человек с сосудами, явно воспроизводящих сцену поминального пира перед самим умершим (который «присутствует» на своих поминках в виде каменной фигуры с сосудом для питья в руке), автор остался верным заранее принятой точке зрения, объявив ее «единодушно правильной»²⁹.

Ввиду того, что известные письменные, археологические и этнографические источники о назначении древнетюркских фигур уже проанализированы мною в специальной статье, нет необходимости повторяться в настоящей рецензии. Единственным выводом из этого анализа является заключение, что древние тюрки создавали изваяния, изображавшие их умерших сородичей для поминального обряда, в качестве вместилища одной из душ покойного, «присутствующей» на своих поминках³⁰. Этнографам известно, что изображения умерших в разных вариантах (от рисунков, кукол до памятных статуй) широко распространены у разных народов мира, а не только у тюрков. Именно к этому кругу памятников необходимо отнести и древнетюркские фигуры VI—VIII вв., а также более поздние каменные изваяния тюркоязычных племен, вплоть до половецких XI—XIV вв. и др.

А. Д. Грач в своей книге использовал отдельные факты из этнографии монголов (стр. 70—71), селькупов и кетов (стр. 89), но почти полностью обошел материалы из этнографии тюркоязычных народов, без которых невозможно решать вопрос о назначении древнетюркских каменных фигур. А. Д. Грач должен был также поставить перед собой вопрос о происхождении древнетюркских фигур, но он этого не сделал. Между тем, на территории Хакасско-Минусинской котловины имеются более ранние фигуры людей из камня, что значительно проясняет всю проблему. М. П. Грязнов предложил «считать их ранними формами каменных баб тюркского типа»³¹.

При изучении памятников таштыкской эпохи мне удалось датировать их III—V вв., выявить их происхождение от таштыкских погребальных масок и установить, что маски и ранние каменные фигуры людей изображали умерших в связи с культом мертвых³².

В книге А. Д. Грача имеется много других ошибочных утверждений. Отмечу два наиболее существенных. Так, он ищет «дополнительные подтверждения концепции, трактующей изваяния как изображения врагов» в героическом эпосе тувинцев (стр. 86—87), и, процитировав несколько отрывков из эпоса, делает невероятные выводы по поводу каменных изваяний, якобы упоминаемых в тувинских сказаниях. Но во всех текстах, приведенных А. Д. Грачом, речь идет о железных или бронзовых (лишь в одном случае каменных) кфжээ, а не о статуях или каких-либо фигурах человека.

²⁷ W. Kotwicz, Ук. соч., стр. 88; е го ж е. Les tombeaux dits «kerek-sur» en Mongolie. Rocznik Orientalistyczny, VI, Lwow, 1929.

²⁸ А. Д. Грач. Каменные изваяния западной Тувы. Сб. МАЭ, XVI, М.—Л., 1955.

²⁹ А. Д. Грач. Древнетюркская каменная фигура из района Мунгу-Хайрхан-Ула. КСИЭ, XXX, 1958, рис. 2 и стр. 155.

³⁰ Указанная статья «О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей», публикуется в СА № 2, 1964.

³¹ М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА, XII, 1950, стр. 145—148, рис. 15—17.

³² Л. Р. Кызласов. Таштыкские каменные изваяния с изображениями людей. КСИИМК, 60, 1955; е го ж е. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, стр. 147—150, 157—160. Аналогичный процесс развития от погребальных масок к статуям — оссуариям, а затем к терракотовым скульптурам умерших выявил для древнего Хорезма Ю. А. Рапопорт (Ю. А. Рапопорт. К вопросу о хорезмийских статуарных оссуариях. КСИЭ, XXX, 1958).

Тувинский термин «кѳжэ» означает любую древнюю каменную плиту (столб, стелу, менгир), вертикально стоящую и обычно издали заметную. Тувинцы термином кѳжэ называют плиту без всяких следов обработки, оленные камни VII—II вв. до н. э., стелы с руноподобными надписями VIII—XII вв. (что известно Грачу, стр. 85), плиты у древнетюркских оградок VI—VIII вв. и прочие разновременные вертикально стоящие камни. Но они никогда не называют каменные фигуры людей термином кѳжэ. Слова «статуя» нет в тюркских языках вообще. «Кѳжэ» нельзя переводить словом *изваяние*, как делает Грач (стр. 86—87) вслед за Л. В. Гребневым³³.

Первый исследователь тувинского языка Н. Ф. Катанов переводил это слово только как «скурганный камень», «надмогильный камень», «обелиск»³⁴.

Тувинское «кѳжэ» находит себе полное соответствие в хакасском «көзе-кюзэ» («надмогильная каменная плита, врытая нижним ребром в землю»³⁵, отдельно стоящая древняя плита), в монгольском «хошоо» (памятник, обелиск)³⁶. Ясно, что это слово во всех указанных языках восходит к одному термину, с одним и тем же смысловым содержанием «памятник», «менгир», «вертикально стоящая каменная плита», но никак не «изваяние» или «статуя».

Для тувинца любой далеко стоящий в степи камень — кѳжэ, но при близком рассмотрении он сразу отличает «анаа кѳжэ» (обыкновенное кѳжэ) от «кижилиг кѳжэ» (человеческое кѳжэ). Все каменные древнетюркские фигуры тувинцы называют кижикѳжэ (кѳжэ в виде человека) или кижидаш (каменный человек), причем термином «кижидаш» обозначают статуи или изваяния, а «кижикѳжэ» — плиты с нарисованным лицом или фигуры с не выделенными обработкой формами человеческого тела. Аналогично алтайцы их называют «кижи — даш», хакасы — «кизи — тас», а монголы — «чулун хун» — каменный человек³⁷. Отсюда ясно, что кѳжэ из тувинского эпоса никакого отношения к каменным изваяниям VI—X вв. не имеют.

Примером неправильного использования А. Д. Грачом письменных источников являются его ссылки на китайские хроники при разборе типа прически тюрк-тугю (стр. 78). Прочитывая известное место из Чжоушу (у Грача ошибочно — Таншу): «Обычай тукюесцев: распускают волосы, левую полу наверху носят»³⁸, указав, что тюрк-тугю отличались распущенными волосами от китайцев, которые укладывали волосы на макушке, от тибетцев и турфанцев, носивших косы, Грач считает такую прическу одной «из самых существенных этнографических черт» тюрк-тугю (стр. 78). При этом он ссылается на текст Бэйши, в переводе Н. Я. Бичурина, о владетеле Гао-чана (Турфана) Бо-я и его указе 612 г. (стр. 78): «Когда этому владетелю, бывшему вассалом восточных тюрк-тугю, понадобилось осуществить попытку «переделки» облика своего народа на восточнотюркский манер, то прежде всего он провозгласил, что «подданным... надлежит расплести косы и уничтожить левую полу».

Между тем, каждый, кто прочтет ту страницу в труде Н. Я. Бичурина, на которую ссылается А. Д. Грач, увидит обратное³⁹. Вот что там сказано: «Владетель возвратился в свои владения и издал повеление следующего содержания: «Мы до сего времени, обитая в пустынных пределах, распускали волосы⁴⁰ и носили левую полу наверху (т. е. следовали обычаям тюрк.— Л. К.). Ныне Дом Суй единодержавствует, и вселенная соединена в одно царство. Я уже принял обычаи просвещенного народа (т. е. китайцев.— Л. К.); подданным моим также надлежит расплести косы и уничтожить левую полу». Император, узнав об этом, похвалил владетеля и издал следующий указ: «Владетель Кюй Бо-я по происхождению есть китаец и наследственно царствует в западной земле. Прежде, по причине многих трудных обстоятельств, он одевался по-тукюески. Но с того времени, как наш Дом Суй утвердил единодержавие во вселенной, Бо-я, преодолев препятствия, перешел пески и явился к нашему Двору с дарами, уничтожил левую полу и распустил крылья на кафтане; отменил кочевые обыкновения и принял китайские. И так должно наградить его одеянием и шляпою, и снабдить образцами для покроя», а далее говорится, что хотя Бо-я, «в удовольствие китайскому Двору, издал вышеописанное повеление, но страшась тйелэсцев (тюрк.— Л. К.), не смел переменить одеяния»⁴¹.

³³ Л. В. Гребнев. Ук. соч., стр. 49—50. Любопытно, что в более ранней статье (Каменные изваяния западной Тувы. Сб. МАЭ, XVI, 1955, стр. 422) А. Д. Грач горячо и правильно ратовал за различие терминов «кижикѳжэ» (каменное изваяние) и «кѳжэ» (каменная стела).

³⁴ Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка, стр. 140, 1182. В Тувинско-русском словаре (М., 1955, стр. 242) правильно дано первое значение — «надмогильная плита» и неверно второе — «каменная баба».

³⁵ Хакасско-русский словарь. М., 1953, стр. 87.

³⁶ Монгольско-русский словарь. Под ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957, стр. 557.

³⁷ Там же, стр. 636.

³⁸ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., I, стр. 229.

³⁹ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., II, стр. 254.

⁴⁰ Примечание Н. Я. Бичурина (т. II, стр. 254, прим. 2): «Т. е. заплетали в косу, спускаемую назад; китайцы, напротив, собирали волосы в пук, связанный на макушке».

⁴¹ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., II, стр. 254—255.

Тот же текст повторен в Суйшу⁴², а позднее в Таншу также сообщается, что гаочанцы «волосы заплетают в косу, свешиваемую назад»⁴³.

Из этого следует, что тюрки-тугю не только носили наверху левую полу, но и, учитывая цитированное примечание Бичурина, носили свешивающуюся назад косу («распущенные волосы», по Чжоушу и Суйшу), в отличие от китайцев, укладывавших волосы на макушке.

Для чего понадобилось А. Д. Грачу заведомо исказить свидетельство первоисточника? Для того, чтобы заявить: «Косы, обнаруженные на ряде изваяний, еще раз подтверждают, что изваяния не являются портретными изображениями самих тюрков, а представляют собой изображения их врагов» и что «наличие косы на изваянии — это деталь, лишняя раз говорящая о стремлении подчеркнуть чуждую этническую принадлежность изображаемых людей» (стр. 79).

На самом деле, мужчины тюрк-тугю носили косы. Это подтверждается и другими данными китайских источников, переведенных Лю Мау-цаем. Комментируя цитированное выше свидетельство Чжоушу об обычаях тюрков, Лю Мау-цай утверждает, что «понятие бейфа (свисающие волосы) употреблено здесь в смысле бьен-фа (косы)», и указывает, что это было еще в 1929 г. доказано К. Ширатори⁴⁴. Кроме того, в письме китайскому императору в 585 г. каган Шаболю высказал сожаление, что он не в состоянии изменить укоренившиеся обычаи тюрков и «уничтожить косы», которые они носят⁴⁵. Еще одним свидетельством этого являются факты из биографии сына императора Тайцзуна, который в детстве любил язык, одежды и обычаи тугю, жил в юрте и заставлял участников своих игр носить овечьи шубы и косы для полного сходства с тюрками-тугю⁴⁶. О тюрках «с заплетенными в косы волосами» писал и посетивший их в VII в. Сюань Цзан⁴⁷.

В свете вышеизложенного становится очевидной тенденциозность метода А. Д. Грача в изучении древнетюркских изваяний; факты подбираются, чтобы обосновать заранее принятую концепцию. Книга А. Д. Грача способна ввести в заблуждение читателей, не знакомых с первоисточниками. Она усиливает разнобой в археологической литературе по вопросу о назначении древнетюркских каменных изваяний. Это заставило меня выступить в защиту изваяний, составляющих ценную группу археологических памятников, соорудившихся древними тюрками и изображавших их умерших героев.

Л. Р. Кызласов

* * *

Так называемые «каменные бабы» давно утратили свою былую таинственность и загадочность, тем не менее интерес к ним не ослаб и в наши дни. Это объясняется, в первую очередь, некоторыми противоречиями и неясностями в толковании их семантики. Вопросам семантики древнетюркских изваяний уделяется главное внимание в рецензируемой книге. Однако этим не исчерпывается содержание богатой новым материалом монографии, которая является серьезным вкладом в археологию Южной Сибири и вызовет интерес не только у специалистов, но и широкого круга читателей.

В первой главе подробно описываются изваяния и связанные с ними культовые сооружения — «оградки», исследованные автором в течение восьми полевых сезонов его работы в Туве. Словесное описание дополняют хорошо воспроизведенные фотографии и рисунки, которые дают полное представление о материале. В описании много лишнего. Следовало бы пожелать автору строить его более сжато, без многочисленных повторов («изваяние № ...»), выработать унифицированную систему описания, словом — всячески подчинять структуру описательной части ее справочному назначению, чтобы читатель мог без труда найти нужное ему место.

В последующих главах автор рассматривает вопросы классификации, датировки, этнической принадлежности и семантики.

Опубликованные в книге изваяния подразделяются во второй главе на две группы: 1) изображения человеческой фигуры полностью, 2) изображение человеческой головы или лица. Признавая такую группировку допустимой, отметим ее недостатки. Во-первых, автор слишком часто пользуется термином «тип» (типы изваяний, типы головных уборов, типы серег и т. д.). Вряд ли это уместно, когда речь идет в общем-то об одном типе памятников и об анализе частных деталей их. Думается, что в данном случае было бы правильнее говорить не о типах, а о группах изваяний.

Во-вторых, хотелось бы видеть классификацию не только фигур, исследованных и опубликованных в рассматриваемой книге, но и памятников из других районов Южной Сибири и Монголии, а также Синьцзяна, Семиречья и Тянь-Шаня. В этом случае автор не мог бы не обратить внимания на иконографические мотивы, не представленные в тувинской серии изваяний, но имеющиеся в других сериях (сидячие фигуры, фигуры с

⁴² Н. Я. Бичурин. Ук. соч., II, стр. 280.

⁴³ Там же, стр. 290.

⁴⁴ Liu Mau-t'ai. Ук. соч., II, стр. 495, прим. 43; K. Shiratori. The Queue Among the People of North Asia. Memoir Tôyô bunke, 1929, № 4.

⁴⁵ Liu Mau-t'ai. Ук. соч., I, стр. 53; II, стр. 528—529.

⁴⁶ Там же, стр. 283 и 467.

⁴⁷ Ю. А. Зуев. Китайские известия о Суябе. Изв. АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии, вып. 3. Алма-Ата, 1960, стр. 88.

птицами, фигуры без оружия, женские фигуры), и его классификация стала бы более полной.

В-третьих, неясны цели, которые ставил перед собой А. Д. Грач, предлагая свою классификацию. На наш взгляд, она не стала инструментом для исследования, ибо датировка изваяний рассматривается независимо от выделенных групп, а в дальнейшем автор пользуется как бы еще одной классификацией, подразделив изваяния по способу их установки: изваяния при оградках VII—VIII вв. и одиночные статуи (VIII—IX вв.). Рассмотрение вопросов семантики также не опирается на предложенную классификацию, поскольку все изваяния отнесены к разряду балбалов — изображений поверженных врагов.

Предложенное в книге хронологическое членение изваяний на две группы (VI—VIII и VIII—IX вв.) основано на детальном анализе форм предметов, изображенных на изваяниях, и их сопоставлении с вещами¹, найденными при раскопках в Туве, Южной Сибири и на других территориях, входивших в древности в состав каганата. Раскопки и исследование тюркских курганов Тувы проводились также и самим А. Д. Грачом, и очень жаль, что в книге нет сводной таблицы рассматриваемых типов вещей (сосудов, оружия, серег и т.д.). Она давала бы наглядное представление о хронологических выкладках автора, и намеченная им периодизация была бы более убедительной.

Главное место в книге, как это уже отмечалось, уделено вопросам семантики, и здесь А. Д. Грач мобилизует максимальное количество доводов для доказательства того, что изваяния не являются изображениями самих тюрков, а олицетворяют поверженных ими врагов. Вообще эта точка зрения не нова, но А. Д. Грач идет дальше своих предшественников, давая социально-политическую оценку этому обряду. Изваяния, по его мнению, должны были напоминать потенциальным врагам каганата о его силе и мощи и об участи тех, кто пытался поднять руку на потомков легендарной волчицы. Кроме того, автор считает, что изображение врагов, побежденных тем или иным знатым тюрком, обеспечивало ему служителей в загробном мире. Хотя эта концепция у А. Д. Грача получает дополнительные обоснования, но всех возражений он не снимает. Тем не менее А. Д. Грач считает свои выводы бесспорными и претендует на истину в последней инстанции. Но с А. Д. Грачом можно и следует спорить. Если они верны, то впоследствии получат больше обоснований, если же нет — менее квалифицированный в этой области читатель не будет дезориентирован.

Отрывки из китайских хроник, описывающие погребальный обряд у тюрков, смущали многих археологов, изучавших каменные изваяния, и давали повод отождествить их с тем, что в тексте называлось «нарисованным обликом покойного»². У автора не вызывают сомнений отрывки из древнетюркских текстов. Не следует забывать, что все фрагменты текстов, где речь идет о балбалах, имеют до и после себя значительные лакуны, которые либо затрудняют смысловую реконструкцию текста, либо делают ее невозможной³. В отождествлении балбалов с каменными изваяниями автору следовало бы быть менее категоричным, ибо прямых свидетельств в пользу этого в древнетюркских текстах нет.

Что же касается историко-археологических доводов, которые привлекает автор для обоснования своей точки зрения, то не со всеми из них можно согласиться. Например, понимая буквально сообщение китайских хроник о том, что тюрки ходили с распущенными волосами, А. Д. Грач склонен полагать, что, изображая людей с косами, древние скульпторы стремились подчеркнуть чуждый тюркам этнический признак. Так же оцениваются и изображения особой формы коленчатых кинжалов. Исходя из того, что один из таких кинжалов найден в кыргызском погребении Уйбатского чаатаса, автор ставит вопрос: «Не означает ли это, что статуи, на которых показаны кинжалы «уйбатского» типа, изображают енисейских кыргызов-хягасов?» (стр. 79).

Хотелось бы предостеречь автора от поспешных этнических определений, руководствуясь следующими соображениями. Во-первых, тюрки носили не распущенные волосы, а заплетали их в мелкие косички, что явствует не только из письменных источников⁴, но и хорошо видно на ряде изваяний из Семиречья с изображениями такой прически. Правда, в тех случаях, когда речь идет об изваяниях с одной косой, возможно, автор и прав, но таких фигур очень немного, а их этническая принадлежность нуждается в более убедительных обоснованиях.

¹ Впервые этот метод датировки изваяний применил А. А. Спицын (К вопросу о каменных бабах. ЗРАО, X, 1—2, нов. серия., СПб., 1898), а не Л. А. Евтюхова, как об этом пишет А. Д. Грач.

² Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I, стр. 230. По просьбе А. Д. Грача контрольные переводы китайских текстов сделал Китаевед Р. Ф. Итс.

³ Следует указать на досадную опечатку, допущенную автором на стр. 75. Цитируя древнетюркский текст, А. Д. Грач опустил скобки у слова «изображение», которого в самом тексте нет, а оно вставлено С. Е. Маловым в порядке смысловой реконструкции. Неверно дана ссылка на источник. Этот текст на самом деле издан С. Е. Маловым в кн. «Памятники древнетюркской письменности». М.—Л., 1951, стр. 38.

⁴ Lu Ma u - t s a i. Die chinesische Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-Kue), II, Wiesbaden, 1958, стр. 459.

Во-вторых, коленчатые кинжалы не могут быть твердым этническим признаком уже хотя бы потому, что они известны на большой территории, что отмечает сам автор, и в частности, на изваяниях с изображением явно тюркской прически из Семи-речья, где неизвестны археологические памятники енисейских кыргызов. Следует также напомнить об оживленной торговле между кыргызами и тюрками, в частности о том, что тюрки у кыргызов покупали оружие⁵.

А. Д. Грач полагает, что антропологические исследования подтверждают его концепцию. Однако для бесспорных антропологических заключений необходимо располагать большими сериями материала, позволяющими использовать статистический метод. Пока же антропология такими сериями не располагает.

Изложенные выше соображения позволяют не согласиться с тем, что все изваяния являются балбалами, т. е. изображениями поверженных врагов.

Таким образом, подводя итог рассмотрению новой книги, можно отметить, что А. Д. Грач собрал и опубликовал большой и интересный материал. Однако следует упрекнуть автора за односторонний подход к объяснению изваяний. Следовало бы рассмотреть и другие возможные варианты их семантики. Научный спор, который насчитывает уже более чем полустолетнюю давность, может быть решен только на базе новых открытий, мобилизации разносторонних источников и новых методических приемов исследования.

Я. А. Шер

⁵ Н. В. Кюнер. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII—VIII вв. Зап. Хакас. НИИЯЛИ. 2, Абакан, 1951, стр. 12.

И. В. Трофимов. Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры. Исследования и реставрация, Госстройиздат, 1961.

Как поясняет автор в предисловии, труд его является опытом систематизированного изучения памятников архитектуры на основе материалов реставрационных работ 1938—1950 гг. Автор выражает надежду, что «сделанные в процессе этих работ отдельные открытия, наблюдения и выводы, а также описание производственных процессов и некоторые обобщения по методике реставрационных работ могут принести... практическую пользу архитекторам, историкам, искусствоведам и дать широкому кругу читателей сведения о формировании и сооружениях одного из замечательнейших древнерусских ансамблей, историей своей неразрывно связанного с историей русского государства, русского народа и русской культуры».

В этих словах кратко, но исчерпывающе изложены содержание и цель труда. Великолепное оформление книги, прекрасные иллюстрации, теснейшим образом связанные с текстом, во многом обуславливают успех в достижении поставленной цели. В книге 211 рисунков в тексте и 47 таблиц, восемь из которых, не считая фронтисписа, выполнены в цвете.

В первой главе излагается история одного из крупнейших русских монастырей — Троице-Сергиевой лавры, история сложения на протяжении четырех веков одного из замечательнейших ансамблей русской архитектуры, украшающего в наши дни небольшой подмосковный город Загорск. Очерк солидно обоснован ссылками на письменные источники, а также иконографическим материалом: к первым относятся архивные материалы, «Житие» основателя монастыря Сергия Радонежского, отзывы иностранцев, посещавших начиная с XVI в. Лавру как одну из достопримечательностей Московии; ко вторым — иконы и гравюры XVII—XVIII вв. с изображениями архитектурного ансамбля монастыря.

В той же главе автор знакомит читателя с некоторыми из своих открытий, наблюдений и выводов. Важнейшим из них надо признать смелый вывод, что древнерусские зодчие и строители тонко знали систему «золотых отношений» и применяли золотое сечение к отысканию пропорций не только в отдельных сооружениях, но и при построении ансамблей. Автор считает, что «золотая закономерность» существует как во всем ансамбле Лавры, так и в отдельных ее памятниках. «Не имеет значения, — пишет автор, — от древних ли греков, через Византию, стало известно русским золотое сечение, или сами по себе они открыли этот закон совершенной пропорциональности. Важно то, что они блестяще применили его и с его помощью сделали свое творение частью природы» (стр. 20).

Во второй главе, названной «О методике реставрационных работ 1938—1950 гг.», говорится о том, как ансамбль был искажен во время безжалостного уродования архитектурных памятников в XIX и начале XX столетий. Узнает читатель и о том, что работы по восстановлению памятников в их первоначальном виде начались еще в 1919—1920 гг., после образования в 1918 г. Коллегии по охране памятников старины и искусства и после подписанного В. И. Лениным 20 апреля 1920 г. декрета Совнаркома о том, что все находящиеся в пределах Лавры историко-художественные здания и ценности обращаются в музей, находящийся в ведении Народного Комиссариата Просвещения.

Первые реставрационные работы велись без единого плана. Лишь с 1938 г. началась систематическая работа по общему генеральному плану, составленному на 1939—1943 гг. Она продолжалась и в военные годы и в основном была завершена в 1950 г. Итоги этой работы и подводит книга И. В. Трофимова.

В генеральном плане предусматривались работы двоякого рода: 1) работы, носившие характер восстановительный или инженерно-профилактический, имевшие целью укрепление отдельных частей сооружений во избежание аварий, и 2) работы в строгом смысле реставрационные, предполагавшие разработку проекта на основе археологических и документальных данных и возвращавшие зданию утраченный древний облик.

Троице-Сергиева лавра была в свое время не только одним из крупнейших и богатейших монастырей, но и первоклассной крепостью, выдержавшей шестнадцатимесячную осаду во время польской интервенции начала XVII в. К середине века стены и башни монастыря после капитального ремонта и перестройки приняли тот вид, какой они в основном сохранили до наших дней. Крепостным стенам и башням посвящена третья глава книги И. В. Трофимова. В ней дана общая характеристика крепости и производившихся в ней работ, выяснены ее строительные и фортификационные особенности, описаны новые открытия (обнаружен остаток белокаменной бермы крепостного рва, вскрыты каналы, по которым проходили несохранившиеся деревянные связи и т. п.). Очень важно добавить, что глава дополняется многочисленными иллюстрациями: чертежами и рисунками XVIII и XIX вв., современными обмерами, произведенными автором книги и его помощниками; photographиями стен и башен до реставрации, в процессе работ и в современном виде. Прекрасные фотографии Утичьей, Плотничьей и Пятницкой башен показывают все разнообразие их форм, и не только фортификационные, но и чисто архитектурные, художественные их достоинства.

Далее автор располагает главы в порядке возникновения памятников: Троицкого собора XV в. (гл. IV), Духовской церкви того же века (гл. V), Успенского собора XVI в. (гл. VI), Больничных палат с церковью Зосимы и Савватия XVII в. (гл. VII), Трапезной (гл. VIII) и Чертогов (гл. IX) того же века и, наконец, Митрополитских покоев и колокольни XVIII столетия (гл. X). В каждой из глав — свои открытия, наблюдения и выводы. Особенно важные открытия были сделаны при реставрации Духовской церкви. Исследования подтвердили мысль о том, что Духовская церковь была построена на месте деревянной Троицкой, после возведения Троицкого собора. Открытие остатков древнего дозорного верха и окон-бойниц позволило сделать вывод о том, что церковь с ее мощными стенами имела не только культовое, но и боевое значение как своего рода мощная сторожевая башня внутри крепости (стр. 20).

Наиболее обширна седьмая глава книги. В ней описана реставрация — второе рождение одного из немногих сохранившихся памятников гражданской архитектуры допетровских времен — Больничных палат с включенной в их комплекс шатровой церковью Зосимы и Савватия. Замечательный памятник был скрыт от глаз исследователя позднейшими застройками. Он был сильно искажен еще в XVIII в. после перестройки линии келий по указу императрицы Елизаветы Петровны. В середине XIX в. надстройкой третьего этажа первоначальные формы здания были окончательно скрыты. Только протест Московского археологического общества спас здание в 1915 г. от проекта надстройки еще и четвертого этажа.

Как велика была научная и творческая работа, о которой подробно рассказано в седьмой главе труда И. В. Трофимова, показывает страница 127 книги, где сопоставлены виды южного крыла Больничных палат в 1937 и 1949 гг. До реставрации это был унылый серый корпус, характерный для архитектуры второй половины прошлого века. После реставрации он превратился в нарядный бело-красный терем, украшенный наличниками окон, обрамлением входа и «пилой» карниза. На других страницах главы помимо воспроизведений проектов реставрации здания, обмерных чертежей со всеми их деталями, шаблонов и моделей, особенно интересны фотографии, воспроизводящие весь процесс реставрационных работ. При восстановлении этого в высшей степени оригинального сооружения автору, по его свидетельству, помогла найденная им «сложная и стройная система пропорций, построенных в золотом сечении, отличающая это сооружение (см. табл. 47) и гармонически объединяющая его части в прекрасно завершенный архитектурный организм». (Пропорции золотого сечения, обнаруженные им также в Троицком соборе и в Духовской церкви, наглядно показаны на рис. 28 и 63.)

Менее сложными были работы, производившиеся на двух других памятниках Лавры: монастырской трапезной и царском дворце, издавна получившем название Чертогов. Тем не менее и там были сделаны свои открытия: первоначальный опорный столб гультыца трапезной с базой, капителью и частью архивольты, остатки стесанных пилястр фасада Чертогов и др. Фасадам обоих зданий была возвращена полихромная пышность, характерная для последних десятилетий XVII в. — времени их сооружения.

Не очень большими по объему были работы по реставрации мало изменившихся с XVIII в. Митрополитских покоев и колокольни Лавры, описанные в X главе книги. Но открытия были сделаны и здесь. При обследовании Митрополитских покоев выяснилось, что в то время как северный фасад имеет архитектурные формы XVIII столетия, остальные фасады здания носят следы более древнего времени (стр. 174). Колокольня сохранила в основном формы, которые она получила по проекту архитектора Д. В. Ухтомского, но в течение двух веков меняла неоднократно свою окраску: судя по архивным

документам, приведенным в книге, ее красили то «краскою дикою», то «празеленью», то «все здание в розовый цвет; выступы, колонны, оконные сандрики в белый цвет, а цоколь под цвет камня дикаря» (стр. 241). Особого внимания реставраторов потребовал белокаменный цоколь колокольни, разрушенный во многих местах.

Последняя глава книги заканчивается заслуженной характеристикой этого выдающегося памятника Лавры: «Являясь завершающим звеном лаврского строительства периода его расцвета (1422—1769), колокольня объединила веками слагавшийся комплекс, придав необыкновенную выразительность его силуэту и завершив архитектурную композицию ансамбля».

В кратком «Заключении» еще раз повторяются слова В. И. Ленина, предваряющие, как эпиграф, и всю книгу: «Только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру». Точные знания дает читателю и основательный добросовестный труд И. В. Трофимова — результат многолетних работ по выполнению генерального плана реставрационно-восстановительных работ памятников Загорска.

Думается, что круг читателей, которым эта книга может принести практическую пользу, шире очерченного автором на первой ее странице. Книга необходима для архитекторов, так как дает им точные знания в области древнерусского зодчества и инженерного искусства, знакомит их с творческими методами и строительными приемами древнерусских мастеров. К творческим методам, по убеждению автора, относится и пропорционирование при помощи отрезков, полученных согласно простой геометрической пропорции в результате золотого сечения в крайнем и среднем отношении. Метод, использованный автором книги при реставрации памятников, применяли в творческой деятельности такие крупнейшие архитекторы современности, как Ле Корбюзье за рубежом, а у нас И. В. Жолтовский. Книга интересна для историков и археологов, потому что они найдут в ней исторические и архивные документы, успешно использованные автором труда и его сотрудниками и помощниками по реставрационным работам. Книга полезна и для историков русской архитектуры, которым она сообщает новые сведения о первоклассных памятниках древнерусского зодчества и дает возможность отвести им надлежащее место в истории архитектуры (так, после уточнения даты строительства Духовской церкви и открытия ее дозорно-боевого назначения памятник правомерно занимает место между Троицким собором в Лавре и известной церковью в подмосковном селе Дьякове).

Что же касается широкого круга неспециалистов, которых могла бы заинтересовать книга И. В. Трофимова, то нужно иметь в виду и зарубежных туристов, для которых посещение Загорска стало почти обязательным: иллюстрации настолько многочисленны и убедительны, что книга понятна и без перевода (впрочем, подписи под иллюстрациями на западноевропейских языках повысили бы ее ценность).

Труд И. В. Трофимова — ценный вклад в литературу по истории искусства и архитектуры замечательных памятников культуры нашей Родины.

А. И. Венедиктов

Хроника

СЕССИЯ ОИИ АН СССР, ПОСВЯЩЕННАЯ ПОЛЕВЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ 1962 г.

С 19 по 25 апреля 1963 г. в Минске состоялась Сессия Отделения исторических наук АН СССР, Пленум Института археологии и расширенное заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР совместно с Отделением общественных наук АН БССР, Институтом истории и Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук БССР. В работе Сессии приняло участие свыше 400 человек, представляющих научные учреждения всех союзных республик (кроме Грузинской ССР), научно-исследовательские институты автономных республик и областей, вузы и музеи около 100 городов нашей страны.

На сессионных и пленарных заседаниях были заслушаны доклады, посвященные важным проблемам археологии, этнографии и результатам полевых исследований, проведенных в различных областях нашей страны. Сессия открылась докладом директора Института археологии АН СССР академика Б. А. Рыбакова «Археология и этнография в системе исторических знаний». Большинство докладов естественно было посвящено археологии и этнографии Белоруссии. С докладом «Итоги и задачи археологического изучения БССР» выступил директор Института истории АН БССР И. С. Кравченко (Минск). Докладчик отметил, что в результате планомерно проводимых полевых исследований в Белоруссии открыты ранее не известные памятники, которые являются новым источником для воссоздания истории Белоруссии, а также имеют огромное значение для решения проблемы этногенеза славян.

Памятникам древнего зодчества были посвящены доклады Н. Н. Воронина и М. К. Каргера. М. К. Каргер (Ленинград) в докладе «Памятники древнего зодчества Белоруссии» отметил, что в Полоцке, Минске, Витебске, Гродно и других городах сохранились многочисленные памятники архитектуры XI—XIII вв., имеющие выдающееся историко-культурное значение и позволяющие воссоздать яркую, самобытную школу зодчества. Так, открытые в 1961, 1962 гг. остатки древнего храма в Новогрудке свидетельствуют о своеобразии строительной техники, не повторяющей приемы других древнерусских школ. Новые археологические находки непрерывно расширяют состав памятников древней архитектуры на территории Белоруссии.

Доклад Н. Н. Воронина (Москва) «Новый памятник смоленской архитектуры XII—XIII вв.» был посвящен исследованию выдающегося памятника смоленского зодчества XII—XIII вв., имеющего огромное значение для истории русской архитектуры этой поры в целом. Хорошо сохранилась фресковая роспись, дающая представление о смоленской монументальной живописи XII—XIII вв. Особый интерес представляют граффити, связанные с историей смоленской церкви. Памятник датируется концом XII—началом XIII в.

В. Р. Тарасенко (Минск) рассказал о состоянии охраны памятников культуры в БССР. Совет Министров БССР принял специальное решение об охране памятников культуры. Однако, отдельные исполкомы и многие хозяйственные организации проявляют мало заботы об охране памятников и нарушают постановления. Об этом свидетельствует ряд фактов, в частности ничем не оправданное уничтожение в 1962 г. выдающегося образца полоцкой архитектурной школы XII в.— Благовещенского собора.

В работе Сессии особенно следует отметить обсуждения обобщающих докладов, посвященных изучению закономерностей развития человеческого общества на ранних этапах его развития, а также вопросам этногенеза.

С докладом «Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность» выступил лауреат Ленинской премии доктор исторических наук Е. И. Крупнов (Москва). Докладчик отметил, что при сводном изучении истории разноязычного Кавказа раньше всего встает одна из кардинальных этнографических задач — проблема происхождения основных, коренных кавказских народов, ныне образующих особую языковую группу, так называемую «киберийско-кавказскую» семью языков. Исторической разработке и научному освещению этой проблемы способствует изучение культуры Кавказа III тыс. до н. э., являющееся одним из важнейших достижений кав-

казской археологии советского периода. Для успешного решения этой проблемы потребуется приложение усилий археологов, антропологов и лингвистов.

Оживленную дискуссию вызвал доклад В. В. Седова (Москва) «Гидронимика и археология средней полосы Восточной Европы», являющийся интересной попыткой сопоставить территории распространения гидронимов с археологической картой второй половины I тысячелетия н. э. Материал гидронимики, по мнению докладчика, неоспоримо свидетельствует о том, что дославянским населением территории Белоруссии, Верхнего Поднепровья, значительной части Поволжья и западных районов Волго-Окского междуречья были племена, принадлежавшие к балтийской группе племен.

Об уникальных находках в сарматских курганах Ростовской области сделала сообщение С. И. Капошина (Ленинград). При раскопках кургана, находящегося близ Новочеркасска, были обнаружены два бронзовых котла, бронзовая италийская ваза, глиняная амфора, а также большой серебряный сосуд, перекрывавший восемь серебряных чаш, и золотые украшения конской узды. В грабительском ходе были собраны мелкие золотые бляшки, украшавшие одежду погребенного, и железный умбон от щита. Находки в сарматских курганах античных художественных вещей свидетельствуют об оживленных торговых и культурных связях Нижнего Подонья с античным миром.

Особый интерес вызвал доклад Б. А. Колчина (Москва) «Методы естественных наук в археологии». Применение методов естественных наук открывает огромные перспективы в изучении техники хозяйства и производительных сил древних обществ. В настоящее время применяются радиоуглеродный, археомагнитный и дендрохронологический методы для датировок. Структурный анализ в археологии широко использует металлографию и петрографию; пылевой, почвенный и другие биологические анализы позволяют более полно реконструировать палеографические и палеоклиматические условия древних исторических эпох. Агробиологический анализ зерновых материалов довольно полно воссоздает системы древнего земледелия. В полевой практике археологов могут широко применяться различные геофизические методы разведки археологических памятников, а также акустический метод изучения культурного слоя.

С большим интересом участниками Сессии было заслушано сообщение Б. Б. Пигровского (Ленинград) (только что вернувшегося из ОАР) об итогах археологических исследований в зоне затопления Асуанской ГЭС в ОАР и в Судане. Экспедиция открыла ряд не известных до сих пор древнейших надписей, новые поселения, могильник.

На пленарных заседаниях Института археологии АН СССР и Института истории БССР оживленную дискуссию вызвал доклад Ю. В. Кухаренко (Москва) о могильнике Брест-Тришин. Докладчик отметил, что этот могильник, как подобные ему памятники на территории Полесья и на соседней ей с юга — Волыни, в культурно-историческом отношении составляют одно целое с памятниками так называемой готско-гепидской культуры Нижнего Повисленья и появились на нашей территории в результате переселения сюда какой-то части нижневисленского населения. Имеющиеся данные дают возможность предполагать, что среди пришельцев помимо готов и других германских племен находились также и славяне.

Ряд докладов был посвящен древнерусским городам (Г. В. Штыхов «Археологическое изучение Полоцка»; П. И. Засурцев (Москва) «Усадьбы древнего Новгорода»; Ф. Д. Гуревич (Ленинград) «Древнерусский Новогрудок» и другие).

Н. Н. Гурина (Ленинград) сообщила об исследовании неолитической шахты по добыче кремня. Эти исследования позволили получить интересные данные о конструкции шахт, об орудиях, с помощью которых производилась добыча кремня, и о первичной обработке добытых материалов.

Доклад И. И. Артеменко (Москва) «Верхнее Поднепровье в эпоху позднего неолита и бронзы» был посвящен памятникам позднего неолита и особенно эпохи бронзы Верхнего Поднепровья, представляющим особенный интерес для проблемы этногенеза восточных славян.

Среднеднепровская культура, исследованием которой занимается докладчик, входит в область распространения «культур шнуровой керамики», или «культур боевых топоров», племена которых, по мнению многих археологов, лингвистов и антропологов, представляли собой одну из групп древних индоевропейцев — предков славян, балтов и германцев.

Большое число докладов было обсуждено на секционных заседаниях. Всего работало 6 секций: палеолита и мезолита; неолита, энеолита и бронзы Европы; неолита и бронзы Кавказа и Азии; железного века северо-западных районов СССР; железного века юга и востока СССР; секция нумизматики.

По окончании Сессии была принята резолюция, отметившая значительные успехи полевых исследований в 1962 г., и в частности археологических исследований, проводимых на территории Белоруссии. Было также отмечено как положительный фактор проведение итоговых сессий в различных городах и республиках СССР (в данном случае — в Минске), что несомненно способствует усилению координации и комплексности исследований.

Г. Ф. Соловьева

ВЛАДИМИР ГОЛУБОВИЧ

7 апреля 1962 г. после тяжелой операции сердца в Стокгольме скончался известный польский археолог, руководитель Вроцлавского отделения института археологии Польской академии наук, заведующий кафедрой археологии Вроцлавского университета и член многих научных обществ, профессор Владимир Голубович. Из жизни ушел крупный ученый, хорошо известный в Советском Союзе как по работам (многие из которых посвящены Белоруссии), так и по личным контактам (в течение ряда лет В. Голубович работал в нашей стране).

В. Голубович родился 20.VI. 1908 года в Екатеринодаре (ныне — Краснодар). Сдав экзамен на аттестат зрелости в 1928 году в Вильно, он поступил в Виленский университет на факультет права, однако вскоре перешел на факультет гуманитарных наук. Научная деятельность В. Голубовича началась в археологическом музее Виленского университета в 1932 году, а через год им была напечатана уже первая научная работа. 30 печатных работ, вышедших из-под пера В. Голубовича до второй мировой войны, показывают как постепенно формируются его интересы, все более концентрируясь на раннесредневековой тематике, которой он в основном занимался все последующее время.

Более всего в этот период автора интересуют вопросы, связанные с ранним средневековьем восточнославянского мира. Он публикует статьи о древней славяно-литовской границе, о своих исследованиях на Виленщине, о древнейших местах поселений в Вильно, а также о технике керамического производства восточнославянских племен. Совместно с Е. Голубович, автор занимается раскопками курганов в Западной Белоруссии, проводит обширные археологические разведки, неутомимо собирает данные по местной топонимике и этнографии, горячо выступает в пользу охраны археологических памятников. В 1933, 1939 и 1940 годах он проводит археологические исследования на территории древнего Вильно.

После второй мировой войны В. Голубович первое время работал в Белорусской академии наук, участвовал в первых раскопках древнего Минска и подготовил к печати историю этого города. Некоторое время он также работал над материалами раскопок И. Модковского и Зд. Дурчевского в Гродно. По возвращении в Польшу в 1946 году ученый переключается на западнопольскую тематику. Однако работы в Белоруссии им не были забыты: в 1950 году он публикует серьезный труд по гончарному ремеслу Западной Белоруссии.

В послевоенные годы В. Голубовичем написано основное количество его печатных работ (86). Выходят из печати его исследование о методике изучения культурного слоя (1948 г.), о гончарном производстве в Западной Белоруссии (1950 г.), об Ополе в X—XII вв. (1956 г.), о методике публикации археологических источников (1958 и 1961 гг.) и большое количество более мелких работ. Им были развернуты широкие археологические исследования в Западной Польше и в Германской Демократической Республике. Большие раскопки в Ополе привели к открытию многих средневековых деревянных построек, интереснейших деревянных изделий и т. д. В. Голубович скончался в расцвете творческих сил, не завершив двух частично уже написанных работ теоретического и методического характера.

Л. В. Алексеев

А. П. ИВАНОВА

30 марта 1963 г. после тяжелой болезни, в полном расцвете творческих сил скончалась доктор исторических наук Анна Павловна Иванова, сотрудница Института археологии Академии наук УССР.

А. П. Иванова родилась в Ленинграде в 1903 г. в семье учителей начальной школы. Лишившись в детстве родителей и рано начав трудовую деятельность, Анна Павловна прошла нелегкий жизненный путь. В 1925 г. она окончила Ленинградский государственный университет по отделению археологии и истории искусства, совмещая учебу с работой в музеях Ленинграда. Впоследствии вся ее научная и педагогическая деятельность была посвящена изучению античного искусства.

Знание европейских и древних языков, серьезная искусствоведческая школа, полученная в аспирантуре Эрмитажа под руководством О. Ф. Вальдгауэра, позволили ей внести ценный вклад в изучение искусства Северного Причерноморья античной эпохи.

А. П. Иванова вела большую педагогическую работу в Академии художеств, Педагогическом институте имени Герцена и Ленинградском государственном университете. С 1957 г. она непрерывно работала в Крыму старшим научным сотрудником Института археологии АН УССР.

В течение ряда лет А. П. Иванова принимала участие в работах Боспорской археологической экспедиции. Она была крупным специалистом в области античной археологии Северного Причерноморья и истории античного искусства. Ивановой опубликовано около 40 научных работ, в том числе две монографии. Она подготовила к печати большую работу о провинциальной римской живописи.

В исследовательской работе А. П. Иванова особое внимание уделяла таврским и скифо-сарматским элементам в античном искусстве Северного Причерноморья, отражению образов греческой и местной мифологии в живописи и скульптуре Боспора и Херсонеса, занималась анализом художественных изделий из дерева и кости. Ее многолетние работы по этим вопросам были подытожены в монографии «Скульптура и живопись Боспора», опубликованной в 1961 г. В этой работе дан анализ боспорских росписных стел IV—III вв. до н. э., статуи богини Астары и ряда других памятников, многие из которых опубликованы впервые.

В последние годы А. П. Иванова занималась изучением и классификацией почти неопубликованной коллекции скульптуры античного Херсонеса. Написанная ею книга «Скульптура Херсонеса» осталась незавершенной. Подготовка этого труда к печати — долг ее товарищей по работе.

Наряду с научными исследованиями А. П. Иванова вела большую общественную работу; много времени уделяла созданию лапидария в Херсонесском музее, читала научно-популярные лекции по вопросам искусствоведения и атеизма, давала консультации, составляла рецензии и была редактором многих научных и научно-популярных работ.

Вся деятельность А. П. Ивановой — образец неустанного служения науке. В нашей памяти она остается примером бодрости, жизнерадостности, трудолюбия и скромности.

Группа товарищей

П. Ф. ТАРАСЕНКА

17 мая 1962 г. скончался известный литовский археолог Пятрас Федорович Тарасенка.

П. Ф. Тарасенка родился 7(20) декабря 1892 г. в Литве, в селе Каралишкяй, бывшего Укмергского уезда, в семье крестьянина. В 1912 г. он окончил учительскую семинарию в г. Паневежис и до 1919 г. работал учителем сначала в Литве, а затем в Пскове. Вернувшись после войны в Литву, он был мобилизован в буржуазную армию, где служил офицером в отделе просвещения. В 1932 г. Пятрас Федорович ушел на пенсию. После восстановления советской власти в Литве в 1941 г. П. Ф. Тарасенка включился в активную археологическую работу в Учреждении по охране памятников, потом в Военно-историческом музее и в отделе археологии в Художественном музее г. Каунаса.

П. Ф. Тарасенка начал интересоваться прошлым родного края еще будучи учеником учительской семинарии. Много внимания Пятрас Федорович уделял охране памятников культуры и популяризации археологической науки.

Первая статья П. Ф. Тарасенка, опубликованная в 1922 г., была посвящена охране памятников Литвы («Программа изучения памятников археологии Литвы»). После этого им написано и напечатано в различных журналах и газетах более ста статей по охране памятников. Кроме того, Пятрас Федорович издал две популярные книги по охране и изучению памятников Литвы: «Родная старина» (1925) и «Доисторическая Литва» (1927).

В 1928 г. вышли в свет подготовленные П. Ф. Тарасенка «Материалы по археологии Литвы» с картой археологических памятников Литвы. До сих пор эта работа является основным источником для составления списка археологических памятников Литвы.

П. Ф. Тарасенка много занимался изучением городищ Литвы. Как член Археологической комиссии Литвы он в 1932 и 1933 гг. провел первые раскопки городищ северо-восточной Литвы — Возгеляй и Великушкес. Кроме того, он обследовал и зафиксировал почти все городища Литвы. Изучению городищ Литвы посвящено много работ П. Ф. Тарасенка, в том числе обобщающий труд «Городища Литвы», опубликованный в 1956 г. Результаты своей деятельности П. Ф. Тарасенка намеревался обобщить в многотомном труде о литовских городищах, но не успел это сделать. Им был сдан в печать лишь первый том — «Городище в Ужнемуне» (юго-западная Литва). Подготовлено к печати также «Городище в Дайнава» (юго-восточная Литва).

П. Ф. Тарасенка также интересовался историческими камнями с знаками и без них. Много статей написал он по этому вопросу, а в 1958 г. объединил их в одном труде «Стопы на камне».

П. Ф. Тарасенка был человеком живой фантазии и умел через археологические памятники видеть живого человека и показать его читателю. Посетители его раскопок и подали ему мысль, кроме научного труда, заниматься еще и научной беллетристикой. Первым его трудом этого рода была повесть для юных читателей, появившаяся в 1933 г., «Ворота прошлого», а позже — «В храме Перкунаса». К научной беллетристике П. Ф. Тарасенка вернулся лишь после Великой Отечественной войны. Тогда появилась книга «Заколдованные сокровища», которая была переведена также на русский, латышский и эстонский языки. Потом «Тайны больших Тируляй», «Бегство», «Колдун из Рамбинаса», еще не напечатанные «Клятва Витаутаса» и «Оборона Каунасского замка».

Всю свою жизнь П. Ф. Тарасенка являлся трудолюбивым исследователем памятников древности и их популяризатором, таким он останется в наших сердцах навсегда.

Р. К. Римантене